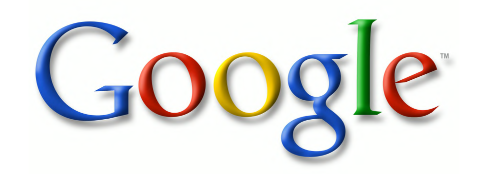
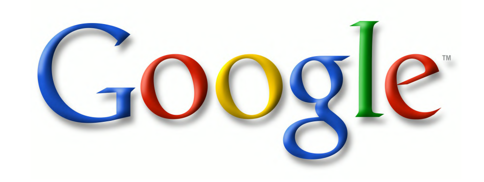
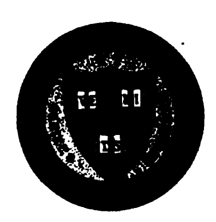

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

Дни минувшие и рѣчи
Ужь замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
(Наказъ Персидскаго Государя Насръ-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

«Пою... дондеже есмь».

Николая Барсукова

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 5 л., 28
1902

8139.

ПАМЯТИ

БРАТА МОЕГО

МИХАИЛА ПЛАТОНОВИЧА

БАРСУКОВА

ПОСВЯЩАЕТСЯ КНИГА СІЯ.

Описывая жизнь и труды М. П. Погодина, я не могъ не коснуться приснопамятнаго дѣянія въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II, —освобожденія крестьянъ въ Россіи. Хотя Погодинъ и не былъ въ числѣ лицъ, призванныхъ къ разрѣшенію этого труднаго дѣла, но онъ принималъ въ немъ весьма живое участіе, дѣйствуя и устнымъ, и печатнымъ словомъ.

Повѣствованіе объ освобожденіи крестьянъ, начатое мною еще въ XV-й книгѣ *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина*, доведено въ настоящей книгѣ (XVI-й) до учрежденія Редакціонныхъ Коммиссій, т.-е., до того времени, когда труды дѣятелей великой реформы получили свое полное, окончательное развитіе. И эта послѣдняя часть *трудной повѣсти* также окончена и вошла въ составъ приготовленной къ печати слѣдующей книги (XVII-й). Но я заранѣе считаю долгомъ заявить, что главнѣйшимъ, неисчерпаемымъ источникомъ описанія дѣятельности Редакціонныхъ Коммисій послужили мнѣ четыре фоліанта важнаго труда Николая Петровича Семенова, нынѣ изданнаго подъ заглавіемъ: *Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II-го.*

Къ сему источнику, уже оцѣненному современниками, постоянно будутъ притекать будущіе изслѣдователи и толкователи великой реформы.

При этомъ не могу не выразить и мою личную глубочайшую благодарность Николаю Петровичу Семенову, за преподанные мнѣ устные совѣты и указанія. Онъ не только про-

челъ въ рукописи все написанное мною объ освобожденіи крестьянъ, но и сдѣлалъ необходимыя дополненія и исправленія.

Не довольствуясь этимъ важнымъ источникомъ, я счелъ необходимымъ представить свой трудъ на разсмотрѣніе авторитетныхъ участниковъ и дѣятелей Редакціонныхъ Коммисій. Счастливый случай открылъ мнѣ доступъ къ одному изъ такихъ лицъ. Чрезъ посредство Княгини Екатерины Алексѣевны Святополкъ-Мирскій, Баронъ Давыдъ Францовичъ Винсперъ передалъ мою рукопись на прочтеніе Князя Ѳедора Ивановича Паскевича, и я имѣлъ утѣшеніе узнать изъ письма ко мнѣ Княгини Святополкъ-Мирской, что Князь Паскевичъ „вполнѣ одобряетъ все, что̀ мною написано, что описано совершенно правильно и что онъ не имѣетъ ничего ни прибавить, ни убавить".

Въ заключеніе считаю себя нравственно обязаннымъ пополнить списокъ лицъ, оказавшихъ мнѣ содѣйствіе словомъ или дѣломъ,—любезнымъ мнѣ именемъ, нашего представителя при Дворѣ Его Святѣйшества Первоосвященника Римскаго, Константина Аркадіевича Губастова.

Николай Барсуковъ.

14 Декабря 1901 г.
Москва.

14.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

.16

I.

Наступилъ 1858 годъ.

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ,

Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ,
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

Такъ привѣтствовалъ И. С. Аксаковъ наступившее новое лѣто.

Менѣе свѣтлыми надеждами преисполненъ былъ Погодинъ, и это отразилось въ записяхъ его *Дневника*:

Подъ *7 января 1858* года: „Наблюденіе надъ помѣщиками. Нужна баня пакибытія. Заѣзжалъ къ Аксаковымъ. Не вѣрю искренности. Старикъ говоритъ за эмансипацію по расчету, а внутри это жесточе помѣщика. Поутру писалъ письмо о крестьянахъ и думалъ“.

— *22* — —: „Сбирался писать о дворянахъ и думалъ. Долго думалъ. Не помутились ли мы! Господи! Исправь“.

„Сочувствуетъ ли Москва“,—спрашивалъ И. И. Давыдовъ Погодина—„великимъ и благотворнымъ намѣреніямъ государя-ангела? Прекрасный случай теперь представляется доказать патріотическія чувствованія, о которыхъ только говорить любятъ; а доходитъ до дѣла, такъ и назадъ. Я своему Зеленцыну въ двадцатыхъ годахъ все то сдѣлалъ, о чемъ нынче дворяне лишь начинаютъ думать, и то нехотя“.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что И. И. Давыдовъ съ молодыхъ лѣтъ своихъ желалъ освобожденія крестьянъ. Вотъ что писалъ Погодинъ, въ своихъ о немъ *Воспоминаніяхъ*: „Мнѣ случилось провести съ Давыдовымъ нѣсколько времени вмѣстѣ у Уварова въ Порѣчьѣ, и я узналъ его съ новыхъ двухъ сторонъ, которыя мнѣ очень полюбились, а именно, по въ высшей степени благодушному его обращенію съ прислугою, и по мыслямъ о необходимости уничтожить крѣпостное право“.

Баронъ М. А. Корфъ увѣрялъ Погодина, что и въ Петербургѣ никто не остается равнодушнымъ къ тому великому, гражданскому и человѣческому дѣлу, которое теперь представляется дворянству. „Дай Богъ только,—писалъ Корфъ—чтобы дворянство шло рука въ руку съ намѣреніями и ве-

ликою мыслію нашего государя; а Петербургу суждено тутъ болѣе роль свидѣтеля и судьи, нежели непосредственнаго дѣятеля. Кривые толки бываютъ всегда, но здравый смыслъ народа беретъ наконецъ свое. Что у другихъ достигалось жестокими сотрясеніями, то у насъ будетъ плодомъ свободнаго движенія Правительства. *Аминь*".

Но благоразумный Даль стремился,—какъ писалъ Погодину,—„сколько можно отклонять участниковъ въ *устройствѣ* помѣщичьихъ крестьянъ отъ односторонняго взгляда, указывая на необходимость опасаться животныхъ порывовъ черни, а потому не только ратовать противу произвола владѣльцевъ, но и покрыть своевременно сурдиной безсмысленное своеволіе ихъ подданныхъ. Отступать въ этомъ дѣлѣ нельзя, жребій брошенъ".

Кокоревъ сообщаетъ Погодину, что всѣмъ генералъ-адъютантамъ, генераламъ свиты и флигель, неимѣющимъ должностей, велѣно выѣхать въ свои имѣнія, для распространенія между дворянами твердаго намѣренія государя объ освобожденіи крестьянъ. Вчера видѣли шесть флигелей, ѣдущихъ въ губерніи" [1]).

За ходомъ крестьянскаго дѣла, изъ своей келліи, зорко слѣдилъ Московскій митрополитъ Филаретъ. 3 января 1858 г., святитель писалъ своему намѣстнику Антонію: „Въ Австріи новое устроеніе крестьянъ, которому наше хочетъ быть подобнымъ, не оказалось удачнымъ. Нѣкоторыя земли, которыя по власти помѣщиковъ обработывались, по свободѣ крестьянъ остаются необработанными. Усвоенныя крестьянамъ усадьбы продаются съ аукціона, за неуплату податей; слѣдственно умножается нищенство. Но у насъ, кажется, могло бы лучше быть, если бы добрые помѣщики хорошо растолковали дѣло крестьянамъ, и постановили съ ними обдуманныя соглашенія. Одинъ помѣщикъ призвалъ старшинъ своихъ крестьянъ, далъ имъ прочитать, что предложено отъ Правительства; и, хотя первое слово ихъ было: лучше по старому, но, видя необходимость, они стали разсуждать о соглашеніи. Помѣщикъ пред-

ложилъ имъ усадьбы не съ выкупомъ, а въ даръ; потомъ назначилъ сколько имъ дастъ земли для обработыванья, съ какою платою за десятину, а находящуюся у него помѣщичью запашку вызвался обработывать наймомъ; и они, соглашаясь на прочемъ, о послѣдней статьѣ сказали: нѣтъ, баринъ, разоришься; наемъ вольныхъ людей будетъ дорогъ; и скажи, чтобы мы сію долю обработывали тебѣ какъ прежде; это намъ не тяжело. Такъ продолжая соглашеніе, они составили правила, въ которыхъ взяли предосторожности и противъ разстройства отъ своеволія. Если бы такъ вошли въ дѣло лучшіе: и у худшихъ оно могло бы устроиться съ меньшимъ опасеніемъ вреда. Но многіе ли поймутъ и постараются“ [2])?

Вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ въ Австріи интересовался и Погодинъ. Съ этою цѣлію онъ обратился къ историку Галиціи Денису Зубрицкому съ просьбою сообщить ему „о формѣ и средствахъ освобожденія крестьянъ въ Австріи“.

Исполняя просьбу Погодина, восьмидесятилѣтній старецъ Зубрицкій, 9 апрѣля 1858 года, написалъ ему письмо, которое Погодинъ прочелъ въ Академіи Наукъ, и копія съ него была представлена государю. Съ глубокимъ вниманіемъ прочиталъ государь это письмо. Дѣлалъ отмѣтки и многія мѣста подчеркнулъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по приказанію государя, письмо это было передано для прочтенія І. И. Ростовцову и министру Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскому.

Зубрицкій писалъ: „Что касается нашихъ крестьянъ, то прежнее ихъ состояніе, прежнія отношенія принадлежатъ уже Исторіи. Настоящее же ихъ состояніе незавидно, а будущая судьба—Богу одному извѣстна. Ихъ, нежелавшихъ, недумавшихъ, освободили на чужой коштъ отъ обязательныхъ работъ, исправляемыхъ для помѣщика, и обременили ихъ государственными, земскими и общинными денежными налогами и работами. Легче было отработать одинъ или два дня въ недѣлю барину, употребивъ къ тому домашнюю челядь, чѣмъ теперь платить огромныя подати. Лишили ихъ попечителей, заступниковъ и кормителей въ нуждѣ и выставили

ихъ на произволъ жидовъ, лихоимцевъ, ябедниковъ и другихъ корыстолюбцевъ, по каковой причинѣ множество уже обнаженныхъ бродятъ по городамъ и мѣстечкамъ. Освобождая ихъ, коснулись чужой собственности, т.-е. права помѣщиковъ требовать вознагражденія за отданную на откупъ землю (ибо у насъ не было личнаго крѣпостнаго состоянія) и сдѣлали вопіющую несправедливость неучаствующимъ въ семъ дѣлѣ лицамъ, взыскивая съ нихъ подати на фундушъ для вознагражденія помѣщиковъ за потерянную барщину; ибо всякій податной человѣкъ долженъ платить на этотъ предметъ ежегодно положенную дань. Такъ, напримѣръ, я съ своего домика, который даетъ мнѣ триста пятьдесятъ гульденовъ дохода, долженъ, кромѣ казенныхъ податей, простирающихся до ста десяти гульденовъ, платить на вознагражденіе помѣщиковъ за барщину въ нынѣшнемъ году сорокъ восемь гульденовъ или тридцать рублей, и Богъ знаетъ, сколько придется на слѣдующій годъ, ибо меня увѣряютъ, что сама одна Галиція обязана заплатить болѣе ста милліоновъ и кромѣ того проценты (по 5%). Слѣдовательно, платежъ этотъ будетъ продолжаться по крайней мѣрѣ съ полвѣка. А между тѣмъ, поселянинъ не осчастливленъ, помѣщики же ограблены (и третій невинный классъ угнетенъ). Помѣщикамъ выдаютъ въ вознагражденіе, вмѣсто наличныхъ денегъ, облигаціи, на которыя правительство платитъ 5% изъ собираемыхъ на этотъ предметъ налоговъ; но такъ какъ облигаціи эти чрезмѣрно умножились, то цѣна ихъ такъ понизилась, что жиды за сто едва даютъ 75 и 78, и они ими уже порядочно завладѣли. Такимъ образомъ, помѣщикъ промотаетъ деньги и въ нѣсколько лѣтъ придетъ въ нищету, а помѣстье—въ руки иностранцевъ. Уже теперь жиды завладѣли многими помѣстьями и крестьянскими усадьбами.

Когда у насъ разнесся слухъ, что и въ Россіи хотятъ заняться преобразованіемъ крестьянскихъ отношеній, то я ужаснулся, тѣмъ болѣе, что всѣ враждебные Россіи западные журналы стали съ восхищеніемъ одобрять это намѣреніе ва-

шего государя. Я думалъ, что чѣмъ болѣе ваши враги радуются, тѣмъ менѣе надежды на пользу вашу, отъ чего и принялся за изученіе духа указовъ и предписаній министра, и убѣдился, что гг. журналисты, не вѣдая обстоятельствъ и духа распоряженій, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. У васъ есть дворовые и крѣпостные, которыхъ продавали, а у насъ ихъ не было. У васъ дворовые и крѣпостные должны работать и лично и потомственно, сколько барину угодно; у насъ же поселянинъ (подданный) былъ обязанъ работать только условленное, постоянно-инвентарное число дней въ недѣлю. У васъ помѣщикъ можетъ отобрать землю и усадьбу отъ крестьянина, у насъ онъ былъ наслѣдственнымъ собственникомъ поверхности земли и всѣхъ растеній, на ней находящихся, а помѣщикъ имѣлъ только право взыскивать инвентарную барщину, не имѣя права отнимать произвольно у крестьянина землю или перегонять на иную усадьбу. У насъ помѣщикъ былъ судьею своихъ подданныхъ; но онъ долженъ былъ подвергнуться испытанію въ правовѣденіи и получить декретъ на судейскую должность и дать присягу; въ противномъ же случаѣ онъ былъ обязанъ избрать или держать испытаннаго законовѣда. Судъ производился безденежно, и недовольный могъ переносить свое дѣло въ высшій государственный судъ. У васъ этого ничего не бывало. У насъ послѣдовавшее измѣненіе крестьянскихъ отношеній было слѣдствіемъ революціи; у васъ—желаніемъ улучшить судьбу рабочаго народа. Въ пору ли оно или нѣтъ, и не лучше ли было бы приводить его медленно, постепенно, безъ всенароднаго волненія,—это другой вопросъ; я по крайней мѣрѣ не совѣтовалъ бы сего рода азартной игры. У насъ толпа голышей, писакъ и бродягъ собралась въ 1848 году въ квартирѣ Львовскаго портного, списали и обнародовали актъ освобожденія крестьянъ отъ барскихъ повинностей, желая тѣмъ привлечь ихъ къ своей партіи къ *возстанію* *). Правительство,

*) Слово *къ возстанію* Государь подчеркнулъ два раза, а сбоку на запискѣ написалъ: „Этого-то и у насъ желаютъ сдѣлать наши бездомные прогрессисты“!

узнавъ это, тотчасъ издало съ своей стороны такое же обвѣщеніе, что освобождаетъ поселянъ отъ барщины, объявляя ихъ полными владѣльцами земли, коею они доселѣ пользовались, и обѣщается вознаградить помѣщиковъ за ихъ убытокъ изъ государственной казны; слѣдовательно, должно было исполнить свое обѣщаніе. У васъ же не отъ голышей, не снизу, а отъ верховной власти произошелъ помыселъ улучшить судьбу крестьянъ. *У насъ дали имъ даромъ нужную собственность; у васъ они должны уплатою или трудомъ пріобрѣсть ее* *); у насъ стремглавъ взялись за дѣло, а у васъ назначенъ пространный срокъ къ совершенному окончанію столь важнаго дѣла; у насъ однимъ ударомъ пересѣкли всю связь между помѣщиками и крестьянами; у васъ же будутъ всегда продолжаться отношенія; слѣдовательно, нашихъ прежнихъ и настоящихъ учрежденій, распоряженій и ухватокъ при приведеніи въ исполнéніе теперешнихъ крестьянскихъ отношеній, какъ совсѣмъ инообразныхъ, по началамъ и формамъ,—нельзя примѣнить къ Русскимъ".

Изложивъ это, Зубрицкій продолжаетъ: „Оканчивая разсужденіе объ этомъ предметѣ, прошу Бога, чтобы Онъ дозволилъ вамъ довершить благополучно намѣренное дѣло безъ всякаго потрясенія и худыхъ послѣдствій. Но на меня находитъ какой-то ужасъ, замѣчая у васъ другое, болѣе опасное направленіе, которое тѣмъ подозрительнѣе и сомнительнѣе, что во время тронутаго вопроса объ освобожденіи крестьянъ появляются въ журналахъ, газетахъ и театральныхъ сочиненіяхъ поносительные, насмѣшливые и ругательные отзывы о чиновникахъ, о взяткахъ и прочія презрительныя замѣчанія и *намеки на настоящій порядокъ вещей*, *воздыханія объ адвокатствѣ*, *присяжныхъ*, *открытомъ уголовномъ судопроизводствѣ и другихъ западныхъ дурачествахъ*. Когда я это читаю о Россіи, то у меня морозъ деретъ по кожѣ, и я вижу въ этихъ господахъ *энциклопедистовъ*, *предшествовавшихъ и при-*

---

*) Все напечатанное курсивомъ подчеркнуто Государемъ.

готовившихъ Французскую революцію, и даже еще болѣе опасныхъ. Энциклопедисты излагали свое ученіе въ сочиненіяхъ, не для всѣхъ доступныхъ, — *ваши же журналисты подчуютъ своимъ ядомъ всѣ слои народа: молодежъ, голышей, всю чернь. Воображеніе разгорячается, головы кружатся. Одному мнится, что онъ призванъ исправить общественные безпорядки, другой хочетъ только возвыситься въ общемъ возмущеніи.* А иной слѣдуетъ модѣ и желаетъ блистать мнимою западно-современною мудростью и мараетъ вздоръ. *Затѣмъ явятся и честолюбцы, которые воспользуются этимъ направленіемъ умовъ.* Когда нашлись во Франціи, во время первой революціи, и въ Вѣнѣ, въ 1848 году, между тяжело-флегматичными Нѣмцами (хотя у насъ прежде сего года журналистика не дѣйствовала столь нагло, не было раздражительныхъ газетъ) такіе люди, то почему же не послѣдовать революціи и въ Россіи, гдѣ уже столько горючаго матеріала, а народъ проворенъ, рѣшителенъ и предпріимчивъ? Еще разъ возвращаюсь къ возмутительнымъ писакамъ: у нихъ есть своя тактика. *Если они намѣреваются напасть на алтарь, то подтруниваютъ и издѣваются прежде надъ духовенствомъ; если же ихъ цѣль опровергнуть престолъ, то они прежде бросаются на чиновниковъ и взводятъ на нихъ всякаго рода злорѣчіе.* Взятки всегда и вездѣ были, и есть, и будутъ. Спаситель избралъ только двѣнадцать апостоловъ — и одинъ изъ нихъ былъ взяточникъ. Я полагаю, что *сего рода нападенія, во время раздраженія умовъ, неприличны и опасны. Ради Бога, обуздывайте вашимъ перомъ и вліяніемъ это вредное направленіе, если возможно,* ибо опасность велика. Мое предчувствіе не есть ипохондрическая греза, — знаю, что пишу. Если у насъ, хотя журналистика и не возмущала прежде 1848 года умовъ народа — вспыхнулъ мятежъ и угрожалъ распаденіемъ державы, если бы не явился великодушный сосѣдъ на помощь, то Россія въ болѣе опасномъ положеніи, ибо ей никто не поможетъ въ подобномъ случаѣ, а потому берегите, Господа ради, святую Русь. Съ ея существованіемъ

соединена судьба и Славянскаго племени и Православной Церкви! Вашъ государь увлекся человѣколюбіемъ, желаніемъ осчастливить многочисленныхъ своихъ подданныхъ; но и Людовикъ XVI, и нашъ Фердинандъ были тоже благородные монархи, но что же послѣдовало? Первый кончилъ позорнымъ образомъ, а послѣдній долженъ былъ бѣжать и выйти въ отставку. Господа Русскіе вельможи пусть бы подумали, какая была участь во Франціи Людовика Орлеанскаго, а у насъ — графовъ Латура и Ламберта. Достойно вниманія, что было поводомъ у Польско-Литовскихъ дворянъ начать у васъ сіе дѣло, тогда какъ они никогда не отличались отмѣнной филантропіей къ своимъ крестьянамъ. И вотъ, вдругъ три губерніи единогласно, разомъ отступаются отъ своихъ правъ въ пользу крестьянъ. Удивительно! Не есть ли это тлѣющій патріотизмъ, чтобы произвести въ Россіи замѣшательство, воспользоваться имъ, отторгнуться и возстановить свое отечество. А можетъ быть тутъ дѣйствовали и Англійскія деньги" [3])?...

Вышеприведенное письмо Зубрицкаго, вызвало слѣдующее замѣчаніе почтеннаго исторіографа *Освобожденія крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II-го*, Николая Петровича Семенова:

„Нельзя не обратить вниманія",—писалъ онъ,—„на то, что это письмо къ М. П. Погодину почтеннаго историка Галиціи Дениса Зубрицкаго было, можно сказать, пророческимъ.

Его опасенія за судьбы Россіи, въ указаніяхъ на презрительные отзывы и невѣрныя сужденія, появлявшіеся въ нашей печати о существовавшемъ тогда у насъ порядкѣ вещей и прежнемъ строеніи государства, имѣли полное основаніе, что и доказали впослѣдствіи совершившіяся у насъ событія.

Его предостереженіе объ опасности такого направленія, т.-е. охужденія всего прежняго, при первыхъ только нашихъ приступахъ къ предстоявшимъ реформамъ,—все же не пропало даромъ: оно, вслѣдствіе благосклоннаго къ письму его вниманія императора Александра II и воздѣйствія этого

письма на будущаго предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій І. И. Ростовцова, внесло въ разработку крестьянскаго дѣла необходимую степень осторожности.

„Воздыханія же объ адвокатствѣ присяжныхъ, открытомъ уголовномъ судопроизводствѣ и другихъ западныхъ дурачествахъ“, по мѣткому выраженію Зубрицкаго, были у насъ такъ сильны, такъ охватили нашу общественную среду и нашу повременную печать, что заводить разговоры съ нашими интеллигентами о какихъ-либо несовершенствахъ *адвокатства* было совершенно безполезно, а иногда и прямо-таки неосторожно“.

II.

22 января 1858 года, Филаретъ писалъ Антонію: „Дѣла крестьянъ касаться я и не думалъ. И не мое дѣло, и трудно представить, что можно было бы благонадежно сдѣлать, когда дѣло получило ходъ; возвратиться неудобно, призванные дѣйствователи не видятъ, что дѣлать, и между ними нѣтъ единства. Надобно молиться, чтобы Господь наставилъ ихъ на истинное и полезное. Нѣкто говоритъ, что дворянство не ознакомлено съ предложеннымъ ему предметомъ, и для наставленія его хочетъ издавать журналъ“ [1]).

Дѣйствительно, въ началѣ 1858 года, издателю *Русской Бесѣды* и его единомышленникамъ пришла мысль учредить при *Русской Бесѣдѣ* цѣлый отдѣлъ, подъ заглавіемъ *Сельское Благоустройство.* „Цѣль сего періодическаго изданія“,—какъ сказано въ программѣ,—„посильно содѣйствовать къ уясненію и разрѣшенію великой задачи, довѣріемъ государя возложенной на дворянство“.

Въ письмѣ же своемъ къ А. С. Нерову, отъ 28 января 1858 г., Кошелевъ между прочимъ писалъ: „Какъ я и сотрудники мои по сему новому отдѣлу — все *помѣщики*, даже *весьма достаточные помѣщики*, и сверхъ того мы всѣ вполнѣ одобряемъ начала, изъясненныя въ высочайшихъ ре-

скриптахъ, то я льщу себя надеждою, что *Сельское Благоустройство* будетъ полезнымъ дѣятелемъ въ важномъ преобразованіи, нынѣ предпринятомъ, и что, по мѣрѣ силъ своихъ, и оно окажетъ свое содѣйствіе къ осуществленію благихъ вполнѣ сегодневныхъ намѣреній государя императора".

Высочайшее соизволеніе на это изданіе воспослѣдовало 23 февраля 1858 года.

Погодинъ, по своей отзывчивости, не остался равнодушнымъ къ новому предпріятію, и онъ написалъ къ издателю *Сельскаго Благоустройства* слѣдующее письмо:

„Великое дѣло — общество, общественная жизнь, общественное вниманіе, и справедливо говорятъ наши народныя пословицы: одинъ въ полѣ не воинъ, одному и у каши не споро, а на людяхъ и смерть красна. Міръ — великъ человѣкъ. Раздраженный многими непріятными явленіями въ нашемъ быту послѣдняго времени, я отложилъ-было опять въ сторону текущіе вопросы и принялся, по обыкновенію, за любезную свою старину, какъ вдругъ присланная вами книжка *Сельскаго Благоустройства* съ обязательнымъ приглашеніемъ къ сотрудничеству, пробудила засыпавшую мысль — я взялся невольно за перо, набросалъ кое-что, и посылаю новому изданію на зубокъ, а прочимъ на зубы, нѣсколько замѣчаній о животрепещущемъ вопросѣ въ Русской государственной жизни.

Правда, я не помѣщикъ, и никогда не имѣлъ за собою ни одной ревизской души *) (въ чемъ рано положилъ зарокъ). Но homo sum, nihil humani a me alienum esse puto.

Въ первой молодости написалъ я повѣсть *Нищій*, въ которой выставлено было изъ злоупотребленій крѣпостного права, и которая оканчивалась грозными снами автора, вслѣдствіе ужаснаго слышаннаго имъ разсказа. Повѣсти этой случилось выйти 1-го января 1826 года, въ альманахѣ *Уранія*, и

---

*) А Сѣрково? См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. СПб. 1890, III, 254 и слѣд. *Н. Б.*

много страха надѣлала она мнѣ, во время оно, по несчастному совпаденію съ декабрьскими происшествіями 1825 года.

Въ 1841 году, при посѣщеніи преосвященнаго Иннокентія въ Вологдѣ, долго разсуждали мы съ нимъ о крѣпостномъ правѣ, для него ненавистномъ. Однажды, помню, вдвоемъ, на его дачѣ, верстахъ въ трехъ отъ города, на берегу какой-то рѣчки, въ виду бѣдной деревушки, онъ особенно одушевился, провидя всѣ благія послѣдствія для Отечества, когда двадцать пять милліоновъ крестьянъ, освободясь, умножатъ собою народную жизнь и присоединятъ свои способности къ общему обороту. Мы положили, въ память объ этой минутѣ, выкупить, при первомъ удобномъ случаѣ, тѣ полуразвалившіяся избенки, которыя печально торчали на другой сторонѣ рѣчки, служа темою нашей бесѣды.

Не привелъ Богъ великому витію дожить до свѣтлой минуты 20 ноября 1857 года. О, какой потокъ краснорѣчія, живого, пламеннаго, увлекательнаго, излился бы изъ его горячаго сердца! Сколько мыслей свѣтлыхъ, дѣльныхъ, утѣшительныхъ, распространилъ бы онъ между Русскими людьми! Чего не нашелъ бы онъ сказать всѣмъ сословіямъ съ принадлежащею ему одному изобрѣтательностію и искусствомъ!

Потеря невознаградимая, преимущественно для крестьянскаго вопроса!

Сблизясь въ послѣднее время съ Кокоревымъ, вторымъ живымъ и дѣйственнымъ человѣкомъ, въ другомъ, разумѣется, родѣ, я предложилъ ему, въ запрошломъ годѣ, составить впятеромъ, вшестеромъ, капиталъ въ милліонъ рублей, и купить какое-нибудь большое имѣніе, съ тѣмъ, чтобъ всѣмъ намъ, участникамъ, поселиться тамъ на годъ, взявъ съ собою нѣсколько спеціалистовъ и нѣсколько молодыхъ людей изъ нашихъ дѣтей и прочихъ, которые захотѣли бы посвятить себя сельскому хозяйству. Въ продолженіе года мы должны были изучить сообща имѣніе во всѣхъ подробностяхъ, узнать всѣ его выгодныя и невыгодныя стороны, найти средства для извлеченія пользы изъ первыхъ и для ослабленія вторыхъ;

потомъ, раздѣлить землю съ угодьями на крестьянскую и господскую, обложить первую, по полюбовной сдѣлкѣ, повинностью, которую она могла-бы вынесть, платя проценты въ Опекунскій Совѣтъ, а остальную отдать въ наемъ или продать, оставя часть для мірской запашки и въ запасъ для будущаго нарощенія. Въ планѣ моемъ было познакомиться съ архіереемъ, губернаторомъ и прочими властями, съ представителями сосѣдняго дворянства, купечества и откупщиками, найти и застраховать для крестьянъ вѣрный сбытъ ихъ произведеній за правильно-установляемую цѣну, учредить для нихъ сельскій банкъ для содѣйствія ихъ промышленнымъ предпріятіямъ, училище, больницу, богадѣльню, на особыхъ правилахъ, присмотрѣться къ ихъ мірскому управленію и учредить исполненіе рекрутской повинности, приготовляя заранѣе дѣтей въ очередныхъ семействахъ къ ихъ будущей службѣ и проч. и проч. Десять человѣкъ, дружныхъ между собою, обладающихъ разнообразными свѣдѣніями, понимающихъ дѣло, желающихъ добра, казалось мнѣ, могутъ въ продолженіи года устроить всякое имѣніе, съ предположенной цѣлію, не прерывая даже своихъ обычныхъ занятій. Для наблюденія за заведеннымъ порядкомъ долженъ былъ остаться одинъ молодой человѣкъ, наиболѣе способный; а мы всѣ, на слѣдующій годъ, съ пріобрѣтенными опытами, переселились бы въ новое купленное имѣніе, въ другой мѣстности, и начать тамъ одинакія операціи. Оставленный управитель сообщалъ бы намъ свѣдѣнія и открывалъ ошибки или недосмотры, наблюдая за всѣмъ своимъ краемъ. Около него столпились бы другіе благонамѣренные люди и явились бы помощниками и сотрудниками ему и намъ.

Два-три года подобной дѣятельности могли-бъ открыть много новаго и полезнаго, и со всякимъ годомъ кругъ дѣйствій долженъ былъ расширяться, цѣлая школа дѣятелей изъ молодаго поколѣнія должна была образоваться. Неограниченная гласность, полная отчетность, искреннее сознаніе ошибокъ,

увеличили-бъ благодѣтельное вліяніе, породили бы сочувствіе, возбудили бы подражаніе.

Кокоревъ представилъ мнѣ нѣкоторыя возраженія на мечтательную часть моего проэкта, а главное — на слѣдующій годъ онъ сбирался ѣхать въ чужіе краи — и въ этотъ слѣдующій годъ послѣдовалъ знаменитый рескриптъ 20 ноября. Судьба крестьянскаго вопроса рѣшилась.

Но я и теперь не прочь отъ прежней мысли, и думаю, что частныя общества, товарищества на акціяхъ для выкупа крестьянъ съ землею,—однѣ въ видахъ человѣколюбія, другія въ видахъ спекуляціи (чѣмъ больше и различнѣе, тѣмъ лучше), могутъ пособить много рѣшенію сложнаго и мудренаго вопроса. Точно то же должно сказать и о частныхъ банкахъ, которые могутъ быть также основываемы на филантропическомъ и на коммерческомъ основаніи.

Такія общества должны непремѣнно имѣть въ своемъ распоряженіи пустопорожнія земли, которыхъ у насъ такъ много лежитъ внустѣ не только въ Азіатской Россіи, но даже и въ Европейской, даже подъ самыми многолюдными нашими городами: Москвою, Петербургомъ, Кіевомъ, Казанью, Одессой, Таганрогомъ. Однѣ земли могутъ быть куплены, другія получены отъ Правительства для населенія.

Но обратимся къ настоящему положенію. Все предъидущее сказалъ я вамъ съ цѣлію представить осязательно испоконную мою преданность мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Нужно-жъ это было мнѣ заявить въ охраненіе слѣдующихъ моихъ разсужденій отъ обвиненія или подозрѣнія въ пристрастіи, такъ какъ я намѣренъ говорить здѣсь единственно въ пользу дворянства. Да, когда я прочелъ рескриптъ 20-го ноября, я перекрестился и сказалъ про себя: ну, это дѣло, слава Богу, рѣшено; всѣ наши крестьяне будутъ свободны и получатъ нужную для себя землю во владѣніе. Но необходимо, чтобы и дворяне не потеряли ничего!

. . . .

Благодѣтельное и просвѣщенное Правительство вызываетъ

теперь Литературу къ содѣйствію,—вы спрашиваете статьи,— и я поднимаю спущенную мною петлю.

Въ настоящую минуту, въ настоящую фазу дѣла, дворянство имѣетъ первое и главное право на общее участіе, вниманіе, радушіе, услужливость, предупредительность, заботливость. Дворяне именно теперь должны быть, по моему мнѣнію, ободряемы, утѣшаемы, обнадеживаемы, чтобы явились совершенно спокойные и веселые на открытое имъ поприще дѣйствій, увѣренные въ полномъ для себя удовлетвореніи. Если въ предстоящемъ преобразованіи окажется какая необходимость въ пожертвованіи, то это пожертвованіе должно возвращено имъ быть съ лихвою отъ всего народа. Тягость, если какая упадетъ на ихъ плечи, не должна остаться на нихъ однихъ, но раздѣлиться по всѣмъ плечамъ отъ царя и царицы съ царевичами и царевнами до послѣдней нищей вдовицы, которая принесетъ свою лепту. Тяжесть раздѣльная сдѣлается легкою и нечувствительною. За что потерпѣть, потерять однимъ дворянамъ? Дворянинъ развѣ дальше отъ Русскаго сердца, чѣмъ крестьянинъ? Нѣтъ, мы всѣ братья, дѣти одной матери святой Руси. И радость и горе, и прибыль и убыль, намъ всѣмъ всегда пополамъ. Дворяне поработали не меньше другихъ въ основаніи Русскаго государства, не меньше другихъ содѣйствовали къ приведенію его въ настояшее положеніе. Наша Исторія блистаетъ ихъ подвигами. Они заслужили грудью всѣ свои отличія, и, слѣдовательно, имѣютъ полное право на общее сочувствіе. Нечего говорить о злоупотребленіяхъ! Что было, то прошло. Злоупотребленія неизбѣжны во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ, вездѣ, не у однихъ насъ. Были въ Европѣ злоупотребленія власти церковной, монархической, феодальной, народной. Злоупотребленіямъ подвержена и печать, и слово, и все. Было ли больше зла, чѣмъ добра въ дѣйствіяхъ дворянства? Никто не посмѣетъ отвѣчать: — да, потому что это неправда. Самая мысль объ освобожденіи крестьянъ принадлежитъ первоначально дворянамъ. Можно насчитать много именъ не только

въ нынѣшнемъ столѣтіи съ самаго начала, но и въ прошедшемъ, кои питали эту мысль и старались привесть ее въ исполненіе.

Сорокъ лѣтъ почти твердилъ я на каѳедрѣ и въ Литературѣ объ отличіи Исторіи Русской отъ Исторіи государствъ Западныхъ, приглашая обращать вниманіе на это различіе не только ученыхъ, но и государственныхъ людей, которымъ, не стоя на этой точкѣ воззрѣнія, легко ошибаться и впадать въ заблужденія. Сорокъ почти лѣтъ повторялъ я безпрестанно, что всякое Русское преобразованіе должно совершаться въ духѣ любви и мира, съ общаго согласія, при взаимной помощи. Никто не выйди недовольный.

Дворяне должны получить не только настоящую цѣну уступаемой ими крестьянамъ земли и прочихъ угодій, но должны получить то или другое вознагражденіе и за отвлеченныя свои права, которыя теперь потеряютъ свою силу. Ихъ образъ жизни, который теперь неменуемо долженъ измѣниться, ихъ привычки, сложившіяся непримѣтно изъ прежнихъ обстоятельствъ, ихъ предразсудки, пріобрѣтенные въ теченіе долгаго времени, не только убѣжденія, имѣющія какое-либо основаніе—должны быть приняты въ соображеніе и уважены.

Но гдѣ же взять столько средствъ, чтобъ вознаградить такимъ роскошнымъ образомъ всѣхъ, имѣющихъ право на вознагражденіе?

Это обязанность науки государственнаго хозяйства, государственныхъ финансовъ. Пусть она справится въ Исторіи о нуждахъ разныхъ Европейскихъ государствъ, и познакомится со средствами, какими ихъ министры изворачивались въ своихъ трудныхъ обязательствахъ. Недалеко ходить за примѣрами: откуда Франція, Англія, Австрія, Сардинія, обремененныя неоплатными долгами, взяли тѣ милліарды, коихъ стоила имъ восточная война? Какимъ образомъ устроились Французскіе займы? Откуда взяло такой огромный капиталъ общество du crédit mobilier? Какимъ образомъ Франція, изнуренная мно-

голѣтними войнами, заплативъ огромную контрибуцію послѣ многолѣтняго содержанія въ своихъ предѣлахъ иностранныхъ войскъ, нашла у себя милліардъ для вознагражденія эмигрантовъ, которое было противно для большинства?

Россія представляетъ такое неисчерпаемое богатство во всѣхъ естественныхъ произведеніяхъ, Правительство пользуется такою неограниченною довѣренностію между своими подданными, что стыдно было бы намъ затрудняться въ пріисканіи средствъ для удовлетворенія возникшей святой потребности. Сколько есть у насъ не горъ, а горныхъ хребтовъ, еще совершенно непочатыхъ, сколько озеръ, рѣкъ нетронутыхъ, и даже морей неизслѣдованныхъ? Сколько есть у насъ лѣсовъ непроходимыхъ, сколько земель пустопорожнихъ и всякихъ угодій? Неужели ничего не можетъ быть обращено въ деньги, и лучше лежать всѣмъ этимъ безсчетнымъ богатствамъ безъ употребленія, нежели быть пущенными въ оборотъ?

Но оставимъ въ запасѣ экстраординарныя средства и обратимся къ настоящему положенію дѣла и ближайшимъ его вопросамъ.

Крестьяне должны быть выкуплены отъ помѣщиковъ съ землею, на которой сидятъ и которою пользуются для своего пропитанія и отправленія государственныхъ повинностей.

Всякое другое средство, какъ примѣчается изъ всѣхъ сочиненныхъ проектовъ, изъ всѣхъ напечатанныхъ статей, изъ всѣхъ слышанныхъ разговоровъ, повело бы къ новымъ затрудненіямъ, недоумѣніямъ, неудовольствіямъ, и не рѣшило бы дѣла, а произвело бы только замѣшательство.

Считаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о новыхъ запискахъ и мнѣніяхъ, ходящихъ по рукамъ, въ коихъ доказывается необходимость освобожденія крестьянъ безъ земли, и предоставленіе права владѣть землею одному дворянству.

Мнѣнія эти не выдерживаютъ критики самой снисходительной: освобожденіе крестьянъ безъ земли, въ родѣ Остзейскаго, перемѣнитъ только форму рабства, и, лишая крѣпостное право единственнаго его добраго начала, увеличитъ все

его пагубное зло. Сдѣлать же землю предметомъ исключительнаго владѣнія, предметомъ монополіи, просто смѣшно — въ Россіи, гдѣ дѣвать земли некуда, гдѣ не знаютъ, что съ нею дѣлать, гдѣ земля отдается даромъ и даже съ придачею, всякимъ пришельцамъ, колонистамъ, Нѣмцамъ, Татарамъ, Башкирамъ, Киргизамъ, гдѣ лежатъ впустѣ и дичаютъ неизмѣримыя пространства не только по Сибири, но и по Европейской Россіи, около самыхъ многолюдныхъ городовъ — Москвы, Петербурга, Кіева, Казани, Одессы, Таганрога, гдѣ главною задачею Правительства, по мѣстамъ, оказывается привлеченіе народа, безъ котораго богатство пропадаетъ даромъ, а жизнь подвергается опасности. Въ Англіи, гдѣ приходится по 3 по 4 по 5 тысячь на милю, гдѣ земля составляетъ драгоцѣнность, она можетъ быть предметомъ случайной или законной монополіи, какъ табакъ, пожалуй вино, кофе, а въ Россіи, которая имѣетъ слишкомъ 350 тысячь квадратныхъ миль, съ 180-ю человѣками на милю населенія, поземельная монополія была бы нелѣпицею, non sens, такой же non sens, какъ еслибъ отнять у народа вмѣстѣ съ землею-хлѣбомъ право употребленія воды изъ рѣкъ, озеръ и потоковъ, и осудить его на питье изъ лужъ и на пользованіе дождевою капелью, предоставляя чистую, проточную воду одному какому - нибудь привилегированному сословію. Земли у насъ еще больше, чѣмъ воды. Замѣчательно, что мнѣніе объ исключительномъ владѣніи землею приписывается въ обществѣ именно тѣмъ лицамъ, кои никакъ не могли-бъ имѣть своихъ обширныхъ владѣній, если-бъ подобное постановленіе существовало при ихъ родоначальникахъ. Нѣтъ нужды останавливаться долго на этихъ нелѣпостяхъ, кои упадутъ сами собою передъ силою общественнаго мнѣнія.

Крестьяне, сказали мы, должны быть выкуплены отъ помѣщиковъ съ землею.

Выкупъ опредѣляется цѣною земли, чего она теперь по мѣстамъ стоитъ, къ коей прибавляется еще цѣна (употребимъ въ послѣдній разъ это гнусное выраженіе), цѣна всякой

освобождаемой ревизской души, какъ она теперь на своз продается.

Гласность, спокойная, мирная, безпристрастная, благонамѣренная, поможетъ Правительству облегчить всѣ затрудненія, отстранить всѣ препятствія, находить вспомогательныя средства, кои, безъ сомнѣнія, будутъ очень разнообразны, соотвѣтственно разнообразію Русской земли, касающейся и экватора и полюсовъ.

Не надо только стѣснять никоимъ образомъ мысли, не надо ограничивать свободы слова. Въ обществѣ, съ непривычки, ощущается недостатокъ въ изобрѣтательности, въ творчествѣ. Мы еще не раскачались. У сонныхъ мухъ, коченѣвшихъ долго въ стужѣ, не расправились еще крылья. Теперь, слѣдовательно, больше чѣмъ когда либо, брезгать совѣтами, добрыми вызовами, чьими бы то ни было, отнюдь не должно, какъ случилось недавно. Напрасно говорятъ нѣкоторые ограниченные или близорукіе помѣщики, запрещая прочимъ принимать участіе въ разсужденіи: „это наше дѣло и ничье болѣе". Напрасно; ибо это дѣло общее, а объ общемъ дѣлѣ имѣетъ право разсуждать всякій. Подавайте голосъ, кому что Богъ на умъ и сердце положитъ, а на мірскомъ гумнѣ все перевѣется, и шелуха на вѣтеръ, а зерно въ муку, добрымъ людямъ — крестьянамъ, дворянамъ и разночинцамъ на пропитаніе. Богъ знаетъ, изъ чьей головы и гдѣ блеснетъ свѣтлая, лучшая мысль, которою озарится мракъ въ томъ или другомъ краѣ! Вспомнимъ, что порохъ открытъ монахомъ въ кельѣ, а многіе генералы, даже военные, пороха не выдумаютъ. Посмотрите на Англію, которая всегда можетъ представить много поучительнаго. Возмущеніе въ Остъ-Индіи считается ли тамъ дѣломъ, принадлежащимъ директорамъ Компаніи? Нѣтъ, послѣдній матросъ, послѣдній поденщикъ, считаетъ это дѣло собственнымъ своимъ, разсуждаетъ, дѣйствуетъ, и единодушіе обезпечиваетъ успѣхъ. Но развѣ Русская Исторія не представляетъ примѣровъ такого единодушія, такого участія всѣхъ сословій: въ Смутное время патріархъ Гермогенъ,

архимандритъ Діонисій, келарь Авраамій Палицынъ въ монастырскихъ кельяхъ, бояринъ Шеинъ въ осажденной крѣпости, князь Пожарскій, Ляпуновъ на полѣ сраженія, купецъ Козьма Мининъ на городской площади, крестьянинъ Сусанинъ въ Костромскомъ лѣсу — дѣлали одно дѣло и достигли одной цѣли—спасли Отечество.

Когда пришли грамоты въ Нижній Новгородъ о грозившей гибели, тогда кликнулъ кличъ неизвѣстный дотолѣ мѣщанинъ, неспрошенный никѣмъ, и съ его рѣчи началось наше освобожденіе. Исторія не требуетъ метрическаго свидѣтельства о происхожденіи Минина, и безъ справокъ ставитъ ему на Царской площади монументъ вмѣстѣ съ княземъ Пожарскимъ, избраннымъ по его же указанію. Петра Перваго, во время войны съ Швеціей, научилъ, откуда взять мѣди для литья пушекъ, пьяный кузнецъ, и Петръ Первый не спросилъ у него аттестата изъ Артиллерійскаго Училища, а погладилъ по головкѣ, далъ серебряный рубль на водку, исполнилъ совѣтъ, и разбилъ Шведовъ. Настоящія обстоятельства наши важнѣе обстоятельствъ 1600 и 1700 годовъ. Тогда были внѣшнія войны, которыя всегда могли быть, раньше или позднѣе, такъ или иначе, кончены; но теперь вопросъ касается до внутренней жизни 22 милліоновъ человѣкъ, а съ ними, слѣдовательно, и до всего народа. Тысячи обстоятельствъ, большихъ и малыхъ, будутъ обнаруживаться со всякимъ годомъ, со всякимъ мѣсяцемъ, со всякимъ днемъ. Усмотрѣть и предвидѣть ихъ можно только всѣми глазами.

Но что будетъ, то будетъ; а теперь мы имѣемъ полное право вскрыть торжественно, лежавшія долго подъ спудомъ, стихи нашего незабвеннаго, вѣщаго поэта, который въ 1820 году воскликнулъ въ заключеніи *Деревни*:

Увижу-ль, о друзья, народъ неугнетенный,
И рабство падшее по манію царя,
И надъ Отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря!

Она восходитъ, эта прекрасная заря! Благословимъ же, соотечественники, имя великодушнаго государя, который изводитъ насъ изъ Египетскаго рабства въ предѣлы земли обѣтованной, по царственному, Моисееву пути. О, еслибъ только не сорокъ лѣтъ Богъ осудилъ насъ блуждать и скитаться по пустынѣ"!

Можно предположить, что за безпристрастный взглядъ на дворянство, это письмо Погодина не удостоилось быть напечатаннымъ въ *Сельскомъ Благоустройствѣ*; а одинъ изъ участниковъ въ этомъ изданіи, И. С. Аксаковъ, 12 апрѣля 1858 года, писалъ его автору: „Вчера послалъ къ Кавелину письмо ваше къ издателю *Сельскаго Благоустройства*".

III.

8 января 1858 года, состоялось высочайшее повелѣніе о переименованіи Секретнаго Комитета въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, и при немъ образована Коммиссія изъ четырехъ членовъ: С. С. Ланскаго, графа В. Н. Панина, М. Н. Муравьева и I. И. Ростовцова для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ, имѣющихъ поступать отъ губернскихъ комитетовъ.

Въ это же время въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ все вліяніе въ крестьянскомъ дѣлѣ перешло изъ рукъ А. И. Левшина въ руки Н. А. Милютина, который вскорѣ потомъ, въ апрѣлѣ 1859 года, занялъ постъ товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ. Канцелярскою частью завѣдывалъ при немъ Я. А. Соловьевъ, членъ, а впослѣдствіи управляющій вновь созданнаго въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Земскаго Отдѣла.

Милютинъ, по отзыву Ѳ. П. Еленева, „былъ чиновникъ выдающихся, государственныхъ способностей, вполнѣ человѣкъ почина и борьбы. Къ сожалѣнію, онъ вовсе не зналъ сельскаго быта и имѣлъ невѣрное представленіе о нашемъ дворянствѣ, о которомъ, какъ кажется, судилъ на основаніи

имѣвшихся въ Министерствѣ свѣдѣній о частныхъ случаяхъ злоупотребленія помѣщичьей властію".

Дѣйствуя подъ вдохновеніемъ Милютина, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ „не упускало ни единаго случая, чтобы расчищать путь къ довершенію предпринятаго преобразованія".

Между тѣмъ, непрестанно приходили изъ губерній въ Петербургъ адресы дворянства, и въ отвѣтъ имъ слѣдовали высочайшіе рескрипты на имя начальниковъ губерній, съ разрѣшеніемъ открывать въ губерніяхъ дворянскіе комитеты, для составленія проектовъ положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Губернскимъ комитетамъ назначался шестимѣсячный срокъ для окончанія возложеннаго на нихъ труда.

Главный Комитетъ, соображая, что проекты губернскихъ комитетовъ, по своей разнохарактерности, будутъ вполнѣ между собой несогласимы, счелъ полезнымъ придать имъ однообразную программу для ихъ проектовъ. Такая программа была составлена, по порученіи Ростовцова, М. П. Позеномъ; затѣмъ она была обсуждена ими вмѣстѣ съ Муравьевымъ, много разъ была исправляема и дополняема по указаніямъ Ростовцова и, наконецъ, была разсмотрѣна и утверждена Главнымъ Комитетомъ, въ присутствіи государя. Программа эта была разослана губернскимъ комитетамъ 21 апрѣля 1858 года.

Дѣйствующими лицами изъ славянофиловъ по крестьянскому вопросу были: А. И. Кошелевъ, князь В. А. Черкасскій и Ю. Ѳ. Самаринъ.

Кошелевъ и князь Черкасскій были членами отъ Правительства, первый въ Рязанскомъ Комитетѣ, а второй—въ Тульскомъ. Самаринъ же былъ членомъ Самарскаго Комитета.

Въ то время, когда были обнародованы высочайшіе рескрипты 20 ноября 1857 года, князь Черкасскій пребывалъ въ Римѣ, и 20 декабря 1857 года, А. И. Кошелевъ писалъ ему: „А вы что въ Римѣ? Развѣ можно теперь быть внѣ Россіи? Вы должны быть въ Тулѣ, въ Москвѣ—вездѣ, гдѣ

у васъ есть имѣнія, вездѣ, гдѣ нужно наше дворянство направить на путь истины. Такіе люди, какъ вы, теперь здѣсь необходимы. Вамъ подобаетъ быть въ Россіи, гдѣ нужно противодѣйствовать всѣми силами тупоумію и своекорыстію плантаторовъ".

Въ апрѣлѣ 1858 года, князь Черкасскій былъ уже въ Россіи, и Кошелевъ писалъ ему: „Наконецъ вы здѣсь! жатва обильна, а дѣлателей мало. Вы намъ нужны, необходимы, необходимы до нельзя"!

Въ письмѣ своемъ, отъ 4 іюля 1858 года, Кошелевъ преподаетъ князю Черкасскому совѣты о томъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ губернскихъ комитетахъ: „Я думаю, что въ началѣ мы должны вести себя какъ можно скромнѣе—давать дворянамъ путать вдоволь... Думаю, что общіе споры неизбѣжны, но они должны имѣть только одно благое дѣйствіе—утомить $^1/_5$ членовъ—пусть эти безплодные споры продолжатся даже два мѣсяца — зато послѣ дѣло двинется скоро и успѣшно, когда мы по *необходимости* возьмемъ дѣло въ руки. Будьте увѣрены, что сперва они на стѣны полѣзутъ, а потомъ поуймутся. Я нахожу, что первая глава Ростовцовской программы для этого самое удобное и безвредное поле. По моему, особенно въ началѣ, держаться за программу казенную".

Свои совѣты Кошелевъ заключаетъ: „Въ началѣ должна быть цѣль одна — *утомить дворянъ*. Какъ упрыгаются, то дѣло пойдетъ иначе. Занимайте Комитетъ пустыми спорами, но не давайте имъ въ началѣ постановлять важныхъ рѣшеній—вотъ, по моему, наша задача въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ".

16 февраля 1858 года, изъ Москвы Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ А. О. Смирновой: „Мнѣ пишутъ изъ Сызрани и Самары, что тамъ хотятъ выбрать меня (въ члены Губернскаго Комитета); но я этому не вѣрю. Само собою разумѣется, что еслибы это случилось, то я бы не отказался. А признаюсь, ѣхать туда почти страшно".

Въ томъ же письмѣ Самаринъ писалъ: „Если бы я чувствовалъ въ себѣ способность и силу, хотя одно изъ моихъ убѣжденій провести въ жизнь, тогда я былъ бы не тотъ. Желчь и горечь, обливающія душу—просто невольное признаніе въ собственной немощи. Послушайте послѣдніе стихи Тютчева:

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда свобода,
Блеснетъ ли лучь твой золотой?

Блеснетъ твой лучь и оживитъ
И сонъ разгонитъ и туманы—
Но старыя гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣніе душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ,
Кто ихъ излѣчитъ, кто покроетъ?!
Ты,—риза чистая Христа!

Вѣрно!—Но въ чьихъ рукахъ теперь эта *риза*! Обѣтованной Земли мы все-таки не увидимъ и сложимъ свои кости въ пустынѣ".

Владѣя значительными помѣстьями въ Рязанской и Тульской губерніяхъ, А. С. Хомяковъ принималъ, хотя и неоффиціальное, но тѣмъ не менѣе живое участіе въ дѣятельности губернскихъ комитетовъ Рязанскаго и Тульскаго. „Въ Данковѣ видѣлъ я",—писалъ онъ И. С. Аксакову,—„нѣсколько дворянъ. Настроеніе не совсѣмъ дурно. У многихъ склоняется разсчетъ въ отчужденіе земли въ собственность крестьянамъ, но разумѣется дорожатся. Иначе и быть не можетъ: крестьяне, какъ вездѣ, хороши; но хозяйство помѣщиковъ разстраивается вслѣдствіе трусости самихъ помѣщиковъ и ихъ представителей. Я у себя это замѣтилъ и былъ принужденъ облечься въ грозу для поправленія сдѣланныхъ упущеній".

11 сентября 1858 года, князь Черкасскій писалъ Ко-

шелеву: „У насъ выборы были чинны, но шумны или, лучше сказать, съ обѣихъ сторонъ ожесточенны. Хомяковъ былъ на выборахъ въ моемъ старомъ мундирѣ". Самъ же Хомяковъ писалъ И. С. Аксакову: „Я прискакалъ изъ Данкова въ Тулу къ выборамъ по чувству долга и не жалѣю. Общая физіономія Собранія была лучше, чѣмъ ожидали. Въ первый день встрѣча мнѣ была свирѣпа до комизма; во второй, придрались къ тому, что я во фракѣ и потребовали моего удаленія; я возвратился въ чужомъ мундирѣ. Въ послѣдній день у меня спрашивали совѣта тѣ, которые сначала хотѣли меня повѣсить. Въ уѣздѣ нашемъ выбраны негодные депутаты, въ томъ числѣ Коптевъ, братъ воспѣтаго; зато въ Бѣлевѣ—Елагинъ, баронъ Черкасовъ и Павловъ, братъ Верейскаго. Вообще итогъ депутатовъ очень сносенъ, хотя есть и большіе негодяи и много плантаторовъ. Большинство сомнительно. Отъ Правительства князь Черкасскій и П. Ѳ. Самаринъ. Черкасскій пріобрѣлъ доброе мнѣніе всѣхъ и привелъ въ истинное благоговѣніе Д. Н. Свербеева ловкостью своего поведенія. Пять дней Собранія подвинуло дѣло эманципаціи на основаніи собственности части земли для крестьянъ весьма значительно. Теперь вопросъ, что̀ будетъ въ Комитетѣ".

Въ другомъ своемъ письмѣ Хомяковъ писалъ И. С. Аксакову: „Былъ я въ Тулѣ. Хотѣлъ собрать справки объ эманципаціонномъ вопросѣ, и ничего не могъ довнать. Одно ясно: дворяне всѣ противъ, и ни за что бы не тронулись, да боятся Правительства и подличаютъ ему: такъ, Крапивинскій предводитель объявилъ губернскому, что всѣ дворяне отказываютя и показалъ ему ихъ отказъ: а потомъ когда побывалъ у губернатора, и тотъ на него крикнулъ, сталъ увѣрять, что его не поняли, что, напротивъ, всѣ согласны, и дѣйствительно. черезъ недѣлю привезъ согласіе всего уѣзда. Довольно важно то, что всѣ мирволившіе дворянамъ (въ томъ числѣ губернскій нашъ) столько получили оскорбленій отъ ультра-консерваторовъ, что сдѣлались жаркими эманципаторами съ досады. Есть и кромѣ этихъ соображеній примѣты, что вопросъ въ

Комитетѣ будетъ разсмотѣнъ довольно дѣльно съ хозяйственной стороны".

А. Ѳ. Гильфердингу же Хомяковъ писалъ: „Какъ то я оглупѣлъ сильно, точно будто въ высокіе чины пошелъ. Приписать это занятіямъ охотою и хозяйствомъ не могу, скорѣе можно приписать его большой вознѣ съ Комитетомъ и безпрестанному соприкосновенію съ представителями дворянства. Здѣсь Комитетъ идетъ довольно скверно, не смотря на присутствіе многихъ дѣльныхъ и хорошихъ людей. Я говорю, какъ будто самъ участвую; дѣйствительно я безпрестанно въ Тулѣ и въ совѣщаніи домашнихъ. Князь Черкасскій, депутатъ отъ Правительства, великолѣпенъ: образецъ парламентскаго дѣятеля и оратора. Въ этомъ отдаютъ ему справедливость даже враги" [5]).

IV.

Не взирая на свои достоинства „парламентскаго дѣятеля и оратора",—какъ отзывался Хомяковъ,—князь В. А. Черкасскій не ладилъ со своими товарищами по Тульскому Губернскому Комитету, и вскорѣ самъ же далъ имъ поводъ торжествовать надъ своимъ высокоумнымъ товарищемъ.

Лѣтомъ 1858 года, въ своихъ Вильбадскихъ письмахъ І. И. Ростовцовъ, писалъ государю: „О наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать: это будетъ тяжко для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастью, не употребляются".

Князь же Черкасскій, осенью того-же 1858 года, напечаталъ въ *Сельскомъ Благоустройствѣ* статью подъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя общія черты будущаго сельскаго управленія*, въ которой, между прочимъ, писалъ: „Мы полагаемъ необходимымъ, на неограниченное время предоставить владѣльцу-дворянину право, какъ хозяину, подвергать собственною властію „домашнему исправительному наказанію работника и служителей господскаго двора, работниковъ, отправляющихъ

барщину господскую, равно наемниковъ, наконецъ и тѣхъ изъ дворовыхъ людей, которые до истеченія переходнаго періода останутся еще въ крѣпостномъ состояніи и будутъ жить при господскомъ дворѣ. Домашнее это наказаніе не должно превышать содержанія до двухъ дней подъ арестомъ, на хлѣбѣ и водѣ, въ здоровомъ мѣстѣ, или наказанія тѣлеснаго до 18 ударовъ розгами; а для малолѣтнихъ, недостигшихъ еще 14 лѣтъ отъ роду, и для женскаго пола,—дѣтскими розгами, не болѣе 15 ударовъ“ и пр. [6]).

Эти строки возбудили журнальную бурю.

Прежде всѣхъ ополчился противъ князя Черкасскаго *Русскій Вѣстникъ*, въ которомъ было напечатано три письма, изъ коихъ два принадлежали перу двухъ помѣщиковъ „изъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстъ нашего Отечества: Рочадову и Готовцеву, а третье „изобличительное письмо“ принадлежало самому Байбородѣ...

„Князь Черкасскій“,—пишетъ Рочадовъ,—„поставивъ десять главныхъ условій, которыхъ „не можетъ *безнаказанно* упустить изъ виду никакое новое положеніе мѣстной и сельской организаціи“, въ первомъ изъ нихъ говоритъ: „дворянству, изъ непосредственной власти котораго нынѣ выходитъ сельское сословіе, должно быть предоставлено преимущественное право мѣстнаго наблюденія за его интересами и мѣстнаго надъ нимъ суда, *но въ новыхъ и просвѣтленныхъ формахъ*“. Любопытствуя узнать, въ чемъ должны будутъ заключаться эти новыя просвѣтленныя формы, я въ № 9-мъ *Сельскаго Благоустройства* (стр. 261) встрѣтился съ *наказаніемъ женскаго пола дѣтскими розгами, не болѣе пятнадцати ударовъ.* Хозяинамъ-владѣльцамъ *не изъ дворянъ* князь Черкасскій не предоставляетъ этого права“.

Выписавъ это, Рочадовъ замѣчаетъ: „Вотъ какъ иногда высказывается любовь-то къ нашему простому народу и выражается возвышенное понятіе о Русскомъ крестьянинѣ, какъ человѣкѣ! Нѣтъ, не любите вы Русскаго человѣка, г.г. славянофилы!... Смѣю увѣрить князя Черкасскаго, что вся истинно-

образованная часть дворянства, не только не желаетъ сохранить за собою постыдное право тѣлеснаго наказанія женщинъ, но съ радостію готово избавиться и вовсе отъ права тѣлеснаго наказанія. Вамъ это говоритъ вовсе не *юноша, не перегорѣвшій въ горнилѣ опыта*, а человѣкъ, тоже поживщій въ Россіи, помѣщикъ, служившій въ *былое время* въ военной службѣ. Онъ проситъ васъ, князь, хлопотать не объ опредѣленіи точнаго размѣра розогъ, а объ отмѣненіи этого проклятаго, богопротивнаго и безчеловѣчнаго права“.

Другой помѣщикъ, Готовцовъ, писалъ, между прочимъ: „Живя безвыѣздно болѣе двадцати-пяти лѣтъ въ деревнѣ, гдѣ мертвое молчаніе, какъ проклятіе, тяготѣло надъ нами, я начиналъ почти терять надежду дожить когда-нибудь до лучшихъ дней. Послѣ долгихъ, долгихъ ожиданій занялась наконецъ заря новой жизни. Все ожило, заговорило. Въ это то великое время явилась статья князя Черкасскаго, и явилась въ *Сельскомъ Благоустройствѣ!*.....Кто могъ подумать, чтобы встрѣтить подобную статью. писанную княземъ Черкасскимъ, отъ котораго мы въ правѣ были ожидать не потворства, а противодѣйствія инстинктамъ, которые взлелѣяны въ насъ крѣпостнымъ правомъ“?...

Съ своей стороны и Байборода написалъ цѣлый рядъ *Изобличительныхъ Писемъ*, которыя заключаетъ такъ: „Но что вы скажете о *Сельскомъ Благоустройствѣ*, объ этомъ журналѣ, который взялся быть поборникомъ народныхъ интересовъ, который въ крестьянскомъ вопросѣ объявилъ себя хозяиномъ и распредѣлялъ всѣмъ прочимъ журналамъ роли и должности въ этомъ вопросѣ? Знаете ли вы, что *Сельское Благоустройство* и вамъ опредѣлило роль? Вамъ, съ снисходительною улыбкою, предоставило оно заниматься лишь общими сторонами вопроса и исполнять отчасти полицейскую должность, то-есть подстрекать отсталыхъ и т. п. Не заключается ли въ этой должности также казнить недобросовѣстныхъ, изобличать пустоту и ничтожество? Если такъ, то я пригодился вамъ. Искренне желаю, чтобы мой щелчокъ принесъ

пользу *Сельскому Благоустройству*, и чтобъ оно впредь не задавало мнѣ новыхъ задачь, хотя признаюсь вамъ, мнѣ съ трудомъ вѣрится, чтобы эти господа, такъ привыкшіе къ наркотизму самовосхваленія и наивнаго фразерства, могли когда нибудь мыслить и дѣйствовать въ Литературѣ съ полною искренностію. Я чувствую, еще не разъ понадобится мое изобличительное слово" [7]).

Вслѣдъ за *Русскимъ Вѣстникомъ* выступили противъ князя Черкасскаго и *Московскія Вѣдомости.*

Е. Ѳ. Коршъ писалъ въ нихъ: „Въ прошломъ году, читали мы въ *Русской Бесѣдѣ* умную, славную статью одного изъ самыхъ талантливыхъ нашихъ публицистовъ въ похвалу Англійской аристократіи и аристократическому началу. Злые языки увѣряли даже, что она написана не безъ нѣкоторой задней мысли; но многіе этому не повѣрили. Но, вотъ, является девятая книжка *Сельскаго Благоустройства* и въ ней мы прочли новую статью того же автора, *Нѣкоторыя общія черты будущаго сельскаго управленія*, и въ ней есть страницы, напомнившія намъ прошлогоднюю статью объ Англійской аристократіи и аристократическомъ началѣ".

Въ заключеніе своей замѣтки, Е. Ѳ. Коршъ благодаритъ издателя *Сельскаго Благоустройства* „за примѣчаніе, умѣряющее ретроградный порывъ его сотрудника". Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приглашаетъ издателя подумать о томъ, „возможно-ли дѣйствительное улучшеніе сельскаго быта, которое онъ справедливо называетъ великимъ дѣломъ, пока наша Литература продолжаетъ заниматься количественнымъ опредѣленіемъ извѣстнаго рода наказаній, о которыхъ никакъ нельзя сказать, чтобы они слишкомъ содѣйствовали развитію чувства собственнаго достоинства въ низшемъ сословіи"?...

Иного мнѣнія были славянофилы. 2 августа 1858 года, Кошелевъ писалъ изъ Рязани къ Ю. Ѳ. Самарину: „Черкасскій написалъ великолѣпную статью о сельскомъ управленіи". Съ своей стороны И. С. Аксаковъ, 17 октября 1858 г., писалъ Черкаскому: „Статьей вашей о мірскомъ

управленіи я очень доволенъ; собственно говоря, первою половиною... Какъ вы искусно подобрались къ критикѣ Учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ и статей Свода Законовъ. Но знаете что? Удивляюсь, куда дѣвался вашъ тактъ или чутье. Благое впечатлѣніе вашей статьи проиграно въ значительной степени—чѣмъ бы вы думали—упоминаніемъ о тѣлесномъ наказаніи... Я очень сердитъ на Кошелева, зачѣмъ онъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать примѣчаніе... просто не выкинулъ или не передѣлалъ мѣста... Теперь на васъ ополчится,—знаете ли кто? Люди, получившіе чуть не Европейскую извѣстность въ дѣлѣ сѣченія: Н. Ф. Павловъ, обезсмертившій себя сѣченіемъ въ Муринѣ.—В. Д., отличавшійся въ сѣченіи ратниковъ, и т. д. Я не имѣю въ этомъ отношеніи никакой pruderie и знаю, что крестьянинъ предпочитаетъ тѣлесное наказаніе всякому насильственному задержанію contrainte par corps,—но въ настоящее время можно было бы и не касаться этого вопроса. Теперь А. И. Кошелевъ, который и самъ сознался, что вовсе никакой чувствительности въ наказаніяхъ своихъ старостъ и бурмистровъ не оказываетъ—является гуманнѣе васъ въ этомъ отношеніи передъ публикою... Такимъ образомъ, въ вашей статьѣ ничего другого не замѣтили и не замѣчаютъ, и всѣ кричатъ про это мѣсто. Это очень досадно потому, что совершенно несправедливо и лучше назначить восьмнадцать ударовъ розогъ, чѣмъ сѣчь произвольно въ волю, или даже посредствомъ земской полиціи..." Ю. Ѳ. Самаринъ также одобрительно отнесся къ статьѣ Черкасскаго, и 10 октября 1858 г., писалъ изъ Самары къ А. И. Кошелеву: „Статья Черкасскаго мастерская и почти во всемъ я съ нимъ согласенъ, кромѣ предпочтенія прихода хозяйственной единицѣ".

Самъ же Черкасскій писалъ И. С. Аксакову: „А странная судьба наша: съ одной стороны, слыть краснымъ, съ другой—репрессистами. Подите, угодите-ка всѣмъ. Это—впрочемъ, опасности, окружающія всякую историческую школу".

И. С. Аксаковъ, чтобы,—какъ онъ писалъ,—„заставить

молчать крикуновъ, выведшихъ его изъ терпѣнія", напечаталъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статью, въ которой ухитрился, защищая князя Черкасскаго, обвинить дворянство въ данномъ случаѣ ни въ чемъ неповинное. „Ни князя Черкасскаго, ни издателя *Сельскаго Благоустройства*, Кошелева",—писалъ онъ,—„нѣтъ теперь въ Москвѣ, и мы считаемъ обязанностью вступиться за отсутствующихъ. Оба они теперь членами въ крестьянскихъ комитетахъ, оба трудятся добрымъ, честнымъ трудомъ на пользу Русскаго крестьянина, оба на дѣлѣ, не на словахъ только, доказываютъ свою преданность великому дѣлу—оба въ постоянной ежедневной борьбѣ. Многое, что кажется уступкою противъ нашихъ ожиданій и требованій, есть истинное завоеваніе, побѣда надъ высокомѣрными притязаніями закоснѣлаго невѣжества и корысти! И въ эту то минуту тяжелой борьбы, когда стоящіе за правое дѣло всего сильнѣе нуждаются въ сочувствіи людей образованныхъ, не смотря на различіе партій,—противники князя Черкасскаго получаютъ неожиданное подкрѣпленіе—и отъ кого же? Отъ тѣхъ двухъ органовъ (*Русскій Вѣстникъ* и *Московскія Вѣдомости*) нашей Литературы, отъ которыхъ они всего менѣе могли бы ожидать себѣ помощи! Мы вполнѣ согласны, что статья князя Черкасскаго могла подать поводъ къ недобросовѣстнымъ заключеніямъ, но не со стороны же *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей*, слишкомъ хорошо знакомыхъ съ литературною и общественною дѣятельностію князя Черкаскаго. Я обращаюсь къ чувству правды писавшихъ и въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, могутъ ли они „по совѣсти, обвинять князя Черкасскаго въ *пристрастіи* къ тѣлесному наказанію? Вполнѣ ли согласно со строгою справедливостью, вполнѣ ли добросовѣстно сказать, что князь Черкасскій „пришелъ къ убѣжденію, будто для управленія—необходима розга"? Развѣ это выражено гдѣ-нибудь въ статьѣ князя Черкасскаго? Развѣ князь Черкасскій не говоритъ тутъ же, что „разумный ходъ постепенно возвышающейся гражданственности долженъ быть

постоянно направляемъ не къ распространенію подобныхъ правъ наказанія, а къ ихъ сглаживанію и замѣненію отношеніями правильной гражданской свободы"? Развѣ авторы не „убѣждены въ душѣ своей, что ни князь Черкасскій, ни *Сельское Благоустройство* не уступятъ имъ въ отвращеніи ко всякому грубому насилію? Мы громко протестуемъ противъ всякаго подозрѣнія, которое могло бы пасть, вслѣдствіе словъ *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей* на образъ мыслей князя Черкасскаго" [8])...

На эту статью И. С. Аксакова обратилъ вниманіе государь, и государственный секретарь В. П. Бутковъ, 25 ноября 1858 года, сообщилъ министру Народнаго Просвѣщенія слѣдующее: „Государь императоръ, имѣя въ виду, что означенная статья послужила поводомъ къ неправильнымъ дѣйствіямъ въ Рязанскомъ Губернскомъ Комитетѣ, члены коего почли нѣкоторыя выраженія статьи оскорбительными для себя, изволилъ изъявить высочайшую свою волю, дабы ваше превосходительство обратило на означенную статью Ивана Аксакова особенное вниманіе ваше".

Сохранилось слѣдующее письмо князя Черкасскаго къ Погодину, изъ Тулы, отъ 28 ноября 1858 года: „Извините, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на дружеское письмо ваше, отъ 19-го числа. Неожиданное полученіе его мнѣ было тѣмъ пріятнѣе, что я видѣлъ въ немъ знакъ постояннаго и снисходительнаго вашего участія къ моей скромной дѣятельности. Письмо ваше пришло какъ нельзя болѣе кстати; то, на что вы вызывали меня, уже давно зрѣло въ моемъ умѣ, и если я еще не рѣшался выполнить, то главнымъ образомъ потому, что во всякомъ нѣсколько важномъ дѣлѣ привыкъ, если не избѣгать, то по крайней мѣрѣ умѣрять первое движеніе. Между тѣмъ, подоспѣло ваше письмо; въ тотъ же день получилъ я еще письмо отъ Кошелева изъ Петербурга, увѣдомлявшаго меня, что Прибалтійское Общество сильно негодуетъ на *Русскій Вѣстникъ*, за нападки на меня. Всего этого было слишкомъ достаточно,

чтобъ окончательно меня поколебать, и я немедленно послалъ статейку къ И. Аксакову, поспѣшая избавить отъ противуестественныхъ, всегда для меня страшныхъ, союзниковъ. Въ коротенькой статьѣ моей, отправленной 24 числа, я, въ короткихъ словахъ, указалъ еще на другія существенныя причины, побудившія меня измѣнить первоначально высказанное мною мнѣніе. Признаюсь вамъ откровенно, я выполнилъ тѣмъ долгъ совѣсти и могу увѣрить васъ, что выполненіе этого долга не много стоило моему самолюбію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, почти заранѣе убѣжденъ, что въ литературномъ отношеніи, мнѣ лично поступокъ этотъ не принесетъ ни малѣйшей пользы, быть можетъ даже еще болѣе повредитъ, ибо онъ, вѣроятно, не всѣми, и далеко не всѣми, будетъ оцѣненъ съ полною добросовѣстностью. Какъ бы то ни было — скоро все уяснится. Съ своей стороны — почту себя вполнѣ вознагражденнымъ, если объясненіемъ своимъ лишу хоть двухъ-трехъ поклонниковъ крѣпостного права возможности извлекать изъ моихъ словъ оружіе въ пользу отношеній, мнѣ издавна ненавистныхъ. Лично же мнѣ — достаточно нелицѣмѣрнаго сознанія, что я съ самыхъ первыхъ дней своей дѣятельности принадлежалъ къ числу тогда еще не весьма многочисленныхъ враговъ крѣпостнаго быта, что я никогда не мирился съ безобразіемъ и быть можетъ сколько-нибудь да участвовалъ въ приготовленіи теперь совершающагося дѣла. Трудно было бы кому бы то ни было увѣрить меня въ томъ, что я теперь могъ перемѣнить свой образъ мыслей...

Что сказать вамъ о себѣ и о нашемъ Тульскомъ Комитетѣ? Онъ представляетъ верхъ возможнаго безобразія. До сихъ поръ мы еще ни къ чему не приступали; большинство ждетъ выборовъ, имѣющихъ открыться 10 декабря и рѣшительно отклоняется отъ начатія дѣла, стараясь провести начало выкупа личныхъ крестьянскихъ правъ, зная, что ни я, ни меньшинство этого не допустимъ, и надѣюсь въ благородномъ дворянствѣ найти себѣ нравственную (полно — кстати ли употреблено это слово) опору. Я очень занятъ теперь соста-

вленіемъ проекта земскаго кредитнаго общества для выкупа у помѣщиковъ крестьянскаго земельнаго надѣла посредствомъ финансовой операціи. Не надѣюсь на нашъ Комитетъ, который если даже послѣ выборовъ и исправится нѣсколько, то все-таки будетъ непремѣнно настаивать на томъ, чтобъ ограбить крестьянъ и обобрать у нихъ болѣе половины и даже $^2/_3$ ихъ теперешняго надѣла. А потому, по составленіи проекта, не плѣнительнаго для дворянства по сравнительной умѣренности своихъ оцѣнокъ, наберу нѣсколько, вѣроятно немного, подписей и предоставлю прямо въ Петербургъ. На бѣду—тамъ встрѣтится новое затрудненіе — глупость администраціи, скупость Правительства, отсутствіе головы въ Министерствѣ Финансовъ. Неутѣшительно, но кажется—вѣрно!

Fais ce que dois, advienne ce que pourra, говоритъ Французская поговорка. Такъ приходится дѣйствовать и нашему брату теперь. И знаешь впередъ, что не угодишь ни на кого. Мы живемъ въ эпоху крайнихъ непримиримыхъ требованій, для которой нужны или озлобленные консерваторы или легкомысленные, хотя часто и благородные энтузіасты, одаренные безусловной вѣрой въ возможность переродить человѣчество въ два-три года и въ безвредность парниковой выгонки мысли. Прощайте. Я позаболтался и отнимаю у васъ драгоцѣное время. На праздникахъ буду въ Москвѣ, на нѣсколько дней, чтобъ осмотрѣться и увидѣться съ Самариными, Кошелевыми и проч. Непремѣнно тогда побываю у васъ и изустно передамъ вамъ правдивое сказаніе о мѣстной современной жизни въ Россіи".

Вскорѣ послѣ этого письма, князь В. А. Черкасскій писалъ Погодину: „Посылаю вамъ статейку о Тульскомъ эмансипаціонномъ обѣдѣ, съ письмомъ къ редактору. Не можете ли вы ко всему этому присоединить нѣсколько строчекъ отъ себя къ Мельникову".

Издатель *Русскаго Дневника*, П. И. Мельниковъ, сообщалъ Погодину слѣдующее: „Статья о Тульскомъ обѣдѣ не пропущена, потому-де что въ ней видна парціальность и тѣ лич-

ности, на которыя негодовалъ государь въ Нижнемъ, и еще-де потому, что были на хорахъ посѣтители да еще дамы. Надо вамъ сказать, что Гроту, Самарскому губернатору, сдѣланъ высочайшій выговоръ за допущеніе постороннихъ въ залу Комитета и за напечатаніе о томъ въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*".

„До сихъ поръ все идетъ какъ должно",—писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ къ Смирновой (16 февраля 1858),—„дворянство упирается, Правительство медлитъ, а народъ терпѣливо ждетъ. Все спокойно и смирно. Раздраженіе дворянства не привилось къ народу. Вчера происходили выборы въ Москвѣ. Между прочими выбраны: графъ Строгановъ, князь А. С. Меншиковъ, князь Сергѣй Урусовъ, le beau-frère de Dolly Obolenscy, князь Борисъ Мещерскій, Сергѣй Волковъ, Булыгинъ" и т. д..

Князь А. С. Меншиковъ, по своему Клинскому имѣнію, былъ сосѣдомъ Шевырева. Послѣдній (5 іюля 1858), изъ своего Щекина) писалъ Погодину: „Видѣлъ князя Меншикова. Говоритъ, что случается ему слышать въ Комитетѣ дикія мысли. Великое дѣло идетъ что-то вяло. Все вокругъ спокойно. Освобождаемые менѣе всего думаютъ о своемъ освобожденіи, но стараются овины откладывать далѣе. Одинъ экономическій крестьянинъ спрашивалъ у меня: правда ли, есть слухъ, что у насъ отнимутъ тѣ земли, которыми они по крѣпостямъ владѣютъ" [9])?

Слѣдя за ходомъ крестьянскаго вопроса, Ѳ. И. Тютчевъ (5 іюня 1858 г.) съ грустью писалъ: „Не только никто не знаетъ, что происходитъ въ комитетахъ, или въ какомъ положеніи въ настоящую минуту начатая работа, но даже незамѣтно, чтобы кто-нибудь стремился узнать это. Нельзя было бы говорить объ этомъ дѣлѣ меньше если бы оно уже было сдѣлано и передѣлано двадцать лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ, ясно, что доселѣ ничего серьезнаго, въ смыслѣ реформы, и не было начато, хотя все поставлено подъ вопросъ, какъ statu quo" [10]).

„Ко мнѣ пришелъ одинъ дворянинъ“.—писалъ митрополитъ Московскій Филаретъ къ своему лаврскому намѣстнику Антонію (8 декабря 1858 г.),—„предлагаетъ, чтобы я сказалъ Правительству о неудобности принимаемымъ мѣръ относительно крестьянъ; потому что дворяне недоумѣваютъ, и ничего не дѣлаютъ. Я отвѣчалъ, что это внѣ круга моихъ обязанностей, и что это можно было бы предложить только Англійскому епископу, законно засѣдающему въ высшемъ государственномъ присутственномъ мѣстѣ. Кажется, такъ надлежало мнѣ отвѣчать“ [11])?

V.

Въ эпоху учрежденія губернскихъ комитетовъ, извѣстный беллетристъ Н. В. Бергъ переселился изъ Москвы въ свое Кирсановское имѣніе, Тамбовской губерніи. Сохранился цѣлый рядъ его писемъ за это время къ Погодину, въ которыхъ Бергъ, какъ туристъ, а не какъ человѣкъ, связанный съ Тамбовскою землею живыми корнями, описываетъ и помѣщиковъ, и крестьянъ; а между тѣмъ, этотъ самый Кирсановскій „затерянный въ степной глуши уголокъ“, съ обитавшими въ немъ Кривцовыми, Баратынскими, Чичериными, подъ перомъ Б. Н. Чичерина, является какъ „привлекательный центръ умственной жизни“.

Въ началѣ марта 1858 года, Н. В. Бергъ выѣхалъ изъ Москвы. 12 марта онъ уже былъ въ Тамбовѣ.

Въ то время святительскій престолъ Тамбовской Церкви занималъ историкъ Русской Церкви епископъ Тамбовскій и Шацкій Макарій, скончавшійся въ санѣ митрополита Московскаго и Коломенскаго; а начальникомъ Тамбовской губерніи былъ Карлъ Карловичъ Данзасъ, родной братъ друга Пушкина, Константина Карловича Данзаса.

„Я проѣхалъ“,—начинаетъ Бергъ свое первое письмо къ Погодину,—„пространство отъ Москвы до Тамбова довольно благополучно и даже скоро: въ двое сутокъ съ половиной,

около 500 верстъ, не смотря на дурную дорогу и задержки. Весна работаетъ сильно; Оку переѣхалъ съ трудомъ и страхомъ: ледъ раскисъ и трещитъ; ямщикъ привычный человѣкъ и то говорилъ, что больно плохо. Какой-то несчастный возъ врѣзался въ кисель середи рѣки и кȧкъ ужъ выбрался, не знаю. Подъ Ряжскомъ и я всадился; но, по счастію, близко шелъ обозъ, я упросилъ мужиковъ помочь, и они, вдесятеромъ, отпрягли лошадей, вывезли сани на себѣ. Къ Тамбову, т.-е. ближе къ югу, дорога лучше и совсѣмъ зима. Мѣстами такъ гладко, что мы летѣли какъ птицы. Лошади вообще недурны и притѣсненій незамѣтно. Командуютъ преимущественно старосты, и смотрителя почти не видишь. Вездѣ сильно нуждаются въ мелочи. Около Рязани, на одной станціи, староста, разсчитываясь со мной, воскликнулъ: Куда это подѣвалась мелочь!—Кабы не кабакъ, просто бѣда! Такъ, у насъ порядки держутся безпорядками, и одно другому помогаетъ. На станціяхъ, старосты, ямщики и нерѣдко какіе-то солдаты, просятъ на чай, на водку, на табакъ. Прежде просили и смотрители, но теперь не просятъ. Любопытно бы знать причину, потому что просьба ихъ чуть-ли не самая законная: станціонный смотритель получаетъ въ мѣсяцъ 4 рубля сер., при томъ комнатку, дрова и мужскую прислугу. Но такъ кȧкъ станціонные смотрители большею частію люди семейные, то должны нанимать кухарку. Спрашивается, что же ему остается изъ всей суммы. — Одинъ смотритель изъ фельдфебелей потѣшилъ меня разными разсказами о своихъ полковыхъ порядкахъ. Меня—говоритъ—спросилъ проѣзжій, нашего полка офицеръ: вѣдь ты, говоритъ, изъ фельдфебелей! Небось шельма былъ: всѣ фельдфебели шельмы.—Шельма, шельма, ваше благородіе, только зла никому не сдѣлалъ: 18 лѣтъ фельдфебелемъ былъ, а никто на меня не пожалуется. Одинъ разъ, унтеръ-офицеръ новый мундиръ пропилъ. Сказать ротному командиру — несчастнымъ сдѣлать. Я собралъ господъ унтеръ-офицеровъ: такъ и такъ, говорю, господа! вотъ что надѣлалъ! Разсудите! Наказать его, говорятъ, отечески. Разложили мы его да влѣпили полтораста хоро-

шихъ въ спину; всталъ молодцомъ да послѣ какъ благодарилъ! А мундиръ мы отъ себя купили на общія деньги, отъ чего не выручить"!

По пріѣздѣ въ Тамбовъ, Бергъ прошелся по улицамъ. „Поветшалъ Тамбовъ—пишетъ онъ—и опустился. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется. Я спросилъ о нѣкоторыхъ тузахъ, державшихся здѣсь прежде какими-то интересами: все это живетъ въ столицахъ или за границей. Общество распадается и мельчаетъ. Въ то время, когда Россія сбирается рѣшить вопросъ первой важности, здѣсь занимаются дѣтскими шалостями, которыхъ ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ описать".

Въ томъ же письмѣ Бергъ сообщаетъ, что „помѣщики здѣшніе",—какъ онъ слышалъ,—„нерѣдко говорятъ: какіе же мы будемъ дворяне, когда у насъ не будетъ мужиковъ? Какое-жъ тутъ дворянство? *That is the question*"!

Высказавъ это, Бергъ продолжаетъ: „На дняхъ ѣду слушать все это ближе. Весна торопитъ, и скоро зашевелятся рѣки".

Пріѣхавши въ село Семеновку, Бергъ сталъ приглядываться къ жизни помѣщиковъ и крестьянъ.

Во второмъ письмѣ своемъ (6 мая 1858 г.), Бергъ писалъ: „До сихъ поръ не видалъ еще настоящаго помѣщика. Все это *господа*, какъ ихъ зовутъ мужики, нѣчто постороннее управленію имѣніемъ и хозяйству, которое находится въ вѣдѣніи старостъ и бурмистровъ; нѣчто много ѣдящее, крѣпко спящее, не безпокоимое никѣмъ и разъѣзжающее на охоту и по сосѣдямъ. Словомъ — господа. Господа встали... Господа откушали... Господа поѣхали въ гости... ну какъ можно безпокоить господъ! Вотъ обыкновенныя фразы домочадцевъ. Быть настоящимъ, добросовѣстнымъ помѣщикомъ—неимовѣрно трудно; для этого нужно особое ученье, особый университетъ; въ помѣщики не прыгнешь, какъ ни хлопочи. Грустно видѣть, до какой степени простирается невѣжество помѣщиковъ, невѣжество, соединенное съ лѣнью и другими Русскими

замашками, когда дѣло дойдетъ до рѣшенія какого-либо вопроса. А вѣдь каждый скупъ, дрожитъ за вершокъ земли, но ни скупость, и ничто другое не въ силахъ пробудить въ немъ надлежащую энергію. Что-то будетъ съ тѣмъ вопросомъ, который занимаетъ теперь умы болѣе другихъ. Сельскій людъ шевелится, доспрашиваетъ поповъ, ожидая, что они возвѣстятъ ему свободу въ церкви, въ какой-нибудь праздникъ. Ждали на масляной,—масляная прошла; всѣ были увѣрены, что вотъ, въ Свѣтлое Христово Воскресенье,—прошло и оно. Въ Вознесенье бываетъ въ Тамбовѣ праздникъ, на который сходятся бабы, а частію и мужики, помолиться и вмѣстѣ продать холста, нитокъ и тому подобнаго деревенскаго добра; образуется такъ называемая *бабья* ярмонка, гдѣ собирается до пяти тысячь бабъ. На этотъ разъ богомолкамъ поручено было разузнать въ городѣ *скоро-ли*? Воротясь, онѣ принесли вѣсти, что *непремѣнно къ Троицѣ* и что въ Кирсановѣ ужъ *пришли газеты*... Здѣсь Бергъ заявляетъ, что главнымъ источниковъ его познаній помѣщиковъ и крестьянъ послужила его дружба съ женскимъ поломъ. „Ничего этого мнѣ бы не знать",—пишетъ онъ,—„еслибъ я не былъ друженъ съ женскимъ поломъ, который повѣряетъ мнѣ все это самымъ простодушнымъ образомъ, присоединяя тутъ же и другія любопытнѣйшія вещи изъ ихъ быта. Болѣе всего конечно толкуется у насъ

...о страсти нѣжной
которую воспѣлъ Назонъ"...

На основаніи этого источника, Бергъ сообщаетъ: „Какъ я ожидалъ, такъ и случилось: между желающими воли есть и нежелающіе. Отъ чего это происходитъ, рѣшить трудно. Или имъ мерещется, что при помѣщикѣ лучше, нежели гдѣ-то *тамъ*, что̀ будетъ послѣ; или ихъ держитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ привычка и Русская косность и лѣнь? Если бы все это были старые. Нисколько; есть молодые, здоровые парни, но вообще такихъ чудаковъ немного. Большинство желаетъ и алчетъ свободы, свободы неопредѣленной, состоящей

болѣе въ звукѣ, чѣмъ въ дѣлѣ. Свободенъ—и конецъ! могу это сказать, а что́ послѣ этого будетъ, какое мнѣ дѣло. *Пришли газеты* — вотъ въ чемъ свобода. Однако вообще тихо. Слухи носятся о какихъ-то безпокойствахъ по нѣкоторымъ уѣздамъ, но путемъ этого никто не видалъ. Что̀ до нашего села, гдѣ около десятка самыхъ разнообразныхъ помѣщиковъ, — я не могъ замѣтить до сихъ поръ ни малѣйшей перемѣны противъ прежняго. Если бъ не бабы, я не зналъ бы и того, что хоть говорятъ и толкуютъ. Помѣщики правятъ попрежнему и, отправляясь на охоту, берутъ для ношенія трубки и кисета особаго парня. Говорятъ, отъ предводителей было нѣкоторымъ замѣчаніе относительно обращенія съ людьми, но едва ли былъ въ этомъ большой толкъ. Беззаконное размежеванье породило несравненно бо̀льшія волненія, и надоѣло до того, что въ нашемъ селѣ, по выѣздѣ межевыхъ, рѣшили *отслужить молебенъ.* О Русь"...

Наконецъ нашъ туристъ посѣтилъ семьи помѣщиковъ, и вотъ что́ пишетъ объ этомъ посѣщеніи: „Недавно случай занесъ меня въ любопытную семью помѣщиковъ. Охотясь одинъ въ ближнемъ лѣсу, я сталъ переходить ручей и напалъ на такую глубину, что налилось не только въ сапоги, но даже въ боковые карманы. Въ мокрой одеждѣ я не могъ дотащиться до дому; а зашелъ въ первую помѣщичью усадьбу, какая попалась на глаза. Мгновенно мнѣ предложили всевозможныя услуги, чистое бѣлье, сапоги, халатъ. Хозяйка, старуха лѣтъ подъ 60, но весьма здоровая баба, натерла мнѣ ноги какой-то настойкой, лично, собственными руками, говоря, что самъ я не съумѣю этого сдѣлать; потомъ велѣла лечь въ постель, съ подушками на ногахъ. Между тѣмъ, готовился чай, а сынъ хозяйки, совершенный богатырь по тѣлосложенію, малый лѣтъ 35-ти, бывшій адъютантомъ начальника Тамбовскаго ополченія, — сталъ показывать мнѣ свои издѣлія изъ слоновой кости: ложки, миніатюрные пистолетики, вязальныя иглы, ко̀льца и т. п. Все это было сдѣлано отъ руки весьма искусно и притомъ *въ рукахъ:* богатырь по

недостатку своему не можетъ купить большихъ тисковъ; это, говоритъ, не по моимъ капиталамъ, *полтора цѣлковыхъ* стоитъ! Но что за руки у этого господина: я спросилъ, какъ онъ долбитъ подобные предметы, какъ, напримѣръ, столовыя ложки? Кость такая крѣпкая вещь. *А вотъ какъ!* — и съ этимъ словомъ онъ началъ ковырять въ костяномъ кускѣ какимъ-то долотомъ самодѣльщиной и оттуда посыпались крупныя стружки какъ изъ рѣпы. Послѣ я узналъ, что богатырь въ полномъ повиновеніи у матери и не смѣетъ выйти изъ дому, не спросясь. Однажды она не пустила его на охоту и велѣла идти къ обѣдни. Воротясь отъ обѣдни, онъ сказалъ матери грустно-наивнымъ голосомъ: Вы думаете я у обѣдни былъ? вовсе не у обѣднѣ: всѣ мои мысли были на охотѣ, и молиться не хотѣлось, ни разу лба не перекрестилъ!— Этотъ богатырь приводитъ на память другого, недавно пойманнаго въ Темниковѣ разбойника, Василья Ѳедоровича Липатова, о которомъ стòитъ разсказать. Липатовъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ помѣщика Бурнашева. Однажды, онъ укралъ у своего барина 18 тысячъ рублей и бѣжалъ, но вскорѣ явился съ повинной, принесъ всѣ деньги и просилъ отдать его въ солдаты, *такъ какъ баринъ уже не можетъ имѣть объ немъ прежняго мнѣнія*. Баринъ не согласился, обѣщалъ все забыть, но Липатовъ настаивалъ на своемъ и наконецъ былъ отданъ въ солдаты. Въ солдатахъ ему видно не понравилось, и онъ бѣжалъ въ лѣса, гдѣ сталъ грабить прохожихъ, впрочемъ по выбору. Иныхъ даже, кромѣ того, наказывалъ нагайкой изъ собственныхъ желѣзныхъ рукъ, если прослышитъ чтò дурное; другихъ, напротивъ, надѣлялъ деньгами. Но никого не убивалъ. Его захватили у любовницы, соннаго, ударивъ по головѣ кистенемъ, и Темниковскій городничій велѣлъ наложить на него особо сдѣланные кандалы съ пудъ вѣсомъ. Липатовъ, оставшись наединѣ въ острогѣ, сломалъ кандалы руками, о чемъ тотчасъ было донесено городничему, и онъ велѣлъ привести его къ себѣ. Липатова давно знали всѣ даже по имени и уважали за его чрезвы-

чайную силу. Городничій сказалъ ему учтиво, по привычкѣ, даже окруженному стражей: *Что это, Василій Федоровичъ, говорятъ, вы кандалы сломали?* — Желѣзо у васъ плохо, Иванъ Матвѣевичъ; я жилъ на Ижевскихъ заводахъ, много обращался съ желѣзомъ и потому знаю, какое плохо и какое хорошо. Посмотрите, что это за желѣзо!—И онъ взялъ принесенныя улику-налицо—кандалы и началъ ломать ихъ какъ бузинныя палки. Нашлись между присутствующими такіе, которые повѣрили шуткѣ Липатова: попробовали поломать— не тутъ-то было! *Дай-ка сюда другіе кандалы!* сказалъ городничій. Принесли другіе, обыкновенные, въ 12 фунтовъ вѣсомъ и надѣли на Липатова. Онъ потрогалъ ихъ и сказалъ: Вотъ эти совсѣмъ другого желѣза: не сломаешь! Такъ-то, ваше благородіе, прибавилъ онъ, обращаясь къ городничему: не слѣдъ бы вамъ надѣвать на меня *свои* кандалы; оттого-то они и крошутся; а до этихъ я и мнѣніемъ своимъ не смѣю коснуться, потому что они по указу его императорскаго величества, и допрежъ бы вамъ эти надѣть!—Въ острогѣ Липатовъ проговорился, что, если захочетъ, упечетъ городничаго, зачѣмъ онъ беззаконные кандалы набиваетъ арестантамъ—и послѣ этого вдругъ скоропостижно умеръ.—По поводу кандаловъ разскажу вамъ когда-нибудь не менѣе курьезную исторію. Покамѣстъ заключу письмо кое-какими хозяйственными замѣчаніями: всходы хлѣбовъ очень хороши. Земля дорожаетъ съ часу на часъ. Въ здѣшнихъ краяхъ счетъ производится постарому, на ассигнаціи. Изъ мелкаго серебра всѣ бьются неимовѣрно“.

Посѣтивъ Тамбовъ, Бергъ писалъ Погодину: „На дняхъ я былъ въ Тамбовѣ и слышалъ жалобы на губернатора: ни зачѣмъ не смотритъ, все Булгаковское (до него былъ Булгаковъ) разрушается; мосты, улицы приходятъ въ прежнее непроѣзжаемое состояніе. Опять и Булгаковъ не идеалъ: всѣ говорятъ, Тамбовъ поправилъ, это неспорно, а все-таки былъ . . . . . . съ которымъ невозможно было служить. Словомъ, маленькій Карскій Муравьевъ. Такъ, нѣтъ у насъ людей,

нѣтъ ничего настоящаго, какъ слѣдуетъ быть. Все перепутано. Вотъ Данзасъ и учтивъ, а толку нѣтъ и потому говорятъ, ужъ пусть лучше Булгаковъ. — Въ уѣздныхъ присутствіяхъ, которыя рекомендуетъ Чичеринъ для разбирательства дѣлъ между будущими помѣщиками и крестьянами,—грязное и грубое воровство. Lasciate ogni speranza.....“

VI.

Въ третьемъ письмѣ своемъ (3 іюня 1858), Бергъ описываетъ Погодину свое посѣщеніе города Кирсанова и происходившаго въ немъ „довольно безтолковаго собранія помѣщиковъ“. Кромѣ безтолковости,—пишетъ Бергъ,—„свойственной всѣмъ Русскимъ засѣданіямъ, была еще какая-то мужицкая робость; тоже довольно намъ свойственная. Отъ нихъ хотятъ прямаго, открытаго мнѣнія, для уясненія премудраго вопроса, а они шепчутся, боясь, какъ бы не услыхалъ баринъ. Кто поумнѣе, ходятъ пѣтухами и ничего не говорятъ. Я увѣренъ, что такова вообще захолустная Россія и нéчего бы церемониться Правительству съ этими мужиками, а просто собрать къ извѣстному сроку свѣдѣнія отъ предводителей — и рѣшить. Многіе и думаютъ, что такъ и будетъ, ибо, всѣ убѣждены, что сами помѣщики будутъ только съѣзжаться и никогда не кончатъ. Для засѣданій тоже нужна привычка, воспитаніе. Одинъ сказалъ же мнѣ: если нашъ маленькій округъ межевался, *для собственнаго своего благополучія*, цѣлыхъ 20 лѣтъ и размежевался такъ, что *столько плакущихъ, столько плакущихъ* и всѣ жалѣютъ, зачѣмъ въ это полюбовное размежеваніе не вмѣшалось Правительство: сколько же нужно этимъ лѣнтяямъ и невѣждамъ для обсужденія наимудрѣйшаго вопроса *всей Россіи*, вопроса, который имъ *вовсе не нравится?* Первые либералы, которыхъ въ другомъ городѣ потребовали бы къ оберъ-полицеймейстеру,—здѣсь кто бы думали? Мѣстная полиція: исправники и становые, но все это слабо, вяло и не можетъ представить ни малѣйшей оппози-

ціи. Шепотомъ говоритъ: разложилъ бы этого господина и выдралъ розгами, а на дѣлѣ обѣдаетъ у него, похваливая уху, и поретъ цѣлую сотню его мужиковъ, выразившихъ неудовольствіе по случаю переселенія на новое мѣсто. Здѣсь все теперь толкуетъ о переселеніи мужиковъ *отдѣльно отъ господскихъ усадьбъ*, дабы при новыхъ порядкахъ, не было съ ними всякаго рода возни за телятъ, лошадей, зашедшихъ во владѣніе барина. Теперь тутъ же, гдѣ поймалъ, разложилъ и закатилъ горячихъ, а тогда жди исправника... Русскій же мужикъ, вслѣдствіе несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ, ничего не понимаетъ кромѣ палки, и нравственнаго чувства еще не выроботалъ. И вотъ, всѣ пустились *находить законныя причины* къ переселенію, потому что предводителямъ предписано *внушать*. Тутъ, конечно, все происходитъ согласно обыкновенному человѣческому правосудію, которое особенно сильно въ Русскихъ захолустныхъ уѣздахъ: небогатымъ, у кого къ переселенію два двора съ половиной, говорятъ (не показывая имъ бумаги, вслѣдствіе ихъ невѣжества, а они и не добиваются, по тому же невѣжеству и мужицкимъ свойствамъ), что переселеніе *запрещено;* богатые же переселяютъ съ мѣста на мѣсто цѣлыя деревни. Бывшій нашъ предводитель, Петрово-Соловово, по просту называемый Соловой, переселилъ *десять деревень* — и вотъ боятся волненій. Нѣтъ, Русскій мужикъ — вѣчно Русскій мужикъ да и вся Россія больше ничего, какъ мужикъ сиволапый. Изъ 170-ти душъ въ одной деревнѣ Дашковкѣ, о которой и имѣлъ случай разспросить, выразили неудовольствіе только *двое* и не пошли, да и тѣ просили, чтобы ихъ оставили только до осени, дали бы собрать посѣянный овощъ, конопли, и что отъ переселенія они не прочь; остальные же безропотно собрали свои дворы, уложили на возы и потянулись въ голую степь. Двое ослушниковъ, которыхъ, можетъ быть, свои же братья назовутъ дураками, закованы въ цѣпи и представлены по начальству. При толкахъ объ эмансипаціи, почти никто не боится потерять однихъ крестьянъ, безъ

земли. Можно, говорятъ, дать имъ по рублю серебромъ, напоить водкой и отслужить еще, на радостномъ прощаньѣ, молебенъ (какъ это вообще водится на Руси). Доказываютъ (и это кажется такъ), что обработка полей наемными людьми несравненно выгоднѣе, ибо ихъ кормить только во время работъ, а тамъ—прощай, ступай куда знаешь! Своихъ же корми цѣлый годъ, всю сволочь и старье, какое только есть. Держать мужиковъ заставляетъ насъ старая, вѣковая привычка *быть помѣщиками*, свои-молъ: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. Даже отъ лѣни не раскусили, что это барство очень невыгодно, особенно въ такихъ мѣстахъ, какъ наша губернія, гдѣ земля тоже, что червонное золото. Два слова о Дашковкѣ, о которой я упомянулъ. Годъ тому назадъ, прослышавъ, что ихъ покупаетъ Соловой, крестьяне Дашковки собрали какую могли сумму и явились къ моему зятю, прося ихъ купить на ихъ деньги; къ сожалѣнію, полной суммы не хватало; а прибавить зять мой не могъ — и дѣло разошлось"...

Какъ туристъ, Бергъ разсуждаетъ объ отношеніяхъ дворянства къ крестьянству и пишетъ слѣдующее: „Сколько я замѣчаю, крестьянинъ и помѣщикъ—это два разные полюса, неизбѣжные, историческіе враги. Нескоро они сойдутся вмѣстѣ, заодно для общихъ интересовъ. Сколько ни хлопочи, мужикъ есть все-таки тайный червь, который не по злобѣ, а просто инстинктивно, по врожденнымъ свойствамъ, точитъ своего помѣщика. Если можно, онъ срубитъ у тебя тихонько дерево и не найдешь концовъ. Сведетъ къ сосѣду твоего жеребца для случки за десять копѣекъ; украдетъ съ гумна плетень на подтопку печи... и мало ли что дѣлается. Чувствуя себя взаимными врагами, крестьянинъ и помѣщикъ никакъ не могутъ жалѣть другъ друга. Въ нихъ выработалась взаимная жестокость, какъ бы естественное чувство. Они дышутъ ею, какъ воздухомъ. Помѣщикъ имѣетъ постоянное право говорить, что какъ ни ласкай мужика, сколько ни внушай ему нравственныхъ чувствъ—не внушить ничего; тутъ-то

онъ скорѣе и запьетъ, и всячески поднапакоститъ. Покажи палку—и все пошло какъ по писанному. А коли ты таковъ, стало быть катай его въ гробъ, когда можно. Что̀ до мужика,—онъ имѣетъ свои резоны вести себя такъ, а не иначе“.

По поводу предстоявшаго „съѣзда помѣщиковъ“ въ Тамбовѣ, Бергъ, вспоминая Кокорева и слова своего зятя, говоритъ: „Я бы пригласилъ его (т.-е. Кокорева) на наше засѣданіе, и онъ бы рѣшилъ одинъ за всѣхъ этихъ пустопорожнихъ“.

Въ письмѣ четвертомъ (25 августа 1858 г.), Бергъ сообщаетъ Погодину, что „жилъ до сихъ поръ въ глухой степи, въ новыхъ выселкахъ его зятя, гдѣ весьма трудно было достать необходимыхъ для письма снадобьевъ и я чуть-чуть не отвыкъ отъ пера“.

Перебравшись же въ Семеновку, нашъ туристъ принялся за писаніе писемъ, и въ четвертомъ своемъ письмѣ къ Погодину говоритъ, что „съ отвычки надо начинать о погодѣ“. У насъ,—пишетъ онъ,—„стоятъ сильные холода и нѣсколько времени тому назадъ были по ночамъ морозы, которые мѣстами убили гречиху. Раза три была странная мгла; при совершенно безоблачномъ небѣ не видно солнца; нѣкоторыя растенія покрываются пятнами. Человѣкъ въ эти часы испытываетъ непріятное чувство отъ тяготѣющаго на всемъ мрака, который продолжается не часъ и не два, а цѣлыя сутки и болѣе“.

Въ степяхъ Кирсановскихъ Бергу какъ-то попался старый *Москвитянинъ*, съ письмо̀мъ о Рашели за подписью *П. А—въ*; „по всей вѣроятности“,—пишетъ Бергъ,—„Пименъ Араповъ. Оно доставило мнѣ большое удовольствіе сколько многими тонкими и вѣрными замѣчаніями, столько превосходнымъ Русскимъ языкомъ, который въ настоящее время, увы! рѣдкость, да еще какая. И вотъ когда пришлось познакомиться съ умомъ и слогомъ этого человѣка, котораго во время жизни, кажется единственно за неудачную физіономію и нѣсколько особенныя манеры, преслѣдовала иронія. Кто надъ нимъ не

смѣялся и не звалъ его приходомъ одной извѣстной церкви, даже Пимашкой, а между тѣмъ въ груди Пимашки тлѣли божественныя искры.

Тамъ же „въ степяхъ“ Бергъ прочелъ *Хижину дяди Тома*, гдѣ, по его словамъ, „есть великолѣпныя страницы высокаго таланта. Многое напоминаетъ наше помѣщичье управленіе“. Кстати, перейду отсюда—пишетъ Бергъ—„къ настоящему положенію дѣлъ: есть движеніе въ народѣ, которое, мѣстами, можетъ потребовать жестокихъ военныхъ мѣръ, если станутъ затягивать окончаніе вопроса. Мнѣ кажется, Правительству необходимо растолковать народу, черезъ земскую полицію, *въ какомъ положеніи дѣло и къ чему все это идетъ*, — просто и кратко, въ пяти словахъ, безъ высокаго слога, который насъ всюду преслѣдуетъ. Надо удержать дикія и сумасбродныя фантазіи мужиковъ, собственно ни въ чемъ невиноватыхъ и нелѣпо фантазирующихъ, единственно по своему невѣжеству. Еслибъ вò-время умѣли имъ сказать, такъ, чтобъ они повѣрили: *въ какомъ положеніи дѣло и къ чему клонится* — не пролилось бы много напрасной крови, которую необходимо пролить. Но что дѣлать, у насъ много, или лучше все начинается кое-какъ, на авось, не справляясь ни съ чьей шкурой. А вопросъ глубокомудреный и великая за него отвѣтственность.—Видѣлъ нашего гога-магога—Соловаго. Онъ человѣкъ съ большимъ толкомъ и тактомъ въ жизни и въ хозяйствѣ, хотя слыветъ недалекимъ. Домъ его похожъ на дворецъ, стоитъ на великолѣпномъ мѣстѣ, гдѣ дни обитателей текутъ невозмутимо. Вотъ современный, превосходный типъ для повѣсти. Когда я ѣхалъ отъ него домой, среди живописныхъ горъ, покрытыхъ дубовымъ лѣсомъ (который мы какъ-то нечаянно проспали)—въ виду величавой рѣки и многихъ озеръ: мнѣ рисовался любопытный образъ... Но все тѣмъ и кончилось. Къ сожалѣнію, я не имѣю ни достаточнаго таланта, ни самоотверженія высказать художественно то, что часто роится въ мысляхъ. Много-бъ можно писать, конца нѣтъ. Невыразимо любопытенъ также закулисный міръ дере-

вень, очень мало намъ знакомыхъ. Я уже сказывалъ вамъ, откуда имѣю иныя свѣдѣнія. Постоянно сообщаются мнѣ бесѣды лакеевъ на кухнѣ, говоръ мужиковъ на такъ называемыхъ *улицахъ* и я теперь только вижу, какъ ложны выработавшіяся вѣками формы раболѣпства, которыми большинство такъ близоруко наслаждается и тѣшится. Крѣпко насъ не любятъ, глубоко пустила корни злоба. Долго и долго будутъ напрасны великіе порывы примиренія. Я со страхомъ гляжу на первые годы новыхъ порядковъ, пока не обойдется и не привыкнетъ дикій человѣкъ къ другимъ формамъ и быту. Прежде всего надо имѣть въ виду, что въ этихъ грубыхъ рукахъ—безцѣнные перлы: пропитаніе огромной страны, снабженіе хлѣбомъ безчисленныхъ портовъ".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Бергъ находитъ: „Сонъ и лѣнь крѣпко охватили эти страны, и кромѣ того примѣшивается какое-то негодяйство, свойственное всякому невѣжеству. Я очень хорошо помню одну исторію: мой отецъ, бывши въ Сибири, дозволилъ, по убѣдительной просьбѣ сосѣда-помѣщика, жить ему съ семействомъ въ нашемъ деревенскомъ домѣ. Онъ такъ зажился, что прикащикъ, передъ нашимъ пріѣздомъ, никакими увѣщаніями не могъ принудить его очистить домъ и наконецъ надо было прибѣгнуть къ полиціи".

Посѣтившій Берга исправникъ, по словамъ его „весьма и весьма порядочный человѣкъ", разсказывалъ ему „о послѣднемъ засѣданіи помѣщиковъ въ Кирсановѣ: написали какую-то бумагу съ общаго согласія и всѣ одобрили; а когда пришлось подписывать, стали другъ друга толкать: начинайте вы!—нѣтъ, начинайте вы, я подпишу послѣ! Кончилось тѣмъ, что бумаги не подписалъ никто. А стоило бы только (добавляетъ исправникъ) подписать одному, всѣ остальные пустились бы подписывать какъ бараны, успѣвай только подавать перо".

По поводу этого разсказа, исправникъ сообщилъ Бергу, что „способъ допрашиванія мужиковъ всегда одинъ и тотъ же, неизмѣнно: сначала большею частью отмалчиваются, го-

ворятъ: „и знать не знаю, и не былъ“ и т. п. Потомъ кто нибудь прорвется—и всѣ начнутъ повторять одно и то же, въ одинъ голосъ, только знай пиши: „показалъ тоже, показалъ тоже“.

Выслушавъ это, Бергъ писалъ: „Истинно баранье царство“, и вмѣстѣ съ тѣмъ объ исправникѣ пишетъ слѣдующее: „Онъ слыветъ честнымъ человѣкомъ, который будто бы не беретъ. Вслѣдствіе этого несовременнаго свойства онъ принужденъ биться, какъ рыба объ ледъ и выносить столкновенія съ тузами помѣщиками-винокурами. Дѣло извѣстное, что винокуреніе нигдѣ въ Россіи не производится честно, особенно въ глухихъ степяхъ. Сороковушами уплачиваютъ долги, разумѣется съ уступкой; на сороковуши созидаютъ домà, употчивая на смерть работниковъ, которымъ нигдѣ не достать *такого* вина... Сороковуши переходятъ въ руки сосѣдей, вслѣдствіе различныхъ сдѣлокъ—и тогда въ иныхъ домахъ возникаетъ продажа вина по дешевой цѣнѣ, толкутся мужики и баре въ передней иной госпожи, надѣляющей честный народъ штофами и косушками драгоцѣнной влаги. Чтобы дѣло было шито да крыто, засыпаютъ поочередно исправнику—и конецъ. Тогда разъѣзжай сороковуши по всѣмъ направленіямъ. Настоящій нашъ исправникъ (только что вступившій въ должность) получилъ уже разныя предложенія, но какъ слышно, ихъ не принялъ. Любопытно, чѣмъ все это кончится. Больше, покамѣсть, писать нечего“.

VII.

Въ письмѣ пятомъ (20 октября 1858 г.) къ Погодину Бергъ пишетъ: „Въ прозѣ я поминутно сталкиваюсь съ самымъ дикимъ невѣжествомъ. Убиваетъ отсутствіе нравственнаго чувства въ народѣ. Подбросить дохлую скотину, когда кругомъ падежъ; выворотить придорожный столбъ, срубить чудное дерево, украсть все, чтò можно, украсть подобнымъ образомъ, не боясь палокъ въ спину,—это вещи самыя

простыя, узаконенныя многими и многими годами. Пропасть возьми съ выживаніемъ сосѣдей изъ моего участка. Еслибъ я не былъ здѣсь, все это сидѣло бы на моей землѣ три вѣчности сряду. Жду не дождусь минуты, когда свалятъ прочь дикія орды и я останусь одинъ. Между тѣмъ окапываюсь канавами, чтобъ замкнуться какъ въ укрѣпленіи. Движеніе и толки, кажется, умялись немного, вслѣдствіе строгихъ мѣръ. Сколько случалось слышать отъ очевидцевъ: прямыхъ бунтовъ нигдѣ не было, народъ съ полиціей учтивъ, ломаетъ шапку, а только—нейдетъ молъ работать, мы вольныя, и зачинщиковъ между нами нѣтъ. Но одна рота солдатъ смиряетъ и эти разсужденія: едва раздался звукъ барабана въ селѣ, едва устроена гауптвахта—ужъ никто ни гугу—и поди, Ванька, ложись—нечего дѣлать!

„Недалеко отъ насъ въ селѣ Тимирязевѣ, при поротьѣ присутствовалъ самъ губернаторъ. Я присматривался: гдѣ народъ волнуется и отъ чего у одного помѣщика убранъ хлѣбъ, а у другого нѣтъ, тутъ рядомъ, при одинакихъ понятіяхъ крестьянъ объ эмансипаціи. Все дѣло въ томъ, кто управляетъ. Движенія происходятъ въ имѣніяхъ запущенныхъ, при безпорядочномъ хозяйствѣ, или у помѣщиковъ жестокихъ и несправедливыхъ, что бывало и прежде; а тамъ, гдѣ идетъ неослабный надзоръ и все взыскивается правильно—тамъ нѣтъ никакихъ недоразумѣній между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Одинъ помѣщикъ мнѣ сказалъ: „я ихъ поролъ и еще буду триста лѣтъ пороть, если бы случилось прожить. Только надо быть справедливымъ и не выпускать возжей“.— По моему, нужно изобрѣсть на будущее время стимулъ, который побуждалъ бы мужика къ труду, а иначе будетъ плохо. До чего простирается Русская лѣнь, трудно представить, не видавъ близко. Никакихъ денегъ не возьметъ иной разъ, чтобы слѣзть съ печи. Я запрудилъ подъ садомъ прудъ и скоро раздалось хлопанье вальковъ моихъ и сосѣднихъ бабъ. Однажды, я подошелъ къ нимъ и спросилъ: довольны ли они прудомъ?—Благодаримъ вашу милость всякій часъ!

Такого пруда со временъ барина Николая Петровича не запомнять!

„А съ тѣхъ поръ какъ Николая Петровича не стало, прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, прудъ прорвался, бѣлье мыли въ разныхъ лужахъ, подлѣ ручьевъ, а моченецъ возили на рѣку Ворону, за пять верстъ. Между тѣмъ, запрудить прудъ—дѣло однихъ сутокъ для трети такой незначительной барщины, какъ моя. И сколько бы я могъ разсказать подобныхъ анекдотовъ. Не такъ давно былъ еще такой же смертный случай, о какомъ я вамъ писалъ лѣтомъ, или разсказывалъ на словахъ. Опился какой-то мѣщанинъ въ кабакѣ, ввалился въ телѣгу и дорогой, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ кабака умеръ. По правиламъ, мертвое тѣло оставлено на мѣстѣ, въ телѣгѣ, и приставленъ караулъ, всего одинъ мужикъ. На бѣду, мѣсто, гдѣ стояла телѣга съ мертвецомъ, находилось вблизи кладбища; караульщикъ боялся оставаться ночью со многими мертвецами и подвозилъ своего, разумѣется, на собственныхъ плечахъ, къ кабаку, а утромъ опять уѣзжалъ въ поле. Такія прогулки мертвеца продолжались двѣ недѣли, пока наѣхалъ судъ... Ну куда же такому народу бунтовать“!

Наконецъ, въ шестомъ своемъ письмѣ (5 ноября 1858), Бергъ пишетъ: „Все болѣе и болѣе вижу дичь и невѣжество и убѣждаюсь въ совершенной необходимости грубыхъ и жестокихъ мѣръ съ этимъ народомъ. Это все жестоко только относительно того фантастическаго міра, который создается гдѣ-то тамъ, людьми нисколько незнакомыми съ нашимъ мужикомъ. Но собственно это не жестоко, какъ не жестоко отрѣзать ногу, въ которой оказался антоновъ огонь. Всякій размышляющій человѣкъ знаетъ, что грубое тѣлесное наказаніе имѣетъ свою дурную сторону—это, такъ сказать, ядъ, вредящій душевному организму, но что же тутъ дѣлать, если никакой чортъ не можетъ придумать другого средства. Вчера и дня три тому назадъ былъ у меня нашъ уѣздный судья (правящій нынѣ должность предсѣдателя, по несостоятельности выбраннаго) съ исправникомъ. Оба раза они пили у

меня чай, ужинали и ночевали. Все время разговоръ шелъ о ихъ различныхъ поѣздкахъ *по случаю эмансипаціи.* Тамъ драли, здѣсь пороли. Сначала эти разсказы производили на меня непріятное впечатлѣніе, а потомъ, какъ водится, я привыкъ, и вспоминаю о впечатлѣніи, произведенномъ на меня *первымъ* возомъ съ мертвыми тѣлами, гдѣ торчали разбитыя головы, оторванныя руки и ноги — и какъ потомъ все это стало обыкновенно *)! Такъ точно, незамѣтно, вхожу я во вкусъ палочныхъ разсказовъ и всего этого грубаго міра, и начинаю разумѣть его естественность и необходимость. Какъ-то случилось, что исправникъ ушелъ въ другую комнату и занялся бесѣдой съ моимъ зятемъ. Я остался съ судьей и началъ жаловаться ему на поступки сосѣдскихъ крестьянъ и всеобщую безнравственность. „Надо бить по зубамъ, катать направо и налѣво“—отвѣчалъ судья: „иначе ничего не будетъ! Они только этого и ждутъ! Я пріѣхалъ сюда назадъ тому лѣтъ двадцать слишкомъ и нашелъ точно тоже, что нашли и вы; пробовалъ разныя мѣры, уговаривалъ, просилъ, жаловался Правительству—все это оказалось недѣйствительнымъ, и, наконецъ я, раздражившись, началъ катать по зубамъ всѣхъ, кто попадался подъ руку: и своихъ, и казенныхъ, и всякихъ. Но дѣло было запущено: *восемнадцать лѣтъ* сряду я каталъ всѣхъ по зубамъ и только черезъ восемнадцать лѣтъ увидалъ, что дѣло начинаетъ поправляться. Теперь у меня всё въ порядкѣ и я не могу пожаловаться. Совѣтую вамъ не запускать и не гуманничать не кстати. Всѣ мы понимаемъ, что лучше бы не сѣчь и не драться, но нельзя, нельзя и нельзя! Это все равно, еслибъ вы пріѣхали въ Аравію и заговорили по-Французски, а потомъ сердились, что васъ не понимаютъ. Арабскій, Арабскій языкъ нуженъ, а не другой-- вотъ въ чемъ дѣло“! На все это я молчалъ, потому что — нечего было возражать. Изъ всѣхъ многочисленныхъ случаевъ, которые привели меня къ этому молчанію, разскажу

---

*) Въ Севастополѣ. *Н. Б.*

одинъ. Осенью открылся въ нашемъ селѣ падежъ. При зарываніи нашей скотины я всегда присутствовалъ лично, но не было никакой возможности разорваться всюду и смотрѣть за чужими. И вотъ, подъ моимъ садомъ и въ моихъ прудахъ стали появляться ободранныя туши дохлыхъ коровъ и овецъ. Я былъ тутъ виноватъ въ особенности тѣмъ, что остаюсь на мѣстѣ, а другимъ должно переселяться: вотъ же тебѣ! По невѣжеству своему и невѣроятной лѣни, эти негодяи сердились за то, что имъ сходить, собирать избы, хлопотать, а я вотъ сижу на мѣстѣ, завидно; между тѣмъ, при межеваніи, сами объявили желаніе выселиться на новый участокъ. Я жаловался, кричалъ, грозилъ вызвать Земскій Судъ — ничто не помогало. Дохлая скотина не зарывалась и распространяла заразу болѣе и болѣе. Собаки растаскивали повсюду ноги и требуху павшихъ животныхъ, вонь была страшная. Наконецъ я рѣшился сказать исправнику, онъ призвалъ сотскаго и объяснилъ ему, что если черезъ сутки все это не будетъ убрано, „если я увижу торчащее изъ-подъ земли ребро, или коровій рогъ — тебѣ будетъ дано 250 палокъ". Сотскій, прослушавъ все это молча, сказалъ: слушаюсь, и вышелъ. Его спина была въ моемъ распоряженіи: стоило только указать исправнику, черезъ сутки, незарытую скотину—и сотскому влетѣло бы 250 палокъ, но я, говоря словами судьи, гуманничалъ не кстати: скотина не зарывалась, и однѣхъ дохлыхъ коровъ явилось подъ моимъ садомъ (не говорю о другихъ мѣстахъ)—*восемь*. Я опять шумѣлъ, призывалъ разныхъ старостъ, говорилъ съ помѣщиками. „Сейчасъ зароемъ, помилуйте, стôитъ ли объ этомъ безпокоиться". Но я не пошелъ слѣдомъ за обѣщавшими зарыть — и все осталось по-прежнему, и курево падали подымается окрестъ, поддерживая заразу. Остается снова прибѣгнуть къ Правительству и я прибѣгну. Сотскому дадутъ не 250, а 800 палокъ, но сту при каждой скотинѣ, и я готовъ просить еще прибавки, потому что пришелъ въ неестественное раздраженіе. Кромѣ того достанется спинамъ разныхъ старостъ и

мужиковъ; между тѣмъ, все могло кончиться 250 палками одному сотскому, данными во̀время; и выхожу виноватъ я же, отъ того что не понималъ дѣла и гуманничалъ. Вотъ нашъ сельскій міръ, вотъ наша „тишина" полей. Вотъ люди, населяющіе благодатную землю, изобилующую хлѣбами, незнающую что̀ такое унавоживаніе. Это такъ мудрено, даже для науки, что покойный Линовскій не вѣрилъ мнѣ, что у насъ не унавоживаютъ землю, и говорилъ: „вы должно быть не всмотрѣлись"! Мнѣ пришли на память первые стихи *Абидосской Невѣсты*, взгляните: они идутъ къ дѣлу. Востокъ, Турки, грязь и негодяйство. Какъ забавно вспомнить о фантастическомъ Русскомъ мужикѣ Аксакова *). „Смотри, Ѳекла: должно быть настранецъ какой"!—говорится въ одномъ печатномъ анекдотѣ про самого Аксакова, когда онъ нарядился мужикомъ и встрѣтился съ простыми бабами. Въ то время, когда пишу эти строки, дѣти за стѣною поютъ какую-то пѣсню, которая кончается припѣвомъ: *браво, браво мать Россія! ай люли, люли, люли!..*

...„На человѣка, который являлся сюда изъ мѣстъ болѣе просвѣщенныхъ и гуманныхъ, смотрятъ здѣсь иронически, какъ на чудака. Такъ привыкли жить и такъ закоснѣли. Никакой пушкой не пробьешь носорогову кожу. Тотъ только и покоенъ, кто ходитъ на кулакахъ. Тяжело, грустно, тошно. Не смотря на мои крѣпкіе нервы, я теперь въ болѣзненномъ раздраженіи и не знаю, когда отъ него избавлюсь. Севастопольскіе трупы, громъ и молнія никогда не раздражали моей организаціи до такой степени, до какой здѣсь раздражаетъ меня вся эта безнравственность и неурядица. И потомъ, подумаю немного, и вижу, что, собственно, *ничего этого нѣтъ*, все это идетъ очень просто, по-Русски, кругомъ тишина, всѣ молчатъ, жуютъ хлѣбъ, спятъ, даже довольны судьбой, за стѣной слышу пѣсню: *браво, браво, мать Россія!* — одинъ я безпокоюсь, значитъ я сочинилъ себѣ эти фантастическіе

*) Константина Сергѣевича. *Н. Б.*

безпорядки, а ихъ нѣтъ... и еще тошнѣе становится на душѣ. Что за каша во всемъ этомъ: тутъ толкуютъ объ эмансипаціи—привѣтъ Европы... Слышу запахъ нѣсколькихъ обѣдовъ, очень чудныя рѣчи... La morgue — комната оберъ полицеймейстера... опять толки объ эмансипаціи и разныя надежды... а тутъ порютъ на смерть мужиковъ въ присутствіи губернаторовъ... мнѣ воображается современная повѣсть: *кто виноватъ?... браво, браво, мать Россія! ай люли, люли, люли!*

„Сталъ недавно жаловаться одной помѣщицѣ, что у меня украли столбъ, который я поставилъ на поворотѣ канавы для общей же пользы, чтобы кто-нибудь не свалился въ ровъ. „Э, батюшка",—отвѣчала она—„я удивляюсь, какъ до сихъ поръ не украли чугунную доску съ могилы вашего батюшки. А это что такое столбъ!

„Продажа вина въ нашихъ мѣстахъ возмутительна до послѣдней степени... но впрочемъ, опять таки для меня. Всѣ кругомъ не говорятъ объ этомъ ничего: *бо благоденствуютъ*".

Въ концѣ концовъ Н. В. Бергъ приходитъ къ заключенію, что „нельзя оборвать разомъ старые порядки. По заячьи не прыгнешь. Что толкуютъ всѣ эти очень добрые люди — все это далеко *не то*. Ни чорта не смыслятъ они Россіи и мужика. Ихъ мужики и настоящіе—это тоже, что мужицкій языкъ Петербургскихъ литераторовъ и дѣйствительный мужицкій языкъ: однѣхъ дамъ надуешь" [12]).

Въ такихъ мрачныхъ, безотрадныхъ краскахъ рисуетъ передъ нами Н. В. Бергъ и помѣщиковъ, и крестьянъ Кирсановскаго уѣзда. Но мы бы согрѣшили противъ истины, если бы ограничились только этою картиною художника; долгъ справедливости обязываетъ насъ представить и другую картину.

„Русская Литература", — свидѣтельствуетъ Б. Н. Чичеринъ.—„односторонне и несправедливо отнеслась къ старому помѣщичьему быту. Въ своемъ неудержимомъ и законномъ стремленіи впередъ, она живыми красками изображала темныя стороны современности, оставляя безъ вниманія то, что въ

ней было привлекательнаго. Она описывала Оржевку (Мартыновыхъ), но не Мару (Баратынскихъ) и не Любечи (Кривцовыхъ). Въ особенности крѣпостное право возбуждало въ ней непріязнь ко всему построенному на немъ порядку. Стоя поодаль отъ этихъ временъ, мы можемъ смотрѣть на нихъ безпристрастнѣе. Мы должны сказать, что самое крѣпостное право, при всей его несовмѣстительности съ человѣческими чувствами и съ требованіями Просвѣщенія, производило различное дѣйствіе, смотря по той средѣ, на которую оно попадало. Въ однихъ оно развивало барскую лѣнь и безпечность, въ другихъ—необузданный, а иногда и звѣрскій произволъ, въ третьихъ—сознаніе своего достоинства, чувство долга и отвѣтственности, наконецъ соединенную съ привычкой къ власти просвѣщенную независимость. Эти послѣднія черты отличали именно то общество, что̀ я, какъ свидѣтель, видѣлъ въ своей молодости. Уважать власть и никогда не гнуть предъ нею спину, дорожить независимостью и презирать почести, стремиться къ Просвѣщенію, а не искать карьеры: таковъ священный завѣтъ, который мы, рожденные и воспитанные въ средѣ Русскаго провинціальнаго дворянства, получили отъ своихъ отцовъ и за который мы благословляемъ ихъ память... Нынѣшнимъ людямъ, живущимъ среди общагр разлада, среди несложившихся еще отношеній, незнающимъ, куда увлечетъ ихъ завтра волна,—полная и гармоническая жизнь отцовъ представляется, какъ нѣчто чуждое, хотя и близкое, какъ отдаленные звуки какой-то забытой мелодіи. Родились новыя потребности и интересы; но никто не станетъ утверждать, что водворилась большая гармонія въ жизни, и едва-ли справедливо будетъ сказать, что мы наслаждаемся большимъ довольствомъ и Просвѣщеніемъ, нежели наши отцы. Въ настоящее время можно проѣхать всю Русскую землю, отъ Колы до Тавриды, и не найти ничего похожаго на тотъ мирный и просвѣщенный уголокъ (Кирсановскій), который описанъ въ моихъ *Воспоминаніяхъ*".

Далѣе, Б. Н. Чичеринъ продолжаетъ: „Многіе, безъ со-

мнѣнія, скажутъ, что старикамъ свойственно восхвалять прошедшее и хулить настоящее. Это — черта общая всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Вездѣ изъ старческихъ устъ раздаются тѣ же сѣтованія и похвалы, на которыя не стоитъ обращать вниманія. Въ настоящемъ случаѣ отвѣтъ налицо. Стоитъ только сослаться на факты. Описанный здѣсь (въ *Воспоминаніяхъ*) бытъ есть бытъ того поколѣнія, которое произвело изъ себя Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, Грибоѣдова, Крылова, Баратынскаго, князя Вяземскаго, Лермонтова, Гоголя, наконецъ блестящую плеяду людей сороковыхъ годовъ, славянофиловъ и западниковъ. Не съ неба же она свалилась. Великія литературныя движенія не возникаютъ изъ дѣятельности маленькаго кружка, они порождаются вѣяніемъ всенароднаго духа. Настоящее время можетъ ли указать, что нибудь подобное?... А посмотрите на общество. Сравните, напримѣръ, Московское общество сороковыхъ годовъ, какъ его описываетъ Герценъ въ своихъ Запискахъ, или баронъ Гакстгаузенъ въ своемъ Путешествіи, съ тѣмъ, что можно найти тамъ въ настоящее время... Такое пониженіе общаго уровня не составляетъ исключительной принадлежности Русскаго общества. Оно точно также замѣчено и на Западѣ... Явнымъ его признакомъ, не говоря о другихъ, служитъ упадокъ Литературы и полное отсутствіе Поэзіи. Причинъ этого явленія нетрудно доискаться. Онѣ заключаются во всемъ строѣ современныхъ обществъ, въ господствѣ реализма, демократіи и журналистики... Уже Токвиль, съ своимъ глубокимъ взглядомъ, замѣтилъ, что демократія ведетъ къ господству посредственности.

„Когда я выхваляю этихъ вѣрныхъ и преданныхъ людей“, — пишетъ одинъ иностранецъ, — „можно подумать, что я выхваляю рабство; я не совершенно отказываюсь отъ этого. Несомнѣнно, что многое можно сказать въ пользу того рабства, какое сейчасъ существуетъ въ Россіи. Посмотрите на Русскаго крестьянина. Живи онъ подъ тягостнымъ игомъ, онъ не могъ бы быть умнымъ, ловкимъ, искуснымъ, веселымъ, смѣ-

лымъ, предпріимчивымъ. Скажите мнѣ, неужели всѣ эти умные поселяне, ловкіе, искусные, веселые, смѣлые и предпріимчивые—рабы? Неужели помѣщики, ихъ господа, пользуются своими правами, какъ тираны? Конечно нѣтъ. Въ ихъ отношеніяхъ къ этимъ крѣпостнымъ людямъ есть что-то патріархальное, вовсе непохожее на тѣ отношенія, которыя поддерживала на Антильскихъ островахъ нація, считающая себя самой чувствительной и самой человѣчной, и которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ вновь возстановилъ тамъ современный властелинъ *), гордый своимъ свободомысліемъ и своими передовыми убѣжденіями. И тотъ же самый человѣкъ, который воскресилъ рабство и торговлю Неграми, явился даровать свободу Русскимъ крестьянамъ!.. Да, надо признать весьма человѣчнымъ тотъ родъ рабства, при которомъ господинъ зоветъ раба братомъ („братецъ"), а рабъ говоритъ господину *ты* и называетъ его *отцомъ* („батюшка"). Крупные Русскіе помѣщики всегда проявляли себя по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ великодушными и вольнолюбивыми господами. Они составляютъ громадное большинство среди Русскихъ землевладѣльцевъ; а въ меньшинствѣ, составленномъ изъ мелкопомѣстнаго дворянства, тоже не большая часть пользуется своими правами для угнетенія крестьянъ.

„Мои слова покажутся парадоксомъ, они заставятъ кабинетнаго философа испустить громкій крикъ, но я скажу ихъ только вамъ: рабство, въ томъ видѣ, какъ оно сейчасъ существуетъ въ Россіи, спасло на этотъ разъ государство" [13]).

VIII.

Императоръ Александръ II, желая лично ознакомиться съ положеніемъ крестьянскаго дѣла въ губерніяхъ, предпринялъ въ 1858 году, путешествіе по Россіи.

Путешествіе свое онъ началъ съ Соловецкаго монастыря,

*) Наполеонъ I. *Н. Б.*

гдѣ почиваютъ мощи преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ.

12 іюня 1858 года, въ 10 часовъ вечера, государь, вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, выѣхалъ изъ Царскаго Села. На другой день, онъ изволилъ останавливаться въ Тихвинѣ, и посѣтилъ тамошніе монастыри.

15 іюня, утромъ, государь прибылъ въ Вологду. Слушалъ въ Успенскомъ соборѣ литургію, совершенную преосвященнымъ Христофоромъ, епископомъ Вологодскимъ.

Принимая Вологодское дворянство, государь выразилъ губернскому предводителю увѣренность, что дворянство, всегда отличавшееся своею преданностію престолу, и нынѣ, въ общемъ дѣлѣ, будетъ споспѣшествовать исполненію его предначертаній. Затѣмъ, выйдя къ прочимъ представлявшимся ему дворянамъ, онъ повторилъ тѣ же слова, прибавивъ: „Господа, я надѣюсь, что вы совершенно сочувствуете моимъ желаніямъ и будете способствовать общей пользѣ по крестьянскому дѣлу, а затѣмъ улучшите бытъ крестьянъ вашихъ, нераздѣльно съ общею выгодою".

Въ полночь, государь отправился въ дальнѣйшій путь по тракту въ Архангельскъ.

19 іюня онъ благополучно прибылъ въ Архангельскъ. Въ соборѣ государь былъ встрѣченъ преосвященнымъ Александромъ, бывшимъ нѣсколько лѣтъ архимандритомъ Соловецкой обители и защитникомъ ея противъ нападенія непріятеля въ восточную войну.

На другой день, въ 7 утра, на пароходѣ *Гремящій*, онъ поплылъ въ Соловецкій монастырь; государя сопровождалъ и преосвященный Александръ. Въ 11 вечера, государь прибылъ въ Соловецкій монастырь. Предшествуемый духовенствомъ, при колокольномъ звонѣ и пальбѣ съ парохода и съ находящихся на монастырскихъ стѣнахъ орудій, вступилъ въ соборъ Спаса Преображенія. Отслушавъ молебенъ въ придѣлѣ св. Зосимы и Савватія и приложившись къ св. мощамъ ихъ, осмотрѣлъ весь монастырь и обошелъ наружную стѣну его, сопровож-

даемый преосвященнымъ Александромъ, объяснявшимъ ему всѣ подробности защиты обители противъ нападенія Англичанъ въ 1854 году. Послѣ отдыха, государь, въ половинѣ 5 утра, слушалъ литургію у св. Зосимы и Савватія. За симъ приложился къ мощамъ преподобнаго Германа и посѣтилъ келлію, въ которой жилъ св. Филиппъ, митрополитъ Московскій [14]).

До Шевырева дошло свѣдѣніе, что преосвященный Александръ, передавая подробности осады, въ присутствіи князя В. А. Долгорукова, сказалъ государю: „А вотъ князь намъ пороху не прислалъ ничего, говоря, что монахамъ его ненужно" [15]).

Въ половинѣ 7 утра, государь отплылъ въ Архангельскъ, и прибылъ туда вечеромъ. Августѣйшій путешественникъ немедленно пересѣлъ на малый пароходъ *Подвигъ* и поплылъ вверхъ по Сѣверной Двинѣ до станціи Сійской.

Здѣсь посѣтилъ Антоніевъ Сійскій монастырь, достопамятный заключеніемъ въ ономъ, при царѣ Борисѣ, Филарета Никитича Романова.

Отсюда государь предпринялъ путешествіе на Каргополь и Вытегру, и 24 іюня, вечеромъ прибылъ въ Петрозаводскъ. На другой день, онъ посѣтилъ соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ архіепископомъ Олонецкимъ и Петрозаводскимъ Аркадіемъ.

Въ день святыхъ первоверховныхъ Апостолъ Петра и Павла, государь благополучно возвратился въ Петергофъ [16]).

15 іюля 1858 года, митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ Антонію: „Секретно увѣдомленъ я, что въ половинѣ августа государь императоръ будетъ имѣть путь изъ Клина, черезъ Дмитровъ, въ Лавру. Сказано только. Но, безъ сомнѣнія, съ нимъ будетъ государыня императрица Марія Александровна, а можетъ быть и другіе члены царскаго семейства. Внемлите сему, и приготовляйтесь. Не знаю, что должно будетъ дѣлать мнѣ, если буду ожидать въ Лаврѣ: могу опоздать потомъ срѣтить ихъ въ Москвѣ".

Вспоминая прошлое, Филаретъ въ томъ же письмѣ пи-

салъ: „Въ 1823 году государь императоръ ѣхалъ изъ Ярославля въ Москву. Я предварительно просилъ доложить ему, что если встрѣчу его въ Лаврѣ, то не успѣю предварить его въ Москвѣ. Онъ велѣлъ мнѣ ожидать въ Москвѣ; и не поѣхалъ черезъ Лавру, а пріѣхалъ въ Москву по Стромынской дорогѣ“ [17]).

Дѣйствительно, въ началѣ августа 1858 года, государь предпринялъ второе, въ томъ году, путешествіе по Россіи.

Утромъ 10 августа 1858 г., государь, съ императрицею и съ великою княжною Маріею Александровною, выѣхалъ изъ Петербурга по Николаевской дорогѣ въ Тверь, куда прибылъ вечеромъ. На другой день, 11-го, посѣтилъ соборъ и былъ встрѣченъ Филоѳеемъ, епископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ [18]).

Затѣмъ былъ пріемъ дворянства, которому государь сказалъ: „Господа! Я очень счастливъ, что имѣю случай выразить мою благодарность Тверскому дворянству, которое уже неоднократно доказало мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны... Теперь я вамъ поручилъ важное для меня и для васъ—дѣло крестьянъ. Лицамъ, изъ среды вашей выбраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ... Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ; поэтому я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобы было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положенія Комитета поступятъ чрезъ Министерство на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое *депутатовъ* для присутствія и общаго разсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ Главномъ Комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя; наши цѣли однѣ — общая польза Россіи... Убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, а не препятствовать“ [19]).

Изъ Твери государь предпринялъ богомольное путешествіе въ Лавру преподобнаго Сергія, и прибылъ туда, 13 августа, во 2-мъ часу по полуночи, и непосредственно вступилъ въ Троицкій соборъ, гдѣ молился и прикладывался къ святымъ иконамъ и къ святымъ мощамъ преподобнаго Сергія. Митрополитъ Филаретъ, не могши встрѣтить государя, представилъ ему письменное привѣтствіе, въ которомъ между прочимъ писалъ: „Съ вѣрою помышляемъ теперь, что преподобный отецъ нашъ Сергій, какъ духовно приснаго пріемлетъ тебя, въ слѣдствіе того, что вашимъ императорскимъ величествомъ благоугодно было водворить въ ваше семейство благословенное имя его, въ лицѣ вашего благовѣрнаго сына“ [20]).

Предъ выѣздомъ изъ Лавры, государь посѣтилъ митрополита Филарета, не могшаго за нездоровьемъ совершить Богослуженіе. Въ Ростовѣ государь останавливался для обѣда и посѣтилъ Яковлевскій монастырь. Въ полночь прибыли въ Ярославль и остановились въ губернаторскомъ домѣ. На другой день государь посѣтилъ соборъ и былъ встрѣченъ архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ Ниломъ. Въ день Успенія государь и государыня молились въ Ярославскомъ Успенскомъ соборѣ. Божественную литургію совершалъ архіепископъ Нилъ. Въ тотъ же день, въ 2 по полудни, государь поплылъ по Волгѣ въ Кострому, куда и прибылъ въ тотъ же день. По пріѣздѣ, посѣтили Успенскій соборъ, гдѣ были встрѣчены Платономъ, епископомъ Костромскимъ и Галичскимъ [21]).

На другой день, 16 августа, былъ пріемъ дворянства, которому государь сказалъ: „Господа! Костромская губернія, по историческимъ воспоминаніямъ, близка семьѣ моей, и мы считаемъ ее родною, поэтому-то мнѣ особенно пріятно находиться среди васъ послѣ прошествія двадцати лѣтъ. Вчерашній пріемъ тронулъ меня. Благодарю васъ за готовность, съ какою вы встрѣтили желаніе мое улучшить бытъ крестьянъ. Этотъ, близкій сердцу моему, вопросъ слишкомъ важенъ для

будущности Россіи... Для объясненій вашихъ выводовъ, я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ Комитета здѣсь, на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ"... [22]).

17 августа 1858 года, государь, послѣ обѣдни, поплылъ въ Нижній Новгородъ [23]). Здѣсь онъ провелъ нѣсколько дней. Дворянамъ сказалъ: „Господа! Я радъ, что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ Нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ Отечество призывало, тамъ оно было изъ первыхъ... И нынѣ благодарю васъ за то, что вы первые отозвались на мой призывъ въ важномъ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта... Вы знаете цѣль мою: общее благо... Но я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ. Это жаль, устраните ихъ... Путь указанъ, не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ моемъ рескриптѣ и выданной вамъ программѣ. Трудъ вашъ будетъ разсмотрѣнъ въ Главномъ Комитетѣ, но я дозволилъ вамъ представить его чрезъ двухъ избранныхъ вами членовъ"... [24]).

Изъ Нижняго государь поѣхалъ во Владиміръ, куда прибылъ 23 августа [25]).

Во Владимірѣ онъ выразилъ неудовольствіе дворянамъ по поводу предпринятаго однимъ изъ нихъ насильственнаго переселенія своихъ крестьянъ въ Сибирь, и строго прибавилъ: „Надѣюсь, что слова мои не останутся втунѣ" [26]).

25 августа 1858, государь прибылъ въ Москву. На другой день, въ день коронаціи, при вступленіи въ Успенскій соборъ, государя привѣтствовалъ митрополитъ Филаретъ слѣдующею рѣчью:

„Благочестивѣйшій Государь!

За два лѣта предъ симъ, съ радостію видѣли мы тебя въ сей день въ твоей царской славѣ: съ радостію и нынѣ видимъ тебя среди твоей царской дѣятельности.

Отвнѣ — продолжаешь охранять миръ; и въ особенности обновляешь миръ на дальнемъ востокѣ; открываешь мирный путь истинѣ Христовой къ *людямъ, сѣдящимъ во тьмѣ* язы-

чества; поставляешь новый, твердый, широкій предѣлъ твоего царства на берегахъ и на водахъ Амура, и, къ удивленію, чего другія державы домогались оружіемъ, того, предваряя ихъ, достигаетъ твое мирное слово. Внутри — подвизаешься о возвышеніи благоустройства твоего Царства.

„Что значатъ сіи путешествія твои по областямъ твоего Царства, простертыя и до глубокаго сѣвера?—Разумѣваемъ, что ты желаешь знать твое Царство не только по свѣдѣніямъ, восходящимъ къ твоему престолу, но и по непосредственнымъ личнымъ наблюденіямъ, и въ семъ усматриваемъ дѣйствующую ту царственную истину, что, дабы благонадежно управлять, нужно точно знать управляемое.

„Благочестивѣйшій Государь! Твои подвиги—наши надежды. Ты многотрудно сѣешь, чтобы мы могли собирать вожделѣнные плоды. Но все — подъ Провидѣніемъ Божіимъ; и все благое — по благословенію Божію. Посему ты молишься: и молится съ тобою Россія, да *Господь Силъ волею Своею подастъ добротѣ Твоей силу* (Псал. XXIX, 8), и твоимъ благонамѣреніямъ вѣрное исполненіе; и да содѣлаетъ насъ, посредствомъ христіанскихъ и вѣрноподданническихъ добродѣтелей, достойными истиннаго благоденствія“ [27]).

„26 дня“,—писалъ Филаретъ Антонію,—„срѣтилъ я ихъ величествъ въ Успенскомъ соборѣ, и предшествовалъ имъ въ Чудовъ. Колебался, не отказаться ли отъ обѣда: однако былъ на немъ, и утѣшенъ милостивою бесѣдою ихъ величествъ“ [28]).

Послѣ обѣда государь и императрица переѣхали въ Останкино [29]).

30 августа, въ день тезоименитства государя, митрополитъ Филаретъ, какъ пишетъ онъ Антонію, „былъ только на молебнѣ въ Успенскомъ соборѣ; а потомъ въ придворной церкви поздравлялъ государя императора и ѣздилъ къ государю цесаревичу и прочимъ великимъ князьямъ, которые изволили посѣтить меня въ предыдущій день“ [30]).

Въ тотъ же день государь былъ на балѣ, данномъ Мо-

сковскимъ дворянствомъ въ залѣ Россійскаго Благороднаго Собранія.

На этомъ балѣ присутствовали и пріѣхавшіе въ Москву государь цесаревичъ и великіе князья Александръ, Владиміръ и Алексѣй Александровичи [31]).

Но Московскимъ дворянствомъ государь былъ недоволенъ, что̀ и выразилъ въ своей рѣчи къ нему: „Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду и, къ сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостного права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того, я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ губерній, даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что Московское дворянство первое отзовется, но отозвалось Нижегородское, а Московская губернія — не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что я родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ когда былъ наслѣдникомъ, люблю ее и теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала и отъ нихъ не отступлю... Я люблю дворянство, считаю его первой опорой Престола... Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія... Я слышалъ, что Комитетъ много уже сдѣлалъ; я читалъ извлеченія изъ его занятій; многое мнѣ кажется хорошо; одно я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебной осѣдлостью понимаю не однѣ строенія, но и всю землю“...

Между тѣмъ, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Крестьянскій вопросъ въ Москвѣ идетъ, говорятъ, порядочно, лучше чѣмъ индѣ“.

И. С. Аксаковъ желалъ воспользоваться пребываніемъ государя и императрицы въ Москвѣ, чтобы выхлопотать

царское пособіе Хорватскому музыканту Стригѣ. Еще въ іюлѣ Аксаковъ писалъ Погодину: „Податель этой записки хорватъ Стрига, пріѣхавшій сюда съ письмомъ отъ Раевскаго *), онъ музыкантъ и привезъ оперу сочиненія хорвата Лисинскаго, геніальнаго музыканта, недавно умершаго во цвѣтѣ лѣтъ отъ горя и нищеты. Содержаніе оперы взято изъ Исторіи Хорватовъ; музыка вполнѣ національная. Покойный Лисинскій завѣщалъ ее Россіи; она нигдѣ еще не была играна. Мнѣ уже мѣсяца четыре тому назадъ писалъ объ этой музыкѣ съ восторгомъ Ригельманъ. Онъ хочетъ посвятить ее великому князю Константину; если тотъ не приметъ, я совѣтую обратиться къ императрицѣ Маріи Александровнѣ. Прочтите письмо, которое я ему далъ къ Оболенскому, — аттестатъ, выданный Стригѣ Елачичемъ, посвященіе, заготовленное великому князю Константину Николаевичу—и дайте ему съ своей стороны совѣтъ, письмо и напутственное благословеніе. Также примите въ разсчетъ, что въ ожиданіи благополучнаго исхода, ему нечѣмъ жить, а нужно ему немного: рубль или два въ день. Передаю его вамъ".

Но расчеты на царское пребываніе въ Москвѣ не оправдались, и И. С. Аксаковъ съ грустью писалъ (11 августа 1858 года) Погодину: „А что бѣдный пѣвецъ Стрига? Императрица пробудетъ въ Москвѣ дней пять или того меньше: пріѣдетъ 25-го вечеромъ и 30-го праздники и оффиціальныя торжества, 29-го постный день (а она всѣ посты соблюдаетъ). Остается три дня, въ которые едва успѣешь что сдѣлать. На бѣду—императрица не музыкантша, или довольно равнодушна къ музыкѣ, какъ мнѣ сказала Блудова... Вотъ что я придумалъ. Напишите-ка записку коротенькую объ оперѣ, укажите, что Стрига рекомендованъ Елачичемъ и Раевскимъ, а музыка—Даргомыжскимъ. Записку велимъ переписать на хорошей бумагѣ, какъ слѣдуетъ, и передадимъ ее императрицѣ.

*) Михаилъ Өедоровичъ, протоіерей нашей Посольской церкви въ Вѣнѣ. *Н. Б.*

Та можетъ быть передастъ императору; а онъ велитъ ее купить и взять на сцену. Какъ вы думаете"?

Дальнѣйшая судьба сего ходатайства намъ неизвѣстна.

31 августа 1858 года, митрополитъ Филаретъ писалъ къ Антонію: „Сегодня, въ присутствіи ихъ величествъ и ихъ высочествъ, совершилъ молебствіе при закладкѣ возсозидаемаго дома бояръ Романовыхъ; здѣсь государь императоръ простился со мною. Отбытіе его полагается завтра вечеромъ" [32]).

Изъ Москвы, государь отправился въ Смоленскъ, куда прибылъ 3 сентября, въ 2 утра; а въ 11 утра принималъ дворянство [33]), и обратился къ нему въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ: „Мнѣ пріятно, господа, находиться среди васъ и лично благодарить дворянство Смоленское за преданность Престолу и Отечеству... Мои предмѣстники, и, въ особенности, покойный родитель мой, всегда оказывали вниманіе Смоленскому дворянству; вы имѣете документъ его благоволенія къ вамъ, который былъ писанъ за нѣсколько дней до его смерти; можно сказать, онъ на смертномъ одрѣ думалъ о васъ (при этихъ словахъ на глазахъ государя навернулись слезы). Одна изъ вашихъ дамъ поднесла матери моей образъ для благословенія меня, когда я имѣлъ честь командовать войсками, защищавшими столицу. Этотъ образъ всегда при мнѣ и служитъ, такъ сказать, новою связью, которая еще крѣпче соединяетъ меня съ вами. Теперь вы собраны по крестьянскому дѣлу. Это необходимо для благосостоянія вашего, крестьянъ вашихъ и всей Россіи. Займитесь имъ дѣльно и . . . . обдѣлайте это дѣло такъ, чтобы оно было безобидно для васъ и для крестьянъ вашихъ" [34])...

Изъ Смоленска, государь выѣхалъ въ тотъ же день, въ 11 вечера, по тракту въ Минскъ. 4 сентября, въ 11 вечера, прибылъ въ Минскъ, а оттуда въ Вильно, куда пріѣхалъ 6 сентября, въ 2 пополудни [35]). Виленскимъ дворянамъ государь сказалъ: „Господа! Очень радъ, что могу лично благодарить васъ за живое участіе, которое вы принимали во время послѣдней войны, а равно и за радушіе, оказанное

вами моей гвардіи. Но это для васъ неново. Я самъ былъ свидѣтелемъ въ 1849 году, какъ вы принимали гвардію... Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ. Вы первые показали примѣръ, и вся Имперія за вами послѣдовала“ [36])....

Черезъ Ковно, государь, 11 сентября 1858 года, прибылъ въ Варшаву; а 21 сентября, возвратился въ Царское село [37]).

Въ письмахъ Ѳ. И. Тютчева мы находимъ нижеслѣдующія любопытныя подробности о путешествіи государя по Россіи:

13 сентября 1858 года: „Въ Русскихъ газетахъ помѣщены различныя рѣчи, обращенныя императоромъ къ представителямъ дворянства во время его путешествія. Всѣ эти рѣчи окончательно доказываютъ, что императоръ вполнѣ искренно хочетъ освобожденія. Но вѣдь это еще только половина дѣла. Не довольно *хотѣть*, чтобы *мочь*; надо еще *умѣть*“.

23 сентября: „Государь пріѣзжаетъ сегодня. Пріемъ, оказанный ему на западѣ Имперіи, въ Вильнѣ, Гродно, Варшавѣ, былъ столь же горячимъ, столь же радушнымъ, какъ и въ Русской Россіи. Вотъ подробность, за которую мнѣ ручались. По пріѣздѣ въ Варшаву онъ посѣтилъ сначала Русскую церковь, но тотчасъ же послѣ отправился въ соборъ св. Яна, чего никогда не дѣлалъ его отецъ, и этотъ поступокъ, вполнѣ естественный и умѣстный, произвелъ, какъ говорятъ, очень благопріятное впечатлѣніе на Поляковъ“...

28 сентября: „Третьяго дня я обѣдалъ у князя Горчакова и онъ разсказывалъ мнѣ много любопытныхъ подробностей о ихъ пребываніи въ Варшавѣ. Онъ подтвердилъ мнѣ, что государю былъ сдѣланъ восторженный пріемъ, въ значительной степени вызванный демонстраціей въ католической церкви, которую поняли и приняли какъ залогъ новой эры и пр. Тамъ было много иностранныхъ принцевъ, среди нихъ принцъ Карлъ Баварскій, толпа Пьемонтцевъ; но са-

мымъ замѣчательнымъ лицомъ былъ принцъ Наполеонъ, пріѣхавшій въ пятьдесятъ четыре часа изъ Біарица въ Варшаву. Какъ кажется, имъ были очень довольны... Горчаковъ разсказывалъ мнѣ, что, говоря о себѣ самомъ, принцъ Наполеонъ сказалъ ему: „Вѣрьте, я лучше, чѣмъ обо мнѣ говорятъ; впрочемъ, — добавилъ онъ, — это еще очень немного“ [38])“.

„Царское путешествіе по Россіи“, — повѣствуетъ С. С. Татищевъ, — „знаменуетъ важную эпоху въ развитіи крестьянскаго вопроса. Оно дало дѣлу сильный толчокъ, послуживъ поводомъ къ гласному выраженію непремѣнной воли государя, безповоротной рѣшимости его совершить освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Самъ государь вынесъ изъ своей поѣздки вполнѣ благопріятныя впечатлѣнія, и при первомъ свиданіи съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ сказалъ ему: „Мы съ вами начали крестьянское дѣло, и пойдемъ до конца рука объ руку“ [39]).

IX.

По свидѣтельству Ѳ. П. Еленева, вскорѣ по учрежденіи Секретнаго Комитета, изъ числа его членовъ сталъ выдѣляться, несмотря на антипатію, питаемую къ нему императрицею Маріею Александровною и даже самою великою княгинею Еленою Павловною, Іаковъ Ивановичъ Ростовцовъ, которому суждено было впослѣдствіи играть первенствующую роль въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ началѣ Ростовцовъ не былъ подготовленъ къ рѣшенію этого дѣла. Но онъ „съ пламеннымъ увлеченіемъ присоединился къ мысли государя, усердно сталъ искать всѣхъ способовъ просвѣтить себя въ этомъ новомъ для него дѣлѣ и, пользуясь давнишнею близостью къ государю, употребилъ все свое вліяніе для того, чтобъ поддерживать его въ принятомъ имъ рѣшеніи. Ростовцовъ былъ человѣкомъ новымъ въ высшемъ правительственномъ кругу. Онъ не имѣлъ ни родства, ни другихъ связей съ родовитымъ дворян-

ствомъ. Всею своею карьерой онъ былъ обязанъ своимъ способностямъ и чрезвычайному расположенію къ нему великаго князя Михаила Павловича. Близость къ государю и въ то же время неимѣніе никакихъ связей, по мнѣнію Еленева, были счастливымъ сочетаніемъ условій, дававшимъ Ростовцову возможность служить крестьянскому дѣлу съ безпристрастіемъ и независимостью мнѣній". Наконецъ Ростовцовъ, — замѣчаетъ Еленевъ, — „думалъ объ Исторіи, вѣрилъ въ ея верховный судъ, мечталъ о почетной для себя страницѣ на ея свиткахъ".

Въ маѣ 1858 года, Ростовцовъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ медиковъ, долженъ былъ уѣхать на заграничныя воды. По увѣренію Ѳ. П. Еленева, „немедленно послѣ его отъѣзда обнаружились слѣды скрытыхъ усилій противной партіи оттереть его отъ государя" [40]).

Надо замѣтить, что передъ самымъ отъѣздомъ Ростовцова за границу, въ апрѣльской книжкѣ *Современника* 1858 года, К. Д. Кавелинъ напечаталъ статью, подъ заглавіемъ: *О новыхъ условіяхъ сельскаго быта*, съ слѣдующимъ эпиграфомъ: *Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради, помаза тя Богъ твой* (*Псал.* XLIV, 8).

Статья эта есть извлеченіе изъ проекта Кавелина, о которомъ, какъ мы уже знаемъ, онъ велъ переписку съ Погодинымъ *). Когда извлеченіе это появилось въ печати, то оно произвело на Правительство неблагопріятное впечатлѣніе, а между тѣмъ главная мысль статьи состоитъ въ томъ, что помѣщичьи крестьяне должны быть освобождены вмѣстѣ съ землею и съ вознагражденіемъ владѣльцевъ посредствомъ выкупа.

По свидѣтельству Д. А. Корсакова, „мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею не только не находила сочувствія въ правительственныхъ сферахъ, но и въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу большинство членовъ не

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1900, XIV.

понимало этой мысли должнымъ образомъ. Лишь великій князь Константинъ Николаевичъ и два-три члена Комитета вполнѣ были преданы освобожденію крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, и Кавелинъ сдѣлалъ очень много для популяризаціи этой мысли среди большинства членовъ Главнаго Комитета, въ числѣ ихъ и на Ростовцова" [41]).

Досугъ свой за границей Ростовцовъ посвятилъ изученію крестьянскаго вопроса и мысли свои о его разрѣшеніи изложилъ въ четырехъ письмахъ къ государю, писанныхъ изъ Вильдбада, Карлсруя и Дрездена. Письма эти получили извѣстность подъ именемъ *Вильдбадскихъ писемъ*.

„Не знаю какъ благодарить васъ",—писалъ Ростовцовъ въ первомъ письмѣ—„за мое временное отдохновеніе: въ водоворотѣ Петербурга я никогда не могъ бы такъ сосредоточиться. На исходъ вопроса я смотрю съ надеждою крѣпкою. Познакомившись съ заграничными способами устройства крестьянъ, я убѣдился, что ни одинъ изъ нихъ для Россіи не годится . . . . . . Россіи подлежатъ двѣ задачи: первая — собственно освобожденіе, вторая—надѣленіе крестьянъ землею".

Слѣдуетъ замѣтить, что Ростовцовъ въ то время, когда писалъ это письмо, не считалъ еще возможнымъ правительственный выкупъ крестьянской земли, по неимѣнію на то финансовыхъ средствъ. „Да сверхъ того,—замѣчалъ онъ,—Русскій крестьянинъ не понялъ бы бинома для выкупа земли въ нѣсколько десятковъ лѣтъ и сказалъ бы: вотъ-те и свобода, оброка надбавили"! Поэтому Ростовцовъ полагалъ, согласно состоявшимся уже постановленіямъ Главнаго Комитета, „по невозможности освободить крестьянъ, ни съ землею, ни безъ земли, оставить имъ при освобожденіи дома ихъ, огороды и ихъ пашни въ постоянное пользованіе. Затѣмъ личная свобода должна дать крестьянину свободу труда, какъ источникъ дальнѣйшаго духовнаго развитія и улучшенія матеріальнаго".

Во второмъ письмѣ, Ростовцовъ ставитъ три условія, по

мнѣнію его необходимыя для обезпеченія новому порядку предсказаннаго имъ успѣха: „чтобы крестьяне дѣйствительно почувствовали облегченіе въ своемъ положеніи; чтобы помѣщики успокоились; чтобы мѣстныя власти ни минуты не колебались. Для сего, — поясняетъ онъ, — необходимо, чтобы патріархальная власть помѣщика, державшая доселѣ въ спокойствіи всю Россію, но при новомъ порядкѣ вещей уже невозможная, замѣнилась другою, надежною властью, т.-е. совокупными дѣйствіями міра, помѣщика и Правительства; чтобы достоинство помѣщика было въ глазахъ крестьянъ возвышено, и чтобы отношенія крестьянъ и къ помѣщику, и къ мѣстному начальству, и между собою, были опредѣлены и опредѣлены точно".

Дальнѣйшія предположенныя мѣропріятія, Ростовцовъ сопровождаетъ въ третьемъ письмѣ слѣдующими соображеніями: „Съ молитвою и любовью изложилъ я все, что имѣю счастіе при семъ вашему величеству представить. Чрезвычайно трудно интересы поставить въ равновѣсіе безъ столк новеній. Это самая важная задача въ нашемъ дѣлѣ. Не знаю, до какой степени Богъ сподобилъ меня успѣть въ этомъ... Но это только канва, требующая развитія... Дай Богъ, государь, чтобы Главный Комитетъ и вы одобрили эти главныя начала... Надобно быть чрезвычайно осторожнымъ въ изложеніи подробностей. Главную осмотрительность слѣдуетъ соблюдать въ постановленіяхъ для мѣстной общины и въ опредѣленіи рода наказаній по приговору міра. И то, и другое каждая община опредѣлитъ сама, лучше всякихъ законодательныхъ теорій. О наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать: это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастью, не употребляются".

За границею, Ростовцовъ имѣлъ досугъ изучить статью К. Д. Кавелина *О новыхъ условіяхъ сельскаго быта*, и подъ вліяніемъ ея, Ростовцовъ „измѣнилъ свое мнѣніе" о выкупѣ. Въ четвертомъ письмѣ своемъ, онъ „не только пересталъ отвергать возможность выкупа, но совѣтуетъ Правительству ока-

зать ему широкое содѣйствіе подъ условіемъ, однако, чтобы выкупъ не былъ обязателенъ ни для помѣщиковъ, ни для крестьянъ".

Четвертое письмо свое, Ростовцовъ заключаетъ апологіею крестьянской общины, какъ вѣрнѣйшаго средства обезпечить помѣщику взиманіе оброка, а Правительству—податей и повинностей съ крестьянъ.

По замѣчанію С. С. Татищева, письма Ростовцова, „изложенныя живымъ, образнымъ языкомъ, нелишеннымъ въ своеобразіи своемъ краснорѣчивой убѣдительности", изложенныя въ нихъ мысли и предположенія „пришлись какъ нельзя болѣе по душѣ государю. Въ нихъ видѣлъ онъ отраженіе собственныхъ взглядовъ, безпристрастное, чуждое всякаго доктринерства, отношеніе къ обоимъ сословіямъ, искреннее желаніе согласовать ихъ обоюдные интересы въ смыслѣ общаго блага Россіи" [42]).

Но тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Ѳ. П. Еленева, „въ концѣ сентября 1858 г., когда Ростовцовъ, возвращаясь изъ заграницы, встрѣтился съ государемъ въ Варшавѣ, былъ принятъ имъ довольно холодно. Наговоры еще продолжали свое дѣйствіе. Но вскорѣ по возвращеніи государя въ Петербургъ, Ростовцовъ вошелъ съ нимъ почти въ ежедневныя сношенія по крестьянскому вопросу и вполнѣ вернулъ къ себѣ его расположеніе. Съ осени 1858 года начинается рѣшительное преобладаніе Ростовцова въ крестьянскомъ дѣлѣ; съ этой же поры окончательно укрѣпилось довѣріе къ нему государя, неизмѣнявшееся до самой кончины Ростовцова" [43]).

Въ концѣ 1858 года, великая княгиня Елена Павловна дала блестящій балъ. Описывая этотъ праздникъ, М. А. Милютина, въ своихъ *Запискахъ*, замѣтила: „Тутъ произошло слѣдующее событіе, которое обѣщало нѣкоторое покровительство крестьянскому дѣлу. Императрица Марія Александровна на этомъ вечерѣ, въ первый разъ встрѣтясь съ Я. И. Ростовцовымъ послѣ возвращенія его изъ заграницы, рѣшилась подойти къ нему и съ нимъ заговорить, чего никто не ожи-

далъ, зная ея нерасположеніе къ нему, и просила прислать ей копію съ его *Писемъ* объ освобожденіи крестьянъ“ [44]).

Между тѣмъ, „по обсужденіи въ трехъ засѣданіяхъ Главнаго Комитета мыслей и соображеній, изложенныхъ въ *Письмахъ* Ростовцова, государь повелѣлъ принять ихъ за главныя основанія, коими Главный Комитетъ и состоящая при немъ Коммиссія должны впредь руководствоваться“ [45]).

X.

Въ періодъ до учрежденія Редакціонныхъ Коммиссій, крестьянскій вопросъ своею неопредѣленностію смущалъ и волновалъ общество.

В. А. Мухановъ, въ своемъ *Дневникѣ*, разсказываетъ: „Одинъ умный человѣкъ возвратился изъ чужихъ краевъ, гдѣ онъ собиралъ свѣдѣнія о томъ, что думаютъ о преобразованіяхъ, предпринятыхъ у насъ. Въ Англіи, въ аристократическомъ обществѣ, повидимому, вовсе не понимаютъ пріемовъ нашего l'émancipation и обзываютъ ихъ безумными. Это безумно, говорятъ Англичане, утверждающіе, что собственность служитъ основаніемъ обществу, и слѣдовательно, предстоитъ опасность тамъ, гдѣ пытаются поколебать ее, особливо когда такія попытки исходятъ отъ Правительства. Во Франціи, графъ Морни замѣтилъ, что послѣ переворотовъ, пережитыхъ его родиною, Правительство постоянно не въ силахъ бороться противъ соціалистовъ съ ихъ неосуществимыми утопіями. Въ Россіи же само Правительство начинаетъ насильственно перемѣщать собственность и тѣмъ самымъ идетъ на встрѣчу великимъ опасностямъ. Помышляя о смутахъ, всколебавшихъ подъ нами почву, продолжалъ графъ Морни, мы съ довѣріемъ обращали взоры на эту могущественную Имперію и отъ нея могли ожидать себѣ спасительнаго воздѣйствія, благотворной силы и пр. Отнынѣ этого не будетъ, и Россія утратитъ много своей силы [46]).

По Россіи ходило подложное письмо Гизо, написанное

имъ къ очень высокому лицу въ Россіи, съ цѣлію указать на неизбѣжныя послѣдствія мѣръ, принимаемыхъ по крестьянскому вопросу.

Когда съ этимъ письмомъ ознакомился Погодинъ, то писалъ: „Зимою, въ Петербургѣ и Москвѣ, ходило по рукамъ, подъ именемъ Гизо, письмо объ освобожденіи крестьянъ Когда я прочелъ это письмо, то увидѣлъ ясно, что оно не можетъ принадлежать знаменитому историку Цивилизаціи въ Европѣ и Франціи. Имѣя честь быть давно ему извѣстнымъ, я отнесся тотчасъ къ нему съ вопросомъ, писалъ ли онъ письмо, и если писалъ, то благоволилъ бы прислать мнѣ копію для сличенія. Вчера я получилъ отвѣтъ отъ Гизо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что отнюдь никакого письма въ Россію не писалъ, что освобожденіе крестьянъ онъ считаетъ огромнымъ шагомъ на пути гражданственности и желаетъ ему успѣха отъ всего сердца; но, не зная хорошо обстоятельствъ, не можетъ имѣть собственнаго опредѣленнаго мнѣнія объ образѣ исполненія этой мѣры. Вотъ его собственныя слова: „....je n'ai jamais ecrit à..., ni à personne en Russie sur l'émancipation des serfs. Je ne comprends pas qui peut avoir inventé et fait circuler sous mon nom une fausse lettre. Ce ne peut être que dans un mauvais dessein. Je ne connais pas assez bien les faits pour avoir sur le mode d'émancipation des serfs russes une opinion personnelle et precise, mais quant à l'acte même, je l'honore comme un pas immense dans la voie de la civilisation, et j'en souhaite de tout mon coeur le succès. Je vous remercie, monsieur, de m'avoir fait connaitre le mensonge, qu'on s'est permis en Russie sous mon nom, et je vous prie de le démentir par toutes les voies, que vous jugerez convenables. Что симъ и исполняется къ удовольствію, надѣюсь, всѣхъ почитателей знаменитаго историка, публициста и государственнаго мужа“ [47]).

Графъ С. Г. Строгоновъ писалъ своему брату въ Одессу: „Славянофилы превозносятъ зорю новой жизни для Россіи и смотрятъ на основаніе общины, какъ на первый шагъ от-

ступленія отъ Петровскихъ реформъ. Хомяковъ говорилъ, на дняхъ, что послѣ этого перваго шага, второй долженъ быть отпускъ бороды и кафтанъ, чтобы народъ узналъ, что Правительство ищетъ свое спасеніе въ его началѣ. Ты видишь, что это православный соціализмъ! При этомъ корифеи утверждаютъ, что если дворянство въ продолженіе стольких лѣтъ не успѣло упрочить себя, какъ независимое сословіе, то симъ доказало свое ничтожество и не заслуживаетъ быть поддержано. Движеніе умовъ вообще замѣчательное и я опасаюсь, что, расшевеливъ неосторожно одно учрежденіе, не раскачали бы все зданіе“ [48])....

Митрополитъ Филаретъ и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода графъ А. П. Толстой были недовольны вмѣшательствомъ нѣкоторыхъ изъ духовныхъ лицъ и ихъ журналовъ въ крестьянскій вопросъ.

Въ январѣ 1859 года, графъ А. П. Толстой писалъ Филарету: „Въ церковную словесность нашу проникаетъ подражаніе словесности свѣтской, происходящее, кажется, отъ человѣкоугодія... Изобилуя иностранными словами, отчасти потворствуя любимымъ мыслямъ современнаго общества, сочиненія нѣкоторыхъ изъ нашихъ духовныхъ писателей не возбудятъ сочувствіе людей съ противнымъ образомъ мыслей, и только огорчатъ или соблазнятъ людей, приверженныхъ къ церкви. Въ объясненіе своихъ словъ могу указать на рѣчь о крестьянскомъ вопросѣ, произнесенную Калужскимъ преосвященнымъ Григоріемъ, и на статьи, помѣщенныя въ трехъ послѣднихъ книжкахъ *Православнаго Собесѣдника.* Требуется, кажется, нѣкоторая предусмотрительность, чтобы наша духовная словесность не уподоблялась растлѣнной словесности свѣтской. Между тѣмъ, высокопреосвященный митрополитъ Григорій не имѣетъ времени самъ читать повременныя изданія наши, а мои о семъ замѣчанія, хотя и согласныя съ мыслями его высокопреосвященства, не имѣютъ однако довольно силы, чтобы ему на нихъ однихъ основаться. И потому обращаюсь къ вамъ, съ покорнѣйшею просьбою, ока-

зать мнѣ въ семъ дѣлѣ содѣйствіе, и въ письмѣ къ высокопреосвященному митрополиту Новгородскому изложить ваши мысли о теперешнемъ состояніи нашей церковной словесности".

25 января 1859 г., Филаретъ отвѣчалъ: „Вкравшееся въ духовную словесность своеволіе мысли и слова и мною со скорбію усмотрѣно: и я помышлялъ писать о семъ ко владыкѣ Новгородскому" [49]).

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ (1 марта 1859 г.) писалъ Погодину: „Филаретъ такъ разозлился на Казанскій Духовный Журналъ за обнаруженіе имъ признаковъ жизни, что выхлопоталъ указъ о подчиненіи этого журнала Троицкой цензурѣ. Посмотрѣвъ на статью Щапова (*Голосъ древней Русской церкви въ пользу несвободнаго сословія*) и увидѣвъ тамъ мѣсто Даніила Заточника, онъ воскликнулъ: „Вотъ, взялъ каторжника да и думаетъ имъ защищать свои мысли" [50]).

Съ своей же стороны, Филаретъ (21 февраля 1859 г.) писалъ слѣдующее Тульскому епископу Алексѣю: „Жалѣю, что вы допустили инспектора Тульской Семинаріи архимандрита Андрея говорить слово, которое вы мнѣ прислали. Вы, думаю, слыхали въ Москвѣ, какъ я жаловался на проповѣдниковъ, которые не умѣючи берутся за политическіе предметы... Вопросъ о крестьянахъ темный, спорный, неразрѣшенный, непозволяющій еще предвидѣть, какое будетъ рѣшеніе, таковъ, что о немъ только по необходимой обязанности говорить можно, и то съ большою осторожностью. Мы имѣемъ долгъ наставленіями поддерживать въ подданныхъ вѣрность и преданность къ благочестивѣйшему оосударю, для сего прилично сказать въ проповѣди, что онъ печется о возвышеніи благосостоянія всѣхъ сословій, не исключая и низшихъ: но въ спорныя подробности входить не наше дѣло; и можетъ случиться, что мы не угадаемъ мысли Правительства, еще не довольно раскрытой; и въ такомъ случаѣ напрасно сойдемъ съ церковной дороги, чтобы на дорогѣ политической оступиться въ яму" [51]).

Въ сборникѣ *писемъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ* къ митрополиту московскому Филарету, изданномъ начальникомъ Сvнодальнаго Архива Львовымъ, напечатано замѣчательное письмо къ святителю Московскому Исидора, тогда (25 декабря 1858 г.) митрополита Кіевскаго и Галицкаго, слѣдующаго содержанія: „Новый годъ у всѣхъ возбуждаетъ тяжелыя заботы, и, кажется, всѣ понимаютъ, что *дніе лукави суть*. Духъ времени, хвалясь стремленіемъ къ преспѣянію, не скрываетъ усилій своихъ къ разрушенію того, что стояло прочно. Университеты нагло внушаютъ новому поколѣнію, что наука и вѣра не могутъ жить вмѣстѣ, и, какъ выражался бывшій попечитель Кіевскаго учебнаго округа Ребиндеръ, православная вѣра есть узы для просвѣщенія и одно лютеранство способствуетъ къ развитію науки. Духъ вольномыслія начинаетъ проникать и въ наши высшія учебныя заведенія. Совѣтуютъ, чтобы никто не ходилъ въ монашество. Простой народъ на станціяхъ Харьковской губерніи спрашивалъ, правду ли говорятъ проѣзжающіе помѣщики, что скоро въ Россіи не будетъ ни монаховъ, ни священниковъ. Все это броженіе умовъ, при нынѣшнемъ крестьянскомъ вопросѣ, предвѣщаетъ недоброе. Да *пробавитъ* Господь милость Свою къ Православной Россіи“.

XI.

Когда мысль о выкупѣ пошла въ ходъ, даже получила, такъ сказать, правительственную санкцію и достигла слуха митрополита Московскаго Филарета, то мудраго святителя, очень озаботило состояніе нашихъ финансовъ. Размышленіями своими онъ дѣлился съ другомъ своимъ Антоніемъ. „Вѣрное получилъ я свѣдѣніе о новости“,—писалъ митрополитъ,— „надъ которою задумаешься. Въ чрезвычайномъ собраніи Государственнаго Совѣта опредѣлено и высочайше утверждено: Сохранныя казны въ Москвѣ и Петербургѣ и въ приказахъ общественнаго призрѣнія уничтожить, и капиталы перевесть въ

общую государственную кассу. Трудно ожидать, чтобы Министерство Финансовъ могло исправно вести огромную многосложную операцію, стянутую въ одно мѣсто изъ разныхъ учрежденій въ Государствѣ. И трудно не повѣрить тѣмъ, которые предсказываютъ худыя послѣдствія.—Господи, посли свѣтъ Твой и истину Твою благочестивѣйшему царю нашему".

Въ другомъ письмѣ митрополита читаемъ: „Денежныя дѣла становятся все темнѣе. Въ *Вѣдомостяхъ* напечатана статья о тридцатисемилѣтнихъ билетахъ пространная, но непонятная. Удаленіе Штиглица и объявленіе, что онъ прекращаетъ дѣла въ Петербургѣ—новое недоброе знаменіе" [52]).

Дѣйствительно, въ началѣ октября 1859 года, Домъ Штиглица и К° вдругъ объявилъ о намѣреніи своемъ прекратить занятія и началъ леквидироваться. Такъ какъ Домъ Штиглица и К° игралъ важную роль въ Исторіи Русскихъ финансовъ, считаемъ нелишнимъ съ нимъ познакомиться.

Фамилія Штиглицъ родомъ изъ города Арольсена, въ Княжествѣ Вальдекъ. Изъ четырехъ братьевъ, старшій проживалъ въ Ганноверѣ, занимая должность медицинскаго совѣтника; другіе двое: Бернгардъ и Николай, переселились въ Россію, въ концѣ XVIII столѣтія, проживали — первый въ Кременчугѣ, а Николай—въ Петербургѣ, гдѣ основалъ довольно значительный торговый домъ. Къ этому послѣднему, въ 1803 г., по окончаніи торговыхъ занятій въ одной заграничной конторѣ (кажется, въ Ганноверѣ), присоединился Людвигъ Штиглицъ (отецъ агента Министерства Финансовъ). Познакомившись съ торговыми отношеніями въ Россіи, онъ получилъ отъ брата Николая капиталъ, во сто тыссячь рублей асс., и основалъ собственный торговый домъ, но не болѣе какъ черезъ полтора года, онъ уже былъ вынужденъ прекратить платежи. Однакожъ, поддерживаемый братомъ, отъ котораго впослѣдствіи получилъ и наслѣдство, вновь занялся торговыми дѣлами, которыя, при свойственной ему предпріимчивости, дѣлались годъ отъ году значительнѣе. Особенному успѣху его

способствовали война Россіи съ Наполеономъ и континентальная система противъ Англіи. Притомъ и другой Штиглицъ, благодаря содѣйствію Канкрина, Нессельрода и послѣ Бенкендорфа, съумѣлъ извлечь для себя исключительныя выгоды, посредствомъ разныхъ торговыхъ операцій. Соперникомъ Штиглица на Петербургской Биржѣ былъ тогда придворный банкиръ, баронъ Раль; но Раль горячимъ характеромъ своимъ, возстановилъ противъ себя многія лица, между тѣмъ какъ хладнокровіе и ловкость Штиглица и большія его связи пріобрѣли ему такое довѣріе, что значеніе его увеличивалось, вмѣстѣ съ постепеннымъ упадкомъ Раля, и когда этотъ послѣдній, въ 1817 г., остановилъ платежи, то все торговое сословіе указало на Штиглица, какъ на достойнаго занять первенство на Петербургской Биржѣ. Разныя, новыя въ Россіи, финансовыя учрежденія, въ указаніи на которыя Штиглицъ принималъ дѣятельное участіе, не остались для него безъ выгоды, и въ двадцатыхъ годахъ богатство и кредитъ его уже пріобрѣли ему Европейскую славу. Во вниманіе къ такимъ обстоятельствамъ и въ вознагражденіе услугъ, оказанныхъ Русскому Правительству, Штиглицъ, въ 1826 г., при коронованіи императора Николая I, получилъ титулъ баронскій. Значеніе его на всемірной биржѣ этимъ увеличилось, и, въ тридцатыхъ годахъ, баронъ Любимъ Любимовичъ Штиглицъ уже могъ равняться богатствомъ съ извѣстнымъ Гамбургскимъ банкиромъ Соломономъ Гейне. Въ 1841 г., Штиглицъ заключилъ первый Россійскій государственный заемъ, въ 50 милліоновъ рублей серебромъ, на постройку желѣзной дороги изъ Петербурга въ Москву. Однако, чрезмѣрная дѣятельность его не осталась безъ послѣдствій для его здоровья. Въ полномъ цвѣтѣ своего финансоваго и торговаго значенія, въ 1843 г., баронъ Любимъ Штиглицъ померъ, оставивъ по себѣ состояніе въ 18 милліоновъ рублей серебромъ Наслѣдникомъ богатства и торговаго дома „Баронъ Штиглицъ и К°“ сдѣлался единственный сынъ Любима Любимовича, баронъ Александръ. Другой сынъ его, оказавшій большіе успѣхи

въ наукахъ, скончался раньше отца, въ цвѣтѣ лѣтъ, когда оканчивалъ курсъ въ Дерптскомъ Университетѣ; а единственная дочь отдана была въ замужество за купца Гардера.

Баронъ Александръ Любимовичъ Штиглицъ, въ юности своей, говорятъ, не предназначалъ себя къ финансовымъ дѣламъ; пылкій поклонникъ Шиллера и Гете, онъ, какъ говорятъ, скорѣе выказывалъ наклонность къ иному, не купеческому пути въ жизни. Едва успѣлъ онъ въ отцовской конторѣ вникнуть во всѣ нити огромныхъ операцій, какъ кончина отца указала ему на то, чего ожидало отъ него всемірное торговое сословіе. Говорятъ даже, что колебаніе осиротѣлаго Штиглица-сына вынудило милостивое настояніе императора Николая I продолжать дѣло отца. Вскорѣ баронъ А. Л. Штиглицъ вступилъ въ финансовыя дѣла и съ замѣчательною энергіею пошелъ по приготовленному для него блистательному пути. Скоро значеніе торговаго дома Штиглицъ и К^0 возвысилось еще болѣе. Въ особенности замѣчательны услуги, оказанныя имъ Русскому Правительству, которое, при посредствѣ всемірнаго кредита Штиглица, съ чрезвычайною легкостью и выгодностью, успѣло заключить, въ теченіе десятка лѣтъ, послѣдовательно одинъ за другимъ, пять заграничныхъ займовъ. Кромѣ того, до высшей степени увеличилось банкирское значеніе барона Штиглица, и онъ сдѣлался въ полномъ смыслѣ королемъ Петербургской Биржи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, предпріимчивость его, по устройству огромныхъ мануфактуръ и разныхъ общеполезныхъ заведеній, поставила его высоко и въ промышленномъ мірѣ. Въ 1857 году, баронъ Штиглицъ устроилъ, на свой счетъ, желѣзную дорогу въ Петергофъ, съ вѣтвію въ Красное Село, и за это всемилостивѣйше награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 1-й степени. Блестящее положеніе Штиглица не осталось, однакожъ, для него безъ непріятностей, которыя и побудили его сойти съ блистательнаго своего поприща.

Такимъ образомъ, просуществовавшая пятьдесятъ семь лѣтъ при Петербургской Биржѣ фирма барона Штиглицъ

и К⁰ прекратила свою дѣятельность [53]), и въ этомъ событіи митрополитъ Филаретъ видѣлъ *новое недоброе знаменіе.*

Почти одновременно съ прекращеніемъ Штиглицомъ своей дѣятельности, Кокоревъ, принимая къ сердцу освобожденіе крестьянъ, написалъ обширную статью подъ заглавіемъ: *Милліардъ въ туманѣ*, и напечаталъ ее въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.*

Статья начинается такъ: „Для прочной связи Русской жизни нужна скорая и честная развязка крестьянскаго дѣла, безобидная для обѣихъ сторонъ. Для этого надобно имѣть наготовѣ денежную громаду — милліардъ рублей серебромъ, на уплату помѣщикамъ за владѣемые крестьянами поля и покосы. Безъ этого милліарда крестьяне будутъ просто землетруженики, а не самостоятельные землевладѣльцы; будутъ батраки, а не граждане. Безъ этого милліарда помѣщики понесутъ неизбѣжные убытки и вся Русская жизнь пострадаетъ отъ запутанности и затрудненій. Съ чего же начать рѣчь о милліардѣ? Не вдругъ придумаешь, какъ подойти къ дѣлу. Вотъ это-то придумыванье и составляетъ нашу бѣду, оно то и есть туманъ“.

Статью свою Кокоревъ заключаетъ такими словами: „Наша тройка выведена на базаръ жизни. Повторимъ ея названіе: *коренная*,—уравненіе податей, и двѣ *пристяжныхъ* — общее право землепріобрѣтенія и уступка пустопорожнихъ казенныхъ земель. Думайте, смекайте, есть ли въ этой тройкѣ сила, и впрягать ли ее въ дѣло? Лиха бѣда дружно тронуться съ мѣста, а тамъ ужъ все пойдетъ безъ задержки: вѣдь въ сугробахъ и трясинахъ мы всей артелью будемъ подхватывать и покрикивать: э-э-э-э-э-эхъ, вы, горкія! выноси, выноси“ [54])!

Министръ Государственныхъ Имуществъ М. Н. Муравьевъ первый обратилъ вниманіе на статью Кокорева, и 12 января 1859 г. писалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Обративъ вниманіе на помѣщенную въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* статью Василія Кокорева, подъ названіемъ *Милліардъ въ туманѣ*, въ которой авторъ дозволилъ себѣ нѣкоторыя сужденія о

предметахъ, относящихся непосредственно до управленія государственными имуществами и которая не была предварительно сообщена, назначенному отъ сего министерства, для сношеній съ Цензурнымъ Комитетомъ, члену совѣта Норову, я долгомъ считаю обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, не изволите ли признать возможнымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы подобныя статьи были впредь доставляемы на разсмотрѣніе генералъ-маіора Норова".

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь А. Ѳ. Орловъ обратился съ запросомъ объ этой статьѣ къ графу А. А. Закревскому, который, 21 января 1850 года, отвѣчалъ: „Любезный другъ князь Алексѣй Ѳедоровичъ. Ты желалъ знать мое мнѣніе на статью *Милліардъ въ туманѣ*. Прилагаю его. Кокоревъ дѣйствительно туманитъ публику. Давно бы пора унять этого вреднаго честолюбца, который, при стеченіи счастливыхъ обстоятельствъ, выскочивъ изъ цѣловальниковъ и пріобрѣтя своимъ кабацкимъ богатствомъ значеніе въ обществѣ, особливо въ народѣ, и связи между литераторами, не въ первый уже разъ смѣетъ печатать свои уроки Правительству" [55]).

Въ то же время министръ Народнаго Просвѣщенія получилъ отъ государственнаго секретаря В. П. Буткова бумагу, въ которой прочелъ: „Главный Комитетъ обратилъ вниманіе на статью Кокорева *Милліардъ въ туманѣ*. Въ этой статьѣ сочинитель, доказывая необходимость выкупа у помѣщиковъ земли, которою нынѣ пользуются ихъ крестьяне, и предлагая для сего финансовую мѣру, помѣстилъ сужденія вовсе неумѣстныя и которыя не слѣдовало бы допускать въ печать. По убѣжденію Главнаго Комитета, можно и въ извѣстной степени полезно, допускать печатаніе статей о выкупѣ крестьянами земли, дозволяя при этомъ и сужденія о необходимыхъ финансовыхъ для сего операціяхъ, о продажѣ казенныхъ земель государственныхъ имуществъ и проч., но всѣ эти статьи могутъ быть допускаемы къ печатанію не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы въ нихъ не были помѣщаемы

сужденія неумѣстныя, неотносящіяся прямо къ предмету и возбуждающія толки противъ дѣйствій Правительства. Вслѣдствіе сего, Главный Комитетъ положилъ: предоставить вашему превосходительству сдѣлать цензору замѣчаніе за пропускъ статьи Кокорева съ неумѣстными въ оной сужденіями и выраженіями".

Въ годъ учрежденія Редакціонныхъ Коммисій, М. А. Дмитріевъ, изъ своего Сызранскаго села Богородскаго, писалъ Погодину: „У насъ почти неурожай. Ржи родилось меньше половины противъ самаго умѣреннаго урожая прежнихъ годовъ. А яровое родилось до крайности мало и плохо, такъ что гдѣ прежде бывало 1200 сноповъ, тамъ развѣ 200. Да сверхъ того ежедневные дожди мѣшаютъ уборкѣ, и все гніетъ въ полѣ. Крестьянамъ будетъ почти ѣсть нечего. У меня они будутъ рубить дрова въ моемъ лѣсу и продавать въ свою пользу: этимъ прокормятся. Хорошо еще, что не подоспѣлъ надѣлъ ихъ землею, и совершенное отдѣленіе ихъ, въ матеріальномъ отношеніи, отъ помѣщиковъ: тогда уже нельзя бы было позволить имъ рубить мой лѣсъ, потому что обоюдныя выгоды были бы уже расчитаны по саженямъ, по днямъ и по часамъ. Что тогда было бы? Удѣльные мужики, по неурожаю, начинаютъ уже пошаливать по проселочнымъ дорогамъ. Недавно въ двухъ мѣстахъ нападали, по два человѣка, на дьячка, ѣхавшаго съ бумагами отъ благочиннаго; но онъ отъ нихъ ускакалъ".

XII.

Первые годы царствованія императора Александра II, были расцвѣтомъ разнообразной дѣятельности В. А. Кокорева.

Въ концѣ 1857 года, Кокоревъ совершилъ трехмѣсячное путешествіе по Англіи, Франціи, Бельгіи и Пруссіи. Путешествіе свое онъ описалъ въ письмѣ къ С. А. Хрулеву и напечаталъ подъ заглавіемъ: *Изъ путевыхъ Замѣтокъ.* Про-

читавъ еще въ рукописи эти *Замѣтки*, Ю. Н. Бартеневъ, 10 января 1858 года, писалъ Погодину: „Чтеніе путевыхъ записокъ такъ мнѣ понравилось, такое обаяніе произвелъ на меня сгибъ просторнаго ума Русскаго человѣка Кокорева, который не безъ лукаваго однакожъ ока и помнитъ твердо пословицу, что пирожку всегда мѣсто есть, что впалъ въ нетерпѣливое искушеніе просить васъ о присылкѣ второй тетради. Признаюсь, послѣ писемъ *Русскаго Путешественника* Карамзина, я ничего, въ этомъ родѣ, пріятнѣе не читывалъ“.

„По возвращеніи домой“,—писалъ самъ Кокоревъ,—„не разъ проходилъ я въ моихъ мысляхъ все видѣнное за границей, и сравнивая это съ Русскою жизнію, старался уразумѣть причины народнаго благоустройства вообще въ Европѣ и въ особенности въ Англіи. Изъ такихъ внутреннихъ разсужденій съ самимъ собою, составился у меня новый, для меня по крайней мѣрѣ, взглядъ на торговлю“. Результатомъ этого путешествія была статья *Взглядъ русскаго на Европейскую торговлю*, которую Кокоревъ напечаталъ въ газетѣ *le Nord*.

Статья Кокорева произвела впечатлѣніе, и М. Н. Катковъ призналъ полезнымъ напечатать ее въ переводѣ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ отъ Редакціи: „Первая половина этой статьи уже появилась въ газетѣ *le Nord*, произвела самое живое впечатлѣніе въ чужихъ краяхъ, особенно въ Бельгіи и Англіи. Вотъ съ какимъ участіемъ принимаются въ Европѣ живыя и свѣжія мысли. Хорошо было бы, если бы Русской мысли не надобно было появляться прежде на иностранномъ языкѣ, чтобъ произвести свое дѣйствіе и заслужить наше благосклонное вниманіе“.

Въ письмѣ своемъ къ Погодину, 7 марта 1858 года, Шевыревъ, между прочимъ, писалъ: „Восхищаюсь статьями Кокорева... Что за голова свѣтлая! Но какъ же съ такимъ человѣкомъ могутъ поступать такъ варварски? Ему быть членомъ совѣта всѣхъ министерствъ возможныхъ. Онъ вездѣ по-

даетъ свѣтлыя мысли". Прочитавъ это письмо, Кокоревъ надписалъ на немъ: *Спасибо на добромъ словѣ.*

Но не всѣ восхищались Кокоревымъ. „Въ *Современникѣ*",— писалъ Кошелевъ Погодину,—„разругали Кокорева просто неблагопристойными словами". Самъ же Кокоревъ, изъ Ушаковъ, писалъ: „Завтра ѣду въ Питеръ для толкованія съ Княжевичемъ объ откупахъ. Я передалъ Крузе, для доставленія вамъ, одну книжную гадость. Ее писали два флигель-адъютанта: Сумароковъ и Фридрихсъ".

Въ статьѣ *Современника*, на которую указываетъ Кошелевъ, примѣчается нѣкое глумленіе подъ литературными произведеніями Кокорева.

Въ первой книжкѣ *Русской Бесѣды* 1858 года, напечатана была статья Кокорева, подъ заглавіемъ: *Путь Севастопольцевъ* и посвящена С. А. Хрулеву, о которомъ онъ, между прочимъ, писалъ Погодину (14 апрѣля 1858 г.): „Хрулевъ скучаетъ, бездѣйствуетъ, *вянетъ*".

Предчувствуя журнальныя на себя нападенія, Кокоревъ писалъ: „Ну, вышелъ *Путь Севастопольцевъ.* Опять *змѣи зашипятъ.* И какъ рады будутъ, что есть поводъ".

Змѣи дѣйствительно *зашипѣли.* „Имя г. Кокорева",—писали въ *Современникѣ*,—„какъ новаго писателя, явилось въ одно и то же время, какъ въ Русскомъ журналѣ, такъ и въ одной Французской газетѣ. Литературные труды г. Кокорева при этихъ условіяхъ обнаруживаютъ въ молодомъ писателѣ замѣчательныя дарованія, потому что писать отлично по Французски, и въ то же время такъ оригинально, такъ кудряво, такъ самобытно, такъ плавно, такъ энергически излагать свои мысли по Русски — дѣло нелегкое. Способности владѣть въ совершенствѣ двумя языками, слишкомъ различными и по духу и по оборотамъ, — достаетъ немногимъ, только весьма даровитымъ людямъ"...

Въ статьѣ своей *Путь Севастопольцевъ*, Кокоревъ сказалъ: *Съ незнающими Русскаго языка мы обязаны уже быть вѣжливѣе и внимательнѣе.* На это *Современникъ* замѣтилъ:

„Хорошо вамъ высказывать такія истины, когда вы сами, какъ видно изъ статей вашихъ, помѣщенныхъ въ *Le Nord*, владѣете Французскимъ языкомъ въ такомъ совершенствѣ, что, въ случаѣ надобности, можете прикинуться настоящимъ французомъ, неговорящимъ по Русски, — а какъ бы этого не было? Но подумайте однако, что нашему брату, невладѣющему иностранными языками и говорящему единственно по Русски, отъ вашего афоризма будетъ куда какъ жутко"!

14 апрѣля 1858 года, самъ Кокоревъ, писалъ Погодину: „На меня напали *Сѣверная Пчела* и извѣстный Липранди. Дѣло ясно откуда вѣетъ вѣтеръ".

Сѣверная Пчела, опираясь на *Современникъ*, писала, что въ этомъ журналѣ указано было „все пустословіе, все хвастовство сочинителя; его лживые взгляды, ошибочные разсчеты, и все это приправлено забавными замѣчаніями и колкостями, вполнѣ заслуженными и возбуждавшими громкій хохотъ падкой на смѣшное молодежи. „Вновь подтверждается,— продолжаетъ *Сѣверная Пчела*, — что древніе называли поэтовъ предсказателями по всей справедливости. Нашъ новый писатель (Кокоревъ), лѣтъ за тридцать, описанъ былъ Крыловымъ въ баснѣ о мѣшкѣ, набитомъ червонцами:

Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ и началъ вздоръ нести;
О всемъ и рядитъ онъ, и судитъ:
И то не такъ,
И тотъ дуракъ,
Изъ того-то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ;
Хоть онъ такую дичь несетъ,
Что уши вянутъ;
Но у людей, къ несчастію, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами мѣшокъ,
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.

Свой разборъ *Пути Севастопольцевъ* критикъ *Современника* заключаетъ такими словами: „Статья г. Кокорева представляетъ замѣчательное и оригинальное явленіе: оно должно

подѣйствовать не только на кислыя щи, но и на науки. Въ статьѣ этой г. Кокоревъ является: историкомъ, мыслителемъ, администраторомъ, двигателемъ торговли и промышленности, поэтомъ, радушнымъ хозяиномъ, патріотомъ, обличителемъ, наблюдателемъ, политикомъ, техникомъ, мореплавателемъ, произносителемъ спичей, сатирикомъ, путешественникомъ и наконецъ, — что всего важнѣе, — профессоромъ Русскаго глазомѣра"!

Но въ той же враждебной Кокореву *Сѣверной Пчелѣ* сказано о немъ и слѣдующее: „Онъ вышелъ изъ низкаго званія, получилъ образованіе самое скудное, но природнымъ умомъ, смѣтливостью, прилежаніемъ и честностью и благонамѣренностью пріобрѣлъ значительное состояніе. Онъ считается въ числѣ первыхъ богачей въ Россіи. Богатство свое употребляетъ онъ самымъ благороднымъ образомъ: принимаетъ своими капиталами участіе во многихъ общеполезныхъ предпріятіяхъ, поощряетъ земледѣліе и промышленность; недавно ѣздилъ въ чужіе краи и собралъ многія преполезныя наблюденія. Теперь отправилъ за границу нѣсколько молодыхъ свѣдущихъ людей, для изученія тамъ новыхъ изобрѣтеній, машинъ, для перенесенія въ Россію важнѣйшихъ способовъ земледѣлія, напримѣръ, дренажа. Трудно назвать человѣка, который желалъ бы сдѣлать столько, и употребилъ бы на то данныя ему Богомъ средства".

„В. А. Кокоревъ",—писалъ Шевыревъ Погодину,—„какъ источникъ добра, привлекаетъ всѣхъ... Всѣ страждующіе только отъ него чаютъ помощи. Завидный удѣлъ".

„Препровождаю вамъ записку Горѣйновой",—писалъ П. И. Бартеневъ къ Погодину,—„которая нуждается въ пособіи и о которой просила меня княжна Варвара Николаевна Репнина написать къ вамъ, дабы вы обратились за помощью къ Кокореву. Будьте такъ добры, помогите. Репнина такое прекрасное созданіе, что, я увѣренъ, сдѣлала съ своей стороны все возможное и не стала бы просить, если бы бѣдная Горѣйнова дѣйствительно не нуждалась".

Русская Литература останется признательною къ Кокореву и за его участіе къ Никитину, съ которымъ заочное знакомство обратилось у него „въ пріязнь". Онъ даритъ ему сочиненія Шиллера, Гете и Гейне. Онъ способствуетъ распродажѣ *Кулака*,—произведенія, которое встрѣтило въ сдержанномъ академикѣ Я. К. Гротѣ „восторженный пріемъ", выраженный на страницахъ академическаго изданія: *Извѣстія II-го Отдѣленія Академіи Наукъ.* А когда Никитинъ задумалъ основать въ Воронежѣ книжный магазинъ, то руку помощи въ этомъ предпріятіи простеръ ему тотъ же Кокоревъ, и ему Никитинъ отъ глубины благодарнаго чувства писалъ: „Помощь, которую вы мнѣ оказываете—не простое участіе, не мимолетное состраданіе къ тяжелому положенію другаго лица, нѣтъ! Это въ высшей степени благотворная, живительная сила, которая обновляетъ все мое существованіе. До тѣхъ поръ я былъ страдательнымъ нулемъ въ средѣ моихъ согражданъ; теперь вы выводите меня на дорогу, гдѣ мнѣ представляется возможность честной и полезной дѣятельности; вы поднимаете меня, какъ гражданина, какъ человѣка"!

Пользуясь отъѣздомъ своего друга, Курбатова, въ Москву и Петербургъ, Никитинъ послалъ съ нимъ слѣдующее письмо къ Кокореву (отъ 21 декабря 1858): „Позвольте еще разъ принести вамъ мою глубокую, сердечную благодарность за сдѣланное вами мнѣ великое добро. Мнѣ очень прискорбно, что, по окружающимъ меня обстоятельствамъ, я лишенъ счастія засвидѣтельствовать ее вамъ лично. Честь имѣю рекомендовать вамъ моего будущаго сотрудника по книжной торговлѣ Николая Павловича Курбатова. Онъ воспитывался въ Московскомъ Университетѣ, читалъ въ продолженіе года Законовѣдѣніе въ Воронежскомъ Михайловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, но отказался отъ этой должности, отчасти, вслѣдствіе семейныхъ дѣлъ, требовавшихъ его непосредственнаго надзора, а главное потому, что выработанныя имъ убѣжденія относительно воспитанія не могли подходить подъ извѣстную, казенную мѣрку. Меня сближаетъ съ нимъ оди-

наковая цѣль: принести обществу частичку пользы на томъ пути, который мнѣ открыло ваше великодушіе. Ежели желаніе мое увѣнчается успѣхомъ, я могу умереть съ отраднымъ сознаніемъ, что жизнь моя не пропала даромъ и послѣднимъ моимъ словомъ будетъ благословеніе вашего имени".

12 іюня 1858 года, академикъ А. В. Никитенко писалъ Погодину: „Есть у отношеній челолѣческихъ, у пріязни, уваженія и проч. свои права давности, въ силу которыхъ, мимо всѣхъ другихъ причинъ и побужденій, недоступное однимъ дѣлается доступнымъ другимъ. На основеніи этой ни болѣе, ни менѣе какъ исторической истины, я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбою, будучи увѣренъ, что вы не отвергнете ее хотя бы то потому, что много лѣтъ я вамъ, а вы мнѣ лично безъ всякихъ нехорошихъ расположеній и внушеній, знакомы. Просьба моя *для меня* такъ многозначительна, что я самъ собственнымъ лицемъ моимъ явился бы съ нею къ вамъ въ Москву, еслибъ дѣла службы бы меня не удерживали еще на какой-нибудь мѣсяцъ, а можетъ быть и больше здѣсь. Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ: у меня есть братъ родной, состоящій въ коммерческомъ сословіи, человѣкъ весьма дѣльный и честности, смѣю сказать, неукоризненной, но какъ человѣкъ безкапитальный, то единственно трудомъ своимъ снискивающій хлѣбъ своей семьѣ. Разумѣется, ему хотѣлось бы нѣсколько прочнѣе устроить свой быть, къ чему и подаетъ ему нѣкоторую возможность и право его способность къ дѣланію. Но ему, какъ и многимъ другимъ людямъ подобнаго рода, недостаетъ всесильнаго благопріятнаго случая. Слышалъ онъ, знаю заподлинно и я, что Кокоревъ, по врожденной своей наклонности ко всему благородному и доброму, былъ для нѣкоторыхъ этимъ всемогущимъ и благимъ случаемъ, поставивъ, какъ говорится у насъ на Руси, ихъ на ноги. Вы съ Кокоревымъ находитесь въ близкихъ отношеніяхъ; онъ, какъ всѣ умные и благородные Русскіе люди, васъ уважаетъ. Не можете ли вы,

не ради брата моего, котораго вы не знаете, а ради меня, котораго когда-то, какъ чуетъ мое сердце, даже немножко любили, подѣйствовать на Кокорева такъ, чтобы онъ захотѣлъ оказать нѣкоторое покровительство означенному моему брату—а какимъ образомъ и въ чемъ, онъ самъ, являющійся къ вамъ вотъ съ этимъ письмомъ, вамъ объяснитъ въ нѣсколькихъ словахъ, если вы удостоите его выслушать. Конечно, съ вашей стороны это будетъ такое дѣло, котораго благодарное сердце мое не забудетъ пока оно движется въ моей груди. Что касается до Кокорева, то само собою разумѣется, что за благодѣяніе, какое онъ окажетъ моему брату, я воздать ему не въ состояніи, да онъ и не такой человѣкъ, которому бы это было нужно. Одно только развѣ, что уваженіе, какое питаю я къ нему, какъ къ дѣятелю общественному, усугубится теплотою и силою одушевленнаго личнаго чувства. Да будетъ во всякомъ случаѣ все съ вами благое, а когда буду въ Москвѣ, то поспѣшу лицемъ къ лицу передать вамъ и это желаніе и всѣ задушевныя искреннія чувствованія, которыми такъ давно преисполненъ къ вамъ".

Это письмо Погодинъ передалъ Кокореву, который положилъ на немъ, въ Ушакахъ, слѣдующую резолюцію: „Былъ у меня два раза Никитенко и потомъ пропалъ. Справляюсь—уѣхалъ. Куда?—не знаю. Прицѣливался къ нѣкоторымъ городамъ его пристроить — не вышло. Наконецъ уговорилъ Куренкова, его хозяина, дать ему пять паевъ въ Чебоксарахъ. Власовъ говоритъ, что этотъ (откупной) Никитенко страшный кутиловецъ, и что онъ съ нимъ много уже возился прежде".

Получивъ извѣстіе о мѣрахъ, принятыхъ Погодинымъ, Никитенко, 22 іюня 1858 г., писалъ ему: „Не нахожу словъ, какъ благодарить васъ за благосклонный пріемъ, сдѣланный вами моему брату и теплое участіе въ его дѣлѣ. Вчера вечеромъ онъ явился ко мнѣ съ донесеніемъ объ этомъ и о томъ, что онъ былъ уже у В. А. Кокорева, который, благодаря вашему ходатайству, обѣщалъ ему великодушное свое содѣйствіе, какъ скоро пойдетъ торгъ въ Тверской губерніи,

такъ какъ братъ мой желалъ бы воспользоваться нѣсколькими паями по этой губерніи. Онъ велѣлъ ему явиться въ Сенатъ въ день самаго торга и напомнить ему о себѣ. Если дѣло удастся, я несказанно буду обязанъ вамъ, благороднѣйшій Михаилъ Петровичъ, ибо оно послужитъ основаніемъ къ упроченію блага семьи, и по крови и по сердцу слишкомъ мнѣ близкой, а В. А. Кокореву великій памятникъ воздвигнутъ будетъ въ душѣ моей. Въ первыхъ числахъ іюля надѣюсь быть въ Москвѣ, а слѣдовательно и у васъ. Я нынѣ крѣпко озабоченъ Ценсурнымъ Уставомъ, которымъ занимаюсь по порученію властей, и только ожидаю окончанія или по крайней мѣрѣ усиленнаго движенія этого дѣла, чтобы счесть себя немножко свободнымъ и пріобрѣсти возможность повидаться съ добрыми Москвичами. И такъ, до свиданія! Да хранитъ васъ Богъ и да будете вы на всѣ дни радостны и спокойны. Если найдете удобнымъ и приличнымъ, то не оставьте напомнить о насъ, грѣшныхъ, Василію Александровичу: ибо дѣлъ у него безчисленное множество и немудрено иному изгладиться или ослабѣть въ памяти, столь обремененной, какъ его".

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этой переписки Никитенко отправился въ Москву; но въ *Дневникѣ* своемъ ни словомъ не упомянулъ объ этой своей перепискѣ съ Погодинымъ. Тамъ, подъ 17—22 іюля 1858 г., читаемъ: „Зачѣмъ туда (т.-е. въ Москву) ѣздилъ я? Что тамъ дѣлалъ? Цѣль поѣздки была, во-первыхъ, отдохнуть отъ безпрерывной умственной работы. Во-вторыхъ, я имѣлъ также намѣреніе проѣхать оттуда въ Муромъ, къ брату. Кромѣ того, я хотѣлъ посмотрѣть на Московскихъ литераторовъ и сдѣлать маленькую рекогносцировку, нельзя-ли кого пріобрѣсти въ сотрудники для будущей газеты. Ничто изъ этого не достигнуто; братъ въ Москву не пріѣхалъ. Литераторовъ лѣтомъ въ Москвѣ мало, а тѣ, которыхъ я видѣлъ случайно, къ дѣлу не относятся. Москва показалась мнѣ какою-то грязноватою, пустынною и скучноватою".

XIII.

Подъ 23 января 1858 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Поутру Кокоревъ о банкѣ и прочихъ похожденіяхъ“.

Въ это время Кокоревъ былъ занятъ составленіемъ какого-то грандіознаго проэкта о банкахъ, и когда Погодинъ упрекалъ его въ вѣтренности, то онъ отвѣчалъ: „Правда, что я иногда бываю вѣтренъ, но вѣдь это не совсѣмъ худо, вѣдь это признакъ еще непогаснувшей молодости, безвреднаго безпутства, въ которомъ лежитъ своего рода огонь. Ненадобно желать, чтобы совершенно остепенѣть, тогда будешь правиленъ и однообразенъ, какъ бы напримѣръ (?) ну хоть такъ: ровенъ, какъ Петербургское сѣрое небо“.

Въ томъ же письмѣ Кокоревъ сообщалъ Погодину: „Сегодня я написалъ письмо къ Ланскому о банкѣ и отправилъ въ 12 часовъ съ Перцовымъ. Копіи нѣтъ, ее вышлютъ изъ Питера. Написалось сразу удачно и все въ ротъ положено. Сегодня въ вечеру сдѣлалъ всѣ цифирные расчеты банка съ вкладчиками и заемщиками. Великолѣпная выходитъ штука. Пять милліоновъ въ годъ нашлось на дѣланіе шоссейныхъ дорогъ. Набросалъ полный уставъ банка. Досадно и больно, что такъ легко можно сдѣлать хорошее и нельзя сдѣлать. Я думаю лучше, когда бы хорошее вовсе и не лѣзло въ голову“.

Въ письмѣ своемъ, отъ 29 января 1858 г., Кокоревъ писалъ Погодину: „Посылаю мою работу. Къ ней слѣдуетъ другая часть—о финансовой сторонѣ дѣла, но это я еще не представилъ, *чтобы не запугать*. Тутъ потребуется уничтоженіе откупа и акциза съ соли, но доходъ казны будетъ цѣлъ, только онъ будетъ покрытъ въ другомъ видѣ. Вчера я былъ у Тимашева, прямо отъ него въ Ушаки, сегодня воротился; вотъ пишу письма и черезъ часъ начну движеніе. Вотъ, напримѣръ, сегодняшній день: къ Тютчеву, Ковалевскому, Лев-

шину (гдѣ надо толковать часа два), потомъ дома обѣдъ, послѣ сдремнуть, и потомъ къ Васильчикову на вечеръ и ужинъ къ Ламберту. Тамъ буду заниматься шпикомъ разныхъ натуръ. Завтра выѣду въ Москву. Письмо къ издателю *Русскаго Вѣстника* отдайте печатать, нечего колебаться. Что за нерѣшительность? Печатать, печатать".

Въ другомъ письмѣ своемъ Кокоревъ писалъ Погодину: „У меня писарь и студентъ пишутъ о банкѣ. Только это такъ развилось, что вышелъ совсѣмъ не банкъ, а какъ бы вамъ сказать: Общество взаимодѣйствія, изворачивающее и освѣжающее жизнь".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Хрулевъ писалъ Погодину: „Посылаю, вамъ для обсужденія проэктъ торговли съ Среднею Азіею.... В. А. Кокореву—таковую переписку посылаю. Я бы душевно желалъ, чтобы онъ взялся за это дѣло".

Старинный пріятель Погодина и Шевырева, извѣстный Московскій комерсантъ А. И. Лобковъ, присматриваясь къ грандіозной дѣятельности недостигшаго еще своего запада свѣтила, пожелалъ поклониться ему. Вотъ что записалъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 4 января 1858 года: „Лобковъ, съ приглашеніемъ и почтеніемъ. Вѣрить ли ему? Просилъ познакомить съ Кокоревымъ. Кажется, я напрасно съ нимъ говорю иное".

Вслѣдъ засимъ Погодинъ получаетъ отъ Лобкова приглашеніе на обѣдъ: „У г. Кокорева",—писалъ онъ,—„былъ принятъ пріятельски. Рѣшили: у меня обѣдать въ четвергъ. Вы во главѣ, потомъ Шевыревъ и т. д. до десяти персонъ".

Дружба съ Кокоревымъ и другими комерсантами ввела Погодина въ міръ *купующихъ и продающихъ*, и онъ даже явился ораторомъ въ Собраніи Общества Волжско-Донской желѣзной дороги и пароходства по Дону и Азовскому морю. Первое засѣданіе Общества происходило 12 декабря 1858 года. Оно началось рѣчью учредителя, Новосильскаго, который отдалъ отчетъ о первоначальныхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ къ приведенію въ исполненіе предпріятія; послѣ него говорилъ

другой учредитель, Кокоревъ, который высказалъ взглядъ на предпринимамое дѣло и ожидаемые отъ него результаты.

Затѣмъ одинъ изъ акціонеровъ, Погодинъ, обратился къ Собранію съ слѣдующею рѣчью: „Прошу позволенья у почтеннаго Собранія сказать нѣсколько словъ о нашемъ предпріятіи, какъ акціонеръ, смотрящій на него, по своему званію, съ особой точки. Можетъ быть, въ настоящемъ случаѣ, нѣкоторыя замѣчанія мои обратятъ на себя ваше вниманіе. Извѣстно, что всѣ промышленные народы въ Европѣ разбогатѣли, возвысились, усилились, посредствомъ компаній. Довольно указать на Англію, Голландію и еще прежде ихъ на Ганзейскій союзъ. Въ Россіи, до сихъ почти поръ, несмотря на всѣ усилія, компаніи удавались очень мало. Что за причина такихъ неудачъ? Вѣроятно мы не имѣли тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, нравственныхъ и политическихъ кои тамъ были, и встрѣчали такія препятствія и помѣхи, какихъ тамъ не было. Не мѣсто и не время здѣсь о нихъ распространяться: обратимся, предпославъ это общее замѣчаніе, прямо къ нашему дѣлу.

„Началось оно совсѣмъ не такъ, какъ начинались всѣ промышленныя компаніи. Укажите примѣръ, М. Гг., чтобы гдѣ нибудь въ Европѣ было собрано въ продолженіе одного мѣсяца около сорока милліоновъ франковъ, безъ всякаго предварительнаго объясненія о выгодахъ задуманнаго предпріятія, безъ сообщенія какихъ нибудь свѣдѣній о предполагаемыхъ издержкахъ и выручкахъ, не только безъ искусственныхъ приманокъ, а, напротовъ, съ отклоненіемъ, даже не совсѣмъ учтивымъ? Намъ было сказано: денегъ нужно вотъ столько, а гарантіи нѣтъ. Между тѣмъ, какъ въ тоже время, другое подобное предпріятіе, украшенное именами почти всѣхъ Европейскихъ финансовыхъ знаменитостей, провозглашало торжественно, что само Правительство обезпечиваетъ его вкладчиковъ въ пяти процентахъ. Не долженъ ли былъ всякій усомниться: видно это дѣло ненадежно, если не имѣетъ никакой гарантіи? Еслибъ оно было надежно, то не затрудни-

лось бы получить и гарантію. Казалось, такое разсужденіе, простое и естественное, должно было всякому придти въ голову? Нѣтъ, его никто изъ насъ не сдѣлалъ. Въ нашихъ ушахъ прозвенѣли только два слова: Волга и Донъ,—и мы, ни объ чемъ больше не разсуждая, ничего не разспрашивая, ничего не изслѣдуя, принесли свои деньги—на одно честное слово.

„Позвольте мнѣ, М. Гг., отъ имени науки, замѣтить такое необыкновенное явленіе. Не пугайтесь этого имени. Наука вездѣ полезна въ торговомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ. Можетъ быть, общества наши не успѣвали прежде отчасти отъ того, что пренебрегали наукою. Что же доказываетъ замѣчаемое мною явленіе? Оно доказываетъ, что у насъ есть вѣра, довѣріе, кредитъ особаго, высшаго рода. Это сильный рычагъ дѣятельности, вѣрный залогъ и твердое основаніе великихъ дѣлъ и успѣховъ. Да, М. Гг., въ Русскомъ народѣ есть много вѣры въ разныхъ ея видахъ — это его достоинство. Но, вѣра безъ дѣлъ мертва есть; нужно, чтобы довѣріе оправдывалось строгимъ исполненіемъ принимаемыхъ обязанностей, — и я долженъ, отдавъ дань хвалы нашему достоинству, сознаться съ прискорбіемъ въ нашемъ національномъ порокѣ: мы слишкомъ легко относимся къ нашимъ обязанностямъ. Слава Богу, что мы вступаемъ наконецъ въ новый періодъ Исторіи, что у насъ повѣяло теперь другимъ воздухомъ, и мы начинаемъ видѣть, сознавать свои недостатки. Вотъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ неуспѣха въ прежнихъ нашихъ обществахъ: часто являлись тамъ люди, которые общее дѣло старались превратить въ частное, обращая выгоды въ свою пользу, предоставляя участникамъ одно необходимое и неизбѣжное. Второстепенныя же лица, вслѣдъ за ними, думали большею частію объ удовлетвореніи своихъ прихотей, чѣмъ о сбереженіи общественнаго капитала. Наконецъ, акціонеры никогда не брали на себя труда провѣрять строго дѣйствія правленій и своею безпечностію ободряли злоупотребленія.

„Говорю это смѣло въ глаза нашимъ учредителямъ, ибо, вмѣстѣ со всѣми акціонерами, увѣренъ столько же въ ихъ добросовѣстности, сколько и въ распорядительности. Въ этой увѣренности, и объ избраніи директоровъ, къ которому теперь они насъ приглашаютъ, позволю себѣ думать иначе. Это избраніе, въ настоящемъ случаѣ,—форма не наша. Кого будемъ мы избирать въ директоры? Дѣло мастера боится, а не директоровъ. Мы съѣхались сюда съ разныхъ сторонъ, изъ разныхъ городовъ; мы не знаемъ другъ друга и не имѣемъ никакихъ кандидатовъ, или лучше сказать, у всякаго изъ насъ есть свои кандидаты—множество, изъ котораго выборъ затруднителенъ, если даже не невозможенъ. Притомъ предполагаемыя нами лица, легко случится, могутъ не принять на себя, по своимъ обстоятельствамъ, исполненіе обязанностей. Въ нашихъ обществахъ ввелось въ обычай выбирать почетныя лица, но почетныя лица, не имѣя спеціальныхъ знаній и потому не понимая дѣла, служатъ только декораціями или кулисами, за которыми дѣйствуютъ другія лица, очень часто не въ пользу общества.

„По моему мнѣнію, всего бы лучше намъ, М. Гг., обратиться къ учредителямъ и спросить ихъ, кому они, имѣя въ виду существенную пользу, полагали бы поручить дѣлопроизводство. Мы вѣримъ вамъ, скажемъ мы, а вы подъ своею отвѣтственностію, повѣрьте, кому заблагоразсудите, укажите тѣ лица, которыхъ мы, по правиламъ, должны подвергнуть баллотировкѣ.

„Директоры, если, по старому обычаю, вамъ угодно называть такъ эти лица, могли бы быть избираемы и не изъ числа акціонеровъ, ибо легко можетъ случиться, что между акціонерами такія лица не найдутся. Здѣсь нужны люди, которые могли бы себя посвятить совершенно нашему дѣлу, не развлекаясь никакими другими занятіями.

„Мнѣ остается сказать два слова вообще объ отчетности. Отчетность необходима, но, по нашему характеру, она имѣетъ свои неудобства и свои невыгодныя стороны. Никогда и нигдѣ

нельзя, говорятъ, такъ безопасно обманывать, какъ подъ покровомъ строгихъ, такъ называемыхъ урочныхъ положеній. Гдѣ отчетъ, тамъ ужъ вѣрно, по большей части и ложь. Къ несчастію, исключенія встрѣчаются рѣдко. Слѣдовательно, для дѣйствій нашихъ въ этомъ отношеніи остается тоже начало, съ котораго мы начали, а именно—довѣріе. Мнѣ кажется, что лучше всего мы соблюдемъ наши выгоды, сказавъ общимъ учредителямъ съ ихъ будущими директорами, какъ выговаривали наши дѣды: если вы не оправдаете нашей довѣренности, если вы насъ обманете, то вамъ будетъ стыдно. Эти слова, съ пособіемъ гласности, гласности полной, безусловной, неограниченной, которой не только мѣшать мы съ своей стороны не должны, но, напротивъ, просить, требовать, вызывать ее, даже съ преміею, — послужатъ намъ, будьте увѣрены, самою лучшею гарантіею. Если они насъ обманутъ, то имъ будетъ стыдно. Но нѣтъ, они вѣрно будутъ поступать не такъ, чтобы имъ было стыдно. Вѣрно они пріобрѣтутъ не только отъ насъ, но и отъ всѣхъ соотечественниковъ право на полную и совершенную благодарность, и купеческое сословіе получитъ въ нашемъ предпріятіи разительное и осязательное доказательство, что въ наше время вести дѣло честно и гласно есть не только нравственная обязанность, но и самая выгодная торговая спекуляція".

Рѣчь Погодина была принята съ рукоплесканіями. Соединеніе Волги съ Дономъ обѣщаетъ огромную пользу. „Открытіемъ такого сообщенія",—сказалъ Новосильскій,—„обмѣнъ произведеній бассейновъ Волги и Дона принялъ бы правильное обращеніе и возрасталъ бы постоянно, не останавливаясь, какъ теперь, за недостаткомъ средствъ перевозки, а земледѣльческія произведенія Приволжскаго края, находя болѣе удобный сбытъ къ портамъ Средиземнаго моря, могли бы уничтожить всякое соперничество по снабженію хлѣбомъ южной Франціи, Испаніи и Италіи".

XIV.

Въ 1858 году, въ личномъ составѣ Правительства произошли важныя перемѣны. 18 марта того года, былъ уволенъ отъ должности министра Народнаго Просвѣщенія Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ.

Еще въ январѣ того года, И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „На пирахъ вы говорите восторженныя рѣчи, а съ Академіею... Но оставимъ укоры... Славяне, говорите вы, призвали опять Варяговъ. Но вѣдь прежде сказано: *изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани.* Видно, такъ на роду намъ написано: не можемъ мы *сами въ собѣ володѣти.* Впрочемъ, и Урмане, и Анъгляне и Гъте бываютъ—добрые люди: въ этомъ все дѣло... Университеты ежегодно выпускаютъ множество молодыхъ людей, но только не тружениковъ, а дилетантовъ. Все зло отъ нынѣшнихъ гимназій, гдѣ нынче не учатъ, а въ бирюльки играютъ. Я даже подавалъ министру записку о необходимости привести гимназіи въ то состояніе, въ какомъ они находились при графѣ С. С. Уваровѣ, когда въ нихъ словесныя науки составляли главный предметъ... Кто изучалъ древніе и новые языки, тотъ пріучался къ труду и самостоятельному упражненію... Въ университетахъ камеральныя отдѣленія и юридическіе факультеты биткомъ набиты, а историко-филологическіе—опустѣли. Въ прошломъ году, изъ здѣшняго Университета выпущенъ одинъ филологъ, при дюжинѣ профессоровъ. Въ запискѣ моей, между прочимъ, сказано, если гимназіи, какъ среднія учебныя заведенія, не преобразуются безотлагательно, то университеты и всѣ другія высшія заведенія снизойдутъ на степень безграмотности. Объ учености нечего и думать"...

Такую картину учебнаго дѣла начерталъ И. И. Давыдовъ, при исходѣ Норовскаго министерства.

20 Марта 1858 года, А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Поспѣшаю сообщить вамъ животрепещущую новость о па-

деніи министра Норова. Онъ и его товарищъ ѣдутъ заграницу, для поправленія здоровья“ [56]).

Въ дневникахъ современниковъ мы находимъ любопытныя подробности объ этомъ событіи.

Въ Дневникѣ А. В. Никитенко, подъ *16* и *18 марта* читаемъ: „У графа Блудова. Важная новость: Норовъ подалъ отставку и просьба его принята. Князь Вяземскій сказалъ мнѣ сегодня, что онъ тоже подалъ въ отставку и получилъ ее“ [57]).

В. А. Мухановъ, тоже подъ 16 марта, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Норовъ явился съ докладомъ къ государю. Въ портфелѣ его были представленія по случаю Свѣтлаго Праздника. Императоръ не утвердилъ ни одного и сказалъ министру, что очень недоволенъ духомъ университетовъ и цензурою. Министръ, видя, что лишился довѣренности государя, просилъ увольненія; императоръ сказалъ: „Да, нужна перемѣна. Теперь поди сюда, обними меня, обними крѣпче; мы все-таки остаемся друзьями“...

Въ Записной Книжкѣ В. П. Титова, подъ *20—22 марта* читаемъ: „Ребяческое унылые Норова о своемъ паденіи. Онъ видитъ въ томъ дѣйствіе личной противъ себя кабалы, соображая погубившій его вопросъ цензурный съ назначеніемъ Ковалевскаго и слухомъ съ назначеніемъ Щербатова въ товарищи. Бесѣда съ Норовымъ о его паденіи. Онъ ободренъ визитомъ Я. И. Ростовцова, съ увѣреніемъ поступить въ Государственный Совѣтъ, оставаясь членомъ Комитета Учебныхъ Заведеній и сохраняя теперешнія восемь тысячъ содержанія. Жалкое положеніе его финансовъ. Свиданіе съ Вяземскимъ. Чтеніе краткой, но весьма дѣльной записки, представленной имъ предъ отставкой о цензурномъ вопросѣ, сгубившемъ различно, но сряду, трехъ министровъ: Уварова, Шихматова и Норова. Суетная надежда выдти изъ затрудненія новымъ цензурнымъ уставомъ“.

12 Марта 1858 года, князь П. А. Вяземскій писалъ протоіерею І. Базареву: „Убоявшись бездны премудрости,

хочется мнѣ выдти на свѣжій воздухъ. Вы, кажется, знаете, что я никогда не обольщаюсь мечтаніями о пользѣ, которую могу принести. Во-первыхъ, подобнаго рода обольщенія не въ моей природѣ и не въ моемъ характерѣ. Во-вторыхъ, я слишкомъ зорко предвидѣлъ обстоятельства и противоположныя условія, которыя въ дѣлѣ Просвѣщенія могутъ обезсилить и самую богатырскую силу. А я себя богатыремъ вовсе не признаю. Можетъ быть, великая княгиня Ольга Николаевна вспомнитъ письмо, которое я писалъ Титову при вступленіи на новое мое служебное поприще. При выступленіи въ походъ, я уже зналъ, что буду разбитъ. Еще до Москвы подиралъ меня Березинскій морозъ. Все это для васъ загадки и таинственное словоизлистіе, какъ говаривалъ, кажется, Шишковъ. Но дайте срокъ, и все будетъ ясно".

Въ рѣчи своей на юбилейномъ праздникѣ министра Народнаго Просвѣщенія, Е. П. Ковалевскаго, князь П. А. Вяземскій объяснилъ причину своей отставки. Онъ сказалъ: „Графъ Канкринъ, говоря мнѣ однажды о своихъ трудахъ и болѣзняхъ, сказалъ, что уже пятнадцать лѣтъ сидитъ *на огненномъ стулѣ* Министерства Финансовъ; я полагаю, что и стулъ Министерства Просвѣщенія набитъ не одними лаврами и розами. Какъ бы то ни было, но я вскорѣ, подобно Кутейкину, „убоялся бездны премудрости", просилъ объ увольненіи отъ нея. Какъ писатель, я иногда жаловался на цензуру, но сталъ постоянно бояться ея и на нее жаловаться, когда она поступила въ мое вѣдѣніе. Сначала казалось мнѣ достаточнымъ смотрѣть въ оба глаза за тѣмъ, чтò печатается; но вышло, что нужны особые два глаза и особыя уши, чтобы слѣдить за читателями, угадывать какъ прочтутъ они то, чтò написано, и разслушать разнородныя сужденія доброжелателей и публики. Немногіе даже и между грамотными умѣютъ читать. Есть такіе читатели, которые отъ себя причитываютъ къ прочитанному, такъ что часто эти причитающіеся проценты превышаютъ самый капиталъ. Какъ бы то ни было, эта борьба съ посторонними препятствіями была мнѣ не по

силамъ, и я, за неспособностью, еще до увольненія министра Норова, просилъ о своемъ увольненіи отъ должности аргуса. Вмѣсто того, чтобы цензуровать писателей и быть самому надъ прихотливою цензурою почтеннѣйшей публики, я мирно возвратился, простымъ рядовымъ, къ прежнему моему ремеслу. Въ этомъ ремеслѣ поступилъ я подъ вашу цензуру, поручая себя благосклонности и снисходительности вашего высокопревосходительства". Прочитавъ эту рѣчь, Шевыревъ писалъ къ князю П. А. Вяземскому: „Много развеселилъ меня вашъ ораторскій гостинецъ, ваше застольное слово. Подъ покровомъ шутки, вы сказали мысль глубокую. Вы ее выразили и прежде однимъ изъ благородныхъ дѣйствій вашего гражданскаго поприща: выходомъ въ отставку изъ службы по Министерству Народнаго Просвѣщенія въ то самое время, когда Правительство отъ министра потребовало быть болѣе цензоромъ, чѣмъ министромъ. Изъ вашего примѣра Правительство должно бы было извлечь мысль, что эти два занятія несовмѣстны такъ же, какъ въ папѣ — государь свѣтскій и пастырь церкви: одно другому мѣшаетъ. Уваровъ, министръ геніальный, палъ цензурою, за которою смотрѣть было ему некогда. Пока не разнимутъ этихъ двухъ властей, Министерство Народнаго Просвѣщенія никогда не будетъ въ силахъ сосредоточить всѣ свои дѣйствія къ одной цѣли и поневолѣ станетъ ограничиваться одними проектами совершеннаго ученія, вмѣсто самого ученія на дѣлѣ и въ жизни".

„Вчера пріѣхалъ Деляновъ",—писалъ И. С. Аксаковъ Погодину,—„онъ подтвердилъ извѣстіе о назначеніи Княжевича и Ковалевскаго. Норовъ палъ жертвою либерализма!!! Ковалевскій, котораго государь *очень* любитъ за *гражданское мужество* (?), оказанное имъ въ студентской исторіи, вѣроятно постарается упрочить свое положеніе и оградить себя отъ нападеній двухъ злыхъ собакъ—Панина и Чевкина. Но Ковалевскій западникъ и теперь повезетъ Коршамъ, и берегись И. Д. Бѣляевъ".—Съ своей стороны, и Кошелевъ писалъ Погодину: „Норовъ и Вяземскій уволены—пали жертвою либе-

ральной цензуры и дурнаго духа въ университетахъ. Государь цѣловалъ Норова нѣсколько разъ; но сказалъ ему, что видно онъ не можетъ справиться съ дѣломъ. Назначенъ министромъ Ковалевскій, а его товарищемъ будетъ, говорятъ, Щербатовъ—значитъ цензура будетъ наконецъ либеральнѣе. Цензура есть предлогъ къ увольненію Норова, а причина,—выказанная имъ неспособность въ Совѣтѣ Министровъ".

По прошествіи восьми лѣтъ послѣ увольненія А. С. Норова отъ должности министра Народнаго Просвѣщенія, совершилось ужасное событіе 4 апрѣля 1866 года. Въ день же рожденія великой княгини Александры Іосифовны, въ ея дворцѣ, въ Павловскѣ, произошла встрѣча двухъ сошедшихъ съ своихъ постовъ государственныхъ людей, и объ этой встрѣчѣ, Норовъ, 2 іюля 1866 года, писалъ государю слѣдующее: „Проходя комнаты дворца и идя объ руку съ В. П. Титовымъ, подошедшій къ намъ князь Вас. А. Долгоруковъ вдругъ спросилъ меня: „А что дѣлаетъ, Авраамъ Сергѣевичъ, нигилизмъ"? Я отвѣчалъ ему: „Вы, который такъ долго были на охранительномъ посту, должны бы были лучше всякаго изъ насъ знать, что дѣлаетъ и что сдѣлалъ нигилизмъ; а такой вопросъ вашъ я считаю въ высшей степени неприличнымъ".... „Такъ,—возразилъ онъ,—я также виноватъ; но и вы не въ меньшей мѣрѣ виноваты, что дали укорениться нигилизму". У меня бросилась вся кровь въ голову, государь, при этой рѣчи.—„Да вы забываете, князь,—сказалъ я,—что скоро настанетъ десятилѣтняя давность, какъ я уже не министръ, и что вашъ нигилизмъ возымѣлъ существованіе тому три или четыре года. Я сошлюсь на всю Россію, что при мнѣ, благодаря Бога, христіанское благочестіе тщательно охранялось въ стѣнахъ всѣхъ учебныхъ заведеній и университетовъ. Я могъ быть далеко не геніальный министръ, могъ много дѣлать ошибокъ; но въ мое время нравственность учащихся была ограждена отъ заразы; я былъ въ постоянномъ общеніи не только съ профессорами и учителями, но и съ учениками, и одного моего присутствія или даже письма было достаточно,

чтобы остановить всякій непорядокъ; и на это я могу представить факты, хотя вы всякимъ шалостямъ студентовъ въ мое время придавали особенную важность"..... За этимъ князь Долгоруковъ ограничился общими фразами, но въ дополненіе сказалъ: „Да у васъ были такіе профессора, какъ Бѣлинскій и Грановскій"!—„Какъ",—возразилъ—я, „Бѣлинскій и Грановскій поставлены были на одну доску? Во-первыхъ, Бѣлинскій не былъ профессоромъ и умеръ прежде, нежели я былъ назначенъ министромъ, а Грановскій,—не стыдно-ли вамъ трогать его память! Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ профессоровъ Московскаго Университета, человѣкъ благочестивый и совершенно монархическій" [58]).

На мѣсто А. С. Норова, министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ назначенъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій.

Уже 20 марта 1858 года, А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Говорятъ, что министромъ будетъ назначенъ Московскій попечитель Ковалевскій; по крайней мѣрѣ къ нему послано предложеніе. Дай-то Богъ, чтобы съ новымъ главою, Министерство Просвѣщенія полюбило науку, изо тьмы вышло на свѣтъ Божій".

„Вы уже знаете",—писалъ Кокоревъ Погодину,—„что Норовъ и Вяземскій погасли. Всѣ почему-то ждутъ свѣта и видятъ въ назначеніи Ковалевскаго прогрессъ... На Норова жаловались всѣ министры, что онъ распустилъ, по ихъ выраженію, Литтературу, изъ этого выходили ссоры, дрязги и каждая статейка, которая не входила въ цензурную раму на два вершка составляла государственное дѣло, о коемъ толковали въ четверговые доклады государю.—Все это страшно надоѣло государю. И кого же онъ призвалъ на мѣсто Норова? Ковалевскаго (!), т.-е. попечителя того Учебнаго Округа, гдѣ проявилась литтературная широта. Другой выводъ: Государь доволенъ Ковалевскимъ за то, что онъ защищалъ Московскихъ студентовъ, значитъ государь не раздѣляетъ опасеній съумасшедшаго Закревскаго. Третій выводъ—Ковалевскій проповѣдуетъ о пользѣ свободнаго слова".

Въ письмѣ же къ И. Ѳ. Мамонтову, Кокоревъ писалъ: „Ковалевскому предложено Министерство Народнаго Просвѣщенія. Сегодня онъ имѣетъ аудіенцію и торгуется о правахъ цензуры, чтобы не быть въ такомъ смѣшномъ положеніи, въ какомъ былъ Норовъ... Воздухъ мягчаетъ. Передайте все это Михаилу Петровичу Погодину" [59]).

Ранѣе другихъ о назначеніи Е. П. Ковалевскаго министромъ Народнаго Просвѣщенія было извѣстно В. А. Муханову, и онъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 16 марта 1858 года, записалъ слѣдующее: „Изъ Москвы вызвали по телеграфу Ковалевскаго. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, императоръ спросилъ у него: Знаете ли, для чего я васъ вызвалъ?—Не знаю, государь, отвѣчалъ онъ. Я предлагаю вамъ Министерство Народнаго Просвѣщенія.—Ваше величество, я никогда не готовилъ себя ни къ мѣсту попечителя, ни къ должности министра Просвѣщенія. Долженъ даже признаться, что назначеніе въ попечители послѣдовало вопреки моему желанію. При томъ я не имѣю связей и веду жизнь уединенную.—Вотъ ваши связи,—сказалъ государь, протянувъ ему руку.—„Вообще выборъ Ковалевскаго",—замѣчаетъ Мухановъ,—„заслужилъ общее одобреніе: онъ человѣкъ умный, добрый, благородный и замѣчательный администраторъ" [60]).

Товарищемъ своимъ Ковалевскій избралъ Николая Алексѣевича Муханова,—брата Владиміра Алексѣевича Муханова.

Прошло три мѣсяца какъ Ковалевскій назначенъ былъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, и Московскій цензоръ Н. Ѳ. фонъ-Крузе съ грустью писалъ Погодину: „Наши дѣла вовсе не красивы и перемѣна послужила намъ не въ пользу, вопреки всѣмъ моимъ ожиданіямъ". А черезъ годъ, 2 апрѣля 1859 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Да ужъ тамъ что ни говори, но пока тебя не сдѣлаютъ министромъ Просвѣщенія, оно у насъ не пойдетъ. Говорятъ людей нѣтъ. Люди есть—ихъ не видятъ или не хотятъ видѣть. Что же Ковалевскій можетъ смыслить въ Россіи, въ наукѣ, въ просвѣщеніи" [61])?

Другая важная перемѣна произошла въ Министерствѣ Финансовъ. Уволенъ былъ министръ Брокъ, а на мѣсто его назначенъ былъ товарищъ и другъ С. Т. Аксакова и близкій знакомый Погодина,—Александръ Максимовичъ Княжевичъ.

18 марта 1858 года, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вотъ какъ послѣдовало назначеніе Княжевича. Призвавъ его, государь просилъ принять Министерство Финансовъ. Ваше величество,—сказалъ Княжевичъ,—я устарѣлъ; не думаю, чтобъ мои силы отвѣчали такому труду, тѣмъ болѣе, что война и другія причины привели финансы въ разстроенное положеніе. Брокъ просилъ соизволенія государя составить отчетъ за послѣдній годъ своего управленія; Императоръ промолчалъ. На слова Княжевича отвѣтъ: Если вы не примите Министерства, вы меня поставите въ затруднительное положеніе и огорчите“ [62].

„На мѣсто Брока“,—писалъ Кокоревъ Погодину,—„Княжевичъ. Словомъ, отлично. Княжевичъ человѣкъ добрый, въ немъ есть та Русская жилка, которой у Броковъ не бываетъ“.

Въ другомъ письмѣ своемъ къ Погодину, Кокоревъ писалъ: „Завтра ѣду въ Питеръ, для толкованія съ Княжевичемъ объ откупахъ“.

Между тѣмъ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* появилась статья Кокорева, въ которой читаемъ: „Въ мартѣ 1858 года, вся Россія обрадована назначеніемъ А. М. Княжевича министромъ Финансовъ. При первомъ моемъ представленіи новому министру, я вручилъ ему записку объ отмѣнѣ откуповъ. Извлеченіе изъ сей записки представляю при семъ на разсмотрѣніе гг. читателей. Прошу опять общественный судъ рѣшить, по прочтеніи этого извлеченія, остался ли я вѣренъ моимъ убѣжденіямъ о вредности откуповъ. Утѣшаю себя отрадною мыслію, что этотъ документъ свидѣтельствуетъ о неизмѣнности не только несочувствія моего къ откупамъ, но даже другого моего убѣжденія, также высказаннаго гласно, о невозможности развязать крестьянское дѣло безъ денегъ и надѣлъ крестьянъ землею“.

Въ тоже время Погодинъ писалъ Шевыреву: „Кокоревъ взялъ на откупъ Восточную Сибирь, наддавъ два милліона р. с. Съ Бернардаки сдѣлалось дурно. Проситъ себѣ двухъ губерній, и вызывается заплатить, что слѣдуетъ, а между тѣмъ откупъ уничтожить, устроить вольную продажу, и тѣмъ доказать негодность нынѣшней системы“.

„Къ сожалѣнію“,—писалъ П. А. Валуевъ,—„въ высшихъ правительственныхъ сферахъ проникнуты убѣжденіемъ, что спасеніе Отечества зависитъ отъ поддержанія откупщиковъ per fas et nefas. Въ этомъ альфа и омега современной политической премудрости. Словно всѣ гг. министры имѣютъ паи во всѣхъ откупахъ. Зеленой мнѣ говорилъ, что, когда онъ высказалъ другое убѣжденіе въ Комитетѣ Министровъ, одинъ только Прянишниковъ съ нимъ согласился“.

Судя по письму Кокорева къ Погодину, первая аудіенція его съ новымъ министромъ Финансовъ была неудачна. „Проектъ мой объ откупахъ“,—писалъ Кокоревъ,—„получилъ странный исходъ. Княжевичъ передалъ его директору Департамента Питейныхъ Сборовъ, который врагъ всякаго устройства и перемѣны и, прочтя его, сказалъ, что всего бы лучше посадить меня въ полицію“ [63]).

3-го октября 1858 года, Хомяковъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину: „Кокоревъ причисленъ къ намъ, и намъ попрекаютъ Кокоревымъ, и заставляютъ его крѣпче за насъ держаться. Кокоревъ беретъ огромный откупъ, и какое же его первое дѣйствіе?—Уничтоженіе откупа. Вотъ дѣло государственное, проходящее Богъ знаетъ какимъ неправильнымъ путемъ изъ области нравственной, а не правительственной, теоріи въ практику и обѣщающее огромное развитіе“.

Самъ же Погодинъ, по своему обычаю, пишетъ новому министру Финансовъ наставительное письмо: „Остается много пустого мѣста на страницѣ“,—писалъ онъ,—„котораго я терпѣть не могу,—и занимаю. Давно приходила мнѣ въ голову мысль—почему бы вамъ не устроить у себя по вечерамъ конфиденціальныхъ бесѣдъ о финансахъ, приглашая на оныя

только спеціалистовъ, напримѣръ, Ламанскаго и Рейтерна, о которыхъ слышно много хорошаго, Безобразова, профессоровъ Политической Экономіи Горлова, Чивилева, представителя купечества Кокорева, и кто есть въ Петербургѣ поумнѣе. Не родилась ли бы у кого какая животворная мысль. Меня поразило недавно одно заглавіе статьи въ журналѣ: *Назначеніе милліарда эмигрантамъ*. Когда? Послѣ огромной контрибуціи, послѣ тяжелой экзекуціи, послѣ вражескаго опустошительнаго нашествія, послѣ многихъ изнурительныхъ войнъ, для мѣры, ненавистной большинству — найти и истратить милліардъ, да еще съ барышемъ! Что если бы вы, въ одно прекрасное утро, взойдя въ кабинетъ государя, сказали ему, среди настоящихъ затрудненій, при недостаткѣ въ свѣтлыхъ мысляхъ: Государь, у меня есть средства. Вѣдь, это былъ бы день втораго Свѣтлаго Воскресенія, пріобрѣтеніе имени въ Исторіи рядомъ съ кѣмъ? Простите мою внезапную выходку. Вы знаете, какъ я люблю васъ, и какъ люблю Отечество—почему же не пофантазировать!

Ахъ, не все намъ рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ,
На минуту позабудемся.
Засимъ писавый кланяюсь низко [64]).

XV.

На мѣсто Е. П. Ковалевскаго, попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, по собственному указанію государя, 19 апрѣля 1858 года, былъ назначенъ гофмейстеръ Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ.

Когда Бахметевъ согласился на принятіе этой должности, то государь на всеподданнѣйшемъ объ этомъ докладѣ министра Народнаго Просвѣщенія начерталъ: *Очень радъ.*

Помощникомъ попечителя, еще назначенный при Ковалевскомъ, былъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ.

Въ послѣдніе дни министерства А. С. Норова, Московскій Университетъ потерпѣлъ тяжкую утрату.

18 января 1858 года, скончался въ Москвѣ Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ.

Осенью 1856 года, Кудрявцевъ отправился за границу. Въ мартѣ 1857 года, во Флоренціи, Кудрявцевъ похоронилъ свою супругу. Это несчастіе повергло его въ мрачное отчаяніе. Страшно читать его письмо къ А. Д. Галахову изъ Нерви, отъ 13 августа того же 1857 года.... „Я все не знаю до сихъ поръ",—писалъ несчастный,—„что это такое, слѣпой случай или въ самомъ дѣлѣ какое *наказаніе*? И знаете ли, что мнѣ кажется было бы лучше увѣриться въ послѣднемъ. Наказаніе имѣетъ хоть какой нибудь смыслъ, но слѣпой, безсмысленный случай, разрушающій однимъ разомъ все ваше счастіе, губящій его въ вашихъ глазахъ съ какою-то злою ироніей и насильственно поворачивающій всю вашу жизнь къ прошедшему—это невыносимо тяжело. Если это неразумная сила, то откуда же въ ней столько разсчитанной жестокости? А если она разумна, то какъ можетъ быть столько жестокою? Такъ спуталось все у меня въ головѣ, что самое сильное впечатлѣніе, которое остается у меня отъ жизни,—это впечатлѣніе жестокаго обмана..... Но мнѣ было послано счастіе..... Еще въ тотъ день, когда я прощался съ вами въ Москвѣ, оно было со мною все сполна... А теперь у меня ужъ ничего нѣтъ!..... Не злобный ли это обманъ, не насмѣшка ли надъ моимъ безсиліемъ какой-то невѣдомой мнѣ, но ужъ конечно недружелюбной мнѣ силы?— Вся эта поѣздка изъ Москвы до Флоренціи, во время которой было положено столько веселаго смѣху, была не что иное, какъ погребальный поѣздъ, направленный къ одной отдаленной могилѣ, о которой никто изъ насъ и не подозрѣвалъ во время дороги! Пять мѣсяцевъ (ужъ пять мѣсяцевъ тому, тогда какъ прежде мы и одного дня не проводили врознь), которые прошли съ фатальнаго для меня дня, притупили мое горе, но жало его я чувствую, остается во мнѣ навсегда и отравитъ мнѣ всѣ дни до по-

слѣдняго.—Да не вижу впереди и цѣли. Глухо и пусто впереди. Точно выселился куда-то цѣлый міръ и меня оставилъ одного среди опустѣлаго города... А эта бѣдная жизнь, которая оборвалась такъ рано, такъ безвременно... Если-бъ даже она была мнѣ чужая, было бы надъ чѣмъ пролить самыя искреннія слезы.... И на ней-то досталось мнѣ видѣть, до чего безпощадны властвующія надъ нами роковыя силы. Еще прежде, чѣмъ пришла смерть, я ужъ видѣлъ предъ собою жертву, неизмѣнно обреченную року, и не одинъ день терзался моимъ безсиліемъ отвратить или хоть на время отклонить занесенный надъ нею ударъ.... Передъ возвращеніемъ на родину, ѣду совершить послѣднюю тризну.... Не забуду сказать поклонъ и отъ всѣхъ знакомыхъ и потомъ потянусь назадъ во свояси, но не стаей, какъ летятъ грачи на зимнія квартиры, а лишь самъ съ собою.... Въ началѣ октября, я надѣюсь добраться до дому, котораго у меня нѣтъ" [65])...

По смерти Т. Н. Грановскаго, каѳедра Всеобщей Исторіи слишкомъ долго оставалась безмолвною въ Московскомъ Университетѣ, и это побудило П. Н. Кудрявцева возвратиться въ Москву, куда онъ и прибылъ 2 октября 1857 года [66]); а 27 октября писалъ А. Д. Галахову, между прочимъ, слѣдующее: „Наконецъ добрался и до Москвы, и повѣрите ли?—былъ счастливъ нѣсколько дней, и отъ того, что въ самомъ дѣлѣ сверхъ чаянія очутился дома, т.-е. нашелъ свой теплый уголъ, совсѣмъ приготовленный для меня, даже съ самоваромъ на столѣ, и отъ того, что куда ни обращался, вездѣ встрѣчалъ столько добраго, искренняго, душевнаго сочувствія. Эта пустота, которая недавно образовалась около меня, какъ будто наполнилась на время. Сверхъ ожиданія, я очутился въ какомъ-то идиллическомъ расположеніи духа.... По счастію, не обманулся я въ одномъ: у меня нашлись или, лучше сказать, ко мнѣ возвратилась знакомая дѣятельность и наполнила, по крайней мѣрѣ, половину моихъ часовъ въ недѣлю... Я располагался вести дѣла почти по казенному, но встрѣтилъ въ студентахъ столько живаго и зрѣлаго интереса, что

и самъ не устоялъ противъ него. Да, наши студенты созрѣли и возмужали, подогрѣваютъ и насъ. Съ нѣкотораго времени въ нихъ живетъ прекрасный духъ“ [67]).

Немедленно по возвращеніи въ Москву, Кудрявцевъ началъ свои чтенія въ Университетѣ. „Послѣ блестящаго, картиннаго изложенія Т. Н. Грановскаго“,—замѣчаетъ С. В. Ешевскій,—„послѣ лекцій, въ которыхъ рукою великаго мастера въ немногихъ словахъ обрисовывался характеръ цѣлой эпохи, естественъ и необходимъ былъ переходъ къ спеціальнымъ курсамъ П. Н. Кудрявцева; но его слабое здоровье не выдержало усиленныхъ занятій. Возвратясь однажды съ лекціи, Кудрявцевъ почувствовалъ себя дурно. Кровь хлынула горломъ“.

Подъ *11 января 1885* года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Хотѣлось навѣстить Кудрявцева, но заѣхалъ спросить Леонтьева, и хорошо сдѣлалъ. Посѣщенія его волнуютъ. Говорили объ Университетѣ, и пр.“.

Черезъ недѣлю, послѣ предполагаемаго Погодинымъ посѣщенія, Кудрявцевъ скончался.

20 января, къ выносу тѣла Кудрявцева, въ университетскую церковь, собралось такъ много лицъ, что квартира покойнаго не могла вмѣстить всѣхъ, и улица предъ домомъ была заставлена толпами. По панихидѣ, которую служилъ архимандритъ Леонидъ *), давшій послѣднее благословеніе и праху Грановскаго,— товарищъ покойнаго С. М. Соловьевъ произнесъ слѣдующее слово: „Друзья! Смерть страшно свирѣпствуетъ въ нашихъ рядахъ! Цѣлыми семьями вырываетъ она у насъ лучшихъ людей! Двѣ семьи, гдѣ мы находили такой успокоительный пріютъ, гдѣ было такъ много отрады и укрѣпленія для человѣка, неравнодушнаго къ высшимъ интересамъ жизни, двѣ эти семьи изчезли безслѣдно! Два имени, неразлучныя въ устахъ Русскихъ людей, любящихъ науку, два имени, которыми такъ радова-

*) Вскорѣ викарій Московскій, скончавшійся въ санѣ архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго. *Н. Б.*

лись и гордились воспитанники нашего Университета въ разныхъ углахъ Россіи, эти два имени—уже прошедшее... Замолкъ навсегда и тихій голосъ Кудрявцева! Но какъ могущъ былъ этотъ тихій голосъ, какъ глубоко западалъ онъ въ душу, когда возбуждалъ молодое поколѣніе къ благотворному труду. указывалъ пути къ занятіямъ! Какъ привлекателенъ былъ этотъ прекрасный и грустный образъ, предвозвѣщавшій, что дорогой братъ недолго прогоститъ между нами! Дѣти съ шумнымъ восторгомъ стремились къ нему: это былъ одинъ отъ нихъ, *чистый сердцемъ*; дитя среди дѣтей, наставникъ среди возрастныхъ. Да, это былъ наставникъ въ высокомъ искусствѣ забывать себя для другихъ, погружаясь въ интересы другаго, уничтожать свою личность; другой подлѣ него чувствовалъ, что живетъ двойною жизнію отъ этой близости, отъ этой теплоты участія; вспомнимъ бесѣды Кудрявцева, въ большомъ ли обществѣ, одинъ ли на одинъ: все вниманіе и слово отдано интересамъ другаго или интересамъ общественнымъ, ничего не оставлено для себя. Такого-то общественнаго человѣка потеряло наше общество! Но что же, придемъ ли въ отчаяніе отъ этихъ тяжелыхъ ударовъ, отъ этихъ скорбныхъ лишеній? Нѣтъ, друзья! не такъ мы должны почитать память подобныхъ людей. Наша обязанность показать, что они не даромъ жили среди насъ, что духъ ихъ дѣятельности остался среди насъ и останется вѣчно; мы должны показать, что могущество смерти безсильно порвать преданія, такъ бережно хранившіяся нашими славными наставниками и собратіями; послѣ каждаго удара судьбы тѣснѣе будемъ соединяться вокругъ водруженнаго ими знамени, на которомъ начертано: *Свѣтъ, правда и добро*.

Дорогой братъ! Мы передаемъ твои останки въ храмъ Божій! *Чистый сердцемъ!* Тебѣ обѣтованіе *зрѣть Бога*, а мы всегда будемъ зрѣть въ тебѣ одинъ изъ лучшихъ даровъ Божіихъ, ниспосланныхъ нашему обществу“ [68]).

Гробъ былъ перенесенъ студентами на рукахъ въ университетскую церковь. Студенты же читали Псалтырь во всю ночь.

М. Н. Лонгиновъ писалъ И. И. Панаеву: „Въ пять часовъ вечера, нашъ Скатертный переулокъ, въ которомъ жилъ и Кудрявцевъ, былъ почти наполненъ народомъ. Я вошелъ въ квартиру покойнаго въ то время, когда достойный товарищъ его, профессоръ Соловьевъ, говорилъ прощальное слово. Все высказанное печатно о Кудрявцевѣ — истинно и искренно... Сколько встрѣчалъ я въ эти дни людей, преимущественно свѣтскихъ, женщинъ, даже дѣвушекъ, которыя, не зная даже лично Кудрявцева, жалѣли о его ранней кончинѣ... Говоря о нашей утратѣ, нельзя не вспомнить и о Грановскомъ, этой любезной всякому честному человѣку личности. Сегодня на панихидѣ (въ университетской церкви), я стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, съ небольшимъ два года, на похоронахъ графа Уварова, стоялъ съ Грановскимъ и Кудрявцевымъ“ [69]).

Литургію и отпѣваніе совершалъ соборне архимандритъ Леонидъ. Предъ окончаніемъ отпѣванія, протоіереемъ П. М. Терновскимъ произнесено было надгробное слово. Друзьямъ Кудрявцева особенно пріятно было видѣть у гроба только что тогда возвратившагося изъ Петербурга графа С. Г. Строгонова, котораго имя такъ тѣсно связано съ Московскимъ Университетомъ, и который умѣлъ оцѣнить дарованія и нравственныя достоинства покойнаго. Онъ зналъ его еще студентомъ; имъ покойный отправленъ за границу и имъ же возведенъ на каѳедру Всеобщей Исторіи.

Тѣло П. Н. Кудрявцева погребено на Даниловскомъ кладбищѣ, за Серпуховской заставой, одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ Московскихъ кладбищъ [70]).

Подъ 21 января 1858 года, Погодинъ, въ своемъ *Дневникѣ*, записалъ: „Похороны Кудрявцева. Въ университетской церкви. Дѣйствія студентовъ. Рѣчи на кладбищѣ“.

Въ день кончины, въ Москвѣ, П. Н. Кудрявцева, т. е., 18 января 1858 г.,—въ С.-Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ, происходило погребеніе человѣка, бывшаго также питомцемъ Московскаго Университета и также занимавшаго тамъ нѣкогда каѳедру; но остальное время своей жизни посвятив-

шаго себя служенію Русской Археографіи въ Археографической Коммиссіи.

„12 января (1858) собирались мы",—писалъ Н. В. Калачевъ,—„въ дружескую веселую семью. Много душевныхъ пожеланій было сдѣлано нами въ этотъ памятный для насъ день . . . Но, между тѣмъ, на дружескомъ обѣдѣ нашемъ не было выпито одного тоста, который я считаю себя обязаннымъ предложить теперь дорогимъ моимъ товарищамъ, въ виду свѣжей могилы одного изъ членовъ нашей семьи,—тостъ *за честныхъ и скромныхъ тружениковъ Московскаго Университета.* А именно такимъ тружникомъ былъ усопшій на дняхъ академикъ и членъ Археографической Коммиссіи Михаилъ Андреевичъ Коркуновъ. На службѣ, которая меня съ нимъ соединяла, я былъ въ теченіе семнадцати лѣтъ близкимъ свидѣтелемъ его честной, труженической и бѣдной жизни. Обладая особеннымъ талантомъ, какъ археографъ, онъ съ рѣдкою скромностію, можно сказать, самоотверженностью, не отказывался работать для другихъ; за жалованье, которое получалъ по службѣ, трудился въ высшей степени добросовѣстно, и отъ скудныхъ своихъ доходовъ еще успѣвалъ дѣлать добро. Онъ умеръ рано (пятидесяти двухъ лѣтъ), но едва ли кто изъ нынѣшнихъ археографовъ болѣе его работалъ надъ рукописями и ихъ изданіями, хотя слѣды его работъ для публики большею частію неизвѣстны, бывъ прикрыты именами другихъ. Не имѣя иныхъ средствъ къ жизни, кромѣ жалованья, онъ по смерти своей не оставилъ никакого состоянія для поддержанія семейства... Кромѣ матеріальной пользы, какую наше содѣйствіе можетъ принести дѣтямъ покойнаго, не послужитъ ли оно нравственною поддержкою для тѣхъ изъ питомцевъ нашего Университета, кто будетъ судьбою поставленъ въ такое же положеніе, въ какомъ находился Михаилъ Андреевичъ Коркуновъ? Великое дѣло — гласное одобреніе тѣхъ благородныхъ стремленій, которыя воодушевляютъ честнаго труженика: оно не только ихъ поддерживаетъ въ немъ самомъ, но и утверждаетъ въ другихъ, кото-

рые иначе могли бы пасть подъ бременемъ временныхъ бѣдствій или поддаться вліянію соблазнительныхъ примѣровъ къ пріобрѣтенію способовъ жизни другими путями, кромѣ честнаго и скромнаго труда" [71]).

Извѣстясь о кончинѣ М. А. Коркунова, П. М. Строевъ, 14 марта 1858 года, писалъ А. А. Кунику: „Совсѣмъ неожиданная кончина М. А. Коркунова, о которой я прочиталъ нечаянно въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, вечеромъ 16 января, рѣшительно поразила меня: мы были всегда въ дружескихъ отношеніяхъ, а онъ, какъ извѣстно, не упускалъ случаевъ быть обязательнымъ; и давно ли я бесѣдовалъ съ нимъ такъ пріятно въ моемъ кабинетѣ? Все высказанное въ рѣчахъ, вами присланныхъ, объ этомъ рѣдкомъ человѣкѣ, по истинѣ справедливо и я не знаю, что еще можно было бы прибавить. Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ и Археографическая Коммиссія лишились въ немъ самаго полезнаго, дѣятельнаго и притомъ очень смѣтливаго дѣлопроизводителя. И такъ, изъ членовъ Археографической Коммиссіи, видѣвшихъ ея начало, остаются: Устряловъ и вашъ покорный слуга. Николай Герасимовичъ мало участвовалъ въ ея занятіяхъ и давненько, кажется, совсѣмъ ее оставилъ, чтобы подвизаться на другомъ поприщѣ, гдѣ ожидаетъ его всякое преуспѣяніе. Прочіе сочлены отошли ad patres и притомъ въ такое короткое время. Очередь за мною, какъ старшимъ по лѣтамъ. Быть можетъ, и не далеко до того, когда въ газетахъ будетъ напечатано: *Академикъ Строевъ* (*вѣроятно въ Москвѣ, а кто знаетъ гдѣ?*) *такого-то мѣсяца и числа переселился въ вѣчность*. Что будетъ сказано далѣе, не знаю".

Въ надгробномъ словѣ своемъ протоіерей Строкинъ, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: „*Не можемъ бо мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати* (*Дѣян.* IV, 20); не можемъ не возвѣстить всѣмъ и каждому, что усопшій былъ благочестивый изъ христіанъ, благороднѣйшій изъ людей" [72]).

XVI.

Хотя покойный профессоръ П. Н. Кудрявцевъ и писалъ, передъ своею кончиною, что „наши студенты созрѣли и возмужали", и что „съ нѣкотораго времени въ нихъ живетъ прекрасный духъ", но, тѣмъ не менѣе, въ концѣ 1858 года, уже при новомъ министрѣ Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскомъ, было доведено до свѣдѣнія государя о безпорядкахъ, произведенныхъ нѣкоторыми студентами Медицинскаго Факультета Московскаго Университета. Поводомъ къ безпорядкамъ послужилъ профессоръ Зоологіи и Сравнительной Анатоміи Николай Александровичъ Варнекъ.

По общему показанію студентовъ, причиною возникшихъ отъ нихъ безпорядковъ, было неудовлетворительное преподаваніе профессора Варнека. Это послѣднее обстоятельство отчасти подтверждается и докладною запискою Медицинскаго и Физико-Математическаго факультетовъ Московскаго Университета. „Чины обоихъ факультетовъ",—читаемъ мы, между прочимъ въ этой запискѣ,—„полагаютъ, что двоякій способъ изложенія науки студентамъ одного и того же курса, избранный профессоромъ Варнекомъ, дѣйствительно могъ подать поводъ къ тѣмъ недоразумѣніямъ, которыя кончились преступною со стороны студентовъ демонстраціею противъ профессора... Кромѣ того, студентовъ затрудняло и то обстоятельство, что Варнекъ указывалъ имъ для руководства только сочиненія, написанныя на иностранныхъ языкахъ, недоступныя для большинства ихъ, какъ по незнанію самихъ языковъ, такъ и по дороговизнѣ, тогда какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Физико-Математическаго Факультета, сочиненіе Симашки могло бы служить для нихъ довольно полезнымъ пособіемъ, особенно если бы Варнекъ потрудился указать имъ на немногія вкравшіяся ошибки".

Воспитанникъ Московскаго Университета (1857—1862) И. А. Митропольскій, будучи самовидцемъ такъ называемой

Варнековской исторіи, свидѣтельствуетъ: „Зоологію и Сравнительную Анатомію читалъ профессоръ Варнекъ. Это былъ еще молодой человѣкъ съ большими претензіями на остроуміе, не упускавшій случая поглумиться надъ попавшимъ ему на зубы студентомъ, а иногда на своихъ лекціяхъ прогуляться огульно и на счетъ всѣхъ своихъ слушателей. Назойливымъ и большею частію грубымъ остроуміемъ своимъ профессоръ Варнекъ оттолкнулъ отъ себя студентовъ и сдѣлался для нихъ ненавистнымъ. Это привело къ скандальному столкновенію профессора съ студентами. Я былъ уже во второмъ курсѣ и однажды, работая въ секціонномъ залѣ, рядомъ съ аудиторіею, гдѣ читалъ Варнекъ, услышалъ шумъ и гвалтъ. Оказалось, что студенты, оскорбленные какою то выходкою профессора, выгнали его изъ аудиторіи со скандаломъ и отказались посѣщать его лекціи. Въ исторіи этой принимали участіе, кромѣ медиковъ, имѣвшихъ противъ Варнека зубъ, еще и естественники, которымъ профессоръ читалъ тѣ же науки и которымъ одинаково насолилъ своими остротами. Помню, что мотивомъ упорства студентовъ не имѣть болѣе дѣло съ Варнекомъ, выставлялось то, что изъ его лекцій они, при всемъ желаніи своемъ, не могутъ вынести ничего, кромѣ пошлыхъ остротъ и оскорбленій. Судя по себѣ, я, по крайней мѣрѣ, былъ увѣренъ, что студенты терпѣливо переносили бы выходки профессора, если бы лекціи его хотя что либо полезное давали имъ. Но изъ нихъ ничето не выносилось“ [1]).

31 декабря 1858 года, В. Н. Лешковъ писалъ Погодину: „Что въ Университетѣ? Покончили съ судомъ о студентахъ, какъ нарушителяхъ *должнаго приличія*, и о профессорѣ Варнекѣ, *подавшемъ поводъ* къ нарушеніямъ порядка. Вообще, хотя министръ былъ противъ всякой снисходительности къ поступку студентовъ, пугая имъ и т. д., члены Совѣта взглянули на это дѣло *слегка*, одни, желая полиберальничать и популярничать, другіе же по убѣжденію, что *вся власть* предержащая спитъ, не дѣлаетъ дѣла и заставляетъ студентовъ прибѣгать къ самоуправству, для удовлетворенія законныхъ

требованій. Остается, какъ и въ другихъ случаяхъ бываетъ, ожидать перемѣнъ къ лучшему, по требованіямъ снизу, а не по уступкамъ сверху.—Такъ *проектъ новаго* устава до сихъ поръ лежитъ у попечителя *), хотя члены, для разсмотрѣнія, избраны и ожидаютъ цѣлые мѣсяцы открытія занятій. — Говорятъ, что попечитель настойчиво требуетъ своего увольненія, а помощникъ **), *числа 13 января* (1859) выѣзжаетъ за границу. Помнится, только изъ Польши бѣгали короли тайкомъ, бросая скипетры и короны. Гдѣ намъ искать своего Рюрика—неизвѣстно" [74]).

Къ сожалѣнію, въ это самое время, злые люди старались разстроить добрыя отношенія между попечителемъ и его помощникомъ графомъ А. С. Уваровымъ, такъ что послѣдній, 4 января 1859 года, принужденъ былъ обратиться къ государю съ слѣдующимъ письмомъ: „Министръ Народнаго Просвѣщенія, во время пребыванія своего въ Москвѣ, сообщилъ мнѣ, что до вашего величества дошли слухи о дѣйствіяхъ моихъ будто бы для возбужденій студентовъ противъ попечителя Московскаго Учебнаго Округа и, сверхъ того, мнѣ извѣстно, что находятся люди, распускающіе и теперь эти самые слухи... Принимаю смѣлость повергнуть на благоусмотрѣніе ваше мое увѣреніе, что ничего подобнаго не было и не могло быть, по правиламъ, руководящимъ меня, какъ на службѣ, такъ и въ частной жизни... Для изобличенія ложности этихъ оскорбительныхъ слуховъ, я счелъ долгомъ подать въ отставку, чтобы доказать тѣмъ, которые ихъ распускаютъ, и тѣмъ, которые, не зная меня, могли бы имъ вѣрить, что такой способъ дѣйствій не употребляется никогда и ни въ какомъ случаѣ честнымъ человѣкомъ. Для оправданія же моего передъ вашимъ императорскимъ величествомъ, смѣю думать, что одного моего честнаго слова вполнѣ достаточно, чтобы имѣть счастіе заслужить то дорогое для меня мнѣніе ваше, государь, котораго почитаю себя достойнымъ"...

*) Бахметевъ. *Н. Б.*

**) Графъ А. С. Уваровъ. *Н. Б.*

Прочитавъ это письмо, государь повелѣть соизволилъ: „Оставить безъ послѣдствій".

Одновременнно съ письмомъ къ государю, графъ Уваровъ подалъ прошеніе объ оставкѣ: „Должность помощника попечителя",—писалъ онъ,—„лишенная всякой дѣятельности, составляетъ одно званіе, а между тѣмъ, при несчастныхъ обстоятельствахъ, занимающій ее можетъ подвергнуться несправедливымъ нареканіямъ. Находя, что въ подобномъ положеніи я не могу принести совершенно никакой пользы своею службою, покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство уволить меня въ отставку и исходатайствовать мнѣ также увольненіе отъ званія члена Комиссіи построенія церкви Св. Спаса въ Москвѣ".

17 января 1859 года, „государю императору благоугодно было согласиться на увольненіе графа Уварова отъ службы съ оставленіемъ въ званіи камеръ-юнкера; но на производство его въ слѣдующій дѣйствительнаго статскаго совѣтника чинъ его величество не изъявилъ согласія".

Въ тотъ же день, т.-е. 17 января 1859 года, и А. Н. Бахметевъ, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ отъ должности попечителя...

Исторія съ профессоромъ Варнекомъ, вѣроятно, дала поводъ графу П. А. Шувалову, 7 января 1859 г., писать государю: „Въ Германскихъ университетахъ, для каждой каѳедры имѣется по нѣсколько профессоровъ. Студенты могутъ слушать лекціи у того изъ профессоровъ, у котораго пожелаютъ. Отъ этого выигрываютъ: наука и учащіеся. Чѣмъ болѣе профессоровъ на одну каѳедру, тѣмъ болѣе соревнованія между ними. Каждый старается читать лекціи лучше другихъ, чтобы привлечь болѣе слушателей. Кромѣ того, при обиліи профессоровъ, всякій студентъ избираетъ себѣ того, къ которому питаетъ болѣе довѣрія и симпатіи. Заставлять студента слушать профессора, къ которому онъ не имѣетъ влеченія, безполезно, и значитъ принуждать его; отъ этого происходятъ въ нашихъ университетахъ выходки студентовъ

противъ профессоровъ, которыя иногда оканчиваются непріятностями. При большемъ числѣ читающихъ лекцій, студентамъ не было бы надобности прибѣгать къ самоуправству, или къ изъявленію неудовольствія, если бы они знали, что могутъ обратиться къ слушанію тѣхъ же самыхъ лекцій у другаго профессора и если бы въ особенности они не получали отъ своихъ профессоровъ въ продолженіе года предварительныхъ баловъ, ставящихъ ихъ въ отношенія ученика къ учителю, что едва-ли до сего времени приносило какую либо пользу".

На запискѣ, изъ которой мы привели этотъ отрывокъ, рукою государя начертано: *Есть хорошія мысли, которыя полезно сообщить министру Народнаго Просвѣщенія*".

Но тѣ же самые студенты Московскаго Университета иначе относились къ другому своему профессору, декану Физико-Математическаго Факультета Михаилу Ѳедоровичу Спасскому и трогательно проявили свои благородныя чувства при его кончинѣ, случившейся 28 января 1859 года, т.-е. вскорѣ послѣ Варнековской исторіи. Они окружили его гробъ, украшали его цвѣтами и по очереди оставались при немъ даже и ночью. Они уставили растеніями всю лѣстницу, ведущую въ университетскій храмъ, и снесли на своихъ рукахъ на Лазарево кладбище гробъ своего профессора.

„Московскій Университетъ", — писалъ Погодинъ, — „печально начинаетъ второе свое столѣтіе: горе за горемъ, бѣда за бѣдой, утрата за утратой. Въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ лишились мы: Грановскаго, Кудрявцева, Шестакова, Рулье, Морошкина. Теперь присоединился къ нимъ Спасскій. Это былъ человѣкъ добрый, незлобивый въ полномъ смыслѣ слова, простодушный, усердный, работящій. Не отличаясь такъ называемыми блестящими способностями, кои прежде всего бросаются въ глаза толпѣ и даже не толпѣ, Спасскій имѣлъ познанія основательныя, любилъ науку и заботился постоянно о лекціяхъ, преданъ былъ исполненію долга, принималъ къ сердцу успѣхи и всѣ дѣла студентовъ. Послѣднія тревоги и чтеніе лекцій, начатыхъ вопреки совѣта врачей, подѣйство-

вали гибельно на его разстроенный организмъ, и онъ скончался послѣ двухмѣсячной сильной болѣзни на пятидесятомъ году отъ рода, января 28-го, въ четыре часа по-утру, исполнивъ въ полной памяти всѣ христіанскія обязанности. Вчера происходило его погребеніе, въ высшей степени умилительное. Да, жить ученому бываетъ иногда тошно, а умереть онъ—какая перемѣна! Всѣ начинаютъ сознавать его достоинства, враги извиняютъ недостатки, соперники по ремеслу бросаютъ со вздохомъ послѣднюю горсть земли въ могилу, думая про себя: придется и намъ лечь туда же; ученики стекаются со всѣхъ сторонъ; студенты... О, нельзя не радоваться благороднымъ, нѣжнымъ ихъ чувствамъ, кои въ подобныхъ важныхъ случаяхъ обнаруживаются въ яркомъ блескѣ, нельзя не воздать имъ полной хвалы. Это родные хоронили роднаго: какая заботливость, внимательность, предусмотрительность, усердіе! Никого не допускали они до участія въ своихъ трудахъ, все хотѣли дѣлать сами. Одни несли гробъ, отъ Университета до Лазарева кладбища, другіе усыпали дорогу предъ нимъ зеленью и цвѣтами, третьи, въ благоговѣйной тишинѣ слѣдовали за нимъ, готовые на смѣну уставшихъ. И такъ ведется искони въ Московскомъ Университетѣ: я помню, какъ, во время оно, хоронили мы Тимковскаго, Гейма, Мерзлякова. Что за движеніе было въ Университетѣ, когда рѣшено было ставить имъ памятники, сочинить надписи... О, сохраните, друзья мои, эти прекрасныя чувства на всю жизнь свою: не давайте имъ вянуть, сохнуть, грубѣть. Изъ такихъ только чувствъ возникаютъ благія дѣла. Молодости естественно увлекаться, но гдѣ же слушаться голоса разума, голоса вѣчной правды, вѣчной истины, какъ не въ университетахъ, въ университетахъ, которые должны подавать собою примѣръ благоустроеннаго общества во всѣхъ отношеніяхъ. Таковъ вамъ завѣтъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ искренней благодарности, отъ живыхъ вашихъ друзей; таковъ завѣтъ и дорогихъ вамъ покойниковъ, къ числу которыхъ, по любви своей къ вамъ, принадлежитъ безспорно Спасскій" [75]).

Тѣ же студенты съ почтеніемъ окружали каѳедру, когда съ высоты ея С. А. Рачинскій и Ѳ. М. Дмитріевъ защищали въ Московскомъ Университетѣ, въ началѣ 1859 года, свои диссертаціи.

С. А. Рачинскій защищалъ свою диссертацію на званіе магистра Ботаники: *О движеніи высшихъ растеній*. Диспутъ этотъ привлекъ въ Университетъ массу почитателей С. А. Рачинскаго [76]). Между ними были: М. А. Максимовичъ и А. С. Хомяковъ. Объ этомъ диспутѣ мы имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство самого диспутанта. „Вспомнился мнѣ мой магистерскій диспутъ,—писалъ ко мнѣ С. А. Рачинскій;—кромѣ оппонентовъ оффиціальныхъ, возражали Максимовичъ и Хомяковъ. Возраженіе Максимовича въ сущности не было возраженіемъ, а трогательнымъ привѣтствіемъ стараго ботаника начинающему. На блестящее возраженіе Хомякова, мнѣ не пришлось отвѣчать; въ немъ заключалась научная ересь, за которую тотчасъ ухватился профессоръ Брашманъ, математикъ очень основательный. Послѣдовалъ поединокъ комическій. Брашманъ излагалъ вещи дѣльныя и вѣскія языкомъ смѣхотворно-неправильнымъ. (Онъ никогда не могъ выучиться говорить сносно по-Русски). Хомяковъ же, съ обычнымъ изящнымъ остроуміемъ, защищалъ свой парадоксъ. Публика (въ ней было множество дамъ) конечно была поражена художественнымъ острословіемъ Хомякова“.

Диспутъ друга Рачинскаго, Ѳ. М. Дмитріева, происходилъ 24 марта 1859 года. На диспутѣ этомъ присутствовалъ Погодинъ и записалъ, подъ тѣмъ же числомъ, слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*: „Диспутъ Дмитріева. И мѣста нѣтъ. Привѣтствовалъ Побѣдоносцевъ. Крыловъ“.

Защищаемая диссертація носила слѣдующее заглавіе: *Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго аппелляціоннаго судопроизводства отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ*. Современный лѣтописецъ свидѣтельствуетъ: „Московское общество никогда не было равнодушно къ внутренней жизни своего роднаго Университета. Пользуясь всякимъ случаемъ къ сближенію съ

нимъ, оно всегда принимало живое участіе въ ученыхъ диспутахъ. Новые таланты, новое поколѣніе ученыхъ всегда были предметомъ особеннаго сочувствія для лучшей части нашего общества. Въ послѣднее время, Московское общество присутствовало при публичныхъ диспутахъ: С. А. Рачинскаго и Ѳ. М. Дмитріева".

Диспутъ открылся вступительною рѣчью Ѳ. М. Дмитріева. „Частный юридическій бытъ",—началъ онъ,—„представляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ сторонъ древней Русской жизни. Онъ одинъ уцѣлѣлъ, въ главныхъ основаніяхъ, отъ нашего прошедшаго. Старинныя политическія учрежденія пали, древняя Литература прошла почти безслѣдно; то и другое отошло въ область археологіи. Одно частное, Гражданское Право еще до сихъ поръ тѣсно связано съ эпохою *Уложенія*, и даже теперь, чтобъ объяснить его значеніе, мы нерѣдко должны обращаться къ XVII вѣку". Рѣчь свою Дмитріевъ заключилъ такими словами: „При настоящемъ состояніи источниковъ и юридической Литературы, я не могъ надѣяться представить полную Исторію прежняго процесса. Нѣтъ сомнѣнія, что пройдетъ еще много времени прежде, нежели возстановится полная его картина. Да послужитъ извиненіемъ слабыхъ сторонъ моего труда то, что я имѣлъ мало предшественниковъ. Только въ судоустройствѣ мнѣ послужила важнымъ пособіемъ замѣчательная книга Чичерина; въ изслѣдованіи судопроизводства я долженъ былъ чаще всего руководствоваться собственнымъ изученіемъ, потому что лучшее сочиненіе по этой части, Кавелина, написано за нѣсколько лѣтъ до изданія многихъ важныхъ источниковъ".

Затѣмъ диспутантъ прочелъ положенія, какъ результаты своего изслѣдованія. Въ диспутѣ принимали участіе: С. Н. Орнатскій, Н. И. Крыловъ, В. Н. Лешковъ, О. М. Бодянскій и К. П. Побѣдоносцевъ. Въ заключеніе, деканъ Юридическаго Факультета С. И. Баршевъ, „упомянулъ въ нѣсколькихъ словахъ о рѣдкихъ достоинствахъ изслѣдованія Дмитріева и объявилъ, что Факультетъ признаетъ диспутанта вполнѣ

достойнымъ искомой имъ степени магистра Гражданскаго Права" [77]).

17 іюля 1859 года, отецъ молодаго магистра Гражданскаго Права, М. А. Дмитріевъ, писалъ Погодину: „Я чрезвычайно радъ профессорству моего сына и благодарю васъ за слово участія. Довольно часто получаю я отъ него письма изъ-за границы: тамъ онъ познакомился съ нѣкоторыми Нѣмецкими учеными по его части".

XVII.

Въ 1857 году, въ средѣ западниковъ, произошелъ расколъ. Отъ *Русскаго Вѣстника* отдѣлилась часть его сотрудниковъ и образовала особую колонію, органомъ которой сталъ *Атеней*.

Въ Карауловскомъ архивѣ Б. Н. Чичерина хранятся два письма къ нему М. Н. Каткова, проливающія яркій свѣтъ на обстоятельства произведшія расколъ.

Поводомъ къ распрѣ была статья Чичерина о *Токвилѣ*, которая назначалась для *Русскаго Вѣстника*.

„Статья ваша о *Токвилѣ*",—писалъ Катковъ,—„причинила мнѣ большое безпокойство, почтеннѣйшій Борисъ Николаевичъ. Въ литературномъ отношеніи немногое у насъ въ этомъ родѣ можетъ быть поставлено на ряду съ нею. Но недоразумѣніе между нами такъ велико, что было бы, наконецъ, недобросовѣстно, съ моей стороны, пользоваться для украшенія журнала тѣмъ, что̀ такъ существенно противорѣчитъ убѣжденіямъ Редакціи. Въ прежнихъ статьяхъ вашихъ не было такой рѣшительной постановки началъ, и потому я, не соглашаясь съ вами во многомъ, печаталъ ихъ изъ уваженія къ ихъ ученымъ и литературнымъ достоинствамъ, къ чистому духу науки, которымъ искупалась казавшаяся мнѣ въ нихъ односторонность. Къ тому же въ нихъ рѣчь шла о Русской Исторіи и притомъ о спеціальныхъ вопросахъ, гдѣ односторонность эта не такъ рѣзко бросается въ глаза, не такъ больно чувствуется. Что же касается до статьи о *Монталамберѣ*, то и

она своими достоинствами, съ одной стороны, и своимъ направленіемъ—съ другой, причинила мнѣ также много колебаній; но въ этой статьѣ была спасительная неконсеквентность; мрачный образъ централизаціи выкупается прекраснымъ очеркомъ свободы, которая возникла и живетъ при другихъ условіяхъ. Въ статьѣ *о Токвилѣ*, напротивъ, первый образъ совершенно господствуетъ. Вашъ талантъ умѣлъ даже сообщить ему какую-то красоту, опасную для слабыхъ организмовъ. Мнѣ случилось видѣть на Брюссельской выставкѣ изящныхъ искусствъ статую сатаны, изваянную Бельгійскимъ художникомъ, котораго имени не могу теперь припомнить. Лицу злаго духа придана такая чудная красота, что невольно становится страшно, смотря на это лицо, передъ которымъ уничтожаются всѣ чучеловидныя изображенія чорта. Хотя и здѣсь проглядываетъ спасительная непослѣдовательность, но слабѣе; и что̀, благодаря ей, вошло въ вашу статью, то производитъ мало дѣйствія и парализуется тѣмъ, что̀ высказано вами консеквентно. Тѣмъ не менѣе, я нахожу, какъ въ этой, такъ и въ другихъ вашихъ статьяхъ, многое, подающее надежду, что вы выйдете побѣдителемъ изъ недоразумѣнія, которое спутало вашъ талантъ. Правду говаривалъ покойный Грановскій, что изученіе Русской Исторіи портитъ самые лучшіе умы. Дѣйствительно, привыкнувъ слѣдить въ Русской Исторіи за единственнымъ въ ней жизненнымъ интересомъ—собираніемъ государства—невольно отвыкаешь брать въ разсчетъ все прочее, невольно пристращаешься къ диктатурѣ и, при всемъ уваженіи къ Исторіи, теряешь въ нее вѣру.

„Ограничусь бѣглыми намеками на разногласіе мое съ основаніями вашей статьи. Примите ихъ какъ выраженіе моего глубокаго уваженія къ вамъ и къ вашему таланту и вѣрьте, что я почиталъ бы себя счастливымъ, еслибы могъ безъ насилія для всего моего умственнаго организма согласить свои воззрѣнія съ вашими. Буду говорить о васъ въ третьемъ лицѣ.

„Какъ критика, статья *о Токвилѣ* не совсѣмъ справедлива

Въ какой мѣрѣ современныя обстоятельства могли внушить ему мысль заняться избраннымъ имъ предметомъ? Это вопросъ посторонній, нисколько не касающійся характера изученія. Чтобы Токвиль умышленно искажалъ Исторію для какихъ нибудь современныхъ политическихъ цѣлей, этого никакъ не видно. Онъ групируетъ и излагаетъ факты въ томъ свѣтѣ, который, по его убѣжденію, выходитъ изъ самой Исторіи, а не вносится въ нее со стороны. Нельзя не согласиться съ критикомъ, что въ Исторіи слѣдуетъ видѣть дѣло науки, а не средство для подтвержденія или прикрасы какихъ нибудь своихъ коньковъ; но предметъ Исторіи не представляетъ собою замкнутой области: онъ творится ежедневно, и изъ него нельзя вовсе изгнать сочувствіе и оцѣнку. Начало, которому преданъ Французскій авторъ, болѣе всего на свѣтѣ имѣетъ право на сочувствіе и цѣнится выше всего: это свобода, которой принадлежитъ будущее и которой вся Исторія служитъ лишь постепеннымъ осуществленіемъ. Вопросъ другой—совершенно ли точны понятія автора, сопровождающія его сочувствія; не ошибается ли онъ въ путяхъ; не слишкомъ ли предается унынію, помышляя о будущемъ; не проглядываетъ ли у него невольное сожалѣніе о нѣкоторыхъ утраченныхъ формахъ свободы,—формахъ скудныхъ и недостойныхъ ея? Вопросъ этотъ подлежитъ критикѣ; но, къ сожалѣнію, критикъ противопоставляетъ предмету сочувствія автора—*предметъ собственнаго сочувствія*. Укоряя автора за фальшивость освѣщенія, за односторонность, критикъ дѣлаетъ тоже самое, но только въ пользу начала, по *натурѣ* своей весьма несочувственнаго, весьма антипатическаго. Въ прошедшемъ, какъ подлежащемъ полному вѣдѣнію науки, можно оправдывать или лучше объяснять то или другое явленіе абсолютизма, деспотизма или диктатуры; но останавливаться на немъ съ наслажденіемъ, энтузіазмомъ невозможно безъ какого нибудь радикальнаго недоразумѣнія. Можно и даже должно удалять, въ чистомъ интересѣ науки, нравственный критерій при изученіи явленій, которыми сопровождалась борьба Французскаго

абсолютизма съ феодализмомъ или въ которыхъ раскрывалось величество Людовика XIV-го; объяснять ихъ какъ *неизбѣжное* зло и слѣдовательно какъ явленіе *относительно полезное* или *средство* къ лучшему и высшему. Но всякій энтузіазмъ въ родѣ того, съ какимъ критикъ говоритъ о Людовикѣ XIV и вообще о Французскомъ абсолютизмѣ, производитъ болѣзненное дѣйствіе и не искупается ничѣмъ; столько же несправедливъ въ историческомъ отношеніи, сколько и въ нравственномъ.

„Въ *сущности* критикъ совершенно согласенъ съ авторомъ. Токвиль видитъ въ старомъ порядкѣ вещей постоянное тяготѣніе къ централизаціи; критикъ видитъ тоже самое. Токвиль находитъ, что, при всѣхъ усиліяхъ королевскаго абсолютизма, оставалось еще много въ старомъ обществѣ элементовъ децентрализаціи, что окончательный актъ централизаціи былъ совершенъ революціей; критикъ утверждаетъ тоже самое. Въ чемъ же ихъ разногласіе? Въ оцѣнкѣ и сочувствіи: чтò нравится одному, то не нравится другому. Токвилю непріятно дѣло централизаціи, потому что онъ считаетъ его враждебнымъ дѣлу свободы; критику дѣло это пріятно, потому что оно, по его мнѣнію, возноситъ надъ всѣмъ государство и все покоряетъ подъ ноги его. Смѣю думать, что въ этомъ отношеніи неправъ авторъ и неправъ критикъ; но критикъ болѣе неправъ, чѣмъ авторъ.

„Защищая идею централизаціи, критикъ недостаточно уяснилъ себѣ ея значеніе. Это уже видно изъ нѣкоторыхъ противорѣчій, проглядывающихъ въ его статьѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ не хочетъ видѣть силу централизаціи въ силѣ интендантовъ; въ другомъ мѣстѣ онъ приписываетъ децентрализаціонному духу мысль ограничить силу интендантовъ. Каждый родъ имѣетъ много видовъ. Централизація видоизмѣняется по различію образованія, народности, мѣстности и т. п.; но сущность ея остается при всѣхъ видоизмѣненіяхъ одна и таже. Обращаются ли интенданты къ генералъ-контролеру за каждою мелочью или обязываются давать ему только общій отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ, — это дѣло совер-

шенно случайное, такъ сказать, домашнее въ системѣ централизаціи, которая существенно выражается только въ томъ, что ставитъ и держитъ подъ своею рукою всѣ власти, творитъ и уничтожаетъ ихъ единственно по своему усмотрѣнію, и въ этомъ отношеніи Турецкій паша, нашъ генералъ-губернаторъ или Французскій интендантъ стараго времени, какъ и префектъ нынѣшняго,—виды одного и того же рода.

„Централизація имѣетъ только одно законное значеніе— по скольку она служитъ ничѣмъ инымъ какъ установленіемъ въ странѣ единаго государства. Борьба королей съ феодалами была борьбою *однородныхъ* властей, борьбою одного *государственнаго* начатка, которому суждено было развитіе съ другими *государственными* же начатками, между которыми раздиралась страна и которыя были объявлены Исторіею фальшивыми. Борьба государства съ церковью и различными корпораціями была въ сущности тоже борьбою государства съ фальшивыми начатками государства. Status in statu терпимъ быть не можетъ. Съ этой точки зрѣнія можно смѣло оправдывать дѣло централизаціи въ Исторіи и можно сочувствовать ему, какъ только поймемъ его истинное назначеніе.

„Истинное назначеніе централизаціи собрать во-едино, подъ замокъ и печать, всю *фактическую*, *внѣшнюю*, *принудительную* силу; подчинить *кесареви все кесарево*, но отнюдь не отдать кесареви то, чтò никакъ принадлежать ему не можетъ; отнюдь не затѣмъ собрать эту силу, чтобы воспользоваться ею для порабощенія всѣхъ прочихъ началъ человѣческаго міра. Какъ скоро дѣло централизаціи приходитъ къ концу, такъ требуется возможно полное освобожденіе человѣческой жизни отъ государственной опеки. Но, къ сожалѣнію, не такъ бываетъ.

„Не такъ бываетъ и съ практическими совершителями централизаціи, и иногда съ людьми, теоретически слѣдящими за ея развитіемъ. Посреди борьбы они забываютъ и причину, и истинную цѣль ея. Имъ кажется, что собирающаяся государственная сила должна быть единственною, по крайней

мѣрѣ господствующею силою между людьми, а если что̀ останется внѣ ея диктатуры, то развѣ какія нибудь нестоящія вниманія *мелочи*. Имъ кажется, что собранною силою можно и должно пользоваться, по личному благоусмотрѣнію диктатора, для подвиганія человѣчества по пути прогресса; имъ приходитъ въ голову убійственная мысль, что можно и должно осуществлять идеи разума посредствомъ монаршаго скипетра или диктаторской булавы; имъ приходитъ странная мысль, что *депозитаріи* этой силы становятся какими-то ангелами небесными, что стоитъ человѣку окунуться въ казну, какъ изъ него непремѣнно выйдетъ существо по образу и по подобію Божію, чиновникъ во всей формѣ, какого благодушно желаетъ для своихъ любезно-вѣрныхъ подданныхъ императоръ Іосифъ II-й и многіе другіе императоры.

„Французская революція есть дѣйствительно верховный актъ централизаціи, и въ ней рѣзко изобразилось все благо и всевозможное зло этого акта. Благо ея есть тотъ пунктъ, въ которомъ государственная централизація, достигши послѣдняго предѣла, *hebt sich selbst auf*, сознаетъ этотъ предѣлъ и торжественно провозглашаетъ всеобщее *равенство*. Гражданское равенство есть великое начало: въ немъ конецъ государственной централизаціи и начало внутренней децентрализаціи государства. Равенство всѣхъ, этотъ вдохновительный лозунгъ современныхъ демократическихъ стремленій, значитъ отреченіе государства вносить какія нибудь различія между людьми; этимъ, конечно, не уничтожаются безчисленныя несходства между людьми въ различныхъ отношеніяхъ, въ естественномъ, нравственномъ, умственномъ и т. д.; но объявляется *свобода* общества отъ государственныхъ опредѣленій. Всякая привилегія, всякое сословное неравенство, всякая монополія есть дѣло государства,—и вотъ государство отказывается быть источникомъ привилегій, неравенствъ, монополій и объявляетъ недѣйствительными всѣ прежде изъ него проистекшія или имъ освященныя подобныя различія. Этимъ актомъ государство оставляетъ свободное поприще для рас-

крытія всѣхъ сторонъ человѣческой природы, ограждая его отъ всякаго *насильства*, отъ всякаго употребленія государственныхъ, то есть *принудительныхъ* средствъ при этомъ раскрытіи. Къ сожалѣнію, *депозитаріи* государственной силы во время революціи не могли устоять предъ обаяніемъ этой силы; у нихъ закружилась голова, и революція представила злоупотребленіе государственной силы въ размѣрахъ несравненно громаднѣйшихъ, чѣмъ прежняя монархія. Централизація поняла безразличіе людей, какъ признакъ индиферентной косной массы, изъ которой можно сдѣлать что угодно. Вмѣсто того, чтобы запереть и запечатать эту силу и поставить ее подъ строгій общественный надзоръ, ее выпустили, *au nom du salut public*, всю на свѣтъ и произвели тѣ ужасы, коихъ міръ нечасто бывалъ свидѣтелемъ. Депозитаріи этой страшной силы взялись-было за все. Мы знаемъ даже, что они сочинили религію со всѣми подробностями культа. Люди, думавшіе овладѣть этою силою, падаютъ одни за другими ея жертвою. Наконецъ, одинъ успѣваетъ крѣпко схватить ее въ свою руку. Возникаетъ диктатура, потомъ имперія. Грозное лицо сосредоточенной власти попаляетъ все, куда ни обращается, пресѣкаетъ всякую внутреннюю производительность, умерщвляетъ всякую иниціативу, завистливо и гнѣвно преслѣдуетъ всякое проявленіе жизни и мысли. Но тутъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, возникаетъ неодолимое стремленіе къ завоеванію, ко всемірному владычеству. Тенденціи ко всемірной монархіи всегда возникали при сильномъ сосредоточеніи государственной силы. Ея представителю тягостно, мучительно, невыносимо существованіе *многихъ* независимыхъ государствъ, въ которыхъ единое, сосредоточенное государство какъ бы находитъ себѣ предѣлъ. Начинается всемірная война, которая кончается гибелью виновника, отведеніемъ государства въ должные предѣлы и водвореніемъ новаго порядка, впрочемъ, еще весьма слабаго и дурно организованнаго, какъ показали послѣдствія.

„Мы можемъ преклониться предъ историческою необхо-

димостью, предъ силою обстоятельствъ, можемъ даже простить увлеченіе людямъ, которые подвергались сильнѣйшимъ искушеніямъ. Но нельзя оправдать теоретическаго стремленія поставить государство во главу и центръ всего. Французская революція провозгласила вмѣстѣ съ равенствомъ свободу мысли, слова, совѣсти, хотя не смогла воспользоваться этою свободою. Свобода мысли, слова. совѣсти, что же это какъ не ограниченіе государства, не провозглашеніе другихъ началъ, кромѣ начала государственнаго, которое къ нимъ должно относиться индиферентно? Самое расчлененіе государственной организаціи на три области: законодательную, исполнительную и судебную, есть выраженіе внутренней децентрализаціи государства. Государственная сила, *собственная сущность* государства заключается безспорно въ исполнительной власти. Законодательная власть должна служить непосредственнымъ органомъ общественной иниціативы, прямымъ удовлетвореніемъ наличныхъ потребностей, прямымъ выраженіемъ *опыта* жизни, современнаго духа, а не теорій представителя народнаго единства, какъ бы онъ ни назывался, — представителя, на котораго, вмѣстѣ съ этимъ значеніемъ, никто не возлагаетъ тягостной и вмѣстѣ сладкой обязанности мыслить, разумѣть и хотѣть за всѣхъ и съ устраненіемъ всѣхъ. Законодательная власть пріурочивается къ исполнительной въ той мѣрѣ, въ какой для нея необходимо непосредственное огражденіе и застрахованіе. Судебная власть въ благоустроенномъ государствѣ (ибо не государства вообще, — этого добра всегда и вездѣ бываетъ много,—а именно благоустроенное государство есть желаемое и искомое) должна быть совершенно свободна отъ администраціи, истекающей отъ исполнительной власти или непосредственно отъ государства. Англійская и Французская магистратура потому представляетъ такое благородное явленіе, что тамъ судья *inamovible* и независимъ отъ правительства. Въ Англіи каждый простой смертный можетъ притянуть къ суду администратора не только по какому нибудь частному дѣлу, но и по злоупотребленію власти.

„Говорятъ, обращаясь къ нашему возлюбленному Отечеству, что диктатура у насъ полезна и можетъ вести къ благотворнымъ послѣдствіямъ. Не спорю; но гдѣ и въ какихъ случаяхъ? Напримѣръ, говорятъ, какъ произвести освобожденіе крестьянъ безъ принужденія со стороны государства? Это мнѣніе основано на непонятномъ недоразумѣніи. Помѣщикъ у насъ есть чисто-на-чисто созданіе государства; онъ даже не то, что Французскій *gentilhomme*, тщеславно ведущій себя отъ временъ феодальныхъ, когда онъ самъ былъ маленькимъ государемъ; а впослѣдствіи, уступивъ свое золото центральной власти, получилъ отъ нея въ замѣнъ ассигнацію, въ видѣ привилегій; Русскій помѣщикъ отъ начала созданъ централизаціей и поддерживается ею одною. Въ *сущности* онъ ничѣмъ не разнится отъ чиновника; у него есть даже свой мундиръ; онъ и былъ своего рода чиновникомъ; онъ остатокъ старой системы администраціи; стало быть, онъ вполнѣ *кесаревъ*, а потому и слѣдуетъ отдать его *кесареви*. Отними государство хоть на минуту свою поддерживающую руку отъ помѣщика, и онъ исчезнетъ, какъ призракъ. Желательно, однако, чтобы при этомъ имѣлась въ виду не просто смѣна династіи, а радикальное освобожденіе, не смѣна помѣщика становымъ, котораго уже и безъ того во многихъ мѣстностяхъ величаютъ не иначе какъ бариномъ. Говорятъ еще о церкви у насъ, о томъ, слѣдуетъ ли давать ей свободу. Но церковь у насъ есть чисто государственный, почти полицейскій институтъ; безъ всякаго сомнѣнія, нельзя давать ей воли, какъ полицейскому институту. Совсѣмъ иное дѣло отпустить ее изъ государственной службы, отобрать у ней привилегіи, какъ прежде были отобраны имущества и самосудъ, предоставить религію не полицеймейстеру, а совѣсти: въ этомъ смыслѣ требуется полнѣйшая свобода церкви, т.-е. совѣсти, и всего, что̀ далѣе слѣдуетъ. Говорятъ также о нашихъ коллегіяхъ, о совѣщательныхъ и избирательныхъ собраніяхъ; но можно ли говорить серьезно объ этихъ жалкихъ комедіяхъ, объ этихъ каррикатурахъ общественныхъ льготъ

въ мірѣ совершеннѣйшей централизаціи, гдѣ все чиновникъ или солдатъ, начиная отъ буточника и ямщика и т. д. вверхъ?

„Реформѣ Петра Великаго можемъ мы сочувствовать не по насилію, съ какимъ она совершилась—Боже избави! но потому, что она предуготовила, хотя и отдаленнымъ образомъ, посредствомъ сближенія съ образованнымъ міромъ, будущее благотворное ограниченіе того начала, которое Петръ вынесъ изъ старой Руси. Многое должны мы простить реформатору изъ уваженія къ особымъ исключительнымъ обстоятельствамъ. Сближеніе съ системою Европейскихъ государствъ требовало пожертвованія многихъ интересовъ развитію внѣшней силы; необходимо было устроить войско, флотъ, создать гавани. Но то, что̀ такимъ образомъ вынуждало злоупотребленіе народныхъ силъ въ пользу государства, должно со временемъ развѣнчать государство. Международному праву, началу системы государствъ, предстоитъ великая будущность. То, что теперь еще кажется мертвымъ фактомъ, современемъ обнаружитъ великую идею. Между народами завязываются новыя отношенія; общества перекрещиваются новыми связями. Возникло и укореняется практическое сознаніе *scientia est potentia*. Возникаетъ Европейское, всемірное общественное мнѣніе. Во множественности государствъ прейдетъ величество государства, и оно, Богъ дастъ, превратится въ добраго констабля, мирнаго друга свободы и порядка“.

Обращаясь къ Б. Н. Чичерину, Катковъ заключаетъ свое письмо: „Вотъ мое мнѣніе! Предоставляю вамъ самимъ рѣшить, въ какой мѣрѣ возможно въ этомъ отношеніи сближеніе между нами. Читая вашу статью, я иногда думалъ, что между нами нѣтъ радикальнаго несогласія и что все дѣло только въ нѣкоторомъ недоразумѣніи; иногда же думалось противное. Рѣшите вы сами. Главный пунктъ, насъ разъединяющій, кажется, именно состоитъ въ томъ, что вы, при всемъ вашемъ уваженіи къ Исторіи, мало довѣряете ей, мало довѣряете вольному теченію жизни, которая однако съумѣла обратить себѣ на пользу даже самыя враждебныя ей начала“.

Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, чтó отвѣчалъ на это письмо Б. Н. Чичеринъ.

Въ другомъ своемъ письмѣ, по тому же предмету, Катковъ писалъ: „Мнѣ очень прискорбно, почтеннѣйшій Борисъ Николаевичъ, что по строжайшемъ обсужденіи дѣла, я рѣшаюсь возвратить вамъ прилагаемую при семъ рукопись. Утѣшаю себя только тѣмъ, что вы отдадите справедливость побужденіямъ, заставляющимъ меня поступить такимъ образомъ. Я былъ бы очень счастливъ, если-бы сошелся съ вами въ основныхъ убѣжденіяхъ; можетъ быть, и дѣйствительно между нами нѣтъ кореннаго разногласія. Но тѣмъ не менѣе, я не могу принять отвѣтственность за вашу статью, гдѣ съ особенною энергіею выставлено то, чтò хотя и имѣло законное право существованія, но въ этомъ искусственномъ теоретическомъ изолированіи, въ этомъ быстромъ, блестящемъ обзорѣ, предпринятомъ единственно съ цѣлью его превознесенія, является чѣмъ-то абсолютнымъ, непреложнымъ, вѣчнымъ, потому что на долю его достается сила фактовъ, а на долю всего противоположнаго или того, что должно подѣлиться съ нимъ или даже замѣнить его, остаются только нѣсколько добрыхъ словъ, сказанныхъ какъ бы для приличія. Статья эта не есть спеціальное ученое изслѣдованіе, гдѣ можетъ быть терпима до нѣкоторой степени односторонность; эта статья современная и будетъ принята всѣми за памфлетъ своего рода. Всѣмъ, по справедливости, покажется страннымъ это усиленное сосредоточеніе интереса и мысли на томъ, что, слава Богу, стоитъ у насъ очень крѣпко и вовсе не требуетъ нравственной поддержки. Государства, централизаціи, бюрократіи у насъ такъ довольно, что едва ли не выходитъ за мѣру исторически-законнаго значенія. Словомъ, мнѣ кажется, что статья ваша страждетъ тѣмъ же, въ чемъ упрекаете вы Токвиляя,— невѣрностью освѣщенія.

„Я рѣшаюсь возвратить вамъ эту статью преимущественно потому, что рѣчь въ ней касается началъ, относительно которыхъ Редакція честнаго журнала, не смотря ни на какія со-

ображенія, не должна допускать у себя ни малѣйшаго двусмыслія. Во всемъ другомъ я могу не соглашаться и печатать статью. Но здѣсь, или я долженъ вполнѣ соглашаться, или вовсе не печатать. Къ тому же я рѣшился, не смотря на другія занятія, высказаться самъ объ этомъ предметѣ. Я не столько самолюбивъ, чтобы вступать съ вами въ соперничество на этомъ поприщѣ; но я чувствую на себѣ долгъ высказаться отъ себя о такомъ важномъ вопросѣ, какъ умѣю и какъ будетъ возможно. Какъ отвѣтъ на вашу статью или какъ дополненіе къ ней, моя статья встрѣтила бы большія трудности: мнѣ пришлось бы сосредоточивать усиленное вниманіе на томъ, что при всемъ гражданскомъ мужествѣ нашего цензора *), было бы очень неудобно и даже опасно.

„И такъ, еще разъ не сѣтуйте на меня и вѣрьте, что я истинно страдаю, принося эту, столь для меня значительную, жертву моимъ убѣжденіямъ. Припомните также, какъ всегда я уважалъ ваше сотрудничество, цѣнилъ ваши статьи даже и тогда, когда не совсѣмъ съ ними соглашался, и будьте увѣрены, что *Русскій Вѣстникъ* всегда съ полною радостью будетъ спѣшить на встрѣчу вашимъ статьямъ, имѣющимъ чисто ученый характеръ и сколько нибудь снисходительнымъ къ образу мыслей его редактора. Надѣюсь на дняхъ видѣться съ вами: какъ только пріѣду въ городъ, такъ буду у васъ.

Душевно преданный вамъ М. Катковъ".

Не смотря на дружеское окончаніе письма, Б. Н. Чичеринъ уже болѣе не печаталъ своихъ статей въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

Вскорѣ послѣ приведенныхъ писемъ, а именно въ іюлѣ того же 1857 года, Е. Ѳ. Коршъ подалъ въ Московскій Цензурный Комитетъ прошеніе объ исходатайствованіи ему дозволенія издавать съ 1858 года, въ Москвѣ, еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ *Атеней*, по слѣдующей программѣ: „*Атеней*, журналъ критики, современной исторіи и литературы. Онъ будетъ заключать въ себѣ: 1) критическіе и библіо-

---

*) Н. Ѳ. Фонъ-Крузе. *Н. Б.*

графическіе обзоры замѣчательныхъ произведеній отечественной и иностранной литературы; хронику важнѣйшихъ новостей въ государственной и общественной жизни современныхъ народовъ, и 3) статьи историческаго содержанія, записки, путешествія, разсказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія".

Вскорѣ воспослѣдовало высочайшее разрѣшеніе на изданіе этого журнала.

Когда напечатанная программа *Атенея* попалась въ руки А. А. Григорьеву, то онъ, изъ Флоренціи, 7 марта 1858 года, писалъ Погодину: „Сегодня мнѣ попался *Современникъ* и, какъ нарочно, увѣдомленіе объ изданіи *Атенея*. „*Атеней*",—сказано тамъ,—„насчитываетъ около тридцати именъ,—за то въ этомъ ряду мы находимъ исключительно такихъ людей, какъ гг. *Анненковъ*, *Бабстъ*, *Безобразовъ*, Буслаевъ, Галаховъ, *Ѳ. Дмитріевъ*, *Ешевскій*, Забѣлинъ, Кавелинъ, *Каченовскій*, Кетчеръ, *В. Коршъ*, *Лонгиновъ*, Н. Павловъ, Соловьевъ, *Тихонравовъ*, Чичеринъ, Щедринъ,—посредственность не найдетъ себѣ мѣста въ *Атенеѣ; каждый изъ его сотрудниковъ хорошо извѣстенъ*, *какъ одинъ изъ первыхъ людей въ нашей литературѣ*"... И всѣ мои старыя, затихшія ненависти проснулись до бѣснованія при чтеніи этого наглаго ерничества—и опять чувствую я вражду злобную къ тѣмъ, о существованіи которыхъ я было забылъ или существованіе которыхъ затѣняетъ, сглаживаетъ за границей великій и благородный подвигъ ихъ главы!... Долго-ль же будетъ, помилосердуйте! Да! *они* умѣютъ дѣлать дѣло. Тутъ не одно безстыдство — тутъ послѣдовательность. Тутъ есть *способность* дѣлать, самопожертвованіе. Они не жалѣютъ, ни капиталовъ, ни трудовъ—они купили *Московскія Вѣдомости*. Нѣтъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! Наше дѣло—пропащее, хоть мы и правѣе ихъ, — хоть я и положу все таки за него, за это дѣло пропащее все, что мнѣ положить остается... Они другъ друга поддерживаютъ, а мы другъ друга топимъ, скверно, глупо топимъ.. Простите меня, я боленъ

хандрою самою злющею и потому наговорю вамъ и всѣмъ нашимъ много непріятнаго. Начать съ того, что ни одна изъ этихъ гнусныхъ и пьяныхъ харь не облегчилась отвѣчать на письма, которыя я посылалъ къ нимъ, письма въ коихъ передавалъ всѣ волновавшіе меня вопросы. Вонъ изъ глазъ— вонъ изъ сердца!!! А потомъ, это тупое равнодушіе къ бездѣйствію; эта подлая мѣщанская робость передъ послѣдовательнымъ проведеніемъ мысли. Съ кѣмъ тутъ работать? Да и для кого работать? На чортѣ воду возить. Принципъ нашъ не по времени. А вѣрность его подтверждается все яснѣе и яснѣе. Все для меня связалось теперь цѣльно, систематически" [78]).

Въ *Атенеѣ*, Б. Н. Чичеринъ принималъ живое и энергическое участіе. Тамъ онъ писалъ: О Французскихъ крестьянахъ, о народности въ наукѣ, о настоящемъ и будущемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ, о промышленности и государствѣ Англіи.

Между тѣмъ, статья Чичерина о Французскихъ крестьянахъ обратила на себя вниманіе члена Главнаго Управленія по дѣламъ печати графа Е. Е. Комаровскаго и поразила его своимъ *демагогическимъ* направленіемъ, такъ что А. С. Норовъ просилъ князя П. А. Вяземскаго прочесть отмѣченную графомъ Комаровскимъ статью и сообщить о ней свое мнѣніе.

Прочитавъ статью, князь П. А. Вяземскій писалъ: „Статья Чичерина есть историческое изложеніе всѣхъ переходовъ, которые совершило во Франціи крестьянское сословіе, вступившее наконецъ въ обладаніе политическими правами, и которое въ силу предоставленнаго ему *права выбора*, болѣе всѣхъ другихъ сословій во Франціи способствовало низверженію республики и воцаренію Наполеона III-го на престолѣ, съ властью почти неограниченною. Слѣдовательно, нельзя признать въ этой статьѣ прямо *демагогическаго* направленія въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придается слову *демагогія*".

Вниманіе графа Е. Е. Комаровскаго обратила на себя

также и другая статья Чичерина, помѣщенная также въ *Атенеѣ*, это—*Промышленность и государство въ Англіи.*

21 Апрѣля 1858 года, графъ Комаровскій писалъ министру Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскому слѣдующее: „Честь имѣю донести вашему высокопревосходительству, что слѣдующія строки въ концѣ статьи г. Чичерина, *О промышленности и государствѣ* въ Англіи, показались мнѣ предосудительными, какъ явное осужденіе существующаго у насъ государственнаго порядка: „Государство, которое обладаетъ обширною и зоркою полиціей, не нуждается въ стѣснительной системѣ внутреннихъ паспортовъ, ибо преступникъ найденъ будетъ и безъ того. Государство, которое увѣрено въ своей силѣ, которое покоится на твердомъ основаніи народной любви, не имѣетъ надобности запрещать свободное выраженіе мысли гражданъ... Государство не должно запрещать человѣку слѣдовать въ дѣлахъ вѣры внушеніямъ своей совѣсти. Оно не должно смотрѣть на себя какъ на блюстителя общественной нравственности, ибо для этого существуетъ другая власть — общественное мнѣніе... Мысль человѣческая по существу своему свободна; налагать на нее оковы и безразсудно, и безполезно“.

Цензоромъ этой статьи былъ Н. Ѳ. фонъ-Крузе, и ему, за пропускъ оной, сдѣлано было, по приказанію министра, замѣчаніе.

XVIII.

Окончивъ свои изслѣдованія о Великомъ Новѣгородѣ, Погодинъ предпринялъ *прогулку въ Новгородъ.* И эта *прогулка* доставила ему возможность, „сказать нѣчто о древней и новой Русской жизни, пояснѣе нежели какъ говорилъ до сихъ поръ“.

Въ концѣ весны 1858 года, съ Соснинской пристани, въ 4 часа пополудни, поплылъ Погодинъ по Волхову, въ Новгородъ. Между товарищами по путешествію попался землякъ его, Московскій купецъ К. В. Прохоровъ, который хотѣлъ поклониться святынямъ Новгородскимъ. „Съ знакомымъ, —

замѣчаетъ Погодинъ,—стало, какъ говорится, все-таки повиднѣе и веселѣе. Берега, большею частью ровные, довольно пріятны для глазъ. Вскорѣ по отплытіи, увидѣли мы на правой сторонѣ знаменитую *Званку*, гдѣ провелъ послѣдніе дни своей жизни нашъ славный Державинъ. Ее указалъ намъ одинъ изъ спутниковъ, Новгородскій дровяникъ. Домъ, съ вышкой, видѣнъ съ рѣки, въ одно жилье, очень не обширный, окруженный густымъ, темнымъ садомъ. Помнится, гдѣ-то была приложена картинка съ его изображеніемъ. Прахъ Державина покоится въ монастырѣ Варлаама Хутынскаго".

По мѣрѣ приближенія къ Новгороду, нашимъ путешественникамъ показывались монастыри съ историческими именами, кои звучали для Погодина обаятельно: вотъ Хутынь, основанный, въ 1192 г., бояриномъ Новгородскимъ Алексою Михайловичемъ, принявшимъ въ монашествѣ имя *Варлаама*. Вотъ *Антоній Римлянинъ*"... Въ 9 часовъ, путешественники приплыли въ Новгородъ.

О пароходѣ, на которомъ они плыли, Погодинъ отозвался: „Пароходъ устроенъ вообще порядочно, довольно чисто. Прислуга учтива. Кушанье незатѣйливо, но свѣжо, вкусно и недорого".

По приплытіи къ Новгороду, на пристани, нашихъ путешественниковъ ожидали уже извощики; остановились они въ гостинницѣ Богдановыхъ, „и были очень довольны ею: помѣщеніе, бѣлье, столъ, услуга заслуживаютъ полное одобреніе".

По пріѣздѣ, Погодинъ отправился тотчасъ въ Гимназію, отыскивать Новгородскаго археолога И. К. Купріянова, извѣстнаго ему давно по *Москвитянину*. „Сторожъ,— пишетъ Погодинъ,—не умѣлъ растолковать мнѣ его квартиры, и не къ кому было обратиться болѣе съ вопросомъ, кромѣ директора. Директоръ Апахаловъ былъ столько любезенъ, что взялся проводить меня самъ къ своему учителю. Въ отдаленной улицѣ, въ низенькомъ домикѣ, часу въ одиннадцатомъ уже вечера, мы застали трехъ молодыхъ людей, за письменнымъ столомъ, среди книгъ и бумагъ"...

Въ Троицынъ день, „среди зеленыхъ душистыхъ березокъ“, Погодинъ, вмѣстѣ съ Купріяновымъ, отправился прежде всего на *Ярославовъ Дворъ*.

„Ярославовъ Дворъ—сколько воспоминаній со дна вѣковъ пробуждаетъ это историческое имя!

Церковь, построенная правнукомъ Ярослава, сыномъ Мономаха, Мстиславомъ, на его дворѣ (на Княжемъ Дворѣ, 1112 г.), до сихъ поръ называется *Дворищенскою*. Дворище—мѣсто двора“.

Приложились къ чудотворному *образу Николы*, „исцѣлившаго, по преданію, отъ смертной болѣзни великаго князя Мстислава Володимеровича, а не Ростиславича, какъ сказано, по ошибкѣ, въ печатномъ *Описаніи Чуда*, подаренномъ Погодину отцомъ протоіереемъ.

Загороженный пустырь отдѣляетъ отъ Николаевской церкви другую примѣчательную церковь,—Св. Пятницы, построенную въ 1156 г., заморскими купцами *на торговищѣ*.

Остальное пространство по краямъ до рѣки занято рядами. Среди ихъ находится *башня*, принадлежащая, по преданію, къ Ярославову времени. Разбитая грозой, обгорѣлая, она, говорятъ, еще недавно представляла живописную развалину; но, въ сороковыхъ годахъ, была заново перестроена, а теперь она „облѣплена, замѣлена, заштукатурена“.

Съ Ярославова Двора, Погодинъ, вмѣстѣ съ Купріяновымъ, пошли въ *Софійскій соборъ*, къ обѣднѣ. „*Людіе Новгородстіи*,—пишетъ Погодинъ,—наполняли церковь. Служилъ архіерей *), пѣли пѣвчіе; но напрасно искали мои взоры посадника, тысяцкаго, бояръ и житыхъ людей: не было въ церкви, ни Мирослава Гюрятинича, ни Моисея Доманѣжича, ни Якуна Зуболомича. Я взглянулъ на верхъ: десница Спасителя была сжата по прежнему, а Новгорода древняго не существовало,—и грустно стало мнѣ по старинѣ! Я вышелъ изъ церкви“.

*) Преосвященный Евѳимій, епископъ Старорусскій, скончавшійся въ санѣ епископа Саратовскаго 17 октября 1863 года. *Н. Б.*

По выходѣ изъ церкви, нашъ путешественникъ сталъ бродить „кругомъ, по дворамъ, заросшимъ травою, и заглядывать въ палаты, перестроенныя, но все-таки напоминающія именами почтенную древность. Вотъ палаты *Никиты* епископа († 1108), *Іоанновскія* († 1186), *Евѳиміевскія* († 1458); вотъ и древнія *сѣни*, на кои *возводились* первоначально архіепископы Новгородскіе. Первая горница — замѣчаетъ Погодинъ,—напоминаетъ нашу Золотую Грановитую Палату. Вотъ застѣнокъ, гдѣ молился святитель *Іоаннъ* (Илія, первый архіепископъ Новгородскій), столь тѣсной, что человѣкъ въ немъ едва можетъ поворотиться. Событія изъ его жизни написаны по стѣнамъ. Вотъ палата *Лихудовъ*, гдѣ они, избранные просвѣщеннымъ митрополитомъ Іовомъ, учили Греческому языку. Зданіе предъ соборомъ принадлежитъ митрополиту Гавріилу (1780).

Между соборомъ и присутственными мѣстами, торчитъ какой-то столбикъ, въ честь Новгородскаго ополченія 1812 года. Ну, мѣсто-ли ему на Софійской площади!

Колокольня принадлежитъ ко времени св. Евфимія, т.-е., къ половинѣ XIV вѣка. Здѣсь висѣлъ знаменитый *вѣчевой колоколъ*, который, послѣ взятія Новгорода, *привезенъ бысть на Москву* и *вознесенъ на колокольницу на площади, съ прочими колоколы звонити*".

Пройдясь „взадъ и впередъ" по Дѣтинцу-городу или Кремлю, Погодинъ замѣтилъ: „Сколько мѣста пропадаетъ вездѣ даромъ, и никому не приходитъ въ голову, чтобы употребить его какъ нибудь. Оно не значится ни въ какихъ вѣдомостяхъ, по бумагамъ, и всякой говоритъ: „это до меня не касается". Погодинъ также находилъ, что „надо бы вскопать здѣсь землю, и она вѣрно открыла бы много, или, по по крайней мѣрѣ, засѣянная, дала бы хлѣба самъ-двадцать на голодные зубы бѣдныхъ причетниковъ".

Въ углу, налѣво отъ главнаго въѣзда въ Кремль, — пишетъ Погодинъ,—виднѣется церковь Андрея Стратилата, на мѣстѣ первой, Софійской, Іоакимовой, конецъ *Бискупли*

улицѣ, которая, слѣдовательно, проходила параллельно съ восточною стѣною, начинаясь отъ Спасскаго угла. Засимъ Погодинъ осмотрѣлъ „снаружи нѣкоторыя башни, и чрезъ одну, гдѣ помѣщается нынѣ часовня Всемилостиваго Спаса, спустился къ городовому рву и потомъ поднялся на валъ, довольно еще высокій“.

Утомившись переходами, Погодинъ и его спутникъ, прилегли на солнышкѣ и обозрѣли окружность. „Передъ нами наискось,—пишетъ Погодинъ,—на правомъ берегу Волхова, видно *Городище*, за нимъ монастырь Св. Аѳанасія и Кирилла. На другомъ берегу блистаютъ золотыя главы *Юрьева* монастыря. Далѣе—монастырь *Перынь*, напоминающій именемъ своимъ о поклоненіи Перуну; за нимъ лежитъ село *Ракомо*, нѣкогда загородный домъ княжескій, гдѣ Ярославъ избилъ Новгородцевъ, расправившихся по-своему съ пришлыми Варягами. Еще далѣе сверкаетъ озеро *Ильмень*. Ближе къ намъ — *Благовѣщенскій* монастырь, также очень древній (XII вѣка)“.

По отдохновеніи, „мы—продолжаетъ Погодинъ,—спустились съ вала и пробрались въ Троицкую слободу. На Десятинной улицѣ нынѣ праздникъ. Народу множество стояло съ непокрытыми головами, во вратахъ и предъ вратами церкви. Дома всѣ уставлены были березками“. Отсюда Погодинъ, вмѣстѣ съ Купріяновымъ, направились къ древней *Алексѣевской башнѣ*, которая „одна уцѣлѣла изо всѣхъ, но уже разрушается, оставленная въ небреженіи“, и поворотили по валу, огибая древнія концы Софійской стороны: *Людинъ*, *Загородскій*, *Неревской*. При этомъ обозрѣніи Погодинъ выразилъ удивленіе, „почему можно сомнѣваться или спорить о числѣ концовъ и о пространствѣ Новгорода. Валомъ онъ опредѣляется явственно; всѣ концы и всѣ улицы, упоминаемые въ лѣтописяхъ, помѣщаются внутри вала: чего же будемъ мы искать внѣ? Новѣйшіе выселки или разселки также налицо“.

Проходя по Прусской улицѣ въ Кремль, Погодинъ замѣтилъ: „какъ странно было прочесть полицейскій ярлыкъ,

прибитый въ углу, съ именемъ, которое семьсотъ лѣтъ уже извѣстно по лѣтописямъ".

За симъ, Погодинъ погружается въ историческія размышленія. „Софійская сторона",—пишетъ онъ,—„безъ сомнѣнія, моложе Торговой. Здѣсь поселилось все племя пришлое, Варяжское, Русское, военное, бояре, дѣтскіе, люди съ ихъ холопами. *Дѣтскіе* въ *Дѣтинцѣ*, который отъ нихъ вѣрно и получилъ свое названіе; *люди*, то есть простые вои, заняли цѣлый конецъ крайній или *Людинъ* (имя—Людинъ, какъ чуждое, удержалось недолго и замѣнилось Гончарскимъ); въ Загородскомъ, то есть находящемся за городомъ-крѣпостью, и Наревскомъ, называющемся такъ по рѣкѣ, имѣли свои дворы *бояре*, коихъ мѣстожительство напоминается до сихъ поръ еще именами улицъ: *Добрыниной*, *Яневой*, *Щирковой*, *Хревковой*, *Даньславлей*. Родители *Св. Варлаама* жили здѣсь же на улицѣ Даньславлѣ. Домъ *Мареы Посадницы* былъ также на этой сторонѣ. Гдѣ бояре, тамъ и холопи: Холопья улица идетъ отъ Волхова, мимо нынѣшней Тихвинской церкви, къ валу. Здѣсь и иноплеменныя поселенія: *Пруссы*, *Чудинцева улица*. Замѣтимъ кстати, что и языческіе слѣды находимъ мы на лѣвомъ берегу Волхова: монастырь на *Перынѣ*, улица *Волосова*, напоминающая Волоса, скотьяго бога, съ церковью Св. Власія, улица *Ярышева*. А по другую сторону Волхова жили *купцы*. Та сторона называлась *Торговою*. Концы назывались: *Словенскій*, вѣроятно по первому здѣсь населенію Словенъ, и *Плотничій*, напоминающій древнее ремесло Новгородское: „а вы плотнице сущи", укорялъ ихъ воевода Святополка. Обѣ стороны враждовали между собою постоянно во все продолженіе Новгородской отдѣльной Исторіи: бояре и купцы, то есть Варяги и Словене, пока не помирила ихъ Москва, по методѣ Дмитріевскаго кота" *).

Послѣ обѣда Погодинъ съ Купріяновымъ отправились по

---

*) Стихотворенія И. И. Дмитріева. Спб. 1822. ч. II, стр. 61, 62, 119, и 121. *Н. Б.*

улицѣ Знаменской, къ *Знаменскому собору*. „Великолѣпная церковь,—пишетъ Погодинъ,—„основанная при Петрѣ Первомъ, славнымъ митрополитомъ Новгородскимъ Іовомъ, ревнителемъ просвѣщенія, другомъ бѣдныхъ, для которыхъ при церкви учредилъ онъ и богадѣльню, до сихъ поръ существуетъ. Чудотворный *образъ Знаменія* перенесенъ сюда изъ сосѣдней Спасской церкви. Со вниманіемъ разсмотрѣлъ я этотъ знаменитый образъ, къ сожалѣнію, закрытый вездѣ богатымъ окладомъ. Подъ нимъ находится *чертежъ города*, списанный первоначально Вельтманомъ, въ его книжечкѣ: *О господинѣ Новгородѣ Великомъ*. Подъ чертежемъ изображенное войско, кажется, новѣе письма Фряжскаго. Оно отпечатано красками въ *Древностяхъ Россійскаго Государства*. Замѣчательна мысль написать подъ образомъ планъ города! Такая мысль не могла прійти въ голову позднѣе событія. Можетъ быть, планъ былъ измѣненъ впослѣдствіи, исправленъ, переписанъ; но ведется онъ, безъ сомнѣнія, съ древняго времени. На паперти есть другой большой образъ Знаменія, съ Исторіей происшествія, или, какъ говорится технически, съ Дѣяніемъ. По сторонамъ Св. Іаковъ Персіянинъ и великомученикъ Георгій. Замѣчательно, что чудо празднуется не 21 февраля, въ день побѣды, а 27 ноября, на память Іакова Персіянина, ангела Якунова (посадника), какъ замѣтилъ кто-то. Въ Суздалѣ праздникъ Знаменія не празднуется, слыхалъ я когда-то. Правда ли это? Если Іаковъ поставленъ въ честь посадника Якуна,—то Георгій въ чью же? Княземъ былъ Романъ. Не назывался ли его отецъ, Мстиславъ Изяславовичъ, христіанскимъ именемъ Георгія? Или Георгій поставленъ здѣсь въ память о любимомъ, Новгородскомъ князѣ Мстиславѣ—Георгіѣ, основателѣ Юрьева монастыря? Подлѣ знаменитаго собора находится древняя церковь Спаса Преображенія, и почти вовсе не передѣланная, судя по наружности; но мы не могли отыскать священника, и оставили обозрѣніе до другаго дня. Отсюда образъ Знаменія носимъ былъ на стѣну архіепископомъ Іоанномъ, въ 1169 году“.

27 ноября, Русская Церковь празднуетъ *воспоминаніе знаменія и чудесе отъ Иконы Пречистыя Владычицы нашея Богородицы въ Великомъ Новѣградѣ, бывшаго на Иліинѣ улицѣ, во время нашествія на Новгородъ сильной рати великаго князя Суздальскаго Андрея Георгіевича Боголюбскаго, при архіепископѣ Великаго Новгорода и Пскова Іоаннѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1170*. Новгородцы приписали свое спасеніе отъ такой многочисленной рати заступленію Пресвятыя Богородицы, и въ изъявленіе своей благодарности, положили праздновать ежегодно 27 ноября ея честному Знаменію, что послѣ исполнялось ими вмѣстѣ уже со всею Русскою Церковію,—однакожъ долго кромѣ Суздаля. Мѣстное (Новгородское) значеніе праздника выражено и въ тропарѣ Богородицѣ, который приводимъ по рукописи половины XVI-го вѣка: *Яко необоримую стѣну*, (и) *источникъ чудесъ стяжавше Тя раби Твои, Пречистая, сопротивныхъ* (ополченія) *низлагаемъ. Тѣмъ же молимъ Тя, миръ граду Твоему даруй, и душамъ нашимъ велію милость* *). Мѣстное значеніе праздника выражено также и въ кондакѣ: „Честнаго образа твоего знаменіе празднующе людіе Твои, Богородительнице, имже *дивную побѣду* на *сопротивныхъ граду* твоему даровала еси. Тѣмже Тебѣ вѣрою взываемъ: Радуйся, Дѣво, Христіанъ похвало“.

Достойно замѣчанія, что Суздальскіе лѣтописцы совершенно умалчиваютъ объ этой побѣдѣ Новгородцевъ и о чудотворномъ участіи въ ней Пресвятыя Богородицы. И, вмѣсто описанія побѣды и чуда Знаменія, сіи лѣтописцы описываютъ чудо Пресвятыя Богородицы, но другое, совершившееся за три года до этого событія. „Слышахомъ же“,—повѣствуютъ они,—„преже трехъ лѣтъ бывшее знаменіе въ Новѣгородѣ, всѣмъ людямъ видящимъ: во трехъ церквахъ Новгородскихъ восплака на трехъ иконахъ Святая Богородица, провидѣвши бо Мати Божія хотящую пагубу быти надъ Новымъ

---

*) Списано Иваномъ Аѳанасьевичемъ Бычковымъ съ рукописи изъ Древлехранилища Погодина № 512, л. 450 об. *Н. Б.*

городомъ и надъ властми его и моляшеть Сына Своего со слезами, дабы ихъ отнудь не искоренилъ. Сія же люди Новгородскія наказа Богъ и смири я до зѣла: за преступленіе крестное и за гордость ихъ наведе на нихъ, но, милостію своею, избави градъ ихъ".

Новгородскіе же лѣтописцы повѣствуютъ: „И оттолѣ отъяся слава и честь Суздальская, Новъ же градъ избавленъ бысть молитвами Святыя Богородицы. Преподобный же архіепископъ Іоаннъ сотвори праздникъ свѣтелъ, и начаша праздновати всѣмъ Новымъ градомъ честному и милостивому Знаменію Святыя Богородицы, Ея же молитвами, Христе Боже нашъ, и насъ избави отъ всякыя печали и бѣды и напасти".

И. С. Аксаковъ, предполагая напечатать въ *Парусѣ Прогулку* Погодина въ Новгородъ, писалъ ему: „Надобно бы спросить въ Суздалѣ о праздникѣ Знаменія; не худо включить въ статью тропарь, гдѣ поется о томъ, какъ Новгородцы поколотили благовѣрнаго князя".

Вечеромъ Погодину вздумалось посѣтить городской садъ; но по дорогѣ туда заѣхалъ въ Софійскій соборъ. „Мнѣ",—писалъ онъ,—„хотѣлось на просторѣ походить здѣсь и подумать. Древность имѣетъ на меня какое-то особое магнетическое дѣйствіе. Помолился *образу св. Софіи*, древнѣйшему образу апостоловъ *Петра* и *Павла*, мощамъ славныхъ святителей Новгородскихъ, памятныхъ въ Исторіи: *Никиты*, *Іоанна*, *Григорія*, остановился передъ гробницею молодаго, пылкаго *Владиміра*, основателя собора, который ходилъ, послѣдній, изъ названныхъ князей, на Царьградъ, и матери его Ингигерды, дочери Шведскаго короля Олава. Видно, она скончалась въ любезномъ своемъ Новгородѣ (1050 г.), живя у сына, который послѣдовалъ за нею черезъ два года (1052), а мужъ Ярославъ—черезъ четыре (1054). Вотъ гробъ *Мстислава Храбраго*, врага Боголюбскому, послужившаго послѣ съ такимъ усердіемъ св. Софіи; вотъ могила *Ѳеофана*, ревностнаго ученаго сотрудника Петрова".

Изъ древняго собора Погодинъ попалъ въ городской садъ.

„Народу множество, такъ что въ иныхъ мѣстахъ съ трудомъ и проберешься: купцы съ женами подъ руку, чиновники, военные. Играла полковая музыка. Очень много хорошихъ лицъ между женщинами, и станъ вообще стройный, но увы, ни одного Русскаго костюма, ни даже напоминанія о немъ не встрѣтилось. Мы посидѣли нѣсколько времени въ павильонѣ. Вотъ здѣсь могъ быть *домъ Мароы Посадницы,* — замѣтилъ мнѣ Купріяновъ. По извѣстію лѣтописи: „Въ лѣто 6985, сентября 21, бысть пожаръ отъ Разважи улицы и до Борковы улицы, погорѣ побережье все и до великой улицы, и Мароы посадницы чудной дворъ“. Въ саду Погодинъ встрѣтилъ нѣсколько Московскихъ бывшихъ студентовъ, которые „обрадовались земляку“. Тишина,—замѣчаетъ Погодинъ,—„на гуляньѣ невозмутимая, хоть полиціи никакой не видать. Что за смирный, терпѣливый народъ! Не только спора, даже разговора не слышно. Ходятъ себѣ или, лучше, движутся, какъ будто нѣмые и глухіе“.

Изъ сада отправились на народное гулянье въ Троицкую улицу. „Тамъ, среди улицы, кружились хороводы разряженныхъ дѣвушекъ. На одной только головной уборъ напоминалъ старину. Два парня ходили по срединѣ, дѣйствуя платками и шляпами. Пѣсни тянулись, но не слишкомъ весело. Вокругъ стояли зрители молча; та же тишина, то же спокойствіе, что и въ саду“!

Посѣщеніе этихъ гуляній навело Погодина на слѣдующее размышленіе: „Надо бы поѣздить по Новгородскимъ селамъ, по захолустьямъ: не найдется ли тамъ какихъ слѣдовъ древности и вмѣстѣ Новгородской жизни? Въ городѣ искать ея нечего, потому что она отсюда выведена, вытянута, выжжена, выбита, вытравлена и замѣщена другою жизнію, Московскою. Да,—продолжаетъ онъ,—это былъ удивительный coup d'état. Никакая Исторія не представляетъ подобной смѣлой мысли: выселить цѣлый городъ, какъ придумалъ Иванъ Васильевичъ. Восемь тысячь семей боярскихъ и купеческихъ отправилъ онъ на житье въ низовыя мѣста, а въ Новгородъ перевелъ

оттуда сподручныхъ себѣ людей, сыновъ подъяремничихъ,— ну и остался одинъ мертвый трупъ: духъ улетѣлъ. Этого мало. Іоаннъ уничтожилъ Ганзейскую торговлю, велѣвъ послѣ перехватать всѣхъ иновемныхъ купцовъ, отнять ихъ товаръ и заточить ихъ въ темницы въ Москвѣ, гдѣ многіе умерли. Говорятъ, что поступилъ онъ такъ, увлекаясь гнѣвомъ; но едва-ли это дѣйствіе не имѣло политической цѣли въ отношеніи къ Новгороду, чтобы лишить его средства подняться, возвеличиться. Впрочемъ, все-таки оставалось нѣсколько горячихъ головъ, позабытыхъ тамъ-сямъ или недосмотрѣнныхъ,— ну, ихъ доканалъ Иванъ Васильевичъ Грозный, сбросивъ съ моста три тысячи и разославъ опричниковъ по рѣкѣ съ долбнями, которые должны были приколачивать по головѣ, еслибъ кому удалось всплыть на верхъ. „Помяни, Господи, Новгородцевъ, что отдѣлалъ Григорій Ловчиковъ, ихъ же имена Ты самъ вѣси, Господи“! Это извѣстіе нашелъ я въ синодикѣ Германова Свіяжскаго монастыря, въ 1845 году. Но вѣрно были отдѣлывальщики и кромѣ Григорія Ловчикова. Въ Кирилловскомъ синодикѣ поминаются 1505 человѣкъ. Таубе и Крузе считаютъ погибшихъ 27 тысячъ, Псковскій лѣтописецъ — 60 тысячъ, Курбскій — 15 тысячъ. Страшно даже и вспоминать такіе ужасы! Наконецъ, линія сообщенія между Москвою и Петербургомъ выбрана за 70 верстъ отъ Новгорода, и Новгородъ обреченъ на пустынножительство“.

Съ гулянья Погодинъ возвращался „новыми улицами, среди обрушенныхъ заборовъ, между разваливающимися хижинами“, къ которымъ онъ примѣнилъ одно Нѣмецкое описаніе: *Ни горы, ни лѣса, ни рѣки—одно пространство.* „Такъ и здѣсь: только что проѣздъ да имя, а жилья людей—почти нѣтъ“.

XIX.

Въ Духовъ день, Погодинъ посѣтилъ Духовъ монастырь, гдѣ былъ праздникъ. „Съ ранняго утра по всѣмъ улицамъ толпился народъ, женщины, дѣти, старики, спѣша на празд-

никъ. Служилъ архіерей. Ходъ вездѣ былъ свободный, но вездѣ соблюдался порядокъ и благочиніе".

Изъ Духова монастыря, Погодинъ съ Купріановымъ поѣхали за городъ, въ Юрьевъ, отстоящій „поприща на три". По дорогѣ заѣхали на кладбище съ древнею церковью Благовѣщенія. Здѣсь былъ нѣкогда мужской монастырь, основанный святыми братьями Іоанномъ и Григоріемъ, архіепископами Новгородскими, въ концѣ XII-го вѣка.

„Описывать богатства Юрьева монастыря",—пишетъ Погодинъ,—я не стану. Не только церкви украшены великолѣпно, облаченія блестятъ золотомъ и серебромъ, всѣ зданія отдѣланы отлично, но весь монастырь имѣетъ роскошнѣйшее содержаніе. Всѣ нужды, самыя малѣйшія, предвидѣны, и на удовлетвореніе ихъ съ избыткомъ положены огромныя суммы въ ломбардъ на вѣчныя времена. И между тѣмъ, эта же графиня Орлова не хотѣла дать ничтожной суммы, какъ разсказывалъ мнѣ спутникъ, на содержаніе въ Гимназіи мальчика, который изъ ея чтецовъ захотѣлъ поступить въ Гимназію. О Фотіѣ, разумѣется не въ этомъ монастырѣ, одолженномъ ему своимъ благосостояніемъ, можно узнать что-нибудь вѣрное; но безпристрастная біографія его была бы очень любопытна".

Всего любопытнѣе была для Погодина драгоцѣнная *Мстиславова грамота*, данная Юрьеву монастырю,—древнѣйшій письменный нашъ документъ около 1125 года.

Въ Юрьевѣ монастырѣ погребены: Шемяка и мать св. Александра Невскаго, Евфосинія, вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ Ярославичемъ, о смерти котораго сохранилось въ Новгородской лѣтописи такое трогательное воспоминаніе: „и еще младъ, и кто не пожалуетъ сего? Свадьба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князя позвали, и бысть въ веселія мѣсто плачъ и сѣтованіе, за грѣхи наша; но, Господи, слава Тебѣ, царю небесный, изволиши Ти тако,—но покой его со всѣми праведными". Въ день Швед-

скаго разгрома, гробы сына и матери перенесены въ Софійскій соборъ.

Въ Юрьевѣ, Погодинъ познакомился съ настоятелемъ монастыря архимандритомъ *Варлаамомъ* *), который переведенъ сюда изъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря. Онъ сообщилъ Погодину статью свою, тамъ написанную, по актамъ о пребываніи патріарха Никона. Погодинъ спросилъ его: „Не посчастливилось ли ему найти что-нибудь о любимцѣ моемъ Сильвестрѣ? — нѣтъ, кромѣ книгъ, видѣнныхъ мною, и записокъ въ поминаньѣ, не находится ничего. (Ничего не нанаходится и въ библіотекѣ, какъ разсказывалъ мнѣ послѣ библіотекарь. Но я все-таки не отчаяваюсь: можетъ быть отыщется что-нибудь въ трудахъ Макаріевыхъ, напримѣръ, *Четь-минеяхъ*, въ коихъ непремѣнно Сильвестръ чѣмъ-нибудь участвовалъ до появленія своего въ Москвѣ. До сихъ поръ эти огромные сборники не подверглись подробному, особливому разбору").

Цѣлый часъ провелъ Погодинъ и съ большимъ удовольствіемъ въ кельѣ архимандрита Варлаама. Когда же Погодинъ возвратился въ Москву, то получилъ отъ него слѣдующее письмо (отъ 24 августа 1858 года): „Г. Купріяновъ недавно доставилъ мнѣ отъ вашего имени нѣсколько книжекъ и брошуръ вашего сочиненія и изданія. Приношу вашему превосходительству за дорогой подарокъ вашъ искреннюю мою благодарность. Дай Богъ, чтобы прекрасныя произведенія ваши распространялись болѣе и болѣе въ народѣ Русскомъ, и чтобъ здравыя понятія ваши о вещахъ обращались, если можно такъ выразиться, въ плоть и кровь его. Позвольте мнѣ освѣдомиться о судьбѣ статейки моей о патріархѣ Никонѣ, которую я имѣлъ честь вручить вамъ въ бытность вашу въ монастырѣ моемъ. Будетъ ли она напечатана въ Трудахъ Московскаго Общества Древностей? Если будетъ, то не пожалуетъ ли мнѣ Общество сколько нибудь оттисковъ оной".

*) Скончался въ санѣ архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. *Н. Б.*

Узнавъ, что Погодинъ желаетъ осмотрѣть Городище, архимандритъ предложилъ ему въ распоряженіе монастырскую лодку.

„Четверо гребцовъ", —пишетъ Погодинъ,— „въ красныхъ рубашкахъ, взмахнули веслами дружно, и чрезъ нѣсколько минутъ поставили насъ предъ *Городищемъ*. Мы взобрались на крутой берегъ. Вотъ и церковь *Благовѣщенія*, основанная Мстиславомъ въ 1103 году. Священникъ не нашелся дома. Мы обошли ее кругомъ: древность явственна, неприкосновенная; тяжелыя толстыя стѣны, узкія высокія окна, одна круглая глава. Не могли добраться до погребовъ, которыхъ, слышалъ я, здѣсь очень много, и въ которыхъ хранятся теперь огурцы и капуста. Нѣсколько домовъ и избъ разбросано по двумъ улицамъ; нѣсколько плодовитыхъ деревьевъ зеленѣютъ между грядами; остальное пространство—пустырь, невоздѣланный, брошенный, съ полверсты вдоль и полверсты поперекъ, окруженный со всѣхъ сторонъ почти водою: Волховомъ, Волховцемъ и Жилотугомъ. Вотъ оно, пребываніе первыхъ Норманскихъ князей, вотъ гдѣ начинается Русская государственная Исторія! Избраніе такого мѣста совершенно въ духѣ и обычаѣ Норманновъ; вездѣ, при водвореніи, они выбирали себѣ острова, надѣясь быть тамъ безопаснѣе отъ внезапныхъ нападеній. Такъ поступали они въ Англіи, Франціи, Италіи, на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ. Князья жили на Городищѣ до позднѣйшаго времени, и даже въ докончальной грамотѣ съ Казимиромъ Польскимъ условлено было, чтобы намѣстникъ его жилъ на Городищѣ. Иваны Васильевичи оба останавливались на Городищѣ. Муравьевъ *) думалъ, что даже и первые поселенцы Славянскіе поселились сначала здѣсь, и, уже размножившись, когда стало имъ тѣсно, спустились ниже по Волхову и основали Новгородъ. Первое ихъ жительство получило тогда названіе Городища—мѣсто города. Дѣйствительно, городище значитъ мѣсто города, и имя это

*) Николай Назаровичъ. *Н. Б*

встрѣчается уже въ 1103 году. Ходаковскій, согласно съ своей системой, считаетъ Городище мѣстомъ древняго богослуженія Славянскаго и не допускаетъ сюда князей,—но мы видимъ ихъ здѣсь очень давно, и не имѣемъ никакого повода думать, чтобы не было ихъ тутъ и сначала. Ярославъ перешелъ, говорятъ, въ Новгородъ; слѣдовательно, предшественники его жили индѣ. Гдѣ же? На Городищѣ. Съ чего бы послѣдующимъ князьямъ избрать себѣ мѣсто пребыванія Городище, вдали отъ Новгорода, за рѣкою? Рюриковскихъ причинъ для нихъ не существовало. Въ Городищѣ Меньшикову съ семействомъ изъявлено заточеніе въ Сибири".

Изъ Городища Погодинъ съ своимъ спутникомъ воротился въ Новгородъ, „внизъ по Волхову. Вѣтеръ началъ дуть крѣпкой, по рѣкѣ скакали бѣляки, лодка ихъ заколыхалась; но они приплыли благополучно".

Послѣ обѣда, подъ руководствомъ Софійскаго протоіерея, они осмотрѣли *Софійскую ризницу*. „Всего примѣчательнѣе",— писалъ Погодинъ,—„древнія *одежды* Новгородскихъ святителей, *Никиты*, *Іоанна*, *Моисея* и проч., *вериги*, *посохи*, *лампады*, старинная *пещь* съ отличною рѣзьбою, употреблявшаяся при такъ называемомъ „пещномъ дѣйствіи", и подобіе трости царя Ивана Васильевича Грознаго. „Мы имѣемъ",—продолжаетъ далѣе Погодинъ,—„множество древнихъ драгоцѣнныхъ вещей, но всѣ онѣ разсыпаны по разнымъ мѣстамъ: надо бы собрать ихъ всѣ хоть въ вѣрныхъ копіяхъ, столько нынѣ легкихъ, въ одно мѣсто, гдѣ бы такимъ образомъ можно было составить себѣ общее понятіе о нашихъ церковныхъ и домашнихъ древностяхъ".

Изъ ризницы путешественники отправились на *Волотово поле*, верстахъ въ трехъ отъ Новгорода, по Московской дорогѣ, „чтобы взглянуть на такъ называемую могилу Гостомыслову. Она находится близъ самой церкви; а съ котораго времени такъ называется,—Погодинъ не могъ добраться. Ходаковскій разрывалъ этотъ курганъ и не нашелъ въ немъ рѣшительно ничего, ни одной кости человѣческой, а двѣ челюсти конскія

съ зубами, двѣ собачьи, птичью голову, и еще что-то, въ разныхъ мѣстахъ, по пространству всей насыпи. „Всего примѣчательнѣе",—замѣчаетъ Погодинъ,—„самое имя Волотово; волотъ—исполинъ, великанъ, принадлежащее ко времени языческому. *Волотовская* церковь очень древняя: на стѣнахъ видны еще слѣды старой иконописи. Приходъ бѣднѣйшій—дворовъ 20, и какая-то малая руга, какъ и во всѣхъ почти Новгородскихъ церквахъ. Осмотрѣвъ Волотово, Погодинъ, вмѣстѣ съ Купріяновымъ отправился въ *Антоніевъ монастырь*, гдѣ помѣщается Семинарія. Ректоромъ Семинаріи былъ архимандритъ Леонтій, скончавшійся въ санѣ митрополита Московскаго и Коломенскаго. Леонтій поручилъ казначею показать своимъ гостямъ примѣчательности монастыря—*камень*, на которомъ прибылъ Антоній Римлянинъ, *доску*, съ изображеніемъ св. угодника, „обкусанную богомольцами", *образа* Италіанской мусійной работы, хранящіеся предъ его ракою, придѣлъ и застѣнокъ, гдѣ онъ молился. *Сосуды* же Антонія Римлянина находятся въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ. Казначей, по замѣчанію Погодина, отличался сладкою рѣчью и воспитывался, какъ я услышалъ послѣ, гдѣ-то въ Бѣлоруссіи".

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ отправилъ къ архимандриту Леонтію свои брошюры, и вскорѣ получилъ отъ него слѣдующее письмо (23 сентября 1858 г.): „Приношу вамъ искреннюю и глубочайшую благодарность за весьма полезныя для меня брошюры, которыя имѣлъ я удовольствіе получить чрезъ Купріянова, 21 сентября. Изъ нихъ особенно нѣкоторыя любопытны для меня по воспоминанію о Владимірѣ и Суздалѣ. Ваше посѣщеніе, которымъ почтили меня въ бытность свою въ Новгородѣ, останется всегда въ моей памяти".

На слѣдующій день, Погодинъ, подъ руководствомъ протоіерея Никольскаго собора Петра, обозрѣвалъ примѣчательную церковь св. Пятницы, построенную на Торгу заморскими купцами, въ 1156 году. „Слѣды древности",—пишетъ Пого-

динъ,—„вездѣ явственны: Полати или хоры составляли общую принадлежность Новгородскихъ церквей. Подъ церковью находился складъ товаровъ. По всему, до нынѣ сохранившемуся чертежу, эта церковь была, какъ и есть, православная. О католической церкви не могло бы употребиться такое выраженіе: „въ то же лѣто (1156) поставиша заморстіи купцы церковь святыя Пятницы“. Подъ заморскими купцами должно, кажется, разумѣть нашихъ купцовъ, торговавшихъ за моремъ. Варяжская же церковь, которую Строевъ въ своемъ Указателѣ называетъ, не знаю почему, Петропавловская, находилась вѣрно гдѣ нибудь индѣ: не на Варяжской ли улицѣ? Готландскіе купцы должны были, при отъѣздѣ, класть въ церковь св. Вридаха, Freytag, по маркѣ серебра (Лербергъ с. 221). Собственную же церковь иностранные гости должны были содержать и безъ понужденія“.

„Другая, еще болѣе, примѣчательная церковь“—пишетъ Погодинъ, „но много пострадавшая отъ передѣлокъ, есть церковь *св. Іоанна Предтечи*, на Опокахъ (на высокомъ мѣстѣ). Новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ, внукъ Мономаховъ, умершій послѣ изгнанія въ Псковѣ, основалъ ее въ 1127 году, въ благодарность за рожденіе сына, Іоанна, прожившаго, впрочемъ, только два года. Онъ далъ ей особыя оригинальныя преимущества, предоставилъ пошлину съ воску въ Новгородѣ и Торжкѣ, учредилъ при ней особое общество, въ родѣ артели, въ которое купцы записывались, взнося деньги, и за то пользовались какими-то правами. Жаль, что подлинный уставъ не сохранился здѣсь, какъ сохранилась въ Юрьевѣ монастырѣ Мстиславова грамота“.

Въ Софійской библіотекѣ Погодинъ потерпѣлъ неудачу. Дѣло въ томъ, какъ онъ пишетъ, „библіотекаря не нашли мы въ соборѣ. Купріяновъ отправился къ нему на домъ, а я между тѣмъ осматривалъ колокольню. Новая неудача — нѣтъ его дома: „ушелъ на огородъ садить что-то, велѣлъ и обѣдать принести туда, а воротится не ближе вечерни“.

Послѣ неудачи въ Софійской библіотекѣ, Погодинъ по-

сѣтилъ преосвященнаго Евѳимія и бесѣдовалъ о Новгородскихъ древностяхъ, о пристройкахъ къ Софійскому собору, о предположенномъ памятникѣ тысячелѣтія. Осмотрѣлъ онъ также „обширныя митрополичьи палаты, отдѣланныя за-ново, убранныя Гамбсовою мебелью; митрополитъ пріѣзжаетъ сюда впрочемъ черезъ три года въ четвертый, и то на день, на два".

Для Погодина всего любопытнѣе были портреты, между которыми, однакожъ, „не оказалось ни одного примѣчательнаго. Развѣшаны безъ всякаго вкуса и смысла. Монахъ исчислялъ ихъ презабавно: Императрица Екатерина, бракъ въ Канѣ Галилейской и проч."

Засимъ Погодинъ осмотрѣлъ часовню Николая чудотворца, съ примѣчательнымъ образомъ князя Владиміра и съ вдѣланнымъ въ стѣнѣ кремлевской башни каменнымъ крестомъ съ древнею надписью XIII вѣка. „Заглянулъ въ Гимназію, съ тѣмъ, чтобъ отдать посѣщеніе почтенному директору. Обошелъ классы, посмотрѣлъ библіотеку, познакомился съ учителями". Осматривалъ церкви: *Димитрія Солунскаго*, основанную въ концѣ XII в. (деревянная) и существующую въ нынѣшнемъ своемъ видѣ съ 1463 года. *Св. Климента*, основанную св. епископомъ Нифонтомъ въ 1153 г., но неоднократно перестроенную. *Св. Никиты*, хотя и построенную въ XIV вѣкѣ (1378), но послѣ много разъ перестроенную, такъ что, въ настоящее время, кромѣ основы, ничего не представляющую древняго въ архитектурномъ отношеніи".

„Пробрался пустынными улицами, Андреевскою и Никитскою, на *Молотково*. Церковь Рождества Богородицы основана въ 1199 г., но многократно передѣлывалась. Между зимнею и лѣтнею церковью находится бѣдный огородишко, въ коемъ застали они священника съ заступомъ въ рукѣ. Онъ отправился за ключами и воротился къ нимъ въ новой рясѣ, красивомъ поясѣ и хорошей шляпѣ. „Богъ знаетъ, какъ перебиваются здѣшніе священники",—замѣчаетъ Погодинъ:—„у иного въ приходѣ дворовъ пятнадцать, занятыхъ

бѣдными ремесленниками, да какой-нибудь лужокъ или отхожая пустошь, и жалованья не больше сотни рублей сер. въ годъ. А всѣ они одѣты опрятно, прилично, равно какъ ихъ жены и дѣти“.

„Вотъ“,—пишетъ Погодинъ,—„*Ѳедоровскій* или *Плотницкій* ручей, упоминаемый еще въ 1134 году. Церковь *Ѳедора Стратилата* основана въ 1360 году. Сохранилась она еще лучше другихъ церквей. Старинная стѣнопись видна во многихъ мѣстахъ. Точно тоже должно сказать, — продолжаетъ Погодинъ,—и о церкви *Спаса Преображенія*, подлѣ Знаменскаго собора. Очень мало нужно работы, чтобы реставрировать всѣ эти церкви и возвратить имъ первоначальный видъ“.

Послѣ обѣда, Погодину удалось, наконецъ, проникнуть въ *Софійскую библіотеку*. „По старой охотѣ“,—пишетъ онъ,—„я перебралъ всѣ харатейныя рукописи, числомъ до 70, описанныя Купріяновымъ: драгоцѣнные матеріалы для филологіи. Какое множество богослужебныхъ книгъ. Сколько сборниковъ, ожидающихъ изслѣдованія! Каталогъ почти готовъ, и скоро можетъ выйти въ свѣтъ“.

Остальное время своего пребыванія въ Новгородѣ Погодинъ посвятилъ Неревскому концу. „Мы“,—пишетъ онъ,—„проѣхали мимо церквей: *Тихвинской* и *Николы Качанова*, знаменитаго юродиваго въ XIV вѣкѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть *Іаковлевскую* улицу, такъ называемую по церкви св. Іакова, гдѣ *Германъ* Воята былъ священникомъ, древнѣйшій переписчикъ Новгородской лѣтописи, а по мнѣнію Прозоровскаго, сочинитель. Церковь недавно разрушилась. По близости ея можно еще видѣть развалины церкви *Дмитрія Солунскаго* на Даньславлѣ улицѣ. Здѣсь же недалеко находится *часовня* на мѣстѣ жительства родителей *св. Варлаама* Хутынскаго, въ которую ежегодно бываетъ, когда-то и откуда-то, крестный ходъ“.

Засимъ Погодинъ осмотрѣлъ *Звѣринскій* женскій монастырь, основанный въ XII вѣкѣ. „Въ 1069 году на этомъ мѣстѣ“,—замѣчаетъ онъ,—„было поле, на которомъ происходило сра-

женіе съ Всеславомъ Полоцкимъ. Ручей, упоминаемый въ лѣтописи, *Кзень*, и теперь еще такъ называется — Гзенью или Гзёнкой. Между Звѣринскимъ женскимъ и Духовымъ женскимъ монастырями пространство занято, — какъ бы вы думали чѣмъ? — казармами, плацомъ и манежами — сосѣдство для святыхъ отшельницъ не совсѣмъ благопріятное".

Пользуясь остававшимся временемъ, Погодинъ, „перебравшись на другую сторону, объѣхалъ *Словенскій конецъ*; церкви: *св. Петра и Павла* на холму, построенную въ 1146 году, *св. Иліи* въ Славнѣ (1105. „Погорѣша хороми отъ ручня, мимо Славна, до св. Илiѣ") и *св. Михаила Архангела*. Здѣсь въ сосѣдствѣ была улица Варяжская, которую напоминалъ еще недавно переулокъ Варецкой. Имя свое вѣрно она получила отъ купцовъ Варяжскихъ, какъ они постоянно называются въ лѣтописи, а не отъ воиновъ, которые жили на Софійской сторонѣ. Здѣсь же можетъ быть Варяжская церковь (1217. „Въ Варяжской божницѣ изгорѣ товаръ весь Варяжской безъ числа"), находился Нѣмецкій дворъ (1152). „Погорѣ весь торгъ и отъ двора до ручья, а семи до Славна и церквей сгорѣ 8, а 9-ая Варяжская").

„Нутная улица",—замѣчаетъ Погодинъ,—„упоминаемая подъ г. 1194, существуетъ до сихъ поръ подъ этимъ именемъ. Нутная значитъ скотная, отъ нута, древнѣйшее Славянское слово, рогатый скотъ (См. статью Срезневскаго о Словарѣ Востокова).

Въ заключеніе, Погодинъ осмотрѣлъ библіотеку И. К. Купріянова и рукописи, имъ собранныя, тоже библіотеку его товарища Отто, учителя Латинскаго языка, состоящую изъ классиковъ. „Нельзя не порадоваться",—писалъ Погодинъ,— „духу любознательности, духу науки, проникающему и въ захолустья; но сколько препятствій встрѣчаетъ онъ, препятствій естественныхъ и искусственныхъ"!

Въ 9 часовъ, Погодинъ поплылъ на пароходѣ внизъ по Волхову, и вспомнилъ пѣсню:

Ивушка ты, ивушка моя,
Ивушка зеленая моя,
Какъ ѣхали бояре изъ Новагорода,
Срубили ивушку подъ самой корешекъ.

XX.

Осиротѣлый послѣ смерти П. В. Кирѣевскаго, извѣстный помощникъ его по собиранію Русскихъ пѣсень, Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, исходившій не одну губернію вдоль и поперекъ, подъ видомъ разнощика съ товаромъ, возбудилъ, разумѣется, сочувствіе къ себѣ *Русской Бесѣды*, а въ особенности И. С. Аксакова. Ему желалось устроить для Якушкина своего рода этнографическую экспедицію.

„Се самъ Якушкинъ",—писалъ Погодину И. С. Аксаковъ,— „нельзя ли чего устроить и его пристроить. Кокоревъ поручилъ брату моему передать мнѣ что-то объ Якушкинѣ, и кажется, хорошее, но Константинъ забылъ, что̀ именно".

Поприщемъ дѣятельности Якушкина избрана, сначала, Земля Войска Донского.

Въ октябрѣ 1858 года, И. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „*Русская Бесѣда* хотѣла бы послать экспедицію въ Землю Войска Донского, которая есть совершеннѣйшая terra incognita для насъ: страна неописанная, неизслѣдованная, а между тѣмъ въ высшей степени любопытная, хранящая въ себѣ много самобытнаго, своеобразнаго, служившая убѣжищемъ для гонимыхъ на сѣверѣ Руси раскольниковъ. Я слышалъ отъ раскольниковъ, что туда свезены ими драгоцѣннѣйшія древнія рукописи. Ни одно министерство не смѣетъ туда носа сунуть, и вся эта обширная область управляется столоначальникомъ Департамента Военныхъ Поселеній въ Петербургѣ. Я рѣшаюсь послать туда Якушкина, который въ дѣлахъ этого рода довольно опытенъ. Не хотите ли вы присоединиться къ этой экспедиціи—отъ лица Кокорева, который, говорятъ, поручаетъ вездѣ скупать произведенія Русской промышленности. Якушкину надо здѣсь платить долгу рублей двѣсти; ну,

чтобъ закупиться здѣсь на зиму, на путешествіе, на дорогу нужно рублей сто, не меньше—путь далекъ! Пожалуй, можно будетъ ему современемъ платить за присылаемыя статьи, но нельзя же ихъ вдругъ состряпать. *Бесѣда* даетъ двѣсти, Кокоревъ двѣсти, и того четыреста. Теперь Якушкину дадимъ, за уплатою его долговъ, рублей сто; остальные сто будутъ въ запасѣ у меня и высылаться ему, по мѣрѣ надобности, до тѣхъ поръ, пока начнется присылка статей, пѣсней и проч. Какъ вы думаете"?

За недостаткомъ средствъ, экспедиція на Донъ не состоялась, и И. С. Аксаковъ придумалъ другое. „Я вотъ что выдумалъ",—писалъ онъ Погодину,—„денегъ Кокоревскихъ мало для поѣздки на Донъ, а я думаю, что не менѣе полезно послать Якушкина въ глубь Новгородской губерніи, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Есть тамъ такія глухія мѣста, отдѣленныя отъ прочихъ болотами, въ которыя можно попасть только зимою и куда власть никогда не заглядывала. Тамъ хранится бытъ до-Рюриковскій. Я хорошенько не знаю, гдѣ это? Не знаете ли вы? 2) Любопытно поискать—нѣтъ ли гдѣ отрыжекъ Новгородскаго духа? 3) Кто знаетъ—можетъ быть найдется какая-нибудь вѣчевая грамота. Покойный баронъ Врангель разсказывалъ мнѣ, что лѣтъ тридцать тому назадъ, случайно, по болѣзни, зажился онъ очень долго у одного купца Новгородской губерніи, и пріобрѣлъ его довѣренность; тогда купецъ рѣшилъ показать ему въ сундукѣ хранившіяся грамоты XIV и XV вѣка. Путешествіе будетъ стоить дешево,—по желѣзной дорогѣ, а тамъ гдѣ нѣтъ, гдѣ на саняхъ, и свѣдѣнія объ Якушкинѣ легко имѣть. До свиданья, любезный Михаилъ Петровичъ".

Такимъ образомъ, въ концѣ 1858 года, П. И. Якушкинъ, для собиранія разныхъ статистическихъ и историческихъ данныхъ, отправился въ Новгородскую губернію. *Русская Бесѣда*, съ своей стороны, просила Якушкина вести путешественный дневникъ, въ формѣ путевыхъ писемъ, внося въ нихъ всѣ свои встрѣчи и разговоры, все, что будетъ имъ за-

мѣчено хорошаго и дурнаго безразлично, не пренебрегая никакими мелочами и не заботясь о критической разработкѣ.

Исполняя возложенное на него порученіе, Якушкинъ дневникъ свой, подъ заглавіемъ *Путевыхъ писемъ изъ Новгородской губерніи*, печаталъ въ *Русской Бесѣдѣ*:

Дневникъ начинается 29 ноября 1858 г. (изъ Твери). „Вчера я пріѣхалъ въ Тверь съ тяжелымъ поѣздомъ",—такъ начинаетъ Якушкинъ дневникъ свой,—„дорога была скучная; отъ нечего дѣлать, я подсѣлъ къ мужикамъ; разговорились о Кокоревѣ; кто-то похвалилъ домъ его въ Москвѣ, близъ Петровки.

— „Небось цѣлковыхъ шесть стоитъ",—замѣтилъ одинъ изъ мужиковъ.

— „Бываютъ дома и дешевле",—отвѣтилъ на это другой.

— „Какъ, дешевле шести цѣлковыхъ", сказалъ я?

— „Много дешевле".

— „Какіе же такіе дома"?

— „А вотъ, что одна лошадь домовъ по двадцати возитъ".

— „Въ этихъ домахъ всякому жить придется"!—замѣтилъ сѣдой старикъ, покачавъ головою: называются только они гробами, а то тоже домовина, стало быть—домъ".

Изъ Старой Русы Якушкинъ писалъ Погодину: „Нашелъ хронографъ и прекраснаго письма, доходящій до 1613 г. Еще псалтырь, напечатанный, кажется, при Грозномъ; да шеломъ, найденный въ курганахъ Кіевской губерніи. Мѣстъ по Ильменю такихъ нѣтъ, какъ говорилъ И. С. Аксаковъ; но населенныя мѣста есть на восточномъ берегу Ильменя, но тамъ каждую весну заливаетъ полою водою. Пойду туда; а послѣ пойду къ Порхову; тамъ, говорятъ, чудеса дѣлаются: колокола вѣчевые и теперь гудятъ. У тамошнихъ раскольниковъ много книгъ; солдатики отъ нихъ крадутъ, да по четвертачку продаютъ. Можетъ быть и можно попользоваться. Брошюры ваши мнѣ сильно помогаютъ. Особенно споръ митрополита Даніила съ Максимомъ Грекомъ".

Но экспедиція, затѣянная И. С. Аксаковымъ, увѣнчалась весьма непріятнымъ столкновеніемъ Якушкина съ Псковскою полиціею. Столкновеніе это въ то время произвело много журнальнаго шума и особенно оскорбило Редакцію *Русской Бесѣды*, и отъ нея было заявлено слѣдующее: „Въ предисловіи къ *Путевымъ письмамъ изъ Новгородской губерніи*, мы упомянули о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя невѣжество сельскихъ и земскихъ полицій противопоставляетъ всякому этнографическому изслѣдованію, всякому живому изученію народнаго быта. Оказывается, что мы совершенно напрасно поцеремонились относительно городскихъ полицій, и, говоря о сотскихъ и становыхъ, совершенно несправедливо пощадили гг. квартальныхъ, частныхъ и полицеймейстеровъ. Арестъ Якушкина въ Псковѣ служитъ тому самымъ убѣдительнымъ, и—признаться—возмутительнымъ и вопіющимъ доказательствомъ. Якушкинъ, по порученію *Русской Бесѣды*, перешелъ изъ Новгородской губерніи (откуда писалъ онъ *письма*, помѣщенныя въ нашемъ журналѣ) въ Псковскую губернію, съ тою же цѣлью, т.-е. съ цѣлью изученія особенностей быта крестьянъ Псковской губерніи, собранія пѣсень, сказокъ, преданій и т. п. Занятія Якушкина такого рода, что одѣваться по Русски ему необходимо, а между тѣмъ—странное и грустное положеніе дѣлъ! Надѣньте Нѣмецкое платье,—вы становитесь подозрительны народу; надѣньте Русское,—вы навлечете на себя подозрѣніе полиціи. Русское платье на „губернскомъ секретарѣ“ кажется чѣмъ то такимъ зловѣщимъ въ глазахъ нашихъ блюстителей порядка, является такимъ диссонансомъ въ гармоніи полицейской, такимъ отступленіемъ отъ полицейскаго идеала благоустройства, что право, подобнаго рода этнографическія экспедиціи въ Русскихъ губерніяхъ требуютъ почти такой же смѣлости и отваги, исполнены чуть ли не такихъ же опасностей, какъ и экспедиціи въ глубь Африки, въ Патагонію, къ дикимъ Новой Голландіи, къ Чирокисамъ или Ботокудосамъ!.. Арестовать человѣка безъ всякаго видимаго основанія, продержать его дней десять,

Богъ знаетъ въ какомъ гнусномъ и смрадномъ помѣщеніи, не наводя даже объ немъ справокъ, и потомъ выпустить его—также безъ законнаго основанія,—весь этотъ отвратительный произволъ считается у насъ, къ несчастію, такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, такимъ обыденнымъ явленіемъ, что нисколько не смущаетъ совѣсти полицейскихъ властей, и даже, по ихъ мнѣнію, не заслуживаетъ, ни порицанія, ни протеста!

„Такъ какъ по дѣлу оказывается, что *Русской Бесѣдѣ* не приходится услаждать часы полицейскаго досуга въ губерніяхъ (на что, впрочемъ, мы и притязанія не изъявляли), то мы просимъ журналы и газеты, болѣе нашего распространенные, дать приличную огласку настоящему случаю.

„Справедливость требуетъ однако же замѣтить, что самого губернатора въ это время въ городѣ не было, да и вообще онъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ находится въ отсутствіи по дѣламъ службы. Нѣтъ сомнѣнія, что Валеріанъ Николаевичъ Муравьевъ немедленно положилъ бы предѣлъ ревности своихъ чиновниковъ; тѣмъ не менѣе, считаемъ долгомъ обратить его вниманіе на это происшествіе, и надѣемся, что имъ приняты будутъ всѣ необходимыя мѣры, какъ къ предупрежденію подобныхъ беззаконій на будущее время, такъ и къ улучшенію арестантскаго помѣщенія при полиціи, которое, по описанію Якушкина, болѣе похоже на коровій хлѣвъ или собачью конуру, чѣмъ на человѣческое жилище“....

Съ своей же стороны, Якушкинъ напечаталъ въ *Русской Бесѣдѣ* статью, подъ заглавіемъ: *Проницательность и усердіе губернской полиціи*, въ которой подробно разсказалъ о страданіяхъ, причиненныхъ ему Псковскою полиціею. Статья эта возбудила особенное вниманіе „какъ явленіе, выходящее изъ предѣла обыкновенной Русской гласности“, и вызвала слѣдующій любопытный отвѣтъ Псковскаго полиціймейстера Гемпеля: „Статья Якушкина“,—писалъ Гемпель,—напечатанная въ октябрьской книжкѣ *Русской Бесѣды* 1859 г., и потомъ перепечатанная въ другихъ Московскихъ журналахъ и газетахъ, произ-

вела большой эффектъ въ кругу нашей читающей публики; многіе признали ее даже за образецъ гласности истинной, такой гласности, которая одна можетъ принести благодѣтельные плоды. Но утверждающіе это согласятся, конечно, съ тѣмъ, что гласность только тогда можетъ назваться полною, когда судья, выслушивая обвиняющаго, выслушиваетъ также обвиненнаго; вотъ почему я надѣюсь, что прочитавшіе статью Якушкина удѣлятъ полчаса времени и для этого объясненія, написаннаго человѣкомъ, котораго милое остроуміе и изящное краснорѣчіе Якушкина выставили въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ. Вотъ какъ было дѣло:

„22 августа 1859 года, Якушкинъ былъ представленъ мнѣ приставомъ 1-й части, за неимѣніемъ законнаго вида, вмѣсто котораго Якушкинъ предъявилъ копію съ прошенія, поданнаго имъ становому приставу Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда; въ прошеніи томъ было сказано, что Якушкинъ, въ 1857 году, потерялъ отпускной билетъ, выданный ему изъ Харьковскаго Уѣзднаго Училища, безъ обозначенія числа и мѣсяца и должности, которую онъ занималъ въ Уѣздномъ Училищѣ. Это обстоятельство, прямо противорѣчившее закону, по которому никто не можетъ проживать безъ установленнаго вида, заставило меня задержать Якушкина и представить, вмѣстѣ съ его видомъ, г. исправляющему должность начальника губерніи. Г. управляющій губерніею нашелъ видъ г. Якушкина совершенно незаконнымъ и велѣлъ задержать его впредь до полученія о немъ справокъ, почему я заарестовалъ Якушкина при полиціи, въ дежурной комнатѣ, и велѣлъ сдѣлать сношеніе о дѣйствительности его показанія съ Харьковскимъ Уѣздныхъ Училищемъ и Малоархангельскимъ Земскимъ Судомъ. Послѣ того, 23 августа, утромъ, придя въ полицію, я зашелъ въ комнату, гдѣ находился Якушкинъ, и объяснилъ ему, какія могутъ быть послѣдствія его оплошности отъ неимѣнія при себѣ законнаго вида; на что Якушкинъ сказалъ мнѣ, что онъ уже разъ былъ задержанъ какимъ-то становымъ и потомъ, вслѣдствіе его

просьбы, освобожденъ; при этомъ Якушкинъ убѣдительно просилъ меня объ его освобожденіи изъ-подъ ареста. Будучи тронутъ просьбою Якушкина и по человѣческому чувству состраданія, я повѣрилъ клятвамъ Якушкина въ дѣйствительности званія его и въ томъ, что неимѣніе законнаго вида есть одно его незнаніе всѣхъ формальностей и, не смотря на отвѣтственность, могущую пасть на меня за неточное исполненіе приказанія г. начальника губерніи, освободилъ его изъ-подъ ареста, взявъ съ него честное слово — на другой же день отправиться изъ Пскова. При этомъ, разсмотрѣвъ поношенный костюмъ Якушкина, который состоялъ изъ поношеныхъ кучерской плисовой поддевки и такихъ же шароваръ, спущенныхъ въ голенище, я предложилъ ему на дорогу денегъ одинъ руб. сер., отъ котораго онъ не только не отказался, но который съ удовольствіемъ принялъ.

„25 августа, полиція получила секретную бумагу изъ Верровскаго Орднунгсъ-Герихта, что въ одну корчму заходили двое прохожихъ и у одного изъ нихъ, при расплатѣ за обѣдъ, замѣчено было нѣсколько депозитныхъ билетовъ. На другой день, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ корчмы, тотъ, у котораго были деньги, найденъ убитымъ. Описанный въ бумагѣ костюмъ товарища убитаго имѣлъ большое сходство съ костюмомъ Якушкина. Это возбудило во мнѣ невольное подозрѣніе на Якушкина, и я тотчасъ приказалъ приставу 1-й части и квартальному надзирателю 2-го квартала разузнать, не находится ли еще въ городѣ Якушкинъ. По справкамъ оказалось, что онъ былъ въ одномъ кабакѣ и заложилъ тамъ свою плисовую поддевку, и потомъ ушелъ куда, неизвѣстно. Въ тотъ же вечеръ приставъ и квартальный съ десятскимъ отправились на станцію желѣзной дороги и нашли Якушкина сидѣвшаго въ вагонѣ 3-го класса; замѣтивъ квартальнаго, онъ снялъ очки и сталъ прятаться за сидѣвшаго съ нимъ рядомъ мужика; тогда приставъ задержалъ его и представилъ ко мнѣ. Тутъ первое, что бросилось мнѣ въ глаза, было то, что Якушкинъ, вмѣсто своей прежней плисовой

поддевки, былъ теперь переодѣтъ въ сѣрый оборванный полукафтанъ, и находился въ нетрезвомъ видѣ. Онъ началъ мнѣ приносить жалобы, что его задержали, не зная за что; но я былъ столь осмотрителенъ, что, не объясняя ему причины, могущей его оскорбить, сказалъ только, что г. приставъ задержалъ его потому, что, нѣсколько дней тому назадъ, видѣлъ его въ плисовой поддевкѣ, а теперь въ изорванномъ сѣромъ полукафтанѣ, что и возбудило его невольное подозрѣніе. Тутъ же я замѣтилъ Якушкину, что онъ въ нетрезвомъ видѣ, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что всѣ умные люди любятъ выпить. Послѣ этого, найдя лишнимъ объясняться съ нимъ далѣе, я попросилъ его снова остаться подъ арестомъ, до времени полученія о немъ справокъ, и велѣлъ унтеръ-офицеру, находящемуся при полиціи, исполнить, по возможности, желанія Якушкина, снабжать его обѣдомъ и прислуживать ему. Спустя три дня, я узналъ отъ директора Псковской Гимназіи, что Якушкинъ дѣйствительно изучаетъ бытъ Русскаго народа, и что по этому предмету есть его статьи, помѣщенныя въ *Русской Бесѣдѣ*. Вслѣдствіе этого, я велѣлъ его освободить изъ-подъ ареста, и, попросивъ его къ себѣ, объяснилъ ему вторично, что по письменному виду его, я долженъ бы былъ его задержать, впредь до полученія справокъ и что это должно продлиться не менѣе трехъ мѣсяцевъ, но что я согласенъ освободить его, такъ какъ получилъ о немъ нѣкоторыя удовлетворительныя свѣдѣнія отъ директора Гимназіи. При этомъ я совѣтовалъ ему отправиться прямо въ Москву, для полученія законнаго вида на проживаніе во всѣхъ городахъ.

„Якушкинъ, прощаясь со мною, просилъ дать ему еще денегъ; я отдалъ бывшіе при мнѣ въ то время три рубля семь коп. сер., и съ того времени не знаю, куда отправился Якушкинъ. Спустя нѣсколько дней, я узналъ, что Якушкинъ, во время своего ареста, взялъ у унтеръ-офицера Ѳедосѣева, находящагося при полиціи, десять руб. сер., которые я тогда же приказалъ уплатить изъ своего жалованья. А когда полу-

чилъ изъ Москвы, отъ Аксакова, пятьдесятъ руб. сер., для передачи Якушкину, то я въ тотъ же день отправилъ ихъ обратно, не упомянувъ даже изъ деликатности, что Якушкинъ взялъ у меня четыре рубля семь копѣекъ и отъ унтеръ-офицера Ѳедосѣева десять руб. сер., которые и понынѣ, въ теченіе болѣе полутора мѣсяца, не возвращены.

„Что касается до обвиненія меня Якушкинымъ въ томъ, что я посадилъ его въ общую арестантскую, то это объясняется слѣдующимъ образомъ: Якушкинъ, во время перваго ареста, въ три часа ночи, замѣтивши, что находившійся при немъ дежурный десятскій задремалъ — отворилъ окно и свѣсилъ ноги, намѣреваясь, вѣроятно, спрыгнуть. Десятскій, услыхавъ стукъ, схватилъ его за руки и закричалъ. На крикъ пришелъ унтеръ-офицеръ Ѳедосѣевъ и, побоявшись, чтобы Якушкинъ снова не повторилъ своего намѣренія, до моего прибытія посадилъ его въ общую арестантскую.

„Таковы были обстоятельства этого дѣла. Правъ ли я юридически—пусть судитъ публика; а что я долженъ былъ поступать юридически — въ томъ, надѣюсь, согласится всякій, кто вспомнитъ, что я лицо оффиціальное, человѣкъ обязанный руководствоваться статьями закона и не отступать отъ нихъ ни на шагъ. Крайне непредставительная личность Якушкина. постоянно нетрезвый видъ его, переодѣванья, сопряженныя съ этимъ другія постороннія обстоятельства, о которыхъ я говорилъ выше, отсутствіе законнаго вида — все это должно было, поневолѣ, возбудить мое подозрѣніе.

„Что касается до моей „гвардейской любезности“, надъ которою такъ мило шутитъ Якушкинъ, то я, право, не могу ручаться, что не назвалъ Якушкина: „мой милый“. Такое выраженіе невольно вырывается у человѣка, когда передъ нимъ стоитъ другой—оборванный, въ нетрезвомъ видѣ и принимающій, какъ милость, рубль, три рубля, да еще копѣйки. Я бы не упоминалъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, еслибъ Якушкинъ не самъ вызвалъ меня на это. Ужъ если онъ началъ говорить о моей любезности, то не мѣшало бы

ему прежде упомянуть о той, которая дала ему средство выѣхать изъ Пскова.

„Въ заключеніе, замѣчу одно, еще одно: въ статьѣ своей Якушкинъ, между прочимъ, посылаетъ поклонъ и дружески жметъ руку полицейскому унтеръ-офицеру Ѳедосѣеву... Я думаю, что этому человѣку было бы гораздо пріятнѣе получить, вмѣсто теплаго привѣта, десять руб. сер., которыми онъ снабдилъ Якушкина и которыхъ этотъ послѣдній до сихъ поръ не потрудился выслать. Такое забвеніе уменьшаетъ умилительное впечатлѣніе, производимое дружбою Якушкина къ бѣдному унтеръ-офицеру.

„Я сказалъ все. Знаю, какъ трудно мнѣ бороться въ печати съ Якушкинымъ; на его сторонѣ— талантъ, даръ смѣяться забавно и остро, роль жертвы, всегда возбуждающая сочувствіе, предубѣжденіе публики противъ полиціи, наконецъ, нѣкоторыя ошибки съ моей стороны; въ свою защиту я призову одну истину, истину, которую подтверждаютъ факты и которую такъ умышленно исказилъ Якушкинъ. Положа руку на сердце, могу сказать, что какъ человѣкъ, я выказалъ и доказалъ фактически свое сочувствіе къ Якушкину, а какъ лицо оффиціальное, не имѣлъ никакого права отступить отъ законнаго порядка. Правда, я нарушилъ этотъ порядокъ тѣмъ, что, изъ снисхожденія, выпустилъ Якушкина изъ-подъ ареста до собранія нужныхъ справокъ; но, надѣюсь, никто изъ публики не поставитъ мнѣ этого въ вину, хотя передъ начальствомъ своимъ я и обязанъ отвѣчать за нарушеніе постановленій“.

Якушкинъ, на это свидѣтельство Псковскаго полиціймейстера Гемпеля написалъ возраженіе, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Оборваннымъ я ходилъ; но когда же видѣлъ меня пьянымъ г. полиціймейстеръ? Въ полиціи я напиться не могъ, а въ другомъ мѣстѣ мы съ нимъ не встрѣчались; я бы рѣшительно не скрылъ этого обстоятельства, еслибъ оно только было. По роду моихъ занятій, мнѣ приходится бывать и на свадебныхъ крестьянскихъ попойкахъ, записывать пѣсни и въ кабакахъ, и въ трактирахъ. Да, именно

въ *кабакахъ*. Я нѣсколько лѣтъ сряду, по порученію П. В. Кирѣевскаго, ходилъ по Россіи разнощикомъ съ коробкою, слѣдовательно подвергался всѣмъ внѣшнимъ неудобствамъ такого грубаго образа жизни; за то былъ вознагражденъ обиліемъ пѣсень и сказаній, записанныхъ мною нерѣдко въ какомъ-нибудь темномъ углу кабака или подвала, отъ подпившаго странника или гуляки. Очень часто случалось съ ними и выпить" [79]).

По возвращеніи въ Москву, Якушкинъ посѣтилъ Погодина, и послѣдній лаконически записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 16 сентября 1859 года, слѣдующее: „Разсказъ Якушкина".

XXI.

Подъ впечатлѣніемъ своей поѣздки въ Новгородъ, Погодинъ рѣшился „сказать нѣчто о Древней и Новой Русской жизни яснѣе, нежели какъ говорилъ до сихъ поръ". Побужденіемъ къ тому было также и чтеніе Исторіи Петра Великаго, написанной Устряловымъ.

„Вы увидите,—писалъ онъ въ отвѣтѣ своемъ И. Е. Забѣлину, — что я также стараюсь читать между строками и работа моя надъ Новымъ-городомъ не ограничивается списками улицъ, церквей, монастырей, князей, бояръ, вѣчь и проч.. но это второе чтеніе, между строками, я отдѣляю отъ первоначальнаго чтенія по строкамъ, которое имѣю честь представлять въ своихъ *Изслѣдованіяхъ* молодымъ друзьямъ Исторіи, напрасно обвиняющимъ меня, вслѣдствіе смѣшенія этихъ понятій.

„Съ особеннымъ удовольствіемъ, прежде всего, повторяю я здѣсь кстати прекрасныя слова Ивана Земца *), кои служатъ вмѣстѣ мнѣ вѣрнымъ залогомъ, что онъ оставитъ свои случайныя предубѣжденія, и принесетъ, если еще не приносилъ, истинную пользу любезной нашей Русской Исторіи (а

*) Псевдонимъ И. Е. Забѣлина. *Н. Б.*

любить ее нельзя бы, прибавлю здѣсь кстати, еслибъ она представляла одно дурное)!

„И какъ освѣжительно бываетъ это первое, какъ бы весеннее вліяніе мысли среди черной, скучной, кропотливой, безотрадной работы, среди читанья, перечитыванья, выписыванья, сличенья и т. д.; волею неволею вы подчиняетесь этому первому сверкнувшему вамъ лучу, радуетесь ему, какъ ребенокъ, желаете освѣтить этимъ лучомъ всю массу собранныхъ вами фактовъ, и даже начинаете при его свѣтѣ новый пересмотръ источниковъ, провѣрку того, что̀ уже было заготовлено. Но увы! весьма часто такой свѣтъ оказывается недостаточнымъ, или, какъ говорятъ, ложнымъ; мало-по-малу онъ гаснетъ, и вы остаетесь еще въ большей темнотѣ среди своихъ матеріаловъ, и продолжаете тяжелый трудъ до тѣхъ поръ, пока онъ снова не осмыслится, снова не освѣтится мыслію, болѣе свѣтлою, сильною, болѣе слѣдовательно вѣрною, истинною".

Сдѣлавъ эту выписку изъ Забѣлина, Погодинъ продолжаетъ: — „Грустное, прискорбное чувство произвелъ во мнѣ Новгородъ, когда, прежде, я разбиралъ его лѣтописи, а послѣ ходилъ въ раздумьѣ по пустымъ его улицамъ, между полуобрушенными заборами. Что изъ него стало? Гдѣ слѣды долговрменной, можетъ быть, тысячелѣтней жизни? Ни преданій, ни учрежденій, ни даже развалинъ, никакихъ остатковъ! Однѣ церкви и названія улицъ. Что же за причина?

„А Новгородъ находился несравненно въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, нежели всѣ прочія Русскія княжежества. Онъ былъ силенъ, когда Кіевъ, Владиміръ, Москва, таились въ зародышахъ. Всѣ сосѣди были его слабѣе. Случались, наконецъ, моменты, которые могли пробудить всякую дѣятельность, навести на новыя мысли, напримѣръ, при отраженіи рати Боголюбскаго, послѣ тяжелыхъ опытовъ съ нимъ и отцомъ его Юріемъ Долгорукимъ! Далѣе — моментъ умерщвленія Боголюбскаго, когда вся низовская земля, по лѣтописному выраженію, сильно *взмялась*. Моментъ Липецкой

побѣды, предавшей ему въ руки все опасное для него Суздальское княжество.

„Нѣтъ, не умѣли Новгородцы воспользоваться ни однимъ изъ этихъ моментовъ, и оставались среди всѣхъ успѣховъ in statu quo, представляя по временамъ блистательныя черты великодушія, благородства, безкорыстія, твердости, неустрашимости. Сплоховалъ Мирошка, не догадался Якунъ, прозѣвали Мирославъ, Михалко, Твердиславъ! И палъ Новгородъ, и слѣдъ его развѣялся по вѣтру! Что же это значитъ? Значитъ, что въ немъ не было залога твердости, залога развитія.

„Если же этого залога не было въ Новѣгородѣ, который жилъ столько времени особою жизнью, безъ помѣхи, и могъ бы развиться, еслибъ имѣлъ способность развитія, то нѣтъ его и вообще въ Славянскомъ восточномъ элементѣ. Чтобы жить и преуспѣвать, нужно привиться къ нему другому Европейскому элементу, то-есть западному. Для тучной Русской почвы нужно Европейское сѣмя,—и вотъ необходимость, законность Петра!

„Напрасно будутъ говорить, какъ и было уже говорено, что Европейское образованіе могли мы заимствовать тихо, мирно, постепенно, добровольно. Напрасно, — потому что тотъ же Новгородъ, испоконъ вѣка находившійся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Норманнами, самымъ Европейскимъ племенемъ VIII, IX и X вѣковъ; потомъ съ Нѣмцами, поселившимися у него подъ бокомъ, и наконецъ съ Ганзою,—все-таки остался при своемъ, ни взадъ, ни впередъ. Значитъ, старое или хоть устарѣлое дикое мясо нужно было прижечь ляписомъ.

„Любезный мой рецензентъ *) согласится теперь, что я, любя Хомякова, любя Аксакова, все-таки люблю больше ихъ истину.

„Приложу еще доказательство, хоть и сказалъ мнѣ покойный Иннокентій, прочитавъ первые тома *Изслѣдованій*: вотъ вашъ важный порокъ, — вы не довольствуетесь доказывать,

---

*) Т.-е., И. Е. Забѣлинъ. *Н. Б.*

что дважды два четыре; вы продолжаете и непремѣнно настаиваете на четыре съ половиною.

„Не знаю, согласится ли со мною мой ученый другъ, какъ говорятъ Англичане, Алексѣй Степановичъ *), что Новгородъ доказываетъ собою необходимость Петра, какъ дважды два четыре, и потому я прибавлю здѣсь еще половину, лишнюю для западниковъ, недостающую, можетъ быть, для восточниковъ.

„Раскольники представляютъ, по моему мнѣнію, другое, разительное доказательство, что одного Русскаго элемента мало для развитія жизни, въ Европейскомъ значеніи этого слова. Раскольники остались при своемъ, не подверглись Европейскому, Петрову вліянію, приняли въ себя еще новую силу значительную, силу гоненія, — что же они представили даже въ своей религіозной сферѣ, въ коей вращаются преимущественно? Ничего. Они ушли назадъ, а не впередъ, и нѣкоторыя на первый взглядъ важныя положенія, ими выработанныя, не представляютъ никакой жизненности, никакой подвижности, никакой зелени: это гнилые плоды. Опять необходимость Европейскаго начала, и слѣдовательно, Петра!

„Довольно ли, или еще мало? Была не была: иду нà-пять.

„Прочтите двѣ-три страницы *Царскихъ Выходовъ*, изданныхъ Строевымъ, и двѣ-три страницы какого-нибудь Петровскаго юрнала, изданнаго теперь Устряловымъ, въ Азовѣ, Воронежѣ или Амстердамѣ, и наконецъ вспомните, что надъ старой Россіей, предъ революціей Петровой, занесенъ уже былъ мечъ Карла XII! Теперь еще сердце бьется отъ страха!

„Нѣтъ, друзья мои, восточные и западные, которыхъ (искреннихъ) люблю одинаково (восточныхъ впрочемъ болѣе), хоть и не принадлежу никакимъ вашимъ и нашимъ, Петръ былъ необходимъ, Петръ—великое лицо въ Исторіи Россіи, въ Исторіи Европы, въ Исторіи человѣчества, — говорю это въ чувствахъ полнѣйшаго уваженія къ Древней Русской Исторіи, и къ старой Русской жизни.

*) Хомяковъ. *Н. Б.*

„Но Петръ имѣетъ свои темныя стороны. О, я совершенно съ этимъ согласенъ, и даже боюсь, что Устряловъ (которому Русская Литература обязана искреннѣйшею, глубочайшею благодарностію за многое), скрылъ, занавѣсилъ нѣкоторыя темныя черты Петровы, какъ скрыли ихъ (и да будутъ за это историко-критически прокляты!) нѣкоторые прежніе издатели Петровыхъ писемъ. Боюсь, потому что, по моему мнѣнію, эти темныя черты Петра возвышаютъ еще болѣе блескъ его лучезарнаго образа, и, представляя драгоцѣнныя быти, дѣи (чтобъ не сказать факты), для психологіи, присоединяютъ новый могущественный урокъ Исторіи, какому нѣтъ нигдѣ подобнаго.

„Но отъ частнаго воротимся къ общему.

„Нѣкоторыя Петровы сѣмена Европейскія, западныя сѣмена, привитыя начала, дали горькій плодъ, другія пришли не къ почвѣ—смѣшно изъ-за нихъ осуждать прочія, и восточники впадаютъ, относительно Новой Исторіи, въ ту ошибку, въ коей они справедливо обвиняютъ западниковъ, въ отношеніи къ Древней.

„Задача времени зрѣлаго, просвѣщеннаго, разбирать sine ira et studio, чтó хорошо, чтò дурно, какъ замѣчено выше, и быть собою" [80]).

Это разсужденіе, напечатанное въ западномъ журналѣ *Атеней*, крайне не понравилось Славянофиламъ, по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, а именно А. И. Кошелевъ, писалъ Погодину слѣдующее: „Ну! написали вы статейку въ *Атеней!*.. Что за страсть у васъ, дражайшій Михаилъ Петровичъ, становиться одиночкою — судить тѣхъ и рядить другихъ. Тутъ величайшая и чистѣйшая ошибка. Вы думаете, что высказавъ откровенно свою мысль, вы этимъ пріобрѣтаете авторитетъ безпристрастія. Нѣтъ! Они чуютъ, что вы не съ ними, но вашими словами они будутъ бить насъ и вашимъ изрѣченіямъ дадутъ такой просторъ, какого вы и не ожидали. Съ сущностью вашей мысли я вполнѣ согласенъ и всегда считалъ Петра не игрою обстоятельствъ, а необходимостію историче-

свою для нашего блага. Но слова, вами сказанныя спросту, будутъ истолкованы Богъ вѣсть какъ, и будьте увѣрены, что не разъ вы пожалѣете о своемъ неосторожномъ поступкѣ. Нѣтъ! нехорошо, даже невыгодно отбиваться въ сторону. О Русскіе! Составимъ коммиссію—ты себѣ а я себѣ".

Въ самомъ началѣ 1858 года, Погодину пришла мысль написать письмо къ государю. Подъ 5 января 1858 года *Дневника* его читаемъ: „Пріобщался Св. Тайнъ. Довольно благочестиво. Думалъ о церкви и письмѣ къ государю. Былъ въ церкви".

О содержаніи этого письма мы узнаемъ изъ письма къ Погодину князя Вас. А. Долгорукова (27 февраля 1858 г.): „Государь императоръ изволилъ получить всеподданнѣйшее письмо ваше, безъ числа, и высочайше поручилъ мнѣ сообщить вамъ, что всякаго рода сочиненія и журнальныя статьи, написанныя въ благонамѣренномъ духѣ и съ должнымъ благоразуміемъ, могутъ принести одну только пользу, вслѣдствіе чего, при соблюденіи правилъ, въ этомъ смыслѣ данныхъ къ руководству цензурѣ, печатаніе подобныхъ сочиненій и статей въ Россіи не можетъ встрѣтить никакого препятствія.

„Что касается до помѣщенія статей о нашемъ Отечествѣ въ заграничныхъ журналахъ, то его величество, усматривая изъ вашего письма, что вы составили себѣ по сему предмету планъ, изволитъ желать, чтобы вы объяснили обстоятельно, въ чемъ этотъ планъ состоитъ и какимъ образомъ вы полагали привести его въ исполненіе.

„Затѣмъ статьи, которыя вы будете предназначать для иностранныхъ газетъ, государь императоръ предоставляетъ вамъ присылать ко мнѣ, а здѣсь, по разсмотрѣніи оныхъ, будетъ рѣшаемо, могутъ ли онѣ получить дальнѣйшее движеніе или нѣтъ".

Сохранилось *два проекта отвѣта* Погодина князю Вас. А. Долгорукову:

I. „Я получилъ письмо вашего сіятельства, отъ 27 фе-

враля. Планъ дѣйствій на Европейскую публику письменно изложить нѣтъ никакой возможности. Не говоря о прочемъ, онъ подвергается безпрестанно измѣненіямъ, смотря по обстоятельствамъ. Статей въ иностранныя газеты посылать отъ себя я болѣе не намѣренъ".

II. „Мнѣ пятьдесятъ восьмой годъ, я академикъ уже тридцать лѣтъ, и болѣе двадцати былъ профессоромъ Политической Исторіи. Вспомните мои письма въ продолженіе послѣдней войны, сравните ихъ съ послѣдовавшими событіями, и вы согласитесь, что мнѣ посчастливилось видѣть Русскія дѣла яснѣе собранія всѣхъ нашихъ министровъ. Прочтите мое донесеніе покойному Уварову въ 1839 году, съ предсказаніями происшествій 1848 года; и вы согласитесь, что мнѣ посчастливилось видѣть Европейскія дѣла яснѣе и Меттерниха и Гизо. Газетеромъ же я никогда не бывалъ, и если писалъ иногда для газетъ, то только при особыхъ случаяхъ, когда моя статья получала значеніе происшествія. Меня просить могутъ и впредь о написаніи газетной статьи, и я могу исполнить просьбу, если она не противорѣчитъ моимъ убѣжденіямъ, но чтобъ я самъ сталъ напрашиваться на помѣщенія своихъ статей и ожидать приговора изъ какой-нибудь канцеляріи, гдѣ будетъ рѣшаемо, могутъ ли онѣ получать дальнѣйшее движеніе или нѣтъ, — помилуйте, за кого же вы меня принимаете? Для какого благополучія буду такъ я унижаться? Развѣ я пишу статьи эти для себя? Касательно сообщенія плана долженъ объяснить слѣдующее: Всякая статья, по конфирмованному плану написанная и за собственное личное мнѣніе выданная, есть уже фальшивый поступокъ. Съ какимъ лбомъ буду я проповѣдовать Европейской публикѣ отъ своего имени то, что подскажетъ мнѣ, или одобритъ подъ рукою само Правительство. Вѣдь я буду ее обманывать. Нѣтъ, князь, я не графъ Де ла Героньеръ, не Гранье де-Кассаньякъ, и перо мое не продажное. Скажу еще вамъ вотъ что: слово, проходя чрезъ оффиціальное чистилище, лишается, по какому-то таинственному нравствен-

ному закону, своей убѣдительной силы, выдыхается, какъ вино, въ откупоренной бутылкѣ, и не достигаетъ цѣли. Неужели вы не знаете, какому презрѣнію подвергаются вездѣ такъ называемыя оффиціальныя статьи подкупленныхъ газетчиковъ. Онѣ не только не приносятъ пользы, но вредятъ въ высшей степени, унижая Правительство. Только свободное, независимое искреннее слово производитъ дѣйствіе, и вотъ вамъ тайна успѣха нѣкоторыхъ моихъ статей, самими вами засвидѣтельствованная. Вы замѣчаете, что въ письмѣ моемъ государю императору не было выставлено числа. Точно—я позабылъ выставить число, потому что *негодованіе* и перспектива, открытая мнѣ полиціей, лишила меня на ту пору памяти. Государя я полюбилъ лично, мимо его сана, имѣвъ честь принимать его у себя въ домѣ, говоривъ съ нимъ искренно нѣсколько разъ подолгу о самыхъ важныхъ политическихъ предметахъ, почувствовавъ уваженіе къ нѣкоторымъ его дѣйствіямъ и словамъ. Неожиданное извѣстіе объ его *негодованіи* меня изумило, и послѣ тяжелой борьбы съ оскорбленнымъ самолюбіемъ, я рѣшился объяснить ему письменно происхожденіе своей статьи, напечатанной въ *Le Nord* и узнать, лишился ли я его благоволенія или нѣтъ. Неугодно ему отвѣчать на мой вопросъ, я удалюсь въ свое уединеніе, предаваясь любимому предмету,—совершенно спокойный, исполнивъ свои обязанности. Не удивляйтесь моему рѣзкому тону: всю свою жизнь я занимаюсь Исторіей, и всякій день призываю къ своему письменному столу то Петра, то Екатерину, Александра, Іоанновъ (а Рюрикъ такъ и не отходитъ отъ него), допрашиваю ихъ, и произношу имъ судъ, хвалю, порицаю,—всѣ великіе міра сего составляютъ ежедневное мое общество: мудрено ли, что я привыкъ обращаться съ ними безъ церемоній. Потому-то и Николай Павловичъ былъ для меня только сыномъ Павла, внукомъ Екатерины, и я говорилъ съ нимъ такимъ языкомъ, о какомъ не смѣлъ думать никто изъ его приближенныхъ. Это было

при жизни, а скончавшійся онъ совершенно поступилъ въ мое вѣдомство, и что я напишу объ немъ, то останется навѣки вѣковъ, какъ историческое свидѣтельство. Вотъ происхожденіе моего тона. Подъ старость перемѣняться мнѣ уже нѣтъ и физической возможности: я сознаю свою силу, ничего не желаю, и не въ чемъ не имѣю нужды".

Въ то же время Погодинъ писалъ графинѣ А. Д. Блудовой: „Черкните мнѣ слова два о положеніи дѣлъ. — Не чуетъ ли хоть чего ваше сердце, если умомъ ничего не разберешь. Правда—по легче, по свѣтлѣе, и все-таки безпрестанно вздрагиваешь или отъ испуга, или отъ страха. Сбираюсь на долго въ чужіе края... О, Господи! да когда простишь насъ грѣшныхъ"!..

На это графиня Блудова отвѣчала: „Въ отвѣтъ на порученіе ваше, батюшка поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что вслѣдствіе вашего письма переданнаго мною, онъ почти въ самый день его полученія — имѣлъ случай исполнить ваше желаніе, сказавъ кому слѣдуетъ о вашихъ видахъ, и еще болѣе о вашихъ правилахъ и чувствахъ. Онъ нашелъ того, которому онъ сдѣлалъ сіе сообщеніе въ самомъ лучшемъ расположеніи къ вамъ. Батюшка прибавляетъ, что послѣдствія вашего порученія, какъ и все будущее, по словамъ Карамзина, извѣстны единому Богу.—Мое же собственное убѣжденіе, что ничего не выдетъ изъ этого".

Одновременно съ перепискою съ княземъ В. А. Долгоруковымъ, Погодинъ сталъ ходатайствовать чрезъ Академію Наукъ о представленіи государю своихъ *Изслѣдованій* по Древней Русской Исторіи. Но и это ходатайство не увѣнчалось успѣхомъ, что явствуетъ изъ слѣдующаго письма къ Погодину И. И. Давыдова (отъ 22 октября 1858 г.): „Вы гостите у Кокорева, заглядываете въ Питеръ, а на Васильевскій Островъ ни ногой. Развѣ можно такъ поступать тѣмъ, которые всю жизнь носятъ одинакій синій мундиръ и заранѣе даже погребены вмѣстѣ въ Словарѣ біографій.

Вѣдь это кладбище не столица *)... Съ первыхъ чиселъ апрѣля ходатайство наше о представленіи *Изслѣдованій* вашихъ государю императору должно было находиться въ Министерствѣ. Я самъ составлялъ записку. Полагать надобно, что отцу Аврааму **) тогда уже не до записокъ было—и ходатайство осталось на бумагѣ".

XXII.

Испытавъ столько неудачъ, Погодинъ уединился и предался любимымъ своимъ занятіямъ, — Древнею Русскою Исторіею. Объ этомъ онъ, по обычаю своему, извѣстилъ своихъ друзей и знакомыхъ.

„Признаюсь",—писалъ Катковъ Погодину,—„я очень завидую вамъ, что вы можете заключиться въ тихій міръ ученыхъ занятій! Столько накопилось въ душѣ горечи, досады и негодованія, что тошно становится жить".

„Еще болѣе радуюсь",—писала графиня Е. П. Ростопчина,—„что вы бросили, махнули рукой на современные, тяжелые, неразрѣшимые вопросы, чтобы возвратиться къ вашимъ благороднымъ, полезнымъ, душеспасительнымъ трудамъ"...

„Счастливы вы",—писалъ И. И. Давыдовъ—„что запершись въ кабинетѣ, работаете и утѣшаетесь работою; а мы, безсмѣнные труженики, должны дѣлать, что попало. Еще прибавить надобно, что надъ всякимъ трудомъ, добытымъ жизнью, кощунствуютъ сидѣвшіе вчера на ученическихъ скамейкахъ. Мы хвалимся прогрессомъ, а высказываемъ варварство; потому что истинное просвѣщеніе умѣетъ уважить безкорыстные труды, ученые и литературные, особенно труды соотечественниковъ.—Сотрудники журналистовъ и сами журна-

*) *Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета.* М. 1855. *Н. Б.*

**) Аврааму Сергѣевичу Норову, бывшему министру Народнаго Просвѣщенія. *Н. Б.*

листы бросаютъ грязью не только въ Ломоносова, Державина, Карамзина, но и въ Жуковскаго; а Бѣлинскій у нихъ поставленъ на пьедесталѣ въ сообществѣ Шиллинга и Гегеля. Вспомните, кто въ наше съ вами время, потворствовалъ юношеству смѣяться надъ своими профессорами: вотъ откуда идетъ нынѣшняя язва".

Наконецъ Шевыревъ сообщилъ Погодину слѣдующую выписку изъ письма къ нему В. П. Титова: „Желаю бодрости въ ученыхъ трудахъ Погодину. Спеціальное его поле—историческая критика. Пускай воздѣлываетъ богатую почву Русской Исторіи" [81]).

Мы уже знаемъ, что Погодинъ написалъ *Письмо къ издателю Сельскаго Благоустройства.* Но и тутъ Погодинъ потерпѣлъ неудачу. *Письмо* его, вѣроятно за безпристрастное отношеніе къ Дворянству, не было напечатано. Тогда Погодинъ обратился къ изученію крестьянскаго вопроса во времена царя Бориса Годунова.

Лѣтомъ 1858 года, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Началъ писать послѣ продолжительнаго застоя. Изслѣдованіе о Борисѣ почти готово".

Въ томъ же году, въ *Русской Бесѣдѣ* появилось изслѣдованіе Погодина, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Должно ли считать Бориса-Годунова основателемъ крѣпостного права?*

„Бывало въ старину",—писалъ Погодинъ,—„запрещеніе крестьянамъ переходить съ мѣста на мѣсто; бывало и разрѣшеніе. Было у насъ долго запрещеніе писать о крестьянахъ, даже въ историческомъ отношеніи. Нынѣ разрѣшено писать о нихъ, и я спѣшу представить ученой публикѣ историко-критическое изслѣдованіе о первоначальныхъ, такъ называемыхъ, основаніяхъ крѣпостнаго права, кои суть: указы царя Ѳеодора Іоанновича 1592, 1597; Бориса Годунова—1601, 1602; Боярскій приговоръ при Самозванцѣ 1605, и указъ Шуйскаго 1607 годовъ, — документы, принимаемые всѣми нашими изслѣдователями".

Высказавъ это, Погодинъ переходитъ къ Литературѣ пред-

мета. „Достойный юристъ“,—пишетъ онъ,—„К. П. Побѣдоносцевъ, въ *Замѣткахъ для Исторіи крѣпостнаго права въ Россіи*, помѣщенныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, утверждаетъ, что въ эпоху *Уложенія*, тщательно и обстоятельно имъ изученнаго, крѣпостное право отнюдь не было такъ развито и опредѣленно, какъ мы теперь его понимаемъ“.

„Кто ближе знакомъ съ *Уложеніемъ*“,—пишетъ Побѣдоносцевъ,—и вообще съ характеромъ, который имѣло наше законодательство въ XVII столѣтіи, тотъ не станетъ отыскивать въ памятникахъ этого времени точныя юридическія положенія объ отношеніяхъ крѣпостнаго крестьянина къ владѣльцу...

„Законодательство XVII столѣтія вовсе не ставило передъ собою той сложной задачи, которую иные ему приписываютъ, задачи обнять и опредѣлить цѣлую область юридическихъ отношеній между владѣльцемъ и подвластными ему людьми; тогдашнее общество не настолько было способно къ отвлеченію, къ анализу, чтобы выработать въ себѣ идею рабства, и развить ее съ тою послѣдовательностію, какую мы замѣчаемъ въ законахъ Римскаго и Германскаго Права о томъ же предметѣ.

„Власть помѣщика надъ людьми, поселенными на землѣ его, образовалась сама собою, помимо юридическихъ опредѣленій, какъ принадлежность отношеній земледѣльца къ землевладѣльцу и какъ послѣдствіе прикрѣпленія; владѣніе людьми незамѣтно сдѣлалось фактомъ, столько же несомнѣннымъ, какъ и фактъ владѣнія землею, на которой люди жили.

„*Уложеніе* и новоуказныя статьи показываютъ намъ четыре различія, которое законъ предполагалъ между крестьянствомъ и холопствомъ, но не высказывалъ категорически въ смыслѣ юридическаго положенія. Различіе это мало-по-малу исчезаетъ изъ сознанія въ XVIII столѣтіи; но и XVIII столѣтіе не оставило намъ ни одного закона, въ которомъ прямо выразило бы новое начало, принятое законодательствомъ. Если историкъ, вслѣдъ за развитіемъ учрежденій, въ правѣ про-

износить свой судъ надъ дѣйствительнымъ, слѣдовательно и необходимымъ воззрѣніемъ той или другой эпохи, то справедливость требуетъ сказать, что по этому предмету болѣе мрачныя тѣни ложатся по сю сторону, нежели по ту сторону эпохи Петра Великаго. Можетъ быть, потому и представляются онѣ намъ мрачными, что, приближаясь къ нашей эпохѣ, опредѣлительнѣе высказываются: что дальше отъ насъ, въ томъ, по смутнымъ очертаніямъ, мы болѣе угадываемъ, нежели видимъ".

Приведя эту цитату изъ сочиненія Побѣдоносцева, Погодинъ замѣчаетъ: „Таковы разсужденія, внушаемыя Побѣдоносцеву *Уложеніемъ.* Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ *Уложеніи* цѣлыя подробныя статьи о холопахъ, и ни малѣйшаго повода заключать, чтобъ крестьяне принадлежали къ той же категоріи, къ тому же разряду. Они никогда не смѣшиваются, а, напротивъ, строго различаются. Все, что сказано о холопахъ, не принадлежитъ слѣдственно къ крестьянамъ. Крестьяне не холопы, а что-то другое, отъ нихъ отдѣльное, не составляющее, подобно имъ, собственности землевладѣльца. Крестьяне разсматриваются въ *Уложеніи,* какъ жильцы, наемщики, поселенцы. Если же въ эпоху *Уложенія* крестьяне были не холопы, то кольми паче не были они по праву, de jure, холопами при Θедорѣ и Годуновѣ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ спрашиваетъ: „Отъ чего же говоритъ Карамзинъ, что Годуновъ въ 1592 или 1593 году „на вѣки укрѣпилъ крестьянъ за господами"?

„Отъ чего же говоритъ Татищевъ, что „въ 7101 году законъ о непереходѣ крестьянъ учиненъ"?

„Отъ чего же общее мнѣніе приписываетъ Борису Годунову основаніе крѣпостнаго права въ Россіи"?

На предложенные вопросы Погодинъ отвѣчаетъ: „Отъ недоразумѣнія, и даже отъ многихъ недоразумѣній, коихъ преисполнена Русская Исторія, неразработанная въ подробностяхъ ученымъ, критическимъ образомъ, обозрѣваемая до сихъ поръ большею частію только слегка, поверхностно.

„Борисъ Годуновъ вовсе не былъ основателемъ крѣпостнаго права въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

„Никакого общаго, безусловнаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, онъ не давалъ.

„Указа 1592 года отнюдь не существовало.

„Указъ 1597 года не имѣетъ никакого отношенія къ крѣпостному праву, и значитъ совсѣмъ другое.

„Крестьяне оставались свободными, даже и тогда, какъ не могли уже ходить съ мѣста на мѣсто, ибо земля, на коей они сидѣли, была преимущественно свободною, то есть принадлежавшею государству. Крестьяне отдавались временно, такъ сказать, въ услуженіе помѣщиковъ, отъ однихъ къ другимъ, за ихъ службу государству, и принадлежали къ ихъ имуществу.

„Кто же былъ основателемъ у насъ крѣпостнаго права?

„Никто.

„Кого надо винить въ его развитіи?

„Обстоятельства...“

Засимъ Погодинъ обращается къ Маколею и цитируетъ у него слѣдующее мѣсто: „Примѣчательно, что два величайшіе и благотворнѣйшіе перевороты въ Англіи, первый, коимъ въ XIII столѣтіи кончилось тиранство одного племени надъ другимъ, и второй, нѣсколькими поколѣніями позднѣе, коимъ кончилось владѣніе одного человѣка другимъ, произошло тихо и непримѣтно. Они не возбудили въ современныхъ наблюдателяхъ никакого удивленія и получили отъ историковъ весьма легкую долю вниманія. Ни законодательная мѣра, ни физическая сила не содѣйствовали приведенію ихъ въ дѣйствіе. Нравственныя причины безъ шума изгладили сперва различіе между норманомъ и саксонцемъ, и впослѣдствіи различіе между господиномъ и рабомъ. Никто не можетъ принять на себя опредѣленіе съ точностью моментовъ, когда эти рсзличія прекратились. Нѣкоторые легкіе слѣды древняго Норманскаго чувства могли бы, можетъ быть, найтися въ концѣ XIV столѣтія. Нѣкоторые легкіе слѣды рабства могли бы

открыться любопытными изыскателями даже еще во времена Стуартовъ: и никогда, до самой настоящей поры, это учрежденіе не было уничтожено закономъ".

На основаніи этихъ словъ Маколея, Погодинъ утверждаетъ: „Что случилось въ Англіи съ свободой, то у насъ случилось съ рабствомъ. Нѣтъ возможности поймать момента водворенія у насъ рабства, точно какъ нѣтъ возможности поймать противоположные моменты у Англичанъ. Рабство закралось къ намъ исподтишка: виновать не Борисъ Годуновъ, не Іоаннъ Грозный, не Петръ Великій, а больше всего народный характеръ, кроткій смирный и терпѣливый до крайности".

За симъ Погодинъ приступаетъ къ разсмотрѣнію указовъ: 1) 1592 и 1597; 2) 1601; 3) 1602; 4) Приговора боярскаго 1605 и 5) Указа царя Василія Шуйскаго. Приступая къ разсмотрѣнію послѣдняго, Погодинъ обратился за свѣдѣніями къ *П. М. Строеву*, который, 15 іюля 1858 г., отвѣчалъ ему: „Письмо ваше, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, я получилъ, равно и V томъ *Изслѣдованій*; за послѣдній много вамъ благодаренъ. Законы Шуйскаго напечатаны въ *Актахъ Историческихъ* (т. II № 85), но о кабальныхъ холопахъ, а не о крестьянахъ; находятся и въ другихъ Судебникахъ рукописныхъ. Что-жъ касается до закона, будто бы мною найденнаго, и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* напечатаннаго, то въ этомъ очень сомнѣваюсь; къ томужъ отъ старости память у меня стала тупѣть. Право, совсѣмъ не упомню".

Покончивъ съ указами, Погодинъ обращается къ мнѣнію изслѣдователей Русской Исторіи: Татищева, Карамзина, Арцыбашева, Чичерина, Аксакова, Побѣдоносцева, Лешкова и Бѣляева. Разсмотрѣвъ и ихъ, Погодинъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Основываясь на произведенныхъ изслѣдованіяхъ", пишетъ онъ, „по наличнымъ документамъ, предложимъ теперь добытыя нами заключенія (результаты) въ общемъ обозрѣніи, и дополнимъ, по мѣстамъ, потребными соображеніями.

„Земля наша искони находилась въ общемъ владѣніи, и такъ какъ ея было слишкомъ много, то никто не гонялся за правомъ частнаго владѣнія, всегда безъ затрудненій доступнаго. Гдѣ кто сидѣлъ, тамъ тотъ и владѣлъ, то есть, пахалъ, не заботясь о правѣ. Князья считали землю,—нельзя сказать своею собственностью,—но принадлежностью государства, которою они почти безсознательно пользовались, собирая дань съ ея обитателей. Долго не имѣли они сами никакого понятія о поземельной наслѣдственности и переходили съ мѣста на мѣсто, предоставляя даже судьбу своихъ дѣтей почти случаю.

„Въ продолженіе княженія отдавали они нѣкоторыя земли въ пользованіе боярамъ и прочимъ воямъ, которые также, переходя съ ними, и безъ нихъ, съ мѣста на мѣсто, не заботились о постоянныхъ правахъ и собирали только временную дань, для нихъ вездѣ одинаково готовую.

„Крестьяне, не имѣя постоянныхъ господъ, естественно считали себя свободными и избирали себѣ мѣсто жительства по удобству. Но выходомъ, впрочемъ, по своимъ природнымъ свойствамъ, они, вѣроятно, пользовались мало: какъ теперь, такъ и прежде, они не были охотниками шататься. Жить вездѣ было привольно и льготно, даже, можно сказать, одинаково, а отъ добра добра не ищутъ. Только важныя причины побуждали ихъ прежде, какъ побуждаютъ и теперь иногда, къ переселеніямъ. Переселяясь, вѣроятно, обезпечивали они оставляемыя ими общины или пріисканіемъ жильцовъ на свое мѣсто, или какими нибудь временными взносами. Такъ было, кажется, въ древности.

„Въ среднія времена нашей Исторіи, когда утвердилась система помѣстій, отношенія крестьянъ существенно измѣнились, и въ ней-то надо искать зародышей крѣпостнаго права. Помѣстья, хоть и раздавались, считались, цѣнились въ качествѣ только земли, мѣрою; но съ одной землею помѣщику, обязанному службою человѣку, нечего было дѣлать, не съ чего было служить, и, вѣроятно, Правительство съ самаго

начала принимало какія-нибудь мѣры, оказывало какое-нибудь содѣйствіе своимъ помощникамъ и слугамъ-помѣщикамъ, для удержанія крестьянъ въ отводимыхъ имъ мѣстахъ.

„Самыя отношенія крестьянъ къ помѣщику непремѣнно были тогда опредѣлены, т.-е., они платили ему извѣстную плату за пожилое и исправляли извѣстныя работы.

„Законы о бѣглыхъ составляютъ важнѣйшую существенную часть нашего законодательства въ средней Исторіи.

„Вслѣдствіе умноженія и развитія помѣстій, преимущественно при Іоаннахъ, выходъ долженъ былъ ограничиться еще болѣе.

„Въ продолженіе времени первоначальныя, повсюду одинакія отношенія, измѣнялись, по мѣстамъ: гдѣ налагались новые налоги, гдѣ случались другія притѣсненія: крестьянамъ становилось иногда не въ терпежъ, и они начали чаще пользоваться своею старою волею.—отказываться, то есть, перемѣнять мѣсто жительства и помѣщика, по исполненіи всѣхъ обязанностей къ нему и условій, и бѣгать, нарушая договоръ.

„Услышались жалобы, и Правительство, смотря по обстоятельствамъ, начало стѣснять, а иногда вновь расширять право перехода. Самый Юрьевъ день былъ, вѣроятно, уже ступенью въ послѣдовательномъ ограниченіи вольнаго и безусловнаго перехода: въ три недѣли (одна предъ Юрьевымъ днемъ осеннимъ, да двѣ послѣ него)—далеко не уйдешь! И какой этотъ день? Окончаніе полевыхъ работъ. Слѣдовательво, явно предполагается предшествовавшее воздѣланіе земли и исполненіе крестьянскихъ обязанностей къ помѣщику.

„Съ другой стороны, помѣщики, по мѣрѣ умноженія своихъ потребностей, естественно стали стараться о пріобрѣтеніи работниковъ больше и больше, перезывали ихъ другъ отъ друга разными льготами, побуждая ихъ, такъ сказать, употреблять свое право. Тогда-то явились какія-то полюбовныя сдѣлки помѣщиковъ между собою и съ крестьянами, сдѣлки, нынѣ запамятованныя, кои подали поводъ къ новымъ злоупотребленіямъ.

„Правительство должно было вступиться въ дѣло и съ этой стороны, и начать ограниченіе перевода крестьянъ, какъ прежде оно ограничивало ихъ переходъ (Вотъ собственно сущность разобранныхъ нами указовъ).

„Помѣщики, между тѣмъ, старались распространять свою власть надъ крестьянами, и подъ предлогами неисполненія обязанностей, истинными и ложными, искать бѣглыхъ, затрудняя тѣмъ болѣе всего Правительство.

„Смутное время, отъ кончины Грознаго до избранія Михаила Ѳеодоровича Романова, содѣйствовало много къ разрушенію стараго и утвержденію новаго порядка вещей, т.-е., ограниченію свободы крестьянской, къ водворенію обычая новой осѣдлости.

„Примѣчательно, что какъ ни разнообразны были слѣдовавшія одно за другимъ царствованія, въ какихъ противоположныхъ обстоятельствахъ ни находились Ѳедоръ, Годуновъ Самозванецъ, Шуйскій, Михаилъ, а сущность постановленій о крестьянахъ и ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, оставалась таже, хоть неясная, неопредѣленная, незаписанная; слѣдовательно, она была въ естественномъ порядкѣ вещей, связанномъ съ помѣстной системою и государственною службою. Крестьяне играли здѣсь страдательную роль, имѣя отвлеченное право и не имѣя часто физической возможности вполнѣ имъ пользоваться. Борису, Самозванцу, Шуйскому, а еще болѣе новой династіи, необходимо было, для пріобрѣтенія себѣ друзей и приверженцевъ, оставлять помѣстья за ихъ прежними владѣльцами и ихъ дѣтьми, а сіи послѣдніе привыкали въ нихъ видѣть свою собственность, сперва какъ наслѣдственное помѣстье, отчину, а потомъ уже какъ безусловное родовое имѣнье, и, разумѣется, старались еще больше прежняго удерживать работниковъ—крестьянъ въ своихъ владѣніяхъ, на своей землѣ. По этой же самой причинѣ они жаловались на узаконенія о срокахъ, и хлопотали объ уничтоженіи срочныхъ годовъ, чтобъ возвращать своихъ крестьянъ, какъ бы давно они ни бѣжали“.

XXIII.

Второе примѣчательное явленіе въ Исторіи крѣпостнаго права есть, по мнѣнію Погодина, „обращеніе помѣстья въ отчину, или продолженіе владѣнія въ однихъ и тѣхъ же родахъ“. По его же мнѣнію, голодные годы 1601, 1602, 1603, играютъ здѣсь, кажется, значительную роль; надо было Правительству обезпечить сколько-нибудь народное пропитаніе. Оно приказало, въ 1601 году, чтобъ у значительныхъ помѣщиковъ, то-есть, бояръ и проч., крестьяне остались безвыходно. Правительство имѣло, разумѣется, въ виду, что богатые могутъ прокормить крестьянъ; а чтобъ у мелкопомѣстныхъ открыть крестьянамъ средства прокормиться, имъ разрѣшено, по истеченіи срока, перевозить крестьянъ между собою, по взаимному согласію. Бѣжавшіе даже крестьяне получили впослѣдствіи право не возвращаться къ тѣмъ помѣщикамъ, которые не умѣли прокормить ихъ во время голода. Это была мѣра правительственная, временная, но она понравилась, кажется, богатымъ, сильнымъ помѣщикамъ, и они пожелали увѣковѣчить ее, удержать навсегда за собою прежнихъ крестьянъ по праву; а вмѣстѣ, по старому обычаю, могли они продолжать привлеченіе новыхъ, на что мелкопомѣстные, какъ наиболѣе терпѣвшіе, безпрестанно жаловались, получая, по возможности, удовлетвореніе. На нашей памяти, въ Малороссіи точно такъ же, говорятъ, поступали Румянцовъ, Разумовскіе, Безбородко, Завадовскій, въ эпоху прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ.

„Тогда-то явились, благодаря какому-нибудь дьяку, заинтересованному въ дѣлѣ, и боярину, его патрону, въ узаконеніе и освященіе желаннаго права, и эти подложные указы, и двусмысленныя фразы въ подлинныхъ указахъ (если не самъ Татищевъ, прости тѣнь почтенная, ихъ вставилъ въ исполненіе какой-нибудь любимой своей мысли). Съ больной головы да на здоровую, и вся вина взвалена на бѣднаго

Бориса людьми, которые, продолжая пользоваться крестьянами и землею, якобы въ силу его запрещенія, не думали его уничтожить, и ставили даже избранному Владиславу непремѣннымъ условіемъ запрещеніе крестьянскаго перехода.

„Сочинить или подправить и распространить подложный указъ въ то время не значило ничего; кому же и какъ было обнаружить обманъ и подлогъ: ни въ какомъ Приказѣ не было настольнаго реестра, не было реестра входящихъ и исходящихъ бумагъ; справиться было негдѣ, особенно среди смутъ.

„Въ *Уложеніе* не попалъ уже законъ Судебника объ отказѣ крестьянскомъ, потому ли, что обычай этотъ пресѣкался самъ собою, потому ли, что заправлявшіе дѣломъ бояре и редакторы уступили господствующему образу мыслей? Такъ, Сперанскій, въ наше время, поступилъ, говорятъ, съ нѣкоторыми узаконеніями. Впрочемъ, не пошли бояре и такъ далеко, чтобъ узаконить запрещеніе перехода, который все-таки до самого Петра I-го продолжался, что видно изъ всѣхъ современныхъ документовъ. Вспомнимъ опять Маколея“.

Во всякомъ случаѣ, крестьяне,—замѣчаетъ Погодинъ,—„даже лишась, de facto, если не de jure, права перехода, все-таки оставались свободными, потому что земля, къ которой они прикрѣпились, въ Ѳедорово—Борисово—Михайлово и слѣдующее время, была свободная, казенная, государственная, и они отдавались помѣщикамъ въ услуженіе какъ бы временно, хотя-бъ впослѣдствіи и наслѣдственно, въ жалованье за ихъ службу, съ прекращеніемъ которой прекращалось и владѣніе“.

Посошковъ, современникъ Петра I-го, говоритъ еще: „по моему мнѣнію, царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи, понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а царю они вѣковые“.

За тѣмъ Погодинъ переходитъ къ разсмотрѣнію частнаго владѣнія.

„Частное владѣніе“,—пишетъ онъ,—„земля, обработываемая вольными работниками, по найму, не входила въ соображеніе при всѣхъ вышеписанныхъ узаконеніяхъ. Работники

вольнонаемные приходили и уходили по своимъ условіямъ, какъ прежде, такъ и послѣ. Закупные, кабальные холопы, подчинялись особымъ законамъ.

„Частнаго владѣнія, впрочемъ, было очень мало. Во всѣхъ извѣстныхъ Писцовыхъ книгахъ нѣтъ почти его слѣда. „Въ Бѣлевѣ“,—говоритъ издатель *Бѣлевской Вивліоѳики*, Елагинъ,— „не было вотчинъ до XVII-го вѣка, кромѣ княжескихъ, пожертвованныхъ монастырямъ по душѣ, послѣдними удѣльными Бѣлевскими князьями. Вездѣ ли такъ было, или въ однихъ украйныхъ городахъ, спрашиваетъ Елагинъ, и замѣчаетъ, что въ XVII-мъ вѣкѣ Бѣлевъ давно пересталъ быть украйнымъ городомъ.—„Такъ, вѣроятно, откроется вездѣ“,—отвѣчаетъ Погодинъ. „Ни одной земли, въ Бѣлевской Писцовой книгѣ“,—замѣчаетъ К. С. Аксаковъ,—„нѣтъ доставшейся по купчей. Еслибъ онѣ были, то нельзя бы было оставить ихъ безъ упоминовенія“.

„Да и кому же“,—продолжаетъ Погодинъ,—„было у насъ владѣть землею, кромѣ служилыхъ людей, имѣвшихъ ее въ помѣстьѣ отъ Правительства и получившихъ съ нея все, что было имъ нужно. Служилымъ людямъ пріобрѣтать себѣ особую землю было затруднительно: отлучаться далеко отъ своей помѣстной земли они не могли, и заводить хозяйство на свободной землѣ было трудно. И гдѣ было взять такой земли? Земля вся тянула къ городамъ, къ общинамъ, и зависѣла отъ правительственныхъ распоряженій. Далѣе, какую пользу могла приносить имъ вообще земля такъ пріобрѣтенная? Едва ли могла она вознаграждать труды, на нее положенные, подобно помѣстной, получавшейся даромъ, съ даровою работою.

„Притомъ, самая купленная земля обложена была тѣми же повинностями, какъ и помѣстная, даже отбиралась въ казну, по *Уложенію*, еслибъ владѣлецъ не захотѣлъ нести царской службы.

„Купцы, горожане, доставали себѣ всѣ сельскія произведенія сходно: имъ не было большой нужды стараться о частномъ владѣніи, подвергавшемъ многимъ хлопотамъ и налагавшемъ трудныя обязанности.

„Частное владѣніе, въ настоящемъ значеніи этого слова, образовалось уже очень поздно“.

За симъ Погодинъ приступаетъ, такъ сказать, къ анализу Исторіи крѣпостнаго права. „Разложимъ (анализируемъ),— пишетъ онъ,—„для ясности Исторію крѣпостнаго права на составныя ея части, и обозримъ вкратцѣ измѣненія, коимъ всѣ онѣ подвергались.

Составныя части вопроса суть:

Земля.

Правительство.

Помѣщики.

Крестьяне.

Законы.

Земля сначала была общею и ничьею. По прибытіи князей, она оставалась въ прежнемъ положеніи, съ тою разницею, что поселяне платили дань или оброкъ имъ или назначеннымъ ими мужамъ. При царяхъ, поступила земля въ пользованіе помѣстныхъ дворянъ. Переходя отъ отцовъ къ дѣтямъ, помѣстье становилось отчиною, и наконецъ обратилось въ частное владѣніе. Нынѣ часть земли возвращается изъ частнаго владѣнія первобытнымъ ея обитателямъ и воздѣлывателямъ—крестьянамъ.

Князья долго не думали ни о какомъ наслѣдственномъ поземельномъ владѣніи, и переходили изъ княжества въ княжество, предоставляя даже судьбу дѣтей своихъ обстоятельствамъ и обычаю. Землю предоставляли они искони поселянамъ, съ которыхъ брали дань или оброкъ на себя или на своихъ бояръ, вмѣсто жалованья. *Цари* сочли землю если не собственностію, то принадлежностію государства, и раздавали ее отчасти своимъ дворянамъ съ обязанностію службы, отчасти пользовались ею сами. Впослѣдствіи предоставили они ее въ полное владѣніе помѣщикамъ, оставя излишнюю въ казенномъ или дворцовомъ управленіи. Правительство, лишь только оно начало сознавать себя, всегда разумѣется желало

чтобъ крестьяне не бродили, а жили на своихъ мѣстахъ, исполняя обязанности.

Бояре и прочіе мужи, при князьяхъ, собирали для себя дань, или, переводя на новый языкъ, получали только временно оброкъ, и, переходя вмѣстѣ съ князьями, и отъ нихъ, изъ княжества въ княжество, не думали также о поземельномъ наслѣдственномъ владѣніи. При царяхъ получили они земли, съ обязанностями выставлять съ нихъ нужное количество воевъ, пѣшихъ и конныхъ, то-есть съ обязанностями, кои, въ свою очередь, послужили поводомъ имѣть ближайшія отношенія къ обитателямъ земли, крестьянамъ, и ограничить ихъ первоначальныя права. Владѣя землею на помѣстномъ, временномъ, правѣ, они пожелали удержать ее за собою навсегда, и, пользуясь благопріятными обстоятельствами, мало-по-малу въ теченіе времени, распространили свою власть и на ея обитателей. Помѣстное владѣніе съ его обитателями сдѣлалось помѣстнымъ отчиннымъ, а наконецъ наслѣдственнымъ отчиннымъ владѣніемъ, и подвергалось продажѣ и покупкѣ.

Помѣщикамъ, преимущественно большимъ и богатымъ, было всегда выгоднѣе удерживать за собою крестьянъ, и ихъ вліянію принадлежатъ, вѣроятно, всѣ мѣры стѣснительныя и ограничительныя.

Крестьяне при князьяхъ жили, гдѣ кто хотѣлъ, и платили оброкъ князю или назначеннымъ отъ него мужамъ. Они переходили куда угодно; но, вѣроятно, должны были ставить за себя даже въ древности преемниковъ для исполненія обязанностей къ общинѣ. При царяхъ, въ помѣстьяхъ, они стали лицомъ къ лицу съ помѣщиками, хотя обязанности ихъ вѣроятно были опредѣлены, хотя Борисъ Годуновъ, по свидѣдѣтельству иностранцевъ, старался оградить ихъ отъ излишняго отягощенія, но, по естественному ходу вещей, свобода ихъ необходимо стѣснилася. Сначала ограниченъ былъ ихъ переходъ, въ видахъ государственной службы, потомъ переводъ по. поводу частныхъ злоупотребленій; они прикрѣпля-

лись къ землѣ чаще и чаще, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, привыкали жить на одномъ мѣстѣ. Одинъ обычай замѣнялся непремѣтно другимъ. Наконецъ новый обычай узаконился. Все еще свободные, пока земля была помѣстною, крестьяне въ отчинахъ пришли однако же несравненно въ болѣе близкую зависимость отъ помѣщиковъ, чѣмъ прежде, старались избываться (періодъ бѣговъ), но наконецъ соединились съ землею, сдѣлались частію помѣщичьей собственности. Нынѣ возвращается имъ свобода и надѣляются они землею.

Законы долго молчали, и начали ограничивать свободу переходить, сперва Юрьевымъ днемъ, въ уваженіе обязанностей, наложенныхъ ими на помѣщиковъ, потомъ, вслѣдствіе случившихся голодовъ, заботясь о пропитаніи народонаселенія, и наконецъ смолкли, предоставляя вопросъ естественному ходу дѣлъ, который довелъ крестьянъ непримѣтно до ревизіи. Въ наше время законодательство вступаетъ въ новую эпоху и обѣщаетъ, на законѣ возмездія, уравновѣсить и опредѣлить всѣ права, какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, въ отношеніи къ землѣ и Государству“.

Представивъ эти свои соображенія, Погодинъ сознается, что этотъ вопросъ „не достигъ до яснаго изображенія, требуемаго наукою“, и признаетъ необходимымъ много надъ нимъ поработать. „Нужно“,—говоритъ онъ,—„еще много надъ нимъ поработать; нужно сдѣлать изслѣдованія полныя и обстоятельныя о разныхъ соприкосновенныхъ предметахъ, равно какъ и о предметахъ, входящихъ въ его составъ, а именно:

О черныхъ или тяглыхъ земляхъ.

О княжескихъ и дворцовыхъ земляхъ.

О церковныхъ земляхъ.

О княжеской частной собственности.

О помѣстьяхъ.

Объ отчинахъ.

Объ обязанностяхъ помѣщиковъ къ Правительству.

Объ обязанностяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, и къ Правительству.

О правахъ крестьянъ.

О частномъ владѣніи.

О бѣглыхъ.

О порядныхъ.

О завѣщаніяхъ.

О дарственныхъ записяхъ.

Нужны особыя изслѣдованія о самихъ словахъ, или, по крайней мѣрѣ, полныя собранія всѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ встрѣчаются, напримѣръ: переходъ, отказъ, возить и т. п.".

Въ заключеніе своего изслѣдованія, Погодинъ писалъ: „Иванъ Земецъ *), въ рецензіи моихъ *Изслѣдованій*, говоритъ, что мой методъ (собирать всѣ свидѣтельства о данномъ вопросѣ, и на основаніи всѣхъ данныхъ произносить о немъ сужденіе), есть общій, что всѣ поступаютъ одинакимъ образомъ: благоволитъ онъ указать мнѣ, гдѣ есть требуемыя изслѣдованія обо всѣхъ этихъ важнѣйшихъ предметахъ Русской Исторіи. Нѣтъ, нигдѣ: а обо всемъ, въ Исторіяхъ, разсужденіяхъ, обозрѣніяхъ писано, хорошо или дурно, смотря по таланту, что-нибудь и какъ-нибудь. Это *что-нибудь* и *какъ-нибудь* составляетъ сущность и всѣхъ новыхъ Исторій, которыя являются у насъ ежегодно съ новыми весенними листьями, и упадаютъ, пропадаютъ съ осенними, не смотря на шумные клики журнальныхъ, домашнихъ и приписныхъ клакеровъ, вслѣдъ за Исторіями Эминыхъ, Глинокъ и Полевыхъ, не объясняя историческихъ вопросовъ, а только ихъ запутывая умничаньемъ бездарности и претензіями посредственности".

Въ то время редакторомъ *Русской Бесѣды* былъ И. С. Аксаковъ. Печатая въ ней ислѣдованіе Погодина, онъ писалъ автору: „Остаюсь при своемъ мнѣніи, что эти строки о рабствѣ кладутъ хулу на народъ, а бросать въ него камень, упрекать его *въ подлости*, право грѣшно. Упрекайте *насъ* въ подлости, а не его въ преизбыткѣ добродѣтели, имѣющемъ за то увѣнчать его такимъ результатомъ, такимъ рѣшеніемъ все-

---

*) И. Е. Забѣлинъ. *Н. Б.*

міpно-исторической соціальной задачи, какого, не достигла Англія, при всей своей Маколеевской свободѣ. Я говорю о надѣлѣ землею въ собственность, объ общинномъ землевладѣніи. Вы предлагаете Правительству и законодателю *ворочать* народъ въ спасительную среду, т.-е., предлагаете Панину, Муравьеву погонять народъ кнутомъ въ казенныя школы и управленія. Опредѣлите—что такое и гдѣ спасительная среда. Ее опредѣлитъ сама Исторія, самъ народъ, только избавьте его отъ опекуновъ—Петербургскихъ законодателей и правителей, отъ *ворочающихъ*. Я очень люблю государя, даже больше чѣмъ вы, но никакихъ благословеній и эпитетовъ ему въ печати, у себя въ печати, рѣшительно *не допускаю*, и считаю себя въ правѣ всѣ подобныя выраженія безъ церемоній *вычеркивать*".

Но Н. В. Калачовъ, будучи самъ, впослѣдствіи, членомъ Редакціонныхъ Коммиссій, отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ изслѣдованію Погодина. „Съ особеннымъ удовольствіемъ", писалъ онъ,—„прочиталъ статью вашу, *Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?* Но, прочитавъ ее, покраснѣлъ отъ стыда. У меня собрано множество драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ для разрѣшенія предлагаемыхъ вами вопросовъ и между тѣмъ, я не найду свободнаго времени заняться ихъ обработкой. Хочу впрочемъ рѣшительно, если буду здоровъ, приняться за это съ нынѣшняго лѣта; теперь же занятіе во II Отдѣленіи и новыя изданія Археографической Коммиссіи не оставляютъ у меня ни одной свободной минуты". [82])

Не взирая на это, *Архивъ Историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи*, издаваемый Калачовымъ, сдѣлался ареной полемики между Костомаровымъ и Погодинымъ, по поводу статьи: *Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?*

XXIV.

За мѣсяцъ до своей кончины, въ 1900 г., Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ писалъ: „Что современное человѣчество есть больной старикъ, и что Всемірная Исторія внутренно *кончилась*,—это была любимая мысль моего отца (*историка Россіи)*, и когда я, по молодости лѣтъ, ее оспаривалъ, говоря о новыхъ историческихъ силахъ, которыя могутъ еще выступить на всемірную сцену, то отецъ обыкновенно съ жаромъ подхватывалъ: „Да въ этомъ то и дѣло, говорятъ тебѣ: когда умиралъ древній міръ, было кому его смѣнить, было кому продолжать дѣлать Исторію: Германцы, Славяне. А теперь, гдѣ ты новые народы отыщешь? Тѣ островитяне, что-ли, которые Кука съѣли? Такъ они, должно быть, уже отъ водки и дурной болѣзни вымерли, какъ и краснокожіе Американцы. Или Негры насъ обновятъ? Такъ ихъ хотя отъ легальнаго рабства можно было освободить, но перемѣнить ихъ тупыя головы такъ же невозможно, какъ отмыть ихъ черноту“ [83]).

Но вотъ, Погодинъ, оторвавшись отъ своихъ занятій Древней Русской Исторіей, попадаетъ въ С.-Петербургскій театръ и на сценѣ видитъ Ольриджа. Пораженный зрѣлищемъ, Погодинъ пишетъ: „Общее мнѣніе ставитъ Негровъ на самую низкую степень между людскими породами; многіе заставляютъ ихъ уступать преимущество, умственное и нравственное, бѣлымъ собратіямъ, благороднѣйшей якобы кости: посмотрите же на Ольриджа—вотъ онъ, африканецъ, рожденный подъ знойнымъ небомъ Сенегамбіи, со смуглымъ лицемъ, съ темной кожею, курчавыми волосами, широкими ноздрями, гортанными звуками. Онъ не привлекаетъ вашихъ взоровъ никакими изящными формами, къ которымъ вы привыкли; внѣшняя красота не помогаетъ ему произвести въ васъ съ перваго раза выгодное впечатлѣніе, пріобрѣсти

впередъ ваше благорасположеніе. Еще болѣе — онъ объясняется на чуждомъ, незнакомомъ, можетъ быть, для васъ языкѣ; но такова сила его души, таково могущество его искусства, что вы подчиняетесь ему съ первой минуты, вы понимаете все, что онъ говоритъ, вы угадываете все, что онъ чувствуетъ, вы слышите, кажется, всякое біеніе его сердца, вы проходите съ волшебникомъ по всѣмъ ступенямъ страстей человѣческихъ, испытываете на себѣ всѣ градусы жара, и доноситесь наконецъ до той точки, гдѣ захватывается дыханіе, гдѣ замерзаетъ уже ртуть. Любовь, ненависть, злоба, умиленіе, ревность, кротость, простодушіе, ярость, выражаются этимъ негромъ, съ одинакой, изумительной силою. Всѣ самыя мелкія, всѣ самыя тонкія черты человѣческихъ чувствованій, какія только могъ подмѣтить первѣйшій наблюдатель и знатокъ, мастеръ, близкій къ природѣ, Шекспиръ, передаются вамъ въ очью съ поразительною вѣрностію. И слышится въ глубинѣ сердца у каждаго восторженнаго зрителя святое сознаніе: нѣтъ, всеблагій Творецъ не обидѣлъ никого изъ возлюбленныхъ чадъ, созданныхъ имъ по образу Своему и подобію. Нѣтъ, Онъ даровалъ всѣмъ одни и тѣ же органы — пользоваться и наслаждаться Его щедрыми дарами. Нѣтъ, подъ смуглою кожею волнуется та же воспламеняющаяся кровь и бьется общими человѣческими чувствами бѣдное сердце, изъ стѣсненной груди вылетаютъ одинакія съ нашими тяжкіе вздохи, черное тѣло вздрагиваетъ отъ боли, такъ же какъ и бѣлое. Негры чувствуютъ, страдаютъ, радуются, стонутъ, точно такъ какъ и бѣлые. Обстоятельства, Исторія, по своимъ таинственнымъ, для насъ пока непонятнымъ законамъ, привела ихъ въ настоящее положеніе, унизительное и несчастное. Но обстоятельства, Исторія, управляютъ также и бѣлыми. Бѣлые, по своей или чужой винѣ, попадаютъ иногда также въ тину, тонутъ въ грязи и чернѣютъ, душевно и сердечно, чтò твои черные; у бѣлыхъ также, учитъ насъ Исторія, тупѣетъ по временамъ умъ, слабѣетъ духъ, коснѣетъ слово, пропадаетъ чувство стыда и чести, чувство человѣческаго достоинства,

божественный огонь скрывается изъ глазъ, скотская улыбка является на губахъ, и человѣкъ становится животнымъ, не только подъ кнутомъ, подъ плетью, подъ палкою, подъ розгою, но даже подъ страхомъ, подъ опасеніемъ отвлеченнымъ, неосновательнымъ, кнута, плети, палки, розги, во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ. Нелѣпость думать, чтобъ такое состояніе было естественнымъ для чернаго, равно какъ и для бѣлаго человѣка; нелѣпость думать, чтобъ для возрожденія, облагороженія, оживленія, нужны были черному и бѣлому человѣку какіе нибудь сроки, длинные или короткіе. Разбойникъ на крестѣ въ одно мгновеніе перенесенъ въ Царство Небесное словами Спасителя: *днесь со мною будеши въ раю*. Въ душѣ человѣческой больше тайнъ, чѣмъ въ небѣ самомъ высокомъ, и въ морѣ самомъ глубокомъ; больше силъ, чѣмъ въ кабинетахъ самыхъ умныхъ и лагеряхъ самыхъ укрѣпленныхъ. Мудрость состоитъ въ томъ, какъ вызывать эти тайныя силы наружу. Поняли вы нынѣ истину—провозглашайте ее завтра во всеуслышаніе; замѣтили вы нынѣ болѣзнь, ищите тотчасъ средствъ для излеченія, магнетизируйте, гальванизируйте, возбуждайте электричество, или, всего лучше, учите Божію слову, понявъ его не мертвой буквою, а духомъ и истиною, въ простотѣ и ясности, съ любовью, любовью и любовью.

„Какое восхитительное зрѣлище для друга добра, видѣть, когда цѣлый народъ, черный или бѣлый, пробуждается къ человѣческой жизни. Какая божественная миссія облегчать, уяснять людямъ понятіе объ ихъ небесномъ происхожденіи.

„Вотъ какія мысли возбудилъ во мнѣ Африканскій негръ игрою своею, какъ бы вы думали въ чемъ? Въ фарсѣ *Висячій замокъ*. Когда жестокій хозяинъ замахнулся палкою надъ забитымъ негромъ, я увидѣлъ одно такое судорожное движеніе его спины, его плеча, что самъ затрясся всѣмъ тѣломъ; воображенію моему представилась Исторія цѣлаго племени, точно какъ нѣкогда въ движеніи тонкаго пальца позволявшаго сѣсть, я прочелъ всю Исторію папства“.

Засимъ, Погодинъ продолжаетъ: „Ольриджъ удивителенъ

въ *Отелло*, *Лиръ*, *Шейлокъ*. Нѣтъ, это не выученныя роли, это самъ Отелло, Лиръ, Шейлокъ. Вы увидите, какъ зарождается чувство въ его сердцѣ, какъ отыскиваются слова въ его умѣ. Въ послѣдній разъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Отелло*, онъ превзошелъ, кажется, самого себя. Восторгъ зрителей былъ неописанный. Мужчины и женщины, въ ложахъ и креслахъ, вставали, махали шляпами и платками, восклицали. Взрывы рукоплесканій слѣдовали одни за другими. По окончаніи трагедіи, достойный сеніоръ Русской труппы, Сосницкій, поднесъ Ольриджу большой листъ съ изображеніемъ бюста Шекспирова, между Таліей, Мельпоменой и Славой, съ именами: „Отелло“, „Шейлокъ“, „Лиръ“, съ надписью на Англійскомъ и Русскомъ языкахъ: „Айра Ольриджу отъ Русскихъ артистовъ“. Вмѣстѣ съ листомъ, Сосницкій подалъ ему лавровый вѣнокъ, перевитый красною лентою и перехваченный широкимъ золотымъ кольцемъ. на которомъ выпуклыми буквами изображено: „Айра Ольриджу, великому истолкователю безсмертнаго Шекспира, отъ Русскихъ артистовъ. Санктпетербургъ. 1858“. Ольриджъ жалъ руку Сосницкому, растроганный, благодарилъ публику. Посыпались вѣнки и букеты; пронесся по рядамъ глухой гулъ, и грянулъ громъ рукоплесканій долгихъ, долгихъ... Между гипербореями и негромъ обнаружилось какое-то трогательное сочувствіе, сердечный союзъ. Да, всѣ мы люди, всѣ мы братья, рожденные въ однѣхъ и тѣхъ же мукахъ, испытывающіе однѣ и тѣже скорби и радости. Всѣ наши національныя и сословныя распри, ссоры и несогласія происходятъ единственно отъ недоразумѣній, отъ невѣжества. Мирить, укрощать, уравновѣшивать — вотъ задача искусства, словесности, науки. На колѣни жъ предъ искусствомъ, словесностью, наукою! Не прикасайтесь пуще всего руками грубыми, жесткими, неумовенными къ ихъ нѣжнымъ цвѣтамъ. Преступленіе — мѣшать ихъ ровному, спокойному развитію, задерживать ихъ вожделѣнную зрѣлость. Никакое смертоубійство нейдетъ въ сравненіе съ этимъ преступленіемъ: смертоубійствомъ уничтожается одна жизнь, а здѣсь цѣлыя по-

колѣнія лишаются лучшихъ минутъ своихъ, чистѣйшихъ, благороднѣйшихъ наслажденій; здѣсь прерывается какъ бы Божіе твореніе. На колѣни, на колѣни передъ искусствомъ, словесностью, наукою, предъ ихъ высокими, прекрасными произведеніями"!

Статью свою Погодинъ заключаетъ слѣдующими словами Гоголя: „Не могла выносить душа моя, когда совершеннѣйшія творенія честилась именами пустяковъ и побасенокъ. Ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія, отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоко любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: побасенки! Побасенки!.. А вотъ протекли вѣка, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все, что было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша. Побасенки! А вонъ: стонутъ балконы и перила театровъ: все потряслось съ низу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка, всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышутъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? Отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы пришелъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни готовый поднять отчаянно на себя руку, и брызнули вдругъ свѣжительныя слезы изъ его очей и вышелъ онъ примиренный съ жизнью, и проситъ вновь у неба горя и страданій, чтобы только жить и залиться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки! Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь; плѣ-

сенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудутъ же вѣчно священны въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнья былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. *Въ минуты даже бѣдъ и гоненій, все, что было благороднѣйшаго въ государствахъ, становилось прежде всего ихъ заступникомъ*".

Къ великому нашему удивленію, эта прекрасная статья Погодина встрѣтила цензурныя затрудненія. „Вотъ въ какомъ видѣ",—писалъ А. А. Краевскій, 24 декабря 1858 года,—„возвратилась изъ цензуры Министерства Двора (отъ Б. Ѳедорова) статья М. П. Погодина, Это срамъ! Печатать ее въ этомъ видѣ, разумѣется, никто не согласится. Если у васъ будетъ Михаилъ Петровичъ, не угодно ли вамъ показать ему это свидѣтельство Готентотскаго самоуправства"?

Въ другомъ своемъ письмѣ (29 декабря), Краевскій писалъ: „Здѣшній Цензурный Комитетъ возмущенъ самоуправствомъ Бориса Ѳедорова, и предсѣдатель хочетъ представить это дѣло министру. Для этого нужна исчеркванная Ѳедоровымъ корректура статьи объ *Ольриджѣ*. Въ субботу засѣданіе Комитета, и я бы представилъ ее. Сдѣлайте одолженіе, пришлите ее *сейчасъ-же*. Авось, что-нибудь и путное выйдетъ" [84]).

XXV.

Въ декабрѣ 1858 года, въ Петербургѣ, Ольриджъ приводилъ зрителей въ восторгъ неописанный; а 3-го іюля того же года, и въ томъ же Петербургѣ умеръ Александръ Андреевичъ Ивановъ. Двадцать лѣтъ трудился онъ въ Римѣ надъ своею картиною *Явленіе Мессіи народу*. Наконецъ, трудъ оконченъ. Художникъ везетъ его на родину и выставляетъ въ Петербургѣ. Художникъ слова привѣтствуетъ его:

Я видѣлъ древній Іорданъ
Святой любви и страха полный,
Въ его евангельскія волны,

Купель крещенья христіанъ,
Я погружался троекратно,
Молясь, чтобъ и душа моя
Отъ язвъ и пятенъ бытія
Волной омылась благодатно.

Отъ оныхъ думъ, отъ оныхъ дней
Среди житейскихъ попеченій,
Какъ мало свѣжихъ впечатлѣній
Осталось на душѣ моей!
Они поблекли подъ соблазномъ
И ѣдкимъ холодомъ суетъ:
Во мнѣ паломника ужъ нѣтъ,
Во мнѣ, давно сосудѣ праздномъ.

Краснѣю, глядя на тебя,
Поэтъ и труженикъ художникъ!
Отвергнувъ льстивыхъ музъ треножникъ
И крестъ единый возлюбя,
Святой земли жилецъ заочный,
Ее душой ты угадалъ,
Ее для насъ завоевалъ
Своею кистью полномочной.

И что тебѣ народный судъ?
Въ нашъ вѣкъ блестящихъ скороспѣлокъ,
Промышленныхъ и всякихъ сдѣлокъ,
Какъ добросовѣстенъ твой трудъ!
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
Какъ схимникъ, жаждущій спасенья,
Свой духъ постомъ уединенья
Ты отрезвилъ, ты окрылилъ.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Священной книги чудеса
Тебѣ явились безъ покрова,
И надъ твоей главою снова
Разверзлись въ славѣ небеса.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . [85]).

По свидѣтельству Хомякова, въ то время когда Ивановъ трудился въ Римѣ надъ своею картиною, „художники и любители удивлялись, посмѣивались, подозрѣвали—или безсиліе къ созданію великаго цѣлаго, или какую-то манію, близкую къ умственному разстройству. Одни только Итальянцы, добродушные и неизмѣнившіе старому преданію лучшей эпохи, еще вѣрили ему, или, по крайней мѣрѣ, благоговѣйно смотрѣли на страннаго сѣвернаго аскета, который ушелъ въ задуманное созданіе, какъ въ пустыню, и тамъ служилъ искусству всею силою своего духа. Они не понимали его труда; но въ ихъ глазахъ онъ все-таки былъ какимъ-то святымъ явленіемъ изъ прошедшихъ вѣковъ". Въ другомъ мѣстѣ, Хомяковъ замѣчаетъ, что Ивановъ „былъ въ живописи тѣмъ же, чѣмъ Гоголь въ словѣ, и Кирѣевскій—въ философскомъ мышленіи".

Какъ только Хомяковъ узналъ, что картина привезена, онъ поѣхалъ въ Петербургъ и поклонился ей.

Поѣздку свою въ Петербургъ Хомяковъ объяснялъ не однимъ любопытствомъ, и даже не одною любовью къ искусству. „Но,—пишетъ онъ,—въ продолженіи многихъ и многихъ годовъ слѣдилъ я изъ Москвы за нашимъ Римскимъ труженикомъ, у всѣхъ спрашивалъ я вѣстей; ждалъ съ надеждою и страхомъ: совершитъ ли онъ начатое? Не упадетъ ли духомъ? Не умретъ ли безвременно? Не впадетъ ли въ отчаяніе или передъ задачею своею, или передъ мыслію о томъ нечувствующемъ мірѣ, который будетъ его судить? Самъ не уничтожитъ ли своего труда, какъ тотъ великій художникъ слова, который такъ глубоко умѣлъ его цѣнить *)? И наконецъ, она уже тутъ".

„Взгляните на это полотно!—писалъ Хомяковъ, — покоренное тѣло потеряло свою грубую самостоятельность, и вполнѣ проникнутое духомъ, сдѣлалось прозрачною оболочкою мысли. Вотъ, на правой сторонѣ мальчикъ, только что принявшій

*) Гоголь. *Н. Б.*

крещеніе, и вы говорите: это будущій мученикъ,—вы высказали мысль Иванова. Вотъ, на серединѣ картины, въ тѣни, полузакрытый другими лицами, старикъ, силящійся приподняться и взглянуть на возвѣщаемаго Христа, и вы говорите: *нынѣ отпущаеши раба своего съ миромъ*,—вы высказали мысль Иванова. Вотъ, вся суровая красота Ветхаго Завѣта въ самомъ пророкѣ; вотъ кроткая сила Завѣта Новаго, зарождающаяся въ двухъ изъ его будущихъ служителей, и несказанная любовь, загорающаяся въ одномъ изъ нихъ; вотъ цѣлая лѣстница сословій отъ богача до раба, и цѣлая лѣстница умственныхъ развитій отъ высочайшаго разума, созерцающая міръ Божественныхъ откровеній, до дико-дѣтской улыбки дремлющей души, смутно чуещей свое Божественное начало, и всѣ и все служатъ великой Божіей судьбѣ, являющейся вдали въ лицѣ Агнца Божія. Самое сухое недовѣріе нѣкоторыхъ лицъ, не равнодушныхъ, но оскорбленныхъ пророческимъ благовѣстіемъ, есть уже вступленіе въ Евангельскую Исторію. Никогда вещественный образъ не облекалъ такъ прозрачно тайну мысли Христіанской".

Созерцая картину, Хомяковъ думалъ, что творецъ ея былъ „ученикомъ иконописцевъ и въ то же время *смѣлъ умѣть*. Послѣднее слово Хомяковъ сказалъ Иванову „передъ его картиною", и онъ молча пожалъ ему руку. „Отъ того-то, — продолжаетъ Хомяковъ,—Ивановъ и кажется чѣмъ-то *новымъ* въ живописи, что всѣмъ восклицаніе: „*какъ это ново*"! невольно приходитъ на языкъ даже безъ яснаго пониманія. Дѣйствительно же, это новое есть только старое, нѣкогда дѣтское, а теперь пришедшее въ возрастъ совершенный" [86]).

Еще при жизни Иванова, Хомяковъ писалъ И. С. Аксакову: „Объ Ивановѣ я статью началъ. Послужитъ ли она къ чему нибудь, не знаю. Быть можетъ, она только раздражитъ многихъ; но я пишу ее для себя и для него собственно, не полагая нисколько, чтобы рекомендація моя могла служить къ чему-нибудь предъ предержащими".

Въ *Дневникѣ* В. А. Муханова, подъ 20 іюня—7 іюля,

мы читаемъ: „Ивановъ, съ которымъ я провелъ такъ пріятно одно утро въ Царскомъ Селѣ, и потомъ видѣлъ его у насъ завтракавшаго тому не болѣе недѣли, кончилъ жизнь. Пріѣхавъ въ Россію, послѣ тридцатилѣтняго отсутствія, онъ заболѣлъ отъ излишняго употребленія квасу; во-время присланный врачъ ему помогъ. Разсказывая мнѣ это обстоятельство, художникъ присовокупилъ: хотѣлось бы мнѣ, чтобы поскорѣе вышло рѣшеніе о моей картинѣ. Тогда я могъ бы уѣхать, а то, оставаясь здѣсь, умру отъ холеры". Грустное предчувствіе сбылось. Дѣло тянулось, наконецъ назначили сумму ниже той, которую надѣялся получить художникъ, и рѣшеніе это пришло въ его квартиру, когда уже онъ лежалъ въ гробу. Часть вырученной суммы онъ намѣревался употребить на путешествіе въ Іерусалимъ, а на остальныя затѣмъ деньги желалъ купить домикъ въ Римѣ. Ивановъ былъ человѣкъ серіозный, много размышлявшій, ученикъ Овербека и Корнеліуса и проникнутый духомъ Св. Писанія, которымъ питался большую часть своей жизни. Съ покойнымъ взглядомъ христіанина смотрѣлъ онъ на событія міра. Твердыя и свѣтлыя убѣжденія его изливались изъ Божественнаго источника — Евангелія, предмета долголѣтнихъ его размышленій, положившаго на черты лица его особенное выраженіе нѣкоторой важности" [87]).

Но, по замѣчанію Хомякова, первоначально Ивановъ былъ ученикомъ Шебуева и Егорова. „Почти незамѣченные, служили они благородному своему призванію, и ихъ-то школѣ принадлежалъ Ивановъ. Ихъ, может быть, невольный аскетизмъ воспитывалъ чистоту стремленій въ ихъ ученикахъ. Личная недостаточность способностей остановила учителей, но ихъ благородное и, могу сказать, святое направленіе получило заслуженный вѣнецъ въ геніи Иванова" [88]).

„Ивановъ скончался,—писалъ Шевыревъ Погодину, — не отъ холеры, а отъ нравственной простуды въ холодной атмосферѣ Петербурга. Два часа дожидался онъ у президента Академіи Художествъ, который въ заключеніе выслалъ ему сказать, что теперь не имѣетъ времени принять его. Пол-

часа дожидался Ивановъ въ прихожей у министра Двора, который тоже его не принялъ. Вотъ причина холеры и смерти. Придворные говорили: Вѣдь онъ теперь полоумный. Что въ немъ? Общество, подражая Двору, было также равнодушно. Журналы и не подумали его привѣтствовать,—теперь извиняются предъ умершимъ. Откупщики хотѣли купить картину для Москвы: тогда только спохватилось Правительство, что будетъ стыдно и дало пятнадцать тысячь рублей серебромъ, чѣмъ лишило брата еще пятнадцати тысячь, потому что откупщики дали бы вдвое болѣе“ [89]).

Не даромъ же Иванову очень не хотѣлось разставаться съ Римомъ. „Никогда не забуду,—писалъ В. А. Черкасскій,—его страха при мысли о возвращеніи въ Россію“!

„Я началъ къ тебѣ,—писалъ Хомяковъ къ Кошелеву,—письмо о картинѣ Иванова и вдругъ — Иванова уже нѣтъ. Ивановъ умеръ. — Странно: сколько лѣтъ ждали мы, чтобы онъ кончилъ свою картину, свою *одну* картину, и какъ-то мысль свыклась съ тѣмъ, что *одна* только и будетъ картина отъ него, и многіе даже напередъ утверждали, что онъ кромѣ этой картины ничего не напишетъ; такъ и сбылось. *Одна* только и будетъ картина Иванова. А онъ былъ и свѣжъ, и крѣпокъ, и полонъ жара. Грустно. Вотъ его картина, лучше, прекраснѣе, чѣмъ говорили. А не прошло мѣсяца, и самого Иванова ужъ нѣтъ“ [90])...

Посылая статью объ Ивановѣ, Хомяковъ писалъ И. С. Аксакову: „Мнѣ хотѣлось было, чтобы Ивановъ ее прочелъ. Тяжело класть какой-бы то ни было вѣнецъ на гробъ, будь это хоть вѣнецъ святости или мученичества. На бѣду, я еще познакомился съ Ивановымъ и почувствовалъ, что онъ точно былъ нашъ, всею душою намъ сродни. Подите-ка, спросите у Константина Сергѣевича *), какъ это такіе люди могутъ родиться въ Петербургѣ, а родятся же! Впрочемъ, и ему въ нѣкоторое утѣшеніе скажу, что Ивановъ хотя и не

---

*) Аксаковъ. *Н. Б.*

бывалъ никогда Москвѣ, но признавался въ заглазной любви и влеченіи къ ней“.

„Смерть Иванова, — писалъ Хомяковъ Кошелеву, — для меня просто ударъ, и жестокій ударъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ онъ мнѣ сталъ дорогъ въ тѣ два или три раза, въ которые я его видѣлъ. Это былъ святой художникъ по тому смиренному отношенію къ религіозному художеству, которое составляло всю его жизнь. Статью начатую придется всю передѣлать. Иное написать можно о живомъ, иное о мертвомъ. А вѣдь ужъ противъ него были сильныя интриги и, можетъ быть, оскорбленное чувство сдѣлало его воспріимчивѣе къ болѣзни. Милъ Петербургъ, нечего сказать“!

„Нелегка и смерть Иванова, — писалъ Хомяковъ же Ю. Ѳ. Самарину, — но онъ, слава Богу, уже совершилъ великое. Мы другъ друга очень полюбили... Я и теперь безпрестанно вижу его большіе, задумчивые глаза, всегда что-то разглядывающіе въ себѣ или внѣ себя. Они странно мнѣ напомнили при первой встрѣчѣ глаза схимника Амфилохія, котораго я видѣлъ въ дѣтствѣ въ Ростовѣ. Странно сплетается духовный міръ, при всей кажущейся разрозненности“ [91]).

Оплакивая кончину Иванова, князь П. А. Вяземскій, между прочимъ, писалъ:

Въ земной семьѣ съ небесъ переселенцы
Не вѣдаютъ о многомъ на землѣ;
Они средь насъ страдальцы и младенцы
Съ Божественной отмѣткой на челѣ [92]).

Бренныя останки Иванова, изъ дома, гдѣ онъ жилъ, были перенесены въ домовую церковь Академіи Художествъ. Божественную литургію и отпѣваніе совершалъ протоіерей (нынѣ протопресвитеръ) Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ, и по отпѣваніи, произнесъ надгробное слово, которое, по свидѣтельству очевидцевъ, „тронуло до слезъ“.

Вѣчное упокоеніе Ивановъ нашелъ на кладбищѣ Дѣвичьяго монастыря [93]).

Вслѣдъ за Ивановымъ, переселилась въ вѣчность и гра-

финя Евдокія Петровна Ростопчина. Годъ 1858-й былъ послѣднимъ годомъ ея жизни. 14-го февраля, она писала Погодину: „Благодарю васъ очень и очень за себя и за сына; вы много меня обязали вашею курьозною присылкою; это точно старина, и потому внушаетъ мнѣ живое участіе. Да! Вы правы, мы мало умѣемъ цѣнить, а еще менѣе оберегать подобныя данныя; въ насъ все еще Орда, то-есть страсть къ перемѣнѣ, къ новизнѣ, къ движенью; въ насъ нѣтъ ни душевной, ни практической осѣдлости,—кочуемъ духомъ, – если не тѣломъ. Но позвольте подивиться и порадоваться, что вы налегаете на этотъ общій нашъ Русскій недостатокъ, и желаете, чтобъ *аристократія* похлопотала о себѣ и своихъ преданіяхъ. До преданій ли тутъ, когда насъ живьемъ хотятъ уничтожить и чуть не головою выдаютъ буйной и слѣпой силѣ?.. Кто теперь думаетъ о бѣдномъ дворянствѣ, какъ не враги его съ желаніемъ его уничтожить?.. Жаль, что умный, добрый, честный Кокоревъ впалъ въ подозрѣніе у всѣхъ смирныхъ людей, увлекшись чужимъ порывомъ и поставивши себя добровольно на ряду съ людьми, давно навлекшими на себя общее негодованіе ихъ дружбой съ нашими врагами. Тамъ, гдѣ первенствуютъ друзья Герцена, не мѣсто Русскому патріоту и гражданину, — и я это говорила Василію Александровичу... Жаль и васъ, что васъ хвалитъ *Le Nord*, въ статьѣ, гдѣ прославляются лица, извѣстныя своимъ вреднымъ вліяніемъ. Ваше имя является рядомъ съ именами корифеевъ дикости, односторонности, нетерпимости и какихъ-то тайныхъ происковъ,—ваше имя подаетъ ложное понятіе о васъ Европѣ и наброситъ тѣнь на ваше поприще ученаго, писателя, патріота.—Какому *Мишкѣ* вздумалось повергнуть въ васъ этимъ увѣсистымъ булыжникомъ?.. Отстоtronитесь, — отстойте свою независимость, докажите, что у васъ нѣтъ ничего общаго съ нашими явными и тайными общниками и поджигателями!.. Освободите свое заслуженное доброе имя отъ сотоварищества съ друзьями и почитателями Герцена etc. etc. Васъ Пушкинъ уважалъ и любилъ, васъ зналъ Карамзинъ, къ вамъ питали уваженіе

Жуковскій, Уваровъ, Дашковъ, Блудовъ, все что у насъ есть и было лучшаго между умами, талантами, государственными людьми: къ чему вамъ теперь похвальба и рукожатье современной милюзги?.. Да и Кокорева удержите!.. Вамъ не мѣсто и не слѣдъ *съ тѣми*, а *тѣмъ* и ихъ покровителямъ Богъ будь Судія!.. Я ѣзжу на балы... Умѣю сидѣть съ маменьками до 3-хъ часовъ, зѣвая только украдкою, умѣю отдавать и получать... визиты... Не правда-ли это подвигъ, и не худо, чтобы и меня выкупили изъ этого крѣпостного состоянья, найдя мнѣ жениховъ для дочерей!.. Начатъ у меня *Московскій Домъ Сумасшедшихъ*—продолженье Воейковскаго; тутъ и вы, и я и всѣ; когда кончу пріѣду вамъ прочитать.— Видите, какъ агнцы и голуби обращаются въ кошекъ, когда ихъ слишкомъ задѣнутъ за живое" [94]).

Въ сентябрѣ, графиню Ростопчину посѣтилъ Ѳ. И. Тютчевъ, и писалъ: „Наканунѣ моего отъѣзда изъ Москвы, отправился я къ Ростопчиной: я нашелъ ее больною, хворающею все лѣто, чувствующей себя, по ея словамъ, измученной и ослабѣвшей. Дѣйствительно, бѣдная женщина стала какой-то тѣнью или вѣрнѣе развалиной. Но у нея осталась прежняя легкость въ болтовнѣ, прежняя способность дать всему испариться въ словахъ" [95]). 8-го же октября, Шевыревъ писалъ Погодину: „Говорятъ, бѣдная Ростопчина очень больна и безнадежна. Надобно бы навѣстить прежнюю сотрудницу" [96]).

Лебединою пѣснію графини Ростопчиной была сатира. По замѣчанію Е. С. Некрасовой, послѣдній годъ своей жизни графиня Ростопчина провела не мирно.

Среди страданій отъ неизлѣчимой болѣзни, „уязвленное сердце" ея клокотало злобою, и ей хотѣлось чѣмъ-нибудь отмстить врагамъ своимъ, отъ которыхъ уже десять лѣтъ приходилось ей горько. До сихъ поръ она изливала злобу въ случайныхъ разговорахъ, въ лирическихъ отступленіяхъ романовъ и—случалось—въ полемическаго характера стихахъ". И вотъ, въ послѣдній годъ своей жизни, ей вздумалось, въ подражаніе Воейкову, написать сатиру *Домъ Сумасшедшихъ*.

Въ Петербургскій домъ безумныхъ
Встарь Воейковъ насъ водилъ...
... Нынче древнія столицы
Посѣтимъ мы желтый домъ.

Это произведеніе свое Ростопчина хотѣла посвятить своему дядѣ Н. В. Сушкову; но онъ отклонилъ отъ себя эту честь, и въ іюлѣ 1858 года, писалъ ей: „Кромѣ уже моихъ лѣтъ, мнѣ ни въ какомъ случаѣ не прилично путаться въ такія юныя дѣла. И такъ, уволь меня отъ этой піесы, т.-е., отъ посвященія. Кстати ли мнѣ выйти на ссору со всѣми партіями литературными и политическими? Ты знаешь, что я *средній*, полонъ терпимости, со всѣми знаюсь, всѣ изъ всѣхъ у насъ бываютъ. За что же по твоей милости, я долженъ буду перемѣнить образъ жизни? Что хочешь пиши обо мнѣ, только не клевещи, что я далъ тебѣ мысль, чтобы я сочувствовалъ духу и направленію твоихъ сатиръ и эпиграмъ“.

Но, не смотря на свое почтеніе къ дядѣ, Сушкову, и дружбу съ Погодинымъ и Шевыревымъ, графиня Ростопчина не пощадила и ихъ:

(Н. В. Сушковъ).

Вотъ создатель Мизогина
Метроманіи пѣвецъ,
Вотъ поэтъ бровей и сплина,
Сафы Греческой отецъ
Онъ затѣйливой программой
Въ райты пестрые сзывалъ *)
Имъ воспѣты дѣвы, дамы,
Имъ и Долинъ славенъ сталъ.

Братьей пишущей гонимый
За *Обозы*, за стихи,—
Наконецъ сказалъ онъ: „мимо,
Прочь вы, юности грѣхи“!
Нынѣ онъ *Воспоминанья*
Пишетъ, скачетъ на обѣдъ

*) Раутъ—невозможно сократить въ одинъ слогъ. Поставь лучше: всѣхъ на раутъ сзывалъ. *Примѣчаніе Н. В. Сушкова.*

Въ мирѣ съ *Вѣстникомъ*, — на братью
Удостоенъ отъ Бесѣды!!.. *).

(М. П. Погодинъ).

Берегитесь!.. Сторонитесь!
Съ длинной рѣчью не впопадъ,
Вотъ хромой!.. Какъ ни вертитесь, —
Не отступите назадъ:
Онъ задѣнетъ васъ клюкою;
Съ хламомъ, съ пылью древнихъ дней.
Сбудетъ васъ цѣной большою
Въ библіотеку царей?..

(С. П. Шевыревъ).

Вотъ уста, что намъ точили
Медъ съ елеемъ пополамъ,
Вотъ тѣ руцы, что кадили
Безразборно всѣмъ властямъ...
Вотъ профессоръ сладкогласный,
Что такъ горько былъ гонимъ
Молодежью, столь пристрастной
Къ людямъ, къ мнѣніямъ инымъ.

Очистительною жертвой
Духу вѣка принесенъ, —
Видитъ онъ: теперь ужъ мертво
Все, что чтилъ, что славилъ онъ...
И враги ему студенты; —
И за то онъ имъ постылъ,
Что любилъ кресты и ленты,
Что метафоры любилъ!.. [97]).

По свидѣтельству П. И. Бартенева, „когда скончалась графиня Е. П. Ростопчина, въ нашихъ газетахъ и журналахъ не было ни одной некрологической статьи объ этой замѣчательной женщинѣ". По возвращеніи съ ея похоронъ,

---

*) Ни отъ *Русскаго Вѣстника* похвалъ, ни отъ *Русской Бесѣды* брани я еще не слыхалъ. Въ *Атенеѣ* была благосклонная статья Лонгинова о *Воспоминаніяхъ*, а въ *Библіографическихъ Запискахъ* ругательная, какъ и въ *Современникѣ*. Ibid.

Н. В. Путята записалъ слѣдующее въ своей записной книжкѣ: „Лѣтъ около тридцати тому назадъ, въ высшихъ кругахъ Московскаго общества показалась въ свѣтъ молодая семнадцатилѣтняя Евдокія Петровна Сушкова. Прекрасная собой, живая, воспріимчивая, она соединяла со всѣмъ очарованіемъ свѣтской дѣвушки примѣчательное дарованіе. Въ 1833 году, она вступила въ бракъ съ молодымъ человѣкомъ, носящимъ историческое, столь народное въ Россіи, имя; въ печати начали появляться стихи графини Ростопчиной. Жуковскій и другіе наши литературныя знаменитости привѣтствовали ихъ радушнымъ, лестнымъ одобреніемъ. Никто, конечно, оспоривать не будетъ, что имя графини Ростопчиной громко звучало въ нашей Литературѣ. Вспомнимъ, что когда она начала свое стихотворное поприще, Французскій языкъ еще господствовалъ у насъ исключительно, и большинство нашихъ образованныхъ женщинъ не въ состояніи было написать правильно и свободно нѣсколько строкъ и почти ничего не читало по-Русски. Примѣръ графини Ростопчиной побудилъ, вѣроятно, и нѣкоторыхъ другихъ женщинъ испытать способности свои на этомъ же поприщѣ и открылъ намъ рядъ даровитыхъ Русскихъ писательницъ. Вліяніе ея въ этомъ отношеніи было несомнѣнно и благодѣтельно, и она заслуживаетъ отъ Русской Литературы добраго слова и воспоминанія“.

7-го декабря 1858 года, на Басманной, у церкви св. Петра и Павла толпился народъ. Церковь была полна молящихся: совершалось отпѣваніе усопшей. Ростопчина скончалась 3-го декабря, послѣ долгой, мучительной болѣзни, на сорокъ седьмомъ году отъ роду. Тѣло ея предано землѣ за Троицкою заставою, на Пятницкомъ кладбищѣ, возлѣ праха свекра ея, знаменитаго градоначальника Москвы въ 1812 году. Семейство ея, домашніе и всѣ близко знавшіе графиню Евдокію Петровну, искренне ее оплакиваютъ“ [98]).

XXVI.

Въ Москвѣ нѣкогда процвѣтало Общество Любителей Россійской Словесности. Заглохшее съ тридцатыхъ годовъ, оно снова было призвано къ жизни въ 1858 году.

По свидѣтельству М. Н. Лонгинова, еще въ 1856 году, „при стеченіи разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ стала оживляться наша Литература, проявилась у нѣкоторыхъ старыхъ членовъ Общества мысль возобновить его дѣйствія. Положеніе было затруднительное; казначей М. Н. Макаровъ умеръ, но дѣла хранились у послѣдняго секретаря С. П. Шевырева. Немногіе, оставшіеся въ живыхъ, члены просили разрѣшенія у попечителя Московскаго Учебнаго Округа Е. П. Ковалевскаго сдѣлать экстренное собраніе для выбора временныхъ предсѣдателя и секретаря. Хотя разрѣшеніе на это послѣдовало, но разныя обстоятельства воспрепятствовали исполнить это желаніе членовъ, которое увѣнчалось успѣхомъ только въ 1858 году [99]).

Въ это время гостилъ въ Москвѣ М. А. Максимовичъ, бывшій членомъ Общества Любителей Россійской Словесности съ 7-го ноября 1833 года. Онъ принялъ въ дѣлѣ обновленія Общества горячее участіе, и члены Общества совершенно справедливо говорили и писали Максимовичу: „Вы воздвигли изъ гроба новаго Лазаря“ [100]).

27 мая 1858 года, во вторникъ, въ 7 часовъ вечера, въ одной изъ залъ стараго Университета собрались оставшіеся въ живыхъ члены Общества Любителей Россійской Словесности. Ихъ было не болѣе шести: С. А. Масловъ (1821 г.), М. П. Погодинъ (1827), А. М. Кубаревъ (1829), А. С. Хомяковъ (1833), А. Ѳ. Вельтманъ (1833) и М. А. Максимовичъ [101]).

Погодинъ въ это засѣданіе былъ приглашенъ особенно запискою Максимовича слѣдующаго содержанія: „Возлюблен-

ный Михайло Петровичъ. Наконецъ—Общество наше проснуться имѣетъ завтра (во вторникъ, 27 мая), въ шесть часовъ пополудни; а потому благоволи пожаловать въ оный часъ, въ круглый малый залъ, тебѣ извѣстный, гдѣ собираются и прочія ученыя общества, состоящія при Университетѣ“ [102]).

„Странное чувство“, — замѣчаетъ М. Н. Лонгиновъ,— „испытали, вѣрно, члены Общества, сойдясь послѣ двадцатичетырехлѣтняго прекращенія своихъ собраній. Четверть вѣка съ бурными своими событіями унесла память минувшаго; нравы, люди, интересы измѣнились; прошедшаго не осталось и тѣни. Но заря Просвѣщенія и обновленія блеснула для Россіи, и вотъ, сходятся немногіе, уцѣлѣвшіе отъ прежней эпохи, чтобы возстановить забытое учрежденіе и направить его дѣйствія на общую пользу, согласно требованіямъ современности. Мы не сомнѣваемся, что гг. члены встрѣтились въ этотъ день съ невольнымъ душевнымъ волненіемъ. Въ этомъ небольшомъ кружкѣ открылось *сто третье* засѣданіе Общества. Члены ограничились избраніемъ во временные предсѣдатели А. С. Хомякова и во временные секретари—М. А. Максимовича“ [103]).

Изъ числа оставшихся въ живыхъ членовъ, въ этомъ засѣданіи не присутствовалъ П. М. Строевъ (1827 г,); но на слѣдующее засѣданіе Общества, бывшее 10 ноября 1858 г., былъ приглашенъ и онъ слѣдующимъ извѣщеніемъ Максимовича: „Общество Любителей Россійской Словесности будетъ имѣть свое засѣданіе сего ноября 10-го, въ часъ пополудни, въ старомъ зданіи Университета. Въ засѣданіи семъ будутъ произведены выборы въ дѣйствительные члены Общества“ [104]).

На этомъ засѣданіи избраны въ члены Общества: К. С. Аксаковъ, И. С. Аксаковъ, П. А. Безсоновъ, Н. В. Бергъ, І. М. Бодянскій, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, А. В. Горскій, М. Н. Катковъ, М. Н. Лонгиновъ, Ѳ. Б. Миллеръ, Д. Е. Минъ, А. Н. Островскій, С. Д. Полтарацкій, Ю. Ѳ. Самаринъ, С. А. Соболевскій, Н. В. Сушковъ и В. М. Ундольскій [105]).

На имянинахъ Погодина (8 ноября), произошли какіе-то споры, по поводу которыхъ Максимовичъ писалъ имяниннику: „Вчерашній споръ и мнѣ не по нутру; но—перемелется мука будетъ! Боже сохрани тебя и думать не быть въ завтрашнемъ засѣданіи (т.-е. 10 ноября). Намъ съ тобой уже шестой десятокъ идетъ; надо же владѣть собою и не быть деспотами и юношами въ мірѣ свободныхъ искусствъ и зрѣлыхъ думъ; надо иногда придержать свое личное, когда цѣль—Общество.. Не налагай первый ты руки своей на мертвеца, едва поднятаго изъ гроба моими майскими усиліями".

Съ января 1859 года, въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности начались, подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова, частныя и публичныя засѣданія.

Въ теченіе 1859 года, въ члены Общества были избраны: И. И. Срезневскій (по предложенію С. П. Шевырева и А. Ѳ. Вельтмана), П. И. Бартеневъ, Ѳ. И. Буслаевъ, А. И. Кошелевъ и Г. Е. Щуровскій (по предложенію М. А. Максимовича), Н. Ѳ. фонъ-Крузе, графъ Л. Н. Толстой и И. С. Тургеневъ (по предложенію К. С. Аксакова), М. А. Дмитріевъ (по предложенію Н. В. Сушкова), графъ А. С. Уваровъ (по предложенію С. А. Соболевскаго). К. К. Павлова (по предложенію А. С. Хомякова), Вукъ-Караджичъ (по предложенію М. П. Погодина), Ганка и Шафарикъ (по предложенік М. А. Максимовича), В. П. Боткинъ (по предложенію М. Н. Лонгинова), А. Ѳ. Писемскій (по предложенію А. Н. Островскаго), А. А. Фетъ (по предложенію графа Л. Н. Толстого), графиня Е. В. Сальясъ (по предложенію Н. В. Сушкова), М. А. Грабовскій и В. И. Даль (по предложенію М. А. Максимовича), М. Е. Салтыковъ, графъ А. К. Толстой и Ѳ. В. Чижовъ (по предложенію И. С. Аксакова), Г. Н. Геннади (по предложенію С. Д Полтарацкаго), Я. К. Гротъ (по предложенію П. И. Бартенева), И. К. Бабстъ (по предложенію И. В. Селиванова), Одынецъ и Смоляръ (по предложенію А. С. Хомякова), князь В. А. Черкаскій (по предложенію М. А. Максимовича), А. Н. Поповъ (по предложе-

нію В. М. Ундольскаго), А. М. Жемчужниковъ (по предложенію Н. Ѳ. фонъ-Крузе).

Въ засѣданіи 21 января 1859 года, были избраны: казначеемъ и библіотекаремъ Общества—С. А. Соболевскій; временнымъ предсѣдателемъ—М. П. Погодинъ; временнымъ секретаремъ — М. Н. Лонгиновъ; членами приготовительнаго собранія—Н. Ѳ. Павловъ и Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

Секретарь Общества М. А. Максимовичъ, возвратясь изъ Москвы, на свою Михайлову Гору, 27 ноября 1859 года, написалъ Погодину слѣдующее оффиціальное письмо: „Милостивый государь Михаилъ Петровичь! Оставшись въ Малороссіи на всю нынѣшнюю зиму и все будущее лѣто, я не хочу носить на себѣ напрасно и бездѣйственно званіе *секретаря* Общества Любителей Россійской Словесности, и покорнѣйше прошу васъ предложить Обществу избрать, вмѣсто меня, другого секретаря изъ дѣйствительныхъ членовъ, постоянно въ Москвѣ находящихся. Мой голосъ при этомъ выборѣ былъ бы за Михаила Николаевича Лонгинова. Примите увѣреніе въ истинной преданности, почтеніи и любви, съ которыми имѣю честь быть, вашего превосходительства, покорнѣйшимъ слугою М. Максимовичь“ [106]).

По свидѣтельству Н. П. Гилярова-Платонова, „въ первыя времена по пробужденіи Общества, выборъ членовъ былъ очень строгъ“. Такъ, когда Максимовичъ предложилъ избрать въ члены Общества Г. Е. Щуровскаго, то поставленъ былъ вопросъ: „профессоръ Геологіи, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, имѣетъ ли право быть членомъ Общества Словесности? Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ принципѣ отрицательно, но въ собраніи было прочитано его описаніе Альпійскихъ ледниковъ, свидѣтельствовавшее, что Щуровскій не только ученый изслѣдователь, но и художникъ слова, и онъ былъ выбранъ“ [107]).

Тоже повторилось и при избраніи графа А. С. Уварова въ члены Общества, по предложенію С. А. Соболевскаго. Но

за Уварова сталъ Погодинъ, и въ *Дневникѣ* его находятся слѣдующія записи:

Подъ *28 января 1859 года*: „Уваровъ не выбранъ. Толки и нелѣпости“.

— *29* — — —: „Былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Написалъ оффиціальное письмо объ Уваровѣ къ Хомякову“.

— *4 февраля* — —: „Засѣданіе прекрасное. Исчислилъ заслуги Уварова, и онъ избранъ девятнадцатью голосами съ однимъ чернымъ“.

Въ этомъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова, присутствовали: С. А. Масловъ, М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ, Н. Ф. Павловъ, А. Ф. Томашевскій, М. А. Максимовичъ, А. Ѳ. Вельтманъ, И. С. Аксаковъ, П. А. Безсоновъ, М. Н. Лонгиновъ, Ѳ. Б. Миллеръ, С. А. Соболевскій, Н. В. Сушковъ, В. М. Ундольскій, С. М. Соловьевъ, П. И. Бартеневъ, Н. Ѳ. фонъ-Крузе, И. В. Селивановъ и графъ Л. Н. Толстой [108]).

Строгость, соблюдаемую при выборѣ въ члены Общества Любителей Россійской Словесности, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ объясняетъ тѣмъ, что задачу свою Общество понимало „въ той строгости, которая предначертана была предварительными тайными совѣщаніями, когда будущіе члены собирались своего рода заговорщиками. Я говорю,—продолжаетъ Гиляровъ-Платоновъ, — о Хомяковѣ и Аксаковѣ. Общество Любителей Россійской Словесности должно стремиться къ тому, такова была мысль, чтобы образовать изъ себя въ Москвѣ общественную академію, въ параллель Петербургской казенной. Предметъ ея—языкъ и словесность. Общество должно слѣдить за успѣхами Литературы, служить для нея зеркаломъ, отчасти руководствомъ. Критическія обозрѣнія—безпристрастныя, стоящія выше партій—должны быть предметомъ чтеній на публичныхъ собраніяхъ. Языкъ и его Исторія должны быть предметомъ тщательной разработки; рѣчи въ Обществѣ должны быть на половину и лекціями. Хомяковъ, при всей своей

лѣни, послужилъ, съ своей стороны, добросовѣстно предначертанной задачѣ“ [109]).

Къ каждому публичному засѣданію тщательно готовились. Съ этою цѣлью были учреждены, такъ называемыя, *приготовительныя собранія*.

Такъ, предъ публичнымъ засѣданіемъ, бывшимъ 29 марта 1859 года, Лонгиновъ, еще 14-го марта, писалъ Погодину: „Всѣ члены приготовительнаго собранія: Хомяковъ, Максимовичъ, Павловъ и Гиляровъ, поручили мнѣ покорнѣйше просить васъ пріѣхать въ засѣданіе онаго.—Мы собираемся у Максимовича, на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ княгини Юсуповой“. Съ своей стороны, и Хомяковъ писалъ Погодину: „Взялся Лонгиновъ тебя пригласить къ Максимовичу. На всякій случай пишу, прося тебя пріѣхать. Мы съѣзжаемся толковать о засѣданіи публичномъ. Да ты, говорятъ, былъ нездоровъ. Что ты никогда не дашь знать“ [110]).

Въ этомъ публичномъ засѣданіи, бывшемъ 29 марта 1859 года, подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова, и въ присутствіи членовъ И. М. Снегирева, С. А. Маслова, М. П. Погодина, Н. Ф. Павлова, А. З. Зиновьева, М. А. Максимовича, К. С. Аксакова, И. С. Аксакова, П. А. Безсонова, Н. В. Берга, Н. П. Гилярова-Платонова, М. Н. Каткова, М. Н. Лонгинова, Ѳ. Б. Миллера, А. Н. Островскаго, С. А. Соболевскаго, Н. В. Сушкова, В. М. Ундольскаго, С. М. Соловьева, П. И. Бартенева, И. В. Селиванова, Г. Е. Щуровскаго, И. К. Бабста, Г. Н. Геннади, Ѳ. В. Чажова, графини Е. В. Сальясъ и „многочисленныхъ посѣтителей и посѣтительницъ“,—А. С. Хомяковъ произнесъ рѣчь, по случаю возобновленія публичныхъ засѣданій Общества. К. С. Аксаковъ прочелъ стихотвореніе свое *Совѣтъ*. М. А. Максимовичъ—*Воспоминаніе о пребываніи въ Москвѣ Мицкевича*. К. С. Аксаковъ: Отрывокъ изъ повѣсти С. Т. Аксакова—*Наташа*. М. Н. Лонгиновъ—*О Княжнинѣ* и трагедіи его *Вадимъ*. Масловъ—стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго—*Слово Примиренія* и М. П. Погодинъ.—Письмо товарища министра Народнаго Просвѣ-

щенія и куратора Московскаго Университета Михаила Никитича Муравьева, 1804 года, къ студенту Роману Өедоровичу Тимковскому, и нѣсколько словъ по поводу сего письма.

Наканунѣ засѣданія, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ приготовительномъ собраніи протестъ профессора Соловьева, чтобы не читать письма Муравьева, дабы не оскорбился новый попечитель (Исаковъ). Какова . . . . . . Рассердился“. О самомъ же публичномъ засѣданіи, Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Съ дѣтьми въ Обществѣ. Хорошо и интересно“.

На публичномъ засѣданіи Общества, бывшемъ, предъ лѣтними вакаціями, 26 апрѣля 1859 года, присутствовалъ, въ качествѣ члена, Ѳ. И. Тютчевъ.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова, въ присутствіи членовъ: М. П. Погодина, С. П. Шевырева, Н. Ф. Павлова, А. Ф Томашевскаго, А. З. Зиновьева, М. А. Максимовича. К. С. Аксакова, И. С. Аксакова, П. А. Безсонова, Н. В. Берга, Н. П. Гилярова-Платонова, М. Н. Лонгинова, Ѳ. Б. Миллера, Д. Е. Мина, С. А. Соболевскаго, Н. В. Сушкова, В. М. Ундольскаго, С. М. Соловьева, Ѳ. И. Тютчева, П. И. Бартенева, А. И. Кошелева, Н. Ѳ. фонъ-Крузе, П. В. Селиванова, Г. Е. Щуровскаго, В. П. Боткина и Г. Н. Геннади и „многочисленныхъ посѣтителей и посѣтительницъ“, въ которомъ А. С. Хомяковъ, произнесъ рѣчь *о причинахъ учрежденія Общества Любителей Словесности въ Москвѣ*, а Шевыревъ прочелъ свое стихотвореніе *къ Италіи*; Н Ф. Павловъ прочелъ *о несправедливыхъ нападеніяхъ на Литературу* и стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго *Желаніе*; Гиляровъ-Платоновъ — отрывокъ изъ повѣсти графа Л. Н. Толстого: *Семейное счастіе*. Засѣданіе заключилъ А. С. Хомяковъ чтеніемъ своего стихотворенія—*Подражаніе пророчеству Іезекіиля* [111]).

Вотъ какое впечатлѣніе вынесъ Тютчевъ изъ этого засѣданія: „Вчера“,—писалъ онъ,— „у насъ было публичное засѣда-даніе Литературнаго Общества, недавно воскресшаго послѣ

перерыва въ тридцать съ лишнимъ лѣтъ; вспоминаю, что я когда-то, увы, принадлежалъ къ этому Обществу, какъ членъ соревнователь. Вчера я принужденъ занять оное мѣсто дѣйствительнаго члена за длиннымъ столомъ, покрытомъ краснымъ сукномъ; тамъ я, какъ и другіе, возсѣдалъ въ кроткомъ величіи, предоставленный любопытству благосклонныхъ взоровъ многочисленной публики. Предсѣдатель Общества, Хомяковъ, во фракѣ, на этотъ разъ, скорчившись въ креслѣ, представлялъ изъ себя забавнѣйшаго изъ предсѣдателей какого когда-либо видѣли. Онъ открылъ засѣданіе очень умною рѣчью, написанной прекраснымъ языкомъ, на вѣчную тему объ относительномъ значеніи Москвы и Петербурга. Потомъ слѣдовало чтеніе друга — Павлова, трепещущее современностію: ему много апплодировали. Потомъ стихи объ *Италіи*... Я сидѣлъ между Шевыревымъ и Погодинымъ; на всемъ лежалъ отпечатокъ спокойной торжественности. Рѣшительно Москва архи-литературный городъ, гдѣ очень серьезно относятся ко всѣмъ тѣмъ произведеніямъ, которыя пишутся и читаются, но, какъ и слѣдовало ожидать, господствуетъ и управляетъ партія, конечно литературная партія, самая несносная изо всякихъ. Мнѣ было бы совершенно невозможно жить здѣсь, въ этой средѣ, которая столь полна сама собой и не желаетъ слышать никакихъ отголосковъ извнѣ. Такъ, напримѣръ, я не убѣжденъ, что такое дѣтское занятіе, какъ вчерашнее засѣданіе, не увлекаетъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ тѣ страшныя событія, которыя подготовляются въ мірѣ“ [112]).

Погодинъ же о томъ же засѣданіи, въ своемъ *Дневникѣ*, отмѣтилъ: „Радъ стихотворенію Шевырева *объ Италіи*, вѣетъ воздухомъ“.

Послѣ лѣтней вакаціи, Общество Любителей Россійской Словесности открыло свое публичное засѣданіе, въ четвергъ 29 октября 1859 года. День этотъ былъ избранъ — потому, что онъ былъ днемъ столѣтней годовщины рожденія Шиллера. Засѣданіе происходило, за отсутствіемъ изъ Москвы А. С. Хомякова, подъ предсѣдательствомъ М. П. Погодина.

Множество посѣтителей и посѣтительницъ собрались въ залѣ. Ровно въ часъ по-полудни, въ этомъ засѣданіи С. П. Шевыревъ произнесъ рѣчь въ память Шиллера, въ которой были изображены черты изъ жизни Шиллера, какъ художника, ученаго и человѣка, и сообщены свѣдѣнія о судьбахъ его твореній въ Россіи".

Еще до засѣданія, 24 октября 1859 года, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Ты можешь себѣ представить, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, что успѣхъ твоей рѣчи для меня гораздо дороже своей. Вотъ тебѣ нѣсколько замѣчаній, кои ты обдумай: 1) Ты начиналъ всегда всѣ свои лекціи, пока не разговоришься, какимъ-то бемольнымъ тономъ, какъ будто прося чего-то. Надо непремѣнно начать твердо, такимъ голосомъ, какимъ и продолжать будешь. 2) Никакихъ сравненій изъ Священнаго Писанія. 3) Никакихъ указаній на прежніе труды: это я развилъ тамъ-то и тому подобное. Времени надо употреблять не болѣе 3/4 часа, ибо публика выслушаетъ два часа сряду, а это ей тяжело, и прекрасныя вещи къ концу играютъ роль *Королевы Нидерландской Анны Павловны*. Что— касается до Чернышева, то чтеніемъ его я совершенно недоволенъ. Онъ совершенно не вникалъ въ смыслъ словъ, дѣлая удареніе не на тѣхъ словахъ, гдѣ нужно, останавливался не тамъ, гдѣ должно. Чтеніе, въ смыслѣ искусства, никуда не годилось. Скажи-ка ему, чтобъ онъ на досугѣ, хоть въ понедѣльникъ, заглянулъ ко мнѣ и принесъ прочесть".

Рѣчь Шевырева удалась, и Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Собраніе. Хорошо, но тихо. Дуракъ Сушковъ. Рѣчь Шевырева очень хороша, но жаль, что не можетъ избавиться онъ отъ напыщенности".

На другой день засѣданія, 30 октября 1859 года, Нѣмецкая колонія въ Москвѣ устроила въ залѣ Эрмитажа праздникъ въ память Шиллера. Изъ Русскихъ, въ этомъ праздникѣ приняли участіе: Погодинъ и Бабстъ. Уступая просьбамъ многихъ участниковъ обѣда, Погодинъ сказалъ нѣсколько словъ о вліяніи Шиллера на старшее поколѣніе и вліяніи Гейне—

на младшее, и выразилъ желаніе, чтобы слѣдующее поколѣніе возвратилось „къ великому, любезному, благородному и либеральному Шиллеру“ [113]).

XXVII.

Въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, бывшемъ 29-го октября 1859 года, въ память Шиллера, Погодинъ также произнесъ рѣчь *объ обязанности Общества слѣдить за искаженіями Русскаго языка въ разнаю рода оффиціальныхъ актахъ, публичныхъ извѣщеніяхъ* и т. п.

Изъ *Дневника* Погодина мы узнаемъ, что рѣчь свою онъ началъ писать 6 октября; „мысли такъ и льются“,—замѣчаетъ онъ. Къ 23-му октября, рѣчь уже была готова и прочитана въ приготовительномъ собраніи.

Къ сожалѣнію, мы не знакомы съ содержаніемъ этой рѣчи Погодина; но у насъ имѣется замѣчательное письмо, вызванное этою рѣчью.

Членъ приготовительнаго собранія Общества Любителей Россійской Словесности Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, выслушавъ, 23 октября 1859 года, въ означенномъ собраніи эту рѣчь, написалъ Погодину, этому вѣрному исповѣднику и проповѣднику священнаго символа нашей Русской жизни Православія, Самодержавія и Народности, въ теченіе долгой своей жизни не соблазнившему ни единаго *отъ малыхъ*, но научившему и утвердившему въ правовѣріи многихъ, написалъ письмо, въ которомъ Погодинъ выставленъ какимъ-то двуличнымъ анархистомъ! „Пускать рѣчь“,—писалъ Гиляровъ,—„по моему мнѣнію, слѣдуетъ, но именно того-то и не должно пускать, на что̀ вы указываете, какъ на обезопашивающее ее средство. Мѣсто объ августѣйшемъ примѣрѣ, какъ я замѣтилъ еще во время засѣданія И. С. Аксакову, слѣдовало бы даже совсѣмъ выкинуть изъ рѣчи. Это мѣсто даетъ фальшивый тонъ. Если принимать его слушателю или читателю за искреннее, то оно нейдетъ ни къ существу, ни къ тону всей рѣчи. И такъ,

остается принять это мѣсто за иронію: такъ его всѣ и примутъ непремѣнно, что, разумѣется, для статьи и для нашего Общества вообще очень вредно.

„Къ такому пониманію этого мѣста, кромѣ уже отношенія его къ существу и тону всей рѣчи, приведетъ публику и Правительство еще два обстоятельства: 1) мнѣніе, составленное о васъ и тамъ, и здѣсь. Искренности вашей, сколько я разумѣю, и сколько прямо слышалъ, никто и никто не вѣритъ, — разумѣется относительно *почтенія* и *преданности*; 2) то обстоятельство, что, какъ всякому извѣстно, отнятіе частицы *оберъ* отъ священниковъ принадлежитъ не лично государю, а вызвано статьей Белюстина.

„Искренно бы совѣтовалъ и отъ души желалъ бы, чтобы вы это мѣсто выкинули.

„А кстати сказать, именно удивляюсь, какъ вы, съ несомнѣннѣйшимъ умомъ и съ не менѣе несомнѣнною опытностію, теряете иногда тактъ. Сколько разъ я объ этомъ думалъ, и никакъ не могъ объяснить себѣ. Нахожу только одно объясненіе, и нахожу его вѣрнымъ. Предположеніе о возможности закрасить цѣлый тонъ тою или другою частицею quasi-почтенія—идетъ, мнѣ кажется, у васъ, отъ *старыхъ* временъ. Тогда, дѣйствительно, это было такъ. Но времена перемѣнились. Искренности, преданности теперь уже никто не вѣритъ, ни Правительство, ни публика. И замѣтьте это, *преданныхъ* выраженій теперь уже никто и не говоритъ. Молчаливо согласились всѣ, что это подлость, и Правительство молча также подписалось подъ это. Оно, съ своей стороны, потеряло всю вѣру въ свою непогрѣшимость, какую признавала въ себѣ прежде; оно чувствуетъ себя униженнымъ, и чуть-чуть этого не высказываетъ; по крайней мѣрѣ не оскорбляется, когда его учатъ, когда его порицаютъ вѣжливымъ образомъ; оно молитъ теперь только объ одномъ, чтобы ругали его, но только вѣжливымъ образомъ. Ради Христа, поймите все это хорошенько, вдумайтесь, и, можетъ быть, во многомъ вы даже сами бы себя осудили; и какъ бы я счастливъ былъ, да и

многіе другіе также. Что вы дѣятель теперь нужный, полезный, это несомнѣнно. Но вы дѣйствуете такъ, что пользы отъ вашихъ дѣйствій нѣтъ, а одно только раздраженіе; а этимъ вы, въ свою очередь, сами раздражаетесь, и болѣе и болѣе становитесь въ ложное положеніе. Напрасно. Поймите разъ навсегда, что вы *красный*, что вы окрасились такимъ образомъ въ глазахъ всѣхъ. Ну, что жъ, въ настоящія времена, это совсѣмъ не бѣда, и искуплять этого ничѣмъ не нужно. Но будьте серьезны, вѣжливы, не теряя своего, добытаго вами значенія, и вы будете полезны. Поймите, съ другой стороны, что Правительство, разумѣется, красному сочувствовать не можетъ, и примите это какъ необходимое и весьма разумное послѣдствіе своего положенія. Ну, что жъ? Не теряйте однакожъ уваженія; а вы непремѣнно его потеряете, если, съ одной стороны, будете, по прежнему, пытаться *искуплять* свою красноту; и съ другой стороны, если будете раздражаться. Станьте выше всего этого; не раздражайтесь и не приводите сами никого въ досаду.

„Извините, что все это я вамъ пишу. Вы видите, что мною руководитъ участіе,—нѣтъ, не участіе, а, можно сказать, спокойное философическое разсужденіе о современныхъ потребностяхъ государства и о современныхъ дѣятеляхъ. Не теряйте безплодно талантъ вамъ данный; а ради этого необходимо, чтобы не ставили себя въ ложное положеніе, въ какомъ стоите, не обольщали себя химерами и ясно сознали свое положеніе.

„Однимъ словомъ, не раздражайтесь, не бранитесь, не курите фальшиваго ѳиміама, смѣшиваемаго уже не съ благовонными порошками, какъ въ былыя времена, а просто съ какою-то чемерицею. Но *щадите*. Вотъ долженъ быть вашъ девизъ. Щадите Правительство,—да! Не ругайтесь надъ его униженіемъ, надъ его пошлостію, которую оно само сознаетъ, а давайте ему полезные, серьезные совѣты, которыхъ оно жаждетъ. Не исполнитъ оно ихъ, — опять не обижайтесь, вникнувъ въ свое положеніе, въ необходимое отсутствіе вѣры

въ вашу искренность и въ естественную отсюда боязнь слѣдовать вамъ.

„Какое бы великолѣпное могло быть теперь ваше положеніе! Вы могли бы быть, именно патріархомъ свободно-мыслящихъ, по своей всей прошлой дѣятельности, по своей опытности и проч. и проч. А вы этимъ не есте, и быть не можете, не хотите, не умѣете. Фу, какъ это досадно смотрѣть. Ну, видно, въ этомъ ужъ рука Провидѣнія. По крайней мѣрѣ, не портите своего положенія, какое оно есть. Девизъ, повторяю: *спокойствіе*, *серьезность*, *высота*. Вмѣсто того, чтобы, напримѣръ, подкурить Филарету изъ-подтишка, что его только разозлило, разумѣется, вы могли бы прямо и спокойно, и даже нѣсколько сурово-учительнымъ тономъ сказать ему лекцію.

„Полезно иногда пожилому мужу выслушать совѣтъ отъ молодого ума; полезно иногда искушенной долгими лѣтами опытности воспользоваться указаніями новичка. Почемъ знать? А опытность-то, можетъ быть, обратилась въ рутину! А обстоятельства-то, можетъ быть, кругомъ перемѣнились, и опытный мужъ хоть и видитъ это, да не слышитъ, и самая опытность-то ему во вредъ. Вотъ идея, въ силу которой пишу.

„Любопытно бы крайне знать, какое впечатлѣніе произведетъ на васъ мое, а для васъ и для меня самого неожиданное письмо. Увѣдомьте меня объ этомъ. Дѣло слишкомъ важно".

Сколько намъ извѣстно, письмо Гилярова смутило Погодина, и онъ даже колебался читать свою рѣчь въ торжественномъ засѣданіи. Въ раздумьи, онъ писалъ Шевыреву: „Не знаю, какъ бы мнѣ уклониться отъ своей рѣчи, въ четвергъ". Но Шевыревъ прямо отвѣчалъ ему: „Очень мнѣ горько, что тебя стращаютъ. Безъ рѣчи нельзя быть, но надобно ее направить на что нибудь другое".

Наканунѣ же засѣданія, 28 октября, Погодинъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Прочелъ рѣчь своимъ. Самоосклаблялся завтрашнему торжеству. Чтобы не было худо".

Въ концѣ концевъ Погодинъ рѣшился, и торжественное

засѣданіе Общества открылось его рѣчью, по поводу которой столько наговорилъ ему членъ приготовительнаго собранія Общества Н. П. Гиляровъ-Платоновъ въ вышеприведенномъ учительномъ письмѣ своемъ. Въ день засѣданія, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Много комплиментовъ"; а черезъ нѣсколько дней Шевыревъ писалъ ему: „Отъ твоей рѣчи многіе въ восторгѣ" [114]).

Но этотъ, по мнѣнію Гилярова, анархистъ, всю свою жизнь, какъ мы уже сказали, исповѣдывалъ и проповѣдывалъ съ каѳедры то, что онъ сказалъ за годъ или за два до смерти въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ, въ присутствіи великихъ князей, въ своей рѣчи *о Татарскомъ нашествіи*: „... Татары, Литовцы, Поляки, Венгерцы, Нѣмцы, Датчане, Шведы окружили Святую Русь, какъ бы облавою, напирали на нее, грозясь разнять ее по составамъ, готовясь *подѣлить ризы ея по себѣ, и объ одеждѣ метати жребій.*

„Была ли какая человѣческая возможность сладить съ такимъ страшнымъ сборищемъ враговъ странѣ, изнуренной двухсотлѣтними междоусобіями, лишенной теперь почти всего своего военнаго сословія, опустошенной огнемъ и мечемъ вдоль и поперекъ, отъ одного конца до другого?

„Казалось, погибель ея неизбѣжна, нигдѣ не видать было исхода, надежды никакой не мелькало на перемѣну обстоятельствъ къ лучшему, пропадетъ Святая Русь. Казалось тогда, что на роду написано: не быть!

„Такую горькую, тяжелую думу думалъ, вѣроятно, святой отшельникъ въ глубинѣ пещеръ Кіевскихъ и Черниговскихъ, смиренный лѣтописецъ, заносившій не чернилами, а слезами и кровію въ лѣтопись описаніе страшныхъ событій —думалъ и молился со страхомъ и трепетомъ о спасеніи дорогой Отчизны, — Господи помилуй!

„Помилуетъ ли Онъ?

„Да, Онъ помилуетъ, она спасется, она перенесетъ тяжелое огнекровавое испытаніе, она превозможетъ всѣхъ своихъ враговъ, она возстанетъ съ новою силою и славою: *аще бо*

паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

„Кто же спасетъ Святую Русь?

„Спасетъ ее народъ терпѣливый, смиренный, твердый, толковый, талантливый, носившій въ глубинѣ своего сердца сознаніе о государственномъ и земскомъ единствѣ.

„Спасетъ ее земля просторная, плодоносная, разнообразная, безпредѣльная, достаточная для безчисленныхъ грядущихъ поколѣній.

„Спасетъ ее языкъ, творческій, живой, сильный, многосмысленный, обильный, благозвучный.

„Спасетъ ее Вѣра Православная, горячая, безусловная, готовая въ избранныхъ душахъ на всякія жертвы.

„Народъ, земля, языкъ, Вѣра—вотъ четыре твердыя, крѣпкія столпостѣны, на которыхъ, подъ державою Мономахова потомства, Святая Русь удержалась, удерживается и удержится до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ поколеблены въ своихъ завѣтныхъ, священныхъ основаніяхъ“.

XXVIII.

Просматривая списокъ старыхъ членовъ Общества Любителей Россійской Словесности, насъ удивило отсутствіе въ немъ Михаила Александровича Дмитріева, племянника Ивана Ивановича Дмитріева.

Между тѣмъ, когда, подобно фениксу, Общество возрождалось, М. А. Дмитріевъ посѣтилъ Москву; но, боясь захватить осень въ дорогѣ, онъ торопился возвратиться въ свое Богородское. 9 сентября 1858 года, онъ писалъ Погодину: „Охъ, тяжела моя переѣзжая старость! А иначе нельзя. До свиданія.

Вотъ я, который, всѣмъ извѣстно,
Служа, стоялъ за правду честно,
Теперь, на старости моей,
Чтобъ кое-какъ остатокъ дней
Прожить безъ лишняго хоть долгу,

Скитаюсь изъ Москвы на Волгу,
А съ Волги снова на Москву,
И безъ пристанища живу!
А графъ Victor Никитичъ Панинъ,
Онъ—государственное зло,
Живетъ покойно и тепло,
За то одно, что знатный баринъ,
Что онъ фортуной надѣленъ,
И что родня Орлову онъ!
Кому-жъ у насъ придетъ охота
Служить Россіи безъ разсчета—
И честь и правду охранять,
Чтобы, скитаясь, умирать!

Наконецъ, передъ самымъ отъѣздомъ (18 сентября), Дмитріевъ писалъ:

„.... Я укладываюсь... Грустно уѣзжать... Я васъ очень люблю и цѣню. Но вы, кажется, меня все еще не знаете. Я въ васъ цѣню два качества: правоту и доброту. А вы таки подозрѣваете во мнѣ, что я добрый человѣкъ; но считаете, что я другаго лагеря. Увидимся ли, Богъ знаетъ, я старъ и боленъ; но вы у меня остаетесь въ сердцѣ".

Возвратившись въ свое Богородское, 1-го декабря 1858 года, Дмитріевъ писалъ Погодину: „Исполняю мое обѣщаніе и посылаю портретъ Лабзина. Прислалъ бы и ранѣе; но, по пріѣздѣ, и дѣла было много, да опять и занемогъ-было лихорадкою. По минованіи въ этомъ портретѣ надобности, прошу васъ покорнѣйше также искусно уложить его въ ящикъ и возвратить мнѣ черезъ почту. Что у васъ дѣлается? Я ничего не слышу о Москвѣ! — У насъ ничего! Но въ нынѣшній пріѣздъ мой въ Москву я мало насладился и Москвою и пріятельскимъ обществомъ: во-первыхъ потому, что почти все время былъ боленъ; во-вторыхъ потому, что десяти человѣкъ не дочелся изъ старинныхъ и близкихъ моихъ знакомыхъ. Все это дѣлаетъ, что Москва на этотъ разъ не оставила мнѣ пріятныхъ воспоминаній, и потому я радъ уже теперешнему моему уединенію и тишинѣ. Жаль только, что старость не позволяетъ по прежнему прилежно заниматься".

Въ томъ же письмѣ Дмитріевъ пишетъ о только-что прочтенной имъ Исторіи Петра Великаго, написанной Устряловымъ. „Здѣсь,—писалъ онъ,—прочиталъ я Устрялова. Хорошо: и полно и подробно, по крайней мѣрѣ для насъ неспеціалистовъ; но какъ-то мало видно въ ней Россію? Всю ее мнутъ, куютъ, передѣлываютъ въ другую форму, при чемъ ей конечно не безъ боли: что же въ это время думалъ народъ? Чувствовалъ ли что-нибудь, думалъ ли, говорилъ ли? Бояре, стрѣльцы и раскольники—это не народъ, эти стояли за привилегіи и за предразсудки. А что же самъ народъ и сельское дворянство? Хоть плакали ли, хоть кряхтѣли ли, когда гнали ихъ въ Воронежъ и налагали тягость кораблестроенія, когда дѣлили ихъ на кумпанства, когда набирали изъ нихъ войско и пр. Представлялъ ли этотъ народъ хоть какую-нибудь человѣческую идею, или вовсе не обнаруживалъ никакихъ признаковъ жизни? Этого не видно, какъ будто дѣло идетъ о мертвомъ матеріалѣ“!

28-го января 1859 года, по предложенію Н. В. Сушкова, М. А. Дмитріевъ былъ избранъ въ члены Общества Любителей Россійской Словесности. Но новый членъ Общества отозвался Погодину только 17-го іюля того же 1859 года. „Благодарю васъ, — пишетъ онъ, — любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, за письмо ваше, отъ 28-го іюня. Я получилъ и прежнее, отъ 28-го марта; но не отвѣчалъ на него, сказать ли всю правду? отъ того, что вы не отвѣчали на мое письмо, отъ 1 декабря прошлаго года; а въ тотъ отъѣздъ мой изъ Москвы оставили три письма мои безъ отвѣта. Я подумалъ: стало быть, имъ не до меня; изъ чего же мнѣ набиваться на переписку и оказывать симпатію, когда она не нужна!—Примите это не за упрекъ, а за чувство: къ другому я не написалъ бы этого. Вотъ, посылая къ г. Хомякову мои изданія для библіотеки Общества, я изъ вѣжливости послалъ экземпляръ и ему; онъ не поблагодарилъ, какъ водится, и даже не отвѣчалъ ни слова. Прежде такъ не дѣлали! Послѣ этого поневолѣ научишься быть поскупѣе на

изъявленія вниманія, чтобы не слишкомъ продешевить себя! А что я былъ боленъ, это вы угадали: почти всю зиму и начало весны надоѣла мнѣ лихорадка. О засѣданіяхъ Общества я читалъ въ газетахъ, получалъ и письменныя извѣстія, и порадовался! Но посылать свое, по вашему приглашенію, боюсь: можетъ быть, не придется по нынѣшнимъ понятіямъ о Словесности и по нынѣшней литературной табели о рангахъ. Ежели рѣшусь, то развѣ черезъ васъ, или черезъ Лонгинова".

Но Погодинъ настойчиво просилъ Дмитріева прислать что-нибудь изъ его произведеній въ Общество. Уступая этому желанію, Дмитріевъ, 23 ноября 1859 года, писалъ ему: „Такъ какъ вы, по старой дружбѣ, желаете, чтобъ я прислалъ что-нибудь для Общества, то на первый разъ посылаю стихи. Если вы сами найдете ихъ годными, то располагайте ими, какъ хотите. Я думаю, лучше не читать ихъ публично, а прочесть въ простомъ засѣданіи и напечатать, если удостоятся".

По поводу же извѣстной рѣчи Погодина, Дмитріевъ замѣтилъ ему: „Вы предлагали Обществу заняться *неправильностями языка въ оффиціальныхъ нашихъ бумагахъ.* Но почему же только въ оффиціальныхъ? Неправильности языка кишатъ у насъ нынѣ во всѣхъ книгахъ, газетахъ и журналахъ! У меня есть много отдѣльныхъ замѣтокъ о нынѣшнихъ ошибкахъ противъ языка. Надобно ихъ выписать, и тогда можетъ быть пришлю къ вамъ для Общества". Тутъ же Дмитріевъ сообщаетъ Погодину: „Написалъ было къ вамъ гораціанскую оду, да и потерялъ: куда-то завалилась въ бумагахъ. Это подражаніе извѣстной одѣ: *Eheu! fugaces, Postume, Postume!* Моя начиналась такъ: „Эхма! Михайла Петровичъ, Михайла Петровичъ! Очень была хороша"!

На предложеніе Погодина напечатать записки И. И. Дмитріева, племянникъ его отвѣчалъ: „Записки я готовъ бы напечатать. Но, во-первыхъ, боюсь нынѣшнихъ журналовъ, которые его не любятъ; во-вторыхъ, на свой счетъ не могу.

Мнѣ писалъ объ этомъ третьяго года Смирдинъ; но предлагалъ за рукопись триста рублей. Согласитесь, что когда нынче даютъ за пошлый романъ тысячи, такое предложеніе не стоило и отвѣта. Я и не отвѣчалъ".

О себѣ Дмитріевъ писалъ (23 ноября 1859 г.): „Живу въ такомъ уединеніи, въ какомъ еще никогда не живалъ. Всѣ наши сосѣди разъѣхались: кто по другимъ деревнямъ; кто жить въ городѣ. Времени на занятія литературныя много; но силы слабѣютъ; не могу много заниматься" [115]).

По предложенію М. А. Максимовича, 4 марта 1859 года, въ члены Общества Любителей Россійской Словесности избранъ Владиміръ Ивановичъ Даль.

Незадолго до своего избранія Даль велъ непріятную полемику о грамотности, которой не былъ онъ безусловнымъ поклонникомъ. Отражая своихъ нападателей, Даль писалъ: „Не смотря на оговорку мою, что я не возстаю собственно противъ грамотности, а только противъ злоупотребленій ея, тѣсно связанныхъ съ нынѣшнимъ бытомъ народа и съ обстановкою его, меня все-таки упрекаютъ въ томъ, чего я не говорилъ. Можетъ быть, я и выразился не довольно ясно: во всякомъ случаѣ, вырванная изъ средины рѣчь не можетъ высказать всего, что сказано на двухъ, трехъ страницахъ; прошу суда правдиваго, не опрометчиваго. Смыслъ сказаннаго мною о грамотности вотъ какой: Грамотность по себѣ не есть Просвѣщеніе, а только средство къ достиженію его; если же она употреблена будетъ не на это, а на другое дѣло, то она вредна. Языкъ и руки, конечно, также первые злодѣи наши и также могутъ послужить на худое. но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ должно было отнять или откинуть: они даны намъ Богомъ, и потому на своемъ мѣстѣ, а грамота дается людьми—и потому, можетъ быть, и не всегда впору и кстати. Не думаю, чтобы слѣдовало принимать какія-либо мѣры для лишенія народа грамотности; но можетъ-быть не для чего, въ настоящую пору, слишкомъ старательно распространять ее, заботиться объ ней почти исключительно, видѣть въ ней

одно благо и спасеніе. Позвольте человѣку высказать убѣжденіе свое, не стѣсняясь возгласами ревнителей Просвѣщенія, хотя во уваженіе того, что у этого человѣка подъ рукою тридцать семь тысячь крестьянъ *), въ девяти уѣздахъ и девять же сельскихъ училищъ. Желаетъ ли онъ добра крестьянамъ и заботится ли о томъ—спросите у крестьянъ же, болѣе ни у кого; этому приговору я подчиняюсь безусловно. И такъ, я утверждаю, что у насъ есть заботы и обязанности относительно народа, гораздо-важнѣйшія и полезнѣйшія, чѣмъ указка и перо. Умственное и нравственное образованіе можетъ достигнуть значительной степени безъ грамоты; напротивъ, грамота, безъ всякаго умственнаго и нравственнаго образованія и при самыхъ негодныхъ примѣрахъ, почти всегда доводитъ до худа. Сдѣлавъ человѣка грамотеемъ, вы возбудили въ немъ потребности, коихъ не удовлетворяете ничѣмъ, а покидаете его на распутіи. Два ближайшія къ народу сословія, къ сожалѣнію грамотныя, подаютъ этотъ гибельный примѣръ. Напередъ исправьте это, и тогда налегайте на грамотность. До того, пусть грамота бредетъ, на сколько сама сможетъ; намъ не до нея.

„Чтò вы мнѣ отвѣтите на это, если я вамъ докажу *именными списками*, что изъ числа пятисотъ человѣкъ, обучавшихся въ десять лѣтъ въ девяти сельскихъ училищахъ, двѣсти человѣкъ сдѣлались *извѣстными* негодяями?

„Перестаньте заботиться о томъ, чтò станутъ говорить объ насъ Нѣмцы и Французы—велика у насъ и своя, домашняя опека; не радуйтесь чрезмѣру и оглашенію *просвѣщенныхъ* взглядовъ вашихъ въ заграничныхъ листкахъ; все это обманчиво, и тщеславіе слѣпитъ, какъ вешній снѣгъ. Ошибайтесь, но говорите по убѣжденію, а не потому, что это дѣло рѣшенное и что въ XIX вѣкѣ иначе не говорятъ.

„Повторяю: не запрещайте никому учиться грамотѣ; помогайте даже въ этомъ кому хотите; но не смѣшивайте гра-

---

*) Удѣльныхъ. *Н. Б.*

моты съ образованіемъ; средства съ цѣлію; не проповѣдуйте грамоты, какъ спасенія; не приносите никакихъ жертвъ для всеобщаго водворенія ея: *рано*" [116])!

А И. Кошелевъ прочелъ эти строки Даля „съ сердечнымъ прискорбіемъ", и слово *рано* „какъ камень легло на душу" Кошелева. „Грамота", — замѣчаетъ онъ, — „есть позднѣйшій даръ, но тѣмъ не менѣе даръ — даръ Божій, и такой даръ, который имѣетъ свои преимущества передъ словомъ изустнымъ; ибо через его посредство бесѣдуютъ между собою отдаленнѣйшие вѣка и страны". На утвержденіе Даля, что „у насъ есть заботы и обязанности относительно народа, гораздо важнѣйшія и полезнѣйшія, чѣмъ указка и перо", Кошелевъ замѣчаетъ: „Развѣ учрежденіе школъ мѣшаетъ намъ заботиться объ улучшеніи сельскаго управленія, объ утвержденіи крестьянскаго быта на основаніяхъ разумныхъ и законныхъ, объ улучшеніи какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго положенія поселянъ и проч.? Я думаю напротивъ, что грамотность есть къ тому пособіе, и притомъ весьма сильное и совершенно необходимое пособіе. Въ заключеніе своего возраженія, Кошелевъ писалъ: „Заботьтесь объ улучшеніи народной нравственности, народнаго благосостоянія, народнаго устройства; но будьте твердо убѣждены, что вѣрнѣйшій—царскій къ тому путь есть грамота, а потому распространяйте ее вездѣ и всегда, *благовременнѣ и безвременнѣ*" [117]).

Отвѣтъ свой Кошелеву, Даль начинаетъ такъ: „Одинъ говоритъ пьянъ—другой говоритъ пьянъ, а коли третій скажетъ, что пьянъ—ступай, ложись. Таково-то сталось съ моимъ отзывомъ о грамотѣ. Можно не сходиться въ убѣжденіяхъ, можно ошибаться и видѣть ошибки другихъ, и завсѣмъ тѣмъ, не браниться; но нѣкоторые изъ противниковъ моихъ расходятся со мною даже и въ этомъ взглядѣ. Если мы станемъ обзывать другъ друга прозвищами различныхъ животныхъ, то бесѣдовать будетъ неудобно. Нельзя также считать доводами на пользу праваго дѣла попытки *стыдить* разномыслящаго или *устращивать* его приговоромъ XIX вѣка. Мало ли

пошлостей родилъ вѣкъ этотъ, какъ и всякій другой! Споръ очевидно завязался по недоразумѣнію, въ которомъ я вину охотно принимаю на себя... Но нельзя же не допустить, что въ словахъ моихъ кромѣ преувеличенія, есть и истина. Я не возстаю противъ грамотности, а противъ злоупотребленія ея". На слова Кошелева, „будетъ грамота, будетъ и свѣтъ", Даль указываетъ на раскольниковъ и Китайцевъ и говоритъ: „Въ нѣкоторыхъ закоснѣлыхъ раскольничьихъ сектахъ, грамотность, въ теченіи вѣковъ, не дала ни искорки свѣта, а послужила только къ самому страшному искаженію истинъ и къ извращенію нравственности... Нравственность Китайцевъ и нѣкоторыхъ раскольничьихъ толковъ нашихъ извращена и искажена до послѣдней крайности; въ такихъ рукахъ, грамота навѣрное будетъ употреблена во зло, для обольщенія лжеумствованіями и кривотолками себя самаго и другихъ. Но полно... Сочтите же, пожалуйста, весь споръ этотъ однимъ поконченнымъ и порѣшеннымъ недоразумѣніемъ; думаю, что я правъ, указывая на довольно общее зло отъ грамотности, но не правъ, можетъ быть, выразившись черезъ мѣру рѣзко и односторонне".

Отвѣтъ свой Даль заключаетъ такими словами: „Христосъ Воскресъ. Да воскреснетъ же Онъ въ сердцахъ нашихъ любовію къ добру и истинѣ, отрѣшеніемъ себя отъ всякой самотности, жизнію на пользу ближняго".

Въ тѣхъ же самыхъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, въ которыхъ печатались статьи Даля о грамотности, мы читаемъ слѣдующее: „Даль не отступаетъ... а напротивъ, пытается еще отстоять свои странныя толкованія.... *Современникъ*.... назвалъ споръ о грамотности поконченнымъ споромъ. Такъ думали, никакъ не предполагая, чтобы Даль нашелъ возможнымъ защищаться и даже снова нападать, и признаетъ себя неправымъ въ томъ, что выразился *черезъ мѣру рѣзко и* односторонне. Но это сознаніе не искренне... Въ сущности же, и въ отвѣтномъ своемъ посланіи Даль развиваетъ ту же странную идею, какъ и прежде. Онъ дальше заходитъ, и

смѣло восклицаетъ: „*Не пріостановить ли такую науку* (т.-е. грамотность)? Нѣтъ, смѣется, видно Даль надъ пословицами Русскаго народа, смѣется надъ нашимъ здравымъ смысломъ, и единодушное осужденіе, и противниковъ его, и единомышленниковъ не останавливаетъ его“ [118])...

Не принимая участія въ спорѣ о грамотности народа, Погодинъ тѣмъ не менѣе написалъ Далю какую-то іероглифическую записочку, на которую получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Ваши загадочныя *цидулки* обычно заставляютъ послѣ раздумья, пожать плечами и отложить всякое попеченіе, потому что нѣсколько восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ, какъ ни верти ихъ, ничего по себѣ не говорятъ; но нынѣшняя цидулка, сверхъ того, встревожила меня, содержа какія-то укоризны, намеки, вовсе для меня непонятные. Если *вы обмолвились* относится къ объясненію моему о грамотности, то не спорю, видно обмолвился, или почему-то захотѣли понять криво. Ученье, безъ образованія нравственнаго, вредно, всегда идетъ на худое; а потому, видя, что послѣдняго, при наличныхъ средствахъ, дать не могу, видя что поэтому же ученье—употребляется во зло, что человѣкъ развращается этимъ болѣе, я, при этихъ данныхъ, въ немъ добра не вижу. Стало быть я не противъ грамотности, а противъ злоупотребленія ея, которое сдѣлалось до того общимъ, что требуетъ и общихъ мѣръ“.

Переселяясь на постоянное жительство въ Москву, Даль 19 октября 1859 года, писалъ Погодину: „Ѣдемъ, Михаилъ Петровичъ, и ѣдемъ къ вамъ совсѣмъ. Собирались или бредили этимъ долго—наконецъ судьба распорядилась за насъ: Господь старый Чудотворецъ. Конечно, долго я бы не высидѣлъ, по недугамъ своимъ, растущимъ не по днямъ, но часамъ—но подалъ въ отставку вдругъ, потому что при этихъ обстоятельствахъ служить нельзя. Видно Муравьевы всѣ хороши, но каждый для себя; а какъ люди посудятъ—объ этомъ мы не печалуемся. Словомъ, я имъ не гожусь, потому что могу быть только вѣрнымъ слугою, а не холопомъ. Богъ съ

ними. На дняхъ выѣзжаемъ; Аксаковъ обѣщалъ пріискать квартиру и дать знать по телеграфу (т.-е. Александръ Николаевичъ Аксаковъ, остановившійся у Ивана Сергѣевича). Будемъ вѣкъ доживать рядкомъ, Михайло Петровичъ, и похоронимъ другъ друга — только не взаимно, а кому доведется"!

Возникшее Общество Любителей Россійской Словесности повѣяло на душу благодатной стариной; а на Погодина и его друзей,—временами *Московскаго Вѣстника*.

Во дни молодости Погодина, во дни *Московскаго Вѣстника*, другъ Веневитинова, Н. М. Рожалинъ, перевелъ произведеніе Гете—*Страданія Вертера;* во дни наступавшей старости Погодина, въ іюнѣ 1858 года, онъ получаетъ изъ Петербурга, отъ коллежскаго совѣтника Ивана Гавриловича Покровскаго, письмо слѣдующаго содержанія: „Пользовавшись постоянно милостивымъ расположеніемъ и вниманіемъ вашего превосходительства, осмѣливаюсь и нынѣ прибѣгнуть къ вашему превосходительству съ моею покорнѣйшей просьбою. Гетевы *Страданія молодаго Вертера*, какъ вамъ извѣстно, есть одинъ изъ самыхъ благоуханныхъ цвѣтковъ поэзіи. Это произведеніе первой молодости Гете многіе критики ставятъ даже выше всего, что написалъ Гете. Хотя мало кому неизвѣстно это обворожительное сочиненіе, однако, всякому, особенно незнакомому съ Нѣмецкимъ языкомъ, пріятно вновь прочитать его въ переводѣ современномъ. Во Франціи, и донынѣ все появляются новые переводы этой книжки. У насъ есть одинъ только переводъ ея, и тотъ довольно старый; да и его уже нѣтъ въ продажѣ. Вотъ что побудило меня снова перевести *Вертера*. Представляя рукопись этого перевода, *уже процензурованнаго*, вашему превосходительству, всепокорнѣйше прошу оказать содѣйствіе, чтобы кто либо купилъ ее для напечатанія, напримѣръ, вновь учрежденный въ Москвѣ на сей предметъ книжный магазинъ Н. М. Щепкина и К°, или можетъ быть найдется пріобрѣсти мой переводъ кто-нибудь изъ книгопродавцевъ.—А какъ знать? Можетъ-быть, я буду такъ сча-

стливъ, что и сами вы издадите ее, благоволивъ припомнить, что нѣкогда изволили обѣщать мнѣ издать переводъ мой: *Les merveilles du génie de l'homme;* но почему-то это не исполнилось. Изданіе моего *Вертера* будетъ мнѣ вознагражденіемъ. Я согласенъ отдать мою книгу на самыхъ выгодныхъ условіяхъ для издателя. Вы этимъ окажете мнѣ большую милость" [119]).

XXIX.

Въ занятіяхъ Исторіею Древней Русской Словесности Шевыревъ нашелъ утѣшеніе въ постигшихъ его скорбяхъ. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ въ монастырскихъ библіотекахъ, трудясь надъ хранящимися тамъ источниками [120]).

Въ самомъ началѣ 1858 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Скучно. Безпрерывные недуги отрываютъ отъ дѣла". Но вскорѣ послѣ того (3 марта, 1858 г.), Шевыревъ писалъ: „Я, славу Богу, здоровъ и работаю. Началъ печатаніе третьей части. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ взялся очень дружелюбно".

Въ маѣ, Шевыревъ, полубольнымъ поѣхалъ изъ Москвы, въ свое Клинское имѣніе Щекино. 30 іюня, Погодинъ писалъ ему: „Да что же ты совсѣмъ пропалъ и не даешь знать о себѣ ни словомъ? Увѣдомь, какъ живешь, какъ можется, какъ пишется? Я чувствую себя порядочно, — но домъ мой пустѣетъ безпрестанно. И я остаюсь по крайней мѣрѣ теперь одинъ... Вотъ и жизнь! На политическомъ горизонтѣ темно. Съ Титовымъ почти не видимся. Хотѣлъ заѣхать ко мнѣ и не былъ. Прочіе теперь всѣ въ разбродѣ".

5 іюля Шевыревъ отвѣчалъ: „Записочка твоя меня и обрадовала, и опечалила. Всякое сердечное изъявленіе старой дружбы твоей мнѣ пріятно. А грустно знать, что ты въ такомъ одиночествѣ. Я поѣхалъ изъ Москвы полубольной и точно убѣжалъ изъ нея. А потому и не успѣлъ проститься съ тобою. Тебя же въ Москвѣ не было. Съ 30-го маія повѣялъ такой холодъ,

что мы въ іюнѣ топили. При такомъ времени нельзя было поправить силъ. Потомъ стало теплѣе—и пошли дожди, которые льютъ до сихъ поръ. Но, по крайней мѣрѣ, можно купаться“.

Изъ Щекина Шевыревъ предпринималъ поѣздку на Волгу. „Ѣздилъ на Волгу“,—писалъ онъ,—„которая отъ насъ въ пятидесяти верстахъ, въ село Новое—и узналъ много любопытнаго. Изъ многаго другаго вотъ особенно любопытное. Не можешь ли передать К. С. Аксакову? Одинъ молодой малый, служащій ламповщикомъ въ одномъ изъ Петербургскихъ театровъ, мнѣ разсказывалъ: Какъ приходишь въ Петербургъ—первое дѣло надобно на головѣ косой проборъ пробрать—это называется у насъ: *совѣсть на бокъ;* а ворочаешься въ деревню,—опять выпрямляй. Что дѣлать? Тамъ потрафляй нѣмцу, здѣсь—мужику: не то скажутъ—дому нерачитель. А въ Питерѣ—Богу пятакъ да въ кабакъ четвертакъ. А въ церковь, какъ ни придешь, все поютъ *Христосъ Воскресе;* всего-то вѣдь однова бываешь въ годъ, у воскресной заутрени, да отъ нея еще до обѣдни прямо въ харчевню разговѣться. Изъ-за одного этого выраженія—*совѣсть на бокъ,* не правда ли, стоило съѣздить на Волгу“?

Въ Щекинѣ Шевыревъ съ успѣхомъ трудился надъ своей Исторіей Древней Русской Словесности. „Въ нынѣшнемъ году“,—писалъ онъ,—„я чувствую себя въ деревнѣ лучше, чѣмъ въ прошломъ. Оканчиваю пятнадцатую лекцію и печатаю отсюда третій томъ. Но въ іюнѣ болѣе отдыхалъ. Послѣ 8 іюля ѣду въ Осташево къ Шиповымъ, а оттуда черезъ Волоколамскъ, Язвицы, родину Іосифа Волоколамскаго, домой“.

Вернувшись изъ своей поѣздки, Шевыревъ, 17 іюля, писалъ: „Я все еще болѣе гуляю, чѣмъ работаю. Ѣздилъ на дняхъ въ Осташево къ Шиповымъ, гдѣ очень пріятно провелъ время. Тамъ есть мѣсто,—Андреевская бесѣдка, откуда лучшій видъ на Осташево. Это память Андрея Николаевича Муравьева. Онъ требуетъ непремѣнно отъ новыхъ хозяевъ, чтобы ему воздвигли памятникъ въ Осташевѣ“.

Въ томъ же письмѣ Шевыревъ сообщаетъ Погодину, что Лазаревскій Институтъ Восточныхъ Языковъ ему предлагаетъ мѣсто профессора. „Самъ попечитель Лазаревъ," —писалъ Шевыревъ,—„пріѣзжалъ просить меня именемъ князя Орлова. Я согласился, съ условіемъ, чтобы дали мнѣ право на публичный курсъ въ Институтѣ, Исторіи Русской Словесности. Лазаревъ обѣщалъ и былъ увѣренъ, что дадутъ позволеніе. Но князь Орловъ не согласился. Я же безъ этого условія не беру каѳедры".

Письмо это разсердило Погодина, и онъ писалъ: „Да зачѣмъ же ты спрашивалъ у Орлова права читать публичныя лекціи? Помилуй, скажи, ты право это имѣешь всегда и никто не смѣетъ тебѣ препятствовать. Понадобится тебѣ зала — ты можешь получить десять къ твоимъ услугамъ. Но ты самъ всегда сочиняешь себѣ затрудненія этого рода—такъ сдѣлалъ и теперь: поставилъ дураку вопросъ, который и испугалъ его невѣжество! О, Боже мой! Сколько разъ я говорилъ тебѣ: не рѣшайся ни на что подобное, не принимай никакихъ мѣръ, не посовѣтовавшись. Ты имѣешь превратныя понятія о ходѣ этихъ дѣлъ, потому и откажись одинъ разъ навсегда отъ ихъ веденія, предоставляя другимъ, которыхъ куча вездѣ къ твоимъ услугамъ. Ты говори имъ только, чего ты хочешь, а какъ исполнить желаніе, это ихъ дѣло, а не твое. Ну, вотъ тебѣ и проповѣдь".

Шевыревъ, въ оправданіе свое (25 іюля 1858 г.), писалъ: „Я намѣренъ былъ читать публичный курсъ, чтобы найти какія нибудь средства къ существованію и къ воспитанію дѣтей. Но когда и Лазаревъ предложилъ мнѣ каѳедру въ Институтѣ, я включилъ условіе, чтобы два часа изъ шести употреблять мнѣ на публичный курсъ, при которомъ присутствовали бы и ученики: не то, шесть часовъ читать для учениковъ и еще два—для публики, было бы накладно и не подъ силу. Вотъ почему я просилъ права на публичный курсъ въ Институтѣ. Въ разсчетѣ было еще то, что, читая публичный курсъ, хорошо у насъ быть подъ охраною такихъ сильныхъ

властей, а дѣйствуя одинъ отъ своего лица, не мудрено, при такомъ дружелюбіи ученой братіи, подвергнуться доносамъ, опалѣ и запрещенію. Вѣдь, когда я въ Университетѣ читалъ публичный курсъ, ... Буслаевъ доносилъ же на меня Строганову — и только Уваровъ и Протасовъ спасли меня отъ запрещенія. Право-то я имѣю читать публичный курсъ, да все не худо у насъ, если кто сверху прикроетъ, а ужъ теперь наши защитники въ могилѣ, на другихъ же какая надежда! Да кому же я это говорю? Тебѣ ли этого не знать? Одному публично дѣйствовать трудно, т.-е. рѣчью. Тогда лучше печатью. Это безопаснѣе. А искать средствъ къ дѣйствію надобно по всѣмъ причинамъ: 1) пора заговорить— я это чувствую, 2) нужны средства къ жизни. Нынѣшнимъ благословеннымъ лѣтомъ много поправилось мое здоровье и, надѣюсь еще поправиться! Что за тишина блаженная — это деревня"!

Въ письмѣ своемъ къ Шевыреву (28 іюля 1858 г.), Погодинъ острилъ: „Прекрасную гирлянду изъ Армяшекъ придумалъ для публичнаго курса, нечего сказать! И всѣ прочіе *вадзе* и *хвили*. Да самихъ Лазаревскихъ носовъ изъ ряду не выкинешь, носы хоть куда! Оставимъ ихъ въ покоѣ"! Повидимому Шевыреву эта острота понравилась, и онъ писалъ: „Много насмѣшилъ ты Армянскою гирляндой".

Кромѣ остроты, Погодинъ писалъ Шевыреву и слѣдующее: „Публичный курсъ ты прочтешь и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и все своевременно. Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ, хоть у насъ свиней и много, Великороссійскихъ и Малороссійскихъ,—есть еще Слободскія. На журнальномъ и вообще литературномъ поприщѣ явишься прежнимъ дѣятелемъ. Московскій Журналъ—пуфъ. Это все пойдетъ своимъ чередомъ.

„Теперь главное—здоровье, духъ! Укрѣпи ихъ за лѣто, а потомъ и съ Богомъ! Шарлатанству и плутовству — не все масляница!

„Надобно только умѣть пользоваться опытомъ и приступить всѣмъ къ дѣйствію умно, искренно, безъ заднихъ мыслей.

Тебѣ надо слушаться и брать многое на вѣру: ты портишь многія прекрасныя вещи одними несчастными словами: подобнымъ: *маститому*, *возлюбленному*, *славному боярину*. Такъ и въ послѣдней статьѣ: что̀ за преемникъ Гоголю—Тургеневъ? Тургеневъ такъ далекъ отъ него, какъ Сологубъ, Павловъ и прочіе. Изящество разсказа у всѣхъ у нихъ почти одинаково. Даже и слово *изящество* слишкомъ велико для нихъ".

На мечтанія Шевырева издавать журналъ, Погодинъ писалъ:

„Отъ своего имени теперь тебѣ издавать журналъ не годится; устроимъ отъ Общества Любителей Россійской Словесности (секретъ — не говори никому, а то шельмы помѣшаютъ), которое предоставитъ все тебѣ, какъ земледѣльческое—Маслову. Газета — *Парусъ*, и двухмѣсячное обозрѣніе *Бесѣды*, должны составить одно".

За симъ Погодинъ обращается къ Шевыреву съ совѣтами по поводу печатавшейся его Исторіи Древней Русской Словесности. „Тридцать три лекціи",—писалъ онъ,—„это нелѣпость. Третью книгу надо издать тебѣ съ особымъ предисловіемъ и заглавіемъ: я читалъ-де лекціи, прошло много времени, я переработалъ и издалъ теперь, какъ Исторію Русской Словесности, вѣка 14—15, или въ этомъ родѣ, но объ этомъ переговоримъ.

„Задержали меня пріѣзжіе, и я оканчиваю письмо, чѣмъ началъ: здоровье, духъ! А прочее все возвратится сторицею, въ томъ тебя завѣряетъ старый товарищъ и сотрудникъ.... Я одинехонекъ, но получаю письма безпрестанно со всѣхъ сторонъ".

Письмо это произвело на Шевырева благопріятное впечатлѣніе, и онъ отвѣчалъ Погодину: „Слава Богу, что ты живъ и бодръ духомъ. Это состояніе души зародышъ многаго прекраснаго. Эту ночь я спалъ лучше. Благодарю тебя за всѣ твои совѣты. Эпитеты трудно обдумывать въ импровизаціяхъ, а за нихъ отвѣчаешь. О Тургеневѣ я имѣю письменныя доказательства отъ Гоголя. Это его мнѣніе. Онъ его

очень любилъ и на него надѣялся.—О тридцати трехъ лекціяхъ я и не думаю. Ихъ будетъ гораздо больше".

По дружбѣ своей къ Шевыреву, Погодинъ былъ очень озабоченъ предисловіемъ къ третьему тому его Исторіи Древней Русской Словесности; а потому, когда книга кончилась печатаніемъ, онъ (3 ноября 1858 г.) писалъ къ ея автору: „Говорю тебѣ торжественно — на бѣломъ почтовомъ листѣ, котораго ты отъ меня никогда не получалъ: оставь предисловіе, оставь, оставь на вѣру, хотя и не убѣжденный. Убѣдиться ты не можешь, почему—писать было бы долго. Если эта перемѣна задержитъ книгу на недѣлю, на двѣ, нужды нѣтъ. Ты не видишь, ты не понимаешь своихъ отношеній, а находишься въ очарованіи извѣстнаго рода — и никто тебѣ не говорилъ всего. Предисловіемъ не достигнешь своей цѣли: это мина, которая обрушивается на себя. Все будетъ сказано, но въ свое время, и другими лицами. Слышишь ли— оставь, оставь, оставь! На колѣняхъ становлюсь, Софья Борисовна *), дѣти, помогите, падаю въ землю. Прошу—послушайся же хоть разъ".

Погодинъ продолжалъ настаивать: „Успокой же меня и увѣдомь, отложилъ ли ты предисловіе. Заклинаю именемъ Бога живаго. Не выходи на драку. Твои труды—вотъ твое оружіе и оборонительное и наступательное! Я готовлю письмо къ Софьѣ Борисовнѣ".

На это Шевыревъ, въ тотъ же день (3 ноября), отвѣчалъ Погодину: „Все, чтó только могло сколько-нибудь показаться колкимъ другому, исключено изъ предисловія. Остались одни факты и общія мысли. Если кто на нихъ разсердится—воля его. Бояться мнѣ нападеній со стороны моихъ противниковъ уже поздно. Своими критиками и прежнею полемикою я ихъ создалъ—и до конца жизни моей они не уймутся. Если факты неправильны или мысли невѣрны, пускай обличаютъ: тѣмъ будетъ лучше. Увижу яснѣе истину. Благодарю тебя

*) Супруга Шевырева. *Н. Б.*

сердечно за твое участіе и совѣты. Но уничтожить совершенно предисловіе я не могъ, потому что не убѣдился. Если виноватъ въ чемъ, пускай и проучатъ: бѣды нѣтъ".

Но чтобы ободрить Шевырева, Погодинъ посылаетъ ему для прочтенія, полученное письмо священника Белюстина. „Посылаю тебѣ",—писалъ Погодинъ,—„прочесть письмо того священника, о которомъ я писалъ у тебя письмо. Ну, вотъ видишь, что добро не пропадаетъ, но плоды его не тамъ, гдѣ мы ищемъ. Тамъ тернія".

Вотъ что писалъ о. Белюстинъ Погодину о Шевыревѣ: „Не принималъ ли онъ,—благороднѣйшій благодѣтель студентовъ, участіе въ судьбѣ моей? Если такъ, то отъ самой глубины души моей ему благодарность. Не имѣя чести знать его лично, но по совѣсти іерейской могу сказать, что имя его всегда въ молитвѣ моей въ числѣ личныхъ моихъ благодѣтелей. Если мое предположеніе справедливо, то скажу вамъ одинъ изъ величайшихъ моихъ секретовъ: молитва за лицо нами невиданное, насъ не знающее, дѣйствуетъ на духъ его и располагаетъ въ нашу пользу. Много, безъ числа много разъ, я испыталъ это"...

Прочитавъ это письмо, Шевыревъ писалъ: „Возвращаю тебѣ письмо Белюстина. Поклонись ему отъ меня душевно и поблагодари за его чувства ко мнѣ. Вотъ что утѣшительно и награждаетъ за труды и боренія. Оцѣнка такихъ людей есть предвкушеніе небесной награды. Какъ бы желалъ я, чтобъ лично устроить его скромное счастіе! Возвращаю тебѣ письмо твое. О, если бы вняли ему! Странно: говорить позволяютъ, правду узнаютъ, а ничего не дѣлаютъ. Правда не въ словеси, а въ силѣ. Словъ у насъ теперь довольно, а силы не достаетъ" [121]).

XXX.

Въ самомъ концѣ 1858 года, въ Москвѣ явилась часть третія *Исторіи Русской Словесности*, лекціи Степана Шевырева. Столѣтія XIII-е, XIV-е и начало XV-го.

Книга Шевырева вышла въ свѣтъ въ то несчастное время, когда, по свидѣтельству Бориса Николаевича Чичерина, „соціалистическія идеи были въ полномъ ходу среди учащейся молодежи. Съ водвореніемъ большей свободы, пропаганда приняла болѣе широкіе размѣры. Сочиненія соціалистическаго и матеріалистическаго содержанія ходили по рукамъ въ рукописяхъ и брошюрахъ. Центромъ этой пропаганды сдѣлалась Петербургская журналистика, которая задала себѣ цѣлью подорвать всякій авторитетъ, и явно проповѣдывала соціалистическія и матеріалистическія идеи, выставляя ихъ идеаломъ будущаго, къ которому надобно стремиться всѣми средствами. Для руководившихъ его писателей законный порядокъ, права, политическая свобода, были только пустыми словами или орудіями для достиженія иныхъ цѣлей... Трудно было придумать направленіе болѣе вредное для тѣхъ задачь, которыя предстояли Россіи... Нахватавшіеся разныхъ вершковъ журналисты старались перепутать у Русскаго общества всѣ понятія, подорвать въ немъ всякое довѣріе ко всему, что возвышается надъ уровнемъ толпы; они поддерживали безсмысленное броженіе, когда нужно было спокойствіе... Многіе доселѣ причисляютъ Чернышевскаго, Добролюбова и К° къ дѣятелямъ эпохи преобразованій. Ихъ можно считать дѣятелями развѣ только на подобіе мухъ, которыя гадятъ картину великаго художника. Но слѣды мухъ смываются легко, тогда какъ соціалистическая пропаганда, ведущая свое начало отъ Петербургской журналистики, отравила и доселѣ отравляетъ значительную часть Русскаго юношества".

Не взирая на совѣты Погодина, Шевыревъ выпустилъ

свою книгу съ предисловіемъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Съ тѣхъ поръ какъ вышли первая и вторая части этого курса, прошло ровно двѣнадцать лѣтъ. Теперь выходитъ третья. Она обнимаетъ столѣтія XIII-е, XIV-е и начало XV-го. Ясно, что лекціи, теперь выходящія, не могутъ быть уже спискомъ съ тѣхъ публичныхъ, которыя сказаны были въ 1844—45 академическомъ году. Наука шла впередъ и почти ежегодно дѣлала новыя открытія. Я самъ слѣдилъ за ними и въ нихъ участвовалъ. Не ограничиваясь тѣмъ, что̀ было изучено прежде, я велъ предметъ свой далѣе, предпринималъ поѣздки, работалъ въ библіотекахъ Кирилло-Бѣлозерской, Сѵнодальной, Іосифа Волоколамскаго и другихъ. Напечатанныя теперь лекціи представляютъ, такимъ образомъ, плодъ новаго труда, болѣе полнаго, болѣе оконченнаго, нежели прежній, касавшійся того же времени.

„Когда вышли мои двѣ первыя книги, пять журналовъ: *Отечественныя Записки*, *Библіотека для Чтенія*, *Современникъ*, *Сынъ Отечества и Финскій Вѣстникъ*, какъ вооруженная противъ меня пентархія, со всѣмъ ожесточеніемъ напали на трудъ мой. Виною этихъ нападеній, впрочемъ, былъ я самъ, поставивъ себя въ *Московскомъ Наблюдателѣ* и въ *Москвитянинѣ* въ полемическое отношеніе къ тѣмъ журналамъ.

„Не смотря на неблагосклонный пріемъ, сдѣланный журналами моему труду, мнѣ пріятно было видѣть, какъ по слѣдамъ моимъ вели науку далѣе другіе ученые и трудилось молодое поколѣніе, которое скоро и представило отличныхъ дѣятелей по тому же предмету. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ лично выражали признательность свою за то, что начали изучать Русскую Словесность древняго періода по моей книгѣ. Желаю душевно, чтобы и вновь выходящая книга принесла такой же плодъ, какой принесенъ былъ двумя первыми.

„Всѣмъ, слѣдящимъ за движеніемъ мысли въ нашемъ Отечествѣ, извѣстна важнѣйшая распря, которая дѣлитъ ученыхъ и писателей Русскихъ на два рѣзко противоположные

стана, какъ въ наукѣ, такъ и въ литературѣ. Она касается взгляда на Древнюю и Новую Русь. Объ этой распрѣ я говорилъ еще въ *Москвитянинѣ* 1844 года и въ моей вступительной лекціи на публичномъ курсѣ. Теперь, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, давшихъ новое движеніе современной Русской Словесности, при открывшейся возможности мыслителямъ Русскимъ выражать свои мнѣнія какъ можно искреннѣе, эта распря достигла всевозможныхъ размѣровъ и раздѣлила мнѣнія на такія двѣ рѣзкія противоположности, какія едва ли когда нибудь встрѣчались въ нашей умственной жизни.

„Всего непріятнѣе для общества и всего безполезнѣе для самой науки,—духъ вражды, который раздражаетъ противниковъ. Мы, мало привыкшіе къ умственному движенію въ нашей общественной жизни, не доросли еще до высоты того душевнаго состоянія, той благородной и плодотворной терпимости, на которой противники во мнѣніяхъ уважаютъ другъ друга. Кто же помогаетъ намъ яснѣе видѣть и полнѣе обнимать истину, какъ не противникъ нашему на нее воззрѣнію? Онъ долженъ быть для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя истины не ненавистнымъ врагомъ, а желаннымъ гостемъ, который вызванъ нашимъ же къ ней обращеніемъ. Въ этомъ смыслѣ, даже и въ науку, въ самую жаркую область ея разумныхъ преній, можно внести Христіанское правило: *любите враги ваша.*

„Тогда только, когда ученый воспитаетъ себя до той высоты разумнаго спокойствія, что не будетъ оскорбляться никакимъ противоположнымъ ему мнѣніемъ,—тогда только онъ яснѣе увидитъ истину и внесетъ добытыя имъ знанія, какъ достойный вкладъ въ сокровищницу науки...

„Оставивъ преподаваніе, я передаю теперь печатному слову плоды многолѣтнихъ трудовъ и занятій. Въ великодушное извиненіе медленности труда, прошу читателей вмѣнить мнѣ и то, что я работаю безъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ, которые могли бы облегчить мнѣ построеніе цѣлаго и разработку под-

робностей. Многіе литературные матеріалы столѣтій, содержащихся въ этой части, еще не изданы, а существуютъ въ рукописяхъ. Не имѣя права, облегчающаго въ десять разъ трудъ, изучать рукописи на рабочемъ столѣ своемъ, я долженъ переписывать ихъ въ затворахъ библіотекъ и монастырей, и потомъ уже этотъ сырой матеріалъ претворять въ дѣло науки и въ изложеніе историческое по лекціямъ.

„Считаю сердечною обязанностію принести чувства моей глубоко-сознаваемой благодарности митрополиту Московскому Филарету, за то, что архипастырь благосклонно и немедленно допускалъ меня ко всѣмъ сокровищамъ древнихъ библіотекъ, попеченію его ввѣренныхъ.

„Благодарю отъ души исполнителей воли Московскаго архипастыря. Въ смиренной и тѣсной кельѣ у отца ризничаго Сүнодальной Библіотеки, архимандрита Саввы, я переписывалъ поученія Фотія, Григорія Цамблака и др.; въ кельяхъ у архимандрита Чудовской обители Паисія, трудился надъ евангеліемъ святителя Алексія; въ кельяхъ архимандрита Іосифова Волоколамскаго монастыря Гедеона, я работалъ надъ рукописями знаменитой Библіотеки, по каталогу, вновь составленному подробно, который облегчалъ мнѣ труды мои.

„Приношу мою благодарность князю М. А. Оболенскому, за рукописи, которыми безотказно снабжалъ меня на домъ, и В. М. Ундольскому, который, на малыя средства, собравъ одну изъ самыхъ значительныхъ частныхъ библіотекъ, радушно дѣлится своими книжными сокровищами со всѣми, занимающимися наукою. Нельзя не пожелать, чтобы его рѣдкое книгохранилище, собранное съ такимъ знаніемъ дѣла, холенное и усовершенное въ каждомъ экземплярѣ, перешло въ городскую собственность нашей столицы, и долго бы состояло по всѣмъ правамъ подъ вѣдѣніемъ самого собирателя.

„Книга моя, обнимающая часть жизни Древне-Русской въ томъ, что̀ осталось отъ нея лучшаго, выходитъ въ такое время, когда Новая Россія увлечена совершенно иными практическими стремленіями, работою надъ всякимъ устройствомъ вели-

кой Земли своей. Древняя Русь можетъ обратить въ Новой слѣдующія смиренныя слова, заимствованныя у одного изъ своихъ представителей, сказавшаго ихъ въ началѣ XVI вѣка: „И ты со мною, грѣшнымъ и худымъ инокомъ Даніиломъ, совѣта о семъ не имѣй: еже бы высоту небесную увѣдѣти, и глубину морскую измѣрити, и конца земныя обтицати и исчислити, и езерамъ и рѣкамъ каменныя стезя художьствовати и весь міръ строити, и якожъ въ кругъ нѣкый вселенную всю объяти, и всѣхъ въ единъ нравъ привести и отъ всея поднебесныя неправду, и лукавство, и всякое злохитрьство изгнати,—не навыклъ есмь: понеже безуменъ и окаяненъ есмь человѣкъ и не дѣлатель никоторому благу; но точію Божественныя писанія глаголю слышащимъ и пріемлющимъ и хотящимъ спастися“.

„Мы думаемъ, что новое дѣло, которое сильно замышляется у насъ на Руси въ настоящую минуту, и необходимость котораго сознавали однако и наши смиренные предки въ началѣ XVI вѣка, не должно быть чуждо дѣлу древнему, положенному въ основу Русской жизни. Духовное единство Русскаго міра, заложенное тамъ, должно получить въ Новой Россіи внѣшнее выраженіе и скрѣпить ея внѣшнія силы. Безъ путей, соединяющихъ духа, безсильны бы были пути единенія матеріальнаго. Что̀ прибыли, если желѣзныя дороги будутъ насъ сближать только въ географическомъ отношеніи, а духовно станемъ мы разъединяться на безконечныя разстоянія и въ разныя стороны? Единство внутреннее, духовное, заготовила намъ Древняя Русь: да облечитъ его во внѣшнее Русь Новая! Вотъ, по нашему мнѣнію, какая связь между періодомъ древнимъ и новымъ, связь неразрывная, которая таится въ духѣ народа, и болѣе и болѣе должна быть приводима въ сознаніе.

„Въ наше время привыкли думать, что вѣкъ нашъ все увлекается одними только матеріальными стремленіями. Желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы приводятся, какъ самыя очевидныя тому доказательства. Намъ кажется, что на

эти великіе плоды ума человѣческаго можно смотрѣть совершенно съ другой точки зрѣнія. Никогда еще духъ человѣческій такъ не торжествовалъ надъ условіями матеріальнаго міра, надъ пространствомъ и временемъ, какъ въ эпоху, до которой мы такъ счастливо дожили. Желѣзный путь уничтожаетъ между людьми пространство, а электрическая искра — время. Въ этихъ явленіяхъ чувствуетъ и сознаетъ человѣкъ осязательнымъ образомъ свое духовное назначеніе и предвкушаетъ, такъ сказать, на землѣ то совершенное уничтоженіе времени и пространства, которое ожидаетъ его въ будущей жизни. Мнѣ кажется, что никогда еще душа человѣческая не объявляла столь очевидныхъ правъ на свое безсмертіе. какъ въ наше время, когда она сдѣлалась почти владычицею двухъ главныхъ условій вещества, стѣснявшихъ жизнь ея въ земной, ограниченной ея оболочкѣ.

„Жизнь Русскаго человѣка, если только онъ хочетъ въ нее глубоко вникнуть, совершается по законамъ непререкаемой Божественной логики. Да не колеблетъ ее въ каждомъ изъ насъ какое-нибудь личное наше мудрованіе! Въ древней своей жизни, Русскій человѣкъ, чувствуя выше всего духовное свое назначеніе, проложилъ духовные пути сближенія и этому дѣлу принесъ все на жертву: неужели же въ свое время, его потомокъ, пролагая пути сближенія матеріальнаго, позабудетъ о первыхъ и для единства физическаго Земли своей принебрежетъ единствомъ народнымъ въ духѣ? Чтобы не могло это быть, новый Русскій человѣкъ не долженъ забывать древняго своего собрата; новый и древній Русской должны составлять одно, и безъ совмѣщенія ихъ, не можетъ быть полнаго Русскаго человѣка, а будетъ одна только половина, и для новаго самая невыгодная, потому что, отринувъ въ своемъ древнемъ собратѣ основаніе высокой половины духовной, новый человѣкъ останется при одной матеріальной и испортитъ только великое дѣло всецѣлой жизни народа Русскаго.

„Вотъ основанія, на которыхъ полагаю, что книга моя,

возобновляя въ памяти Русскихъ людей завѣты ихъ доблестныхъ и святыхъ предковъ, думавшихъ и неуклонно дѣйствовавшихъ въ пользу насажденія и распространенія духовной жизни по всѣмъ предѣламъ Русской Земли, не будетъ въ противорѣчіи съ новыми стремленіями Русскихъ людей, а восполнитъ то, что, въ настоящее время, для нихъ особенно надобно".

Предисловіе свое Шевыревъ заключаетъ слѣдующими достопамятными словами: „Катитесь во всѣ стороны нашего любезнаго Отечества, пути желѣзные, пароходы крылатые, и соединяйте въ одно живое, гибкое и стройное тѣло, всѣ дремлющіе члены великаго Русскаго исполина! Разработывай, Россія, богатства, данныя тебѣ Богомъ въ твоей неисчерпаемой и разнообразной природѣ, развертывай и высвобождай всѣ свои личныя силы человѣческія для великаго труда надъ нею. Но, помни, что неизмѣримая духовная сила твоя заготовлена еще предками въ древней твоей жизни, вѣрь въ нее, храни ее, какъ зѣницу ока, и во всѣхъ твоихъ новыхъ дѣйствіяхъ призывай ее на помощь, потому что безъ нея никакая сила твоя не прочна, никакое дѣло не состоятельно, и полная, всецѣлая жизнь всего Русскаго народа и каждаго человѣка отдѣльно, невозможна" [122]).

XXXI.

„Противники Шевырева", — писалъ Погодинъ, — „разсыпавшіеся по нашимъ журналамъ, безъ малѣйшаго вниманія къ заслугамъ, старались при всякомъ случаѣ задѣвать и ругать его. Третій томъ принятъ былъ съ бранью. Шевыревъ не слышалъ ни одного добраго слова. Самолюбіе его страдало. Имѣвъ прежде одинъ изъ первыхъ голосовъ, онъ увидѣлъ себя теперь пренебрегаемымъ и забываемымъ. Даже заступаться за него никому было нельзя, чтобы не подать повода къ новымъ ругательнымъ выходкамъ. Имя Шевырева, какъ и мое, стояло въ спискѣ противной партіи, и она не

пропускала ни одного случая, чтобы не осыпать насъ бранью и клеветою, по старой памяти" [123]).

Еще до выхода въ свѣтъ части третьей *Исторіи Русской Словесности*, историкъ Русской Церкви архіепископъ Харьковскій Филаретъ, въ предисловіи къ своему *Обзору Русской Духовной Литературы* (862—1720), писалъ: „Рѣшаясь обозрѣть Русскую духовную Литературу, мы не принимаемъ на себя писать подробную Исторію ея. Для такого сочиненія, въ настоящее время, не достаетъ еще многихъ данныхъ; а писать Исторію по предположеніямъ, по соображеніямъ, не основаннымъ ни на чемъ—дѣло не умное".

Эти строки задѣли за живое Шевырева, и онъ, въ предисловіи своемъ, писалъ: „Въ прошломъ году, авторъ *Обзора Русской Духовной Литературы*, съ первыхъ строкъ труда своего отринулъ всякую возможность написать полную ея Исторію—и встрѣтилъ, къ удивленію нашему, сочувственный отголосокъ въ профессорѣ Русской Словесности Московскаго Университета (Буслаевѣ), который тѣмъ самымъ уже отказался отъ возможности передать ее съ своей каѳедры. Мы совершенно согласны съ авторомъ *Обзора*, что писать Исторію по предположеніямъ, по соображеніямъ, не основаннымъ ни на чемъ—дѣло не умное; но кто же такъ писать рѣшится? — А хорошо ли охлаждать другихъ въ намѣреніи писать полную Исторію Русской Словесности древняго періода, содержаніе котораго составляетъ по преимуществу духовная Литература?... Удивительно, что нападеніе на возможность нашего труда совершилось изъ такого стана, откуда всего менѣе мы могли ожидать его. Конечно, для полной Исторіи Русской Церкви, которая обнимаетъ эпизодически Исторію и духовной Литературы, еще менѣе было данныхъ въ 1847 году; но авторъ *Обзора* не усомнился подарить насъ пятью томами такой Исторіи и, не смотри на видимое несовершенство труда, никто не подумалъ охладить вниманіе къ нему читателей указаніемъ на его преждевременность.

„Не смѣемъ сравнивать своего труда съ безсмертнымъ

подвигомъ Карамзина въ *Исторіи Государства Россійскаго*; но вздумалось ли бы кому нибудь изъ просвѣщенныхъ Русскихъ людей въ началѣ столѣтія останавливать великій трудъ славнаго Русскаго историка мнѣніемъ, что не настало еще время писать полную Исторію Государства Россійскаго, когда еще вполнѣ и правильно не издана была даже первая наша лѣтопись?

„По нашему мнѣнію, всѣ труды по части Исторіи Русской Словесности, древней и новой, труды общіе и частные, въ одно и тоже время равно необходимы. Новый *Обзоръ Русской Духовной Литературы* теперь же не полонъ; нерѣдко открываемъ въ немъ недосмотры; не согласны съ мнѣніемъ автора, что при его *Обзорѣ*, *Біографическій Словарь духовныхъ писателей Россіи* митрополита Евгенія становится безполезнымъ; но, не смотря на все это, благодаримъ автора за его трудъ, считаемъ его необходимымъ, пользуемся имъ, исправляемъ его, и совѣтуемъ другимъ справляться съ нимъ, хотя и не во всемъ ему довѣрять. Номенклатура писателей, конечно, не есть еще Исторія ихъ слова. Для такого труда недостаточно одной механической сшивной работы; для него нуженъ процессъ органическій, трудъ мысли. Изученіе одного значительнаго писателя въ его произведеніяхъ потребуетъ болѣе умственныхъ усилій, нежели полобзора исторической номенклатуры. Но и за нее благодарность, какъ за всякій трудъ, въ дѣлѣ науки необходимый.

„Намъ случалось встрѣчать въ печати подобныя охлаждающія мнѣнія и касательно новаго періода Русской Словесности. Въ то самое время, когда я, по смерти Жуковскаго, въ рѣчи университетской опредѣлялъ его значеніе въ Русской поэзіи и жизни, авторъ Матеріаловъ для его біографіи *), печатанныхъ въ Петербургскихъ журналахъ, говорилъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, что еще не настало время опредѣлять значеніе поэта, подразумѣвая, конечно, подъ

*) А. Д. Галаховъ. *Н. Б.*

этимъ, что надобно подождать еще, когда онъ соберетъ и напечатаетъ всѣ матеріалы, касающіеся его біографіи.—Трудъ автора до сихъ поръ остался неоконченнымъ и, по его мнѣнію, даже онъ самъ не имѣлъ бы права теперь опредѣлять значеніе Жуковскаго. А между тѣмъ, тотъ же самый авторъ предпринялъ сочиненіе полной Исторіи Русской Словесности и обѣщаетъ вскорѣ издать ее, чего мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, радуясь новому труду въ нашей наукѣ" [124]).

Сдержанно и холодно отозвалась о трудѣ Шевырева Императорская Академія Наукъ. „Хотя",—писалось въ ея органѣ,—„можно глядѣть на многое другими глазами и потому видѣть не то, что видѣлъ С. П. Шевыревъ и не видѣть того, что онъ видѣлъ, можно не увлечься его соображеніями и убѣжденіями, можно трудомъ своего собственнаго ума и знанія дойдти до выводовъ, несогласныхъ съ выводами, изложенными въ этой книгѣ; но изъ за возможности этого все-таки не придется оставить ее въ сторонѣ, не изучивъ ее предварительно. Волей-неволей, иной разъ придется развѣ только другими словами повторить именно то и только то, что высказано Шевыревымъ" [125]).

Весьма замѣчательно то единодушіе и единомысліе, съ которымъ встрѣтили сочиненіе Шевырева всѣ наши журналы, какъ Московскіе, такъ и Петербургскіе.

Начнемъ съ Московскихъ. Рецензентъ *Библіографическихъ Записокъ* писалъ: „Направленіе автора и теперь осталось тоже, что было прежде; онъ силится доказать, что до реформы Петра Великаго предки наши исключительно жили жизнію *духовною*. Очевидно, при такомъ воззрѣніи, всѣ разнообразныя явленія давно-прошедшей жизни,—подъ его рукою окончательно сгладилась. Книга его составлена трудолюбиво, и конечно во многихъ отношеніяхъ не безполезна; но назвать ее *Исторіей*, менѣе всего прилично".

„Одностороннимъ, неисторическимъ воззрѣніемъ", Шевырева, рецензентъ *Библіографическихъ Записокъ* объясняетъ и

его „сочувствіе пресловутой книгѣ Жеребцова *)... Отсюда же объясняется и введеніе имъ въ *Исторіи Русской Словесности* лицъ, вовсе непричастныхъ Литературѣ, напримѣръ: Александра Невскаго, Михаила Черниговскаго, Сергія Радонежскаго, Стефана Пермскаго; отсюда и всѣ другіе недостатки сочиненія". За симъ, рецензентъ пишетъ, что Шевыревъ „ограничился въ своей книгѣ передачею вкратцѣ содержанія житій святыхъ угодниковъ и ихъ чудесъ, что̀ конечно не представляло особенныхъ трудностей". Высказавъ это, рецензентъ ставитъ на видъ Шевыреву, что онъ „не обратилъ вниманія на тѣ вопросы, которые по преимуществу важны для историка Литературы, а именно: время первоначальнаго составленія памятника, кто былъ составителемъ, какими источниками онъ пользовался, какимъ передѣлкамъ подвергалось сочиненіе, въ рукописяхъ какого вѣка и въ какихъ особенныхъ редакціяхъ дошло оно до насъ, въ чемъ и какъ отразились въ сочиненіи воззрѣнія автора и черты его вѣка".

„Прослѣдить все это",—заключаетъ рецензентъ,—„не легко; но безъ рѣшенія выставленныхъ нами вопросовъ нечего и помышлять объ Исторіи Древне-Русской Литературы" [126]).

Вновь возникшій тогда въ Москвѣ критическій журналъ *Московское Обозрѣніе*, о трудѣ Шевырева отозвался: „Предпочтеніе автора замѣтно клонится въ одну сторону: вездѣ и во всѣхъ произведеніяхъ онъ видитъ церковь и мысль о церкви—и что мало-мальски не подходитъ сюда, то—или совершенно исключается изъ *книги живота* или находитъ въ ней такое малое незавидное мѣсто! *Славяно-Русское слово*, по словамъ Шевырева, *говорило въ XII-мъ вѣкѣ устами богомольнаго странника, великаго князя, митрополита, юмориста-заточника, глубокомысленнаго и краснорѣчиваго проповѣдника, пѣвца-друга Отечества, мужей святыхъ, славившихъ свою обитель плодотворными чудесами. Въ глубинѣ этихъ произведеній лежитъ одна великая и живая мысль, какъ зерно*

*) *Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie. Н. Б.*

будущаго величія Россіи, какъ залогъ ея единенія государственнаго, какъ основа ея силъ нравственныхъ, какъ опора и точка оправданія въ ея умственномъ развитіи—мысль о Православной Церкви нашей, источникъ спасенія и временнаго и вѣчнаго. Обращая преимущественное вниманіе на церковныя событія, и съ этой стороны книга Шевырева скорѣе можетъ быть названа поэтическою Исторіею Церкви, чѣмъ Исторіею Русской Словесности. Какое же заключеніе сдѣлаемъ мы о книгѣ Шевырева? То же самое, какое еще сдѣлано было архіепископомъ Черниговскимъ Филаретомъ: для подробной Исторіи Русской Литературы—въ настоящее время, не достаетъ еще многихъ данныхъ, а писать Исторію по предположеніямъ, по соображеніямъ, не основаннымъ ни на чемъ—дѣло не умное“ [127]).

Только рецензентъ *Атенея*, Н. П. Некрасовъ, отнесся къ сочиненію нѣсколько благосклоннѣе. „Всякій добросовѣстный въ какомъ - нибудь отношеніи трудъ ученаго“,— писалъ онъ, — „имѣетъ полное право на благодарность. Этимъ чувствомъ мы встрѣчаемъ и вышедшую книгу академика и профессора Шевырева. Но наша благодарность была бы полнѣе, или лучше сказать, искреннѣе, если бы добросовѣстность научнаго труда въ книгѣ Шевырева не представлялось намъ нѣсколько одностороннею“.

Эту односторонность, рецензентъ вмѣняетъ въ число недостатковъ сочиненія Шевырева, и они заключаются, по мнѣнію его, „въ пристрастіи Шевырева къ древней Русской жизни, въ излишнемъ подчиненіи научныхъ изслѣдованій церковно-догматическому взгляду и, мѣстами, въ странномъ риторическомъ образѣ выраженія мыслей. Все это вмѣстѣ даетъ такое направленіе книгѣ, которому, въ настоящее время, трудно сочувствовать“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, рецензентъ признаетъ, что авторъ, „по своему, добросовѣстно собралъ и изучилъ всѣ матеріалы, относящіеся къ нашей Словесности XIII и XIV столѣтій; и поэтому книга его съ фактической стороны полезна

всякому, занимающемуся Исторіей Русской Словесности. Однимъ словомъ, исключая самое направленіе книги, во всемъ томъ, что касается фактической стороны, она заслуживаетъ вполнѣ благодарнаго отзыва“ [128]).

Замѣчательно, что ни *Русская Бесѣда*, ни *Русскій Вѣстникъ*, о сочиненіи Шевырева не промолвили ни единаго слова.

XXXII.

Познакомимся теперь съ мнѣніями Петербургской журналистики о сочиненіи Шевырева.

Въ *Академическихъ Вѣдомостяхъ*, скрывшійся подъ иниціалами *Т. Л.*, писалъ: „Мы находимъ, что третья часть лекцій Шевырева несравненно хуже составлена, нежели двѣ первыя. У тѣхъ по крайней мѣрѣ, за исключеніемъ ложнаго взгляда на Древнюю Русь и за исключеніемъ его постояннаго увлеченія церковными событіями, увлеченія вовсе неумѣстнаго въ Исторіи Русской Словесности, за исключеніемъ всего этого, остаются хоть фактическія свѣдѣнія, сгруппированныя вмѣстѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, что полезно для справокъ. Во вновь же изданныхъ лекціяхъ Шевырева даже и этого нѣтъ; онѣ не только не вносятъ ничего новаго въ науку, но даже упускаютъ изъ виду или проходятъ молчаніемъ памятники, уже открытые и изслѣдованные... Всѣ ученыя изслѣдованія Шевырева мѣстами прерываются вдругъ нежданно-негаданно воззваніями, то къ святымъ обителямъ, то къ желѣзнымъ дорогамъ или крылатымъ пароходамъ... Зачѣмъ всѣ эти воззванія вошли въ лекціи Исторіи Русской Словесности“ [129])?

Въ *Отечественныхъ Запискахъ*: „Книга Шевырева скорѣе можетъ назваться *пріятнымъ чтеніемъ*, послѣ котораго остается одно смутное воспоминаніе, легкое и необременительное для ума, чѣмъ ученымъ трудомъ, вносящимъ что-нибудь положительное, серьезное въ науку. Кому, напримѣръ, не покажется страннымъ, въ Исторіи Русской Словесности встрѣтить *психологическое объясненіе кликушъ*, приливомъ ре-

лигіознаго чувства, живописное, но не вездѣ удобопостижимое описаніе мѣстности подвиговъ св. Кирилла Бѣлозерскаго. Вообще новый выпускъ *Исторіи Русской Словесности* Шевырева поражаетъ обиліемъ умилительныхъ подробностей и пластическихъ описаній, можетъ быть, очень занимательныхъ и полезныхъ въ книгѣ для дѣтей перваго возраста, но рѣшительно непригодныхъ тому, кто имѣлъ удовольствіе перешагнуть за эту черту человѣческой жизни" [130]).

Въ *Современникѣ*: „Дѣятельность Шевырева представляетъ какой-то вѣчный промахъ, чрезвычайно забавный, но въ то же время не лишенный прискорбнаго значенія .. Такъ случилось и съ лекціями Шевырева о Русской Словесности. На первыхъ книжкахъ его курса было прибавлено: Исторія Словесности, *преимущественно древней*,—и это подало поводъ одному писателю справедливо замѣтить: т.-е. *преимущественно того времени, когда ничего не писали*... Говоря о Словесности, Шевыревъ старался во всемъ видѣть чудеса и, въ своемъ мистически-Московскомъ патріотизмѣ, старался превозносить Древнюю Русь... И теперь опять является съ тѣми же высокомѣрными возгласами о величіи Русскаго смиренія, терпѣнія и пр., да еще при этомъ осмѣливается увѣрять, будто со времени изданія его книги (въ 1846 г.), *по его слѣдамъ* (по слѣдамъ Степана Шевырева, ординарнаго академика и профессора!!) *вели науку далѣе другіе ученые*... Такія безцеремонныя претензіи Шевырева опять составляютъ жалкій промахъ въ наше время, когда забавное значеніе почтеннаго профессора такъ ясно уже для молодыхъ изслѣдователей... Характеръ общихъ понятій Шевырева неизлечимо-мистическій.. Внося мистицизмъ во всѣ явленія дѣйствительной жизни, даже самыя уродливыя, Шевыревъ доходитъ до того, что не стыдится давать слѣдующее объясненіе *кликушамъ*: Мы всѣ знаемъ, — пишетъ онъ, — съ какимъ благоговѣніемъ Русскій человѣкъ преклоняетъ свою голову передъ налоемъ Евангельскимъ и внемлетъ понятному громогласному слову благовѣстія; мы знаемъ, съ какимъ внутреннимъ трепетомъ онъ срѣтаетъ

во время литургіи пѣснь *Херувимскую*, и какъ глубоко чувствуетъ свое недостоинство, когда священникъ, приступая къ Св. Причащенію, изъ алтаря возглашаетъ міру: *Святая Святымъ!* Въ эти три мгновенія Божественной Литургіи какимъ-то особеннымъ трепетомъ бьется сердце благочестиваго Русскаго. *Здѣсь надобно искать перваго объясненія тому психологическому явленію, которое извѣстно въ нашемъ простомъ народѣ между женщинами подъ именемъ кликушъ...* Отчего же г. ординарный академикъ и профессоръ не хочетъ до сихъ поръ обратить свое просвѣщенное вниманіе на одно возраженіе, которое давно и нѣсколько разъ уже ему предлагали, именно: что успокоеніе на *неизмѣнной истинѣ*, отысканной имъ въ Древней Руси, — ведетъ къ самому унылому застою и смерти?.. Вѣдь теперь уже всѣ видятъ и знаютъ, что *единая* и *высокая* истина Шевырева, вѣчно-присущая древней Руси, — совершенно чужда всѣмъ жизненнымъ интересамъ новой Россіи и можетъ примиряться съ ними только развѣ въ мистическихъ теоріяхъ опрометчиваго профессора. Въ жизни она можетъ повести теперь только къ жалкимъ самоистязаніямъ, въ родѣ тѣхъ, которыхъ жертвою сдѣлался Гоголь; въ Литературѣ оно губитъ самобытные таланты, какъ мы видѣли примѣръ на томъ же Гоголѣ,—и производитъ затхлыя, гнилыя, трупообразныя явленія, подобныя *Опыту Исторіи Русской Цивилизаціи* Жеребцова и *Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней* Шевырева" [131]).

Въ 1859 году, въ Петербургѣ возникло *Русское Слово*. Издателемъ этого журнала былъ графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко, редакторомъ—Я. П. Полонскій, главнымъ сотрудникомъ—А. А. Григорьевъ, и, не смотря на то, въ этомъ самомъ журналѣ была напечатана статья извѣстнаго педагога В. И. Водовозова, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „Судя по лекціямъ Шевырева, Исторія Русской Литературы представляетъ чрезвычайно странное явленіе: въ ней, вмѣсто писателей, находимъ пустынножителей; вмѣсто произведеній слова,—большею частію сказанія о чудесахъ; вмѣсто школъ съ ихъ

различными направленіями,—монастырское житіе. На первой же страницѣ встрѣчаете имена (Кіево-печерскихъ подвижниковъ): Евстратія постника, Никона многотерпѣливаго, Аѳанасія затворника, Арефы, которому имѣніе, украденное ворами, вмѣнилось въ милостыню, попа Тита, желавшаго тщетно погасить вражду діакона Евагрія, Никиту затворника, представляющаго гордость знанія, побѣжденную молитвою иноковъ, Іоанна затворника, сражавшагося съ помысломъ чувственнымъ, употреблявшаго противъ него безсоніе, жажду, тяжкія вериги, наконецъ яму, Прохора, во время голода добывавшаго соль изъ пепла (*вѣроятно поташъ*, по примѣчанію скептическаго автора)... Да, это Исторія Русской Церкви! скажете вы... ... Скажемъ въ заключеніе, что не сочувствуемъ вовсе желанію Шевырева, чтобы молодое поколѣніе вело науку далѣе по слѣдамъ его: эти слѣды заведутъ въ такую глухую дебрь, изъ которой не поможетъ выпутаться никакое чудо" [132]).

Такъ отнеслась журналистика, такъ сказать, кануна шестидесятыхъ годовъ, къ труду цѣлой жизни человѣка, о которомъ, еще въ 1845 году, И. В. Кирѣевскій писалъ: „Онъ употребилъ на изученіе своего предмета многіе годы постоянной работы, — работы ученой, честной, можно сказать, религіозно-добросовѣстной... Это оживленіе забытаго, возсозданіе разрушеннаго, есть, можно сказать, открытіе новаго міра старой Словесности... Изъ подъ лавы вѣковыхъ предубѣжденій открываетъ онъ новое зданіе, богатое царство нашего древняго слова" [133]).

Въ то же самое время и другъ Шевырева, Погодинъ также *не въ авантажѣ обрѣтался*. „Мнѣ грозитъ что-то", — писалъ онъ Шевыреву,—но тѣмъ не менѣе, возмущенный газетными отзывами о трудѣ своего друга, онъ писалъ ему: „Въ Обществѣ я читалъ рѣчь, еще не конченную. Тамъ будетъ слово и о тебѣ. Мнѣ попалось выраженіе, которое должно защитить тебя отъ нелѣпыхъ твоихъ судей и вмѣстѣ ть тебѣ должную справедливость: *Онъ написалъ Исторію*

высшей духовной жизни Русской, которой Словесность была выраженіемъ и дополненіемъ и вѣнцомъ".

Въ другомъ своемъ письмѣ (31 марта 1859 г.), Погодинъ писалъ Шевыреву: „Что творится съ тобою? Я давно ничего не слышу. Вѣрно, огорчаешься послѣдними выходками подлыми? Что же мнѣ съ тобою дѣлать? Я тебя просилъ, заклиналъ именемъ жены и дѣтей, бросить предисловіе, и предупреждалъ, что ты возобновишь и поднимешь всю осѣдшую гадость. Нѣтъ—ты не послушалъ, не понимая вовсе своего положенія. Время мудреное и вмѣстѣ исполненное нелѣпостей и мерзостей. Мнѣ грозятъ изъ Петербурга великими непріятностями. Я сижу теперь дома безвыѣздно—пріѣзжай погоревать вмѣстѣ".

На это письмо Шевыревъ, въ тотъ же день, отвѣтилъ слѣдующее: „Благодарю тебя за твою записку. Всякій порывъ сердца пріятенъ въ это время. Люди такъ живутъ въ голову и въ разсчетъ, что жизнь сердечная все становится рѣже. ...Твой совѣтъ о предисловіи, разумѣется, истекалъ отъ добраго сердца и дружбы ко мнѣ. Я въ этомъ не сомнѣвался. Можетъ быть, лучше бы я сдѣлалъ, если бы ему послѣдовалъ. Но, не думаю никакъ, чтобы книга моя встрѣтила лучшій пріемъ безъ предисловія. Выходки послѣднія хотя и непріятны, но большого дѣйствія на меня не производятъ. Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* виденъ круглый невѣжда, не заглянувшій порядочно и въ самую книгу. Брань на меня служитъ только предисловіемъ къ восхваленію книги Буслаева *). Читая *Современникъ*, я болѣе смѣялся, чѣмъ досадовалъ. Изъ всѣхъ критикъ, я не могъ извлечь ни одного путнаго замѣчанія. Видно, что никто предметомъ не занимался, и всѣ — круглые невѣжды, нанятые журналистами, чтобы разбранить книгу. Грустно совсѣмъ не то, что меня

*) *Опытъ Исторической Грамматики Русскаго языка.* Учебныя пособія для преподавателей. Составлено на основаніи наставленія для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній, 24 декабря 1848 г. М. 1858. *Н. Б.*

бранятъ, но грустно вообще за состояніе Литературы Русской. Еслибъ была и строгая критика, которая обличила бы недостатки въ книгѣ, я бы можетъ быть по человѣческой слабости посердился, но все-таки, съ другой—порадовался бы, что есть человѣкъ, смыслящій дѣло. Но вотъ бѣда, что всѣ они неключимые невѣжды и что ни одинъ дѣломъ не занимается, обнаруживаетъ невѣжество, а судитъ и рядитъ. И такихъ Хлестаковыхъ и Чичиковыхъ въ критикѣ расплодилось безчисленное множество. Въ изящной Литературѣ мало утѣшительныхъ явленій. Что это за стихи въ *Современникѣ*! Какъ приторенъ Фетъ! Что за поэзія Некрасова à la лакей! Что за повѣсть Щедрина à la mougik! И все это нравится. Теперь нужна критика и критика. Теперь нуженъ Русскій Лессингъ безпощадный... Множество мыслей, замѣчаній, отголосковъ, критикъ пропадаетъ у меня въ головѣ, потому что негдѣ печатать".

Одновременно съ книгою Шевырева, вышла въ свѣтъ и книга Буслаева, познакомившись съ которою Шевыревъ (2 апрѣля 1859 г.) писалъ Погодину: „Книгу Буслаева только-что разрѣзалъ и, разрѣзывая, кланялся въ ней моимъ старымъ знакомымъ изъ моихъ лекцій объ Исторіи Русскаго языка и слога, читанныхъ въ 1836—37 году".

Видимый только спокойный тонъ письма Шевырева утѣшилъ Погодина, и онъ (2 апрѣля 1859 г.) писалъ ему: „Ну, я радъ, что ты спокоенъ. Но все-таки вижу, что ты не понимаешь своего положенія и отношеній: ты толкуешь о книгѣ, о замѣчаніяхъ, о невѣжествѣ—пойми, что книги не читали, замѣчаній никто не хотѣлъ дѣлать, а хотѣли ругать тебя, тебя, и схватились за первый случай. Случаи эти ты подаешь самъ, облегчая ихъ трудъ предисловіями и письмами. А ты долженъ теперь только издавать книги, книги, книги—безъ единаго собственнаго слова" [134]).

Когда книга Шевырева вышла уже въ свѣтъ, П. А. Плетневъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Шевыревъ собирается ѣхать въ Италію. Я уговариваю его переѣхать послѣ

путешествія на житье въ Петербургъ. Онъ въ Москвѣ безпрестанно подъ раздражающими сердце его впечатлѣніями. Присоедините и вы къ моему совѣту свой. Можно бы со временемъ хоть маленькую кучку образовать литераторовъ, не торгующихъ своими дарованіями" [135]).

Въ концѣ концовъ и самъ Шевыревъ писалъ (22 декабря 1859 г.) Погодину: „Мнѣ остается терпѣливо сносить всякое поношеніе и поруганіе—это моя участь за мои убѣжденія, которыхъ я не измѣню. Конечно, грустно видѣть эту казенную гласность, этихъ казенныхъ редакторовъ и казенныя газеты, подъ покровительствомъ Университета и министра Народнаго Просвѣщенія........ Надобно спокойно продолжать свое дѣло, не смотря на лай казенныхъ газетъ съ ихъ сотрудниками"...

Посылая свою обруганную книгу князю П. А. Вяземскому, Шевыревъ писалъ ему: „Примите моихъ монаховъ, пустынныхъ отходниковъ съ тою же любовью, съ какою принимаете вы собирающихъ *на церковное строеніе* *) А церковное строеніе куда намъ въ Литературѣ нужно! Мы признаемъ, что храмъ въ ней не нуженъ, что она одна можетъ быть безъ церкви. Да, хорошо бы вспомнить въ ней про апостольское слово: *зиждитеся въ храмъ духовенъ* (*I. Петр.*, II, 5). Это моя забота. Я напоминаю о томъ отъ лица древней Руси, которая этотъ храмъ заготовила. Трудное мое дѣло, самое неблагодарное по текущему времени, но внутренній голосъ влечетъ меня на это дѣло, ужъ, конечно, не успѣхъ наружный или разчетъ. Думаю, если я не сдѣлаю, кому сдѣлать? Нужна для того особенная любовь къ дѣлу, особенный зовъ душевный, какъ у моихъ пустынныхъ отходниковъ, которыхъ въ XIV—XV столѣтіяхъ звала къ себѣ чуднымъ звономъ дебристая пустыня" [136]).

---

*) См. стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго. *На церковное строеніе. Н. Б.*

XXXIII.

Умолчаніе *Русской Бесѣды* и *Русскаго Вѣстника* объ *Исторіи Русской Словесности* Шевырева, можно объяснить тѣмъ, что въ то время все вниманіе этихъ двухъ полномочныхъ представителей журнальнаго слова было поглощено отношеніями Болгарской церкви къ Константинопольскому патріархату.

Въ 1858 году, въ двухъ Московскихъ журналахъ, *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Русской Бесѣдѣ*, появились статьи, которыя дали поводъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода графу А. П. Толстому, 19 іюня 1858 года, написать министру Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскому письмо, въ которомъ, между прочимъ, сообщается слѣдующее: „Долгомъ почитаю сообщить о глубоко-горестномъ впечатлѣніи, произведенномъ на святѣйшаго патріарха Константинопольскаго и тамошній Сѵнодъ статьями допущенными Московскою цензурою, въ духѣ самомъ враждебномъ противъ Греческой Церкви, какихъ никогда еще въ Россіи не появлялось. Статьи сіи помѣщены въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (Турецкія дѣла) и въ *Русской Бесѣдѣ* (Возрожденіе Болгаръ) и о содержаніи ихъ прилагается здѣсь записка. Нельзя и представить себѣ, чтобы православный христіанинъ могъ рѣшиться писать въ семъ духѣ, но должно скорѣе предположить, что это есть плодъ внушеній заграничной пропаганды“.

Препровождая упомянутую въ письмѣ записку, графъ Толстой, 22 іюня 1858 г., писалъ Ковалевскому: „Мнѣ казалось бы справедливымъ, напечатать препровождаемый при семъ отвѣтъ Даскалову въ ближайшемъ нумерѣ *Русскаго Вѣстника*, какъ перваго виновника соблазна, и въ ближайшихъ же нумерахъ *Московскихъ Вѣдомостей*, ради множества читателей этой газеты. Если вамъ угодно будетъ изъявить согласіе на мое предложеніе, то имѣю честь покор-

нѣйше просить ваше превосходительство, дабы *Русскому Вѣстнику* и *Московскимъ* и *Вѣдомостямъ* вмѣнено было въ обязанность при напечатаніи отвѣта Даскалову, не дѣлать на него никакихъ замѣчаній, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ журналы, помѣщая невольно на своихъ страницахъ непріятныхъ имъ по духу статей, чтобы какимъ-нибудь ловкимъ намекомъ заранѣе предубѣдить противъ нихъ читателя".

Отвѣтъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, написанный въ Канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Сvнода, начинаетъ съ *Русскаго Вѣстника* и въ такихъ выраженіяхъ: „Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* *), въ статьяхъ: *Турецкія дѣла*, подписанныхъ буквою *Д*, помѣщены такія оскорбительныя для Православнаго Греческаго духовенства клеветы и сужденія, какія рѣдко встрѣчаются даже у иновѣрныхъ, явныхъ враговъ Православія. Сочинитель, забывая всякое уваженіе къ духовному сану вселенскихъ патріарховъ Константинополя, непрестанно даетъ имъ названіе: „фанаріотскихъ властей"; презрительно отзываясь объ ихъ управленіи и самой жизни, „инквизиціонная система фанаріотовъ", „подъяческая жизнь бородатаго фанаріота", утверждаетъ, будто они причина всѣхъ несчастій православныхъ христіанъ въ Турціи, будто они враждебны къ Славянскому языку и духовенству до того, что не достаетъ духу исчислять всѣхъ жертвъ, подвергшихся отъ сего анаѳемѣ, ссылкѣ, разоренію, заключенію въ тюрьмахъ, истязанію, смерти. Въ патріаршей области, по его словамъ, епархіи покупаются съ аукціона, а повѣренными ищущихъ епископскаго сана бываютъ: Цареградскіе торгаши, евнухи, Армяне, Турки, Евреи; нерѣдко епархіи покупаются бродягами,—людьми неизвѣстнаго происхожденія, банкротами, ганимедами пашей, которые перепродаютъ ихъ или сами поступаютъ въ фанаріотское духовенство и, такимъ образомъ, вѣрнѣе обезпечиваютъ себя, своихъ родныхъ и друзей... и—прибавляетъ сочинитель—„не беремся описывать тотъ цинизмъ,

*) №№ 6 и 9.

тѣ интриги и женскія вліянія, которыми сопровождается аукціонъ". За симъ, насмѣшливое описаніе Патріаршаго Сvнода, членамъ коего усвоиваются *фарисейскія* свойства, возмутительно грязное изображеніе Греческихъ метоховъ, наконецъ гнусная картина развратныхъ оргій Турокъ, такъ-называемой новой вѣры, выписанная изъ одной запрещенной газеты для того только, чтобы имѣть новый случай чернить Грековъ—все это показываетъ главную цѣль сочинителя, унизить Вселенскій Патріаршій Престолъ въ глазахъ Русскихъ читателей и поселить въ нихъ ту же ненависть къ Грекамъ, какую къ нимъ питаютъ ожесточенные двигатели умовъ Болгарскаго народа, раздражившіе Болгаръ до того, что, говоря словами сочинителя, злоба кипитъ въ нихъ и они готовы уже отречься отъ всякихъ сношеній съ Великою Церковію; нѣкоторые думаютъ даже просить папу быть главою Болгарской церкви, „а иные просятъ шейхъ-юль-ислама, главу мусульманской религіи, послать имъ муллу, чтобы управлять ихъ церковными дѣлами".

Статья заключаетъ также порывъ къ истребленію нѣкоторыхъ церковныхъ установленій, названныхъ ею противъправославными нововведеніями, какъ перекрещиваніе Латинъ.

Чтобы увѣрить читателей въ духовномъ невѣжествѣ Грековъ, будто бы уступающихъ новымъ Болгарамъ въ образованіи и просвѣщеніи, сочинитель не усумнился сказать даже, будто и училище, основанное патріархомъ на островѣ Халкѣ, нѣчто въ родѣ семинаріи, „уже не существуетъ: Армяне скупили всю землю на островѣ Халкѣ и семинаристы разсѣялись"; тогда какъ, напротивъ, училище это, на которое и отъ нашего Правительства отпускалось и отпускается пособіе, не только существуетъ, какъ и прежде, подъ управленіемъ извѣстнаго ученостію и благочестіемъ митрополита Ставропольскаго Константина Типальдоса, но и постоянно доставляетъ, въ теченіе уже пятнадцати лѣтъ, самыхъ лучшихъ пастырей. А такъ какъ оно слишкомъ извѣстно на всемъ Востокѣ, то одного этого обстоятельства довольно для доказательства, ка-

кихъ вымысловъ ни щадитъ сочинитель, чтобы только поколебать въ нашемъ Отечествѣ всякое уваженіе къ Греческой іерархіи“.

Покончивъ съ *Русскимъ Вѣстникомъ*, отвѣтъ обращается къ *Русской Бесѣдѣ*, и говоритъ:—„Помѣщенная въ *Русской Бесѣдѣ* *) статья—*Возрожденіе Болгаръ*, подписанная *Хр. Даскаловымъ*, *уроженцемъ Болгаріи*, превосходитъ неприличіемъ и клеветою всѣ появившіяся въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Сочинитель изъявляетъ сожалѣніе, что Русскіе имѣютъ неправильное понятіе о Грекахъ-фанаріотахъ, восхищаются ими, какъ героями гомерическими, и почитаютъ ихъ блюстителями и даже спасителями Православія на Востокѣ, и вопреки сему, явно утверждаетъ, что будто вся цѣль Константинопольской Патріархіи есть поддерживать Исламъ, будто на достиженіе этой цѣли обращаются и получаемыя отъ Россіи приношенія, будто Патріархія сама подвергаетъ подозрѣнію Турокъ Русскія Богослужебныя книги и вырѣзываетъ изъ нихъ мѣста, непріятныя для Порты, тогда какъ извѣстно, что это было дѣло извѣстнаго самозванца экзарха Александра. Чтобы внушить къ себѣ болѣе довѣрія, онъ обѣщаетъ говорить строжайшую правду въ разсказѣ своемъ объ Исторіи Болгаръ; а между тѣмъ, вводитъ въ разсказъ самыя ужасныя, приписываемыя Грекамъ, коварства, дѣйствительное событіе коихъ подкрѣпляетъ бездоказательными словами: „преданія гласятъ“, или даже пѣснію (объ истребленіи Болгарскаго духовенства, въ родѣ Варѳоломеевой ночи), хотя и самъ говоритъ, что никому неизвѣстно, когда это случилось, и однакожъ прибавляетъ: „надо полагать, что такія сцены повторялись не одинъ разъ“. Вообще, во всей статьѣ разлито чувство ожесточенія; настоящее движеніе Болгаръ противъ Греческой іерархіи именуется „борьбою на жизнь и смерть“, имена людей, не щадившихъ клеветы на нее, каковы имена враждебныхъ ей сочинителей—обличеннаго еретика Фармакида и

*) Книжка 2-я.

отступника въ латинство—Піччипія, произносятся съ уваженіемъ, какъ обличителей Патріархіи; напротивъ того, вселенскій патріархъ не удостоивается отъ сочинителя принадлежащаго ему титула, а именуется, и, какъ видно, болѣе въ ироническомъ смыслѣ, „блаженнѣйшимъ" или просто „главою фанаріотовъ". Это выраженіе употребилъ онъ, даже говоря о страдальческой кончинѣ, постигшей въ 1821 году, св. патріарха-мученика Григорія, котораго не усумнился назвать жертвою *справедливой* мести Турокъ. Сочинитель обѣщаетъ продолженіе своихъ статей впредь".

По порученію министра Народнаго Просвѣщенія, Московскій Цензурный Комитетъ препроводилъ къ издателямъ *Русскаго Вѣстника* и *Русской Бесѣды*, Отвѣтъ Даскалову, для напечатанія его въ ихъ журналахъ, безъ всякихъ примѣчаній.

Получивъ *Отвѣтъ Даскалову*, М. Н. Катковъ наотрѣзъ отказался исполнить предписаніе министра Народнаго Просвѣщенія, и 31 іюля 1858 года, написалъ въ Московскій Цензурный Комитетъ слѣдующее: „Честь имѣю возвратить при семъ статью, доставленную для напечатанія въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* изъ Цензурнаго Комитета, при отношеніи, отъ 18 сего іюля, за № 8. Я не могу согласиться напечатать статью эту въ моемъ журналѣ, какъ по причинѣ способа, какимъ доставлена эта статья, такъ и по причинѣ того условія, съ какимъ, какъ видно изъ отношенія Цензурнаго Комитета, должно быть сопряжено помѣщеніе ея въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

„Я не знаю узаконенія, по которому Цензурный Комитетъ, до сихъ поръ только разрѣшавшій или запрещавшій печатаніе статей, можетъ приглашать Редакцію печатать что-либо въ ея журналѣ. Если бы такое узаконеніе существовало, то изданіе частныхъ журналовъ стало бы совершенною невозможностью. Что же касается до условія, чтобы Редакція не дѣлала никакихъ замѣчаній, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ журналы, помѣщая невольно на своихъ страницахъ непріятныя имъ по

духу статьи, чтобы какимъ нибудь ловкимъ намекомъ, заранѣе предупредить противъ нихъ читателя,—то я полагаю, что эти строки вошли въ отношеніе по какому нибудь недоразумѣнію, ибо никакъ не могу думать, чтобы съ какой-либо стороны могло быть поставлено человѣку, пользующемуся покровительствомъ законовъ, подобное оскорбительное для его совѣсти и чести, условіе. Въ своемъ журналѣ я ничего не печатаю и по совѣсти ничего не могу печатать *невольно*. Что-же сказать о томъ требованіи, которое, предполагая, что я буду печатать статью невольно, то-есть, не соглашаясь съ нею, хочетъ, чтобы въ то-же время я вводилъ публику въ заблужденіе, предлагая ей такую статью, какъ выраженіе собственныхъ мнѣній, и принимая за нее отвѣтственность, какъ за свое собственное произведеніе?

„Впрочемъ, считаю нелишнимъ объяснить, чтобы если автору статьи было бы угодно обратиться частнымъ образомъ въ Редакцію, то она, не *невольно,* а весьма *охотно* напечатала бы изъ нея все то, что относится къ дѣлу, откинувъ всѣ относящіяся къ нему разглагольствованія, съ тѣмъ однако же, чтобы подъ статьею было подписано имя автора, а главное съ тѣмъ, чтобы Редакціи дана была полная возможность возобновить рѣчь о предметѣ этой статьи и оспаривать изложенныя въ ней мнѣнія и показанія, съ которыми Редакція имѣетъ основанія не соглашаться“.

XXXIV.

Отклонивъ печатаніе въ *Русскомъ Вѣстникѣ* отвѣта Даскалову, составленнаго въ Канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, М. Н. Катковъ рѣшился самъ написать отвѣтъ министру Народнаго Просвѣщенія. Приступая къ писанію этого отвѣта, Катковъ писалъ Погодину: „Отъ меня требуютъ объясненія, почему я дерзнулъ напечатать статьи о *Турецкихъ дѣлахъ*, гдѣ говорится такъ много нехорошаго о фанаріотахъ. Я хочу написать что нибудь посмѣлѣе, чтобы удо-

влетворить этихъ господъ—и желалъ бы для этого хорошенько вооружиться. Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстно многое, чтó могло бы пойти въ подтвержденіе статей г. Даскалова и вы крайне обязали бы меня, и можетъ быть, способствовали бы общему дѣлу, если бы сообщили мнѣ все, чтò знаете по этому предмету и чтò по вашему мнѣнію могло бы быть употреблено мною— въ моемъ объясненіи. Желалъ бы я, между прочимъ, припомнить слова и дѣйствія Константинопольской Патріархіи относительно Россіи, во время войны. Это было бы очень кстати; но, къ сожалѣнію, я затрудняюсь отыскать тѣ газеты, гдѣ была объ этомъ рѣчь. Посылаю вамъ для прочтенія бумагу, доставленную мнѣ для поученія черезъ Цензурный Комитетъ. Потрудитесь возвратить ее съ симъ посланнымъ, потому что ее требуютъ обратно въ Комитетъ. Объясненіе мое должно сообразоваться съ содержаніемъ этой бумаги".

Получивъ отъ Погодина нужныя свѣдѣнія, Катковъ писалъ ему: „За писаніе отвѣта еще не принимался. Но надѣюсь завтра приготовить его. Думаю, что онъ будетъ назидателенъ для нашего попечительнаго Правительства, и особенно для оберъ-прокурора Синода. Вашими строками прекрасными и живыми, постараюсь воспользоваться. Урвусь на минуту, чтобъ побывать у васъ и прочесть вамъ мою бумагу".

Вооружившись нужными свѣдѣніями, Катковъ писалъ: „Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* напечатаны статьи—*Турецкія дѣла*, подписанныя буквою *Д*. Въ статьяхъ этихъ вниманіе читателей сосредоточивается преимущественно на страданіяхъ народа, близкаго намъ по вѣрѣ и крови, потомковъ тѣхъ самыхъ Болгаръ, отъ которыхъ наше Отечество получило церковную рѣчь свою,—первое орудіе своего духовнаго просвѣщенія и основный камень своего свѣтскаго образованія. Народъ этотъ, составлявшій нѣкогда сильное царство, палъ, вмѣстѣ со многими другими, подъ ударами завоевателей, и въ продолженіи вѣковъ томится подъ чуждымъ игомъ. Не смотря на дикій фанатизмъ завоевателей, народъ этотъ, въ своей смиренной долѣ, свято хранилъ наслѣдіе своихъ предковъ — свою вѣру

и свое слово. Подавленный тяжкими обстоятельствами, лишенный издавна всѣхъ тѣхъ условій, которыя могли бы развивать или поддерживать начатки его образованія, онъ не могъ сохранить во всей чистотѣ свое первоначальное слово, или увѣковѣчить его въ какихъ либо памятникахъ народной мысли; но слово это, хотя и измѣненное теченіемъ вѣковъ и чуждою примѣсью, живетъ еще и доселѣ въ устахъ этого смиреннаго и безропотнаго племени. Надобно было много насилій и притѣсненій, много зла и всякаго рода неправды, чтобы расшевелить его, вызвать отъ него жалобы и породить въ немъ даже мысль отложиться отъ Православія, чтобы искать удовлетворенія и защиты для своего религіознаго чувства подъ кровомъ чуждыхъ вѣроисповѣданій. Это зло, эта неправда, это попраніе святѣйшихъ чувствованій народныхъ и человѣческихъ, совершалось въ теченіи продолжительнаго времени не одними мусульманами, но и служителями православной церкви въ Турецкихъ владѣніяхъ, преимущественно изъ Константинопольскихъ Грековъ, такъ называемыхъ фанаріотовъ. Имя фанаріотовъ пріобрѣло печальную знаменитость на всемъ Востокѣ. Изъ этого испорченнаго отродья Греческаго племени вышла вся эта толпа пронырливыхъ интригановъ, которые умѣли захватывать въ свои руки дѣла Турецкой Имперіи, не разбирая средствъ для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей; они то внесли нѣкоторую систему и пріемы утонченнаго варварства въ полудикій фанатизмъ Турокъ. Турецкое иго было для нихъ благопріятно, и они, въ свою очередь, много содѣйствовали къ упроченію фальшивой политической самостоятельности Турецкой Имперіи посреди Европы. Сами Греки— Греки Королевства и островов,—гнушаются этими орудіями политики Ислама и для истиннаго, свободнаго грека нѣтъ брани оскорбительнѣе названія фанаріота. На даромъ же такъ ославилось это имя, принадлежащее той отверженной Греческой вѣтви, изъ которой по преимуществу получаетъ своихъ пастырей Константинопольская паства.

„Лѣтъ за двадцать предъ симъ, въ Болгарахъ возникла

живая реакція противъ недостойнаго духовенства, оскорблявшаго ихъ религіозныя, нравственныя и народныя чувствованія. Глухая борьба завязалась между ними и ихъ іерархами. Болѣе благопріятная судьба освободила отъ фанаріотовъ Дунайскія Княжества; но тѣмъ сильнѣе отяготѣло это ненавистное иго надъ Болгарами. Притѣсненія, которыя они претерпѣвали, гоненія, которымъ подвергались лучшіе люди изъ ихъ среды, отстаивавшіе свою народность и свое исконное право молиться Богу на родномъ языкѣ,—эти притѣсненія и гоненія давно уже не тайна, и всякій, кому близки къ сердцу интересы Православной Церкви, не можетъ скорбно не сочувствовать угнетаемымъ и не видѣть съ негодованіемъ истинныхъ и злѣйшихъ враговъ Православія въ его недостойныхъ служителяхъ. Надежда на сочувствіе соплеменныхъ и единовѣрныхъ братій, можетъ быть, болѣе всего поддерживала въ Болгарахъ вѣрность Православію. Они знали, что есть другія страны, что есть наконецъ великая страна, населенная единокровнымъ народомъ, гдѣ исповѣдуемая ими вѣра существуетъ при иныхъ условіяхъ и свободна отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя помрачали ее въ ихъ глазахъ. Но надежда эта мало сбывалась. Въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, отчасти общеполитическихъ, а отчасти тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, въ силу которыхъ Русскіе люди часто бывали лишены возможности выражать и проявлять на дѣлѣ свое участіе въ предметахъ общей важности, до Болгаръ не долетало сочувствующаго голоса, и они съ каждымъ днемъ ожесточались все болѣе и болѣе. Что мудренаго, если взоры ихъ обращаются теперь на Западъ, и миссіи католическія и протестантскія дѣйствуютъ успѣшно въ Славянскихъ странахъ, бывшихъ отъ начала вѣрными оплотами Православія? На Востокѣ видятся имъ все тѣже мрачныя лица, тѣже притѣснѣнія, таже безнравственность, тѣже хищенія, тѣже клеветы и доносы при малѣйшемъ мирномъ движеніи народной жизни, и не слышится, хотя бы издали, ни одного дружелюбнаго голоса, который бы поддержалъ, ободрилъ ихъ, вошелъ въ

ихъ чувствованія и вознегодовалъ ихъ справедливымъ гнѣвомъ на ихъ притѣснителей и осквернителей святыни; на Западѣ, напротивъ, представляется имъ вся соблазнительная перспектива образованія и гражданственности, оттуда слышатся имъ призывные, привѣтливые голоса, на которые никто не налагаетъ молчанія; и вотъ, въ Болгаріи начинаютъ уже поговаривать объ уніи.

„Редакція *Русскаго Вѣстника*, обнародованіемъ вышеупомянутыхъ статей только исполнила долгъ свой предъ истиной и передъ публикой. Она глубоко сожалѣетъ, что статьи эти подверглись замѣчанію оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода; но надѣется, что недоразумѣнія, вызвавшія это замѣчаніе, уступятъ мѣсто болѣе спокойному и болѣе безпристрастному обсужденію дѣла. Редакція имѣла право напечатать эти статьи, которыя, по предмету своему, ни въ чемъ не противорѣчатъ положеніямъ цензурнаго устава. Статьи подобнаго содержанія не подлежатъ духовной церзурѣ и было бы прискорбно, если бы впредь подобныя статьи должны были подвергаться ей. Это было бы нововведеніемъ, противнымъ духу нашего цензурнаго устава и въ высшей степени стѣснительнымъ для нашей Литературы. Духовной цензурѣ подлежатъ лишь тѣ сочиненія, въ которыхъ излагаются догматы Православной Церкви; духовная цензура признаетъ или не признаетъ согласнымъ излагаемое ученіе съ установленнымъ ученіемъ Православной Церкви: вотъ ея назначеніе, и всякое дальнѣйшее расширеніе ея предѣловъ можетъ только обратиться во вредъ какъ Литературѣ, такъ и самой Церкви. Православная Церковь, по своей сущности, должна быть чужда всякаго инквизиціоннаго начала и полицейскаго духа; прививать къ ней этотъ духъ, столь противный ей, значитъ низводить ее на арену человѣческихъ страстей и преходящихъ мнѣній, унижать ея достоинство, оскорблять ея характеръ, затемнять ея святую сущность и скоплять противъ нея напрасную горечь въ умахъ. Внутренняя сущность нашей Церкви достаточно обозначилась тою первоначальною

чертой, которая стала чертою раздѣлѐнія между ею и Римскою Церковью. Въ то время, какъ Римская Церковь укрыла смыслъ Священнаго Писанія въ формахъ мертваго и непонятнаго народу языка, Православная Церковь признала и благословила начало разумѣнія, допуститвъ всѣ языки къ прославленію Бога. Это черта глубокознаменательная.

„Въ упомянутыхъ статьяхъ нѣтъ ни слова о догматахъ Православной Церкви и вообще нѣтъ никакихъ богословскихъ разсужденій; авторъ говоритъ только о положеніи и дѣйствіяхъ духовенства, и притомъ не у насъ, а въ странѣ намъ чуждой и находящейся подъ мусульманскимъ владычествомъ. Мы не видимъ, почему даже не могли бы мы говорить свободно о положеніи Церкви и духовенства въ нашемъ Отечествѣ; гласность относительно этого предмета важнѣе, чѣмъ по какой либо другой отрасли жизни.

„Нельзя безъ грусти видѣть, какъ въ Русской мысли постепенно усиливается равнодушіе къ великимъ интересамъ религіи. Это слѣдствіе тѣхъ преградъ, которыми хотятъ насильственно отдѣлить высшіе интересы отъ живой мысли и живаго слова образованнаго Русскаго общества. Вотъ почему въ Литературѣ нашей замѣчается совершенное отсутствіе религіознаго направленія. Гдѣ возможно повторять только казенныя и стереотипныя фразы, тамъ теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій поневолѣ совѣстится выражать его, и Русскій писатель никогда не посмѣетъ говорить публикѣ тономъ такого религіознаго убѣжденія, какимъ могутъ говорить писатели другихъ странъ, гдѣ нѣтъ спеціальной духовной цензуры. Эта насильственная недоступность, въ которую поставлены у насъ всѣ интересы религіи и церкви, есть главная причина того безплодія, которымъ поражена Русская мысль и все наше образованіе; она же, съ другой стороны, есть корень многихъ печальныхъ явленій въ нашей внѣшней церковной организаціи и жалкаго положенія большей части нашего духовенства.

„Неужели намъ суждено всегда обманывать себя, и хитро-

сплетенною ложью пышныхъ оффиціальныхъ фразъ убаюкивать нашу совѣсть и заглушать голосъ вопіющихъ потребностей? Въ такомъ великомъ дѣлѣ, мы не должны ограничивать горизонтъ нашъ настоящимъ поколѣніемъ, и съ грустію должны мы сознаться, что будущность нашего Отечества не обѣщаетъ добра, если продлится эта система отчужденія мысли, этотъ ревнивый и недоброжелательный контроль надъ нею. Не добромъ помянутъ насъ потомки наши, вникая въ причины глубокаго упадка религіознаго чувства и высшихъ нравственныхъ интересовъ въ народѣ, чѣмъ грозитъ намъ не очень далекая будущность Россіи. Признаки этого упадка замѣчаются и теперь, и намъ, живущимъ среди общества и имѣющимъ возможность наблюдать жизнь въ самой жизни, а не въ искусственныхъ препаратахъ, признаки эти замѣтнѣе, нежели офиціальнымъ дѣятелямъ, которые, по своему положенію, иногда при всей доброй волѣ, не могутъ усмотрѣть, не только оцѣнить многихъ характеристическихъ явленій въ народной жизни. Никакое праздное, дерзкое и ложное слово, прорвавшееся при свободѣ мнѣнія, не можетъ быть такъ вредно, какъ искусственная и насильственная отчужденность мысли отъ высшихъ интересовъ окружающей дѣйствительности. При свободѣ мнѣнія всякая ложь не замедлитъ вызвать противодѣйствіе себѣ, и противодѣйствіе тѣмъ сильнѣйшее, тѣмъ благотворнѣйшее, чѣмъ рѣзче выразится ложь. Но нѣтъ ничего опаснѣе и гибельнѣе равнодушія и апатіи общественной мысли.

„Во всякомъ случаѣ, предметъ статей, подвергшихся нареканію, не находится ни въ какой связи съ положеніемъ дѣла въ нашемъ Отечествѣ. Рѣчь идетъ о страданіяхъ Болгаръ и о злоупотребленіяхъ чуждаго намъ духовенства, за испорченность котораго не несетъ на себѣ отвѣтственности ни Православная Церковь, ни наше Правительство. Эта духовная порча, къ несчастію, была неизбѣжна подъ владычествомъ Ислама, хотя это нимало не оправдываетъ ея и не можетъ мирить съ нею христіанскую совѣсть. Неужели и тутъ хотятъ отнять у Русскаго человѣка право голоса и

осужденія? Неужели вліяніе Фанара, не ограничиваясь Турецкимъ Правительствомъ и несчастною Болгаріей, должно простираться и на насъ, людей живущихъ подъ другимъ закономъ, и употреблять противъ насъ силу нашего Правительства, какъ свое орудіе? Сила можетъ принудить насъ къ молчанію, нѣтъ сомнѣнія; но гдѣ законное основаніе употреблять противъ насъ въ этомъ случаѣ силу? Гдѣ законный поводъ къ офиціальному вмѣшательству по тому вопросу, который поднятъ въ статьяхъ *Турецкія дѣла*? Если отнять у насъ право высказываться объ этихъ дѣлахъ, то что же еще останется для нашего слова? Послѣдовательность требуетъ запретить намъ писать обо всякомъ сколько нибудь важномъ предметѣ. Но, скажутъ, статьи эти исполнены ошибочныхъ показаній и невѣрныхъ мнѣній; въ нихъ преувеличивается существующее зло, и выдумывается небывалое. Положимъ, что такъ. Статьи напечатанныя, подлежатъ критикѣ; пусть всякій, кто не согласенъ съ ними, раскроетъ ихъ недостатки, ошибки, невѣрности и подвергнетъ автора строгому публичному суду, но не отнимая у него возможности защищаться и подкрѣплять свои показанія. Истина не должна бояться гласности, и кто считаетъ свое дѣло правымъ, тому вдвойнѣ грѣшно пользоваться правомъ сильнаго, и налагать молчаніе на уста противника. Офиціальное вмѣшательство даетъ дѣлу именно такой оборотъ; а несправедливый и невеликодушный образъ дѣйствій всего менѣе можетъ свидѣтельствовать о правотѣ защищаемаго дѣла...

„Редакція печатала статьи г. Д. не безъ достаточныхъ удостовѣреній въ справедливости ихъ общаго направленія и главныхъ показаній. Изъ разныхъ мѣстъ Болгаріи, отъ лицъ ни въ чемъ между собою несходныхъ и другъ друга незнающихъ, доходили до нея положительныя и подробныя свѣдѣнія о несчастномъ положеніи этой страны и о духовныхъ притѣсненіяхъ, которыя она претерпѣваетъ. Нельзя было защищаться отъ этихъ вопіющихъ голосовъ и было бы грѣшно не отозваться на нихъ. Редакція сдѣлала, что могла, въ предѣ-

лахъ своихъ средствъ, и, сознавая правоту своего дѣла, не страшится нести за него отвѣтственность. Еслибъ она не соблюдала должной осторожности, то изъ обильнаго запаса матеріаловъ, она могла бы представить гораздо болѣе подробностей относительно злоупотребленій, угнетающихъ Болгарію; но, въ избѣжаніе скандала и изъ уваженія общественныхъ приличій, она не желала касаться многихъ личностей, и авторъ статей ограничился лишь общими очерками положенія дѣлъ.

„Зачѣмъ хотятъ отнять у насъ священное право сочувствія духовнымъ нуждамъ нашихъ братій? Отчего только Русскому человѣку воспрещается выраженіе подобнаго сочувствія? Неужели лучше, чтобы Болгаре видѣли отъ Россіи только сочувствіе къ ихъ притѣснителямъ и наконецъ подумали, что нечистота, приставшая къ іерархіи Православной Церкви въ мусульманскомъ краю, есть повсюду ея принадлежность, потому что нигдѣ эта нечистота не возбуждаетъ антипатіи къ себѣ? Откуда взялась у насъ такая ревность о Греческомъ народѣ, который ея не требуетъ, и такое презрѣніе къ Болгарамъ, которыхъ только Русскіе своимъ сочувствіемъ могутъ удержать подъ сѣнію Православія?

„Пусть запретятъ намъ писать, пусть наложатъ молчаніе на наши уста, или, что все одно и тоже, пусть обратятъ насъ къ спеціальной духовной цензурѣ. Но едва ли, вслѣдствіе этого, успокоится Болгарія; едва ли послужитъ это къ торжеству Православія въ тѣхъ мѣстахъ. И если Русскіе журналы будутъ молчать, то тѣмъ сильнѣе заговорятъ журналы иностранные, и Болгаре, которые доселѣ еще не забыли пути въ Россію, чтобы искать въ ней образованія, наконецъ послѣдуютъ за своими братьями Сербами, въ которыхъ мы уже успѣли поселить ненависть къ себѣ и обратить ихъ симпатіи къ иновѣрнымъ и чуждымъ народамъ“.

Приводя эту замѣчательную, по своей глубинѣ и краснорѣчію статью, мы долгомъ считаемъ заявить, что авторъ ея Михаилъ Никифоровичъ Катковъ былъ послушнымъ сыномъ

Православной Церкви, и съ младенческою вѣрою исполнялъ ея спасительныя велѣнія.

XXXV.

Въ это время издатель *Русской Бесѣды* А. И. Кошелевъ пребывалъ въ своей Песочнѣ, и тамъ получилъ бумагу изъ Московскаго Цензурнаго Комитета, которую немедленно же съ эстафетою отправилъ въ Богучарово, къ А. С. Хомякову.

Получивъ бумагу, Хомяковъ писалъ Кошелеву: „Сегодня поутру твой эстафетъ меня разбудилъ въ половинѣ 8-го и немножко напугалъ. Прочитавъ, хотѣлъ было опять соснуть, да не тутъ то было. Жаръ и мухи не позволили. Поэтому всталъ, принялся за перо и, не смотря на многіе вольные и невольные перерывы, исполнилъ урокъ. То ли я писалъ и такъ ли? Не знаю. Держался твоихъ наставленій, старался выразить мысль посильнѣе и въ тоже время крайне умѣренно. Объ успѣхѣ ты можешь судить лучше меня, вовсе не привычнаго къ оффиціальной перепискѣ. Самый запросъ не совсѣмъ для меня неожиданъ. Я былъ у графа А. П. Толстого два раза; но другъ друга не заставали. Филипповъ въ ужасѣ, и онъ говорилъ мнѣ о еще большемъ ужасѣ своего начальника. Я за это его побранилъ, но видѣлъ, что толку не будетъ. Ему Толстой поручилъ было написать возраженіе; онъ говорилъ, что ему больно нападать на *Бесѣду*, да и едва ли гдѣ помѣстятъ возраженіе его. Я ему совѣтовалъ опять таки помѣстить въ *Русской Бесѣдѣ*. Онъ разговоръ замялъ... Сердится наша іерархія и особенно нашъ графъ А. П. Толстой, котораго Греки кругомъ обошли“ [137]).

Надо замѣтить, что въ то время Хомяковъ только что вернулся изъ Петербурга, куда ѣздилъ поклониться картинѣ Иванова.

Такимъ образомъ, требуемый отвѣтъ отъ издателя *Русской Бесѣды* былъ написанъ А. С. Хомяковымъ. „Отношеніе г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода къ г. министру Народнаго

Просвѣщенія, — писалъ онъ, — изъясненное въ предложенія его высокопревосходительства Московскому Цензурному Комитету, объ истребованіи отъ меня объясненія по поводу помѣщенія въ *Русской Бесѣдѣ* статьи г. Даскалова, подъ заглавіемъ *Возрожденіе Болгаръ*, — меня глубоко огорчило и налагаетъ обязанность представить подробно причины, побудившія меня къ напечатанію упомянутой статьи.

„Съ самаго основанія своего, *Русская Бесѣда* поставила себѣ прямою и первою обязанностію, по мѣрѣ силъ, трудиться не только въ пользу просвѣщенія вообще, но по преимуществу въ смыслѣ просвѣщенія истиннаго, истекающаго изъ началъ верховной Правды, Богомъ откровенной, т.-е. вѣры Православной. Съ другой стороны, *Русская Бесѣда* считаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать постоянно пользѣ Отечества и всѣхъ народовъ единокровныхъ, а особенно единовѣрныхъ Россіи. Этимъ двумъ стремленіямъ она была и будетъ всегда вѣрною.

„Между тѣмъ, на Востокѣ возникло и ежедневно усиливается самое печальное и пагубное явленіе — раздоръ между Православными Славянами и ихъ духовными пастырями — Греческимъ духовенствомъ Константинопольской Патріаршей эпархіи. Этотъ раздоръ, самъ по себѣ уже весьма печальный, грозитъ разрывомъ между паствою и пастырями и отторжееніемъ всего племени Болгарскаго и значительной части Сербскаго, т.-е. слишкомъ семи милліоновъ людей отъ Православія, слѣдовательно, величайшимъ бѣдствіемъ для Церкви и не только духовною, но и общественною гибелью двухъ народовъ, намъ единокровныхъ и единовѣрныхъ. Ни одинъ Русскій, ни одинъ Православный, не долженъ и не можетъ оставаться равнодушнымъ при такомъ важномъ вопросѣ, не обличая въ себѣ въ тоже время полнаго равнодушія къ отечеству земному и къ отечеству небесному.

„Раздоръ и грозящій разрывъ истекаютъ очевидно не изъ иновѣрной пропаганды (хотя она, безспорно, старается его усилить и имъ воспользоваться) и не изъ склонности къ ино-

вѣрію въ Болгарахъ и Сербахъ, нѣкогда много содѣйствовавшихъ Греціи въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія Россіи, и всегда остававшихся твердыми въ Православіи, не смотря на всѣ искушенія власти Мусульманской или Латынствующей (въ Австріи) и не смотря на всѣ страданія мученической Исторіи въ продолженіи четырехъ вѣковъ.

„Бѣдственное явленіе, намъ современное, истёкаетъ единственно изъ разноплеменности народа Славянскаго и высшаго духовенства Грево-фанаріотскаго, котораго своекорыстіе служитъ орудіемъ, отчасти безсознательнымъ, власти Туровъ и происковъ иноземныхъ державъ. Угнетеніе приходского духовенства и самихъ Православныхъ обитателей Славянскихъ, служитъ тому лучшимъ и неоспоримымъ доказательствомъ.

„При такихъ обстоятельствахъ, была очевидная необходимость познакомить съ ними людей благомыслящихъ и истинно просвѣщенныхъ въ Россіи. Странно и стыдно было бы намъ оставаться въ неизвѣстности по вопросу, который долженъ быть такъ близокъ сердцу всякаго Православнаго и Русскаго тогда, когда онъ сдѣлался уже предметомъ изученія и разговора во всей Европѣ. Понятно, что журналы, издаваемые Духовнымъ Вѣдомствомъ, не могли говорить объ немъ; ихъ слова въ такомъ дѣлѣ носили бы уже на себѣ характеръ суда одной эпархіальной іерархіи надъ іерархіею другой эпархіи. Такихъ препонъ не было для журнала свѣтскаго. *Русская Бесѣда* сочла своею обязанностію обратить вниманіе читателей на вопросъ о духовной будущности и о современныхъ страданіяхъ Болгаріи.

„Оффиціальныхъ данныхъ не было и быть не могло, ибо всѣ онѣ въ рукахъ Турецкой власти и Греко-фанаріотскаго начальства; иностранныя свидѣтельства крайне ненадежны и неполны: оставалось только одно,—обратиться къ показаніямъ самого народа, отстраняя, елико возможно, то раздраженіе, которое по необходимости истекаетъ изъ долгихъ страданій и постоянной неправды. *Русская Бесѣда* просила свѣдѣній у молодыхъ уроженцевъ Болгаріи, воспитывающихся въ Россіи,

т.-е. у такихъ людей, которые самимъ выборомъ мѣста, въ которомъ они желали получить образованіе, доказываютъ свою вѣрность духовнымъ и народнымъ началамъ своей родины и предпочитаютъ видимую скудость средствъ научныхъ въ землѣ единовѣрной и единокровной, богатству научному на Западѣ, къ которому уже устремились многіе изъ ихъ соотечественниковъ. Изъ молодыхъ Болгаръ статью доставилъ Даскаловъ, человѣкъ не только даровитый, но искренно преданный своему народу и въ тоже время вполнѣ убѣжденный, что всѣ надежды Болгаріи на лучшую будущность связаны неразрывно съ ея неизмѣнною твердостію въ вѣрѣ Православной.

„Статья не могла и не должна была быть холодною: стыдно было бы болгарину безъ глубокаго и горячаго негодованія о постоянномъ угнетеніи своихъ единоплеменниковъ, о постоянномъ и хитромъ насиліи Греко-фанаріотовъ надъ Славянскими народностями, о постоянномъ ихъ стремленіи искоренить всякую умственную жизнь, мѣстную, непокорную или лучше сказать, нерабствующую передъ своекорыстіемъ Греческаго Фонара. Но съ другой стороны, ни одно слово въ цѣлой статьѣ не обращено не только противъ вѣры Православной, но даже и противъ законовъ Церковной іерархіи. Еще болѣе: обличая поступки фанаріотовъ, авторъ ограничивается только тѣми, которые прямо враждебны духовной жизни Болгарскаго народа или разорительны для его вещественнаго благосостоянія, и не касается многихъ и слишкомъ плачевныхъ явленій въ Цареградской іерархіи, которыя извѣстны, къ несчастію, всѣмъ видѣвшимъ ее вблизи, но не прямо падаютъ на страдальческія головы за-Дунайскихъ Славянъ. Въ этомъ уже видно самое ясное доказательство, что перомъ его водила не вражда, не невѣріе, не непочтеніе къ закону іерархическому, но единственно тяжелая необходимость исполнить священный долгъ заступничества за истомленныхъ братій.

„Таково направленіе статьи и въ такомъ смыслѣ была она принята *Русскою Бесѣдою*. Безспорно, въ ней могутъ

заключаться нѣкоторыя показанія невѣрныя, ибо оффиціальныя данныя недоступны, и *Русская Бесѣда* всегда готова исправлять свои невольныя ошибки, если только дѣйствительность оныхъ будетъ ей вполнѣ доказана. Многое основано на устномъ преданіи, на разсказахъ народныхъ, даже на свидѣтельствѣ народной пѣсни; но это-то самое и важно. Для людей благонамѣренныхъ, для христіанъ искреннихъ и искренно стремящихся къ излѣченію глубокой раны церковной и къ примиренію Болгарской паствы съ ея начальствомъ, нужно знать не только, что̀ было дѣйствительно, но и то, какъ оно казалось глазамъ народа и дѣйствовало на его душу. Безъ этого знанія невозможно никакое полезное дѣйствіе, особенно тамъ, гдѣ, съ одной стороны, является бѣдный, страдающій и почти безграмотный народъ, а съ другой,—стоящее съ нимъ и угнетающее его, начальство просвѣщенное, богатое и издавна искусившееся во всѣхъ хитростяхъ многосложнаго закона политическаго и дѣятельности придворной.

„Не въ духѣ вражды, или невѣрія, а въ духѣ глубокой скорби и душевной болѣзни была писана и напечатана статья Даскалова. Она должна была познакомить Русскихъ съ вопросомъ близкимъ сердцу каждаго изъ насъ; она должна быть полезною Славянамъ, которымъ покажетъ, что мы не равнодушны къ ихъ бѣдствіямъ, она наконецъ можетъ быть полезна самимъ фанаріотамъ, какъ предостереженіе, какъ доказательство, что сочувствіе Россіи будетъ не съ ними, а съ бѣднымъ народомъ, гонимымъ ихъ слѣпымъ своекорыстіемъ изъ нѣдръ истинной Церкви въ лоно обманчивыхъ, но гостепріимныхъ ересей.

„Езуитская Австрія запретила не только перепечатывать, но даже и пропускать въ изданіяхъ заграничныхъ жалобы Славянъ на Греческое духовенство: она желаетъ заглушеніемъ жалобъ довести Православный народъ до отчаянія и отпаденія. Такое дѣйствіе Австріи служитъ намъ назидательнымъ урокомъ. То, о чемъ она старается, не можетъ быть полезно для Россіи: то, чему ее учатъ духовные ея настав-

ники, езуиты, не можетъ имѣть другихъ цѣлей, кромѣ цѣлей, гибельныхъ для вѣры Православной.

„Вотъ соображенія, на основаніи коихъ мною помѣщена статья Даскалова въ *Русской Бесѣдѣ*. Я остаюсь вполнѣ увѣреннымъ, что просвѣщенное начальство оцѣнитъ по справедливости дѣйствіе добросовѣстное, предпринятое въ видахъ общей пользы Православной Церкви, Россіи и соплеменныхъ ей единовѣрцевъ".

Получивъ объясненія *Русскаго Вѣстника* и *Русской Бесѣды*, попечитель Московскаго Учебнаго Округа, А. Н. Бахметевъ, 18 августа 1858 года, писалъ министру Народнаго Просвѣщенія, между прочимъ, слѣдующее: „Во исполненіе предложенія вашего высокопревосходительства по поводу статей, напечатанныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ *Русской Бесѣдѣ* и допущенныхъ къ печати цензоромъ фонъ-Крузе, Московскій Ценсурный Комитетъ требовалъ надлежащихъ объясненій по сему предмету, какъ отъ редакторовъ упомянутыхъ изданій, такъ и отъ цензора фонъ-Крузе. Нынѣ объясненія сіи доставлены, и представляя ихъ въ подлинникахъ къ вашему высокопревосходительству, я, съ своей стороны, имѣю честь объяснить при семъ, что статьи, напечатанныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ *Русской Бесѣдѣ*, по личному моему убѣжденію, признаю, что эти статьи написаны слишкомъ рѣзко и могутъ вооружить сильныхъ въ Константинополѣ фанаріотовъ противъ Болгаръ, находящихся подъ ихъ игомъ. Осторожность въ семъ случаѣ тѣмъ болѣе необходима, что большинство малообразованныхъ читателей весьма склонно переносить обвиненія съ недостойныхъ служителей церкви на самый ея принципъ, и что по положительнымъ даннымъ, извѣстнымъ вашему высокопревосходительству, Латинская и протестантская пропаганды дѣйствуютъ не только сильнымъ политическимъ вліяніемъ, но и громадными денежными способами, простирающимися до девяти милліоновъ франковъ въ годъ, тогда какъ мы можемъ располагать самыми ничтожными средствами, и, возбудивъ мщеніе неистовыхъ фанаріотовъ, не

имѣли бы достаточной силы для защиты несчастныхъ Болгаръ отъ ихъ преслѣдованій. Но, устраняя личное мое сочувствіе и заботливость къ огражденію Болгаръ отъ болѣе бѣдственнаго положенія при настоящихъ обстоятельствахъ, и разсматривая статьи *Русскаго Вѣстника* и *Русской Бесѣды* по строгому лишь смыслу и правиламъ цензурнаго устава, я нахожу что сіи статьи не касаются догматовъ Православнаго ученія, а обнаруживаютъ злоупотребленія Греческаго духовенства въ Константинополѣ, какъ это сильнымъ и великолѣпнымъ языкомъ объяснено въ запискѣ Каткова. Въ этомъ смыслѣ и при такомъ значеніи, статьи, по моему мнѣнію, не могли не быть допущены къ печати, и я не нахожу, чтобы цензоръ поступилъ противъ цензурныхъ правилъ".

По сему же предмету была и записка Московскаго цензора Н. Ѳ. фонъ-Крузе, но съ которою мы не имѣли случая познакомиться. Знаемъ только, что въ письмѣ министра Народнаго Просвѣщенія къ Московскому попечителю (отъ 15 сентября 1858 г.) сказано: „Оправданіе цензора фонъ-Крузе, наполненное неприличными выходками и дерзкими выраженіями, показываетъ непочтительность его къ начальству и къ Святѣйшему Сѵноду. Будучи вызванъ къ объясненію своихъ дѣйствій по цензурѣ, онъ принимаетъ, вмѣсто того, на себя роль обвинителя и судьи надъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сѵнода и другими властями. За это нарушеніе служебной обязанности, фонъ-Крузе подлежалъ бы строгому взысканію, но, желая быть по возможности снисходительнымъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство, возвративъ цензору фонъ-Крузе прилагаемое при семъ объясненіе его, внушить ему, что повтореніе подобнаго съ его стороны поступка будетъ имѣть для него самыя непріятныя послѣдствія".

Между тѣмъ, *Московскія Вѣдомости* принуждены были напечатать цѣлый рядъ отвѣтовъ Даскалову, съ слѣдующимъ эпиграфомъ: *Не вѣдахъ, братіе, яко архіерей есть: писано бо есть: князю людей твоихъ да не речеши зла* (Дѣян. XXIII, 5) [138].

31 октября 1858 года, Погодинъ писалъ: „Прибылъ въ

Москву изъ внутренней Турціи, отъ бѣдныхъ и разоренныхъ Босняковъ, престарѣлый отецъ Прокопій. Онъ получилъ благословеніе отъ нашего архипастыря собирать подаянія въ пользу церкви Рождества Богородицы въ Мостарѣ, главномъ городѣ Герцеговины, и прочихъ ограбленныхъ Турками въ послѣднее время церквей въ томъ краѣ. Настоящее состояніе тѣсной Мостарской церкви, врытой на десять ступеней въ землю, таково, что беременныя женщины *нерѣдко* отъ духоты, при стеченіи народа, разрѣшаются въ ней отъ бремени, а дѣти задыхаются до смерти. Недавно въ Русскихъ журналахъ возникла полемика, касательно состоянія Православныхъ церквей въ Турціи, и отношенія къ нимъ Греческаго духовенства. Горько было мнѣ, знающему коротко всѣ тамошнія дѣла, получающему въ продолженіи тридцати почти лѣтъ обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи всѣхъ Славянъ, читать эту полемику, основанную на мертвыхъ книгахъ, отвлеченныхъ теоріяхъ; не лучше ли желающимъ имѣть вѣрныя объ нихъ свѣдѣнія, читать живыя грамоты и разспрашивать хорошенько живыхъ свидѣтелей, почти безпрестанно къ намъ оттуда за разными дѣлами приходящихъ. Ну, вотъ отецъ Прокопій! Извольте поговорить съ нимъ, о Босніи, о Герцеговинѣ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ былъ въ Москвѣ протоіерей Шабацкій изъ Сербіи. Лѣтомъ воротился изъ Болгаріи почтенный нашъ Иванъ Николаевичъ Денкоглу, желавшій на закатѣ дней своихъ посѣтить училище, основанное имъ въ родномъ городѣ, Софіи, подъ надзоромъ своего воспитанника, нашего студента Филаретова. Чтобъ удостовѣриться въ истинѣ сказанія отца Прокопія, довольно разъ взглянуть на него. Когда онъ вошелъ въ мою комнату, мнѣ показалось, что ко мнѣ является одинъ изъ святыхъ подвижниковъ Кіевскаго Патерика, которымъ я на ту пору занимался".

Сохранились два письма митрополита Московскаго Филарета къ своему Лаврскому намѣстнику Антонію, которыя могутъ служить какъ бы подтвержденіемъ того, что изложено въ приведенныхъ нами запискахъ М. Н. Каткова и А. С. Хомякова.

Въ одномъ письмѣ (отъ 13 мая 1860 г.), читаемъ: „Въ Константинопольской Болгарской церкви, въ Пасху, Болгары закричали епископу Иларіону, чтобы, вмѣсто вселенскаго патріарха, поминалъ султана. И Цареградскій Вѣстникъ говоритъ, что это было исполнено. Одинъ изъ главныхъ поджигателей сего, журналистъ Цанковъ, поджигаемый Латинскими дѣятелями".

Въ другомъ письмѣ (отъ 30 октября того же года), читаемъ: „Можно думать, что если бы Болгары имѣли свою грамоту въ церкви и въ училищахъ, они лучше бы понимали Православіе, крѣпче бы его держались, не бросались бы, какъ теперь, на западъ, перенимать тамъ безвѣріе и мятежъ. Въ Греческой іерархіи есть болѣзнь, не легче ересей. Недавно, при выборѣ въ патріарха, въ собраніи патріаршаго мѣстоблюстителя, членовъ Сѵнода и національнаго собранія, архіерей архіерея взялъ за воротъ, архіереи архіереямъ наносили удары, крикъ привлекъ постороннихъ. Донесли Турецкому Правительству, и на другой день присланъ былъ военный отрядъ на случай нужды. Простите меня, что я высказалъ сіе горькое извѣстіе, и не передавайте его другимъ" [139]).

XXXVI.

Быть громамъ и быть ударамъ,
Быть сверканью въ облакахъ!

Такъ писалъ Хомяковъ, когда возникъ вопросъ Италіанскій.

Еще въ 1856 году, на Парижскомъ конгрессѣ, министръ Сардиніи графъ Кавуръ поднялъ вопросъ о дѣлахъ Италіи. Онъ представилъ конгрессу меморію, въ которой доказывалъ, что Европа не достигнетъ прочнаго мира до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ Италіанскій національный вопросъ.

Въ іюлѣ 1858 года, состоялось соглашеніе между Кавуромъ и Наполеономъ III, во время личнаго свиданія ихъ въ Пломбіерѣ. Здѣсь былъ заключенъ договоръ, которымъ императоръ

Французовъ обязывался оказать помощь освобожденію Италіи „до Адріатики". Такой союзъ былъ купленъ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ дорогою цѣною: онъ соглашался уступить Франціи родовыя земли своей династіи — Савойю и Ниццу.

Начались приготовленія къ войнѣ и въ Италіи, и во Франціи. Въ день новаго, 1859 года, Наполеонъ III, принимая членовъ дипломатическаго корпуса, сказалъ Австрійскому послу графу Гюбнеру: „Я крайне жалѣю, что мои отношенія къ вашему Правительству уже не такъ хороши, какъ это было прежде. Слова эти какъ громомъ поразили и Австрію, и всю Европу" [140]), и Погодина, который подъ 15 января 1859 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Извѣстіе о войнѣ". Въ то же время нашъ историкъ сталъ писать статью „объ Италіи и думалъ. Читалъ Библію и думалъ" [141]).

Австрійское Правительство, встревоженное военными приготовленіями Сардинскаго королевства, въ апрѣлѣ 1859 года, обратилось къ Правительству Виктора-Эммануила съ приглашеніемъ разоружиться въ трехдневный срокъ, въ противномъ случаѣ Австрія начнетъ военныя дѣйствія и двинетъ свои войска за рѣку Тичино. Вслѣдъ затѣмъ, Французскій посланникъ заявилъ въ Вѣнѣ, что переходъ Австрійцевъ черезъ рѣку Тичино будетъ сочтенъ за объявленіе войны Французамъ. Австрія приняла сдѣланный ей вызовъ и въ апрѣлѣ 1859 года двинула свои войска черезъ Тичино. Австріи пришлось вести эту войну безъ союзниковъ.

Въ маѣ 1859 года, Французскія войска черезъ Альпы и моремъ, черезъ Геную, постепенно прибывали въ Сѣверную Италію, гдѣ появился также Наполеонъ съ своими генералами. Первая серьезная встрѣча произошла у Монтебелло и окончилась неудачно для Австрійцевъ. Слѣдующее сраженіе при Палестро, въ которомъ Австрійцы были тоже разбиты, принудило Австрійскаго главнокомандующаго, графа Гюлая, перейти обратно за Тичино. Союзники послѣдовали за нимъ

и дали Австрійцамъ битву при Маджентѣ, которая была выиграна Французами. Въ день празднованія этой побѣды, Наполеонъ, рядомъ съ Викторомъ-Эммануиломъ, торжественно въѣзжалъ въ освобожденный Миланъ. Послѣ пораженія при Маджентѣ, Австрійцы должны были отступить за рѣку Минчіо, и вслѣдъ за ихъ удаленіемъ, возстала Средняя Италія. Въ Моденѣ, Пармѣ и Тосканѣ народъ выгналъ своихъ герцоговъ и провозгласилъ присоединеніе къ Сардиніи. Австрійскій императоръ смѣнилъ главнокомандующаго графа Гюлая и самъ принялъ командованіе, при ближайшемъ содѣйствіи генерала Бенедека. Рѣшено было поднять духъ войска наступательными дѣйствіями. Австрійская армія расположилась полукругомъ впереди рѣчки Минчіо, опираясь, въ центрѣ, на возвышенность при деревнѣ Сольферино. На этотъ центръ и направленъ былъ главный натискъ Французовъ. Послѣ упорнаго боя, Сольфирано было взято Французами (24 іюня 1859 г.). Австрійцы снова отступили [142]).

Событія въ Италіи произвели сильное впечатлѣніе въ Россіи. Вызванный ими Погодинъ рѣшился написать слѣдующее письмо къ государю:

„Государь!

„Гнѣвайтесь на меня, наказывайте меня, дѣлайте со мною что угодно, но внутренній голосъ, голосъ, кажется, Русской Исторіи, не даетъ мнѣ покоя, и я не могу молчать.

„Время знаменательное. Надо пользоваться обстоятельствами.—Такъ учитъ опытъ. Потеряешь минуту, и она не возвращается. Вы призваны сдѣлать великія дѣла не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Спѣшите. Отдайте Польшѣ старую Александровскую конституцію, что лежитъ въ Оружейной Палатѣ, чего никто запретить вамъ не можетъ; велите стянуться войскамъ въ Царствѣ и въ Подольской губерніи, какъ онѣ стягиваются теперь во всѣхъ почти западныхъ государствахъ;—и Галиція, Венгрія, Богемія, Кроація оторвутся отъ Австріи прежде Италіанскихъ провинцій. Призовутся, пожалуй, ваши братья и сыновья на ихъ престолы. Россія

займетъ прежнее мѣсто въ системѣ Европейскихъ государствъ и диктаторскій жезлъ выпадетъ изъ рукъ Наполеона. Вы пріобрѣтете силы больше, чѣмъ потеряете власти.

„Не бойтесь никакихъ трудностей: все благопріятствуетъ, вамъ легко достается то, къ чему другіе не смѣли бы прикоснуться.

„Крестьяне держутъ себя отлично (а чего ожидали отъ нихъ наши отсталые!). Заровъ во многихъ мѣстахъ пить вино показываетъ, что̀ это за народъ, и что̀ съ нимъ умными мѣрами дѣлать можно. Дворяне привыкли къ мысли объ освобожденіи, но ихъ непремѣнно нужно обнадежить въ полномъ вознагражденіи. Литература за васъ. Европейская симпатія съ вами. Одна бѣда, что у васъ помощники плохіе, хоть можетъ быть добрые, преданные, которые *видяще не видятъ и слышаще не разумѣютъ* пульса времени, и мѣшаютъ вамъ, останавливаютъ васъ призраками своего болѣзненнаго воображенія. Но Святая Русь не клиномъ сошлась, кликните кличь, объявите твердую волю свою идти впередъ, а нѐ назадъ, и люди найдутся.

„Государь! Вспомните, что я привѣтствовалъ ваше совершеннолѣтіе, вспомните, какое доказательство преданности я представилъ вашему родителю. Не вѣрьте никакимъ клеветамъ и обвиненіямъ. Я преданъ вамъ и готовъ служить отъ души, потому, что думаю служить тѣмъ общему дѣлу—успѣху, пользѣ и добру".

Но Хомяковъ и Кошелевъ отговаривали Погодина посылать письмо. „Хомяковъ у меня обѣдалъ",—писалъ Кошелевъ,—„и мы вмѣстѣ прочли ваше письмо. Мы оба не совѣтуемъ вамъ отправлять это письмо. Если бъ вы не были теперь и безъ того на сценѣ, но теперь ваше письмо можетъ только повредить. Поберегите себя на иной случай. Знаете: частыя напоминанія о себѣ вредны и обезсиливаютъ человѣка".

Шевыревъ же (2 апрѣля 1859 г.) писалъ Погодину: „Поѣдемъ въ Италію. Насъ тамъ примутъ съ восторгомъ. А когда разрѣшится вопросъ Итальянскій, самъ собою поднимется и Славянскій" [143]).

Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ* 1859 года, записалъ:

Подъ *29 марта*: „Стремленіе къ возстановленію національностей, кажется, составляетъ одну изъ задачъ нашего времени. Война съ Австріею можетъ окончиться отторженіемъ отъ нея Славянскихъ племенъ. Но что тогда станется съ Польшею? Славянофилы мечтаютъ о федераціи Славянъ. Какую же роль тогда будетъ играть Россія? Откажется ли она добровольно отъ Польши".

Подъ *21 апрѣля*: „Итальянскія дѣла очень всѣхъ занимаютъ. Въ прошедшую пятницу, нѣкоторые изъ моихъ посѣтителей сговорились, при первой же неудачѣ Австрійцевъ, выпить шампанскаго за успѣхъ Итальянскаго оружія".

— *11 мая*: „Французы и Сардинцы немножко поколотили Австрійцевъ".

— *15 іюня*: „Получено по телеграфу извѣстіе, что Австрійцы снова разбиты Французо-Сардинцами" [144]).

„Кронштадтъ",—писалъ А. Ѳ. Бычковъ (18 мая 1859 г.) Погодину,—сильно укрѣпляютъ. Все это весьма хорошо, авось насъ не застанутъ въ расплохъ. Я почти увѣренъ, что въ скоромъ времени снова на Божій свѣтъ выйдетъ восточный вопросъ, а тамъ чего добраго поднимуься другіе".

Москва командировала знакомаго намъ по Кирсанову, Н. В. Берга, на театръ военныхъ дѣйствій, въ качествѣ корреспондента.

Подъ *15 мая* 1859 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Приходится сдѣлать ужинъ для Берга"; а подъ *17-мъ*: „Прощальный ужинъ съ товарищами Берга, для которыхъ устроилъ я ужинъ. Желаю, чтобы возвратился скорѣе съ благою вѣстію, что въ Европѣ одною свободною страною стало больше. Потомъ за Италію. Потомъ я сказалъ, почему же не прибавить: и проч. и проч., что̀ принято съ удовольствіемъ".

XXXVII.

Послѣ долгихъ размышленій о судьбахъ Италіи и Европы, Погодинъ рѣшился наконецъ напечатать свое разсужденіе объ *Италіанскомъ вопросѣ*.

„Убѣдительно прошу",—писалъ И. С. Аксаковъ Погодину,— „этой статейки для *Бесѣды*. Эта статья весьма оживитъ нашу почтенную *Бесѣду*" [145]).

„Франція и Австрія занесли мечъ надъ Италіей"! восклицалъ Погодинъ.

„Но",—спрашиваетъ онъ,—„развѣ это явленіе новое, случайное, необыкновенное"?

До отвѣта на этотъ вопросъ, Погодинъ замѣчаетъ: „Нашъ вѣкъ до такой степени погрязъ въ настоящемъ, до такой степени занялся *ежедневною злобой*, и въ такой зависимости находится отъ обстоятельствъ минуты, что позабываетъ совершенно прошедшее и не помышляетъ вовсе о будущемъ, какъ будто, грозное, оно никогда не настанетъ. Исторія, Цицеронова magistra vitae, потеряла для него свой даръ приложенія".

За симъ, Погодинъ приглашаетъ „опомниться и хоть на мигъ оглянуться назадъ".

Обозрѣвъ событіе отъ древняго Рима до Наполеона III, Погодинъ представляетъ слѣдующій итогъ своего обозрѣнія, сравнивая его „съ качаніемъ маятника":

„Римъ овладѣваетъ міромъ".	„Нѣмецкія племена разрушаютъ имперію, и овладѣваютъ Италіей".
„Пауза, антръ-актъ".	„Основаніе папской власти".
„Ломбарды стѣсняютъ папу".	„Карлъ Великій обороняетъ папу".
„Пауза антръ-актъ".	„Происхожденіе особыхъ Италіанскихъ владѣній".

„Походы Нѣмецкихъ императоровъ въ Италію и завоеванія“.	„Карлъ Анжуйскій въ Неаполѣ и перенесеніе папской столицы въ Авиньонъ“.
„Пауза антръ-актъ“.	
„Притязаніе Карла VIII, Людовика XII, Франциска I“.	„Карлъ V“.
„Пауза антръ-актъ“.	„Золотой вѣкъ искусства“.
„Утвержденіе Австрійцевъ въ Италіи со времени Утрехтскаго мира (1814 г.)“.	„Дѣйствіе Французской революціи и Наполеона“.
„Вѣнскій конгрессъ“.	„Карбонары. Сардинія. Пій IX“.
„Австрійское вліяніе“.	„Новое броженіе. Участіе Наполеона III“.

Представивъ это, Погодинъ замѣчаетъ: „Всѣ эти историческія движенія, инстинкты, имѣли и имѣютъ свой смыслъ, съ высшей точки зрѣнія, смыслъ непонятный самимъ дѣйствующимъ лицамъ, открывающійся только наукѣ, впослѣдствіи: такъ, Нѣмцы ходили въ Италію за властію, а принесли оттуда сѣмена образованія; такъ, Французы, искавъ также тамъ завоеваній, утвердили только собственную самобытность; взаимной ихъ борьбою началась связь между Европейскими государствами, составившая изъ нихъ одно живое цѣлое,— отличительный характеръ новой Исторіи. Пути Провидѣнія неисповѣдимы. Можетъ быть, и предстоящей войною откроется новая эра“.

За симъ, Погодинъ оставляетъ Исторію и переходитъ къ дѣйствительности.

За разрѣшеніемъ вопроса: „въ какомъ положеніи находится Италія“? Погодинъ обращается къ Англичанамъ, которые „стараются всѣми силами не допустить до войны, опираются на трактаты и заявляютъ свое уваженіе къ Австріи“. Не смотря на это, лордъ Россель, „въ первомъ засѣданіи Парламента, принужденъ былъ сознаться, что состояніе Ита-

ліи плачевное. Лордъ Гренвиль, только что воротившійся оттуда, ужасными красками описываетъ состояніе Церковной Области и прочихъ частей Италіи. Кто не помнитъ знаменитой брошюры Гладстона о состояніи Неаполитанскаго королевства, надѣлавшей столько шума въ Европѣ? Лордъ Броутонъ сообщаетъ множество любопытныхъ и вмѣстѣ горестныхъ свѣдѣній. Всѣ Европейскіе путешественники твердятъ одно и тоже". Къ симъ послѣднимъ Погодинъ причисляетъ и себя, и приводитъ выписки изъ своего *Дорожнаго Дневника* 1839 года.

За симъ, Погодинъ обозрѣваетъ всѣ западныя государства и ихъ отношенія къ Италіанскому вопросу.

Начинаетъ съ Германіи. „Нѣмцы",—пишетъ онъ,—„во всѣхъ газетахъ, самыхъ либеральныхъ, во всѣхъ палатахъ объявляютъ себя, болѣе или менѣе, противъ Италіи, за Австрію... Нѣмцы опасаются, вѣроятно, что Наполеонъ, управясь съ Австрійцами въ Италіи, примется и за нихъ на берегахъ Рейна... Италія, слѣдовательно, не только не можетъ надѣяться на Нѣмцевъ, но должна опасаться, чтобъ не увидѣть ихъ въ рядахъ своихъ противниковъ"...

Отъ Германіи, Погодинъ переходитъ къ Англіи, и утверждаетъ, что Англичане „всѣхъ партій объявляютъ себя, если не противъ Италіи, то рѣшительно противъ войны. Первенствующій министръ Англіи, графъ Дерби, въ торжественномъ собраніи Парламента, сказалъ прямо: Намъ дѣла нѣтъ до внутренняго управленія въ Ломбардіи и до характера владычества Австріи въ ея Италіанскихъ провинціяхъ... Наслѣдства, долговременное владѣніе, трактаты—вотъ тѣ начала, на которыхъ основывается вкадычество Австріи въ Италіанскихъ провинціяхъ... Слова эти были приняты собраніемъ съ рукоплесканіемъ. Дизраели говорилъ совершенно въ томъ же смыслѣ. Главы оппозиціи, лордъ Пальмерстонъ и лордъ Россель, объясняются почти одинаково. Англичане желаютъ дипломатическимъ путемъ достигнуть цѣли, успокоенія Италіи... Лордъ Коулей отправляется миротворцемъ въ Вѣну... При-

крываясь уваженіемъ къ трактатамъ, Англія больше всего боится, чтобы Италіанская война не повлекла новыхъ столкновеній на Востокѣ, и не дозволила Россіи поправить свои тамошнія дѣла“.

Изложивъ это, Погодинъ замѣчаетъ: „Не станемъ пока осуждать Англичанъ въ ихъ образѣ дѣйствій, отдадимъ справедливость прозорливости, настойчивости и прочимъ политическимъ талантамъ ихъ государственныхъ людей, но въ то же время объявимъ рѣшительно, что эта политика ограниченная, обветшалая, несогласная съ духомъ нашего времени. Да, Англичане разумны, добродѣтельны, неутомимы, великіе для себя, дома,—мелки, малы, низки. когда доходитъ рѣчь до другихъ народовъ, и никакъ не въ силахъ возноситься надъ своими разсчетами, надъ своимъ *я*. Англія представляетъ прекрасные тексты для поученія другихъ странъ, но собственная ея политика въ отношеніи къ нимъ не представляетъ ничего человѣколюбиваго, благороднаго, великодушнаго... Несостоятельность ихъ сужденій, безполезность совѣтовъ, противорѣчіе съ прежними собственными дѣйствіями, бросается въ глаза“. Далѣе, Погодинъ приводитъ примѣры того, когда Англичане „забывали о трактатахъ и не считали ихъ нарушенія Европейскимъ бѣдствіемъ“.

„Какъ бы то ни было, на Англію,—говоритъ Погодинъ,— Италія не можетъ надѣяться, и должна ожидать развѣ противодѣйствія въ пользу Австріи“.

Обращаясь къ Франціи, Погодинъ пишетъ: „По всѣмъ признакамъ, по всѣмъ отзывамъ, народъ не показываетъ ни малѣйшаго расположенія къ войнѣ, никакого особеннаго сочувствія къ Италіи, хоть и ненавидитъ Австрійцевъ... Вступается за Италію или желаетъ войны Наполеонъ—это ясно“, и Погодинъ находитъ, что „въ настоящую минуту, вмѣшательство Наполеона обѣщаетъ Италіи какую нибудь перемѣну въ ея скорбной долѣ къ лучшему, и, главное, освобожденіе отъ несноснаго Австрійскаго ига;—вмѣшательству Наполеонову нельзя, слѣдовательно, не радоваться“.

Обращаясь къ Россіи, Погодинъ уповаетъ, что „Русское Правительство, вступивъ на новую дорогу, и подаривъ намъ нѣсколько прекрасныхъ залоговъ, оставитъ вмѣстѣ и старую систему отношеній къ Европейской политикѣ, систему, которая такъ очевидно оказала свою несостоятельность,—я говорю о системѣ мнимаго законнаго порядка, съ коею оно имѣло въ виду однѣ притязанія правительствъ, болѣе или менѣе своекорыстныя и не обращая вниманія на нужды и желанія, требованія и права народовъ и народностей".

Статью свою Погодинъ заключаетъ такъ: „Чувствительный Стернъ, пуская муху на волю, воскликнулъ: *Лети, слабое твореніе. Въ пространномъ Божіемъ мірѣ неужели мнѣ тѣсно отъ тебя!* А люди все тѣснятся и толкаются между собою въ Европѣ, не даютъ другъ другу покоя, рѣжутся за кусокъ земли, и не смотря на то, что множество есть пустопорожнихъ земель на всѣхъ островахъ и на всѣхъ материкахъ, не исключая Европейскаго... Стыдно Европейцамъ, представившимъ столько чудесъ ума, знанія, творчества, воли, изобрѣтательности, труда, достигшихъ до такой высокой степени во многихъ областяхъ человѣческаго стремленія, не придумать до сихъ поръ средства для общаго удовлетворенія: сытъ, обутъ, одѣтъ,—много-ли человѣку нужно! Одно только утѣшаетъ наблюдателя и мыслителя—это распространеніе убѣжденія, что жизнь требуетъ новой формы, за ветхостью и негодностію прежней. Февральская революція, теоріи соціализма, комунизма (совершенно обанкрутившіяся), покушенія Пія IX, Восточная война, Италіанскій вопросъ, кажутся мнѣ различными опытами, различными подъемами, корректурами, говоря языкомъ типографіи, корректурами какой то новой Европейской книги (nouvelle édition, revue, corrigée et augmentée),—или проблескомъ какой-то новой мысли, таящейся въ глубинѣ Европейскаго духа, какъ таится огонь въ нѣдрахъ земного шара" [146]).

XXXVIII.

Во главѣ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ то время стоялъ непримиримый врагъ Австріи князь Александръ Михайловичь Горчаковъ.

18 іюня 1859 года, Погодинъ писалъ: „Вмѣсто отвлеченныхъ удовольствій, обѣщаемыхъ намъ, какъ прежде, Европейскими публицистами, для насъ гораздо пріятнѣе, веселѣе и радостнѣе слышать вотъ эти слова нашего министра Иностранныхъ Дѣлъ, въ его нотѣ къ Германскимъ дворамъ: „Каковъ бы ни былъ исходъ нынѣшнихъ затрудненій, императоръ, нашъ августѣйшій государь, будетъ руководствоваться въ своихъ дальнѣйшихъ рѣшеніяхъ лишь интересами своей страны и достоинствомъ своей короны".

Утѣшали Погодина еще новые стихи князя Вяземскаго, который rem acu tetigit...

Пусть бурей мятутся народы,
Намъ выгодно имъ не мѣшать,
А у моря сидя, погоды
Съ спокойною бодростью ждать.

Скажите, какая охота
Намъ штопать чужое бѣлье?
У насъ и своя есть работа,
Дай Богъ намъ управить ее!

У насъ свой вопросъ Италійскій *),
Предъ тѣмъ, чтобъ Австрійцевъ учить,
Мы дома, намъ съ братіей близкой
Должно не Австрійцами быть.

Къ чему по кровавому полю
Искать намъ чужихъ крѣпостей?
Изъ крѣпости Русской на волю
Отпустимъ мы Божьихъ дѣтей.

---

*) Крестьянскій. *Н. Б.*

Вотъ подвигъ намъ свѣтлый и смѣлый!
Мы Богу его посвятимъ;
А Франко-Цесарское дѣло
Тому же фонъ-Булю сдадимъ.

Боюсь, дипломатіи лѣшій
Насъ втянетъ въ свой боръ и въ свой илъ;
Дай Богъ намъ поменьше депешей,
Побольше внутреннихъ силъ.

Предъ чуждой—не склонимъ мы выи;
Но рукъ не дадимъ ей взаймы:
Россія нужна для Россіи,
На домъ свой работники мы.

Да здравствуетъ дома Россія
И борется только съ собой!
Да сплавитъ стихіи родныя
Въ единый и правильный строй.

Съ сознаніемъ строго и зрѣло
Свой долгъ и свой путь изуча,
Свое, а не чуждое дѣло
Валитъ на могучи плеча

Не суясь ни въ ссоры, ни въ дружбу,
Да помнитъ, и помнитъ вѣрнѣй,
Что часто не въ дружбу, а въ службу
Иные вербуютъ друзей [147]).

Прочитавъ ноту князя А. М. Горчакова и стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго, Погодинъ замѣтилъ: „Да, слышится по временамъ Русская мысль, но жаль, что она развернуться хорошенько не можетъ!... Публика увлекается, разумѣется, настоящимъ: Италія поднимается, Французы помогаютъ,—что будетъ съ Австрійцами—вотъ что ее занимаетъ болѣе всего. Что касается до меня, я люблю обращаться къ прошедшему, je reviens toujours à mes moutons. Во время оно императоръ Николай I вступился за Турецкихъ Славянъ: есть ли какое различіе въ нынѣшнемъ заступленіи императора Наполеона за Италіанцевъ съ его заступленіемъ? Старые договоры Русскихъ съ Турками сомнительнѣе были что-ли новыхъ притязаній Французскихъ? Италіанцамъ хуже

ли жить чѣмъ Славянамъ? Турки человѣколюбивѣе ли, образованнѣе Австрійцевъ? Занять Молдавію и Валахію на время, съ обѣщаніемъ оставить немедленно по исполненіи умѣреннаго требованія—болѣе ли значить, чѣмъ занять Миланъ и призывать всю Италію къ свободѣ? А Европа молчитъ. Самое равновѣсіе забыто... Императоръ же Наполеонъ разсчелъ, взвѣсилъ, измѣрилъ новыя отношенія, и вывелъ заключеніе, что можетъ безопасно ударить на Австрію, и ударилъ. Вотъ настоящій смыслъ событій... Такъ и должно было ожидать... Пять лѣтъ тому назадъ, въ одной своей запискѣ, я сказалъ именно,—неужели Австрія думаетъ, что Наполеонъ, управясь съ Россіей, оставитъ ее въ покоѣ въ Италіи... Предсказаніе мое исполнилось“ [148]).

Но вотъ что писалъ Шевыревъ (15 іюля 1859 г.), изъ своего Щекина, къ Погодину: „Надѣюсь на тебя, что ты дашь хорошаго Русскаго туза политикѣ Европейской, за ея нестерпимую подлость и низость.—Когда Наполеонъ, по чувству мщенія, довольно низкому, шелъ на Россію за Турцію,—Европа ему рукоплескала и сочувствовала.—Когда тотъ же Наполеонъ предпринялъ прекрасное дѣло освободить Италію, она ему строитъ козни и препятствуетъ. Одинъ только Н. Ф. Павловъ можетъ стать на сторонѣ Европы противъ Наполеона въ этомъ случаѣ и кадитъ нашему Правительству, которое осрамило себя протестомъ Штакельберга противъ Венгерскаго легіона въ Туринѣ. Не читалъ я еще твоей статьи въ *Бесѣдѣ*. Сожалѣю, что отсюда не могу пуститься въ политику. Но я пущусь въ Италіи. Не терпится. Одну глупость дѣлаетъ Наполеонъ, что ставитъ папу во главѣ Италіанскаго союза. Это нелѣпость. Папа погубитъ и союзъ, и его. Вотъ что значитъ не знать Исторіи, а вполнѣ знать ее нельзя безъ Исторіи Россіи. Тебѣ надобно дѣйствовать отдѣльными книжками, а не журнальными статьями. Что за глупцы корреспонденты въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Что за статьи изъ Италіи“ [149]).

При успѣшномъ ходѣ военныхъ дѣйствій, Наполеону было

не трудно выполнить до конца свое обѣщаніе — освободить Италію до Адріатики. Дѣйствительно, рѣшено было немедленно приступить къ осадѣ Ламбардскаго четыреугольника крѣпостей, а Французскій флотъ долженъ былъ доставить дессантный корпусъ въ Венецію. Уже сдѣланы были всѣ распоряженія, какъ вдругъ побѣдитель самъ предложилъ перемиріе своему противнику, и война была прекращена перемиріемъ, заключеннымъ въ Виллафранкѣ, 8 іюля (н. с.) 1859 года [150]).

Никитенко, подъ 4 іюля 1859 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „И такъ миръ; Сѣверная Италія полу-свободна. Наполеонъ заключилъ его, никого не спросясь и безъ всякихъ посредничествъ" [151]).

П. М. Леонтьевъ писалъ Погодину: „Отъ Берга, съ 20 іюня нѣтъ писемъ Въ Италіи большое волненіе. Наполеонъ прибавилъ ходу краснымъ. Въ Сардиніи — почти красное Министерство. Невозможно не ожидать смутъ на полуостровѣ, если нейтральные не поправятъ дѣла. Въ Германіи тоже усиливается движеніе въ пользу Пруссіи. Германія никогда не забудетъ, что Австрійскій императоръ въ Вилла-Франкѣ кричалъ Наполеону: *Vive l'Empereur*! Къ тому же всѣ истратили много денегъ, а кому пріятно тратить деньги даромъ? Даже въ Парижѣ курсъ сталъ опять падать. Неужели Россія, изъ дружбы къ Наполеону, позабудетъ о поведеніи Австріи и вступитъ въ новый священный или лучше святѣйшій союзъ трехъ императоровъ? Открытый, искренній нейтралитетъ есть единственно возможная и выгодная для насъ политика".

Повидимому и И. С. Аксаковъ раздѣлялъ опасенія П. М. Леоньтьева. „Зачѣмъ это царь", — писалъ онъ Погодину,—„поѣхалъ въ Бреславль? Эти поѣздки въ нѣмцы очень опасны. Нѣмецкіе государи окружатъ его, упоятъ лестью, и онъ опять сочтетъ себя Германскимъ зевесомъ. Опять какой-нибудь заговоръ монарховъ противъ народовъ и національностей" [152]).

Погодинъ же писалъ: „Исторія спѣшитъ, спѣшитъ. Событія бѣгутъ въ перегонку, но кто то подкидываетъ каменья

и препятствія по дорогѣ, и онѣ не достигаютъ цѣли... Миръ упалъ, какъ снѣгъ на голову: учреждается Италіанскій союзъ, но Австрія, удерживая знаменитый четвероугольникъ, останется грозою не только Сардиніи, но и всей Италіи; Австрія съ своимъ голосомъ, и располагая голосами Тосканы, Модены, Пармы, будетъ имѣть сильное вліяніе на внутреннее управленіе Италіи: что же почувствуютъ Италіанцы? Кавуръ, подавъ просьбу объ отставкѣ, выразилъ ихъ расположеніе. Наполеонъ, принужденный (кѣмъ и чѣмъ?) оставить Италіанское дѣло, въ какомъ настроеніи духа выдетъ изъ Италіи? Какъ примутъ его Французы? Что станется съ воззваніями Кошута и Клапки? Порохъ накапливается въ сердцахъ больше и больше, и всѣ государства должны быть на сторожѣ: великія событія впереди, а прошедшія и настоящія служатъ имъ только прологомъ... *Се, Женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща: недостоинъ же паки, его же обрящетъ унывающа*" [153])....

XXXIX.

Изъ глубины Симбирской губерніи, изъ села Богородскаго, 17 іюля 1859 г., М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „Перемирію Наполеона, послѣ побѣдъ, и я удивился! Но каково же было мое изумленіе увидѣть, что заключенъ миръ! Я живу въ такой сторонѣ, гдѣ ничего не знаешь; а у васъ должны быть какія-нибудь свѣдѣнія, чтобы хоть сколько-нибудь угадывать. Нѣтъ ли какихъ другихъ замысловъ? Не поспѣшилъ ли миромъ, чтобы были развязаны руки?... Я все думаю о мирѣ. Какія бы ни были намѣренія Наполеона, но надобно признаться, что такое быстрое примиреніе, безъ участія другихъ, и такая великодушная уступка союзнику, все это дѣло большаго ума. Куда дѣваются теперь и mobilisirung, и прѣнія, и ноты дипломатовъ? Можетъ быть, опасеніе ихъ и поменьше, да игра выходитъ совсѣмъ другая и не къ чему придраться; а нравственное дѣйствіе произведено сильное. Конечно, можно бы

и больше того, что сдѣлано, напр. Венеція; а если бы поднялась вся Германія?—Мастерская штука этотъ миръ! Я воображаю, какъ разинули рты всѣ дипломаты, и дезоріентировались всѣ Нѣмцы! А жаль, что Австрія, въ этой борьбѣ, не погибла окончательно"!

„Около насъ бродятъ волки",—писалъ Шевыревъ Погодину, изъ своего Щекина, 28 іюля 1859 г.,—„и таскаютъ овецъ. Это въ первый разъ съ 1855 года. Пошла Европейская политика. Ни одно человѣческое хорошее дѣло не можетъ при ней состояться. Мы погрязли въ ней и безсильны создать свою. Создали было послѣ 1812 года, и ту Меттернихъ изгадилъ, а мы потомъ еще хуже" [154]).

Самъ Погодинъ, о мирѣ Виллафранкскомъ написалъ цѣлое разсужденіе, состоящее изъ двѣнадцати главъ:

I. „Людовикъ-Наполеонъ заключилъ миръ съ Австрійцами. Никакое другое правительство не принимало участія въ этомъ мирѣ, никакое правительство не выразило еще о немъ своего оффиціальнаго мнѣнія; изъ частныхъ значительныхъ лицъ, никакая княгиня Марья Алексѣевна ничего не сказала, да и условія извѣстны только по телеграфу. Можно, слѣдовательно, судить о немъ, кому какъ угодно, не опасаясь встрѣтиться съ противными мнѣніями: ихъ еще нѣтъ; можно и отказаться отъ своихъ мыслей послѣ, когда обнародуются подробности. Можно говорить условно, и всякую строку начинать съ *если*, а слѣдующую—заключать съ *кажется*: отвѣтственности никакой; однимъ словомъ—нѣтъ причинъ, отъ редакціи независящихъ. Какъ не порадоваться такому счастью, хоть на часокъ времени! Какъ не воспользоваться такимъ рѣдкимъ случаемъ! Юнкера бываютъ, говорятъ, въ восторгѣ, надѣвая въ первый разъ эполеты, а гимназисты – набивая въ первый разъ трубку. Давайте же и мнѣ папироску, хотя я отъ роду ни курилъ ничего; хочу кутить, какъ на масляницѣ, раздѣлаюсь по своему съ трактатами и всѣми puissances belligérantes, позову на судъ всѣхъ мини-

填 стровъ и всѣхъ секретарей, разумѣется, иностранныхъ, съ фонъ-Бейстомъ включительно.

„Безъ шутокъ. Всѣ Европейскія газеты возвышаютъ свой голосъ, а мы развѣ не Европа?

II. „Миръ Виллафранкскій никуда не годится. Онъ хуже самаго негоднаго трактата въ Европейской Исторіи,—предоставляю читателямъ угадывать—какого. Италія не освобождена, вопреки обѣщанію императора Наполеона, отъ Альпійскихъ горъ до Адріатическаго моря. Австрія удержала неприступный четвероугольникъ и господствуетъ все-таки надъ Сардиніею и всею Италіею. Сардиніи нельзя надѣяться на постоянную помощь Франціи, гдѣ обстоятельства часто перемѣняются; да и что за благополучіе для какого бы то ни было государства оставаться на вѣки вѣковъ подъ опекою, между двухъ огней, съ Везувіемъ подъ ногами въ придачу? Содержа войско въ крѣпостяхъ, или, что все равно, имѣя средства наполнять ихъ, по усмотрѣнію, Австрія можетъ наводнить Италію, лишь только ей вздумается пересмотрѣть трактатъ, при какомъ-нибудь новомъ оборотѣ Европейскихъ обстоятельствъ. Имѣя голосъ за Венецію, располагая голосами преданныхъ ей Тосканы и Модены, увѣренная въ сочувствіи Неаполя и Рима, она будетъ пользоваться на Италіанскомъ союзѣ, даже и въ спокойное время, законнымъ преимуществомъ,—и, прощай, конституціи, еще впрочемъ и не сочиненныя, Италіанскихъ владѣній! Что же выиграла Италія? Въ какомъ положеніи находятся Венеціяне, смотря чрезъ стѣны Мантуи и Вероны на землю обѣтованную? Каково Моденцамъ будетъ принять въ объятія своего любезнаго герцога, или упасть къ его ногамъ? Даже Пармезанамъ не совсѣмъ ловко встрѣтиться съ герцогинею. Въ который разъ герцогъ Тосканскій, разъѣзжая взадъ и впередъ между Флоренціей и Вѣною, будетъ договариваться съ своими, уже никакъ не вѣрными подданными? Наконецъ, что сказать и что думать о почетномъ попечительствѣ папы, который оказался,

по общему признанію всѣхъ правительствъ и всѣхъ партій, неспособнымъ управлять собственною областью?

„И что это за сдѣлка: Австрія уступаетъ Ломбардію Франціи, а Франція даритъ ее Сардиніи! Европейскіе публицисты, пожимая плечами, отзывались съ такимъ презрѣніемъ о нашихъ купчихъ крѣпостяхъ на деревни и села съ крестьянами: да чѣмъ лучше эта данная на четыре милліона человѣкъ, которые, не думано—не гадано, безъ своего вѣдома, въ одну минуту перемѣняютъ двухъ господъ и переходятъ къ третьему: отъ Австріи и Франціи къ Сардиніи!

III. „Италія должна страшно возмутиться Виллафранкскимъ трактатомъ. На нее вылитъ ушатъ холодной воды въ то время, какъ жаръ восходилъ ужъ до 50 градусовъ по Реомюру въ тѣни. Графъ Кавуръ, подавъ въ отставку, выразилъ общее расположеніе, то есть общее негодованіе, тѣмъ болѣе опасное, что оно слѣдуетъ за такими пламенными надеждами, послѣ такихъ блистательныхъ успѣховъ, купленныхъ отчаянными усиліями, наканунѣ достиженія цѣли. По усамъ текло а въ ротъ не попало—это самое скверное положеніе!

IV. „Ну, а прочія національности Австрійскія и Турецкія—Венгерцы, Чехи, Русины, Кроаты... Увы, неужели занавѣсъ опустился для нихъ опять, и имъ остается только просить по стакану лимонаду, но, вѣдь не подадутъ имъ лимонаду,—развѣ оцетъ, съ желчью смѣшанный! Несчастные!

„Изъ областей будущаго и возможнаго, грознаго и мрачнаго, обратимся къ дѣйствительности, освѣщенной Парижскими огнями.

V. „Что могло побудить императора Наполеона заключить миръ такъ скоро и на такихъ условіяхъ, остановиться на половинѣ пути, или, вѣрнѣе сказать, соскочить съ пути, возбудить ожиданія, принести жертвы, одержать побѣды, и отступить?

„That is the question.

„Принудили ли его Англичане, опасавшіеся перемѣны обстоятельствъ на Востокѣ, вмѣстѣ съ Пруссіей и Германіей, которыя испугались за себя?

„Оставленъ ли онъ былъ, подобно Австрійскому императору, своими естественными союзниками (хотя того и другого можно спросить какими?)

„Если изъ этого есть что-нибудь такъ, то Наполеонъ покинетъ Италію съ великой внутренней досадою, стиснувъ зубы, и его досада—не залогъ спокойствія для Европы, перспектива тайнымъ посредникамъ откроется невожделѣнная. Хоть говорятъ: la proprіété c'est le vol, l'empire c'est la paix; но въ досадѣ Наполеона, который не любитъ отказываться отъ своихъ мыслей,—зародышъ многихъ войнъ Европейскихъ, начиная съ Пруссіи и Германіи. Вотъ еслибъ помогла ему тогда Австрія! Это было бы потѣшно, и я желалъ бы дожить до такой забавной сцены!

VI. „Но не испугался ли самъ Наполеонъ расширенія предѣловъ войны? Мудрено: начиная войну, не могъ онъ упустить изъ виду этой возможности, самой простой и естественной. Не могла она случиться для него сюрпризомъ!

VII. „Не таковъ ли былъ его собственный планъ, не есть ли это собственное его рѣшеніе, на которое ни одно Европейское государство не имѣло вліянія? Чего добраго! Ну, такъ въ чемъ же состояла его цѣль? Чего онъ хотѣлъ и для чего? Тутъ уже просто умъ заходитъ за разумъ, и самъ прозорливый судья Гоголевъ, Ляпкинъ-Тяпкинъ, можетъ растерѣть лобъ до крови, а ничего не придумаетъ. Онъ хотѣлъ получить вліяніе на Италію чрезъ обязанную ему и подчиненную Сардинію. Не слишкомъ ли дорого заплатить за такое вліяніе миліардъ франковъ и его сто тысячъ человѣкъ? Его можно было достать гораздо дешевле.

„Наполеонъ хотѣлъ пріобрѣсти дружбу Австріи? Странная манера пріобрѣсти дружбу Сольферинскою и Маджентскою битвами! Дружба съ Австріей, впрочемъ, самая непрочная афера: добра ожидать ему отъ Австріи нечего. Опираться на гнилое дерево неудобно да и опасно: какъ разъ упадешь вмѣстѣ. А въ лучшемъ случаѣ, примѣръ Россіи можетъ послужить урокомъ для всякихъ благодѣтелей.

„Ненависть Италіи, вмѣсто восторговъ, негодованіе общаго Европейскаго мнѣнія, при видѣ такихъ выходокъ безотчетнаго произвола, также что-нибудь да значитъ, и не могутъ быть не браты въ соображеніе.

„Нѣтъ, что-нибудь да не такъ!

„Развѣ онъ устроилъ Италіанскій союзъ такимъ чудеснымъ образомъ, что и волки будутъ сыты, и овцы останутся цѣлы? Подождемъ, посмотримъ, а пока, на досугѣ, обозримъ прочія обстоятельства.

VIII. „Что же это за удивительное существо или вещество Австрія? Чѣмъ больше ее бьешь, тѣмъ ей лучше, точно Лернейская гидра. Теперь ей удобнѣе стоять, чѣмъ было до пораженія.

IX. „Нѣмцы-то, Нѣмцы-то какъ отличились! Было время во Франкфуртѣ, когда имъ выходилъ счастливый случай совокупиться, устроиться въ одно цѣлое, союзную монархію, или союзную республику. Нѣтъ, они принялись разсуждать о Grundrechte. Теперь, пока двѣсти пятьдесятъ тысячъ Пруссаковъ на Рейнѣ и пятьсотъ тысячъ Австрійцевъ за Альпами; а они остались лицомъ къ лицу съ тридцатью шестью своими династіями, имъ просторно бы додумывать начатыя думы о Grundrechte, а они начали хлопотать о политическомъ могуществѣ, начали разсуждать, какъ избавиться отъ Французской гегемоніи, начали укрѣплять Кенигсбергъ. Ganz bornirt!

X. „Ну, а Россія? Объ Россіи могу отвѣчать только пословицей: Чужую бѣду по водѣ разведу, а къ своей ума не приложу.

„То только вѣрно, что всякое смятеніе, всякое замѣшательство на Западѣ выгодно для нашего Востока, но, если мы, не смотря на Востокъ, будемъ заботиться только о томъ, что происходитъ на Западѣ, помогать, содѣйствовать Западу и опасаться, что скажетъ тамъ иная княгиня Марья Алексѣевна, то долго не выйдемъ изъ того положенія, въ какомъ обрѣтаемся, благодаря нашимъ недругамъ, а еще болѣе друзьямъ.

XI. „Молодецъ Наполеонъ: захотѣлъ—началъ войну, захотѣлъ—заключилъ миръ, а конгресса, говорятъ, не нужно!

XII. „Безъ шутокъ однакожь, духъ Европейскій приведенъ въ движеніе: не выйдетъ ли чего-нибудь путнаго".

Когда окончилъ Погодинъ это разсужденіе, въ газетахъ напечатана была рѣчь Наполеона. „Франція",—говорилъ, между прочимъ, императоръ,—„находилась лицомъ къ лицу съ вооруженною Европой. Я долженъ былъ воевать на Рейнѣ и на Адижѣ, и принять содѣйствіе революціи. Меня остановили лишь интересы Франціи, но я не покинулъ начатаго дѣла. Идея Италіанской національности принята, необходимость преобразованій сознана. Будущее разъяснитъ послѣдствія мира".

Выписавъ эти слова, Погодинъ замѣчаетъ: „Это—великолѣпная, мастерская рѣчь, которая служитъ яснымъ доказательствомъ, что Наполеонъ—умъ, какихъ мало. Онъ сказалъ такую правду, которою можно обмануть лучше всякой лжи. Совѣтую всѣмъ партіямъ, правымъ и лѣвымъ, краснымъ и бѣлымъ, зеленымъ и синимъ, не спорить съ нимъ, а развѣ вступать съ нимъ въ сдѣлку.

„Содержаніе ея подходитъ подъ главу V-ю нашихъ предположеній.

„А къ словамъ о Россіи, глава X, какъ прекрасно подходятъ слѣдующія слова Times, прилагаемыя имъ объ Англіи: „Положеніе Англіи въ настоящую минуту напоминаетъ недавній случай съ пароходомъ Кадиксъ, захваченный тифономъ въ восточныхъ моряхъ. Буря окружала его со всѣхъ сторонъ; но посрединѣ, гдѣ именно пролегалъ его путь, оставалось небольшое пространство, и здѣсь царствовало совершенное затишье. Массы рыбъ, водорослей, обломки судовъ, не такъ счастливо поставленныхъ, какъ этотъ пароходъ, поднятые смерчемъ, обрушились на его палубу, но пока онъ оставался въ очарованномъ кругу, до него не доходило ни малѣйшее дуновеніе вѣтра, его не подмывала ни одна волна. Пароходъ не пренебрегалъ всевозможными предосторожностями, былъ ко всему готовъ; но онъ выждалъ время, и когда кризисъ

наступилъ, опытные мореходы вывели его изъ-подъ бури, и онъ одинъ уцѣлѣлъ въ этихъ моряхъ среди всеобщаго разрушенія".

За симъ, Погодинъ приводитъ рѣчь восьмидесятилѣтняго лорда Линдгорста, который, изложивъ доказательства, почему Англія должна имѣть всегда на готовѣ четыре флота, соотвѣтственно съ новыми открытіями наукъ и морского искусства, изъ которыхъ одинъ, Ламаншскій, долженъ быть сильнѣе Французскаго и Русскаго вмѣстѣ,—старикъ заключаетъ: „Говорятъ, мы въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіею и Франціею. Но развѣ достаточно этихъ отношеній, чтобы считать себя въ безопасности? Я, съ моей стороны, не имѣю ни малѣйшаго довѣрія къ императору Французовъ. Онъ находится въ такомъ положеніи, при которомъ не можетъ отвѣчать за самого себя. Къ тому же, страна не должна поставлять свою безопасность въ зависимость отъ благосклонности другихъ. Ея безопасность должна быть основана на собственныхъ средствахъ. Я не требую враждебныхъ дѣйствій противъ Франціи; но требую, чтобы намъ дали средства защищаться въ случаѣ нужды. Припомнимъ, что было нѣсколько недѣль тому назадъ: Франція пользовалась миромъ, армія ея была на мирномъ положеніи, не дѣлалось никакихъ военныхъ приготовленій, Французы не желали войны, и о ней не было и рѣчи. Франціи нельзя было предложить прекращеніе вооруженій, потому что она не вооружалась. А между тѣмъ, менѣе чѣмъ въ шесть недѣль, двѣсти тысячь человѣкъ при двухстахъ орудіяхъ дошли до Минчіо, давъ и выигравъ двѣ большія битвы и много второстепенныхъ сраженій. И это не помѣшало Франціи отправить сорокъ тысячь человѣкъ въ Адріатическое море. Признаюсь, все это страшитъ меня, свидѣтельствуя, что̀ можетъ сдѣлать Франція въ случаѣ войны. Неужели мы будемъ беззащитны, если представится подобный случай? Я привелъ только неоспоримые факты. Можетъ быть, скажутъ, что я поддаюсь старческому страху. Лично для себя мнѣ нечего бояться; но предвидѣть общую опасность, принять

мѣры противъ нея не значитъ быть трусливымъ, а значитъ быть предусмотрительнымъ. Убѣдительно прошу Правительство обратить вниманіе на изложенныя мною соображенія и помнить торжественныя слова: *Горе побѣжденнымъ*"!

Приведя эти слова лорда Ландгорста, Погодинъ писалъ: „Благодаримъ умныхъ людей, хотя и чужихъ, за вразумленіе". [155]).

„Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я вашу статью о Виллафранкскомъ мирѣ",—писалъ Погодину М. А. Дмитріевъ,—„прекрасно, умно, кратко, сильно и довольно рѣзко. Я переписалъ эту статью изъ газеты и присоединилъ къ вашимъ политическимъ письмамъ" [156]).

При вступленіи императора Александра II-го, 17 августа 1859 года, въ Успенскій соборъ, митрополитъ Филаретъ, въ своей привѣтственной рѣчи, сказалъ: „Благочестивѣйшій государь! Радостными взорами срѣтая твой высокій мирный взоръ, не можемъ не вспомнить съ благодарностію, что продолжаемъ видѣть въ тебѣ миротворца и охранителя мира. Въ началѣ сего года, когда угрожающія *слышанія браней* волновали правительства и народы, отъ твоего престола изшелъ первый предъ прочими гласъ, чтобы общимъ мирнымъ совѣтомъ угасить проявлявшіяся искры войны. И когда война возгорѣлась въ Италіи, твое правительство не преставало и не престаетъ, бодрствовать на стражѣ мира Европы. Богъ мира да продолжитъ благословлять твои попеченія о мирѣ внутреннемъ и внѣшнемъ; и да споспѣшествуетъ тебѣ мирнымъ оружіемъ царственной мудрости, правды и предусмотрительности побѣждать все, что враждебно миру Церкви и благу Отечества [157]).

XL.

Въ началѣ 1859 года, когда, по слову Филарета, угрожающія *слышанія браней* волновали правительства и народы, въ Москвѣ, И. С. Аксаковъ, съ своимъ *Парусомъ*, пускался въ „многотрудное плаваніе" по житейскому морю.

Хомяковъ напутствовалъ отважнаго мореходца:

Парусъ поднятъ: вѣтра полный
Онъ канаты натянулъ,
И на ропщущія волны
Мачту длинную нагнулъ.

Парусъ Русскій. Черезъ волны
Ужъ корабль несется самъ
И готовъ всѣхъ братьевъ челны
Прицѣпить къ крутымъ бокамъ.

Поднятъ флагъ: на флагѣ виденъ
Правды судъ и миръ любви.
Мчись корабль: твой путь завиденъ.
Господи, благослови! [158]).

Возвратившись, въ концѣ 1857 года, изъ чужихъ краевъ И. С. Аксаковъ поселился въ Москвѣ. 1858 и 1859 годы прошли для него въ усиленной журнальной дѣятельности.

За отсутствіемъ изъ Москвы Кошелева, Аксаковъ принялъ на себя труды по изданію *Русской Бесѣды* [159]).

Среди этихъ трудовъ, Аксаковъ, по предложенію директора Азіятскаго Департамента, Егора Петровича Ковалевскаго, началъ готовиться къ изданію газеты *Парусъ*. За матеріальнымъ содѣйствіемъ, онъ обратился къ Погодину, и 14 февраля 1858 года, писалъ ему: „Мнѣ необходимо теперь занять тысячу рублей серебромъ за 6 или даже 8 процентовъ, на годъ времени. Я бы попросилъ ихъ у В. А. Кокорева, но съ нимъ очень трудно будетъ ладить на счетъ процентовъ, т.-е., онъ не захочетъ ихъ брать и т. д. Я же имѣю въ виду уплатить деньги изъ будущаго изданія газеты... Завтра я ѣду въ Петербургъ, хлопотать о *Парусѣ*: мое личное присутствіе тамъ необходимо. Если деньги у васъ на лицо, то потрудитесь отдать ихъ моему посланному. Уваровъ на дняхъ будетъ“.

Хотя Аксаковъ и получилъ разрѣшеніе на изданіе газеты, но, тѣмъ не менѣе, вотъ что онъ писалъ Погодину 12 февраля 1859 года: „Надобно вамъ сказать, что предлагая намъ издавать газету, Е. П. Ковалевскій убѣдительно

просилъ, чтобъ на первое время, разумѣется, самое короткое, не было ни вашего, ни моего имени,—двухъ именъ раздражающихъ и покуда неудобоваримыхъ Петербургскимъ желудкомъ".

Въ августѣ 1858 года, въ газетахъ уже появилось слѣдующее объявленіе:

„Съ 1-го января 1859 года, будетъ выходить въ Москвѣ, еженедѣльно, газета, подъ названіемъ *Парусъ*.

„При современномъ обиліи газетъ и журналовъ въ Россіи, общество въ правѣ требовать отъ каждаго вновь предпринимаемаго періодическаго изданія точнаго опредѣленія его направленія и цѣли. Какъ ни законно это требованіе, но дать удовлетворительный отвѣтъ на такой общественный запросъ, въ тѣсныхъ рамкахъ объявленія и при отсутствіи у насъ въ Россіи рѣзкихъ, условныхъ признаковъ того или другаго направленія,—и неудобно, и трудно. Тѣмъ не менѣе мы постараемся, въ немногихъ словахъ, объяснить публикѣ существенный характеръ нашего изданія.

„Въ самомъ дѣлѣ, было время, когда содѣйствовать просвѣщенію нашего Отечества *вообще*, *сообщать полезныя свѣдѣнія безразлично*, возбуждать и удовлетворять потребность чтенія въ Русской публикѣ, ставить ее въ постоянный уровень съ живою заграничною *современностью во всѣхъ* отношеніяхъ и даже посредствомъ картинокъ Парижскихъ модъ,— было задачею не только просто литературныхъ, но и ученолитературныхъ нашихъ журналовъ. Было время, когда всякое подобное предпріятіе привѣтствовалось съ радостью, и, не заботясь о содержаніи, общество повторяло вмѣстѣ съ извѣстнымъ Русскимъ поэтомъ:

Дай Богъ намъ болѣе журналовъ,
Плодятъ читателей они...
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Въ чести тамъ грамота, перо и проч.

„Журналы походили на магазины, въ которыхъ держались товары на всякій вкусъ и потребность. Такое положеніе Ли-

тературы вполнѣ оправдывалось историческимъ ходомъ нашего образованія и многими другими обстоятельствами, о которыхъ распространяться было бы здѣсь неумѣстно.

„Это время проходитъ, если еще не совсѣмъ прошло. Русская журналистика вступаетъ въ новый періодъ своего существованія. Ея задача теперь—уже не въ томъ, чтобъ создать орудіе гласности и возбуждать умственную дѣятельность, но служить выраженіемъ уже возбужденной дѣятельности, употреблять въ дѣло уже созданное орудіе, на пользу знанія и жизни, участвовать въ разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ. Съ каждымъ днемъ появляются новыя изданія, посвященныя спеціальной разработкѣ той или другой науки, выдѣляются болѣе и болѣе особенности и оттѣнки разныхъ стремленій, и даже каждый трудъ мысли, каждое отдѣльное мнѣніе пытается выразить себя гласно, во всей своей личной самостоятельности, не теряясь, какъ прежде, въ робкой неопредѣленности общепринятыхъ, условно-приличныхъ формъ и положеній.

„При всемъ томъ, мы должны сознаться, что такое направленіе, освобождающее личную мысль и чувство отъ рабства предъ авторитетами и модою (ибо есть мода и въ сферахъ умственныхъ), такое направленіе, говоримъ мы, еще далеко не получило полныхъ правъ гражданственности въ нашей Литературѣ. Еще видѣнъ нѣкоторый страхъ въ проявленіяхъ самобытности, еще постоянно слышится боязнь прослыть одностороннимъ, исключительнымъ, принадлежащимъ къ партіи и,—сохрани Боже! несовременнымъ, неуважительнымъ къ *Европейской мысли*, къ *наукѣ и ея началамъ*. Подъ защиту этихъ неопредѣленныхъ выраженій еще любитъ укрываться у насъ литературная дѣятельность, и усиленно держится въ области какого-то отвлеченнаго космополитизма. Въ этомъ нѣсколько раболѣпномъ отношеніи къ современности и наукѣ сказывается тотъ особенный разладъ, который существуетъ у насъ между наукой и жизнью, между теоріей и дѣйствительностью, между просвѣщеніемъ и народ-

ностью, между *образованнымъ обществомъ* и простымъ народомъ. Такое подчиненіе мысли авторитету современности (какъ будто современное *нынче* не перестаетъ быть современнымъ *завтра*), такое слѣпое благоговѣніе къ послѣднему слову науки (какъ будто наука есть что-то завершенное и установившееся), ставитъ бо̀льшую часть нашихъ мыслителей въ зависимость отъ каждой новой почты, приходящей изъ Западной Европы въ Россію, и привозящей, вмѣстѣ съ модными товарами, свѣже-современное воззрѣніе, новое послѣднее слово науки, нерѣдко вносящее смущеніе и хаосъ въ миръ *началъ*, только что усвоенныхъ ея Русскими поклонниками. Иначе и быть не можетъ тамъ, гдѣ мысль не имѣетъ жизненной народной почвы, и гдѣ мыслители, въ подобострастномъ служеніи мысли, возращенной чужою жизнью, не только исполнены презрѣнія къ нашей умственной самобытности, но готовы насиловать самую жизнь, стѣснить ея свободу и деспотически предписывать ей чуждыя и несвойственныя формы!

„Вполнѣ уважая и Европейскую мысль, и науку, и сознавая необходимымъ постоянно изучать смыслъ современныхъ явленій,—Редакція *Паруса* считаетъ своею обязанностью прямо объявить, что *Парусъ*, будучи вполнѣ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ изданіемъ, принадлежитъ къ одному направленію съ *Русской Бесѣдой*, къ тому нерѣдко осмѣянному и оклеветанному направленію, которое съ радостью видитъ, что многія выработанныя имъ положенія принимаются и повторяются теперь самыми горячими его противниками.

„И такъ, не боясь ложныхъ упрековъ въ исключительности, мы смѣло ставимъ наше знамя

„Наше знамя—Русская народность.

„Народность вообще—какъ символъ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развитія, какъ символъ права, до сихъ поръ попираемаго тѣми же самыми, которые стоятъ и ратуютъ за право личности, не возводя своихъ понятій до сознанія личности народной!

„Народность Русская, какъ залогъ новыхъ началъ, полнѣйшаго жизненнаго выраженія общечеловѣческой истины.

„Таково наше знамя. Мы не имѣемъ гордой мысли быть его вполнѣ достойными. Не давая никакихъ пышныхъ обѣщаній, ограничимся теперь краткимъ изложеніемъ нашей программы.

„Характеръ нашей газеты—по преимуществу гражданскій, т.-е., она по преимуществу должна разрабатывать вопросы современной Русской дѣйствительности, въ народной и общественной жизни и такъ далѣе. Статьи ученаго содержанія будутъ помѣщаться только тогда, когда онѣ обобщаютъ предметъ, дѣлаютъ его доступнымъ для общаго пониманія. Чисто литературныя статьи, то есть произведенія такъ называемой изящной словесности, всегда найдутъ себѣ мѣсто въ нашей газетѣ, если не противорѣчатъ духу и направленію изданія. Но мы особенно приглашаемъ всѣхъ и каждаго сообщать намъ наблюденія надъ бытомъ народнымъ, разсказы изъ его жизни, изслѣдованія его обычаевъ и преданій, и т. п.

„Сверхъ того, мы открываемъ въ Парусѣ:

„1) Отдѣлъ библіографическій, въ которомъ предполагаемъ отдавать краткій, но по возможности полный отчетъ о выходящихъ въ Россіи книгахъ и періодическихъ изданіяхъ.

„2) Отдѣлъ областныхъ извѣстій, то-есть, писемъ и вѣстей изъ губерній. Наши провинціи не имѣютъ центральнаго органа для выраженія своихъ нуждъ и потребностей: мы предлагаемъ имъ нашу газету.

„3) Отдѣлъ Славянскій, или—вѣрнѣе сказать—отдѣлъ писемъ и извѣстій изъ земель Славянскихъ. Съ этою цѣлію мы пригласили нѣкоторыхъ литераторовъ Польскихъ, Чешскихъ, Сербскихъ, Хорватскихъ, Русинскихъ, Болгарскихъ и такъ далѣе, быть нашими постоянными корреспондентами. Выставляя нашимъ знаменемъ Русскую народность, мы тѣмъ самымъ признаемъ народности всѣхъ племенъ Славянскихъ“.

Повидимому, объявленіе Аксакова произвело непріятное впечатлѣніе въ правительственныхъ сферахъ. 30 ноября

1858 года онъ писалъ Погодину: „*Парусу* плохо: за нимъ велѣно наблюдать строжайше, и сильно разъярены всѣ три вѣдомства: Министерство Народнаго Просвѣщенія, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, Третіе Отдѣленіе. Первоначальная главная причина, какъ мнѣ объяснили Кошелевъ и Оболенскій, Дмитрій (онъ вчера пріѣхалъ и нынче уѣхалъ),—это моя публикація въ газетахъ о князѣ Львовѣ. Весь Петербургъ оскорбленъ, а Долгоруковъ принялъ за личное оскорбленіе (она ему сестра); видятъ въ этомъ умышленное нападеніе на аристократію. Отъ Ковалевскаго, въ отвѣтъ на объясненія цензоровъ, получена бумага, копію съ которой посылаю. Возвратите мнѣ ее потомъ. Такъ какъ теперь цензора не считаютъ себя въ правѣ дозволять въ *Парусѣ* извѣстія о Славянахъ, то я подалъ офиціальное прошеніе о дополненіи въ программѣ, но это пойдетъ въ долгій ящикъ, зависитъ отъ Главнаго Управленія Цензуры. — Вчера пріѣхалъ сюда Ковалевскій, самъ министръ. — Въ Петербургѣ страшный либерализмъ, генеральскій. Генералъ отъ либерализма — Ростовцовъ“.

Въ томъ же письмѣ Аксаковъ проситъ Погодина прислать ему записку Карамзина, и что̀ у него есть „мелкаго, съ перцомъ, для *Паруса*“ [160]).

XLI.

3 января 1859 года, въ Москвѣ вышелъ въ свѣтъ нумеръ первый *Паруса*.

Первое слово въ этомъ первомъ нумерѣ принадлежало самому И. С. Аксакову и своею „необыкновенною рѣзкостью“, оно уже обратило на себя вниманіе цензуры. Редакторъ заговорилъ о препятствіяхъ, полагаемыхъ развитію мыслей, гласности—вмѣшательствомъ и распоряженіями Правительства. Между прочимъ, онъ писалъ: „Неужели еще не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ? Неужели еще мы не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолвствовать. Когда же,

Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ!.. Было такое время, когда ни воздуху, ни свѣту не давалось людямъ, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пировала и величалась официальная ложь—владыкою безмолвнаго простора! Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели?

„Развѣ не выгоднѣе для Правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношенія къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснитъ Правительству и настоящее положеніе дѣлъ, и его отношенія къ обществу, и въ чемъ заключаются недостатки его распоряженій, и что предстоитъ ему *совершить* или исправить. Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованія путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ *Парусѣ* съ полною откровенностію и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ, разумѣется, всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Неужели намъ это не будетъ дозволено? Попробуемъ. Если же наша газета сядетъ на мель, то пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому, не Редакція, а распоряженія“...

Прочитавъ или прослушавъ эту задорную статью, „умные люди“ говорили: „Къ чему подобное вступленіе; что за нескромность; зачѣмъ такой шумъ и трескъ?.. Не лучше ли было бы, не тратя громкихъ словъ, начать свое дѣло тихо и скромно, заслужить довѣріе постепенно, дѣльностію и серьезностію“?

Возражая на эти справедливыя замѣчанія „умныхъ людей“, Аксаковъ писалъ: „Есть причины, по которымъ мы сочли себя вынужденными написать такое странное вступле-

ніе. Во 1-хъ, мы не сознаемъ за собою той особенной ловкости, того искусства выраженій, которое умѣетъ не подать повода къ придиркѣ даже самымъ придирчивымъ людямъ. Того и гляди проговоришься и скажешь какое нибудь слово, которое Богъ вѣсть почему, раздразнитъ и раздражитъ нашихъ щекотливыхъ и подозрительныхъ недоброжелателей. Богъ съ ними! Такъ какъ намъ нечего стыдиться нашихъ убѣжденій, то гораздо выгоднѣе вести дѣло на чистоту, вполнѣ открыто. Во 2-хъ, намъ уже до нельзя опротивила эта постоянная прискорбная необходимость притворства, изворотливости, осторожности; есть что-то крайне оскорбительное и унизительное въ этой обязанности справляться, какъ пойметъ такую-то фразу Бебе, какъ покажутся такія слова Биби, и т. п. Въ 3-хъ, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что наша газета будетъ пользоваться—конечно, весьма лестнымъ, но не совсѣмъ выгоднымъ, усиленнымъ вниманіемъ лицъ, не слишкомъ дружественно въ ней расположенныхъ и готовыхъ объяснить каждое ея слово въ дурную сторону. Такъ, напримѣръ, мы почти заранѣе убѣждены, что эта наша передовая статейка породитъ множество самыхъ ложныхъ толкованій".

Вступительная статья второго и послѣдняго нумера *Паруса*, вышедшаго 10 января 1859 г., тоже обратила на себя неблагосклонное вниманіе цензуры. Своими тоже „рѣзкими выходками" противъ нашего настоящаго, которое редакторъ *Паруса* называетъ „эпохою попытокъ, разнообразныхъ стремленій движенія впередъ, движенія назадъ; эпоха крайностей, одна другую отрицающихъ, деспотизма науки и теоріи надъ жизнію, отрицаніе науки и теоріи во имя жизни; насилія и либерализма, консервативнаго прогресса и разрушительнаго консерватизма, раболѣпства и дерзости, утонченной цивилизаціи и грубой дикости, свѣта и тьмы, грязи и блеску"! Далѣе, Аксаковъ пишетъ: „Какъ не желать улучшеній, какъ не сочувствовать прогрессу! Но бѣда въ томъ,—что присущій Петровской реформѣ элементъ презрѣнія къ народной жизни, глубоко проникъ въ наше образованное общество. Какъ

по большей части, относятся къ прогрессу наши доктринеры-чиновники, чиновники *con-amore*, молодые ученые, смотрящіе админиистраторами? Вѣруя безусловно въ преимущество Европейской цивилизаціи, они съ жадностію хватаются за разные обращики Европейскаго прогресса... Нужно, напримѣръ, преобразовать намъ гражданское или уголовное судопроизводство. Вотъ и думаютъ наши прогрессисты: какое бы изъ судоустройствъ выбрать: не то Прусское, не то Французское? Или ужъ Сардинское, съ примѣсью Галландскаго? А вѣдь недурно бы и Англійскаго?.. Для нихъ, проповѣдующихъ уваженіе къ личности человѣческой, народъ—tabula rasa, на которой вырѣзывай рѣзцомъ что хочешь!.. Уроки Исторіи—имъ рѣшительно ни почемъ... Того и гляди повторятся Петровскія же ошибки, съ тою разницею, что вмѣсто Нѣмцевъ — мы обратимся къ Французамъ; вмѣсто камеры или коллегіи—какое-нибудь заведемъ „бюро“; вмѣсто Магдебургскаго права, возьмемъ Французское муниципальное устройство... Разумѣется, новыя насажденія, въ свою очередь, *лягутъ на старый хламъ слоемъ новаго хлама*... Трудно же будетъ раскапывать всѣ эти слои, чтобы добраться наконецъ до материка, въ которомъ одномъ и заключается вся сила“!...

Свою первую передовую статью И. С. Аксаковъ заключилъ такими словами: „Найдутся, пожалуй, и такіе неблагонамѣренныя люди, которые опрокинутся и на нѣкоторыя помѣщаемые вслѣдъ за симъ статьи и стихотворенія, тогда какъ онѣ, по мысли и цѣли своей, самыя строгія, самыя миролюбивыя... Онѣ проникнуты уваженіемъ къ святости человѣческаго званія, онѣ указываютъ на путь свободнаго разумнаго развитія, какъ на единый мирный и способный отвратить опасности, вызываемыя грубою силою... Нападать на эти статьи значитъ сочувствовать грубой силѣ — значитъ желать своему Отечеству опасныхъ бурь и волненій, къ которымъ, напротивъ, мы питаемъ глубокое отвращеніе“...

Но, повидимому, тогдашняя цензура не раздѣляла мнѣній И. С. Аксакова и признавала вредными не только его статьи,

но и нѣкоторыя статьи его сотрудниковъ, какъ напримѣръ, статьи Ярославскаго мѣщанина Ѳ. Стратилатова, подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ мѣщанина о мѣщанахъ*, и статью Н. А. Елагина: *Законъ 1848 г. 3-го марта.*

Но особенное вниманіе цензуры обратила на себя, во второмъ номерѣ Паруса, статья Погодина, которая, выражаясь языкомъ цензуры того времени, „своимъ вмѣшательствомъ въ виды и соображенія Правительства, своими несообразными съ началами нашего государственнаго и общественнаго устройства сужденіями, не могла быть признана умѣстною въ печати“ [161]).

XLII.

Самое печатаніе въ *Парусѣ* статьи Погодина, подъ заглавіемъ: *Прошедшій годъ въ Русской Исторіи*, сопровождалось непріятною перепискою автора съ издателемъ.

Причиною неудовольствія, были дѣлаемыя издателемъ *Паруса* въ статьѣ Погодина поправки. Въ *Дневникѣ* послѣдняго, по этому поводу мы находимъ слѣдующую запись:

Подъ *8 января* 1859 года: „Корректура отъ Ивана Аксакова, съ поправками и вставками, невыносимыми. Взбѣсился“.

Подъ такимъ впечатлѣніемъ Погодинъ, написалъ Аксакову письмо, на которое тотъ отвѣчалъ: „Нѣкоторыя ваши прибавленія я вставилъ, но не всѣ. Именно, въ заглавіи не сдѣлалъ перемѣны (вы написали: относительно *политики*), потому что о политикѣ говорить не имѣю права. Выкинулъ я слова — о конституціи Валахской. Чего желать болѣе, справедливо замѣчаетъ Русскій Вѣстникъ. Они вовсе не нужны, а упоминать безъ надобности о *Русскомъ Вѣстникѣ*, я не желаю. Скажутъ, что я ихъ компрометирую. — „Характеризованы превосходно особенно въ *Русскомъ Вѣстникѣ*“. — Поставилъ я такъ: „характеризованы превосходно въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и особенно въ *Русской Бесѣдѣ*“. При исчисленіи разныхъ трудовъ, имя Чичерина выкинулъ; пусть разумѣется между прочими, не въ *Парусѣ* же

его хвалить, этого литературнаго Альбу.—Писемскаго романъ также не вставилъ: подъ прочими! Про Иннокентія оставилъ: скончался въ порѣ самаго могучаго мужества, но слова: *и покинулъ свой плугъ на несчастной осиротѣлой нивѣ*, опустилъ. Личность сомнительная,—лучше объ ней выразиться осторожнѣе, не компрометируя *Паруса*. Примѣчаніе о томъ, что статья для *Утра* была назначена—рѣшительно неумѣстно въ *Парусѣ*. Очень мнѣ нужно это объявлять, что статья ко мнѣ попала какъ бы случайно, какъ бы противъ желанія автора! Любезный Михаилъ Петровичъ. Пожалуйста, не сердитесь“... Но Погодинъ написалъ Аксакову „сердитую записку“, на которую тотъ немедленно отвѣчалъ слѣдующее: „Я получилъ вашу записку (сердитую) уже слишкомъ поздно, когда билетъ былъ подписанъ и цѣлый заводъ отпечатанъ. Я еще вчера вечеромъ подписалъ печатать; дѣло у меня такъ заведено, что въ пятницу (а нынче пятница), въ 6 часовъ вечера, *Парусъ* сдается на почту. Право, не понимаю, за что вы сердитесь. Согласитесь, что какъ редакторъ, я долженъ, по крайней мѣрѣ, я хочу отвѣчать за каждое напечатанное слово. Въ этомъ-то и былъ недостатокъ *Москвитянина*, что въ немъ никакого единства не было, что рядомъ съ смѣлою выходкою стояла тирада ужъ очень не смѣлая, что редакторъ въ немъ былъ самъ по себѣ, а сотрудники сами по себѣ. Если бы Пушкинъ, Гоголь и проч. дали бы мнѣ въ *Парусѣ* свои произведенія, несогласныя съ духомъ газеты или противныя моимъ убѣжденіямъ, такъ я бы не помѣстилъ. За что вы сердитесь, Михаилъ Петровичъ. За то ли, что я выкинулъ Чичерина? Не все ли это равно? У васъ нѣтъ тутъ ни Побѣдоносцева, ни брата, стало быть *не всѣ* исчислены. Помѣщать Чичерина—обвинять *Парусъ* въ captatio benevolentiae, что я вставилъ *Русскую Бесѣду?* Вы забываете, что статья помѣщается не въ вашей, а въ моей газетѣ, и потому не могу же я помѣщать то, что въ *Парусѣ* составитъ фальшивую ноту. На счетъ Иннокентія? Да это мѣсто испортило бы всю статью. Вы забываете, что Иннокентій сравнивалъ тронъ Николая

Павловича съ Ѳаворомъ, камеръ-юнкеровъ—съ архангелами, и проч. и проч. На счетъ примѣчанія вашего? Ну обсудите сами хладнокровно, можно ли помѣщать мнѣ такую вещь, ставящую меня въ смѣшное положеніе передъ публикой? Это было бы съ моей стороны совершеннымъ отсутствіемъ такта. Требовать отъ меня этого—просто деспотизмъ. Эхъ, этотъ деспотизмъ! Глубоко проѣлъ онъ наше общество, и вы также имъ заражены, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ. Я еще разъ прошу васъ не сердиться, Михаилъ Петровичъ, обсудить дѣло хладнокровно и убѣдиться, что ваша статья только выиграла отъ моего прикосновенія къ ней. Право такъ; вовсе не самолюбіе говоритъ во мнѣ. Если бы слово: *слюнки* выкинуть, было бы еще лучше. До свиданія".

Прочитавъ это письмо, Погодинъ въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 9 января 1859 года, записалъ: „Переписка съ Аксаковымъ, который меня же обвиняетъ въ деспотизмѣ".

Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Аксакову, Погодинъ, кажется, погрозилъ ему графомъ Закревскимъ, на что Аксаковъ, въ свою очередь, отвѣтилъ слѣдующее: „Напрасно вы не написали вчера къ графу Закревскому, Михаилъ Петровичъ, это было бы очень эффектно. Я *никакого* имени не вставилъ, кромѣ *Русской Бесѣды*. Не угодно ли свѣрить? Да вы даже одну вставку сами видѣли и ни слова не сказали. Примѣчаніе ваше помѣстить, было бы съ моей стороны, какъ редактора, непростительною глупостью. Разумѣется, если бы я могъ думать, что вы такъ горячо принимаете къ сердцу всѣ эти привнесенія, я бы такъ не сдѣлалъ и возвратилъ бы вамъ статью вашу. Но, признаюсь, я никакъ не предполагалъ, чтобы вы такъ легко признавали себя оскорбленнымъ. Я сдѣлалъ все это съ полною довѣрчивостью къ вашей дружбѣ, къ вашему благоразумію.—Теперь вы, ослѣпленный яростью, *ругаетесь* такъ, что я могу простить это только вамъ. Опомнитесь, Михаилъ Петровичъ. Впрочемъ, это слово *опомнитесь* не относится къ вашему намѣренію публиковать въ газетахъ, что я напрасно разсчитывалъ на вашу дружескую

уступчивость. Сдѣлайте милость, публикуйте, Михаилъ Петровичъ".

Какъ бы то ни было, статья Погодина была напечатана во второмъ нумерѣ *Паруса* и вышла въ свѣтъ 10 января 1859 года. Прочитавъ ее, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Напечаталъ таки Аксаковъ по своему. Взбѣсился. Написалъ письмо къ редактору *Московскихъ Вѣдомостей* и отправилъ съ Колошинымъ. Максимовичъ послѣ убѣдилъ спросить ее назадъ, во избѣжаніе соблазна. Согласился и далъ ему полномочіе, хотя очень непріятно нести на себѣ глупости Аксакова".

Исполнивъ свое полномочіе, М. А. Максимовичъ, 12 января 1859 года, писалъ Погодину: „Вчера мнѣ не удалось побывать у тебя, чтобы дать тебѣ лично отчетъ объ исполненіи твоего добраго мнѣ дозволенія взять твой протестъ изъ Редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*. Направивъ путь отъ тебя въ Редакцію, я завернулъ къ И. С. Аксакову, чтобы ему заявить мое намѣреніе, какъ у него на порогѣ нахожу и самого издателя *Московскихъ Вѣдомостей*, который за секунду передо мною пріѣхалъ къ нему съ твоимъ протестомъ, чтобы заявить ему или погасить; мы вмѣстѣ вошли, и когда я объяснилъ данное тобою мнѣ полномочіе, то и получилъ отъ него твое писаніе. Такая неожиданная встрѣча для меня очень замѣчательна и утвердила въ той мысли, что я взялся за доброе дѣло. Спасибо тебѣ! И на память о семъ случаѣ, я сохраню твое писаніе; а тебѣ посылаю бархатный башмачекъ отъ мощей св. Моисея Угрина, которому всѣ мы, Малороссіяне, молимся, объ утѣшеніи въ насъ волненія страстнаго. Привѣтствую тебя съ 12 января! Кстати, посылаю тебѣ, для передачи В. А. Кокореву, двѣ простонародныя Украинскія скатерти или столовики, Прохоровскаго тканья: по узору своему одна называется *хрестáтая*; а узоръ другой зовется *Кóропова луска*".

Узнавъ о принимаемыхъ Погодинымъ мѣрахъ, Аксаковъ, на другой же день по свиданіи съ М. А. Максимовичемъ, написалъ Погодину письмо, о которомъ онъ записалъ въ своемъ

Дневникъ: „Ругательное письмо отъ Аксакова, въ благодарность. Грустно"!

Аксаковъ писалъ: „Возвращаю вамъ ваше письмо ко мнѣ. Я не привыкъ у себя держать такія письма. Хотя это письмо въ нѣкоторомъ отношеніи служитъ документомъ того, къ чему вы *способны*, однако я и безъ него буду помнить, что вы готовы были жаловаться Закревскому и вообще не прочь были бы прибѣгнуть къ полиціи; что вы написали и послали напечатать противъ *меня* статью оскорбительную. Такія вещи не забываются и не должны быть забываемы; онѣ даютъ возможность цѣнить степень искренности и прочности вашей дружбы" [162]).

XLIII.

Познакомимся теперь съ самою статьею Погодина, въ которой тогдашняя цензура усмотрѣла „вмѣшательство частныхъ лицъ въ виды и соображенія Правительства, несообразное съ началами нашего государственнаго и общественнаго устройства". Статья эта озаглавлена: *Прошедшій годъ Русской Исторіи*, съ слѣдующимъ эпиграфомъ:

Non, non, non, je ne veux pas chanter.
Billet de loterie, старинная оперетка.

„Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, я не могу писать вамъ историческое обозрѣніе за прошедшій годъ. Мысли въ разбродѣ, рука не поворачивается, перо только что царапаетъ бумагу, лихорадка знобитъ тѣло и душу. Всякій нумеръ чужихъ газетъ поднимаетъ мою жолчь; всякій нумеръ своихъ газетъ причиняетъ мнѣ колику: можно ли разсуждать спокойно объ Европейскихъ дѣлахъ, когда мы дома, здѣсь, завалены важнѣйшими собственными, и когда тамъ, насъ нигдѣ не спрашиваютъ, и почти знать не хотятъ? Русская дипломатія вездѣ молчитъ. Она поступаетъ, разумѣется, прекрасно, но о чемъ же мнѣ писать? И что мнѣ писать? Не о восточномъ ли вопросѣ желаете вы услышать мое мнѣніе? Восточный во-

просъ—ха, ха, ха! Что это такое? Существованіе Турціи въ системѣ Европейскихъ государствъ, законное, неприкосновенное, святое? Турція необходима для Европы!.. Такъ разсуждаютъ Европейскіе публицисты. То-есть: варварство, по общему признанію великихъ государственныхъ людей нашего времени, необходимо для цивилизаціи: — какова цивилизація! Уму непремѣнно нужно безуміе—геніальный умъ! Честь тебѣ и слава! Христіанство не можетъ жить безъ помощи Магометовой! Для равновѣсія Европы, десять милліоновъ Славянъ должны стонать, страдать и мучиться подъ игомъ самаго дикаго деспотизма, самаго необузданнаго фанатизма и самаго отчаяннаго невѣжества... И такія вещи могутъ провозглашаться торжественно во всеуслышаніе въ XIX вѣкѣ, гордящемся своимъ прогрессомъ! Далеко ты ушелъ, пресловутый XIX вѣкъ, на парахъ и винтахъ, по желѣзнымъ дорогамъ, съ электрическими телеграфами! Горе вамъ, книжники, фаресеи, лицемѣры! Не думаете ли вы обмануть Исторію? Нѣтъ, вы не обманете не только Исторіи, но даже и мыслящихъ современниковъ. Прошла пора, когда ваши фразы выслушивались съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, и ваши парадоксы принимались за чистыя деньги. Нѣтъ, нынѣ уже на чердакахъ, по угламъ и въ подземельяхъ, есть много людей, которые произносятъ вамъ достойный приговоръ, заносимый немедленно въ Исторію.

И не уйдти вамъ отъ суда людскаго,
Какъ не уйдти отъ Божьяго суда!

„Въ такомъ расположеніи духа, судите сами, въ состояніи ль я писать вообще о восточномъ вопросѣ, такъ неразрывно связанномъ съ судьбою Россіи? А въ частности, какъ Русскій гражданинъ, еще менѣе. Могу ли я, напримѣръ, произнести хладнокровно имя Константинополя, откуда, впродолженіи ста лѣтъ, мы были въ двухъ суткахъ пути, куда, за тысячу лѣтъ, даже ходили сами первые наши удалые князья? Описать ли мнѣ посѣщеніе лорда Редклифа? А зачѣмъ пожаловало его высокородіе, незванное, непрошеное, на берега Босфора? Раскланяться съ любезнымъ султаномъ? Какая рыцарская

вѣжливость! Да развѣ почтенный лордъ прежде уѣхалъ съ нимъ не простясь? Покататься по заливу Золотаго Рога? Да вѣдь онъ дочь свою оставилъ въ Англіи, а старику, одному, кататься какая стать? Подать благіе, отеческіе совѣты своему царственному воспитаннику? Не поздоровится отъ нихъ ни Турціи, ни Европѣ, ни Россіи. Что же значитъ соблазнительная распря лорда Редклифа съ сэромъ Генрихомъ Бульверомъ, столько занимавшая Европейскихъ журналистовъ? Слѣпцы! Позабыли они Алкивіадову собаку съ обрубленнымъ хвостомъ! Англійскіе дипломаты, видите, дѣйствуютъ врознь!

„Россія не должна имѣть вліянія въ Константинополѣ,— это опасно для Европы. Англія—о, это другое дѣло, и лордъ Редклифъ можетъ смѣнять и опредѣлять министровъ, вязать и рѣшать правовѣрныхъ, устраивать займы, прокладывать дороги, хозяйничать — напропалую (Кстати подвернулось словечко!)

„Островъ Перимъ, при входѣ въ Чермное море, необходимо имѣть на сто лѣтъ, т.-е., на вѣки вѣковъ, Англіи, а Россія не ступи ногой на Змѣиный островъ, что въ виду Одессы: поколеблется весь материкъ!

„Англичане бомбардируютъ Джедду, не ожидая султанскаго рѣшенія, которое, впрочемъ, удовлетворяетъ всѣ ихъ требованія. Это, вѣдь, не то, что занятіе Молдавіи и Валахіи, нарушающее верховныя права султана... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Кровь бросается въ голову: я не хочу писать о Турціи.

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

„По крайней мѣрѣ Христіане, послѣ Парижскаго трактата, благоденствуютъ въ Турціи, наслаждаясь всѣми правами и благами? Всѣ Европейскія государства, вмѣсто одной Россіи, приняли на себя обязанность хранить ихъ подъ своимъ высокимъ покровительствомъ. Какія широкія права предоставляетъ имъ — не сенедъ, требованный Россіею, не гатти-шерифъ, но гатти-гамаюнъ... О великодушный султанъ! О милостивые Турки!

„Неугодно ли вамъ прочесть изъ новыхъ газетъ слѣдующую страничку:

„Спокойствіе въ Босніи возстановлено, но какою цѣной? Цѣной разоренія и опустошенія! Мятежъ подавленъ. Вооруженные Турки одержали верхъ надъ бѣдными поселянами, которые могли противопоставить имъ только мужество отчаянія. Христіане дорого заставили ихъ заплатить за побѣду. Но, наконецъ, они должны были бѣжать на Австрійскую землю. Число переселившихся, не считая стариковъ, женщинъ и дѣтей, простирается слишкомъ до 20,000 человѣкъ. Но такъ какъ переселеніе произошло довольно поспѣшно, то многіе изъ этихъ несчастныхъ не могли взять съ собою своихъ семействъ. Множество женщинъ и дѣтей осталось внутри страны. Турки, разсерженные тѣмъ, что упустили свою добычу, отомстили за то этимъ бѣднякамъ. Почти всѣ погибли въ истязаніяхъ, описать которыя нѣтъ силъ. Подробности этихъ звѣрствъ такъ ужасны, что напоминаютъ самые кровавые эпизоды возмущенія Индусскихъ сипаевъ".

„Что? Каково? Благоденствуютъ? Благоденствуютъ, и Бога молятъ за своихъ покровителей!.. Отъ Турокъ бѣгутъ несчатные къ Австрійцамъ! Понимаете ли вы всю трагедію этого движенія, настоящаго *salto mortale?* Изъ огня да въ полымя! Нѣтъ—похуже! Вотъ какъ благоденствуютъ Христіане подъ покровительствомъ пяти державъ,—и даже семи!

„Но Молдавія и Валахія получили безподобную конституцію:—поговоримъ о Соединенныхъ Княжествахъ.

„Нѣтъ, милостивые государи, говорить о Соединенныхъ Княжествахъ—мнѣ также не приходится: Молдавія и Валахія облиты Русскою кровью; нѣтъ урочища, нѣтъ угла, который бы не соединялся въ воображеніи съ воспоминаніемъ о трудахъ, подвигахъ, жертвахъ нашихъ соотечественниковъ; мы вырвали Молдавію и Валахію изъ когтей Турціи, и доставили имъ всѣ средства благосостоянія,—и вы хотите, чтобъ я сталъ повторять равнодушно передъ вами краснорѣчивыя аргументаціи западныхъ дипломатовъ на берегахъ Сены, какъ устроить

вновь это юное государство подъ державою Европейскаго принца,—или слушать лаконическія возраженія барона Гюбнера и макіавеллическія вставки лорда Каулэя. Помилуйте, за какую безчувственную улитку вы меня принимаете?

„А конституція Молдавіи и Валахіи?

„Вотъ она:

„Исполнительная власть въ каждомъ изъ обоихъ Княжествъ сосредоточивается въ рукахъ господаря. Господарь — глава государства, но глава въ смыслѣ ограниченномъ и условномъ. Хотя онъ обладаетъ полною инипіативой въ дѣлѣ администраціи, и даже принимаетъ участіе въ законодательной власти, тѣмъ не менѣе, онъ происходитъ изъ нѣдръ законодательнаго собранія, которое удерживаетъ за собою контроль надъ соблюденіемъ законовъ, и можетъ предать суду министровъ, назначаемыхъ господарями.

„Законодательное собраніе составляется посредствомъ народныхъ выборовъ. Выборы имѣютъ двѣ степени: сначала выбираются избиратели, а потомъ этими послѣдними выбираются депутаты въ законодательное собраніе. Избирателемъ можетъ быть всякій пользующійся въ Княжествахъ правами гражданства, съ незапятнанною честію, и неподлежащій какой-нибудь иностранной юрисдикціи.

„Такимъ образомъ составленное законодательное собраніе выбираетъ господаря изъ числа гражданъ.

„Господарь выбирается собраніемъ пожизненно. Что же касается до собранія, то оно возобновляется черезъ семь лѣтъ.

„Господарь назначаетъ министровъ и управляетъ съ ихъ содѣйствіемъ. Министры отвѣтственны, какъ передъ нимъ, такъ и передъ законодательнымъ собраніемъ. Собраніе можетъ предать министровъ суду, и для этого требуется три четверти голосовъ его наличнаго состава. Прерогатива господаря состоитъ въ томъ, что онъ утверждаетъ и обнародываетъ законы, имѣетъ право помилованія и смягченія наказаній, но каждый актъ его долженъ быть контрасигнированъ министромъ, который несетъ за него отвѣтственность. Будучи главою адми-

нистраціи, господарь, какъ сказано выше, принимаетъ участіе въ отправленіяхъ законодательной власти, то-есть, онъ можетъ, чрезъ своихъ министровъ, представлять въ собраніе проекты законовъ, а главное—бюджеты, въ которые должны входить фонды всѣхъ спеціальныхъ кассъ, находящихся въ распоряженіи правительства. Но законодательное собраніе не стѣсняется этою инціатнвой, и можетъ принимать или отвергать представленный правительствомъ проектъ. Никакой налогъ не можетъ быть взимаемъ безъ согласія собранія. Подобно всѣмъ прочимъ законамъ, регламентамъ и распоряженіямъ правительства, законы финансовые должны предаваться гласности посредствомъ обнародованія въ оффиціальной газетѣ.

„Но этими преимуществами не ограничивается новое устройство Княжествъ; есть еще другія, весьма важныя учрежденія, которыми обезпечивается правильность и дѣйствительность этого устройства.

„Молдаване и Валахи будутъ всѣ равны передъ закономъ, передъ налогомъ, и равно могутъ занимать государственныя должности въ обоихъ Княжествахъ. Личная свобода ихъ будетъ обезпечена. Никто не можетъ быть задержанъ, арестованъ или преслѣдуемъ иначе, какъ по закону. Никто не можетъ быть вынужденъ къ отчужденію собственности, какъ лишь законнымъ образомъ, ради общественной пользы и на основаніи вознагражденія. Молдаване и Валахи всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій будутъ равно пользоваться политическими правами. Пользованіе этими правами можетъ быть распространено и на другія религіи законодательными распоряженіями. Всѣ привилегіи, исключенія или монополіи, коими еще пользуются нѣкоторые классы, будутъ прекращены, и немедленно должно быть приступлено къ пересмотру законовъ, которыми опредѣляются отношенія между поземельными собственниками и земледѣльцами, въ видахъ улучшенія крестьянскаго быта. Муниципальныя учрежденія, какъ городскія, такъ

и сельскія, получатъ всѣ развитія, какія только будутъ согласны съ основами конвенціи.

„Не правда ли, что у любой страны Нѣмецкой, Итальянской, Славянской, потекутъ слюнки, читая такую либеральную конституцію. Исполать Волохамъ! Вотъ кого захочетъ наградить Богъ,—въ окошко пошлетъ!

„А всего любопытнѣе то, что графъ Валевскій пишетъ въ своемъ циркулярѣ: Конвенція 19 августа выражаетъ принципы 1789 года, на которыхъ основываются гражданскія и народныя права Франціи. О-о, подъ какою конвенціею пришлось подписаться Фуаду-Эффенди, барону Гюбнеру, графу Гацфельду!..

„Какъ связать, соединить, согласить всѣ эти понятія—пусть разбираетъ, кто можетъ, а я не могу, и не понимаю ничего.

„Еще для меня непонятно вотъ что: часто разсуждаютъ политики о томъ, какой народъ созрѣлъ и какой не созрѣлъ (это ихъ техническое выраженіе) для тѣхъ или другихъ гражданскихъ правъ; неужели же Молдавія и Валахія созрѣли для такой просторной конституціи? Ужъ не органическій ли уставъ доставилъ имъ ту оранжерейную теплоту, которая произвела столь блистательное развитіе, принесла такіе роскошные плоды? Почему-жь бы не распространить употребленіе животворнаго калорифера, благо испытано столь успѣшно его счастливое дѣйствіе! Что до меня,—я провелъ однажды дней шесть въ обществѣ высшаго Волошскаго сословія, плывя по Дунаю, пошатался въ деревняхъ Волошскихъ около Галаца, осматривая остатки Троянова вала, приглядывался къ сельскимъ Волошскимъ физіономіямъ—не вѣрится мнѣ этой зрѣлости! Мое впечатлѣніе, правда, мимоходное. Чѣмъ же прикажете провѣрить его? Пожалуйте мнѣ описаніе Княжествъ, разсужденіе о ихъ жителяхъ по сословіямъ, о характерѣ и правахъ, о поземельномъ владѣніи. Столько консуловъ и проконсуловъ Русскихъ перебывало въ Молдавіи и Валахіи, генеральныхъ и негенеральныхъ, столько секретарей и пере-

водчиковъ; наконецъ столько разъ полки наши тамъ жили по долгу: были случаи познакомиться! И нѣтъ ни одного порядочнаго описанія Княжествъ, кромѣ Кантемирова, писаннаго при Петрѣ Первомъ. Молдавію и Валахію мы знаемъ хуже Абиссиніи и Нигриціи. О невѣжество! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не хочу говорить о Княжествахъ.

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

„Но Черногорія, Черногорія вѣрно возвеселитъ ваше Славянское сердце, говорите вы, и надѣетесь, что я распространюсь передъ вами съ восторгомъ о славной Граховской побѣдѣ, которая все-таки доказала... Побѣда, точно, славная, но мнѣ очень не понутру путешествіе князя Даніила и его уполномоченныхъ въ Парижъ, ходатайство ихъ предъ западными державами о покровительствѣ, явленіе Французскихъ кораблей въ заливѣ Гравозы, коими обезоружились Турки, разсужденія Франціи, Англіи, Австріи о границахъ Черногоріи,—Черногоріи, которую еще Петръ Первый принялъ подъ свою опеку, которая съ тѣхъ поръ жила почти на нашемъ иждивеніи, которой владыки до нашего времени посвящались въ Петербургѣ, и которой всѣ важныя дѣла рѣшались нами по старому, признанному ото всѣхъ обычаю.

„Греція? Да о Греціи давно уже я не слыхалъ ничего. Послѣ жестокаго пораженія ея Англичанами, въ удовлетвореніе дона Пачифико (которому въ знаменитости въ новой Европейской Исторіи долженъ былъ уступить самъ министръ Приччардъ), толковано было много въ газетахъ о Французской партіи и министерствѣ Калерджи, объ Англійской партіи и высокомѣріи г-на Вайза, о какихъ-то Баваро-Нѣмецкихъ продѣлкахъ, а Россія нигдѣ и не упоминается. Что же я буду говорить о Греціи?

„Ну, такъ оставимъ,—прерываете вы меня,—въ покоѣ вопросы, которыми растравляются старыя раны, которые заставляютъ трепетать сердце и гонять кровь къ оконечностямъ, хотя, признайтесь, безъ основательной причины, собственно

только отъ одного нетерпѣнія. Побесѣдуемъ о тѣхъ Европейскихъ происшествіяхъ, кои не имѣютъ никакого отношенія къ Россіи, къ коимъ вы должны быть безпристрастны, и о коихъ можно разсуждать хладнокровно, напримѣръ, объ открытіи Шербургской гавани".

„Слуга покорный! Первый предметъ избранъ вами очень неудачно: неужели думаете вы, что можно говорить о Шербургѣ безъ какихъ-нибудь тягостныхъ воспоминаній? Позвольте васъ спросить, противъ кого укрѣпляется такъ Шербургъ?—Противъ Англичанъ.—Но вѣдь Франція находится съ Англіей въ тѣсномъ союзѣ?—Правда. Шербургъ укрѣпляется на всякій случай. — А, такъ можетъ существовать *всякій случай* даже и между истыми друзьями?—Разумѣется, и Англія, обнимаясь, держитъ все-таки камень за пазухою, укрѣпляетъ не только Портсмутъ, но и всѣ важные приморскіе пункты. Да и не одни Англичане и Французы принимаютъ свои мѣры. Бельгійцы хлопочутъ объ Антверпенѣ, Нѣмецкій Союзъ копошится въ Раштадтѣ, Сардинцы распространяютъ Специю, Австрійцы—Полу и Катарро.

„А какъ разсуждаютъ истые Европейскіе граждане о подобныхъ вооруженіяхъ? Послушайте гг. Робука и Линдсея, которые, вмѣстѣ съ королевою Викторіею, пировали въ гостяхъ у императора Французовъ. Они кричатъ во весь голосъ и вопіютъ изо всѣхъ силъ,—преувеличиваютъ и даже выдумываютъ опасности, взводятъ напраслины, считая своею обязанностію предъ отечествомъ (слушайте, слушайте: предъ отечествомъ!) возбуждать вниманіе согражданъ, вызывать напряженную дѣятельность правительства. Ну какъ же вы хотите, чтобъ я, послѣ такихъ ясныхъ, твердыхъ, громкихъ рѣчей, прошепталъ вамъ нѣсколько темныхъ и безсвязныхъ словъ, пробормоталъ нѣсколько мизерабельныхъ намековъ, въ родѣ шарадъ, омонимовъ и логогрифовъ, да и то, оглянувшись направо, налѣво, вверхъ, внизъ, сжавшись, скорчившись, представивъ несчастнѣйшую фигуру, какъ преступникъ, ведомый на казнь за уголовное преступленіе. Нѣтъ, такая унизитель-

ная роль надоѣла; нѣтъ, я лучше промолчу о Шербургѣ, Портсмутѣ, Антверпенѣ, Раштадтѣ, Специи, Полѣ, Катаро...

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

„А неутральный флагъ, морское право, провозглашенное торжественно въ Парижскихъ конференціяхъ? Вотъ пріобрѣтеніе международныхъ отношеній, вотъ истинный, благородный прогрессъ въ исторіи человѣчества. — Послушайте. Будемъ откровенны; вспомните о неутралитетѣ Даніи и Швеціи, впродолженіи послѣдней войны, объявленномъ повсюду оффиціально и неоффиціально. Между тѣмъ, Англійскіе и Французскіе корабли останавливались преспокойно во всѣхъ гаваняхъ Шведскихъ и Датскихъ, запасались нужными для себя вещами, исправляли поврежденія, закупали хлѣбъ, уголь и даже оружіе, находили себѣ всегда безопасное убѣжище, собирались съ силами для нападенія. Спрашивается: равнялись ли отношенія Швеціи и Даніи къ Россіи съ отношеніями ихъ къ Англіи и Франціи? Какой же это неутралитетъ? А попробуй Швеція, Данія и даже Пруссія не пустить ихъ къ себѣ... хоть подъ пазуху. Что заговорили бъ онѣ? Помнимъ мы бомбардировку Копенгагена среди безоблачнаго мира! Не будутъ ли онѣ поступать точно такъ же въ какихъ-нибудь новыхъ столкновеніяхъ? Безъ сомнѣнія, будутъ поступать точно такъ же, да еще и съ дополненіями, смотря по обстоятельствамъ. И такъ, все это слова, слова и слова: зачѣмъ же намъ повторять ихъ съ голоса, или принимать на вѣру? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не хочу я толковать о неутральномъ флагѣ.

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

„Что вы скажете, по крайней мѣрѣ, объ открытіи Китая и Японіи для Европейской торговли? — Пожалуй, мы порадуемся этому событію, какъ распространенію Европейскаго начала, какъ успѣхамъ цивилизаціи, и подумаемъ про себя, что если Англія съ друмя-тремя тысячами солдатъ могла навести ужасъ на Небесную имперію, то Россія, смежная съ

Китаемъ, въ длину всей Сибири, чего не можетъ сдѣлать, если захочетъ, съ одной дивизіей, подъ предводительствомъ Ермака или Хабарова..... или чьимъ-нибудь!...

„Безконечные толки о Голштинскихъ дѣлахъ, утомительные споры о Дунайскомъ судоходствѣ—это каннтель, которую тянутъ штатные дипломаты отъ-нечего-дѣлать... Государства жъ Европейскія—перестанемъ шутить—ведутъ свое дѣло, что называется, себѣ на умѣ, ни мало не заботясь ни о какихъ теоріяхъ, ни о какихъ отвлеченныхъ правахъ, ни о какихъ нравственныхъ правилахъ, сообразуясь съ своими традиціальными планами и текущими обстоятельствами. Англія, задержанная Индійскимъ возстаніемъ, употребляетъ всѣ свои усилія, чтобъ его укротить, и вмѣстѣ подвинуться еще далѣе въ Азію, открыть себѣ новые рынки, а дóма застраховать вѣрнѣе и вѣрнѣе свою внѣшнюю безопасность. Франція, наоборотъ, озабочена больше всего мыслію о внутренней безопасности, выжидая случаевъ занять общее вниманіе какимъ-нибудь оригинальнымъ фарсомъ, котораго предусмотрѣть никто не возмется. Въ Римѣ гарнизонъ ея зажился подольше, нежели нашъ корпусъ въ Молдавіи и Валахіи, и хозяйничаетъ тамъ очень спокойно, не производя ни малѣйшаго смущенія въ Европейскихъ кабинетахъ и не нарушая ни мало незабвеннаго равновѣсія.

„Сардинія, благодаря талантамъ своего министра, ниспосланнаго ей Богомъ, въ союзѣ со свѣтомъ, а не со тьмою, приготовляется можетъ быть играть блистательную роль въ Италіи, которую рано или поздно (вѣроятнѣе: рано) принуждена будетъ выпустить изъ ежевыхъ рукавицъ своихъ Австрія.

„Пруссія поступаетъ подъ управленіе принца, который сначала, въ 1848 году, подвергался общей ненависти и принужденъ былъ, по требованію народа, удалиться въ Кобленцъ, но нынѣ пользуется, какъ видно, обращеніемъ народнаго чувства, и либеральнымъ, говорятъ, министерствомъ своимъ, обѣщаетъ новое управленіе. Вотъ страна, въ которой можетъ

произойдти многое важное, съ великимъ вліяніемъ на сосѣднія государства. Конечно, дай Богъ людямъ всякаго благополучія, Нѣмцамъ и Итальянцамъ, Англичанамъ и Французамъ, Венгерцамъ и Славянамъ, чрезъ кого бы это благополучіе ни распространялось; но все какъ-то грустно, прискорбно, по невольному чувству эгоизма, когда видишь, что изъ рукъ выпадаетъ случай сдѣлать великое добро, сослужить важную службу Европѣ, и занять великолѣпную страницу въ Исторіи, но... что будетъ, то будетъ. Исторіи, видно, изъ ея колеи ни чѣмъ не выворотишь, и она идетъ себѣ какъ знаетъ,—и какъ мы не знаемъ.

„Гораздо понятнѣе и гораздо пріятнѣе внѣшней политики, наблюдать нѣкоторыя частныя явленія въ жизни государствъ, знаменующія для мыслящаго наблюдателя ихъ идею или ихъ силу, ихъ тактъ или характеръ. Таковы: дѣло о пароходѣ *Каліяри,* или лучше—форма его производства, рѣчи Брайта, назначеніе Гладстона чрезвычайнымъ коммиссаромъ на Іоническіе острова, разсужденія лорда Брума и лорда Рёсселя о распространеніи образованія между ремесленниками, процессъ графа Монталамбера, голосъ Юнга о предоставленіи островъ Греціи, кромѣ Корфу. Большая часть сихъ происшествій замѣчена въ нашихъ газетахъ и журналахъ, и нѣкоторыя характеризованы превосходно въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и особенно въ *Русской Бесѣдѣ*, такъ что я не считаю нужнымъ о нихъ распространяться.

„Вотъ кажется и все о Европейскихъ государствахъ.

„Перечитываю свои замѣтки, и что же нахожу, или лучше чего не нахожу? Австрію я позабылъ, свою любезную, дорогую, ненаглядную Австрію, которой посвятилъ я столько мысли, чувства, труда, которая испортила мнѣ столько крови, и доселѣ въ недобрый часъ, „порою между волка и собаки", мерещится мнѣ противнымъ привидѣніемъ. Позабылъ,—такъ за то потѣшу васъ въ заключеніе своихъ полушутливыхъ, полускорбныхъ строкъ, такъ потѣшу, что вы расхохочетесь: отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ! Австрію Нѣмецкіе

политики отправляють въ крестовый походъ на Востокъ. Призваніе Австріи,—говорить только-что отпечатанная диссертація, *Das europäische Gleichgewicht der Zukunft*, — внести Германскій элементъ на Востокъ, соединить его съ Европой. Она является наслѣдницею крестовыхъ походовъ.

„Вся дѣятельность Австріи на югѣ, на Дунаѣ, къ Черному морю. Но Австрія не должна противодѣйствовать въ Германіи стремленіямъ къ единству. За все, отъ чего она откажется въ Германіи, ей вознаградится десятирицею на Востокѣ. Пруссія, съ своей стороны, не должна противиться Австрійскимъ стремленіямъ на югѣ. Для Германіи очень выгодно, если Австрія будетъ владѣть Дунайскими княжествами, да и для нихъ самихъ это лучшая участь.—Какое богатое поле открылось бы тогда для Нѣмецкой промышленности и Нѣмецкой торговли, и какой превосходный случай для распространенія Нѣмецкаго духа и Нѣмецкой культуры! И какая блестящая будущность для Австріи, какъ увеличатся ея могущество, сила, слава! И будто трудно достигнуть этой цѣли? Пусть Австрія великодушно и добровольно уступитъ Пруссіи первое мѣсто въ Германіи и подкрѣпитъ ее на сѣверѣ; Пруссія же пусть помогаетъ Австріи на востокѣ, подкрѣпляетъ ее изо всѣхъ силъ!... Дунайскія Княжества ожидаютъ только Нѣмецкой дѣятельности, чтобъ сдѣлаться богатыми и цвѣтущими...

„Каково! Не изъ тучи только, видно, громъ гремитъ! Въ Австріи пять милліоновъ Нѣмцевъ и двадцать милліоновъ чуждыхъ имъ по языку, вѣрѣ, исторіи, Славянъ, которые терпѣть ее не могутъ и ждутъ-не-дождутся случая отъ нея избавиться; Австрія не можетъ ночи проспать спокойно дома, не заперевъ накрѣпко всѣхъ дверей, не закрывъ наглухо всѣхъ окошекъ, не разставивъ вездѣ часовыхъ, не окруживъ себя разнохарактерною стражею,—и эта Австрія чувствуетъ, слышите, неодолимое призваніе прибрать къ своимъ рукамъ еще десять милліоновъ Славянъ, гораздо болѣе ей чуждыхъ, на Востокѣ, чтобъ сжать ихъ послѣ въ своихъ отеческихъ

объятіяхъ: пусть выводятъ цыплятъ для Вѣнскихъ обѣдовъ и ужиновъ. А Россія, которая считаетъ у себя шестьдесятъ милліоновъ Славянъ, единоплеменныхъ съ Австрійскими и Турецкими, по словамъ Нѣмецкихъ публицистовъ, старайся только объ образованіи себя и не думай обращать даже и взоры на Востокъ!

„Такую роль предоставляютъ Россіи доброжелательные Нѣмцы: что же дѣлаетъ сама Россія на поприщѣ Европейской политики? Она безмолвствуетъ, повторяемъ, и какъ будто нѣтъ нигдѣ ея представителей: на Европейскомъ толкучемъ рынкѣ не раздается только Русскаго голоса. Это, по моему смиренному мнѣнію, прекрасно: для чего намъ вступаться въ копѣечныя дрязги, что намъ спорить о грошевыхъ интересахъ, къ чему домогаться алтынныхъ выгодъ? Въ какое сравненіе идутъ нынѣшніе внѣшніе Европейскіе вопросы съ нашими домашними громадными вопросами! Лучше безъ шума думать свою крѣпкую думу, лучше, пока, предоставляя Европейскія дѣла естественному ихъ теченію, выжидать спокойно, гдѣ что случится, и приготовляться въ тишинѣ къ будущимъ дѣйствіямъ, когда онѣ понадобятся, на пользу себѣ и другимъ, во имя прогресса, во благо Европѣ и человѣчеству.

„Вотъ эти спасительныя приготовленія, вотъ эти благородныя занятія, желалъ бы я обозрѣть для общаго нашего назиданія и утѣшенія, въ *pendant* къ обозрѣнію западныхъ дѣйствій,—но, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ, а безъ матеріаловъ, вѣрныхъ и положительныхъ, ничего написать нельзя. Кàкъ нѣтъ матеріаловъ,—удивляетесь вы,—мало ли у насъ пишется и печатается всякой всячины? Правда — но многаго и не достаетъ. Какіе же матеріалы вамъ нужны? А вотъ какіе, извольте прислушать внимательно и вникнуть хорошенько въ смыслъ слѣдующихъ моихъ словъ.

„Прежде, однакожъ, я сообщу вамъ оглавленіе матеріаловъ, которые имѣю, для обозрѣнія домашней Русской дѣятельности. Есть на что указать, есть на что и порадоваться другу добра и людей...

„Повсемѣстные комитеты въ губерніяхъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

„Частныя отпущенія крестьянъ на волю.

„Пріобрѣтеніе Амурской области. Обозрѣніе Оренбургскаго края. Дѣйствія на Кавказѣ.

„Занятія Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ,—открытыя пространства для сообщенія.

„Проэкты утвержденные другихъ дорогъ: между Ригою и Динабургомъ, Волгою и Дономъ, Саратовская дорога, Ярославская дорога.

„Открытыя пространства мостовыхъ дорогъ *(chaussées)*.

„Собраніе капиталовъ безъ гарантіи и безъ предварительнаго объясненія выгодъ на построеніе дороги между Волгою и Дономъ.

„Дѣйствія Черноморскаго и Каспійскаго Обществъ.

„Сорокъ новыхъ обществъ мануфактурной промышленности и торговли.

„Сто новыхъ журналовъ и газетъ.

„Сто русскихъ путешественниковъ за границей, съ учеными и промышленными цѣлями.

„Обозрѣніе затронутыхъ вопросовъ, съ указаніемъ примѣчательныхъ статей.

„Три тома *Исторіи Петра I*, Устрялова.

„Томъ *Исторіи древней Словесности*, Шевырева.

„*Богданъ Хмельницкій*, Костомарова.

„*Исторія общественнаго права въ Россіи* Лешкова. Труды Максимовича, Бѣляева, Безсонова и друг. Археологическіе матеріалы Сонцева. Новыя *Чтенія Историческаго общества*, изд. Бодянскаго. *Исторія Рязанскаго княжества*, Иловайскаго, переводы съ древнихъ языковъ и проч.

„Политическія обозрѣнія *Русской Бесѣды* и *Русскаго Вѣстника*.

„Картина Иванова.

„Женскія училища, и проч. и проч.

„Матеріалы по этимъ предметамъ у меня есть, а вотъ какихъ у меня нѣтъ:

„Чѣмъ заняты тѣ пять-шесть человѣкъ, которыхъ открыла намъ прошедшая война въ полномъ блескѣ, которые получили одобрительные патенты даже отъ Европейской публики и печати, имѣющей для насъ значеніе и вѣсъ *par excellence*, которыхъ способности, дѣйствительно, несомнѣнны. Всякое дѣло мастера боится, говоритъ пословица, а пять-шесть человѣкъ, каждый по своей части, могутъ сдѣлать многое. Такихъ людей дѣятельность — это общая польза, общій ростъ, общій прогрессъ.

„Кто же эти пять-шесть человѣкъ, которымъ посчастливилось (рѣдкое у насъ счастіе) выйдти, что называется, изъ ряду вонъ?

„Назову вамъ троихъ: Тотлебена, Путятина, Хрулева; четвертый,—Иннокентій, скончался въ порѣ самаго могучаго мужества...

„Пятаго, шестаго, не назову: пусть охотники до славы воображаютъ себя на открытыхъ ваканціяхъ, и въ благодарность сдѣлаются мнѣ друзьями, въ оплотъ многочисленнымъ моимъ врагамъ, раздраженнымъ на меня за мою простую, прямую и слишкомъ искреннюю, можетъ быть, сознаюсь, и грубую рѣчь, который цѣнить у насъ съ непривычки не умѣютъ! Но возвратимся къ оглавленію потребныхъ матеріаловъ.

„Каково здоровье Тотлебена? Чѣмъ онъ занимается? Какіе пункты Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго, Балтійскаго, Бѣлаго, Аральскаго, Восточнаго морей, онъ считаетъ удобными для укрѣпленія, и какія средства для того нужными?

„Если Франція и Англія укрѣпляютъ безпрестанно свои берега, не давая себѣ отдыха ни на минуту, если Австрія и Сардинія воздвигаютъ новыя твердыни, неужели способности человѣка, понимающаго это важное дѣло лучше всѣхъ, остаются безъ упражненія? Почему вы знаете, напримѣръ, что завтра послѣ-завтра, не явится въ Турціи какой-нибудь Магометъ II,

Солиманъ, Амуратъ? Что же, Австрія и Англія помѣшаютъ имъ дѣйствовать противъ насъ и потребуютъ отъ нихъ уваженія къ Парижскому трактату? Не думаю. Если Вѣнскій и Священный подвергнулись такой комической судьбѣ, едва ли можно надѣяться больше на прочность Парижскаго. Все, какъ говорится, до поры до времени. Эпохи Магометовъ и Солимановъ прошли, думаете вы? Нѣтъ: плохо, видно, вы знаете Исторію, не вникаете въ смыслъ настоящихъ происшествій, не понимаете, что такое энтузіазмъ, какъ онъ зарождается или производится, и какія чудеса производитъ. Отвѣтъ вамъ не за горами . . . . Что вы скажете о убійствахъ въ Джеддѣ или прежней вспышкѣ Тегеранской, лишившей насъ Грибоѣдова? Вездѣ нужно только средоточіе, предводительство. Да и не одни Азіатцы, развѣ Европейцы не могутъ пожаловать къ намъ въ гости еще разъ, на берега того или другаго моря? Почему это посѣщеніе невозможно, если сами союзныя Франція и Англія боятся взаимныхъ визитовъ, и укрѣпляются другъ передъ другомъ съ такими жертвами, съ такимъ напряженіемъ? Вотъ почему для меня интереснѣе всякихъ телеграфическихъ депешъ извѣстіе о занятіяхъ Тотлебена: Что̀ она читаетъ, чего хочетъ, и какія имѣетъ намѣренія? Имя его встрѣчалось по газетамъ гдѣ-то на Рейнѣ, потомъ на югѣ, въ какой-то встрѣчѣ, но уже очень давно, и съ тѣхъ поръ пропалъ онъ изъ виду.

„Путятину предлежитъ поприще не уже. Это остальной воспитанникъ Лазарева, товарищъ Нахимова и Корнилова. Кого спрашивать лучше о возстановленіи флота? Кто найдетъ вѣрнѣе средства утѣшить тоскующую тѣнь Петра Перваго? Года два тому назадъ я встрѣтилъ его въ партикулярномъ сюртучкѣ, въ Русской церкви въ Парижѣ. Потомъ явился онъ негоціаторомъ въ переговорахъ съ Китаемъ, на водахъ Восточнаго океана. Все это прекрасно, но Русскія моря безъ него сиротѣютъ, Чесменскіе, Синопскіе герои взываютъ о мести.

„*Голубчики, ко мнѣ! Навались!* Гдѣ онъ, нашъ лихой, смышленый, обожаемый подчиненными, оборонитель Сева-

стополя, что̀, схвативъ Сѣвскую роту, отбросилъ изступленныя толпы Французскія, и отбилъ приступъ 6-го августа? Какую школу онъ проходилъ? Гдѣ муштруетъ солдатиковъ? Какія сердечно-электрическія батареи про черный день подготовляетъ?

„Сочиняютъ ли наши военачальники описанія дѣйствій войскъ, подъ ихъ начальствомъ состоявшихъ? Объясняютъ ли они причины своихъ успѣховъ и неудачъ? Какіе результаты для будущаго времени извлекли они изъ своихъ тяжелыхъ опытовъ? Есть Русская пословица: всякое слово сказанное—серебро, а всякое умолчанное—золото. Въ настоящемъ случаѣ, она должна перевестися наоборотъ: всякое слово, ими сказанное—золото, всякое умолчанное—неоплатный долгъ предъ Отечествомъ, предъ наукою, предъ совѣстью. Въ медицинѣ исторія болѣзней, въ эстетикѣ исторія художественныхъ произведеній, въ юриспруденціи исторія законовъ и обычаевъ, лучше всякихъ теорій и системъ, объясняютъ дѣло и составляютъ драгоцѣнный завѣтъ отъ прошедшаго для будущаго.

„Кромѣ главнокомандующихъ, начальники отдѣльныхъ корпусовъ, начальники штабовъ, всѣ должны представить свои частные отчеты, свои взгляды, свои мнѣнія, свою критику.

„Вотъ чѣмъ образуется корпусъ офицеровъ и генераловъ, которые... которые намъ нужны. Кампанія Крымская и Молдаволахская—это для нихъ новая гимназія, университетъ, академія. Экзаменъ заданъ былъ намъ начистую. Какое поученіе, показать молодымъ людямъ берега Качи, Альмы, Черной рѣки, и растолковать исторію кампаніи устами дѣйствующихъ лицъ: „Вотъ, еслибъ занять эту высоту, Боскэ не успѣлъ бы обойти наши арміи, и Альмское сраженіе было бы выиграно; вотъ, еслибъ здѣсь Французы не оборотились на югъ, Севастополь былъ бы взятъ ими черезъ три дня. Подоспѣй сюда N. N. во время, подъ Инкерманомъ побѣда была бы наша. Ударь Горчаковъ въ такую-то минуту, дѣло оборотилось бы иначе на Ѳедюхиныхъ горахъ. Реадъ съ Вревскимъ погибли вотъ отъ какого несчастнаго недоразумѣнія. Малаховъ курганъ можно-бъ было защитить вотъ съ этой стороны. Во-

лынскій, Селенгинскій, Камчатскій редуты вотъ почему были важны. Вотъ когда мы отличились; вотъ гдѣ мы сплоховали"... Да, всякое слово запало бы въ душу, иная минута стоила бы цѣлаго курса. Такъ приготовились бы будущіе дѣятели. Да взглянуть только на развалины Севастополя, безо всякихъ комментаріевъ, наберешься жару на десять сраженій съ . . . . ну, съ кѣмъ случится: друзей у насъ, вѣдь, много вездѣ.

„Употребите всѣ мѣры, отыщите всѣ средства, собрать мнѣ отвѣты на мои вопросы,—я знаю только книгу Берга, которой не отдано должной справедливости, да сочиненія гг. Богдановича и Аничкова, которые, впрочемъ, не принимали личнаго участія въ дѣйствіяхъ.

„Далѣе—нужда учитъ калачи ѣсть. Медицинская наша часть, блеснувшая впродолженіе послѣдней войны именемъ Пирогова, обнаружила, не менѣе военной, свои недостатки. Какія же мѣры приняты для устройства нашей медицинской части? Открыты ли новые клиническіе курсы по больницамъ въ Москвѣ и Петербургѣ?

„Да одни ли образованные медики, офицеры, генералы намъ нужны? Намъ нужны образованные люди на всѣхъ мѣстахъ, что̀ доказала намъ ясно прошедшая война; какъ же послѣ войны стала учиться наша талантливая молодежь и какія мѣры приняли вездѣ университетскія начальства, чтобъ усилить ученіе, сообщить ему степенность и твердость, въ гимназіяхъ, университетахъ, академіяхъ, которыя сдѣлались теперь для насъ важнѣе крѣпостей и арсеналовъ, въ практическомъ даже отношеніи, не только теоретическомъ?..

„Но, довольно. Вы видите теперь, какіе матеріалы мнѣ нужны, и какія свѣдѣнія для меня важны. Когда получу ихъ отъ васъ, обѣщаю вамъ написать полное историческое обозрѣніе, а на сей разъ имѣйте мя отреченна" [163]).

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

XLIV.

14 января 1859 года, Погодина посѣтилъ Московскій цензоръ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и объявилъ „о кончинѣ *Паруса*" [164]).

Изъ Петербурга, 20 января, П. И. Мельниковъ писалъ Погодину: „Хорошо вамъ браниться, сидя въ Москвѣ, какъ у Христа за пазухой, — побыли бы вы на нашемъ мѣстѣ, на цензурномъ тычкѣ, не то бы сказали. Не защищалъ я вашей статьи! Нѣтъ, у четырехъ цензоровъ да у Делянова защищалъ. Но напрасно! А четыре цензора суть: обыкновенный, да духовный, да военный, да Главнаго Управленія Путей Сообщенія... Вотъ посмотримъ какъ-то у васъ пойдутъ Московскіе журналы. Готовится предписаніе сравнить ихъ въ правѣ съ Петербургскими. И вы же еще гнѣваетесь—вы, по милости котораго, мы въ настоящую минуту пьемъ горькую чашу. Ваша статья въ *Парусѣ* подняла всѣхъ на дыбы и кончилось тѣмъ, что будемъ мы вспоминать съ завистью и о временахъ Бутурлинскаго литературнаго террора. Въ засѣданіи Географическаго Общества, 15 января, громогласно сказано, что *Парусъ* запрещенъ и не за первую статью, а за вашу. Добираются до *Русской Газеты*, за сочувствіе къ *Парусу*. А воля ваша — неблагоразумно поступилъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, напечатавъ передовую статью. Объ ней уже знали всѣ здѣсь, еще до выхода *Паруса*, какъ въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ *меташа жребій*, кому подписаться подъ *Парусомъ*. Одно это уже достаточно приготовило катастрофу. Но какъ благоразумные люди, они опрокинулись не на эту статью, а на вашу... А тутъ еще Кокоревскій *Милліардъ* подвернулся. Арсеньевъ получилъ за него высочайшій выговоръ, лишился мѣста Тобольскаго губернатора, на которое былъ представленъ... Въ этомъ дѣлѣ и на мою совѣсть не мало легло — я, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ

Арсеньевымъ, просилъ его пропустить статью Кокорева. Противъ васъ возстало общественное мнѣніе за ваше подстрекательство къ войнѣ. И дѣйствительно, надо намъ дома справиться, а не воевать. Не лучше ли деньги, которыя употребили бы на укрѣпленіе береговъ, употребить на выкупъ крестьянъ. Славяне любезные! Да вѣдь чужую крышу не кроютъ, когда своя течетъ... *Искра* также запрещается и по дѣломъ. Сами виноваты — вѣдь это пасквиль въ лицахъ. Стоютъ и Муравьевъ, и Бернардаки, и Долгоруковъ и проч. всѣ, чтобы бить ихъ сатирой, но зачѣмъ же это точь въ точь схожіе портреты? Мы еще не доросли до *Punch* и *Journal pour* rire“ [165]).

Князь Н. В. Шаховской, въ своемъ сочиненіи *о Н. П. Гиляровѣ-Платоновѣ*, приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ письма И. С. Аксакова къ протоіерею Н. Ѳ. Раевскому: „Вы не можете себѣ представить, какъ вообще Петербургу ненавистна и подозрительна Москва, какое опасеніе и страхъ возбуждаетъ тамъ слово *народность*. Ни одинъ западникъ, ни одинъ Русскій соціалистъ такъ не страшенъ Правительству, какъ Московскій славянофилъ, никто не подвергается такому гоненію; а между тѣмъ — такъ какъ славянофилы всѣ люди честные и пользующіеся невольнымъ уваженіемъ самыхъ враждебныхъ партій, то ихъ трудно преслѣдовать лично, и потому Правительство въ особенности преслѣдуетъ нашу литературную дѣятельность. Какъ бы то ни было, но Тимашевъ, Долгорукій, Мухановъ, Панинъ и проч. и проч., всѣ вооружили государя противъ *Паруса* и противъ меня. *Парусъ* запретили“.

Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 16, 23 и 26 января 1859 года, записалъ: „Говорятъ *Парусъ* запрещенъ. Говорятъ, Тимашевъ изо всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобъ издатель *Паруса*, И. С. Аксаковъ, былъ спроваженъ въ Вятку. Мысль отличная, самая современная, патріотическая и полезная Правительству, напоминающая людямъ довѣрчивымъ, утопистамъ и оптимистамъ, что мы еще не такъ далеко ушли отъ временъ Николая Павловича, какъ они думаютъ. Впрочемъ, я

не полагаю, чтобы государь на это согласился. Это была бы большая ошибка. Аксакова не сослали въ Вятку, но запретили его журналъ. Мнѣ передавалъ Краевскій любопытный разговоръ Аксакова съ Тимашевымъ. Между прочимъ Аксаковъ сказалъ:

Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи. Вы правы. Намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики.

— Какъ, спросилъ съ ужасомъ Тимашевъ, гдѣ они?

Въ Третьемъ Отдѣленіи. Третье Отдѣленіе, своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ, готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ государемъ" [166]).

Между тѣмъ, В. А. Кокоревъ, 29 января 1859 года, написалъ Погодину слѣдующее замѣчательное письмо: „Во второмъ номерѣ газеты *Парусъ* помѣщена ваша статья, подъ названіемъ *Прошедшій годъ въ Русской Исторіи*. Статью эту я прочиталъ нѣсколько разъ съ самымъ глубокимъ вниманіемъ и стараніемъ проникнуть въ ваше душевное настроеніе. Въ статьѣ этой слышно сокрушеніе вашего сердца, проявляющееся при всѣхъ случаяхъ, когда Русское значеніе не выражаетъ первенства въ Европѣ. Самый слогъ статьи, отрывистый и безпокойный, лучше всего свидѣтельствуетъ, что эта статья не есть хладнокровное сочиненіе, а выраженіе наслоившихся на сердцѣ чувствъ. Сердце человѣческое всегда передаетъ уму тѣ настроенія, которыя намъ усвоила давность, но многозначительность нашего времени рождаетъ вопросъ: не слѣдуетъ ли опредѣлить понятіе о значеніи первенства сообразно съ духомъ времени и новыми потребностями? Разборъ этого вопроса приведетъ къ вѣрному опредѣленію и выяснитъ, не страдаемъ ли мы за такія событія, которыя не должны вызывать страданій, и не радуемся ли тому, чему грѣшно радоваться. Вотъ какія мысли породила во мнѣ ваша статья. Я долженъ высказать вамъ все то, что я прочувствовалъ при чтеніи ея, а я чувствовалъ много. Таково уже свойство вашихъ статей.

„Прежде изложенія моихъ мыслей, я долженъ представить вамъ отчетъ о томъ, какое общее направленіе имѣетъ ваша статья въ моихъ понятіяхъ. Она выражаетъ: скорбь о томъ, что Русская внѣшняя политика въ дѣлахъ Европы находится не на первомъ планѣ. Что съ установленіемъ надъ Востокомъ не исключительнаго покровительства Россіи, а общеевропейскаго, положеніе Христіанъ не улучшается. Что нѣтъ дружнаго стремленія къ освобожденію Славянъ отъ ига, и что послѣ Восточной войны, изъ которой мы вышли не побѣдителями, незамѣтно энергическихъ мѣропріятій для того, чтобы застраховать себѣ побѣду, въ случаѣ будущей войны. Вотъ основныя точки вашей статьи, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ разсужденія. Такъ ли опредѣлъ я эти точки, рѣшите сами, но мнѣ кажется, что отъ нихъ происходитъ ваша скорбь. Теперь позвольте представить вамъ мой взглядъ на дѣло. Не понимаю, что за польза и выгода для народной жизни отъ внѣшняго политическаго полновѣсія страны, происходящаго не изъ уваженія къ странѣ, а изъ страха. Развѣ народу лучше будетъ жить на свѣтѣ, когда чей-либо посланникъ помѣстится за обѣдомъ, положимъ, у Англійской королевы, первымъ, а не седьмымъ. Неужели народная жизнь подвинется впередъ, когда въ слѣдствіе страха, нарождаемаго массою войскъ, будутъ спрашивать совѣта посланниковъ обо всемъ. Напротивъ, жизнь попятится назадъ; государству, упоенному обольщеніями внѣшней славы, не будетъ времени подумать о нуждахъ народныхъ. Пониженіе политическаго барометра часто бываетъ спасительно: оно приводитъ государство къ сознанію своихъ недостатковъ, а это, обнаруживая задержку гражданскаго развитія, требуетъ сообщенія народной жизни полной свободы въ дѣйствіяхъ.

„Грустно, что общее покровительство на Востокѣ не оправдываетъ обѣщаній, но, однакоже, нельзя сказать того, что бы это общее покровительство не было значительно полезнѣе прежняго исключительнаго. Доказательствомъ этого служитъ новое устройство Придунайскихъ Княжествъ. Вотъ самыя

живительныя для человѣчества основы этого устройства. Министры отвѣтственны. Никакой налогъ не можетъ быть взимаемъ безъ согласія собранія выборныхъ людей. Законы финансовые должны предаваться гласности. Молодоване и Валахи всѣ равны передъ закономъ. Никто не можетъ быть задержанъ, арестованъ или преслѣдуемъ иначе, какъ по закону. Всѣ привилегіи, исключенія или монополіи прекращены. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: выработались ли бы эти начала безъ общаго Европейскаго покровительства?

„Поговоримъ и о Славянахъ. Стремленіе къ освобожденію ихъ отъ ига—дѣло благородное и великое, но оно становится одностороннимъ, будучи направлено только къ заграничнымъ Славянамъ. Освобожденіе отъ ига нужно всѣмъ, а не однимъ Славянамъ, а изъ общаго стремленія къ тому выйдетъ уже само собою и Славянамъ освобожденіе. Но здѣсь опять вопросъ: слѣдовало ли Россіи заботиться о другихъ, когда она не дожила еще до освобожденія Костромскихъ, Ярославскихъ и т. п. Славяно-Руссовъ?

„Скорбь о неудачахъ послѣдней войны и желаніе прочныхъ военныхъ приготовленій, конечно, могло бы совмѣщаться съ общегражданскими выгодами, если бы послѣдняя война не наводила на такія мысли: успѣхъ на нашей сторонѣ послужилъ бы свидѣтельствомъ и утвержденіемъ безошибочности и увѣренности предшествовавшей системы, и тогда откуда бы явилось спасительное сознаніе ошибокъ и какъ бы раскрылись причины ихъ породившія?

„Вы сказали, что при взглядѣ на развалины Севастополя, безо всякихъ коментарій, наберешься жару по десять сраженій. Смотря на эти развалины, политыя кровью и уложенныя костьми человѣка, можно сказать и другое, напримѣръ: *Почто гибель сія бысть*. Мнѣ кажется, что Севастополь долженъ воодушевлять не къ военному, а къ гражданскому мужеству; въ немъ лежитъ грань между старымъ и новымъ... Отсюда Исторія должна начать другую книгу, написавъ заключеніе къ прошедшему и предисловіе къ будущему. Наше

настоящее время какъ разъ войдетъ въ это предисловное описаніе.

„Вы говорите, что Русскія моря сиротѣютъ безъ флота и Чесменскіе и Синопскіе герои взываютъ о мести.

„Вы полагаете, что Путятину предстоитъ назначеніе выполнить это отмщеніе, а для того ему слѣдуетъ формировать флотъ. Какой это флотъ, гдѣ онъ будетъ плавать? Въ моряхъ Балтійскомъ и Черномъ? Да это моря въ родѣ большихъ озеръ съ замкнутыми выходами; въ нихъ никогда не можетъ образоваться большой военный флотъ, а развѣ только береговой охранный, безъ всякихъ уже притязаній на соперничество съ тѣми флотами, которые изъ своихъ постовъ имѣютъ прямой выходъ въ океанъ.

„Въ наше время флотъ долженъ быть паровой, а для этого нужно устройство механическихъ заведеній; слѣдовательно, зачатіе и совершеніе флота зависитъ отъ развитія гражданской дѣятельности. Уничтоженіе Черноморскаго флота можетъ утѣшить тѣни героевъ Чесмы и Синопа тѣмъ, что оно повело за собою открытіе Чернаго моря для флага всѣхъ націй и это принесло существенную пользу приморскимъ городамъ и всему народонаселенію Новороссійскаго края, развитіемъ торговли.

„Какое вы употребили мѣткое выраженіе *Голубчики ко мнѣ! навались!* Сейчасъ всякій узнаетъ, что рѣчь идетъ о С. А. Хрулевѣ. Вы дѣлаете вопросъ: гдѣ онъ муштруетъ солдатиковъ? Слава Богу, нигдѣ не муштруетъ, а живетъ мирнымъ гражданиномъ.

„Россія внутри себя непобѣдима, если только во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни оправдается ваше многознаменательное выраженіе: *Сила не въ силѣ, а сила въ любви.*

„Во время военныхъ неудачь, мы чувствовали общее горе, не понявъ неисповѣдимыхъ путей Провидѣнія, но послѣ уразумѣли, что чрезъ это горе намъ суждено выйти изъ застоя. Руководствуясь этими мыслями, мы уже привѣтствовали въ Москвѣ на праздникахъ, въ честь защитниковъ Севастополя,

появленіе въ нашемъ горѣ могучаго будильника новой жизни, такъ зачѣмъ же къ этой жизни привязывать сокрушеніе о старой?

„Исторія имѣетъ свои раздѣленія, жизнь государственную и народную. Вы лучше всѣхъ это знаете. Неужели для украшенія страницъ первой, для внесенія въ нихъ побѣдъ, блестящихъ трактатовъ съ пріобрѣтеніемъ земель, городовъ и крѣпостей, нужно приносить въ жертву всѣ интересы другой жизни? Неужели Исторія государствъ такъ безжалостна, что ей ни почемъ людскія страданія, лишь бы сыскался въ старыхъ архивахъ матеріалъ для описанія побѣдъ и сопровождающихъ ихъ успѣховъ дипломаціи? Не лучше ли желать, чтобы политическій барометръ поднимался въ понятіяхъ Европы не отъ страха къ Русской силѣ, а отъ уваженія къ внутреннему устройству, къ общей равноправности передъ закономъ и покровительству и сочувствію искусствамъ, а главное къ ничѣмъ нестѣсняемой свободѣ въ дѣлахъ совѣсти, ученія, мысли и торговли. Не лежитъ ли теперь обязанность не только на Русскомъ словѣ, но и на самихъ побужденіяхъ сердца, даже на простой смышлености, содѣйствовать всѣми силами достиженію новаго добра. Тогда радости жизни не будутъ причиною отягощенія многихъ... Такое настроеніе мыслей сложилось во мнѣ изъ всѣхъ предшествовавшихъ событій и изъ смысла манифеста Александра II о прекращеніи войны. Окончу тѣмъ: намъ нужно обновиться въ нашихъ внутреннихъ настроеніяхъ и опредѣлить по новому значенію словъ: первенство, слава, доблесть, безъ этого исхода нѣтъ“.

Прочитавъ статью Погодина въ *Парусѣ*, И. И. Давыдовъ написалъ ему письмо (1 февраля 1859 г.), въ которомъ началъ съ себя. „Надо мною“,—писалъ онъ, — „совершилась благодать Божія, и вмѣстѣ съ тѣмъ воздана честь нашей ученой братіи.—Я назначенъ въ 8-й Департаментъ Сената: поэтому скоро, съ помощію Божіею увидимся“!... Сообщивъ это, Давыдовъ обращается къ статьѣ Погодина, и пишетъ: „За статью

вашу во 2-мъ № *Паруса* не могу не сдѣлать дружескаго упрека. Видно, живущіе на Дѣвичьемъ полѣ отвыкаютъ отъ того decorum, которое въ полетическихъ статьяхъ столько же важно, какъ и въ гостинныхъ."

Впечатлѣніе свое отъ чтенія статьи Погодина, графиня А. Д. Блудова выразила (15 февраля 1859 г.) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Окончательный ударъ уже умирающему *Парусу* точно нанесла ваша статья, но со всѣмъ не отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Вамъ тысячу разъ, господа, говорили, кого не дразнить, а вы хотите непремѣнно увлечь въ недавно-прошедшую колею Правительство. На что это? На что вѣчно подавать на доброе дѣло оружіе дурнымъ или тупымъ людямъ, одною неумѣренностію и несвоевременностію выраженій? Но ужъ вы все дуетесь на меня за то, что говорю вамъ правду, и тѣмъ доказываете, что для *всякаго человѣка* правда любезна только пока эта правда намъ пріятна, а какъ скоро она противорѣчитъ намъ, мы отвращаемся отъ нея... и если не можемъ *удалять* тѣхъ, которые ее говорятъ, то *удаляемся* отъ нихъ".

XLV.

Передъ самымъ выходомъ *Паруса*, Погодинъ получилъ изъ Петербурга слѣдующій листокъ, въ которомъ читаемъ: „Въ одинъ изъ четверговъ, въ которые собираются у государя министры, и именно 4 декабря 1858 года, разговоръ между княземъ Горчаковымъ и Чевкинымъ склонился къ слѣдующему предмету.

Чевкинъ: Жизнь наша бурное море; чтобы корабль вѣрнѣе держался на волнахъ, нужно какъ можно болѣе балласта.

Князь Горчаковъ: Помилуйте! Что вы говорите! Изъ всѣхъ кораблей при волненіи выбрасываютъ балластъ вонъ, чтобы корабль легко носило по волнамъ, а нашъ балластъ, мѣшающій легкому ходу,—цензура, и его надо выбросить.

Государь: Пожалуйста, продолжайте, господа, спорить о балластѣ и волнахъ; это очень интересно.

Чевкинъ: Недостаточно выбросить балластъ; надо умѣть войти въ пристань.

Князь Горчаковъ: Для этого нуженъ свѣтъ съ маяка.

Чевкинъ: Этого мало; надобно, чтобы при входѣ въ пристань не наткнуться на подводные камни.

Князь Горчаковъ: Какая же это пристань, когда около нея есть подводные камни? Значитъ, пристань и маякъ не у мѣста. Но, чтобы дотолковаться до того, гдѣ имъ быть, необходимо нужно пособіе гласности.

При этихъ словахъ, государь всталъ, и дружески пожалъ руку князю Горчакову; у Чевкина же затряслись генералъ-адъютантскіе аксельбанты, что и доказало государю дѣйствіе внутренней лихорадки отъ страха достичь до гласности".

Листокъ сей ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ взиралъ государь и на цензуру, и на гласность; но, не смотря на это, 5 февраля 1859 года, И С. Аксаковъ прислалъ Погодину собственноручно сдѣланную имъ копію съ нижеслѣдующей бумаги, отъ 31 января 1859 года, за № 259: „Господину управляющему Московскимъ Учебнымъ Округомъ. Дѣло о вышедшихъ въ свѣтъ двухъ первыхъ нумерахъ газеты *Парусъ*, издаваемой въ Москвѣ, надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Аксаковымъ, было мною предложено на обсужденіе Главнаго Управленія Цензуры, при чемъ я обратилъ вниманіе онаго на выраженное въ 1 № *Русской Газеты*, издаваемой въ Москвѣ отставнымъ капитанъ-лейтенантомъ Полемъ, сочувствіе къ направленію газеты *Парусъ*. Главное Управленіе Цензуры, разсмотрѣвъ представленныя Московскимъ Цензурнымъ Комитетомъ по дѣлу о газетѣ *Парусъ* объясненія, отъ 14 и 19 сего января, нашло, что изъ числа *четырехъ* неблагонамѣренныхъ статей сей газеты, *двѣ* (*о мѣщанахъ* и *вступительная статья* № 2-го) допущены къ печати, по представленію цензора титулярнаго совѣтника Капниста, Московскимъ Цензурнымъ Комитетомъ; *вступительная* статья

№ 1-го одобрена къ печати бывшимъ цензоромъ надворнымъ совѣтникомъ Крузе, но узаконенный билетъ на выпускъ изъ Типографіи газетнаго нумера, въ которомъ она помѣщена, выданъ также Комитетомъ, по представленію Капниста; статья академика Погодина одобрена къ печати Капнистомъ собственною властью; *нумеръ 1-й Русской Газеты*, въ которой ея редакторъ выразилъ полное сочувствіе направленію *Паруса*, одобренъ къ печати цензоромъ надворнымъ совѣтникомъ Гиляровымъ-Платоновымъ.

„Главное Управленіе Цензуры нашло доставленныя по сему дѣлу изъ Московскаго Цензурнаго Комитета объясненія неудовлетворительными и признало виновными: 1) Издателя и редактора газеты *Парусъ*, надворнаго совѣтника Ивана Аксакова, который употребивъ во зло всемилостивѣйше возвращенное ему право быть редакторомъ періодическаго изданія, въ самыхъ первыхъ статьяхъ своей новой газеты обнаружилъ предосудительное направленіе, издѣваясь надъ цензурой, возбуждая открыто ей сопротивленіе и доказывая необходимость свободнаго обсужденія существующихъ у насъ учрежденій, недопускаемаго нашими законами, — и потому онъ не заслуживаетъ довѣрія, какъ издатель газеты, могущей вредно дѣйствовать на общественное мнѣніе. 2) Московскій Цензурный Комитетъ, который одобрилъ къ печати статью въ 1 № *Паруса* (*Нѣсколько словъ мѣщанина о мѣщанахъ*), недозволительную по духу осужденія и сарказма, съ которымъ въ ней говорится о существующихъ узаконеніяхъ касательно мѣщанскаго сословія, — и *вступительную* статью 2-го №, которая содержитъ въ себѣ охужденіе на настоящее, рѣзкія выходки противъ современныхъ правительственныхъ учрежденій и улучшеній, съ дерзостью предсказывая имъ неуспѣхъ; наконецъ допустилъ выпускъ въ свѣтъ предосудительной *вступительной статьи* № 1-го, одобренной къ печати бывшимъ цензоромъ Крузе и потому требовавшей особенной осторожности. 3) Цензора титулярнаго совѣтника Капниста, который допустилъ къ печати, во 2 № *Паруса*, статью академика

Погодина, содержащую въ себѣ ѣдкое униженіе нашей иностранной политики и непозволительное вмѣшательство частнаго лица въ виды и соображенія Правительства, не представивъ даже на разсмотрѣніе Комитета эту статью, которая уже и тѣмъ должна была возбудить сомнѣніе въ цензорѣ, что не подходила подъ программу *Паруса*, недопускающую политики. Подобное отсутствіе такта указываетъ на недостаточность цензорской способности въ титулярномъ совѣтникѣ Капнистѣ. 4) Редактора *Русской Газеты*, капитанъ-лейтенанта Поля, который одинъ изъ всѣхъ издателей журналовъ и газетъ въ обѣихъ столицахъ поторопился изъявить самое пылкое сочувствіе направленію, выраженному въ № 1 *Паруса*. 5) Цензора надворнаго совѣтника Гилярова-Платонова, допустившаго къ печати означенную статью редактора *Русской Газеты*.

„Посему Главное Управленіе Цензуры опредѣляетъ: 1) Изданіе газеты *Парусъ* прекратить; 2) Московскому Цензурному Комитету сдѣлать выговоръ; 3) Цензора титулярнаго совѣтника Капниста предоставить мнѣ употребить къ болѣе соотвѣтственной его способностямъ должности; 4) Редактору *Русской Газеты* сдѣлать строгое предостереженіе, что въ случаѣ повторенія въ его газетѣ подобныхъ статей, обнаруживающихъ сочувствіе къ направленію неблагонамѣренному, газета его будетъ подвержена запрещенію; 5) Цензору Гилярову-Платонову сдѣлать строгій выговоръ.

„О таковомъ опредѣленіи Главнаго Управленія Цензуры, я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать его императорскому величеству, и государь императоръ, въ 29 день сего января, высочайше повелѣть соизволилъ привести оное во исполненіе. Подписалъ: Министръ Народнаго Просвѣщенія Евграфъ Ковалевскій“ [167]).

Прочитавъ эту бумагу, Погодинъ, подъ 5-мъ же февраля 1859 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Воспламенился и написалъ громовое письмо къ министру“.

Вотъ содержаніе письма Погодина: „Милостивый Государь

Евграфъ Петровичъ, получивъ извѣстіе о признаніи статьи моей, подъ заглавіемъ: *Прошедшій годъ въ Русской Исторіи*, напечатанной въ 2 № газеты *Парусъ*, неблагонамѣренной, въ числѣ статей, кои побудили Главное Управленіе Цензуры прекратить изданіе означенной газеты, считаю необходимымъ представить слѣдующее объясненіе вашему высокопревосходительству.

„Въ отношеніи вашемъ на имя управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ, отъ 31 января, за № 259, статья моя подвергается двумъ обвиненіямъ: 1) За ѣдкое униженіе нашей иностранной политики и 2) За непозволительное вмѣшательство частнаго лица въ виды и соображенія Правительства.

„Противъ перваго обвиненія имѣю честь объяснить, что статья моя не только не заключаетъ никакого униженія нашей иностранной политики, но напротивъ, воздаетъ ей совершенную и безусловную хвалу, согласно съ прежними объ ней моими отзывами. Осмѣливаюсь привести въ доказательство неопровержимое слѣдующія слова, коими заключается первая часть статьи:

Что дѣлаетъ Россія на поприщѣ Европы и т. д... *во благо Европѣ и человѣчеству.*

„Спрашиваю всякаго безпристрастнаго читателя: можно ли выразить одобреніе яснѣе и полнѣе? Согласно съ этими словами и въ самомъ приступѣ статьи сказано: *Русская внѣшняя политика вездѣ молчитъ, или махаетъ рукою. Она поступаетъ прекрасно.*

„Спрашиваю, можетъ-ли оставаться сомнѣніе послѣ такихъ категорическихъ положеній въ мнѣніи моемъ о дѣйствіяхъ внѣшней политики, извѣстныхъ по газетамъ. Но есть ея дѣйствія, по газетамъ неизвѣстныя. Я не отрицаю ихъ и готовъ назвать еще прекраснѣйшими, когда онѣ поступятъ во всеобщее свѣдѣніе.

„Угодно-ли вашему высокопревосходительству, чтобъ я открылъ даже свою тайную мысль при шутливыхъ разсужде-

ніяхъ о дѣйствіяхъ Англичанъ въ Турціи и Греціи, Французовъ—въ Молдавіи и Валахіи, Австрійцевъ—въ Черногоріи? Вотъ она: Чортъ васъ возьми, думалъ я про себя, судите и рядите, какъ хотите; мы молчимъ теперь, но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

„Какъ профессоръ, преподававшій 25 лѣтъ Политическую Исторію и знакомый ex officio со всѣми ея событіями, со всѣми министрами и ихъ тайнами даже до настоящихъ минутъ, если не до настоящей минуты, я считалъ себя въ правѣ имѣть свое мнѣніе о политикѣ, какъ предметѣ науки, и объявлять его во всеуслышаніе, не преклоняясь предъ авторитетами никакого Гизо, никакого Метерниха и никакого Несельроде.

„Надѣясь, что дальнѣйшаго толкованія о первой половинѣ моей статьи, послѣ открытія даже и тайной, задушевной мысли, болѣе не нужно, перехожу къ второму обвиненію: о непозволительномъ вмѣшательствѣ частнаго лица въ виды и соображенія Правительства.

„Тему, предметъ второй половины статьи составляетъ мысль, что Россія должна заботиться больше всего объ оборонительныхъ средствахъ въ настоящую минуту, когда всѣ Европейскія государства, даже дружныя между собою, принимаютъ подобныя мѣры въ огромныхъ размѣрахъ.

„Я счелъ невозможнымъ высказать эту мысль прямо, по взыскательному иногда образу дѣйствій нашей цензуры, и потому завернулъ ее въ вопросъ, что дѣлаютъ Тотлебенъ, Путятинъ, Хрулевъ, князь Меншиковъ, князь Горчаковъ и пр.? Неужели въ такой мысли и подъ такою формою есть вмѣшательство въ виды и соображенія Правительства?

„Такое вмѣшательство можно показать на всѣхъ страницахъ нашей печати, и не найдется ни одного порядочнаго Русскаго человѣка, который бы не восклицалъ, не говорилъ, не желалъ, не молился, чтобъ наши воины были побѣдоносны, чиновники справедливы, священники благочестивы, писатели благоразумны, чтобъ наши крѣпости были неприступны, училища просвѣтительны и пр.

„Во всѣхъ нашихъ газетахъ, журналахъ и книгахъ встрѣчаются ежедневно эти мысли въ безчисленныхъ формахъ, и онѣ не только не показываютъ непозволительнаго вмѣшательства частныхъ лицъ въ виды и соображенія Правительства, но служатъ доказательствомъ возникшаго благотворнаго сердечнаго участія гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ, которому нельзя не радоваться. Приводимые къ присягѣ предъ крестомъ и евангеліемъ, мы клянемся дѣлать и говорить все что считаемъ для Отечества полезнымъ. Неужели эти слова должно считать словами и не думать о приложеніи ихъ къ жизни?

„Не далѣе какъ вчера было у насъ вездѣ перепечатано письмо г. Непира къ первенствующему въ Англіи министру графу Дерби, въ которомъ г. Непиръ настоятельно требуетъ собранія резервовъ, умноженія кораблей, распространенія укрѣпленій, однимъ словомъ принятія самыхъ дѣятельныхъ военныхъ мѣръ. Что же—англичанинъ можетъ, выдумывая опасности, призывать Правительство къ оружію,—и мы отдаемъ полную справедливость его заботливости, хотя изъ Портсмута, Плимута, Дувра не унесено никѣмъ ни одного камешка, и Англія съ Франціей обнимаются безпрестанно дружески; англичанинъ, повторяю, можетъ говорить что угодно, а русскій не смѣй и заикнуться о развалинахъ Севастополя?

„Самъ покойный императоръ Николай, въ письмѣ своемъ къ Наполеону, упомянулъ, какъ должно было забиться Русское сердце у всѣхъ его подданныхъ, при появленіи иностраннаго флота въ Черномъ морѣ. Неужели это сердце успокоилось, въ продолженіе 11 мѣсячной осады Севастополя? Нѣтъ, оно билось со всякимъ днемъ сильнѣе и сильнѣе, больнѣе и больнѣе. Когда Англійскимъ и Французскимъ порохомъ подняты были на воздухъ труды четырехъ царствованій, облитые чистѣйшею кровью Корнилова, Нахимова, Истомина и ихъ незабвенныхъ сподвижниковъ, оно замерло; но оно не можетъ еще по временамъ не испускать тяжкаго вздоха, хотя бы этотъ тяжкій вздохъ и показался докучнымъ диссонансомъ

Петербургскимъ охотникамъ до Итальянскихъ арій! Горе, если такой вздохъ, т.-е., легкое напоминаніе о нашей потерѣ, назовется вмѣшательствомъ частнаго лица въ виды и соображенія Правительства. Въ Молдавіи, Валахіи, Турціи, Сербіи такъ ужъ не думаютъ. Россія есть общее наше Отечество, она принадлежитъ нравственно всѣмъ намъ одинаково. Ея болѣзнь, какъ и здравіе, всякое частное лицо ощущаетъ въ равной степени — и благо той странѣ, въ которой всѣ граждане, государь и народъ чувствуютъ какъ одинъ человѣкъ. Такая страна только и сильна, и счастлива, и достойна своего счастія. Неужели монополія мысли, чувства, любви къ Отечеству, должна принадлежать только извѣстному персоналу, у котораго можетъ иногда встрѣтиться даже очевидный недостатокъ въ мысли, чувствѣ и любви.

„Въ необходимости укрѣпленія, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ необходимостяхъ, я убѣжденъ какъ русскій, какъ гражданинъ, какъ историкъ, какъ внимательный наблюдатель текущихъ событій. Моимъ убѣжденіямъ посчастливилось или лучше сказать, понесчастливилось оправдаться нѣсколько разъ на самомъ дѣлѣ, что утвердило меня еще болѣе въ ихъ истинѣ, и я считаю гражданскимъ долгомъ заявлять ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

„Еслибъ Главное Управленіе Цензуры, по чьему бы то ни было совѣту или доносу, заимствовавъ орудіе изъ подваловъ Испанской инквизиціи, оставленныхъ въ наслѣдство Торквемадою, опредѣлило вырвать у меня языкъ, такъ я выучился бы пантомимѣ и пантомиму мою настоящіе чистые Русскіе люди поняли бы лучше всякаго ученаго и краснорѣчиваго разсужденія.

„Спросятъ, почему я, именно я, принимаю такъ къ сердцу то или другое событіе?

„Потому, что я сорокъ лѣтъ занимаюсь Русской Исторіей, потому, что я ежедневно питаюсь ею, какъ насущнымъ хлѣбомъ, и потому что она сдѣлалась моею плотью, моею кровью.

„Въ продолженіе послѣдней войны написалъ я записокъ двад-

цать, кои передавались покойному государю его сыномъ, нынѣшнимъ нашимъ государемъ. Во всѣхъ этихъ запискахъ, изъ коихъ иныя разсыпались въ тысячахъ экземпляровъ по всей Россіи, я говорилъ одно и тоже, что сказалъ въ послѣдней, полушутливой статьѣ моей. Покойный государь, получивъ еще прежде вѣрное свидѣтельство моей благонамѣренности, отдавалъ справедливость моему искреннему образу дѣйствій и выражалъ мнѣ свою признательность.

„А теперь меня называетъ неблагонамѣреннымъ Главное Управленіе Цензуры. Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, въ благонамѣренности я не уступлю никому на свѣтѣ; 20 лѣтъ я издавалъ журналъ, 25 лѣтъ я преподавалъ Исторію, я издалъ книгъ больше, чѣмъ иному пришлось прочесть ихъ, тысячи моихъ учениковъ разсѣяны по всѣмъ городамъ Русскимъ: извольте распросить кого угодно, поручите пересмотрѣть мои лекціи, перечесть мои сочиненія — и вы не найдете ни одного слова, за которое я долженъ былъ бы отвѣчать совѣсти, и вмѣстѣ которое находилось бы въ противорѣчіи съ послѣднею моею статьею. Приближаясь къ концу своего поприща, на шестидесятомъ почти году, я не позволю никому относиться легко къ моей гражданской чести, которую я берегу какъ зеницу ока, вмѣстѣ съ знакомъ сорокалѣтней безпорочной службы, не думая и не заботясь ни объ какихъ наградахъ, остававшихся всегда въ долгу у Правительства. Я требую суда, я прошу ваше высокопревосходительство, сообщить это письмо Главному Управленію Цензуры, дабы оно, разсмотрѣвъ и уваживъ вышепредложенныя мои доказательства, отмѣнило свое первое рѣшеніе, позволило мнѣ перепечатать статью въ настоящемъ ея видѣ, и исходатайствовало у государя императора законное для меня удовлетвореніе въ нанесенномъ мнѣ, по недоразумѣнію, оскорбленіи.

„Государь, обремененный тысячами дѣлъ, одно другаго важнѣе, среди безпрерывныхъ заботъ о трудностяхъ настоящихъ мудреныхъ обстоятельствъ, могъ не прочитать моей статьи или не вникнуть въ настоящій смыслъ ея, могъ по-

ложиться на какія-нибудь недостаточныя выписки, злонамѣренныя указанія или кривыя толкованія, кои, къ несчастію, слышатся нерѣдко. Я прошу ваше высокопревосходительство, представить ему дѣло въ настоящемъ свѣтѣ по предложеннымъ моимъ объясненіямъ. Письмо мое изъ частной жалобы можетъ, такимъ образомъ, сдѣлаться страницею Исторіи. Какъ министръ Просвѣщенія, вы лучше всѣхъ должны разумѣть духъ нашего времени и тотъ переворотъ, который произошелъ въ нашихъ понятіяхъ и оцѣнкахъ людей и дѣяній. Какъ министръ Просвѣщенія, вы должны знать, какую силу и значеніе со всякимъ днемъ пріобрѣтаетъ слово, въ самой Россіи, не только въ Европѣ, съ которою она соединилась не однѣми желѣзными дорогами и электрическими телеграфами, но тѣломъ и душою. Можно-ли писателей нынѣ traiter en canaille? Въ длинной аудіенціи, вы объясните государю, какъ важенъ настоящій частный случай, почему имъ дорожить и воспользоваться должно, сколько любви и довѣренности къ нему прибавится гуманнымъ рѣшеніемъ, отъ всѣхъ истинныхъ друзей Отечества, передовыхъ людей, а не тѣхъ зачерствѣлыхъ, заматорѣлыхъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ—придворныхъ, которые сбиваютъ его съ царскаго пути, и ведутъ, слѣпцы... куда? Я увѣренъ, что онъ, благодушный, пойметъ, велитъ удовлетворить меня блистательнымъ образомъ, поколику я имѣю заслуги и права, и ясно покажетъ ту готовность на всякое добро, которая пріобрѣла ему сердца при вступленіи его на престолъ.

„Если же государь, паче чаянія, не отдастъ мнѣ должной справедливости, я пожалуюсь на него—ему самому, и покажу примѣръ, что въ наше время, и въ монархическомъ неограниченномъ правленіи, голосъ оскорбленнаго чувства, голосъ оскорбленнаго нравственнаго достоинства можетъ раздасться, достигнуть высоты и пріобрѣсти общее сочувствіе, не смотря ни на какія стѣснительныя мѣры посредствующихъ властей. Имя Александра II-го потому-то уже и озаряется лучами безсмертія въ Исторіи, что съ нимъ соединяется умственное и нравственное возрожденіе 60 милліоновъ даровитѣйшаго въ

свѣтѣ народа, который чрезъ 1000 лѣтъ, достигая при немъ совершеннолѣтія, разверзаетъ наконецъ свои уста, столь долго семью печатями запечатлѣнныя. Я имѣю счастіе принадлежать къ этому народу и жить въ это время.

„Предъявивъ мои права, я долженъ принести покаяніе вашему высокопревосходительству и въ своихъ винахъ. Мои вины, мною впрочемъ по слабости человѣческой несознаваемыя, могутъ относится къ незнанію свѣтскихъ приличій, къ жесткости и грубости рѣчи, которая доходитъ иногда, говорятъ, до дерзости. Во всѣхъ прежнихъ моихъ запискахъ, писанныхъ однимъ тономъ, и даже въ послѣдней полушутливой статьѣ, я коснулся самъ этихъ недостатковъ и просилъ извиненія. Человѣкъ кабинетный, занимающійся болѣе съ книгами, чѣмъ съ людьми, точно, я выражаюсь иногда слишкомъ рѣзко, особенно когда говоритъ моя кровь и дѣло касается Русской Исторіи. Скажу болѣе,—я могу ошибаться, я могу увлекаться любимыми своими мыслями; судите меня по закону, я приму съ совершенной покорностію всякое наказаніе, снесу его терпѣливо, но не называй никто моей статьи неблагонамѣренной. Ни одной страницы не пускалъ я безъ своего имени, и ни одной строки не напечаталъ нигдѣ тайно—вотъ осязательное доказательство, что хотѣлъ служить своему Отечеству по крайнему своему разумѣнію открыто, чисто и честно, если и грубо и дерзко“.

Подъ симъ письмомъ Погодинъ подписался слѣдующимъ образомъ: „Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ; Ординарный Академикъ; Почетный Членъ: Императорскаго Московскаго Университета, Публичной Библіотеки въ Петербургѣ, Аграмскаго Общества Древностей; Дѣйствительный Членъ Обществъ: Московскаго—Исторіи и Древностей, Петербургскаго—Географическаго и Нумизматическаго, Казанскаго—Любителей Россійской Словесности, Одесскаго — Археологіи и Древностей, Копенгагенскаго—Сѣверныхъ Антикваріевъ, Статистическаго Отдѣленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; доктора философіи Пражскаго Университета; временный предсѣдатель Мо-

сковскаго Общества Любителей Россійской Словесности, и проч., и проч., и проч.

Михаилъ Погодинъ" [168]).

XLVI.

Письмо свое къ министру Народнаго Просвѣщенія, до отправленія по адресу, Погодинъ прочелъ многимъ въ Москвѣ. Не смотря на свою размолвку съ И. С. Аксаковымъ, Погодинъ отправилъ письмо для прочтенія умирающему отцу его. „Сергѣй Тимоѳеевичъ васъ обнимаетъ",—писала Погодину О. С. Аксакова,—„выслушалъ вашу записку съ большимъ участіемъ, но ничего въ отвѣтъ сказать не можетъ, потому что ужасно страдаетъ, и мы всѣ безъ головы, а Константинъ просто боленъ". Въ *Дневникѣ* же своемъ, подъ 6 и 10 февраля 1859 года, Погодинъ записалъ: „Прочелъ письмо Коршу и Бабсту. Вечеромъ перечелъ и исправилъ. Рѣшился смягчить. Письмо производитъ эффектъ".

„Сдѣлай милость",—писалъ Погодину Шевыревъ,—„пришли мнѣ письмо твое къ министру. Это одно изъ лучшихъ твоихъ произведеній... Слышалъ ли ты, что Строгановъ будетъ министромъ".

Перечитавъ еще разъ въ *Парусѣ* статью Погодина, Шевыревъ писалъ ему: „Министръ могъ обидѣться лично указаніемъ на университеты и въ этомъ только увидѣлъ вмѣшательство въ виды Правительства. А въ прочемъ рѣшительно не къ чему придраться. Могъ показаться обиденъ тонъ насмѣшки—и въ этомъ отношеніи я предпочелъ бы искренній тонъ скорби и слезъ—потому что въ самомъ дѣлѣ смѣяться-то не чему, а вѣдь скорѣе надобно плакать... Ковалевскій—министръ Народнаго Просвѣщенія! Я думаю, ему кажется, что онъ во снѣ министромъ. Думалъ ли онъ когда-нибудь объ такомъ мѣстѣ". Въ концѣ-концовъ Шевыревъ писалъ: „Письмо твое производитъ вездѣ восторгъ, гдѣ ни читается—и это, конечно, есть одно изъ самыхъ утѣшительныхъ

явленій нашего времени, явленій, которыми мы обязаны доброму сердцу нашего государя. Пора исчезнуть людямъ, которые еще не понимаютъ его и портятъ добро, имъ посѣваемое. Пора всѣмъ, желающимъ добра Россіи, идти прямо къ его сердцу, стать передъ нимъ лицомъ къ лицу... Пишу къ тебѣ это въ день его восшествія на престолъ . . . ровно годъ спустя послѣ того, какъ враги его славы запретили намъ собраться вмѣстѣ и пить въ славу трехлѣтія его царствованія! Ковалевскій разоряетъ Просвѣщеніе въ Отечествѣ... Ты обезсмертилъ его письмомъ своимъ".

На именинахъ у А. П. Елагиной, Погодинъ встрѣтился съ С. Д. Полторацкимъ, который выразилъ ему свой „восторгъ и восхищеніе", и черезъ нѣсколько дней выразилъ это и письменно: „Съ благодарностію возвращаю гражданину—гражданскимъ мужествомъ проникнутое письмо, и повторяю выраженные уже ему восторгъ и восхищеніе. Преданнѣйшій 1½" *) [169]).

8 февраля 1859 года, Погодинъ окончательно переписалъ свое письмо и отправилъ по назначенію.

Объ успѣхѣ письма въ Петербургѣ мы узнаемъ изъ *Дневника* Погодина: Подъ *17 февраля 1859 года*: „Извѣстіе о восторгѣ отъ письма въ Петербургѣ".

— *20* — — —: „Письмо разсыпалось вездѣ и производитъ эффектъ".

— *21* — — —: „Извѣстіе объ успѣхахъ письма".

— *22* — — —: „Перечитывалъ съ самоасклабеніемъ свое письмо".

— *28* — — —: „Слухи о дѣйствіяхъ письма благопріятные".

До Погодина дошелъ даже слухъ, что когда письмо его было представлено министромъ государю, то онъ сказалъ: *Министромъ сдѣлать не могу, а въ Сибирь послать не хочу.*

---

*) Такою монограмою Полторацкій иногда подписывалъ свою фамилію. *Н. Б.*

Оставить такъ [170]). Но слухъ этотъ оказался невѣрнымъ, и самъ Погодинъ, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 25 апрѣля 1859 г., записалъ: „Тютчевъ объявилъ рѣшительно, что слухъ объ отзывѣ государя выдуманный. Онъ промолчалъ. Совѣтуетъ ѣхать за границу и печатать тамъ“ [170]).

Въ Архивѣ Погодина сохранилось два письма къ нему историка царевны Софіи, П. К. Щебальскаго, въ то время переселившагося изъ Москвы въ Петербургъ. Въ нихъ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о впечатлѣніи, произведенномъ въ Петербургѣ письмомъ Погодина къ министру Народнаго Просвѣщенія.

18 февраля 1859 года, Щебальскій писалъ: „Ѳ. И. Тютчевъ давалъ мнѣ прочесть письмо ваше по поводу послѣдней вашей статьи;—да, впрочемъ, оно ходитъ по городу и читается всѣми интересующимися судьбою Русской Литературы и вообще Россіи. Зная по своему положенію лучше многихъ чего опасаться и чего желать ей (Литературѣ) надобно, я читалъ письмо ваше съ бо̀льшимъ участіемъ и съ бо̀льшимъ пониманіемъ, нежели многіе, но былъ прискорбно пораженъ однимъ мѣстомъ,—именно гдѣ вы говорите о томъ, что свѣдѣнія о Литературѣ доходятъ до Правительства посредствомъ доносовъ и *выписокъ*. О комъ думали вы, ставя послѣднее слово? Я составляю извлеченія изъ журнальныхъ статей для прочтенія государя; но тѣ, которые читали эти извлеченія, знаютъ, что о нихъ нельзя упоминать, рядомъ съ доносами. Въ первый разъ какъ вы будете въ Петербургѣ, можете сами въ томъ удостовѣриться. Да чего либо подобнаго доносу не потерпѣлъ бы Евграфъ Петровичъ *), которому я предоставляю свою работу; Тютчевъ не сталъ бы рекомендовать меня для этого занятія, если бы считалъ меня способнымъ обратить перо мое противъ Литературы. Вы, конечно, не назвали меня, стало быть я не имѣю никакого права обижаться, но если вы меня подозрѣвали,—стыдно

*) Ковалевскій. *Н. Б.*

вамъ, грѣхъ вамъ! А что я принимаю это на свой счетъ, то это потому, что, къ сожалѣнію, очень распространилось мнѣніе, что мои выписки входятъ въ кругъ дѣйствій извѣстнаго Комитета. Онѣ вовсе не имѣютъ съ нимъ общаго, идутъ совершенно другимъ путемъ (черезъ министра Народнаго Просвѣщенія) и составитель ихъ такъ же мало похожъ на агентовъ этого Комитета, какъ Ковалевскій на тушителя и обскуранта. Очень прискорбно мнѣ, если вы такимъ образомъ меня разумѣете, вы, съ которымъ я проводилъ вдвоемъ не одинъ часъ, не одинъ вечеръ... Или вы, также какъ многіе, не вѣрите никакой искренности, никакому самостоятельному убѣжденію?.. Невыгодная рекомендація этотъ скептицизмъ для того, кто имъ одержимъ и плачевный симптомъ, если онъ проникаетъ все общество, какъ у насъ въ настоящее время!.. Я три года съ половиною служилъ Московскому обществу, спалъ пять часовъ въ сутки, и въ благодарность былъ ославленъ взяточникомъ. Теперь выискалъ постъ, на которомъ могу служить Литературѣ,—и попадаю въ доносчики... Лестно служить такому обществу, такой Литературѣ. Пламенно желалъ бы ошибиться въ моемъ подозрѣніи и убѣдиться, что ваше благородное письмо не имѣло въ виду меня, именно потому желалъ бы, что уважаю васъ".

Въ отвѣтъ на объяснительное письмо Погодина, Щебальскій 28 февраля отвѣчалъ: „Очень вамъ благодаренъ, почтенный Михаилъ Петровичъ, за письмо ваше, которое меня успокоило. Благодаренъ Каткову, который, какъ видно, заявлялъ мое письмо при случаѣ. Вы хотите, чтобъ я сказалъ вамъ что-нибудь о письмѣ вашемъ; извольте, сообщу то немногое, что знаю.....

...... Что касается до письма вашего, то при томъ направленіи, при которомъ вышеприведенные слухи принимаютъ какъ вѣроподобные, оно не могло встрѣтить благосклоннаго пріема. Впрочемъ, этотъ *иксъ*, про котораго вы пишете, какъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ благородный, далъ ему, какъ слышалъ, желаемый вами ходъ; но, кажется,

это ни къ чему не привело. Вы спрашиваете, что говорятъ о письмѣ вашемъ? Что̀ могутъ говорить тѣ, которые находятъ, что *не наше дѣло* желать, чтобы суды были у насъ хороши, чтобъ будочники не дрались и становые не притѣсняли?.. Люди, интересующіеся судьбами Литературы и Просвѣщенія прочли его и многіе переписали и сложили въ архивъ *непечатной Литературы*, которая со временемъ будетъ очень печальнымъ документомъ для будущаго историка нашего Отечества!.. Что касается собственно до меня, то я думаю, что вы могли бы выразить все то, что сказано, и повторить это десять разъ, еслибъ выразили иначе. Повѣрьте, что *словъ* здѣсь боятся больше, чѣмъ идей. Посмотрите на *Русскій Вѣстникъ*: еслибъ онъ заговорилъ о томъ, о чемъ всегда говоритъ тономъ, который вы употребили, давно мы пѣли бы по немъ панихиды,—а при извѣстной ловкости выраженій онъ еще слава Богу здравствуетъ. Теперь, если вы руководитесь желаніемъ сдѣлать какъ можно больше добра обществу,—взвѣсьте что̀ полезнѣе: разъ высказать рѣзкимъ образомъ истину, и потомъ быть принужденнымъ къ молчанію, или, принудивъ себя къ нѣкоторой сдержанности (что весьма тягостно, конечно), пріобрѣсть право говорить постоянно полезныя обществу истины?.. Скажу вамъ болѣе, очень немалочисленная часть публики (не самая просвѣщенная конечно, но едвали не самая вліятельная), раздѣляетъ негодованіе властей противъ Литературы. Въ теченіе зимы я имѣлъ случай видѣть множество Костромичей, Смольянъ, Псковичей и вашихъ Москвичей помѣщиковъ, людей независимыхъ,—которые горько жаловались на журналистику, и преслѣдуя ее, Правительство имѣетъ за себя если не просвѣщеннѣйшую, то, повторяю, едва ли не вліятельнѣйшую часть публики... Очень любопытно мнѣ знать, какъ вы примете все мною высказанное!.. Мнѣнія умѣренныя обыкновенно подозрительны и въ станѣ ультра-консерваторовъ, и въ станѣ ультра-прогрессистовъ,—а между тѣмъ, только умѣренный, но неослабный прогрессъ составляетъ все величіе Англіи; онъ

только *дѣло дѣлаетъ*, какъ вы однажды выразились!.. Вѣроятно вы знаете о стараніяхъ воскресить феникса изъ пепла *Паруса*, но знаете ли вы, что одинъ литераторъ съ очень почтенною репутаціей поступитъ (можетъ быть) въ таинственный тріумвиратъ, который тогда превратится въ *квартетъ*. Зная его близко, я полагаю, что это благородный поступокъ съ его стороны, но сомнѣваюсь, чтобы голосъ его могъ имѣть какое-нибудь значеніе и боюсь, что честная репутація его только пострадаетъ. Имени его не имѣю еще право сказать. Очень обязали бы меня, почтенный Михаилъ Петровичъ, если бы на это длинное письмо отозвались хоть однимъ словомъ" [171]).

16 марта 1859 года, П. А. Плетневъ писалъ къ князю П. А. Вяземскому: „Погодинъ, между прочимъ, тоже помогъ спуску *Паруса*. Онъ набросалъ во второмъ его номерѣ нѣсколько вопросовъ, вызывая власти на отвѣтъ, напримѣръ, „Что̀ дѣлаетъ Тотлебенъ? Отъ чего не слышно про Хрулева? Гдѣ Путятинъ? и тому подобное. Когда ему сдѣлано было отъ министра неодобрительное замѣчаніе, онъ не принялъ его и настаиваетъ, чтобы прежде подвергли его слѣдствію и суду" [172]).

Но вотъ что̀ писалъ Погодину, 24 марта 1859 года, князь В. Ѳ. Одоевскій: „За *Парусъ* я вступался сколько было силъ, къ сожалѣнію, тщетно, разумѣется не ради нѣжности къ нему, но потому, что это запрещеніе отнимаетъ у меня возможность отвѣчать на его нелѣпости вообще и на гадость въ отношеніи ко мнѣ въ особенности. Да это бы еще ничто; но какъ вамъ могло прійти въ голову, что такія вещи *уже можно* на Руси печатать. Великій вы вредъ сдѣлали; вы дали опору всѣмъ врагамъ гласности и воспрепятствовали ея нормальному, органическому развитію; если Правительство убѣдилось въ ея пользѣ,—вы съ своей стороны показали фактомъ, что эта польза не безусловна. Большое горе для насъ всѣхъ, что вы умные люди, а чутья у васъ нѣтъ. Богъ знаетъ, какъ это теперь поправить. Исторія Польскаго *Слова* есть естественное слѣдствіе Исторіи *Паруса*; не вините никого, кромѣ самого себя. Грустно и досадно" [173]).

XLVII.

Мысль объ основаніи Польскаго органа въ Петербургѣ принадлежитъ К. Д. Кавелину. Безпокойство о томъ, что „Польскій вопросъ есть опасная туча на горизонтѣ Россіи", не покидало Кавелина, и онъ „пытался противодѣйствовать предусматриваемому злу". Для разъясненія набѣгающихъ тучъ, Кавелину, по свидѣтельству В. Д. Спасовича, „представлялось цѣлесообразнымъ пойти съ Русской стороны на встрѣчу Полякамъ, протянуть имъ руку, стараться о созданіи настоящей Русской партіи среди Польскаго общества. Эта партія, по искреннимъ патріотическимъ Польскимъ убѣжденіямъ, могла бы, при извѣстныхъ условіяхъ, держать сторону Россіи. Возможность дружескаго житья и сближенія обусловливалась, съ точки зрѣнія Кавелина, тѣмъ, какими своими частями, направленіями и партіями будутъ сближаться обѣ національности. Сблизится ли Польское панство съ Русскимъ барствомъ? Изъ такого сближенія можетъ только выйти тупѣйшая реакція. Сблизятся ли Польскіе революціонеры съ Русскими? Въ результатѣ получатся только разрушенія и пожаръ. Но Польская демократія можетъ и должна сблизиться съ Русскою, на условіяхъ гражданской равноправности и на либеральной почвѣ, подъ кровомъ Русскаго Государства". Кавелинъ говорилъ Полякамъ: „Вамъ нечего дорабатываться вновь до своего собственнаго государства, которое физически невозможно. Намъ съ вами невозможно размежеваться. Не лучше ли вамъ помириться съ нами искренно и безъ заднихъ мыслей, отречься отъ всякихъ повстаній, рѣшиться дѣйствовать лишь вполнѣ легально и получить затѣмъ полный просторъ въ вашемъ языкѣ, вѣрѣ и культурѣ".

Такова была, внушенная Кавелинымъ, программа и идея новаго Польскаго органа, основаннаго въ Петербургѣ.

При содѣйствіи Кавелина, близкій пріятель его Огрызко,

получилъ разрѣшеніе на ежедневную газету на Польскомъ языкѣ,—подъ заглавіемъ *Слово*, въ направленіи, которое, по теперешнему времени и его терминологіи, можно бы назвать *примирительнымъ* [174]).

Какъ переиздатель *Volumina legum*, Огрызко былъ извѣстенъ и Русскому ученому міру. 3 октября 1859 года, Безсоновъ писалъ Погодину: „Податель хочетъ познакомиться съ вами: молодой и прекрасный ученый, изъ Кракова, пріятель Огрызко, издателя *Volumina legum* [175]).

„Огрызко, — по свидѣтельству В. Д. Спасовича, — былъ человѣкомъ безъ средствъ, но деньги на изданіе безъ затрудненія нашлись. Газета пріобрѣла также значительную поддержку въ литераторахъ Польскихъ, Русскихъ и заграничныхъ“ [176]).

Но вскорѣ газета *Слово* должна была прекратить свое существованіе.

23 февраля 1859 года, намѣстникъ Царства Польскаго сообщилъ министру Народнаго Просвѣщенія, что при всеподданнѣйшемъ докладѣ представлена была имъ государю выписка изъ фельетона № 15 Польскаго журнала *Слово*, заключающая въ себѣ письмо Лелевеля къ издателю газеты Огрызко. Государю благоугодно было повелѣть: изданіе этого журнала воспретить и подвергнуть взысканію какъ Огрызко, такъ и профессора Петербургскаго Университета Чайковскаго, о которомъ упоминается въ письмѣ Лелевеля.

Изъ собранныхъ министромъ Народнаго Просвѣщенія свѣдѣній, оказалось, что упомянутый фельетонъ обратилъ на себя вниманіе цензора, затруднявшагося разрѣшить статьи съ подписью эмигранта Іоахима Лелевеля; но, получивъ разрѣшеніе попечителя Петербургскаго Учебнаго Округа И. Д. Делянова, онъ не счелъ себя въ правѣ отказать въ напечатаніи. Деляновъ же, въ письмѣ своемъ къ князю В. А. Долгорукову, показалъ, что, редакторъ *Слова*, прежде напечатанія статьи, предъявилъ ему оную, и Деляновъ, имѣя въ виду, что въ ней говорится о Лелевелѣ вовсе не какъ о политическомъ

въ свое время дѣятелѣ, а единственно какъ о писателѣ извѣстномъ въ ученомъ мірѣ своими историческими, географическими и этнографическими изысканіями, что у насъ не запрещено писать объ эмигрантахъ по отношенію ихъ къ наукѣ, и что даже его величеству благоугодно было дозволить изданіе сочиненія эмигранта Мицкевича, то онъ, съ своей стороны, не призналъ эту статью подлежащею запрещенію". Въ заключеніе, Деляновъ присовокупилъ: „Изъ вышеизложеннаго ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что если въ настоящемъ случаѣ есть какая-либо вина, то послѣдствія оной должны падать на меня".

Письмо Делянова было представлено государю, и князь Долгоруковъ сообщилъ министру Народнаго Просвѣщенія, что государь „изволилъ найти оправданіе тайнаго совѣтника Делянова совершенно неосновательнымъ". За Делянова вступился министръ Народнаго Просвѣщенія, и въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ писалъ: „Смѣло можно ручаться за чистоту направленія и преданность вашему величеству попечителя Делянова. Все это, по крайнему моему убѣжденію, много уменьшаетъ вину его и дастъ мнѣ право ходатайствовать за него предъ вашимъ величествомъ".

Въ заключеніе своего всеподданнѣйшаго доклада, министръ писалъ: „Что касается до редактора газеты *Слова* Огрызко и профессора Польскихъ Законовъ въ Петербургскомъ Университетѣ Чайковскаго, то они виновны въ томъ, что первый изъ нихъ рѣшился писать и просить сотрудничества въ своей газетѣ человѣка, опозорившаго себя преступными своими дѣйствіями противъ Россіи; а второй состоялъ въ сношеніи съ Лелевелемъ. Но переписка съ нимъ обоихъ сихъ лицъ не представляетъ никакой злонамѣренности потому, что они сами же ее огласили. Впрочемъ, эти проступки, по существу своему, относятся болѣе къ полицейской власти и выходятъ изъ предѣловъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а потому я и не считаю себя въ правѣ дѣлать объ нихъ рѣшительное заключеніе. Осмѣливаюсь

однакожъ всеподданнѣйше доложить, что Чайковскій, около пятнадцати лѣтъ преподаетъ Польскіе Законы въ Университетѣ и не замѣченъ ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ“.

Какъ бы то ни было, 26 февраля 1859 года, воспослѣдовала слѣдующая резолюція государя: „*Слово* воспретить издавать, редактора Огрызко посадить въ Петропавловскую крѣпость, попечителю Петербургскаго Округа Делянову сдѣлать строгое замѣчаніе, а профессору Чайковскому выговоръ“.

Событіе это произвело сильное впечатлѣніе въ городѣ.

Въ *Дневникѣ* Никитенко, мы находимъ слѣдующія записи:

27 февраля 1859: „Правда ли это? Говорятъ, что редакторъ Польской газеты Огрызко посаженъ въ крѣпость. Что газета его запрещена, это справедливо. Виновникомъ этого называютъ князя М. Д. Горчакова, который теперь здѣсь. Онъ напалъ на редактора за напечатанное въ его газетѣ письмо Делевеля—письмо само по себѣ можетъ быть и невинное, но преступное потому, что оно доказываетъ связь редактора съ государственнымъ преступникомъ. Во всякомъ случаѣ, это весьма печальное событіе. Это первая жестокая мѣра по отношенію къ печати въ нынѣшнее царствованіе“.

2 марта 1859: „Поутру былъ у Делянова. Онъ разсказывалъ мнѣ процедуру запрещенія *Слова* и заключеніе Огрызко въ крѣпость. Деляновъ сильно ходатайствовалъ за него у князя В. А. Долгорукова, считая себя единственнымъ виновникомъ появленія статьи въ печати“.

7 марта: „Огрызко сдѣлался предметомъ всеобщихъ толковъ. Говорятъ, государь согласился на эту мѣру только потому, что Горчаковъ (Варшавскій) объявилъ, что не поѣдетъ обратно въ Варшаву, если Огрызко не будетъ посаженъ въ крѣпость. Въ Совѣтѣ Министровъ, за Огрызко сильно стояли: Ковалевскій, Ростовцовъ и князь Долгоруковъ“.

12 марта: „Въ дѣлѣ Огрызко, Мухановъ *) игралъ не-

*) Николай Алексѣевичъ. *Н. Б.*

благовидную роль. Онъ былъ подстрекателемъ Горчаковыхъ, а когда увидѣлъ, какое впечатлѣніе это произвело на общественное мнѣніе, онъ началъ осуждать самъ крутую мѣру. А что же говорили вы мнѣ тому назадъ нѣсколько дней? замѣтилъ ему министръ" [177]).

28 февраля 1859 года, П. К. Щебальскій писалъ Погодину: „Редакторъ Польскаго журнала *Слово*, какъ говорятъ, посаженъ *въ крѣпость*, за помѣщеніе письма Лелевеля,— письма, впрочемъ, не имѣющаго ничего политическаго, но въ которомъ выражалось сочувствіе къ этому изданію. Рѣшеніе это мотивировано не содержаніемъ письма, а тѣмъ, что Огрызко былъ въ сношеніяхъ съ изгнанниками и политическими преступниками. Я пишу *говорятъ* потому, что слухъ прошелъ объ этомъ только вчера ввечеру, и я еще не успѣлъ имѣть вѣрныхъ свѣдѣній, но уже этотъ слухъ (которому не хочется вѣрить) произвелъ самое тяжелое и грустное чувство. Четыре года этого не было; мы отвыкли отъ этой justice sommaire. Сегодня вечеромъ постараюсь узнать досконально и буду очень счастливъ, если слухъ окажется ложнымъ" [178]). Но слухъ оказался вѣрнымъ.

Извѣстное стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго, *У страха глаза велики*, пришло въ Петербургъ къ П. А. Плетневу, въ то самое время, когда Польская газета *Слово* была остановлена и редакторъ ея Огрызко посаженъ въ крѣпость. 16 марта 1859 года, Плетневъ писалъ князю Веземскому: „Когда я отдалъ стихи (*У страха глаза велики*) въ цензуру, она эту пьесу не рѣшилась пропустить сама, а отправила въ Главное Управленіе Цензуры, гдѣ однакоже разрѣшили печатать ее. Стихотвореніе это особенно понравилось императрицѣ Маріи Александровнѣ" [179]).

... Имъ свѣчка—зарево пожара;
Набатомъ каждый шумъ звучитъ.

Предупредительность ихъ мучитъ,
Но прозорливость ихъ смѣшна;
Она въ быка лягушку пучитъ,
И муху жалуетъ въ слона.

Огонь ли дальній домъ затронетъ?
У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба,
И какъ во дни потопа тонетъ
Ихъ неповинная изба и пр. [180]).

Послѣ заключенія Огрызко въ крѣпость, В. Д. Спасовичъ и еще два члена Редакціи газеты *Слова* подали сообща, 2 марта 1859 года, при содѣйствіи Кавелина, чрезъ І. И. Ростовцова, всеподданнѣйшее прошеніе, которое Кавелинъ одобрилъ и поправилъ [181]).

Прошеніе сіе увѣнчалось благопріятнымъ результатомъ, и 13 марта 1859 года, князь В. А. Долгоруковъ увѣдомилъ министра Народнаго Просвѣщенія, что „государь императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ заключеннаго въ С.-Петербургскую крѣпость, коллежскаго асессора Огрызко освободить отъ ареста“.

Огрызко, вскорѣ по своемъ освобожденіи, поступилъ на службу по Министерству Финансовъ.

XLVIII.

Одновременно съ водруженіемъ *Паруса*, Погодину вздумалось вспомнить старину и приступить къ изданію альманаха *Утро*. Къ участію въ этомъ изданіи онъ привлекъ бывшихъ членовъ молодой Редакціи *Москвитянина:* Б. Н. Алмазова, Е. Н. Эдельсона, С. Н. Колошина и др.

Прежде всего Погодинъ обратился къ князю П. А. Вяземскому, пребывавшему въ Ниццѣ, съ слѣдующимъ письмомъ (31 октября 1858 г.): „Привѣтъ страннику на чужой сторонѣ! Какъ вы поживаете, многоуважаемый нашъ князь Петръ Андреевичъ, гдѣ путешествуете, чѣмъ занимаетесь? Мы проводили васъ въ самыхъ пріятныхъ надеждахъ: такъ вы были свѣжи, веселы, молоды, скинувъ служебныя вериги. Путешествіе возстановитъ васъ окончательно, и воротясь, вы издадите полное собраніе вашихъ сочиненій, которое требуемъ мы настоятельно. А покамѣстъ украсьте новый Московскій аль-

манахъ *Утро* какою нибудь піескою вашею въ стихахъ или прозѣ. Вспомните ваше теплое участіе въ *Ураніи* 1826 года... Пишутъ у насъ много, но все дѣловое—или бездѣльное. Литература на заднемъ планѣ. Альманахъ намѣревается заговорить объ ней и начать реставрацію, ревизію и инспекторскій смотръ".

Князь Вяземскій, изъ Ниццы, 6 декабря 1858 года, отвѣчалъ Погодину: „Ваше письмо, отъ 31 октября, на дняхъ отыскало меня здѣсь. Пушкинъ сказалъ бы, что отъ заимодавцевъ и альманашниковъ никуда не уйдешь. Впрочемъ, я очень радъ оклику вашему и готовъ отвѣчать на него по силамъ и средствамъ своимъ. Вотъ пока моя скудная лепта, не знаю кому и не знаю куда, но я вамъ довѣряю и надѣюсь, что вы меня, старую и невинную овцу, не бросите въ стадо волковъ. Бумагъ моихъ со мною еще нѣтъ, а потому посылаю вамъ, что̀ имѣю подъ рукою.—Авось здѣшнее небо, море, благораствореніе воздуха, здѣшняя зима, которая идеализированное наше лѣто, отзовутся во мнѣ. Впрочемъ, я намѣреваюсь болѣе привести въ извѣстность и порядокъ свое старое, нежели пускаться въ новое. Здѣсь Русская эскадра, при ней Русская Литература—Майковъ и Григоровичъ, и на дняхъ мы заложили Русскую церковь, которой великій князь Константинъ Николаевичъ былъ воспріемникомъ и закладчикомъ. Вы видите

Здѣсь Русь цвѣтетъ, здѣсь Русью пахнетъ.

Майковъ написалъ прекрасную поэму—*Сны*, гдѣ много поэзіи и дѣйствительности. На дняхъ, Русская великокняжеская колонія насъ оставляетъ. Но Русскихъ останется еще много... Здѣсь и Московскій боецъ Чичеринъ. Русскихъ журналовъ не вижу, но къ новому году обѣщаютъ. Простите, будьте здоровы, благополучны. Мой поклонъ всѣмъ нашимъ Москвичамъ".

При этомъ письмѣ князь Вяземскій приложилъ свое стихотвореніе *Желаніе*.

Желая пріобрѣсти для *Утра* сочиненіе С. Т. Аксакова, *Встрѣчу съ Мартинистами*, Погодинъ обратился за этимъ

съ просьбою къ И. С. Аксакову; но онъ, въ отвѣтѣ своемъ (14 ноября 1858 г.), на эту просьбу, выразилъ также свой взглядъ и на предпринимаемое изданіе альманаха *Утро*. „*Мартинистовъ*,—писалъ онъ,—дать не могу, ибо они *куплены Бесѣдою... Бесѣда*—ея дѣло, ея цѣль и проч., несравненно серьезнѣе и важнѣе *Утра*. Я не для себя тутъ хлопочу. Вы не *мнѣ* даете десять, двадцать листовъ, а *сами* принимаете участіе въ предпріятіи, значеніе котораго цѣните *сами*, признайтесь, несравненно выше альманаха, неимѣющаго ни опредѣленнаго цвѣта, ни знамени. Слѣдовательно, тутъ никакихъ разсчетовъ быть не можетъ. Я вообще думаю, что пора альманаховъ, сборниковъ, прошла. Это самый неблагодарный родъ издательства. И безъ того мы Богъ знаетъ какъ бьемся, чтобы вырвать у нашихъ сотрудниковъ какой-нибудь вкладъ въ наши изданія (вы вѣдь знаете, они не тароваты), а тутъ вы у меня перебили стихи Хомякова! Впрочемъ, можетъ быть, батюшка вамъ дастъ другую свою статью. Я передамъ ему ваше желаніе, также и Константину".

Раздосадованный отказомъ, Погодинъ сталъ грозиться, что не будетъ принимать участія ни въ *Русской Бесѣдѣ*, ни въ *Парусѣ*. „Нѣтъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ",—отвѣчалъ ему Аксаковъ,—„не угрожайте, что ничего не будете давать въ *Бесѣду* и *Парусъ*. Вы этого не можете. Вы должны принимать въ нихъ участіе; это дѣло вамъ не менѣе близко, не менѣе ваше дѣло, чѣмъ мнѣ. Меня недавно Гильфердингъ спрашиваетъ: можетъ ли онъ помѣстить въ *Русскомъ Вѣстникѣ* свою статью. Я ему отвѣчалъ: если онъ *способенъ*, участвуя въ *Русской Бесѣдѣ*, посылать свои статьи въ *Вѣстникъ*, пусть посылаетъ! Къ вамъ это не относится; но и вы, развѣ *способны не* участвовать въ нашихъ изданіяхъ? Даже и вопросъ-то смѣшной".

Одинъ изъ сотрудниковъ *Утра*, Б. Н. Алмазовъ, передъ выходомъ этого альманаха въ свѣтъ, написалъ Погодину цѣлое посланіе, въ которомъ читаемъ: „Васъ должно очень удивить мое посланіе. Пишу къ вамъ не по какому нибудь дѣлу и не по

пустякамъ, а вслѣдствіе сильной внутренней потребности объясниться. Въ послѣднее наше свиданіе, вы и Колошинъ, упрекнули меня въ бездѣйствіи. Это меня задѣло за живое. Не то, чтобы я обидѣлся или счелъ этотъ упрекъ несправедливымъ (потому что странно требовать, чтобъ считали тебя человѣкомъ работающимъ, когда невидно твоей работы), но мнѣ стало и больно, и досадно, что я не могу объяснить своего душевнаго состоянія, не могу разсказать о той ужасной, мучительной внутренней работѣ, которая происходила во мнѣ все это время. Пришедъ домой разстроенный, я хотѣлъ тотъ же вечеръ идти объясниться съ вами, и почувствовалъ, что не смогу, и отложилъ до утра. На другой день, тоже не нашелъ силъ на этотъ подвигъ, тоже повторилось и на третій; такимъ образомъ, прособирался цѣлую недѣлю, наконецъ рѣшился написать: въ письмѣ не такъ конфузно выворачивать свою душу.

„Я былъ въ состояніи, которое Гоголь описываетъ такъ: я слышалъ самъ, что мое душевное состояніе такъ странно, что ни одному человѣку въ мірѣ не могъ я разсказать его понятно. Въ другомъ мѣстѣ, Гоголь говоритъ, что онъ одно время потому не могъ ничего писать, что въ душѣ его совершался тогда переломъ—перерожденіе. Со мной было тоже самое въ продолженіе зимы, весны и вплоть до іюля мѣсяца. Переворотъ этотъ готовился во мнѣ нѣсколько лѣтъ, но я не замѣчалъ этого подготовленія, а замѣтилъ его, когда началъ писать первую статью о Пушкинѣ. Увидѣлъ я, что не слѣдуетъ *такъ* писать, какъ я писалъ до сихъ поръ, что это какая-то мертвая, механическая работа, а писать иначе я былъ не въ силахъ, ибо я не зналъ, *какъ* именно надо писать. Долго я мучился, наконецъ, противъ совѣсти, хватилъ на удалую, по старой рутинѣ. Пришла очередь писать вторую статью. Когда я начиналъ объ ней думать и брался за перо, въ душѣ подымался хаосъ—я чувствовалъ, что тамъ происходила сильная ломка, а стройка еще и не начиналась. Долго я мучился. По пріѣздѣ изъ Оптины, я впалъ въ ипохондрію,—болѣзнь, которая ужъ лѣтъ десять какъ меня не посѣщала. Это было

послѣднее отданіе переходному состоянію. Теперь у меня на душѣ все ясно, спокойно — работаю. Дѣло вотъ въ чемъ теперь: писать-такъ писать; писать не такъ что-нибудь, а сколачивать новый взглядъ на Исторію Русской Литературы. Статья о Пушкинѣ должна быть каланчей, откуда бросится этотъ взглядъ, — программой Исторіи нашей Словесности послѣ Петра. Отъ того всего дольше и труднѣе писать о Пушкинѣ. Вотъ table des matières этой статьи: Значеніе Пушкина въ Исторіи Русской Литературы; отношеніе къ предшественникамъ и послѣдователямъ, касательно содержанія и формы. Что̀ онъ заимствовалъ отъ каждаго Русскаго поэта и отъ каждаго западнаго, имѣвшаго на него вліяніе. Исторія развитія поэтическаго таланта Пушкина (почти біографія). Пушкинъ, какъ лирикъ: особенности его стиха; отличіе его стиха отъ стиха Гете и прочихъ. Содержаніе его лиризма: отношенія къ природѣ (онъ не такъ относился, какъ Байронъ, Шиллеръ, Гейне и т. д.), къ *народности* (не такъ какъ . . . . !!!), къ религіи, его патріотизмъ, его любовь. Подробный разборъ замѣчательныхъ лирическихъ піэсъ. — Пушкинъ эпикъ: разборъ каждой поэмы; огромнѣйшій и восторженный разборъ *Онѣгина.* — Пушкинъ драматикъ: *Годуновъ* и проч. Пушкинъ прозаикъ. Исторія нашей прозы. Нападки на хулителей прозы Пушкина. Разборы его повѣстей и романовъ.

„Можно ли ожидать въ будущемъ что-нибудь подобное Пушкину? А статья о Гоголѣ. Гоголь—поле не только не вспаханное, а еще и не взодранное. Его сочиненій не только не разбирали подробно, а просто совсѣмъ не разбирали. Потому мнѣ надо ихъ разобрать; это разъ. Потомъ объяснить Гоголя психологически: объяснить причину страннаго появленія странной книги *Переписки.* Разобрать и разгромить всѣ статьи, кои вышли по поводу этой *Переписки.* Дальше, раскрывая сущность произведеній Гоголя, показать, что присяжные его хвалители не понимали его, что и теперь его никто не понимаетъ и что всѣ свиньи. Показать, что Гоголь, какъ писатель, былъ ниже Пушкина, но былъ зато великій чело-

вѣкъ,—гораздо выше Галахова, который осмѣлился его назвать печатно сумасшедшимъ...

„Въ статьѣ о Жуковскомъ, надо *подробно* сравнить его переводы съ подлинниками и включить сюда разсужденіе о Русскомъ языкѣ; показать, что это-то поэтическій языкъ и есть. Сколько тутъ нужно справокъ—голова трещитъ!

„Статья о Грибоѣдовѣ. Показать, вопреки Бѣлинскому, что это истинная комедія (идеалъ комедіи) и что Чацкій—характеръ (статья почти готова, но надо передѣлать).

„А Лермонтовъ, Бѣлинскій, Жоржъ-Зандъ!..

„Вотъ что сидитъ теперь въ моей праздной головѣ. О Пушкинѣ скоро нельзя писать—надо писать осторожно: ошибешься,—бѣда, испортишь всѣ другія статьи, потому что около Пушкина у меня сгрупированы всѣ Русскіе писатели. Повторяю, мнѣ хочется серьезнаго труда (и я тружусь). Вотъ что я счелъ нужнымъ высказать вамъ, чтобъ облегчить свою душу. Весь вашъ Б. Алмазовъ“ [182]).

Наконецъ, въ началѣ 1859 года, въ Москвѣ, появилось *Утро*. Самъ Погодинъ, въ первой книжкѣ этого альманаха, напечаталъ два первыя дѣйствія своей старой трагедіи *Петръ Великій*. Предисловіемъ къ *Утру* послужила анонимная статья, подъ заглавіемъ *Москва*. Отдѣлъ стихотвореній былъ украшенъ произведеніями: Н. М. Языкова—*Липы* и А. С. Хомякова—*Благочестивому Меценату*. Изъ другихъ статей замѣчательны: Б. Н. Алмазова—*Взглядъ на Русскую Литературу въ 1858 году и о Поэзіи Пушкина*; В. А. Кокорева—*Изъ путевыхъ замѣтокъ*; Е. Н. Эдельсона—*Н. Щедринъ и новѣйшая Сатирическая Литература;* С. Н. Колошина—*По поводу Американской женщины* и пр.

Въ *Дневникѣ* П. А. Валуева мы встрѣчаемъ слѣдующія записи:

Подъ *18 января* 1859 года: „Читалъ нѣсколько нумеровъ *Атенея* и альманахъ *Утро*. Непостижимо, какъ все новѣйшее односторонне направлено къ порицанію Правительства и

къ возбужденію противъ него ненависти. Меня въ особенности возмущаетъ и раздражаетъ наглость Кокорева“......

— *27 января*: „Читалъ. Теперь это такъ рѣдко мнѣ возможно. Стихи Хомякова: *Благочестивому Меценату*,

Въ часъ полночный, близъ потока,

въ альманахѣ *Утро*, говорятъ обращены къ государю“ [183]).

Но въ *Утрѣ* было напечатано только одно стихотвореніе Хомякова, это—*Благочестивому Меценату;* стихотвореніе же Хомякова, *Звѣзды*, начинающееся:

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса,
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса, и проч.,

написано было еще въ 1853 году.

Къ *Утру* наша Литература отнеслась весьма внимательно.

Въ *Отечественныхъ Запискахъ* проведена любопытная параллель между альманахомъ *Денницею* 1830 и *Утромъ* 1859 года. „*Утро*“,—пишутъ тамъ,—„появившееся въ Москвѣ въ 1859 году, живо́ напомнило намъ *Денницу* М. А. Максимовича, появившуюся въ Москвѣ же, въ 1830 году. Въ самомъ дѣлѣ, оба эти сборника представляютъ замѣчательное совпаденіе, по крайней мѣрѣ, по заглавіямъ статей. Въ *Денницѣ* было знаменитое Обозрѣніе Русской Словесности за 1829 годъ, написанное И. В. Кирѣевскимъ;—въ *Утрѣ* есть *Взглядъ на Русскую Литературу* въ 1858 году, написанное Б. Н. Алмазовымъ. Въ *Денницѣ* были помѣщены двѣ первыя сцены изъ трагедіи Пушкина—*Борисъ Годуновъ*; въ *Утрѣ* являются два первыя дѣйствія изъ трагедіи Погодина—*Петръ Первый*. Въ *Денницѣ* былъ напечатанъ *Цицеронъ* Тютчева; въ *Утрѣ* есть *Цезарь* Алмазова. Въ *Денницѣ* были стихотворенія Н. М. Языкова,—и въ *Утрѣ* есть повѣсть въ стихахъ Н. М. Языкова. Въ *Денницѣ* были отрывки изъ *Ермака* Хомякова,—и въ *Утрѣ* встрѣчается одна стихотворная пьеса Хомякова“ [184]).

Въ *Современникѣ*, — замѣчаетъ Погодинъ, — „разругали *Утро* подло и неловко". Въ томъ же духѣ замѣтилъ Погодинъ и о *Библіотекѣ для Чтенія*, гдѣ „почти разругали *Утро.* О *Петрѣ* ни слова" [185]).

Въ рецензіи *Библіотеки для Чтенія*, между прочимъ, сказано: „Странное впечатлѣніе произвело на насъ чтеніе статьи *Москва*, напечатанной въ видѣ предисловія къ сборнику *Утро*. Здѣсь, какъ и при всякомъ другомъ удобномъ случаѣ, Московская Литература свысока взглянула на умственную дѣятельность другихъ городовъ Русскихъ, и особенно Петербурга; только Московская дѣятельность имѣетъ высокое значеніе, только Москва проводитъ настоящія, *единственно здравыя, чистыя, существенно-полезныя начала народной жизни.* Въ какой степени это справедливо,—это другой вопросъ;—но, во всякомъ случаѣ, намъ кажется совершенно неумѣстнымъ это постоянное величаніе собою, которое такъ и прорывается наружу въ рѣчахъ дѣятелей Московской Литературы. Потомъ, прочтя это предисловіе, мы подумали, что и весь сборникъ отмѣченъ характеромъ чисто-Московскимъ, что въ немъ полно отразится дѣйствіе этихъ *единственно-здравыхъ, чистыхъ, существенно-полезныхъ началъ народной жизни.* Тогда бы изданіе носило на себѣ, по крайней мѣрѣ, печать оригинальности и, слѣдовательно, имѣло бы достоинство относительное. Но ничуть не бывало. Московское *Утро* могло точно также появиться въ Петербургѣ, въ Астрахани, въ Одессѣ;—это сборникъ, какъ всѣ сборники" [186]).

Въ *Московскомъ Обозрѣніи* отозвались объ *Утрѣ* весьма неблагосклонно. „Сборникъ двусмысленный и странный",—сказано тамъ,—„хотя въ тоже время, и заносчивый очень. Редакція *Утра*, состоящая изъ тѣхъ самыхъ лицъ, изъ какихъ состояла Молодая Редакція покойнаго *Москвитянина*, высказываетъ въ своемъ предисловіи, между прочими диковинками, и увѣренность свою, что присяжные журнальные цѣнители возрадуются погрѣшностямъ *Утра* „противъ стереотипныхъ схемъ" и назовутъ „выпрыгиваніемъ за окошко" смѣлость

Утра „не пристроиться тотчасъ къ какой-либо торгово-литературной фирмѣ". Что все это значитъ? Какъ понять все это? На кого тутъ намекъ?—На всю критику? *Утро* не хочетъ пристроиться ни къ какой фирмѣ—т.-е., вѣроятно, ни къ какому литературному направленію: ну, и въ добрый часъ! (Зачѣмъ только сюда попалъ эпитетъ „торговая" фирма?). Кто же за это станетъ нападать на сборникъ? Мы многое имѣемъ сказать противу состава *Утра*, но совсѣмъ не потому, что оно появилось особнякомъ въ современной Литературѣ, а только потому, что оно не выдержало собственнаго направленія, и, рѣзко высказавъ во *Взглядѣ на Русскую Литературу, въ 1858 году*, въ статьяхъ о *Пушкинѣ* и о *Щедринѣ*, крѣпкую вѣру свою въ принципъ *искусство для искусства*, коварно и радикально измѣнило этой вѣрѣ всѣми стихотвореніями своими, трагедіей Погодина и повѣстью Колошина" [187]).

Рецензію на *Утро* въ *Русскомъ Словѣ* писалъ самъ А. А. Григорьевъ. Приступая къ разбору, Григорьевъ заявилъ, что „нѣтъ въ этой книгѣ ни одного почти имени, которое не было бы дорого душѣ пишущаго эту рецензію, а что важнѣе—нѣтъ опять таки *почти*,—ни одной мысли, которой бы онъ въ половину, въ треть, въ четверть не сочувствовалъ, а между тѣмъ ни одной тоже мысли не сочувствуется вполнѣ".

Прочитавъ, напримѣръ, *Москву*, предисловіе къ *Утру*, Григорьеву вспомнились извѣстные стихи Хомякова:

Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ
Мы соль земли.....

Григорьева поразило также противорѣчіе „идеальному направленію" *Утра* помѣщеніе въ томъ же сборникѣ статьи Кокорева, *Изъ путевыхъ Замѣтокъ*, которая, какъ и всѣ его статьи, „такъ и дышитъ утилитаризмомъ" [188]).

XLIX.

Въ 1858 году, графу Григорію Александровичу Кушелеву-Безбородко пришла мысль издавать въ Петербургѣ журналъ *Русское Слово.*

Къ участію въ этомъ журналѣ, вѣроятно, по указанію Я. П. Полонскаго, графъ Кушелевъ пригласилъ одного изъ бывшихъ членовъ Молодой Редакціи *Москвитянина*, Аполлона Александровича Григорьева.

Въ это время Григорьевъ проживалъ въ Италіи, въ семействѣ княгини Леопольдины Фердинандовны Трубецкой, куда онъ вступилъ, какъ мы уже знаемъ, по рекомендаціи Погодина, учителемъ сына княгини Трубецкой, князя Ивана Юрьевича. Среди занятій педагогіей и перепиской съ Погодинымъ о возобновленіи *Москвитянина*, Григорьевъ совершенно неожиданно получаетъ отъ графа Кушелева приглашеніе участвовать въ предпринимаемомъ журналѣ *Русское Слово*. Это до такой степени его обрадовало, что онъ, забывъ о своихъ обязательствахъ къ *Москвитянину*, 15 апрѣля 1858 года, изъ Рима, писалъ Погодину: „Провидѣніе пришло ко мнѣ на помощь въ видѣ графа Кушелева-Безбородко. По послѣднему письму моему вы видѣли, какъ мало я вѣрю въ нашъ журналъ (т.-е. *Москвитянинъ*) и видѣли, вѣроятно, какъ *основательно* это невѣріе. Не съ кѣмъ работать—возобновить прошлый кругъ, какая мечта. А Кушелевскаго журнала средства безграничныя,—редакторомъ его по *имени*, будетъ онъ самъ, помощникомъ тоже только по *имени*, другъ мой поэтъ Полонскій. *Ergo* безъ имени редактора, я буду душею журнала. Стало быть, ничтоже сумняся, я предложеніе его принялъ, тѣмъ болѣе, что все мною написанное здѣсь—а въ этомъ написанномъ съ свойственною мнѣ рѣзкостью и безобразіемъ, приведено все, что я передумалъ—принято имъ безотговорочно и даже куплено... Вѣроятно, вы увѣрены, что я лучше буду

жить *метеорскою* жизнію, чѣмъ отрекусь отъ самой доли того, что я купилъ жизнію мысли. А съ другой стороны — мнѣ нечего больше и дѣлать. *Служить* я могу теперь еще менѣе, чѣмъ когда-либо — ибо, признаюсь вамъ, плохо вѣрю въ наши реформы. Пойти въ *Вѣстникъ* *), *Современникъ* и проч., вы знаете — я не пойду. А тутъ мнѣ будетъ полная свобода — и „болото велико — чертей много будетъ", то-есть, бездна денегъ — сотрудники найдутся. Впрочемъ, обо всемъ этомъ, при личномъ свиданіи въ августѣ мѣсяцѣ — ибо я намѣренъ изъ Парижа пробраться въ Лондонъ и постранствовать по Германіи, чтобы дополнить свои взгляды на чужіе края.

„Покамѣстъ же я взялъ на двѣ недѣли отпускъ и ускакалъ въ Римъ. Что я однако за юноша до сихъ поръ. Кабы вы знали, съ какимъ біеніемъ сердца я подъѣзжалъ къ Риму, какое головокруженіе у меня отъ двухъ дней въ немъ, какъ онъ меня давитъ, раздражаетъ, мучитъ своею безконечностью. Дай Богъ здоровья Кушелеву. Я давно не бывалъ счастливъ, а тутъ я былъ какъ ребенокъ счастливъ.

„И все-таки поклонъ земной вамъ, что вы услали меня въ Италію. Вообще мнѣ грѣшно не вѣрить Провидѣнію — и я окончательно отдался волѣ Его, слѣпо, покорно".

Это, разумѣется, разсердило Погодина и онъ написалъ Григорьеву рѣзкую записку.

Григорьевъ, 11 мая 1858 года, изъ Флоренціи, отвѣчалъ: „Нужно все мое глубокое почтеніе къ вамъ, какъ гражданину и писателю, чтобы удержать въ приличныхъ границахъ то законное негодованіе, которое произвело во мнѣ чтеніе вашей записки... У меня въ дѣлѣ, которое Богъ помогъ мнѣ обдѣлать съ Кушелевымъ, на одномъ изъ первыхъ плановъ — стояло ваше литературное участіе. Я признаю себя политически и общественно ученикомъ вашимъ и, Господи! какъ образъ моего благороднаго и великаго учителя отдаляется отъ того образа, который выглядываетъ изъ записки"...

---

*) Т.-е., *Русскій Вѣстникъ*. *Н. Б.*

По пріѣздѣ въ Петербургъ, А. А. Григорьеву вздумалось написать Погодину свою исповѣдь. Началъ онъ эту исповѣдь 26 августа, а кончилъ—въ октябрѣ (1858 г.).

„Не имѣя покамѣстъ“,—исповѣдуется Григорьевъ,—„никакихъ обязательныхъ статей подъ руками, я намѣренъ изложить вамъ кратко, но съ возможной точностью, все, что случилось со мной внутренне и внѣшне съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ къ вамъ изъ-за границы. Это будетъ моя исповѣдь—безъ малѣйшей утайки.

„Послѣднее письмо изъ-за границы я написалъ вамъ, кажется, по возвращеніи изъ Эмса. Кушелевъ далъ мнѣ на Римъ и на проч. 1100 піастровъ, т.-е., на наши деньги 1500 р. Изъ нихъ я половину отослалъ въ Москву, обезпечивъ такимъ образомъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, свою семью, до 400 пошло на уплату долговъ; остальныя промотаны были въ весьма короткое время, безобразнѣйшимъ, но благороднѣйшимъ образомъ, на гравюры, фотографіи, книги, театры и проч. Жизнь я все еще велъ самую цѣломудренную и трезвенную, хотя цѣломудріе мнѣ было физически страшно вредно — при моемъ темпераментѣ... *Теоретическое* Православіе простиралось во мнѣ до соблюденія всякихъ постовъ и проч. Внутри меня собственно жило уже другое—и какими софизмами это другое согласовалось въ головѣ съ обрядовой религіозностью — понять весьма трудно простому смыслу, но очень легко—смыслу искушенному всякими доктринами. Въ разговорахъ съ замѣчательно-воспріимчивымъ субъектомъ, Флорентійскимъ попомъ *) и съ одной благородной, серьезной женщиной—діалектика увлекла меня въ дерзкую послѣдовательность мысли, въ сомнѣніе, къ которому изъ 747½ расколовъ Православія принадлежу я убѣжденіемъ: оказывалось ясно какъ день, что подъ Православіемъ разумѣлъ я самъ для себя просто извѣстное, стихійно-историческое начало, которому

*) Платономъ Петровичемъ Травлинскимъ, женатымъ на дочери протоіерея Михаила Ѳедоровича Раевскаго, и скончавшимся въ санѣ протоіерея Исаакіевскаго собора. *Н. Б.*

суждено еще жить и дать новыя формы жизни, искусства, въ противуположность другому, уже отжившему и давшему свой міръ, свой цвѣтъ началу—Католицизму. Что это начало, на почвѣ Славянства, и преимущественно Великорусскаго Славянства, съ широтою его нравственнаго захвата—должно обновить міръ—вотъ что стало для меня уже не смутнымъ, а простымъ вѣрованіемъ..... Вѣрованія же соціалистовъ—которыхъ живой же экземпляръ судьба мнѣ послала въ лицѣ благороднѣйшаго, возвышеннаго стараго ребенка изгнанника Демостена Оливье—ребяческими и теоретически-жалкими. Шеллингизмъ (старый и новый, онъ вѣдь все—одинъ) проникалъ меня глубже и глубже—безсистемный и безпредѣльный, ибо онъ—жизнь, а не Исторія.

„Читали вы разумѣется брошюру нашего великаго софиста: Derniers mots d'un chrétien Ortodoxe... Она кстати попалась тогда мнѣ въ руки и я *уразумѣлъ*, какъ онъ себя и другихъ надуваетъ, нашъ милѣйшій, умнѣйшій, софистъ! Идея Христа и пониманіе Библіи, раздвигающіяся, расширяющіяся съ расширеніемъ сознанія *общины*, *соборнѣ*, въ противуположность омертвѣнію идеи Христа и остановка пониманія Библіи въ католичествѣ и въ противуположность раздробленію Христа на личности и произвольно-личному толкованію Библіи въ протестантизмѣ—таковъ широкій смыслъ малой по объему и великой по содержанію брошюрки—если освободить этотъ смыслъ изъ подъ спуда Византійскихъ хитросплетеній.

„Духовный отецъ мой, Флорентійскій священникъ, увлекаемый своимъ впечатлительнымъ сердцемъ къ *лжемудрію* о свободѣ и отталкиваемый имъ же отъ *мудрости* Бецкаго—ходилъ все ко мнѣ за разрѣшеніемъ мучительныхъ вопросовъ и я *воочью* видѣлъ, сколь нетрудно снискать ореолу Православія.

„Внѣшнія дѣла обстояли благополучно. Старуха Трубецкая, какъ истый типъ итальянки, какъ только узнала что у меня есть деньги,—стала премилая. Князекъ любилъ меня на сколько можетъ любить себялюбивая натура артиста-аристократа.

Милая и истинно добрая Настасья Юрьевна, купно съ ея женихомъ, были моими искренними друзьями.

„Готовимся къ отъѣзду въ Питеръ. А я уже успѣлъ полюбить страстно и всей душею Италію—хоть часто мучился Каинскою тоскою одиночества и любви къ родинѣ. Да—были вечера и часто—такой тоски, которая истинно похожа на проклятіе Каинское; прибавьте къ этому—печальныя семейныя извѣстія и глубокую, непроходившую, неотвязную тоску по единственной пустой женщинѣ, которую поздно, къ сожалѣнію, встрѣтилъ я въ жизни, страсть воспоминанія, коли хотите—но страсть семилѣтнюю, загоречившуюся, съ которой слилась память о лучшей, о самой свѣтлой и самой благородной порѣ жизни и дѣятельности... Дальше: мысль о безвыходности положенія, отсутствіи будущаго и проч. Въ возрожденіе *Москвитянина* я не вѣрилъ, Кушелевскій журналъ я сразу же понялъ какъ прихоть златаго барченка... Впереди—ничего,—назади—ѣдкія воспоминанія,—въ настоящемъ одно артистическое упоеніе, одинъ дилетантизмъ жизни. Баста! Я закрылъ глаза на прошедшее и будущее, и отчаялся настоящему...

„Между мной и моимъ ученикомъ образовывалось отношеніе весьма тонкое. Совсѣмъ человѣкомъ я сдѣлать его не могъ—для этого нужно было бы отнять у него его девять тысячь душъ—но пониманіе его я *развилъ*, вопреки мистеру Белю, ничего въ мірѣ такъ не боявшемуся какъ пониманія, вопреки Бецкому, ненавидѣвшему пониманіе, вопреки Терезѣ, которая вела *свою* политику... Я зналъ къ чему идетъ дѣло—зналъ напередъ, что возврата въ Россію и Университета *не будетъ*, что она свои дѣла обдѣлаетъ. Воспитанникъ мой меня часто завлекалъ своей артистической натурой: онъ сразу—вѣрно и жарко понялъ *Одиссею*, онъ критически относился къ Шиллеру, что мнѣ нравилось и не нравилось—ибо тутъ былъ и вѣрный тактъ художника, но вмѣстѣ и подлое себялюбіе аристократа, холодность маленькаго Печорина...

„Рука устала писать да и уже два часа ночи. Кончаю на сегодня“...

„*Сент. 19*. Петербургъ.

„Принимаюсь продолжать —почти черезъ мѣсяцъ—ибо все это время, истинно минуты свободной, т.-е. такой, въ которую можно сосредоточиться—не было.

„Море было удивительное во все время нашего плаванія отъ Ливорно до Генуи и отъ Генуи до Марселя... Я къ морю вообще пристрастился, начиная еще съ прибыванія въ Ливорно. Въ Генуѣ дохнуло уже воздухомъ свободы. Портреты Мадзини и Гарибальди въ трактирѣ не мало изумили меня и порадовали... Во Флоренціи—я въ *одномъ* отношеніи какъ будто не покидалъ Отечества. Нашъ генералъ Лазаревъ-Станищевъ былъ совершенно правъ, избравши Флоренцію мѣстомъ успокоенія отъ своихъ геройскихъ подвиговъ: онъ могъ дышать воздухомъ герцогской передней и, въ свѣтлый день, проходить во время обѣдни строемъ солдатъ въ своихъ красныхъ штанахъ и во всѣхъ регаліяхъ...

„Я вамъ не путешествіе свое разсказываю, а Исторію своего нравственнаго процесса...

„Стало быть, прямо въ Парижъ.

„Пріѣхалъ я, разумѣется, *налегкѣ*, т.-е., съ однимъ червонцемъ — и поселился сначала въ 5 этажѣ Hôtel du Maroc (rue de Seine), за 25 франковъ въ мѣсяцъ. И прекрасно бы тамъ и прожить было... Не стану описывать вамъ, какъ я бѣгалъ по Парижу, какъ я *очаровалъ* добраго Николая Ивановича Трубецкаго и его больше начитанную, чѣмъ умную половину, какъ вообще тутъ меня носили на рукахъ...

„На бѣду, въ одну изъ обѣдень, встрѣчаю я въ церкви извѣстнаго вамъ (но *достаточно* ли извѣстнаго?) Максима Аѳанасьева... Я было прекратилъ съ нимъ и переписку и сношеніе по *многимъ* причинамъ—главное потому, что меня начало *претить* отъ его страшныхъ теорій. Этотъ человѣкъ у меня, какъ народъ (т.-е. гораздо всѣхъ насъ умнѣе), а безпутенъ больше, чѣмъ самый безпутный изъ насъ. Я дѣлалъ для него всегда все, что могъ, даже больше чѣмъ могъ—дѣлалъ по принципу христіанства и по принципу служенія

народу. Не знаю, поймете ли вы—но чего вы не поймете, когда захотите?—почему *видъ* этого человѣка, одинъ *видъ* разбилъ во мнѣ послѣдніе оплоты всякихъ формъ. Вѣдь ужъ онъ въ *Православіи*-то дока первой степени.

„Ну-съ! и пустились мы съ нимъ съ перваго же дня во вся тяжкая! И шло такое круженіе время немалое. Повторю опять, что все къ этому круженію было во мнѣ подготовлено язвами прошедшаго, безцѣльностью настоящаго, отсутствіемъ будущаго—злобою на васъ и во всѣмъ нашимъ, этой злобой любви глубокой и искренней.

„Увы! Вѣдь и теперь скажу я тоже... Вѣдь *тѣ* поддерживаютъ своихъ—посмотрите-ка—Кетчеру, за честное и безобразное оранье, домъ купили;—Евгенію Коршу, который вездѣ оказывался неспособнымъ даже *до сего дне*,—постоянно терявшему мѣста—постоянно отыскивали мѣста даже *до сего дне*. Вѣдь Солдатенкова съѣли бы живьемъ, если бы Валентинъ Коршъ (бездарный по ихъ же признанію) съ нимъ поссорился, *не входя въ разбирательство причинъ*... А вотъ вамъ, кстати, *фактецъ*, въ видѣ письма, которое далъ мнѣ Боткинъ, въ случаѣ его смерти. Простите эти выходки злобной грусти человѣку, который служитъ и будетъ служить всегда одному направленію, зная, что въ *своихъ*-то—онъ и не найдетъ поддержки.

„Максимъ мнѣ принесъ утѣшительныя извѣстія о томъ, какъ ругалъ меня матерно Островскій, за доброе желаніе пособить Дріянскому на счетъ его квартета, продажей этого квартета Кушелеву...

„Опять сказалъ я: баста! и, очертя голову, ринулся въ омутъ.

„Но, еслибъ знали вы всю адскую тяжесть мукъ, когда придешь бывало въ свой одинокій номеръ послѣ оргій и всяческихъ мерзостей. Да! Каинскую тоску одиночества я испытывалъ.—Чтобы заглушить ее, я жогъ коньякъ и пилъ до утра, пилъ одинъ, и не могъ напиться. Страшныя ночи! Вѣря въ Бога глубоко и пламенно, видѣвши Его очевидное вмѣ-

шательство въ мою судьбу, Его чудеса надъ собою—я привыкъ обращаться съ нимъ за панибрата—я—страшно вымолвить, ругался съ Нимъ, но вѣдь Онъ зналъ, что эти стоны и ругательства—вѣра. Онъ одинъ не покидалъ меня.

„Какъ нарочно, въ моемъ номерѣ висѣла гравюра съ картины Делароша, гдѣ Онъ изображенъ прощающимъ блудницу.

„*Сент. 29.*

„Дикую и безобразно хаотическую смѣсь представляли тогда мои вѣрованія... Мучимый своимъ неистовымъ темпераментомъ, я—иногда въ Луврѣ молилъ Венеру Милосскую и чрезвычайно искренне (особенно послѣ пьяной ночи), послать мнѣ женщину, которая была бы жрицей, а не торговкой сладострастія... Я вамъ разсказываю все безъ утайки.

„Венера ли Милосская, демонъ ли—но *такую* я нашелъ: это фактъ...

„Кстати, замѣчу, что въ Венерѣ Милосской *впервые* запѣлъ для меня мраморъ, какъ въ Мадоннѣ Мурильо во Флоренціи впервые ожили краски. Въ Римѣ я, въ отношеніи къ статуямъ, былъ еще слѣпъ—изучалъ, смотрѣлъ, но не понималъ, не любилъ; нѣчто похожее на любовь и стало быть на пониманіе пробудилось у меня тамъ въ отношеніи къ Гладіатору—но еще очень слабо.

„Возвращаюсь опять къ разсказу.

„Князекъ давно уже ничего не дѣлалъ, а только видимо изнывалъ томленіемъ. Положеніе мое въ отношеніи къ нему было самое странное... Я, по старому, употреблялъ на него часа по четыре, выносилъ снисходительно (даже *слишкомъ* снисходительно) праздную болтовню, чтобы хоть на четверть часа сосредоточить его вниманіе на какомъ-либо человѣческомъ вопросѣ и двинуть его мысль впередъ. Положеніе—адски тяжелое!......

.... Ужасные результаты гнета системы мистера Бэля тутъ только вполнѣ обнаружились. Вотъ она, эта безсердечная, холодная, резонерская система дисциплины безъ разсужденія, часто безъ позволенія возраженій.

„Я дѣлалъ *свое* дѣло, дѣло расшевеливанія, растревоженія...

Я дѣлалъ его смѣло, но, можетъ быть, тоже пускался въ крайности. Впрочемъ, въ крайности-ли.... Разъ ѣздили мы въ колясвѣ по Bois de Boulogne съ его теткой. Между прочимъ разговоромъ — она, отличный демагогъ и атеистъ въ юбкѣ, спросила меня, *какъ* я разсказываю князьку о революціи и проч. — Въ точности, подробности и всю правду,—отвѣчалъ я.—И вы не боитесь?—спросила она.—Чего, княгиня? Сдѣлать демагога изъ владѣльца девяти тысячъ душъ? И я, и она, мы разумѣется расхохотались. Послѣ этой прогулки, она объявила княгинѣ Терезѣ, „que cet homme a infiniment d'esprit, il ne tarit jamais.

„Вообще, я съ ними обжился и — cela va sans dire — занялъ у князя Николая Ивановича Трубецкого двѣ тысячи франковъ...

„И вотъ—учитель и ученикъ—вмѣстѣ въ Jardin de Mabille, въ Château des Fleurs.

„Тереза это знала и только шутя говорила, что за учителемъ слѣдовало бы такъ же имѣть гувернера, какъ за ученикомъ.

„Тутъ-то она наконецъ объявила, что мы ѣдемъ не въ Россію, а назадъ, во Флоренцію, и предложила мнѣ ѣхать тоже.

„Я согласился. Я полюбилъ „Cara Italia, solo beato", какъ родину, а на родинѣ не ждалъ ничего хорошаго—какъ вообще ничего хорошаго въ будущемъ.

„О, строгіе судьи безобразій человѣческихъ! Вы строги—потому что у васъ есть опредѣленное будущее,—вы не знаете страшной внутренней жизни,—Русскаго пролетарія, т.-е., Русскаго развитаго человѣка, этой *постоянной* жизни наканунѣ нищенства (да несобственнаго—это бы еще не бѣда!), наканунѣ Долговаго Отдѣленія или Третьяго Отдѣленія, этой жизни Каинскаго страха, Каинской тоски, Каинскихъ угрызеній!... Положимъ, что я виноватъ въ своемъ прошедшемъ—да вѣдь отъ этого сознанія вины, не легче,—вѣдь прошедшее-то опутало руки и ноги—вѣдь я въ кандалахъ. Распутайте эти кандалы, уничтожьте слѣды этого прошедшаго, дайте вздохнуть

свободно и тогда, но только тогда, подвергайте строжайшей моральной отвѣтственности.

„Это не оправданіе безпутствъ. Безпутства оплаканы может быть кровавыми слезами, заплачены адскими мученіями. Это вопль человѣка, который жаждетъ жить честно, по божески, по православному и не видитъ къ тому никакой возможности!

„Я кончаю эту часть моей исповѣди такимъ воплемъ потому, что онъ у меня вѣчный. Особенно же теперь онъ кстати.

„Я дошелъ до глубокаго сознанія своей безполезности въ настоящую минуту. Я — честный рыцарь безуспѣшнаго, на время погибшаго дѣла. *Всѣ* соглашаются внутренне, что я правъ—и потому-то—упорно *молчатъ* обо мнѣ. Тѣ, кто упрекаютъ меня въ томъ, что я въ своихъ статьяхъ не говорю объ интересахъ минуты — не знаютъ, что эти интересы минуты для меня дороги не меньше ихъ, но что порѣшеніе вопросовъ *по моимъ* принципамъ—такъ смѣло и ново, что я не смѣю еще съ неумытымъ рыломъ проводить послѣдовательно свои мысли... За высказанную мысль надобно отвѣчать передъ Богомъ. Я всюду вижу повтореніе эпохи междуцарствія—вижу воровскихъ людей, клевретовъ Сигизмунда, мечтателей о Владиславѣ—вижу шайки атамана Хлопки (въ лицѣ Максима Аѳанасьева)—не вижу земскихъ людей, людей порядка, разума, дѣла.

„Броженія — опять отлетѣли — да и въ броженіяхъ то, я никогда не переставалъ быть православнымъ по душѣ и по чувству, консерваторомъ въ лучшемъ смыслѣ этаго слова. Въ противуположность этимъ Тушинцамъ, которые черезъ два года, не больше—огадятъ и опозорятъ названіе либерала! — Вѣдь только ...... могъ такою слюною бѣшеной собаки облевать родную мать, подъ именемъ Обломовщины, и свалить всѣ вины гражданской жизни на самодурство *Темнаго царства*. Стегонулъ же *ихъ* за первую выходку Лондонскій консерваторъ: не знаю, раскуситъ ли онъ всю *прелесть* идеи статей *Темное царство*!...

„Да, черезъ два года все это надоѣстъ и огадится, всѣ эти обличенія, всѣ эти узкія теоріи!.. Черезъ два года!.. Но будемъ ли мы-то на что нибудь способны черезъ два года? Лично я за себя не отвѣчаю. Православный по душѣ, я по слабости могу кончить самоубійствомъ.

„*Сент. 30.*

„И такъ, я рѣшился ѣхать въ Италію—съумѣлъ заставить скупую Терезу накупить груду книгъ по Исторіи, Политической Экономіи, древней Литературѣ, убѣжденный, что въ промежуткахъ блуда и свѣтскихъ развлеченій—князекъ все-таки нахватается со мною образованія.

„Я совершенно уже началъ привязываться къ нимъ. Достаточно было Терезѣ по душѣ, какъ съ членомъ семейства, поговорить о болѣзни Софьи Юрьевны и о прочемъ, чтобы я помирился съ нею душевно — уже не какъ съ типомъ, а какъ съ личностью—хотя твердо все-таки рѣшился жить въ городѣ Флоренскѣ на своей квартирѣ. А *чѣмъ* жить — объ этомъ я не думалъ. Со всѣмъ моимъ безобразіемъ, я вѣдь всегда думалъ не о себѣ, а о своей семьѣ, хотя, по безобразію же неисходному—часто оставлялъ семью ни съ чѣмъ!.. Притомъ же я былъ тогда избалованъ тѣмъ, кого звалъ великимъ банкиромъ...

„Вѣтренный неисправимо—я въ кругу Трубецкихъ совершенно и притомъ *глупо* распустился... Правда, что и поводовъ къ этому было немало. Я въ нихъ повѣрилъ. Въ кружкѣ Николая Ивановича—извѣстныя изданія привозились молодымъ княземъ Орловымъ и читались во всеуслышаніе—разумѣется, съ выпущеніемъ строкъ, касавшихся князя Орлова *папеньки*. Князь Николай пренаивно и пресерьезно проповѣдывалъ que le catholicisme ets la liberté—одно и тоже, а я пренаивно *началъ* думать, что хорошая душевная влага не портится даже въ гниломъ сосудѣ католицизма. Въ молодомъ кружкѣ молодыхъ Герценовъ я читалъ свои философскія мечтанія и наивно собирался читать всей молодежи лекціи во Флоренціи...

„На бѣду, на одномъ обѣдѣ, на который притащили меня больнаго, въ Пале-Роялѣ, — я напился какъ сапожникъ — въ аристократическомъ обществѣ... На бѣду-ли впрочемъ?

„Я зналъ твердо—что *Тереза* этого не забудетъ... Тутъ она не показала даже виду — и другіе всѣ обратили въ шутку—но я чувствовалъ что—*упалъ*.

„Отчасти это, отчасти и другое было причиною перемѣны моего рѣшенія.

„30 августа нашего стиля я проснулся послѣ страшной оргіи съ демагогами изъ нашихъ, съ отвратительнымъ чувствомъ въ душѣ... Я вспомнилъ, что это 30 августа, имянины Островскаго—постоянная годовщина сходки людей крѣпко связанныхъ сходствомъ смутныхъ вѣрованій,—годовщина попоекъ безобразныхъ, но святыхъ своимъ братскимъ характеромъ, духомъ любви, юморомъ, единствомъ съ жизнію народа, богослуженіемъ народу...

„Въ Россію! раздалось у меня въ ушахъ и въ сердцѣ!..

„Вы поймете это—вы, звавшій насъ чадами кабаковъ и б..... но нѣкогда любившій насъ...

„Въ Россію!.. А Трубецкіе ужъ были на дорогѣ къ Турину и тамъ долженъ я былъ найти ихъ.

„Въ мгновеніе ока я написалъ къ нимъ письмо, что по домашнимъ обстоятельствамъ и проч.

„Въ Парижѣ я впрочемъ проваландался еще недѣли двѣ.

„*Окт. 5.*

„Денегъ у меня было мало, такъ что со всевозможной экономіей стало едвали бы на то, чтобы доѣхать до Отечества. Съ безобразіемъ же едва стало и до Берлина. Моя надежда была на ящикъ съ частію книгъ и гравюръ, который, полагалъ я — въ *ученомъ* городѣ Берлинѣ можно заложить все-таки хоть за пятьдесятъ талеровъ какому-нибудь изъ книгопродавцевъ.

„Вечера стояли холодные, и я, въ моемъ коротенькомъ Парижскомъ пиджакѣ, сильно продрогъ, благополучно добравшись до города Берлина. *Теплымъ* я—какъ вы можете сами

догадываться—ничѣмъ не запасся. Денегъ не оставалось буквально ни единаго зильбергроша.

„Zum Rothen Adler, Kurstrasse!—крикнулъ я геройски возницѣ экипажа, нарицаемаго droschky и столь же мало имѣющаго что либо общее съ нашими дрожками, какъ эластическая подушка съ дерюгой... Это я говорю впрочемъ теперь, когда Господь наказалъ уже меня за излишній патріотизмъ. А тогда, еще издали—дѣло другое, тогда мнѣ еще

и дымъ Отечества былъ сладокъ и пріятенъ.

„Я помню, что разъ, садясь съ Боткинымъ, въ покойныя Берлинскія *droschky*, я пожалѣлъ объ отсутствіи въ городѣ Берлинѣ нашихъ пролетокъ. Боткинъ пришелъ въ ужасъ отъ такого патріотическаго сожалѣнія; а я внутренно приписалъ этотъ ужасъ аффектированному западничеству, отнесъ къ категоріи *сдѣланнаго* въ ихъ души. Дали же знать мнѣ себя *первыя* пролетки, тащившія меня отъ милой Таможни до Гончарной улицы и вообще давали знать себя цѣлую зиму, какъ Немезида — Петербургскія пролетки, которыя, по вѣрному замѣчанію Островскаго, самимъ небомъ устроены такъ, что на нихъ вдвоемъ можно ѣздить только съ блудницами, *обнявшись*,—пролетки такъ сказать *буколическія*.

„Zum Rothen Adler! велѣлъ я везти себя потому, что тамъ мы съ Бахметевымъ останавливались en grands seigneurs—вслѣдствіе чего, т.-е., вслѣдствіе нашего грансеньерства, и взыскали съ насъ за какой-то чайникъ изъ Польскаго серебра, за такъ называемую Thee-machine, которой мы, заговорившись по Русской безпечности, допустили растопиться — *двадцать пять* талеровъ. Тамъ можно было, значитъ, безъ особыхъ непріятностей велѣть расплатиться съ извощикомъ.

„Такъ и вышло. Rother Adler, не смотря на мой легкій костюмъ, принялъ меня съ большимъ почетомъ, узнавши съ разу одну изъ Русскихъ воронъ.

„Черезъ пять минутъ, я сидѣлъ въ чистой, теплой, уютной комнатѣ. Передо мной была Thee maschine (должно быть тоже,

только въ исправленномъ изданіи)—а черезъ десять минутъ я затягивался съ наслажденіемъ, азартомъ, неистовствомъ Русской крѣпкой папиросой. Врагъ всякаго комфорта, я только и понимаю комфортъ въ чаю и въ табакѣ (т.-е. — если слушать во всемъ глубокочтимаго мною отца Пароенія, въ самомъ-то діавольскомъ навожденіи).

„Никогда не былъ я такъ похожъ на Тургеневскаго Рудина (въ эпилогѣ), какъ тутъ. Разбитый, безъ средствъ, безъ цѣли, безъ завтра. Одно только—что въ душѣ у меня была глубокая вѣра въ Промыслъ, въ то, что есть еще много впереди. А чего?.. Этого я и самъ не зналъ. По настоящему, ничего не было. На родину вѣдь я являлся *безполезнымъ* человѣкомъ—съ развитымъ чувствомъ изящнаго, съ оригинальнымъ, но нѣсколько капризно-оригинальнымъ взглядомъ на искусство,—съ общественными идеалами прежними, т.-е., хоть и болѣе выясненными, но рановременными и во всякомъ случаѣ несвоевременными,—съ глубокимъ православнымъ чувствомъ и съ страшнымъ скептицизмомъ въ нравственныхъ понятіяхъ, съ распущенностью и съ неутомимою жаждою жизни“!..

L.

Приступая къ изданію *Русскаго Слова*, графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко желалъ сойтись съ Погодинымъ. Свидѣтельствомъ сего могутъ служить двѣ записочки къ Погодину А. Калашникова. Одна изъ нихъ, отъ 18 сентября 1858 года, слѣдующаго содержанія: „Почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! Я вчера былъ у васъ и, не заставъ васъ дома, оставилъ у васъ записку. Графу Кушелеву-Безбородко очень пріятно съ вами познакомиться; какъ я его знаю, онъ самый пріятный, честный и благородный человѣкъ; какъ мы съ вами старые друзья, мнѣ очень было бы пріятно, чтобъ вы сошлись, покороче познакомились“. Другая записочка (отъ 17 декабря) гласитъ: „Графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко по-

ручилъ мнѣ покорнѣйше просить Михаила Петровича Погодина завтра, то-есть, въ четвергъ, въ 5 часовъ, откушать".

Такимъ образомъ, графу Кушелеву на первыхъ порахъ пришла счастливая мысль соединить въ своемъ журналѣ старый и молодой *Москвитянинъ*, но это, какъ мы увидимъ, не удалось. Даже при самомъ началѣ *Русскаго Слова*, въ числѣ сотрудниковъ журнала, мы встрѣчаемъ имена Благосвѣтлова, Водовозова, Милюкова, Лаврова, и др., которые не имѣли ничего общаго ни съ старымъ, ни съ молодымъ *Москвитяниномъ*.

Какъ бы то ни было, 1 января 1859 года, на горизонтѣ Петербургской журналистики появился первый номеръ *Русскаго Слова*. Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ его, А. А. Григорьевъ, 11 мая 1859 года, писалъ Погодину: „Пишу къ вамъ по простому влеченію сердца. Опять послышался вашъ голосъ издали, хоть и ругательный,—но все же голосъ человѣка, мною глубоко уважаемаго и еще больше любимаго, человѣка притомъ, который этимъ, видно, не можетъ отдѣлаться отъ извѣстнаго рода симпатіи—все равно что симпатія выражается раздраженіемъ къ безалабернѣйшему изъ многочисленныхъ и многообразныхъ Хлобуевыхъ Россійской Имперіи. Да и не за что вамъ совсѣмъ разлюбить меня. Развѣ не дѣлаю я честно того же дѣла, которое дѣлалъ въ *Москвитянинѣ* да и погодите, такъ ли еще это будетъ, если великій банкиръ и покровитель всѣхъ Хлобуевыхъ продлитъ жизнь Кушелева и хорошее состояніе дѣла. Теперь еще, для того чтобы не запугать, я еще вынужденъ иногда хвалить и существующіе факты, какъ факты признанные—какъ, напримѣръ, отозваться *съ уваженіемъ* о трудѣ Соловьева... Будетъ время—я все яснѣе и яснѣе разовью ученіе *Москвитянина*, только разумѣется очищенное, такое, надъ которымъ совершено уже *обрѣзаніе честнаго хвоста*. (Помните, что вы называли хвостомъ?) Если вы имѣли время пробѣжать хоть нѣсколько страницъ изъ написаннаго мною въ послѣднее время—то вы вѣроятно убѣдились, что я все-таки же только сталъ искрен-

нѣе и послѣдовательнѣе. Увы! дѣйствительно, вѣрованія въ формы, какія бы онѣ ни были во мнѣ, *всѣ* подорвались—и я въ этомъ не виноватъ: мерзкой фигуры Бецкаго, глубокой но софистически—страшной послѣдней Французской брошюры Хомякова, и въ противоположность ей, этому ловкому разоблаченію сущности дѣла,—брошюрокъ Святѣйшаго Сvнода,—увы! этого болѣе чѣмъ достаточно! Повторяю, кладя руку на сердце, вамъ не за что разлюбить меня. Что я Хлобуевъ и что съ другой стороны я способенъ иногда прорваться загулами—это конечно скверно, но *мало* для того чтобы лишить всякой симпатіи со стороны человѣка, какъ вы. Напишите мнѣ нѣсколько строкъ въ ободреніе и примиреніе— и я опять буду дождить вамъ письмами; а главное, перестаньте сердиться на меня, а руководите лучше по старому вашими совѣтами въ дѣлѣ, которое все на моихъ рукахъ".

До этого письма, т.-е. до 11 мая 1859 г., въ *Русскомъ Словѣ* были напечатаны слѣдующія статьи Григорьева: *Взглядъ на Исторію Россіи Соловьева*, *Взглядъ на Русскую Литературу по смерти Пушкина*, *Великій Трагикъ*, отзывъ объ *Утрѣ*, объ И. С. Тургеневѣ, по поводу его *Дворянскаго гнѣзда*.

Но по поводу названныхъ статей самъ авторъ ихъ принужденъ былъ оправдываться предъ Погодинымъ. „Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ",—писалъ онъ,—„у котораго просилъ его статьи—прислалъ мнѣ дѣтскую драму какого-то глупаго гимназиста съ Испанскими именами, да еще сердился, что я ее не напечаталъ и сердился на то, что я съ уваженіемъ говорилъ о Соловьевѣ, не понимая при своемъ абсолютномъ ученомъ безносіи,—ровно ничего въ моихъ цѣляхъ. Борисъ (Алмазовъ), вѣроятно взъѣлся за разборъ *Утра*, не понимая тоже, что для того, чтобы дѣйствовать, мы должны отсѣчь всѣ прежнія наши безобразія формы, принести ихъ въ жертву правдѣ основной нашей мысли".

Въ августовской книжкѣ *Русскаго Слова*, была напечатана статья Григорьева, о первой книгѣ *Московскаго Обозрѣнія*.

Статья эта была первымъ поводомъ разлада Григорьева съ *Русскимъ Словомъ*. „Прошу васъ“,—писалъ онъ (4 августа 1859) Погодину,—во имя старыхъ нашихъ отношеній, прочесть прилагаемую у сего статью о *Московскомъ Обозрѣніи*—вслѣдствіе *искаженія* которой въ печати г. завѣдующимъ, въ отсутствіе Кушелева управленіемъ дѣлами редакціи, г. *Хмѣльницкимъ* (извѣстнымъ вамъ), я—если не получу изъ Парижа удовлетворительнаго отвѣта,—*протестую* публично въ *Современникѣ* и *Вѣдомостяхъ* Петербургскихъ и Московскихъ—и разрываю всякія связи съ *Русскимъ Словомъ*. Статья эта, касающаяся отчасти и васъ и другихъ, столь же или менѣе дорогихъ, но во всякомъ случаѣ уважаемыхъ мною лицъ—да покажетъ вамъ, что я все тотъ же, что я, упорно какъ жидъ—изъ веси въ весь, изъ страны въ страну, понесу всегда мою святыню, мое *убѣжденіе*. Во имя *этого*—для чего я готовъ теперь поставить опять на карту *все* матеріальное благосостояніе—я въ правѣ требовать, чтобы вы простили мнѣ и мою раздражительность и мои безобразія“.

Но въ тоже время Григорьеву мерещилось какое-то громадное предпріятіе, въ которое онъ старался втянуть и Погодина. „Я теперь“ (т.-е. 4 августа 1859 года),—писалъ онъ Погодину,—„или наканунѣ крайней погибели или наканунѣ торжества и самаго полнаго тѣхъ идей, которыя воспитали во мнѣ отчасти вы и которымъ останусь вѣренъ до нищенства, до тюрьмы, до чего угодно. Образуется новое предпріятіе, новый журналъ съ большими средствами. Судьба, *кажется*, отдаетъ его организацію въ мои руки. Помогите же, подайте наконецъ и руку и голосъ вашъ человѣку, который неуклонно видитъ въ васъ главу своего направленія, одинъ изъ источниковъ своихъ, нѣкогда смутныхъ, но всегда пламенныхъ и твердыхъ вѣрованій. Помогите мнѣ, въ случаѣ нужды, собрать подъ вашимъ главенствомъ разсѣявшееся по сторонамъ стадо зеленаго *Москвитянина*! Вѣдь *правда* была только тамъ, въ этомъ зеленомъ *Москвитянинѣ*! Я два раза былъ въ Москвѣ—послѣдній разъ на прошлой недѣлѣ и, задумывая предпріятіе—

не могъ, не хотѣлъ и—гордитесь! не *смѣлъ* явиться къ вамъ. А отчего? Оттого, что я ходилъ ушкуйникомъ безъ Новгородскаго слова! Боже мой! Вспомните, что весь этотъ годъ я работалъ *одинъ*, работалъ съ врагами, а не съ друзьями. Изъ друзей,—Эдельсонъ разразился маленькой статейкой о *Тысячѣ Душахъ*—да и подъ ней я долженъ былъ сдѣлать примѣчаніе. Дѣло все въ томъ: примете ли вы живое и дѣятельное участіе вашими статьями, совѣтами, Славянскими связями, въ новомъ дѣлѣ, которое я, *можетъ быть*, организую и о которомъ свѣдѣніе должно покамѣстъ оставаться тайною для всѣхъ, кромѣ васъ?... Если *да*—то напишите мнѣ съ свойственной вамъ краткостью и неразборчивостью почерка. Въ сентябрѣ, я, *вѣроятно*, объявлюсь въ Москвѣ и объявлюсь вамъ".

Но, какъ обновленіе *Москвитянина*, такъ и это огромное предпріятіе ограничилось только перепиской Григорьева съ Погодинымъ. Въ письмѣ своемъ, 21 августа 1859 года, Григорьевъ, о новомъ предпріятіи, говоритъ уже сдержаннѣе. „Дѣло о новомъ предпріятіи",—писалъ онъ,—„разрѣшится въ половинѣ сентября. Пожелайте мнѣ успѣха или вообще какого нибудь *конца*. Я усталъ до изнеможенія"!

Но въ томъ же письмѣ Григорьева читаемъ и слѣдующее: „Предлагаютъ мнѣ службу въ Смольномъ монастырѣ. Вѣроятно возьму. Независимость—увы! все-таки пока мечта въ странѣ, которая не дозрѣла еще до того, чтобы въ ней всякое честное убѣжденіе имѣло законное мѣсто. Годъ жизни въ Петербургѣ не помирилъ меня ни съ нимъ, ни съ его литераторами. Все это—свищи и хлыщи... *Врачу исцѣлися самъ*—скажете вы мнѣ, но справедливо ли?... Я безобразенъ въ моихъ частныхъ дѣлахъ, но *дѣлу*, убѣжденію, служу какъ фанатикъ И я все таки *вѣрую*, глубоко *вѣрую*, что Богъ дастъ мнѣ наконецъ или дѣло совсѣмъ по душѣ или пошлетъ покой смерти" [180]).

LI.

Въ Исторіи Русской Журналистики, 1859-й годъ памятенъ возникновеніемъ и быстрымъ паденіемъ многихъ журналовъ.

Дыханіемъ бурнымъ снесенъ былъ *Парусъ*; своею смертію отошли въ вѣчность: *Атеней* и *Московское Обозрѣніе.*

Апрѣльскою книжкою 1859 года завершилось существованіе *Атенея*, журнала Критики, современной Исторіи и Литературы, издаваемаго подъ редакціею Е. Ѳ. Корша. „Истощивъ въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики къ нашему журналу",—возвѣщалъ редакторъ,—„не только скудныя средства, доставленныя намъ подпискою, но и всѣ тѣ, какими могли мы располагать, благодаря безкорыстному участію людей намъ близкихъ, мы пришли къ горькой необходимости остановить свое, какъ видно, неумѣстное теперь изданіе. Прекращая его единственно по недостатку средствъ, а не по убѣжденію въ его безполезности, мы, во всякомъ случаѣ, принимаемъ на себя обязанность вознаградить немногихъ своихъ подписчиковъ за недоданныя книжки журнала"...

29 іюня 1859 года, В. П. Боткинъ писалъ П. В. Анненкову: „О прекращеніи *Атенея*, вы, конечно, знаете, и, по моему мнѣнію, Коршъ хорошо сдѣлалъ. При всѣхъ отличныхъ свойствахъ Корша, ему именно не достаетъ свойства журналиста, журнальнаго такта и т. д. При самыхъ лучшихъ статьяхъ, никогда бы *Атеней* не былъ журналомъ ни литературнымъ, ни критическимъ, ни политическимъ; къ двумъ первымъ у редактора нѣтъ достаточной любви, а къ послѣднему, хотя любовь и есть, но ее подточило отсутствіе жара".

Какъ бы на смѣну *Атенея*, явился тоже критическій журналъ, подъ заглавіемъ *Московское Обозрѣніе.* Еще лѣтомъ 1858 года, директоръ Александровскаго Сиротскаго Кадетскаго Корпуса въ Москвѣ, полковникъ Веселовскій, сообщилъ Московскому Цензурному Комитету, что служащій въ Кор-

пусѣ штабсъ-капитанъ Лаксъ вошелъ къ нему съ рапортомъ объ исходатайствованіи ему права на изданіе, съ 1859 года, журнала, подъ названіемъ *Московское Обозрѣніе.* Журналъ, предпринимаемый Лаксомъ, по преимуществу критическій; цѣль его слѣдить за главными вопросами, возникающими, какъ въ Русской, такъ и въ иностранной Литературѣ. 4 сентября того же 1858 года, Главное Управленіе Цензуры опредѣлило: Дозволить штабсъ-капитану Лаксу издавать журналъ, подъ заглавіемъ: *Московское Обозрѣніе*".

„Не знаешь ли",—спрашивалъ Шевыревъ Погодина,—„кто это въ Москвѣ предпринимаетъ журналъ критики? Объявляютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости.* Я самъ имѣлъ эту мысль" [190]).

Такимъ образомъ, въ 1859 году, въ Москвѣ, явились двѣ книжки *Московскаго Обозрѣнія*, въ которыхъ всѣ статьи были анонимы. Этими двумя книжками и закончилось существованіе *Московскаго Обозрѣнія.*

По словамъ А. А. Григорьева, „*Московское Обозрѣніе* встрѣтило въ публикѣ столь же мало сочувствія, если еще не меньше, чѣмъ журналъ *Атеней*".

Затѣмъ Григорьевъ задается вопросомъ: „Кто виноватъ въ маломъ успѣхѣ этого изданія,—само изданіе, или публика, или критическое изданіе не поняло потребностей нашей публики"? По разсмотрѣніи статей, заключающихся въ двухъ книжкахъ *Московскаго Обозрѣнія*, Григорьевъ отвѣчаетъ на предложенный имъ вопросъ слѣдующее: „Мудрено ли, что публика не оказала сочувствія къ изданію, отличающемуся и въ руководящихъ статьяхъ, и въ бѣглыхъ замѣткахъ, такимъ доктринальнымъ и доктринерскимъ тономъ, что множество прекраснѣйшихъ статей спеціальныхъ пропало въ общемъ ученомъ мракѣ изданія, что столько дѣйствительныхъ и добросовѣстно работавшихъ силъ не устранило отъ изданія неминуемой гибели. Эта гибель ждетъ въ наше время все, что стремится обособиться не во имя направленія, ясно и твердо сознаннаго, какъ одно изъ общественныхъ, а во имя кружковаго іерейства. Паденіе *Атенея* и *Московскаго Обо-*

зрѣнія—прочное и блестящее существованіе *Русскаго Вѣстника*,—уроки весьма назидательные въ наше время“ [191]).

Между тѣмъ, объ одномъ изъ столповъ этого „прочнаго и блестящаго“ изданія П. М. Леонтьева, вотъ что, 29 іюня 1859, В. П. Боткинъ писалъ П. В. Анненкову: „Противъ Леонтьева многіе такъ предупреждены, что страшно даже сказать о немъ доброе слово... Но, по моему личному мнѣнію, я думаю, что Леонтьевъ вовсе не таковъ, какимъ его нѣкоторые выставляютъ. Что онъ человѣкъ необыкновенно умный и съ большими *положительными свѣдѣніями*, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Я думаю еще, что онъ человѣкъ съ сердцемъ и честью; но также онъ и человѣкъ съ характеромъ; а по большей части люди съ характеромъ, уже одною настойчивостью своею, производятъ на другихъ людей непріятное впечатлѣніе, раздраженіе и часто ненависть. Но вѣдь за то все на свѣтѣ творится и дѣлается только такими, очень, очень рѣдко любимыми людьми“ [192]).

Въ 1859 году, заколебалась и сама *Русская Бесѣда*.

Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 8 іюня 1859 г., записано: „У Аксаковыхъ разговоръ о *Бесѣдѣ*, которая превращается, за неимѣніемъ капитала и пр.“. Къ тому же Кошелевъ, при тогдашней своей дѣятельности по крестьянскому вопросу и отсутствіи изъ Москвы, затруднялся продолжать изданіе. Все это очень томило И. С. Аксакова. „Да“,—писалъ онъ Погодину,—„истомленъ я неопредѣленностью участи *Бесѣды* и своимъ глупымъ отношеніемъ къ журналу, своею связанностью“.

Самъ Хомяковъ писалъ И. С. Аксакову: „Грустно было читать описаніе вашего теперешняго положенія дѣлъ *Бесѣды*; грустно, но для меня не неожиданно. Къ несчастію, для меня такой годъ, что я никакимъ образомъ не могу ее поддержать. Выше той цифры, которую я назначилъ, идти мнѣ нельзя. Вы повѣрите мнѣ на слово, что тутъ говорятъ, и не скупость, и не равнодушіе къ дѣлу. Но вопросъ теперь, чтожъ далѣе? *Бесѣда* не можетъ существовать сама по себѣ, и при-

чина этому очень грустная. Для нея нѣтъ въ Россіи читателя! Дабы *Бесѣда* могла существовать, нужно, чтобы она только отдалась болѣе обширной и общедоступной дѣятельности литературной. Будь *Парусъ*, вѣроятно и *Бесѣда* имѣла бы лишнихъ подписчиковъ, потому, что *Парусъ* былъ бы, такъ сказать, ея толкователемъ и показывалъ бы читателю связь между ея, повидимому, отвлеченными положеніями и жизнью дѣйствительною, и потому, что онъ не допускалъ бы того заговора молчанія, который составленъ противъ нея всѣми другими изданіями. Замѣтьте, что К. С. Аксаковъ и въ этомъ случаѣ имѣлъ чувство, болѣе всѣхъ практическое, когда онъ въ одно время хотѣлъ газеты и предпочиталъ сборникъ журналу. Польза, принесенная *Бесѣдою*, несомнѣнна, но продолженіе ея мнѣ просто кажется невозможностью".

Между тѣмъ, содержаніе послѣднихъ нумеровъ *Русской Бесѣды* было крайне интересно, и Хомяковъ писалъ И. С. Аксакову: „Нумеръ *Бесѣды* таковъ, что безъ злости я объ немъ говорить не могу; вѣдь одного такого номера достаточно бы было для прославленія любого журнала, а кто это оцѣнитъ? Я не говорю объ однѣхъ Запискахъ Державина, или, говоря объ нихъ, не обращаю даже вниманія на смѣлость ихъ напечатанія, и смотрю на нихъ просто, какъ на историческій памятникъ. Подобнаго памятника въ Россіи еще не издано. Когда подумаешь о лицахъ, выведенныхъ на сцену, или, пожалуй, на позоръ, который я считаю вполнѣ заслуженнымъ (Кочубей и Сперанскій), о близости эпохи, объ ясномъ представленіи Александра Павловича, именно такимъ, какимъ онъ былъ и какимъ его еще никогда у насъ не представляли, и особенно о томъ характерѣ добросовѣстности, съ которымъ все это передано старикомъ Державинымъ, очевидно вовсе не государственнымъ человѣкомъ, но честнымъ и прямодушнымъ свидѣтелемъ: нельзя не сказать, что это у насъ невиданное явленіе и пріобрѣтеніе весьма важное, даже для Европейскихъ публицистовъ".

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что П. А. Валуевъ, прочи-

тавъ Записки Державина и княгини Дашковой, записалъ въ своемъ Дневникѣ (подъ 8 декабря 1859 года): „Незавидное было ихъ время. Неужели не можетъ быть иначе? Не взирая на генералъ прокуроровъ, Россійскую Академію, цитаты изъ Дидерота и Жанъ-Жака Руссо, не взирая на лирическія пѣсни пѣвца *Фелицы*,—такъ и пахнетъ Татарскимъ улусомъ“ [193]).

Наконецъ, все выяснилось, и въ послѣдней книгѣ *Русской Бесѣды* появилось *Заключительное Слово*, объявляющее: „Мы пріостанавливаемъ изданіе *Русской Бесѣды*, несомнѣнно убѣжденные въ жизненности тѣхъ началъ и возрѣній, которыхъ носильнымъ выраженіямъ была *Русская Бесѣда.* Мы знаемъ что ничто, конечно, не удержитъ ихъ хода; но тѣмъ не менѣе, съ тяжелымъ чувствомъ разстаемся, хотя и на время съ нашею журнальною дѣятельностью. Намъ дорого было это періодически раздававшееся печатное слово, это дружное и гласное служеніе нашей народности; мы свято чтимъ наше литературное знамя, знамя народнаго самосознанія во всѣхъ областяхъ жизни и духа; намъ жаль нашего прерваннаго труда.

„Многіе изъ нашихъ главныхъ сотрудниковъ должны были оставить свою литературную дѣятельность для дѣятельности иной, неотложной, животрепещущей. Самъ издатель, въ теченіе всего истекающаго года, не имѣлъ никакой возможности заняться своимъ журналомъ. Только благодаря трудамъ и заботамъ одного изъ сотрудниковъ (Ивана Сергѣевича Аксакова), принявшаго на себя не оффиціальную, а нравственную отвѣтственность изданія,—могла *Русская Бесѣда* появиться во всѣ положенные шесть сроковъ, и появилась книгами, богатыми, какъ намъ кажется, не по одному числу листовъ, но и по внутреннему содержанію. Будучи лишенъ возможности и въ наступающемъ 1860 году посвятить себя дѣлу редакціи, издатель ходатайствовалъ о передачѣ *Бесѣды* упомянутому сотруднику; но, по причинамъ, совершенно независящимъ отъ нихъ обоихъ, такая передача не могла состояться: продолжать же

изданіе журнала одному, подъ именемъ другого — неудобно, не столько въ офиціальномъ, сколько въ литературномъ и нравственномъ отношеніи.

„Сходя съ журнальнаго поприща, мы невольно окидываемъ взглядомъ пройденное нами пространство, и невольно требуемъ отъ себя отчета—полезно ли, плодотворно ли было наше литературное дѣло. Пусть рѣшитъ это окончательно самъ безпристрастный читатель, но, кажется намъ, что труды наши были ненапрасны, что журналъ нашъ былъ и полезенъ, и нуженъ.

„Не такъ сходимъ мы теперь съ журнальнаго поля, какъ вступали на него, въ первый разъ, въ 1856 году. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о личномъ успѣхѣ нашего изданія, мы съ истинною радостью видимъ, что многія мысли, за которыя такъ горячо ратовала *Бесѣда*, сдѣлались нынѣ уже общимъ достояніемъ. Въ этомъ свидѣтельствѣ едва ли могутъ отказать намъ не только добросовѣстные, но и недобросовѣстные изъ нашихъ противниковъ. Но еслибы и не захотѣли нѣкоторые изъ нихъ, ради мелочнаго самолюбія, отдать справедливость убѣжденіямъ, неизмѣнно твердымъ, съ которыми *Бесѣда* начала и окончила свое поприще,—для насъ, во всякомъ случаѣ, важно не столько признаніе личныхъ заслугъ *Бесѣды*, сколько прочный успѣхъ и всеобщее водвореніе ея завѣтныхъ убѣжденій. Встрѣченные насмѣшками, колкостями и бранью, мы не сдѣлали никакихъ уступокъ,—и постепенно умолкли насмѣшки и улеглись нападенія. Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что нынѣ оставляемъ за собою слѣдъ уваженія и даже сочувствія, если не лично къ нашему журналу, то къ нашему литературному знамени.

„Что же именно сдѣлали мы въ эти четыре года? Гдѣ же доказательства успѣха самой идеи? Мы, конечно, не станемъ разсказывать здѣсь содержаніе всѣхъ толстыхъ осмнадцати томовъ *Русской Бесѣды* и слишкомъ четырехъ томовъ *Сельскаго Благоустройства*, но, да позволено будетъ намъ, указать въ немногихъ словахъ на тѣ собственно вопросы, рѣшеніе

по которымъ, кажется намъ, уже перешло въ общественное сознаніе.

„Читатели помнятъ, какую бурю противъ насъ возбудило, въ 1856 году, мнѣніе *Русской Бесѣды* о народности въ наукѣ. Этотъ вопросъ является теперь совершенно рѣшеннымъ, и рѣшеннымъ положительно. Мы даже недавно прочли статью одного нашего почтеннаго ученаго, всегда принадлежавшаго къ числу нашихъ оппонентовъ, статью, въ которой требованіе народности доведено до крайнихъ ея предѣловъ *). Тѣмъ болѣе чести тѣмъ, которые умѣютъ открыто отказаться отъ своихъ прежнихъ, такъ долго отстаиваемыхъ воззрѣній, какъ скоро сознали ихъ ошибочность. Вопросъ о народности въ наукѣ вовсе не такъ маловаженъ, какъ хотятъ думать нѣкоторые: онъ возвращаетъ насъ изъ духовнаго плѣна къ независимости мысли, онъ избавляетъ насъ отъ подобострастнаго поклоненія авторитетамъ науки западной, даетъ намъ право оцѣнить ихъ высокія заслуги въ качествѣ самостоятельныхъ и свободныхъ цѣнителей, дѣлаетъ изъ насъ не подражателей, но народносамостоятельныхъ дѣятелей общечеловѣческой науки, дѣлаетъ изъ насъ—иногда противниковъ, иногда друзей Запада, но уже никогда—рабовъ.

„Вопросъ объ общинномъ устройствѣ, основанномъ на общинномъ землевладѣніи и охраняемомъ извнѣ круговымъ ручательствомъ, вызвалъ противъ насъ грозныя выходки со стороны безусловныхъ поклонниковъ западной экономической науки, долго отрицавшихъ самый историческій фактъ существованія въ народѣ этого коренного начала его жизни. Но и признавши историческое существованіе, въ чемъ ни винили провозглашенное нами *варварское начало народнаго быта*!—*Бесѣда* и *Сельское Благоустройство* неутомимо трудились надъ разъясненіемъ сущности этого явленія изъ Русской и

*) *Юридическія Записки*, т. III, статья П. Г. Рѣдкина: *Обозрѣніе юридической литературы*. Рѣдкинъ доказываетъ необходимость разработки Исторіи Римскаго Права, съ самостоятельной Русской точки зрѣнія, Русской науки Римского Права.

Всеславянской Исторіи и жизни; явленія,—имѣющаго громадную будущность, не только не противорѣчащаго требованіямъ здраво-понятой науки, но предназначеннаго внести новое воззрѣніе и произвести совершенный переворотъ въ Политической Экономіи, какъ она сложилась доселѣ на Западѣ. Положеніе это теперь, болѣе или менѣе, уже принято нѣкоторыми изъ главныхъ нашихъ періодическихъ изданій. По крайней мѣрѣ, недавно одно изъ нихъ, наиболѣе распространенное въ Россіи, свидѣтельствовало гласно, что вопросъ объ общинномъ землевладѣніи уже положительно разрѣшенъ *). Конечно, еще есть много разногласій въ частностяхъ, но подождемъ терпѣливо, и заявленное *Бесѣдою*, но принадлежащее народу, начало возрастетъ, окрѣпнетъ и осѣнитъ собою всю Русскую Землю. Уже и теперь многіе, а со временемъ и всѣ, сознаютъ, что только общинное устройство можетъ дать народу самостоятельность жизни, что только оно одно въ состояніи доставить всему крестьянству благо землевладѣнія и наибольшее, по возможности, общее благосостояніе и что, кромѣ круговой поруки, ничто не въ силахъ оградить общественный бытъ крестьянства отъ вмѣшательства въ него власти внѣшней.

„Мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею, необходимо истекающая изъ изученія народнаго Русскаго быта, печатно впервые заявлена была въ *Бесѣдѣ* **). Разработкѣ и распространенію этой великой истины былъ посвященъ особый отдѣлъ *Бесѣды*: *Сельское Благоустройство*. Глубоко сожалѣемъ, что обстоятельства, отъ Редакціи независящія, заставили прекратить изданіе, въ то самое время, когда вопросъ вступалъ въ періодъ полнаго своего развитія; но утѣшаемся мыслью, что дѣятельность наша имѣла исторически-практическую важность и была оцѣнена всѣми, кому дорогъ успѣхъ крестьянскаго дѣла.

*) *Русскій Вѣстникъ*, № 20 (Современная Лѣтопись, стр. 418).
**) № 4. 1857.

„Давно-ли Славянскій вопросъ считался вопросомъ мертвымъ и теоретической бредней? Давно-ли одинъ изъ журналовъ насмѣшливо уступалъ А. Ѳ. Гильфердингу сочувствіе всѣхъ Славянъ отъ Балтики до Адріатическаго моря? Но обстоятельства измѣнились, и—къ счастію нашихъ угнетенныхъ братій,—они могутъ встрѣтить теперь выраженія сочувствія и не въ одномъ только нашемъ журналѣ. Конечно, не *Русской Бесѣдѣ* первой принадлежитъ честь установленія умственнаго и литературнаго общенія съ Славянскими племенами,—честь эта безспорно принадлежитъ М. П. Погодину,—но думаемъ, никто не станетъ отрицать то важное общественное значеніе, которое имѣло для Славянъ существованіе собственно *Русской Бесѣды*, и о которомъ громко свидѣтельствуютъ и Бѣлградъ, и Загребъ, и Терновъ, и Прага? Намъ удалось, возвести Славянскій вопросъ, изъ области археологическаго интереса, въ область живаго, дѣятельнаго сочувствія, и оживить умственное движеніе въ кругу нашихъ литературныхъ Славянскихъ собратій. Обстоятельства, отъ насъ не зависящія, помѣшали намъ расширить кругъ нашихъ сношеній и устроить при *Русской Бесѣдѣ*, столько нужную для Русскихъ и для Славянъ, Славянскую контору; но и за то малое, что сдѣлано нами, заплатили намъ горячимъ сочувствіемъ наши страждущіе единоплеменники. Мы знаемъ, что прекращеніе *Бесѣды* отзовется особенно прискорбно во всѣхъ Славянскихъ земляхъ Австріи и Турціи,—но мы просимъ нашихъ братьевъ Славянъ, не смущаться, во 1-хъ, потому, что теперь многіе, даже изъ нашихъ Петербургскихъ газетъ и журналовъ, допускаютъ на своихъ страницахъ статьи по Славянскому вопросу и выражаютъ сочувствіе къ Славянской народности (дай Богъ, чтобъ это сочувствіе привело ихъ наконецъ и къ полному сочувствію народности Русской); а во 2-хъ, потому, что мы только на время пріостанавливаемъ нашу дѣятельность, и надѣемся, въ этотъ промежутокъ, запастись бо̀льшими средствами для новаго дѣятельнаго служенія Славянскому интересу. Мы рады, что успѣли, кажется, разсѣять ложныя понятія, какія существо-

вали у насъ и у Славянъ о Русскомъ панславизмѣ, и убѣдили нашихъ братій, что сочувствіе наше чуждо посягательства на ихъ самостоятельное развитіе: признаніе правъ на самобытность каждой Славянской народности было всегда девизомъ Русскаго славянофильства.

„Смѣемъ думать, что и въ области Философіи, Исторіи и Филологіи,—*Русская Бесѣда* представила немаловажные образцы самостоятельной, независимой, своеобразной Русской мысли.

„Считаемъ обязанностью изъявить нашу глубокую признательность, какъ подписчикамъ, большею частью неизмѣнявшимся изъ года въ годъ и поддерживавшимъ насъ своимъ сочувствіемъ, во все время четырехлѣтней нашей дѣятельности, такъ и сотрудникамъ, мужественно раздѣлявшимъ съ нами всѣ наши невзгоды и смѣло подставлявшимъ свои труды подъ удары—большею частью неблагосклонной и предубѣжденной критики.

„Мы, во всякомъ случаѣ, надѣемся, что въ наступающемъ же 1860 году, отъ имени ли издателя *Русской Бесѣды*, или кого-либо изъ нашихъ сотрудниковъ, будутъ изданы отдѣльные сборники.

„Да, наша дѣятельность, кажется намъ, была не совсѣмъ безполезна. Мы увѣрены, что остающіеся на журнальной аренѣ дѣятели будутъ продолжать разработку тѣхъ мыслей и положеній, которыя внесены *Бесѣдою* въ умственную жизнь Русскаго общества, и что, возвратившись на журнальное поприще, мы найдемъ уже не столько, какъ прежде, противниковъ—въ общемъ дѣлѣ нашего народнаго самосознанія“.

Прочитавъ это *заключительное слово*, Хомяковъ писалъ И. С. Аксакову; „Сердце у меня іокнуло, когда получилъ я *Заключительное Слово*. Очень хорошо составлено: но больно читать, и все таки не скроешь ни отъ себя, ни отъ другихъ, что насъ подрѣзало ровнодушіе общества, подобного *аспиду глуху, иже не обавается отъ премудра*. Этого я ожидалъ уже съ прошлаго года; но надобно намъ всѣмъ думать, что *Бесѣда* издается и она будетъ издаваться, даже еще лучше,

только не въ журнальной формѣ. Жаль однихъ Славянъ. Кончила *Бесѣда* со славою, потому что статьи были къ концу превосходныя, и съ скандаломъ—по милости Якушкина, что я считаю тоже не совсѣмъ дурнымъ".

Въ другомъ письмѣ къ И. С. Аксакову, Хомяковъ излагаетъ слѣдующія невеселыя мысли: „Странно наше, такъ сказать, островное положеніе въ Русскомъ обществѣ. Чувствуешь, что мы болѣе всѣхъ другихъ люди Русскіе и въ тоже время, что общество Русское нисколько намъ не сочувствуетъ. Чувствуешь, что нельзя по совѣсти не стараться образумить это общество, а въ тоже время, что это чисто внѣшнее дѣйствіе не можетъ быть нашимъ призваніемъ; а насъ такъ мало, что никому нельзя отлучиться отъ своего дѣла: не кѣмъ замѣнить. Вотъ и теперь, Самаринъ уѣхалъ, и слава Богу; пусть отдохнетъ, окрѣпнетъ, освѣжится; пусть хоть сколько нибудь въ жизни погуляетъ; а все таки чувствуешь, что есть уже у насъ потеря въ одномъ дѣятелѣ. Но его отсутствіе изъ Петербурга уже для общаго дѣла нехорошо, и я за Кошелева больше боюсь, чѣмъ при немъ. Очевидно Кошелевъ нѣсколько запутался; но что же Черкасскій? Этотъ другихъ путаетъ, да вѣдь нетрудно при этомъ и самому сбиться съ толку".

Въ томъ же 1859 году, всѣ Русскіе писатели, славянофилы и западники, были опечалены отставкою Московскаго цензора Николая Ѳедоровича фонъ-Крузе. Открывшаяся вакансія въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ, заинтересовала многихъ, въ числѣ ихъ и почтеннаго палеолога В. М. Ундольскаго, который еще 23 декабря 1858 года, писалъ А. Н. Попову: „22 декабря пошло представленіе отъ попечителя Московскаго Учебнаго Округа на цензорскую вакансію фонъ-Крузе четверыхъ кандидатовъ, въ томъ числѣ и *меня*. Прочіе: Драшусовъ, Забѣлинъ и Наумовъ, молодой чиновникъ Архива Иностранныхъ Дѣлъ. Будьте, по прежнему, добры, Александръ Николаевичъ, похадатайствуйте у графа Д. Н. Блудова, чтобы онъ написалъ министру Народнаго Просвѣ-

щенія, знающаго меня съ хорошей стороны. Постарайтесь, любезнѣйшій благодѣтель, устроить меня и тѣмъ обезпечить мое собраніе, въ послѣднее время расхваленное на повалъ С. П. Шевыревымъ, отчего, конечно, мнѣ не легче" [194]).

Къ сожалѣнію, домогательства нашего палеолога не увѣнчались успѣхомъ, и 31 декабря того же года, В. Н. Лешковъ извѣщалъ Погодина: „Мѣсто Крузе въ Цензурномъ Комитетѣ будто бы начальство отдаетъ Александру Драшусову". Сообщеніе Лешкова подтвердилось слѣдующимъ письмомъ Каткова къ Погодину: „Новый цензоръ нашъ дѣйствительно судитъ хорошо, и я увѣренъ, будетъ и дѣйствовать соотвѣтственно".

Въ томъ же письмѣ Каткова, читаемъ и слѣдующее: „Но Крузе не должны мы оставлять. Мнѣ кажется, дѣло общества вознаградить его за ту честную службу, которую онъ несъ съ такимъ самоотверженіемъ. Слѣдуетъ открыть въ разныхъ городахъ и въ разныхъ кругахъ общества подписку въ его пользу. Это было бы важнымъ прецедентомъ и первымъ общественнымъ дѣломъ у насъ. Объ этомъ надобно мнѣ поговорить съ вами лично" [195]).

Мысль, выраженная въ этомъ письмѣ, пришлась многимъ по душѣ. Славянофилы и западники соединились, чтобы выразить свою признательность Крузе не на словахъ только, но и на дѣлѣ.

Когда же объ этомъ намѣреніи Московскихъ писателей узнало Правительство, то, 5 января 1879 г., князь В. А. Долгоруковъ писалъ министру Народнаго Просвѣщенія: „До свѣдѣнія государя императора дошло, что въ пользу Крузе открыта подписка въ Москвѣ, Петербургѣ, Казани и другихъ городахъ, преимущественно университетскихъ. Его величеству угодно, чтобы ваше превосходительство сдѣлало распоряженіе, о немедленномъ воспрещеніи подобной подписки по ввѣренному вамъ Вѣдомству".

Подъ 6 января 1859 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „По секрету получено въ Университетѣ высочай-

шее повелѣніе, чтобы не дѣлать подписки на денежное вспомоществованіе отставленному Московскому цензору Крузе“ [196]).

Не взирая на это, Московскіе писатели оказали Крузе, по подпискѣ, денежную помощь. 5 мая 1859 г., И. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Посылаю вамъ двѣ тысячи семьсотъ пятьдесятъ рублей, пожертвованныхъ для Крузе одинадцатью лицами. Соедините эти деньги съ деньгами *Русскаго Вѣстника и Атенея*. Я думаю, все вмѣстѣ составитъ пятьдесятъ тысячь франковъ“.

Въ *Дневникѣ* же Погодина 1859 г., записано: Подъ *6 мая*—„Къ Каткову съ деньгами *Русской Бесѣды* для Крузе, къ коимъ пятьдесятъ рублей. Отвезли къ Крузе, какъ хлѣбъ-соль. Рѣшено прощальную закуску у меня. Къ Кокореву, который и послалъ отъ себя за всѣми припасами. Толковали о настоящемъ положеніи. Разсказы Кетчера о пакостяхъ *Современника*.—*7 мая*: „На желѣзную дорогу. Проводили Крузе“.

Изъ Петербурга, 14 мая 1859 г., Крузе писалъ Погодину: „До сихъ поръ еще не могу выбраться отсюда, любезнѣйшій другъ Михаилъ Петровичъ. Экипажей свободныхъ нѣтъ для удовлетворенія огромнаго числа требованій, и я, по неволѣ, долженъ ждать у моря погоды. Скука и нетерпѣніе одолѣваютъ мною; жизнь между небомъ и землею, какъ говорится, просто несносна, а къ тому еще лишніе расходы въ гостинницѣ. А дѣлать нечего, какъ терпѣть. Видно у насъ все только для этого и устроено и назначено. Боже мой! Когда же придетъ время порядочной жизни? Пишите уже въ Парижъ, на имя священника Васильева; ибо я надѣюсь на этихъ дняхъ уже выѣхать. Куника не засталъ и оставилъ ваше письмо служанкѣ старушкѣ, которая васъ знаетъ. Сегодня Долгорукій приглашалъ меня къ себѣ вечеромъ; я былъ. Мы долго бесѣдовали по пустякамъ. Онъ былъ очень вѣжливъ и любезенъ, расхваливалъ меня и выразилъ удовольствіе моего съ нимъ знакомства. Но изъ всего можно было ясно вывести, что за мною будутъ слѣдить и наблюдать... Этотъ визитъ причинилъ женѣ испугъ, отъ котораго она заболѣла

и теперь лежитъ. Однако, докторъ не нашелъ ничего опаснаго. Какъ хорошо жить въ Россіи! А все таки сердце щемитъ отъ мысли, что надо удалиться отъ родныхъ и отъ друзей. Новаго здѣсь ничего. Послѣ исторіи съ Ростовцовымъ, на гвардію сердятся и начальству говорили, что дисциплина ослабѣла и потому нужно ее возстановить, въ противномъ случаѣ, будетъ не только разжалованіе въ солдаты, но даже каторга.—Какъ вамъ это нравится? Нѣмецкая партія здѣсь очень слаба, но за то очень сильна партія о невмѣшательствѣ нашемъ въ войну Италіанскую. Прощайте, обнимаю васъ. Всѣхъ друзей также" [197]).

„Отставленный цензоръ фонъ-Крузе,—писалъ П. А. Плетневъ къ князю П. А. Вяземскому", — блаженствуетъ въ отставкѣ, не принявъ мѣста состоять по Министерству Просвѣщенія. Его почитатели поднесли ему сбору пятьдесятъ тысячъ р. с. Сверхъ того, онъ приглашенъ заниматься дѣлами въ какой-то частной компаніи, съ жалованьемъ по шести тысячъ рублей серебромъ въ годъ" [198]).

LII.

Въ то время, когда И С. Аксаковъ былъ погруженъ въ водоворотъ газетный, дни отца его уже были изочтены.

Осенью 1858 года, страждущаго С. Т. Аксакова перевезли въ Москву, во вновь нанятый для него домъ на Кисловкѣ. „Какая у насъ приходская церковь"?—спросилъ онъ. Ему отвѣчали:—Бориса и Глѣба. „Въ этомъ домѣ я умру";—сказалъ онъ,—„въ этомъ приходѣ отпѣвали Писарева, тутъ и меня будутъ отпѣвать" [199]).

Больнаго часто навѣщалъ Погодинъ, и вотъ что онъ записывалъ въ своемъ *Дневникѣ* 1859 года:

Подъ *6 февраля*: „У Аксаковыхъ. Страшно страдаетъ старикъ. Тяжело смотрѣть".

— *3 марта*: „Къ Аксакову, который слабѣетъ".

— *16* — „Навѣстилъ Аксакова".

— *17* — „Навѣстилъ старика Аксакова, который слабѣетъ".

— *16 апрѣля*: „Къ Аксакову—плохъ".

— *26* — „Обѣдалъ у Аксаковыхъ".

30 апрѣля 1859 года, рано утромъ, Погодинъ получилъ слѣдующую записочку отъ И. С. Аксакова: „Михаилъ Петровичъ. Батюшка скончался нынче часу въ 3-мъ утра. Четвергъ" [300]).

Въ этотъ день Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Извѣстіе о кончинѣ Аксакова. Къ нему—горесть и плачь. Константинъ—святой человѣкъ въ чувствахъ къ отцу. Панихида. Очень грустно".

30 апрѣля 1859 года, „во всѣхъ кругахъ Московскаго общества",—писалъ М. Н. Лонгиновъ,—„сообщали другъ другу вѣсть, печалившую всякаго, кто узнавалъ ее: въ этотъ день, въ 3 часу по-полуночи, скончался патріархъ нашей Литературы, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. Долговременная, мучительная болѣзнь его была извѣстна всѣмъ и оставляла мало надежды на его выздоровленіе; но, не смотря на то, какъ-то не хотѣлось вѣрить, что все уже кончено, что не стало человѣка, который съ такою энергіею воли боролся такъ долго съ страданіями физическими, не хотѣлось вѣрить, что прервалась жизнь, драгоцѣнная не для одной его семьи, не для однихъ его друзей, но для всякаго, кому дорого Слово Русское".....

Отъ времени кончины и до погребенія С. Т. Аксакова, въ *Дневникѣ* Погодина, 1859 года, мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *1 мая*: „Вечеромъ у Аксаковыхъ. Потомъ у Хомякова, которому представилъ караима Фирковича".

— *2* — „Вечеръ у Аксаковыхъ. Панихида и всенощная".

— *3* — „Выносъ. Отпѣваніе. Тяжелыя сцены. Несъ до церкви".

По свидѣтельству М. Н. Лонгинова, „въ воскресенье, 3 мая, церковь св. Бориса и Глѣба наполнилась множествомъ

народа... Пришли проститься съ бездыханнымъ тѣломъ, которое оживлялъ безсмертный духъ... Всѣ прощались съ чѣмъ-то роднымъ, дорогимъ сердцу. Гробъ Аксакова на рукахъ былъ принесенъ въ Симоновъ монастырь и внесенъ во врата, при пѣніи *Христосъ Воскресе*! Весеннее солнце освѣщало едва зазеленѣвшія деревья и поля; въ воздухѣ чувствовалось первое дыханіе весны"... Могила Аксакова находится вблизи могилы Веневитинова [201])....

„Въ день похоронъ С. Т. Аксакова,—пишетъ А. М. Жемчужниковъ, — погода была прекрасна; липы распускались, а березы были уже совсѣмъ одѣты, и молодые и пахучіе ихъ листья играли весело на солнцѣ. Съ невольнымъ чувствомъ особенной грусти думалъ я о томъ, что Сергѣй Тимоѳеевичъ умеръ именно въ то время, когда возрождаются къ новой жизни и лѣса, и степи, описанные имъ такими живыми красками, съ такимъ глубокимъ и вѣрнымъ чувствомъ, съ такою изящною простотою" [202]).

Погодинъ же, въ своемъ *Дневникѣ*, записалъ: „Пѣшкомъ почти до поля и ужасно изнемогъ. Съ Лонгиновымъ назадъ. Вечеромъ у Аксаковыхъ и горевалъ вмѣстѣ съ ними. На колибрѣ со страхомъ домой".

Первые дни Погодинъ почти не разлучался съ Аксаковыми.

На третій день по погребеніи С. Т. Аксакова, его сынъ Иванъ съ грустью писалъ Погодину: „Скажите пожалуйста—неужели отца моего, который слишкомъ тридцать лѣтъ хлѣбосольствовалъ и литературствовалъ въ Москвѣ, никто изъ друзей его не помянетъ добрымъ словомъ? Маменька сильно этимъ огорчена" [203]).

Все лѣто осиротѣлая семья Аксаковыхъ провела въ Москвѣ; уже къ осени наняли подмосковную дачу, Троекурово. „Маменька и братъ",—писалъ И. С. Аксаковъ,—„придавлены горемъ, тяжело смотрѣть на нихъ" [204]).

„Поклонись Аксаковымъ",—писалъ Шевыревъ Погодину,—„извини меня также предъ ними. Болѣзнь жены не позво-

лила мнѣ принимать постояннаго участія въ ихъ шестинедѣльной скорби. Сороковой день Сергѣя Тимоѳеевича приходится въ воскресенье, въ день Всѣхъ Святыхъ. Я буду молиться за покойнаго".

8 іюня 1859 года, въ сороковой день, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ Симоновъ. Сорокъ дней по С. Т. Аксаковѣ. Горесть семейства умилительна. За обѣдней. Обѣдалъ у нихъ. До вечера".

Когда вѣсть о кончинѣ Аксакова достигла М. А. Дмитріева, то онъ писалъ Погодину: „Сергѣй Тимоѳеевичъ, котораго мнѣ очень жаль, избавился теперь отъ своихъ тѣлесныхъ страданій, за которыя, впрочемъ, надобно благодарить Бога, когда онъ посѣщаетъ насъ передъ концомъ жизни, какъ за очищеніе: онѣ вычтутся изъ вѣчности. Онъ вступилъ теперь въ новый міръ, совсѣмъ отличный отъ нашего: другая природа, совсѣмъ не здѣшняя! Я думаю, всякій изъ насъ какъ изумится, увидя міръ духовный; даже и тотъ, кто много размышлялъ о немъ: ибо всѣ наши сужденія о немъ основываются на одной аналогіи; а какая аналогія между такихъ противоположностей [205])?

По истеченіи полугода со смерти С. Т. Аксакова, сынъ его Иванъ писалъ И. С. Тургеневу: „Что вамъ сказать о братѣ и вообще о нашихъ? Кончина батюшки не была для семьи просто потерею отца, но потерей, сверхъ того, самаго живаго и живящаго ея члена, самаго сочувственнаго лица, самаго ласковаго, теплаго и мудраго совѣтника, съ которымъ всѣ мы постоянно находились въ умственномъ общеніи. Что касается до меня собственно, то лично въ моемъ образѣ жизни не произошло никакой перемѣны, потому, что я почти никогда не жилъ вмѣстѣ съ семьей, воспитывавшись и проведя бо́льшую часть жизни внѣ семьи. Смерть вообще давно перестала быть для меня неожиданнымъ явленіемъ и не смущаетъ моихъ отношеній къ жизни. Слѣдовательно, про меня и говорить нечего. Но брата, кончина батюшки совершенно перевернула. Вы его не узнаете — такъ онъ

перемѣнился. Онъ какъ будто продолжаетъ держать за руку покойнаго, не покидаетъ его и за гробомъ, такъ сказать, находится въ постоянномъ съ нимъ общеніи. Всякое развлеченіе себя онъ считаетъ нравственнымъ паденіемъ. Для постороннихъ это можетъ казаться страннымъ, но для меня, которому была извѣстна эта исключительная, даже не христіанская, если хотите, привязанность его къ отцу,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ своей жизни Константинъ разлучался съ отцомъ только разъ въ жизни на четыре мѣсяца, да и этому ужъ двадцать пять лѣтъ! Они жили, спали, въ одной комнатѣ; отецъ мой, какъ страстный человѣкъ, такъ страстно полюбилъ своего первенца, что замѣнилъ ему нянъку, убаюкивалъ самъ его пѣснями и проч. Слѣдовательно, независимо отъ всего, возьмите въ соображеніе одну силу сорокалѣтней привычки. Еще въ молодости развлекался онъ другими привязанностями, но въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ, все, чтò было въ сердцѣ любви и нѣжности, все было сосредоточено имъ на одномъ отцѣ. Отецъ мой былъ слишкомъ уменъ и зорокъ, чтобы не понимать вреда этой исключительности, старался иногда ее ослабить, но и обстоятельства такъ сложились, и болѣзнь моего отца, вслѣдствіе которой онъ потерялъ одинъ глазъ, все это вмѣстѣ помѣшало ему, а старческая хворь, напротивъ того, заставляла дорожить такою привязанностью. Какъ бы то ни было, о Константинѣ Сергѣевичѣ могу сказать только то, утѣшительное, что онъ сталъ усиленно и много заниматься, чему свидѣтельствомъ служатъ тринадцать печатныхъ листовъ его критической статьи о Буслаевѣ, изъ которыхъ одна половина уже помѣщена въ V книгѣ *Бесѣды*, а другая появится въ VI книгѣ. Маменька ослабѣла и опустилась сильно, но здорова, какъ и всѣ прочіе. Въ послѣдній годъ жизни моего отца, критика была не только несправедлива къ нему, но жестка, груба и озлоблена. Кромѣ *Русской Бесѣды*, *Русскаго Вѣстника и Русскаго Дневника*, прочіе журналы почти и не упомянули о кончинѣ. Все это

въ порядкѣ вещей: отецъ мой, читая хвалебные о себѣ отзывы, всегда говаривалъ: „Когда же примутся ругать? А это непремѣнно будетъ“. Я увѣренъ, что черезъ нѣсколько времени мнѣніе критики опять повернется къ нему“ [206])....

Хотя И. С. Аксаковъ и бодрился, но и его положеніе было тяжко. Крушеніе *Паруса*, кончина отца, прекращеніе *Русской Бесѣды*... все это такія событія, которыя легли тяжелымъ камнемъ на его сердце.

Между тѣмъ, и въ это тяжелое для И. С. Аксакова время, онъ пытался возобновить свою журнальную дѣятельность, и въ августѣ 1859 года, задумалъ издавать въ Москвѣ еженедѣльную газету *Думу*. Московскій Цензурный Комитетъ не встрѣтилъ къ этому препятствія, Московскій оберъ-полицеймейстеръ князь Кропоткинъ засвидѣтельствовалъ, что „г. Аксаковъ поведенія хорошаго“; но Главное Управленіе Цензуры, „имѣя въ виду, что г. Аксаковъ не оправдалъ довѣрія Правительства при изданіи газеты *Парусъ*, опредѣлило: отказать ему въ просьбѣ издавать газету, подъ названіемъ *Дума*“.

„Въ *Думѣ*“,—писалъ И. С. Аксаковъ къ Погодину,—„мнѣ отказано. Тонъ всѣхъ цензурныхъ бумагъ очень строгъ и грозенъ“.

Въ тоже время и Погодинъ вздумалъ пуститься въ какое-то странное, фантастическое предпріятіе, о которомъ И. С. Аксаковъ, 8 мая 1859 года, т.-е., черезъ три дня послѣ похоронъ своего отца, писалъ ему слѣдующее: „Всѣ считаютъ это предпріятіе до того фантастическимъ, что участвовать въ немъ de bonne foi не хотятъ. Кошелевъ положительно объявилъ, что въ компаніи, нуждающейся для своего предпріятія только въ шести-стахъ рубляхъ, онъ не намѣренъ участвовать: еслибъ требовалось шестьсотъ тысячь, то это походило бы на дѣло; еслибъ требовалось *пожертвовать* тридцать-шестьдесятъ рублей и т. п., такъ это тоже имѣло бы смыслъ. Передаю вамъ отзывъ тѣхъ, кому предлагалъ. Виноватъ“ [207]).

Самъ же И. С. Аксаковъ рѣшился съ горя покинуть

осиротѣлую семью, больнаго брата, и пуститься на „лукавый Западъ", чтобы тамъ искать себѣ утѣшенія.

„Въ 1860 году, не разрѣшаютъ мнѣ",—писалъ Аксаковъ,— „никакого изданія. Слѣдовательно, опредѣленной внѣшней дѣятельности нѣтъ... Имѣя въ виду воротиться со временемъ непремѣнно къ редакторской дѣятельности, я хочу воспользоваться досугомъ, даруемымъ мнѣ судьбою, чтобъ подготовить себя лучше къ этой дѣятельности, чтобъ немножко позаняться собственной своей особой, подмести и поприбрать свой кабинетъ, многое, многое прочесть и т. п. Для этой цѣли, я командирую себя на годъ въ чужіе края" [208]).

Но и эта „командировка" не обошлась безъ пособія Погодина.

23 декабря 1859 года, И. С. Аксаковъ писалъ ему: „Паспортъ я получилъ, квартиру сдалъ, счеты съ Кошелевымъ покончилъ, дѣла *Бесѣды* ему передалъ, нынче переѣзжаю на квартиру Александра Николаевича Аксакова, въ Леонтьевскій переулокъ, въ домъ Занденъ. Позвольте же мнѣ теперь напомнить вамъ ваше обѣщаніе, достать мнѣ денегъ, за проценты, тысячу пятьсотъ р. с. не менѣе. Когда могу я надѣяться ихъ получить? Я предполагалъ бы ѣхать въ первыхъ числахъ января. Мнѣ очень совѣстно докучать вамъ такою просьбой, но вамъ лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстны всѣ обстоятельства. Константину гораздо лучше. Обнимаю васъ крѣпко".

Просьба была исполнена [209]).

Едва мы успѣли оплакать кончину двухъ братьевъ Ивана и Петра Кирѣевскихъ, какъ вслѣдъ за ними сошла въ могилу и благочестивая сестра ихъ, Марія Васильевна Кирѣевская.

Погодинъ, въ *Дневникѣ* своемъ 1859 года, записалъ:

Подъ *4 сентября*: „Кирѣевская Марія Васильевна умерла".

— *9* —: „Погребеніе М. В. Кирѣевской. Ея домикъ. Церковь Вознесенія. Рѣчь Терновскаго. Провожалъ до монастыря. Обѣдъ у Терновскаго".

Память М. В. Киреевской, Погодинъ почтилъ задушевнымъ словомъ. „Недавно скончалась въ Москвѣ,—писалъ онъ,—Марья Васильевна Кирѣевская, сестра незабвенныхъ Ивана Васильевича и Петра Васильевича. Все семейство, связанное узами сердечной любви, сошло съ поприща впродолженіи краткаго времени — трогательная судьба! Марья Васильевна предана была отъ души своему достойному священнику Сергію Григорьевичу Терновскому. Она выстроила себѣ домикъ въ его саду, и пріѣзжала сюда изъ своей деревни пожить въ уединеніи и побесѣдовать о мірѣ духовномъ. Въ нынѣшній пріѣздъ, она занемогла и скончалась. Связанный тридцатилѣтнею дружбою со всѣмъ семействомъ, я былъ на погребеніи. Умилительна была надгробная рѣчь почтеннаго старца. „Не я училъ ее, — говорилъ онъ со слезами, — а она учила меня. Это не только моя дочь духовная, а другъ мой, который былъ для меня полезнѣе, чѣмъ я для него". Слова текли отъ души и всѣ мы плакали. Ну, вотъ священникъ, и кто же не готовъ припасть къ ногамъ его и цѣловать его руки, видя неутомимую его службу святому дѣлу. Да не оскорбится его скромность этими невольными, случайными выраженіями общихъ къ нему чувствованій!

„А вамъ, г. редакторъ, указываю я на этотъ случай, чтобъ вы не пропускали подобныхъ, и имѣли для того корреспондентовъ по всѣмъ частямъ города. Сообщая это извѣстіе, я поступаю, можетъ быть, вопреки образу мыслей этого скромнаго и въ высшей степени деликатнаго семейства, но вѣдь оно принадлежитъ обществу, а общество можетъ и должно возвышаться надъ частными и личными соображеніями: для него полезны, нужны такія свѣтлыя указанія въ тинѣ гадостей, которыя безпрерывно оно слышать принуждено" [210]).

Друзьямъ и почитателямъ памяти Ивана Васильевича Кирѣевскаго ничего не осталось дѣлать, какъ собрать во едино, оставшіяся послѣ него сочиненія, и этимъ благимъ дѣломъ занялись: А. И. Кошелевъ и гостившій въ то время въ Москвѣ, М. А. Максимовичъ. Послѣдній, 12 января 1859 года,

писалъ Погодину: „Если имѣешь теперь досугъ, чтобы отыскать письма Кирѣевскаго и прислать ихъ мнѣ, съ моимъ посланнымъ Опанасомъ, то вели ему тотчасъ же ѣхать назадъ“ [211]).

LIII.

Мы знаемъ, что И. С. Аксаковъ, съ своимъ *Парусомъ*, пустился въ „многотрудное плаваніе“ по житейскому морю въ то время, когда, по слову Филарета, „угрожающія *слышанія браней* волновали правительства и народы“, и когда по Москвѣ разнесся слухъ о воззваніи Наполеона къ Славянамъ, по поводу котораго Погодинъ, въ своемъ *Дневникѣ*, восклицалъ: „Вотъ тебѣ разъ! Разинутъ ротъ наши дураки! Надо напечатать хоть письмо“ [212]).

Князь Н. В. Шаховской, въ своей *біографіи Н. П. Гилярова-Платонова*, приводитъ замѣчательное письмо И. С. Аксакова къ протоіерею М. Ѳ. Раевскому. Свѣдѣнія, заключающіяся въ этомъ письмѣ, вполнѣ подтверждаются документами.

Какъ только запретили *Парусъ*, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, по свидѣтельству И. С. Аксакова, „тотчасъ же спохватилось, что запрещеніе *Паруса* въ то время, когда его запретили въ Австріи и когда наша политика предписываетъ намъ дорожить сочувствіемъ Славянъ, весьма несвоевременно, что такой органъ Славянской мысли, который былъ бы центральнымъ Славянскимъ органомъ, былъ бы весьма полезенъ. Егоръ Ковалевскій доложилъ о томъ императрицѣ, она—государю; государь объявилъ, что онъ всегда такъ думалъ, и приказалъ Ковалевскому изыскать средства, чтобы, съ запрещеніемъ *Паруса*, не ослабить сочувствія Славянъ къ Россіи и поддержать литературныя сношенія съ ними. Всего проще было не запрещать *Парусъ*, или разрѣшить его вновь, но государь никакъ на это не согласился, а велѣлъ Ковалевскому предложить кому-нибудь изъ Московскихъ славянофиловъ,

только не Аксакову, продолжать *Парусъ*, подъ другимъ названіемъ. Вслѣдствіе чего, Егоръ Ковалевскій командировалъ въ Москву, для переговоровъ, Гильфердинга. Кошелевъ отказался, ибо онъ занятъ вопросомъ крестьянскимъ и не чувствуетъ въ себѣ редакторскаго призванія; прочіе никто не захотѣли". Наконецъ,—продолжаетъ далѣе Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ,— „Чижовъ согласился дать свое имя, т.-е., чтобы газета продолжала издаваться на мой счетъ, моими средствами, трудами, и подъ моей редакціей, только подъ именемъ Чижова. Ковалевскій (который, впрочемъ, всегда лично противъ меня интриговалъ), написалъ Чижову слезное письмо: *Спасите идею Паруса*! Меня просили — не публиковать о прекращеніи *Паруса*, чтобы можно было новую газету начать съ тѣми же подписчиками, т.-е., передать ихъ новой газетѣ и т. д. Намъ обѣщали полную независимость. Вся эта переписка была съ вѣдома государя... Мѣсяца два тому назадъ, *Парусу* запрещалось писать о Славянахъ, сдѣланы строгіе выговоры цензорамъ за пропускъ въ печати моихъ циркуляровъ, наконецъ запретили самый *Парусъ*, а тутъ пишутъ — *спасите идею Паруса*! Правительство, казалось бы, одно, да министерства разныя, личности разныя, минуты разныя... Прошу тутъ угадать. Ну-съ, написалъ Чижовъ о своемъ согласіи и написалъ также, чтобы Правительство не обманывалось, что газета будетъ Ивана Сергѣевича, а его только имя... Мы подали формальную программу, давъ новый газетѣ названіе *Пароходъ*"...

Письмо это можетъ служить для насъ, такъ сказать, предисловіемъ и комментаріемъ къ послѣдующему изложенію.

Насъ нисколько не удивляетъ, что самъ Егоръ Петровичъ Ковалевскій такъ горячо отстаивалъ *идею Паруса*; ибо самъ же онъ напечаталъ въ *Русской Бесѣдѣ*, 1858 года, свои *Путевыя Записки о Славянскихъ Земляхъ*, прочитáвъ которыя, Погодинъ, 1 марта 1858 года, писалъ нашему путешественнику: „Сію минуту только прочелъ ваши *Путевыя Записки о Славянскихъ Земляхъ*. Славянамъ была посвящена лучшая

часть моей души, объ нихъ я думалъ и мечталъ... Послѣ, вы знаете, что было послѣ! Разныя гнусности, которыхъ спеціально я сдѣлался предметомъ, одиночество и пр. охолодили меня вовсе, я возвратился къ своимъ лѣтописямъ, и только по временамъ заглядывалъ въ настоящее... Вы повернули меня на нынѣшній день въ прошедшее, и возбудили всѣ старыя, заглохшія чувства: эта опрокинутая барка, этотъ несчастный старикъ, потерявшійся сынъ, этотъ мальчишка, глодавшій кость, представились живо моему воображенію... Господи! Да неужели Ты еще долго попустишь это проклятое племя Австрійское господствовать надъ Славянами. Стыдъ, позоръ Россіи, что она не умѣла, не умѣетъ съ нимъ справиться. Часто брала меня досада и на васъ: знаетъ человѣкъ, чувствуетъ, хочетъ дѣлать, а какъ сядетъ на такое мѣсто, гдѣ можно дѣлать, такъ и начинаетъ слабѣть, дряхлѣть, портиться. Множество примѣровъ видѣлъ я такихъ между нашими братьями Русскими. Они бываютъ хороши, пока не могутъ, а какъ получатъ возможность, то и худѣютъ. Не примите это за упрекъ. Я хотѣлъ только, какъ авторъ—автору, передать впечатлѣнія статьи. Вашихъ дѣйствій я вѣдь собственно и не знаю, а досадовалъ раза два по слухамъ, можетъ быть, неосновательнымъ. Благодарю васъ паки и паки. Когда же выйдетъ все путешествіе вполнѣ? Вы взманили меня поселиться и въ этомъ домѣ подлѣ гавани, тѣмъ больше, что я собираюсь уѣхать надолго изъ любезнаго Отечества. Но Австрійцы меня укокошутъ или отравятъ, — боюсь. Думаю поселиться въ Швейцаріи“.

Будучи связана съ Е. П. Ковалевскимъ дружбою, графиня А. Д. Блудова писала Погодину: „Кто то сплетничаетъ изъ Петербурга въ Москву на Ковалевскихъ. Кто это, не знаю, хотя подозрѣваю. Не понимаю, зачѣмъ меня затягиваютъ въ это и что̀ за удовольствіе или выгода ссорить меня съ Ковалевскими. Я, съ *своей* стороны, этому не поддаюсь и не поддамся“.

Сдѣлавъ это отступленіе, „на преднее“,—по выраженію нашихъ старыхъ лѣтописцевъ,—„возвратимся“.

13 февраля 1859 года, П. А. Плетневъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „*Парусъ* Аксаковыхъ подвергли запрещенію. Между тѣмъ, дошла до высшей инстанціи пущенная въ ходъ идея, что Западные Славяне примутъ это запрещеніе, какъ соучастіе нашего Правительства въ преслѣдованіи Славянской національности Правительствомъ Австрійскимъ. И это обратило мысли на воскрешеніе славянофильскаго журнала. Онъ будетъ вновь выходить, но подъ редакціей Чижова и подъ названіемъ *Пароходъ*“ [213]).

Въ тоже время директоръ Азіятскаго Департамента, Егоръ Петровичъ Ковалевскій, обратился къ министру Иностранныхъ Дѣлъ, князю А. М. Горчакову, съ слѣдующимъ заявленіемъ: „Ваше сіятельство изволили объявить мнѣ желаніе государя императора, чтобъ издавалась въ Россіи газета съ цѣлью поддержать и развить сочувствіе соплеменныхъ намъ Славянъ, пробудившееся въ послѣднее время съ новою силою. Благотворная мысль эта приведена въ исполненіе. Ѳ. В. Чижовъ, извѣстный въ ученомъ мірѣ разработкой Славянскихъ матеріаловъ и другими замѣчательными статьями, согласился быть редакторомъ новой еженедѣльной газеты, которая будетъ издаваться въ Москвѣ, сообразно означенному направленію“...

Самъ же Ѳ. В. Чижовъ, 8 февраля 1859 года, писалъ Е. П. Ковалевскому: „Ваше предложеніе явилось ко мнѣ совершенно какъ снѣгъ на голову, недуманно, негаданно и нечаянно. Прежде всего я долженъ искренно благодарить васъ за полное ко мнѣ довѣріе и за ваше мнѣніе обо мнѣ, которое тѣмъ лестнѣе, что идетъ отъ самаго строгаго судьи въ предлагаемомъ мнѣ начинаніи. И искренняя благодарность, и глубокое мое уваженіе къ вамъ, и, не стану передавать вамъ обинявами, чувство человѣческаго достоинства,—все обязываетъ меня изложить то, какъ я смотрю на это дѣло и изложить со всею прямотою и искренностію. Мы съ И. С. Аксаковымъ соединены годами тѣсной дружбы; я его люблю и уважаю глубоко — и лично, и какъ члена безпредѣльно

уважаемаго и любимаго мною семейства. Поэтому, я не судья въ его дѣлѣ; поступилъ ли онъ неосторожно, по мнѣнію многихъ неблагоразумно, я не берусь рѣшать,—я судья подкупленный; знаю одно, что онъ ни подъ какимъ видомъ, ни по какимъ соображеніямъ, не могъ поступить нечестно, въ самомъ полномъ и широкомъ смыслѣ честности. При такой непоколебимой увѣренности, я не могу не только не раздѣлять его убѣжденій, которыя во всѣхъ основныхъ началахъ суть и мои собственныя убѣжденія, но даже не имѣю духу порицать того, какъ выразились его убѣжденія. Слѣдовательно, принять на себя изданіе его газеты (все равно, что она будетъ подъ другимъ именемъ, — имя не измѣнитъ сущности), я могу только соединенно съ нимъ, хотя бы и совершенно безъименнымъ съ заправщикомъ. Самое дѣло не позволяетъ мнѣ дѣйствовать иначе: я объ этой газетѣ думалъ, какъ всѣ мы, сочувствующіе и дѣлу, и направленію; никогда ни на одну минуту, не останавливался, ни на ея планѣ, ни на способахъ ея веденія, тѣмъ болѣе, что я вполнѣ погруженъ въ издаваемый мною журналъ. Согласитесь, что вамъ показалось бы или недостойнымъ дѣла, или просто обманомъ, если бы я сказалъ, что я сейчасъ же обдумалъ планъ газеты и поведу ее самъ самостоятельно. Не знаю, имѣете ли вы вѣрное о насъ понятіе, и потому увѣрены ли вы въ томъ, что мы здѣсь какъ люди, и какъ люди увлекающіеся, способны надѣлать промаховъ, но никакъ и ни подъ какимъ видомъ не способны обманывать, даже неспособны оправдать обмана, какъ средства, благородною цѣлью. Думаю, что мои сѣдые волосы, болѣе положительный взглядъ на вещи и долгое личное знакомство съ Славянами, въ дѣйствительной жизни, дадутъ мнѣ болѣе спокойствія. Но объ этомъ судить не мнѣ; судите и рѣшите вы сами. Къ тому же И. С. Аксаковъ уступаетъ мнѣ всѣ матеріалы и всѣ сношенія; при этомъ воспользоваться всѣмъ, въ ту минуту, когда онъ и безъ того и какъ писатель, и какъ человѣкъ, переноситъ большія невзгоды, значило бы, съ моей стороны, сдѣлаться журналистомъ-

спекулянтомъ, о чемъ не можетъ быть и слова. Слѣдовательно, газета будетъ спасенный *Парусъ*; — подъ другими условіями принять ея редакцію, не говорю уже я самъ, но вы, какъ человѣкъ безусловно благородный, почли бы съ моей стороны просто сквернымъ поступкомъ. Вотъ существенное и главное мое условіе. Не скрою отъ васъ, что я щитаю обязанностью взяться за это дѣло единственно потому, что въ Петербургѣ, внѣ вашего вліянія, оно хуже чѣмъ погибнетъ, ибо погибнетъ чистота святаго дѣла. Главное и неизмѣнное мое условіе заставляетъ меня просить васъ, исходатайствовать скорѣйшее разрѣшеніе переданнаго А. Ѳ. Гильфердингу объявленія, потому скорѣйшее, что наша публика иначе будетъ совершенно равнодушна къ новому изданію, появившемуся не во время; Славяне же упадутъ духомъ, если тотчасъ не услышатъ привѣтнаго голоса, который сказалъ бы имъ, что запрещеніе *Паруса* дѣло семейное, но что горячее сочувствіе къ нимъ остается тѣмъ же самымъ, какимъ оно высказалось имъ въ объявленіи о *Парусѣ*. Что касается до вещественной стороны изданія, то мы не имѣемъ надобности ни въ какомъ вспоможеніи: просили бы одного и то потому, что лишены возможности этимъ пользоваться, просили бы доставлять намъ Славянскія и Греческія періодическія изданія. Если вы не согласитесь съ моимъ взглядомъ на дѣло, то во всякомъ случаѣ я радъ представившейся возможности высказать вамъ мое глубокое къ вамъ уваженіе, безъ котораго никакъ нельзя было бы писать съ такою полною искренностью".

При этомъ письмѣ была приложена и программа газеты *Пароходъ*, съ изложеніемъ задачи предполагаемой газеты, которая, между прочимъ, заключалась „въ изслѣдованіи началъ Русской народности и проявленій ея въ современной дѣятельности Русскаго общества. Въ умственномъ и духовномъ сближеніи съ единоплеменными намъ Славянскими народами".

Но Чижовъ не ограничивался этою задачей. „Такъ какъ",—писалъ онъ,—„существенная черта Русской народности есть признаніе правъ на самобытное развитіе каждой

народности, даже иноплеменной,—то, вѣрная этому народному Русскому началу газета *Пароходъ*, предоставляетъ себѣ право говорить и о тѣхъ явленіяхъ современной Исторіи Востока и Запада, которыя болѣе или менѣе тѣсно связаны съ вопросомъ народности вообще и Русской или Славянской въ особенности. Въ этомъ смыслѣ *Пароходъ*, не будучи газетой политической, считаетъ своею обязанностью, однакоже, помѣщать отъ времени до времени обозрѣнія, съ точки зрѣнія народности вообще, главнѣйшихъ событій, какъ политическихъ, такъ и неполитическихъ, у народовъ намъ иноплеменныхъ".

Еще не читая программы *Парохода*, министръ Иностранныхъ Дѣлъ князь А. М. Горчаковъ писалъ слѣдующее къ министру Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскому: „Я не читалъ программы *Парохода*. Для отстраненія всякихъ недоумѣній и отчасти возраженій намѣстника Царства Польскаго, надо бы въ этой программѣ оговорить, что вызовъ литературнаго и историческаго содѣйствія дѣлается тѣмъ изъ нашихъ единоплеменниковъ, которые соединены съ нами узами вѣры. Такимъ образомъ, не будетъ рѣчи о католикахъ и Полякахъ. Полагаю, что до окончательнаго исполненія вы еще сочтете нужнымъ доложить государю императору. Въ этомъ предположеніи поставляю долгомъ предувѣдомить васъ, что названіе *Пароходъ*, кажется, не нравится его величеству и что государь императоръ предпочелъ бы, чтобы журналъ именованъ былъ *Славянскій Вѣстникъ* или что-нибудь подобное".

Въ противоположность своему министру, и какъ бы полемизируя съ нимъ, директоръ Азіатскаго Департамента Е. П. Ковалевскій, 19 февраля 1859 года, писалъ своему брату, министру Народнаго Просвѣщенія, слѣдующее: „Чижовъ и его сотрудники, принявъ на себя изданіе въ Россіи газеты, имѣющей цѣлью служить идеѣ Славянской народности, не поставили никакихъ условій, не требовали никакихъ преимуществъ, увѣренные, съ другой стороны, что они не бу-

дутъ подвергнуты никакимъ особеннымъ ограниченіямъ, сверхъ опредѣленныхъ закономъ цензурныхъ правилъ, коимъ подчинены всѣ редакціи періодическихъ изданій въ Россіи. Постановить въ отношеніи къ нимъ какія-либо исключительныя мѣры строгости, значило бы напрасно оскорбить людей, ничѣмъ не подавшихъ повода къ такой подозрительности. Чижовъ и его сотрудники избрали для своей газеты названіе *Пароходъ* потому именно, что оно не можетъ породить никакихъ неблагопріятныхъ толкованій. *Пароходъ* будетъ имѣть существенною цѣлью поддерживать въ Русскихъ читателяхъ сочувствіе къ единоплеменнымъ Славянамъ. Сочувствіе это вполнѣ законно и основано на неискоренимыхъ нравственныхъ началахъ. Русская Литература, конечно, въ правѣ говорить съ особенною любовью о тѣхъ Славянахъ, которые связаны съ нами, кромѣ родства кровнаго, еще родствомъ вѣры. Но въ правѣ ли она оказывать сочувствіе нѣкоторымъ только изъ Славянскихъ племенъ, а исключать другія? Что бы подумали, напримѣръ, Поляки, если бы Русская газета, изъявляя участіе къ другимъ Славянскимъ народамъ, вовсе забыла о нихъ? Въ такомъ случаѣ, сочувствіе наше къ Славянской братіѣ показалось бы имъ разсчитаннымъ съ политическою цѣлью служить приманкою для единовѣрныхъ намъ соплеменниковъ, живущихъ внѣ нашихъ предѣловъ. Напротивъ, мы должны убѣдить ихъ, что сочувствія наши вполнѣ безкорыстны, чужды мыслей о политическомъ преобладаніи и обнимаютъ безразлично всѣ единокровные намъ народы. Въ такомъ смыслѣ, Славянская идея есть лучшая примирительница между Польскою народностью и Русскою. Извѣстно, что въ новѣйшей Польской Литературѣ именно тѣ писатели, которые принадлежатъ къ Славянскому направленію, указываютъ своимъ соотечественникамъ на необходимость братолюбиваго союза съ Россіею. Умственное сближеніе съ нами и нашею Литературою, возможное не иначе, какъ при развитіи чувства Славянскаго сродства, особенно желательно для того, чтобы вывести Поляковъ изъ ихъ тѣсной исключитель-

ности, плодомъ которой являются въ нихъ самообольщенія народной гордости и мечтательный патріотизмъ".

LIV.

Чуткій къ интересамъ Отечества, доблестный защитникъ его, не жалѣвшій своей крови, но щадившій драгоцѣнную кровь подчиненныхъ, тогдашній намѣстникъ Царства Польскаго, Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, недовѣрчиво отнесся къ возбуждавшемуся тогда Славянскому вопросу, ради необходимости политической. Когда двоюродный братъ его, министръ Иностранныхъ дѣлъ князь А. М. Горчаковъ, довелъ до его свѣдѣнія, что государю благоугодно „переговорить съ нимъ объ изданіи новаго журнала *Пароходъ*, тогда князь М. Д. Горчаковъ, изучивъ программу новаго журнала, написалъ государю слѣдующее:

„По разсмотрѣніи программы, я нахожу, что подобный журналъ принесетъ большую пользу, если, какъ того надлежитъ ожидать и требовать, онъ будетъ писаться въ духѣ благонамѣренномъ, истинно Русско - монархическомъ, направляя воспоминанія о народныхъ древностяхъ и событіяхъ къ упроченію чувствъ вѣры, преданности престолу и братской любви между различными сословіями драгаго Отечества нашего. Такое направленіе зависитъ, во-1-хъ, отъ образа мыслей редактора, о которомъ я не могу сдѣлать никакого заключенія, ибо онъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ, и во-2-хъ, отъ наблюденій цензуры. Положительныхъ правилъ на этотъ счетъ заблаговременно начертывать нельзя: разборъ самаго щекотливаго вопроса можетъ быть излагаемъ такъ, что общее впечатлѣніе статьи на публику будетъ благое; разборъ самыхъ простыхъ, ничтожныхъ даже вопросовъ, написанный съ желчью, ѣдкостью и насмѣшкою, можетъ возбуждать ненависть однихъ сословій къ другимъ, презрѣніе къ властямъ и т. п., словомъ, производить на читателей самое гибельное вліяніе.

„Изложенное выше относится вообще къ періодическимъ изданіямъ, какова бы ни была ихъ спеціальная цѣль. Собственно на счетъ *Парохода* я осмѣлюсь представить нѣсколько частныхъ замѣчаній.

„Кажется, что общая цѣль *Парохода* есть почти тоже, что и *Паруса*, въ недавнемъ времени запрещеннаго. Разница только въ томъ, что Редакція послѣдняго взяла весьма вредное направленіе, тогда какъ Редакція перваго будетъ оставаться въ должныхъ предѣлахъ.—Эта разница есть существенная, капитальная. Не менѣе того, для отвращенія кривыхъ толковъ, какіе можетъ возродить близкое значеніе названій *Парусъ* и *Пароходъ*, для отнятія у пустослововъ повода говорить, что изданіе журнала, только что запрещеннаго, снова разрѣшается мѣсяцъ спустя, мнѣ кажется, что было бы полезно дать новому изданію иное названіе, напримѣръ: *Журналъ Археологическій*, *Журналъ Народныхъ Древностей*, или какое либо другое тому подобное наименованіе.

„Истинная, существенная цѣль новаго журнала, если я не ошибаюсь, состоитъ въ томъ, чтобы, посредствомъ воспоминаній о минувшихъ временахъ и разбора новѣйшихъ событій, оживлять сочувствіе всѣхъ Славянскихъ поколѣній къ Россіи, и возбуждать чувство *самобытнаго развитія народности* въ различныхъ Славянскихъ племенахъ.—Эта цѣль и сбыточна, и въ высшей степени полезна въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ сихъ племенъ; но, въ отношеніи къ другимъ, она несбыточна и попытки къ достиженію оной едва ли будутъ безвредны.

„Подвластныхъ скипетру вашего императорскаго величества Славянъ можно раздѣлить на два главные отдѣла: Русскіе и Поляки. Для Русскихъ, нѣтъ сомнѣнія, что воспоминанія о древностяхъ и разборъ новѣйшихъ событій, при Редакціи руководимой надлежащимъ духомъ, могутъ только усиливать врожденныя у насъ чувства благоговѣнія къ исповѣдуемой нами Православной вѣрѣ, безпредѣльной преданности престолу и правильныхъ соотношеній между различ-

ными сословіями.—На Поляковъ, воспоминанія о ихъ Древностяхъ будутъ вообще производить впечатлѣніе противное, напоминая имъ объ утраченной національности, о прежнихъ побѣдахъ надъ Россіею и т. п. О томъ, чтобы направлять статьи новаго журнала въ *возстановленію самобытнаго развитія Польской народности*, и мысли даже нельзя допускать; но и статьи, до сего предмета некасающіяся, какъ-то: разборъ и разсказы о Польскихъ Древностяхъ, о Польской Литературѣ и т. п., въ журналѣ истинно благонамѣренномъ, должны быть составляемы съ крайнею осмотрительностію, избѣгая всего, что могло бы воспламенять умы и пробуждать чувство утраченной народности, какъ напримѣръ, напыщенныя воспоминанія объ историческихъ фактахъ и лицахъ прошедшаго времени, почти постоянно враждебныхъ Россіи.

„Неподвластныя вашему величеству Славянскія племена можно раздѣлить на три главные отдѣла: въ 1-му, принадлежатъ части Польши, отошедшія подъ владычество Пруссіи и Австріи; ко 2-му, Нѣмцы Славянскаго происхожденія, исповѣдывающіе Протестантскую или Католическую вѣру; къ 3-му, племена Славянскаго происхожденія, Турціи подвластныя и исповѣдующія Православную вѣру.

„Возбуждать, посредствомъ журнальныхъ статей, чувство самобытнаго развитія Польской народности между Поляками, подвластными Австріи и Пруссіи, кажется намъ, не должно; подобное направленіе журнала было бы невыгодно, оно оживляло бы не чувство симпатіи къ Россіи, но чувство Польской народности, которое окончательно обратилось бы противъ насъ. Кромѣ того, такое направленіе Русскаго журнала, безъ пользы возродило бы опасенія двухъ сосѣднихъ державъ и вредило бы дружественнымъ между ими и Россіею соотношеніямъ. По этому я полагаю, что въ статьяхъ о Древностяхъ и событіяхъ Познанскаго Княжества и Галиціи, журналу должно быть столь же осмотрительну, какъ въ статьяхъ, относящихся до нашей Польши, избѣгая всякихъ намековъ, могущихъ дать поводъ Прусскому и Австрійскому правитель-

ствамъ думать, что мы хотимъ возбуждать броженіе умовъ въ Галиціи и Познанскомъ Княжествѣ.

„Относительно Славянскихъ племенъ, поселенныхъ въ Германіи, я полагаю, что попытки возбудить между ними истинную симпатію къ Россіи и духъ народной самобытности, были бы, съ одной стороны, тщетны, съ другой—невыгодны. Подобныя попытки были бы тщетны потому, что за исключеніемъ нѣсколькихъ ученыхъ и утопистовъ, неимѣющихъ никакого вліянія на массу народа, никто между сими племенами не дорожитъ своимъ Славянскимъ происхожденіемъ. Онѣ давно обращены въ Католической или Реформатской вѣрѣ и давно уже вполнѣ приняли обычай Нѣмцевъ. Я жилъ во время войны съ Саксонскими поселянами Славянскаго происхожденія, а во время мира три раза довольно продолжительное время съ поселянами Богемскими, и смѣю увѣрить, что, не взирая на сходство языка, ни тѣ, ни другіе не имѣютъ никакого сочувствія къ Россіи;—словомъ, я нашелъ, что въ обычаяхъ, нравахъ, чувствахъ религіозныхъ и гражданскихъ они совершенные Нѣмцы. Попытки посредствомъ журнальныхъ статей къ возбужденію въ этихъ племенахъ возстановленія совершенно изглаженнаго изъ умовъ чувства народной самобытности, не принося никакой пользы Россіи, могли бы только возродить въ сихъ краяхъ, такъ сказать, искуственное и слѣдовательно незначительное, но не менѣе того, вредное волненіе умовъ. Съ другой стороны, подобное направленіе Русскаго журнала возродило бы важныя опасенія противъ Россіи, не только въ тѣхъ государствахъ, коимъ эти племена подвластны, но можетъ быть и въ цѣлой Европѣ. Иностранные журналисты, всякаго рода публицисты, стали бы искать, съ какою цѣлію допускаются такія статьи нашимъ Правительствомъ, и это послужило бы имъ неоцѣненнымъ текстомъ для провозглашенія, что Россія ищетъ всѣми средствами распространенія своего владычества въ Западной Европѣ.

„По симъ уваженіямъ, я думаю, что, въ отношеніи къ помянутымъ племенамъ, журналу должно быть столь же осто-

рожну, какъ въ отношеніи къ населенію Галиціи и Познанскаго Княжества.

„Касательно племенъ Славянскихъ, подвластныхъ Турціи, я думаю, что старанія журнала поддерживать и развивать сочувствіе ихъ къ Россіи, а равно возбуждать и оживлять въ нихъ чувство народной самобытности, заслуживаютъ всякаго одобренія. Тамъ каждое брошенное зерно принесетъ неоцѣненный, можетъ быть, плодъ.- Живѣйшее сочувствіе сихъ племенъ къ Россіи возбуждаетъ не только воспоминанія однороднаго происхожденія (чувство отвлеченное и слѣдовательно несильное), но братство во Христѣ, всегдашнія усилія Россійскихъ государей къ облегченію ихъ горькой доли и кровь Русскихъ воиновъ. столь многократно за нихъ пролитая.

„Въ 3-мъ пунктѣ программы *Парохода* сказано: Такъ какъ существенная черта Русской народности есть *признаніе правъ на самобытное развитіе каждой народности, даже иноплеменной*, то вѣрная этому народному Русскому началу газета *Пароходъ*, *предоставляетъ себѣ право* говорить о тѣхъ явленіяхъ современной Исторіи Востока и Запада, которыя болѣе или менѣе тѣсно связаны съ вопросомъ народности вообще и Русской и Славянской въ особенности. Въ этомъ смыслѣ и прочее.

„Изъ всего вышеизложеннаго ваше императорское величество соизволите усмотрѣть, что, по моему мнѣнію, этотъ пунктъ программы подлежитъ измѣненію, потому что намъ не должно, кажется, возбуждать развитія народности между Нѣмцами Славянскаго происхожденія, и въ особенности потому, что выраженія, выше сего подчеркнутыя, могутъ быть понимаемы (конечно въ противность намѣренія господина Чижева), въ такомъ смыслѣ, что существенная черта Русской народности есть признаніе права *на самобытное развитіе Польской народности*. Въ столь важномъ предметѣ никакой неясности въ выраженіяхъ допускать не должно“.

Прочитавъ эту записку князя Горчакова, государь начерталъ: *Я совершенно раздѣляю вашъ взглядъ и желаю, чтобы*

записка ваша была прочитана въ будущее засѣданіе Совѣта Министровъ, гдѣ дѣло это должно быть окончательно рѣшено.

Какъ эта записка, такъ и записка Егора Петровича Ковалевскаго, были прочитаны, 19 февраля 1859 года, въ Совѣтѣ Министровъ, и какъ и слѣдовало ожидать, записка намѣстника Царства Польскаго послужила основаніемъ, по которому признано необходимымъ сдѣлать измѣненія въ программѣ, представленной Чижовымъ.

26 февраля 1859 г., государю благоугодно было утвердить одобренныя Совѣтомъ Министровъ измѣненія въ программѣ *Парохода* и при томъ повелѣть, препроводить ихъ въ Московскій Цензурный Комитетъ, для сообщенія Чижову, съ тѣмъ, чтобы онъ, если желаетъ на основаніи сихъ измѣненій, составить новую программу, представилъ бы ее въ тотъ Комитетъ, для дальнѣйшаго хода установленнымъ порядкомъ. Причемъ объявить Чижову отъ Московскаго Цензурнаго Комитета, чтобы, въ случаѣ утвержденія программы для новаго журнала, въ объявленіи о немъ не было вовсе упоминаемо о журналѣ *Парусъ*, а самое названіе *Пароходъ* должно быть замѣнено именемъ, напримѣръ: *Славянскій Вѣстникъ*, или какимъ либо другимъ, тому подобнымъ."

Московскій Цензурный Комитетъ, 27 марта 1859 года, извѣстилъ министра Народнаго Просвѣщенія, что цензоръ Гиляровъ-Платоновъ „словесно донесъ Комитету" о томъ, что „Чижовъ на предложенныхъ ему условіяхъ издавать газету не соглашается".

Тогда директоръ Азіатскаго Департамента Е. П. Ковалевскій представилъ своему брату, министру Народнаго Просвѣщенія, докладную записку слѣдующаго содержанія: „Предположеніе издавать въ Москвѣ газету, которая служила бы посредницею между Русскою публикою и Славянскими землями, не осуществилось. Но мысль, лежавшая въ основаніи этого предположенія, не можетъ быть покинута безъ явнаго вреда для нравственнаго вліянія Россіи между

нашими соплеменниками. Смѣю думать, что это убѣжденіе раздѣляютъ со мною многіе.

„Считаю наиболѣе удобнымъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, избрать органомъ для сближенія Русской публики съ Славянскими народами, *С.-Петербургскія Вѣдомости*, какъ газету, которая, пользуясь уваженіемъ въ нашей Журналистикѣ, имѣетъ слишкомъ восемь тысячъ читателей.—Редакція согласилась помѣщать подъ особою рубрикою, которая носила бы названіе: *Славянскія Земли*, извѣстія о происходящемъ у нашихъ соплеменниковъ, и корреспонденціи изъ тѣхъ странъ; отъ времени до времени Славянскіе вопросы обсуждались бы въ общемъ политическомъ обозрѣніи, а литературная дѣятельность Славянъ, могла бы иногда служить предметомъ статей въ фельетонѣ этой газеты.

„Имѣю честь повергнуть сіе на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства. Я знаю, какіе неблагопріятные толки возникли между Славянами вслѣдствіе запрещенія газеты *Парусъ*, настоящая причина коего тамъ неизвѣстна, и потому считаю долгомъ покорнѣйше просить васъ, не оставляя долѣе въ недоумѣніи всѣхъ, кому близокъ вопросъ Славянскій, дозволить по возможности скорѣе Редакціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* напечатать прилагаемое при семъ въ проектѣ объявленіе, и приступить къ исполненію означеннаго предпріятія".

Записка директора Азіатскаго Департамента, была 2 апрѣля 1859 г., прочитана въ Совѣтѣ Министровъ и удостоилась высочайшаго одобренія; причемъ „государю благоугодно было повелѣть, предположеніе о печатаніи въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* особенныхъ статей, подъ рубрикою *Славянскія Земли*, привесть въ исполненіе."

Такимъ образомъ, издателю *Отечественныхъ Записокъ* и *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, А. А. Краевскому, довелось сдѣлаться посредникомъ между Россіею и Славянами.

Подъ 9 апрѣля 1859 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Славянскія извѣстія въ *Петербургскихъ Вѣдо-*

мостяхъ! А я что̀ говорилъ! Меня ругали, клеветали, да и теперь въ томъ же положеніи".

LV.

Въ томъ же 1859 году, Москву посѣтилъ „замѣчательнѣйшій и популярнѣйшій изъ всѣхъ представителей Лужицкаго возрожденія",—сынъ сельскаго учителя въ деревнѣ Лазѣ— Янъ-Эрнестъ Смоляръ.

„Исторія возрожденія Лужицкой народности, — повѣствуетъ А. Н. Пыпинъ,—представляетъ вообще одинъ изъ самыхъ удивительныхъ примѣровъ Славянскаго движенія. Этому маленькому племени, составлявшему исключительно низшій классъ общества, лишенному всякихъ матеріальныхъ средствъ, издавна грозила совершенная германизація, — но, при всемъ томъ, общій потокъ національнаго движенія вынесъ и эту маленькую народность" [214]).

Въ Москвѣ, разумѣется, Погодинъ принялъ Смоляра съ распростертыми объятіями; но о пребываніи его въ Москвѣ, мы, къ сожалѣнію, имѣемъ скудныя свѣдѣнія. Погодинъ же, по своему обычаю, въ *Дневникѣ* своемъ, сообщаетъ объ этомъ пребываніи весьма лаконическія записи:

Подъ *25 іюля*: „Возилъ обѣдать въ клубъ Смоляра".

— *2 августа*: „Сбиралъ книги для Смоляра. Вдругъ, Тургеневъ и потомъ Бергъ, и помѣшали мнѣ отпустить порядочно Смоляра".

Шевыревъ, изъ своего Щекина, 28 іюля 1859 г., писалъ Погодину: „Весьма сожалѣю, что не могу познакомиться съ Смоляромъ, котораго Лужицкія пѣсни я изучалъ. Поклонись ему отъ меня, какъ отъ славянина славянину".

Изъ Москвы Смоляръ отправился въ Петербургъ. По поводу этой поѣздки, И. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Смоляру нуженъ *одинъ* Егоръ Ковалевскій. Это единственное условіе успѣха. Вмѣшательство Ростовцова и другихъ только раздражитъ обидчиваго Ковалевскаго, который очень

хорошо знаетъ Смоляра заочно, черезъ Гильфердинга, и который будетъ съ нимъ бесѣдовать братски, на Сербскомъ языкѣ. Къ Ковалевскому введетъ его старикъ Гильфердингъ... Къ Горчакову пусть введетъ самъ Ковалевскій. Пріютъ для Славянъ было бы отлично устроить. Дѣло начать слѣдуетъ *капиталистамъ*: вамъ, Кокореву, Кошелеву, Мамонтову".

Пользуясь оказіей, Погодинъ отправилъ съ Смоляромъ къ М. М. Стасюлевичу книгу и письмо, на которое послѣдній отвѣчалъ слѣдующее: „Благодарю васъ усердно, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, за ваше вниманіе и за вашу старую память. Смоляръ оставилъ у швейцара Университета вашу книгу на мое имя; жалѣю очень, что не успѣлъ повидаться съ нимъ и поговорить о его весьма полезномъ предпріятіи. Желаю ему отъ души всѣхъ успѣховъ, полезныхъ, больше для самого дѣла, нежели для его лично. Сомнѣваюсь однако, чтобы мнѣ удалось собрать здѣсь для него капиталъ. Я близокъ съ студентами-филологами, и этого уже достаточно для васъ, чтобы повѣрить мнѣ, что я имѣю дѣло далеко не съ капиталистами. Притомъ наши студенты такъ озабочены судьбою бѣдныхъ своихъ товарищей, что весь свой избытокъ посвящаютъ имъ. Надняхъ они успѣли собрать небольшую лишнюю сумму, но и ее должно было употребить для ближайшихъ цѣлей. Они устроили при Университетѣ читательное Общество, получили въ одномъ изъ университетскихъ залъ помѣщеніе и выпишутъ туда всѣ лучшіе современные журналы и газеты для общаго чтенія. Все это прекрасно; но все это заставляетъ сомнѣваться, чтобы у нихъ оказались средства для предпріятій, болѣе отдаленныхъ".

Въ Архивѣ Погодина сохранились письма къ нему Смоляра, за время пребыванія его въ Петербургѣ, въ 1859—60 г.

Познакомимся съ содержаніемъ этихъ писемъ:

Письмо 1-е, отъ 2 сентября:. . . „Имѣя въ рукахъ свои сочиненія для проэктированнаго журнала, я поспѣшилъ къ господину тайному совѣтнику Гильфердингу, и передалъ ихъ ему съ просьбою благосклонно прочесть ихъ, а затѣмъ до-

ставить мнѣ доступъ къ г. Егору Ковалевскому. Г. Гильфердингъ обѣщалъ мнѣ всевозможную поддержку, но ничего не могъ сдѣлать на прошлой недѣлѣ, такъ какъ г. Ковалевскаго не было въ городѣ. Третьяго дня, онъ дѣйствительно вернулся, но былъ тотчасъ же осажденъ такимъ множествомъ неотложныхъ дѣлъ, что г. Гильфердингъ счелъ болѣе сообразнымъ лучше еще подождать съ моимъ дѣломъ, чѣмъ неумѣстнымъ представленіемъ, можетъ быть, ему повредить. Онъ обѣщалъ тотчасъ же меня извѣстить, какъ скоро почва будетъ настолько подготовлена, что я могу самъ явиться къ г. Ковалевскому... Что касается новостей, сообщаю, что г. Гильфердингъ младшій женился и теперь со своею молодою женою, съ которою онъ, вѣроятно, вѣнчался въ Вѣнѣ, находится въ Швейцаріи. Кромѣ того, въ городѣ всюду разсказывали нѣсколько дней, что министръ Юстиціи выходитъ въ отставку, и что баронъ Корфъ займетъ его мѣсто. Наконецъ *Serbske Nowiny* въ Бауценѣ извѣщаютъ, что г. Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ недавно провелъ нѣсколько дней въ Бауценѣ и тамошнихъ Сербскихъ окрестностяхъ, а оттуда отправился дальше во Францію и Италію".

Письмо 2-е, отъ 26 сентября: „Наконецъ-то мнѣ удалось переговорить съ г. Егоромъ Ковалевскимъ въ прошлую среду, около 10 минутъ. Племянникъ его, Павелъ Михайловичъ Ковалевскій, вслѣдствіе рекомендаціи тайнаго совѣтника Гильфердинга, принялъ во мнѣ участіе настолько, что былъ такъ любезенъ и довелъ до свѣдѣнія своего дяди, заинтересовавъ его предпріятіемъ, которое я имѣю въ виду, вслѣдствіе чего послѣдній и разрѣшилъ мнѣ явиться въ вышеозначенный день въ Министерство. Онъ объяснилъ мнѣ безъ всякихъ околичностей, что у министра Горчакова мнѣ не добиться никакихъ цѣлей, и поэтому было бы излишнее и стараться. Но такъ какъ онъ самъ лично увѣренъ въ полезности моего предпріятія, то онъ будетъ заботиться о томъ, чтобы сумма просимая мною, и сама по себѣ незначительная для Русскихъ финансовъ, была бы собрана по его распоряженію, и онъ на-

дѣется, что ея императорское величество государыня императрица приметъ въ этомъ дѣлѣ участіе. О дальнѣйшемъ онъ переговорилъ съ своимъ племянникомъ, а я долженъ, время отъ времени, понавѣдываться къ послѣднему, чтобы узнать, насколько это дѣло подвигается впередъ. Затѣмъ, я былъ отпущенъ. Уже вечеромъ того же самого дня, я отправился къ г. Павлу Ковалевскому; я узналъ отъ него, что дядя его поручилъ ему изготовить оффиціальную бумагу (отношеніе), положивъ въ ея основу, данную мною программу, послѣ чего онъ ее представилъ па подпись государынѣ императрицѣ; подпишетъ самъ и надлежащимъ путемъ пуститъ эту бумагу въ обращеніе. Въ случаѣ бы это дѣло, какъ я могъ заключить по нѣкоторымъ даннымъ, было препровождено въ Москву, я прошу васъ убѣдительно, по возможности, ему способствовать, такимъ образомъ, чтобы въ октябрѣ я уже могъ бы уѣхать домой. Потому что, чѣмъ дольше дѣла меня будутъ здѣсь задерживать, тѣмъ больше буду напрасно тратить деньги. Кромѣ того, время не терпитъ, и мнѣ необходимо побывать еще разъ въ Москвѣ и въ теченіе этого года посѣтить главные города Австрійскихъ Славянъ. Конечно, я здѣсь не безъ дѣла и постоянно составляю матеріалы для своего журнала, и уже приготовилъ манускрипты для нѣсколькихъ нумеровъ; однако, жизнь обходится здѣсь очень дорого и мнѣ становится все болѣе невыгоднымъ управлять отсюда моимъ дѣломъ въ Бауценѣ. Конечно, я буду здѣсь терпѣливо ждать, пока наконецъ не добьюсь своихъ цѣлей, но мнѣ было бы пріятно, если бы не долго пришлось дожидаться. Отъ г. Кошелева я получилъ ваше письмо, вмѣстѣ съ записками къ г. Кунику и къ г. Срезневскому... Относительно вашихъ вопросовъ, спѣшу вамъ отвѣтить, что просьбу о моемъ проэктѣ я получилъ отъ г. Куника, и письма чрезъ г. Срезневскаго, но, вѣроятно, потому такъ поздно, что и тотъ, и другой не были въ городѣ... Я теперь часто бываю у Куника, который въ послѣднее время былъ не совсѣмъ здоровъ, и у Срезневскаго; кромѣ того, я навѣщаю, время отъ времени, Владиміра

Ламанскаго и провожу много времени въ Публичной Библіотекѣ. Книги я получаю изъ Академической Библіотеки, куда имѣю доступъ, по рекомендаціи Куника. Кошелева я видѣлъ нѣсколько разъ, но только одинъ разъ разговаривалъ съ нимъ продолжительно, такъ какъ онъ всегда очень занятъ; всетаки надѣюсь теперь почаще его посѣщать. Въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, онъ играетъ, кажется, главную роль и преимущественно образовалъ партію, которая стоитъ за *выкупъ*. У него ежедневно бываютъ оживленные дебаты. Съ книготорговцемъ Кожанчиковымъ я уже заключилъ контрактъ, копію съ котораго при семъ прилагаю... По поводу книгопродавческихъ переговоровъ, мнѣ пришла въ голову мысль, нельзя ли было бы прислать ко мнѣ двухъ молодыхъ Русскихъ людей, для изученія книжной торговли. Помѣщеніе и столъ я даю даромъ, но другіе расходы, около 150 таллеровъ въ годъ, долженъ принять на себя кто-нибудь со стороны... Что касается этихъ молодыхъ людей, то они изучили бы у меня книжную торговлю въ совершенствѣ... Насколько мнѣ извѣстно, Кокоревъ даетъ средства молодымъ людямъ посвящать себя наукѣ; нельзя ли устроить такъ, чтобы онъ далъ средства, для изученія книжной торговли. Въ заключеніе, позвольте мнѣ сдѣлать откровенное признаніе. Еще у себя на родинѣ я привыкъ встрѣчать ваше достопочтенное имя, читая Русскія и Славянскія сочиненія. Во время моего пребыванія въ Москвѣ, я научился восхищаться вашей чрезвычайной дѣятельностію и вашимъ всеобъемлющимъ умомъ; поэтому мнѣ любопытно было узнать, въ какой мѣрѣ восхищеніе, которое наполняетъ меня, питаетъ къ вамъ Россія? Къ моему величайшему удовольствію, и къ моему сильнѣйшему удивленію, я замѣтилъ, что имя ваше соединено со всѣмъ прекраснымъ и чудеснымъ, что совершалось въ Россіи съ давнихъ поръ, и что оно гораздо значительнѣе (извѣстнѣе), чѣмъ имя Гумбольдта въ Германіи. Ни одинъ день не пройдетъ, гдѣ бы я не слышалъ или не прочелъ о немъ что-нибудь; и когда, на дняхъ, была опубликована Уваровская

премія, мнѣ, передъ самымъ актомъ, пришла въ голову мысль, не будетъ ли на этомъ торжествѣ упомянуто ваше имя. И дѣйствительно, во время рецензіи сочиненія Энгельмана, особенное значеніе было придано *вашему* мнѣнію"!

Письмо 3-е, отъ 17 октября: „Нѣсколько дней тому назадъ, былъ я у Срезневскаго, который, изъ письма полученнаго недавно отъ васъ, сообщилъ мнѣ нѣсколько строкъ, выражающихъ самую ласковую заботливость обо мнѣ...... Что же касается вамъ извѣстнаго неотложнаго дѣла, то я уже нѣсколько разъ освѣдомлялся у Егора Петровича Ковалевскаго, но мнѣ не удавалось застать его дома, и я, конечно, по этому поводу чрезвычайно бы безпокоился, если бы по счастью не встрѣтилъ Кошелева. Этотъ послѣдній сообщилъ мнѣ, что Егоръ Петровичъ говорилъ съ нимъ по поводу моей просьбы, въ очень благопріятномъ для меня смыслѣ, присовокупивъ, что самъ онъ всѣми силами будетъ для меня стараться, такъ что я съ увѣренностію могу расчитывать получить необходимую сумму. Слова его чрезвычайно меня успокоили, и было бы желательно, чтобы онѣ какъ можно скорѣе исполнились, такъ какъ я съ каждымъ днемъ моего пребыванія въ Петербургѣ испытываю все увеличивающіеся денежные расходы. Хотя я здѣсь на столько питаюсь, на сколько это необходимо для существованія, и съ моего отъѣзда изъ Москвы истратилъ лишь два рубля на иныя потребности, все-таки счетъ мой за мое здѣшнее 11-ти недѣльное пребываніе составляетъ 129 рублей, за помѣщеніе и самое необходимое пропитаніе. Для моихъ провинціальныхъ понятій это ужасающая сумма; но при всемъ моемъ желаніи, я не знаю, какъ мнѣ себя еще ограничить въ моемъ положеніи. Денегъ этихъ мнѣ очень жалко, поэтому мнѣ бы хотѣлось, чтобы подобные расходы скорѣе сократились. Конечно, это можетъ тогда только осуществиться, какъ скоро мои желанія окончательно исполнятся. Поэтому осмѣливаюсь васъ сердечно просить, похлопотать у г-на Кошелева въ мою пользу и по возможности ускорить мое дѣло. Никто, кромѣ васъ, не можетъ

28*

это взять на себя, такъ какъ вы всюду пользуетесь громаднымъ авторитетомъ. Предпріятіе мое имѣетъ, впрочемъ, во всѣхъ мнѣ доступныхъ кружкахъ самое лестное сочувствіе; на дняхъ пришло ко мнѣ даже нѣсколько студентовъ, чтобы о немъ освѣдомиться и выразить мнѣ по поводу этого свою радость, что они, вслѣдствіе моего предпріятія, могутъ впредь многое узнать о Славянствѣ и будутъ имѣть возможность добывать себѣ Западно-Славянскія книги. Я посѣщаю время отъ времени лекціи многихъ профессоровъ здѣшняго Университета".

Письмо 4-е, отъ 5 декабря: „Господину Стасюлевичу, съ которымъ я уже прежде познакомился чрезъ Срезневскаго, я передалъ присланую вами книгу; я старался, вслѣдствіе вашего добраго совѣта, побудить ихъ устроить въ пользу моего предпріятія сборъ: но у нихъ къ этому *нѣтъ* никакого расположенія. Можетъ быть, его можно было бы впослѣдствіи вызвать, если бы они получили со стороны авторитетныхъ лицъ Россіи *приглашеніе*. Но, тише ѣдешь, дальше будешь, и поэтому я вооружился терпѣніемъ, въ твердой надеждѣ, что мое терпѣливое выжиданіе приведетъ наконецъ къ цѣли. Уже на прошлой недѣлѣ, слава Богу, сдѣланъ въ этомъ направленіи значительный шагъ впередъ: г-нъ Кошелевъ прислалъ мнѣ сумму въ 500 рублей, отъ себя, Хомякова и графа Толстого. На повѣсткѣ, присланной мнѣ по этому поводу съ почты, названъ я: *Иванъ Ивановичъ Смоляръ*. Но такъ какъ въ моемъ паспортѣ я названъ былъ оффиціально И. Е. Шмалеръ (I. E. Schmaler), то я отправился съ повѣсткой не въ полицію, а къ Егору Петровичу Ковалевскому, чтобы тамъ засвидѣтельствовать тождество моей личности съ И. И. Смоляръ. При этомъ случаѣ, Ковалевскій сообщилъ мнѣ, что ея императорское величество государыня императрица, побуждаемая фрейлиной Тютчевой и въ особенности секретаремъ Морицомъ, подписала въ пользу моего предпріятія 500 рублей; Ковалевскій поручилъ мнѣ сходить въ Канцелярію императрицы и получилъ тамъ означенную сумму. Поэтому я отправился въ Зимній Дворецъ, гдѣ и получилъ, чрезъ

г-на Морица, изъ Кассы императрицы 500 р., а изъ собственнаго его кармана 50 рублей. Обѣ эти суммы принялъ я съ благодарностію и при томъ узналъ, что со стороны Тютчева (у котораго я былъ съ Александромъ Гильфердингомъ по поводу моего дѣла), дѣлаются попытки заинтересовать при случаѣ его императорское величество государя въ пользу моего предпріятія. Кромѣ этого, здѣсь больше ничего не сдѣлано. Впрочемъ, къ моему величайшему утѣшенію, Кошелевъ написалъ мнѣ, что и вы обѣщали устроить въ кругу вашихъ знакомыхъ подписку въ пользу моего предпріятія. Это извѣстіе меня крайне обрадовало, потому что я отлично знаю, что дѣло мое навѣрно пойдетъ въ ходъ, если вы примете въ немъ дѣятельное участіе. Я уже и такъ вамъ безконечно благодаренъ за вашу чрезвычайную любезность и было бы почти невѣжливо, если бы я васъ попросилъ усилить вашу доброту и устроить какъ можно скорѣе упомянутую подписку. Дѣйствительно, давнымъ-давно пора вернуться домой и заняться имѣющимся въ виду изданіемъ моего — съ гордостью могу сознаться—совершенно по *вашей* мысли проэктированнаго журнала. Г-нъ Ганка, сообщилъ сюда, что появленіе журнала ожидается съ большимъ нетерпѣніемъ со стороны Чеховъ, а въ Аграмѣ, предполагавшійся Славянскій журналъ на Нѣмецкомъ языкѣ, не будетъ издаваться, потому что предполагаютъ, что изданіе моего журнала въ Саксоніи будетъ и лучше, и надежнѣе. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что меня тянетъ въ Саксонію, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, чтобы заняться тамъ журнальной дѣятельностію въ извѣстномъ направленіи. Но я ничего не могу предпринять, пока мои денежныя обстоятельства не достигнутъ вамъ извѣстной степени. Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, также какъ и Императорская Публичная здѣшняя Библіотека, назначили меня своимъ заграничнымъ книготорговцемъ-коммиссіонеромъ. Я очень этому благодаренъ, но для достиженія большаго удовлетворенія, хотѣлось бы мнѣ привезти въ Западную Европу и Московскій титулъ, такъ какъ Москва пользуется

тамъ большимъ значеніемъ. Что *Бесѣда* прекратила свое существованіе, объ этомъ очень сожалѣютъ; но надѣятся, что подъ этимъ названіемъ выйдетъ, по крайней мѣрѣ, сборникъ".

Письмо 5-е, отъ 30 декабря: „Вы, вѣроятно, до нѣкоторой степени удивились, что я еще все въ Петербургѣ. Случилось это потому, что мнѣ подали надежду въ возможности полученія вспомоществованія отъ графа Кушелева. Одна дама, г-жа Шеншина, хотѣла у него исходатайствовать; но не представилось къ этому удобнаго случая, а между тѣмъ она должна была ѣхать въ Москву. Но, до своего отъѣзда, она направила меня, чрезъ Александра Ѳедоровича Гильфердинга, къ князю Черкасскому, который, черезъ г-на Галагана, долженъ былъ представить меня графу. Конечно, я тотчасъ же направился къ князю, который принялъ меня очень ласково; но такъ какъ онъ скоро уѣхалъ на праздники, то мнѣ приходится ждать, пока онъ вернется, что́ мнѣ крайне непріятно, такъ какъ я опять долженъ истратить много денегъ въ прекрасномъ Петербургѣ. Можетъ быть, мнѣ удастся познакомиться въ будущее воскресенье съ г-номъ Галаганомъ. Я также познакомился съ извѣстнымъ вамъ Николаемъ Аркадьевичемъ Ригельманомъ, и вотъ, къ нему-то и придетъ въ означенный день г-нъ Галаганъ. Егоръ Петровичъ Ковалевскій собралъ уже въ Петербургѣ 1075 рублей, и какъ только мнѣ удастся получить кое-что съ графа, я тотчасъ же соберусь и отправлюсь въ Москву. Если бы мнѣ настойчиво не напоминало бы о васъ чтеніе, которому я предаюсь, знакомства, которыми я обзавелся, и мое собственное къ вамъ расположеніе, то мнѣ напоминали бы о васъ всевозможные оффиціальные случаи. Я, напримѣръ, посѣтилъ засѣданіе Географическаго Общества, и вчера торжественное Собраніе Академіи Наукъ, и въ обоихъ случаяхъ ваше имя было упомянуто съ особымъ отличіемъ. Въ Россіи, ни въ какой партіи нельзя обойти вниманіемъ ваше имя, которое, во всѣхъ направленіяхъ оказало услугу Наукѣ и Отечеству. Какъ непріятное Нѣмецкой партіи новшество, слѣдуетъ

замѣтить, что на послѣднемъ засѣданіи Академіи, нѣкоторые доклады были прочитаны на Русскомъ языкѣ".

Письмо 6-е, отъ 20 февраля 1860 г.... „Какъ я уже писалъ вамъ на Рождествѣ, я былъ вынужденъ на дальнѣйшее мое пребываніе здѣсь, потому что г-жа Шеншина, черезъ г. А. Ѳ. Гильфердинга, подала мнѣ надежду, что съ ея помощью я получу значительную поддержку въ моихъ предпріятіяхъ, отъ графа Кушелево-Безбородко. Но такъ какъ она сама должна была уѣхать раньше, чѣмъ могла устроить мнѣ это, то она передала это дѣло князю В. А. Черкасскому. Этотъ тоже не могъ немедленно приняться за дѣло, такъ какъ тоже долженъ былъ уѣхать. Поэтому я вооружился терпѣніемъ, пока, наконецъ, по возвращеніи князя, я не получилъ отъ него рекомендательнаго письма къ г. Галагану, чтобы съ помощью этого послѣдняго достигнуть до графа Но прежде чѣмъ я могъ воспользоваться этимъ письмомъ, пришло извѣстіе, что графъ Кушелевъ уѣхалъ въ Парижъ, и такимъ образомъ, оказалось, что я напрасно испытывалъ свое терпѣніе. Вы не повѣрите, какъ это меня огорчило; въ это время я получилъ ваше письмо, которое было для меня, какъ бы посланіемъ съ неба, потому что я изъ него съ увѣренностью могъ заключить, что вы, съ свойственной вамъ добротой, дадите мнѣ, наконецъ, возможность располагать той суммой, которая мнѣ еще такъ необходима для моего предпріятія. Но такъ какъ вашъ пріѣздъ сюда все еще задерживается, то я снова впалъ въ безпокойство; но вмѣстѣ съ тѣмъ, я надѣюсь, что вы, по вашей добротѣ, извините меня, если я обращусь къ вамъ съ слѣдующей покорнѣйшей просьбой. Не будетъ ли для васъ неудобно, если я, такъ какъ вы сами не можете скоро сюда пріѣхать, пріѣду самъ къ вамъ теперь въ Москву, чтобы тамъ, съ вашею помощью, получить необходимую для меня сумму и потомъ возвратиться на родину. Я считаю себя тѣмъ болѣе вынужденнымъ къ этой просьбѣ, что въ скоромъ времени истекаетъ срокъ моему паспорту и, кромѣ того, передъ

совѣстью, мнѣ нечѣмъ будетъ платить всѣ тѣ расходы, съ которыми сопряжено мое дальнѣйшее пребываніе здѣсь"...

Письмо 7-е, отъ 5 марта: „...Мнѣ нужно будетъ короткое время провести въ Москвѣ, и я всепочтительнѣйше прошу васъ, позволить мнѣ у васъ остановиться"...

Письмо 8-е, отъ 13 марта: „Такъ какъ по всей вѣроятности не застану васъ дома, чтобы устно изложить вамъ просьбу касательно одного южнаго славянина Милована Ѳедоровича Янковичъ, то позволяю себѣ обезпокоить васъ письменно. Г. Янковичъ прибылъ сюда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, съ рекомендательными письмами отъ Сербскаго митрополита Михаила, и черезъ эту рекомендацію прежде всего сталъ извѣстенъ г-ну Егору Петровичу Ковалевскому и графинѣ Блудовой, а затѣмъ Срезневскому, Гильфердингу, Ламанскому и т. д. Онъ пріѣхалъ сюда, чтобы ближе ознакомиться съ Россіей и здѣшними вліятельными кружками; на это путешествіе онъ получилъ отпускъ отъ князя Милоша. Янковичъ былъ именно въ Бѣлградѣ профессоромъ Политической Экономіи, такъ же какъ и финансовымъ коммисаромъ въ Государственномъ Главномъ Контролѣ. Онъ былъ также въ свое время секретаремъ въ Св. Андреевской Скупщинѣ и пріобрѣлъ тамъ такое огромное вліяніе, что Милошъ былъ вызванъ въ Сербію. Въ то время какъ Янковичъ здѣсь пробудетъ, такъ называемая, національная партія, при содѣйствіи которой однако Милошъ достигъ правительственной власти, оттѣснится Австрійско-Сербской партіей, и Милошъ далъ себя уговорить не дозволять выдавать содержанія г-ну Янковичъ. Хотя эта неблагодарность и должна возмутить Янковича, такъ какъ черезъ это онъ впалъ нъ нужду, но изъ патріотизма и не желая, чтобы въ Сербіи производились новыя смуты, онъ терпѣливо пореносить оскорбительную несправедливость и до тѣхъ поръ останется въ Россіи, пока Милошъ не умретъ и не передастъ княжескій престолъ своему сыну Михаилу. Между тѣмъ, долженъ же онъ приглядѣться, какъ ему можно будетъ въ Россіи кормиться честнымъ образомъ, и

потому нѣсколько времени тому назадъ онъ освѣдомлялся уже у одного служащаго у Кокорева, не можетъ ли онъ получить у него въ конторѣ занятій, и г-нъ Кокоревъ благосклонно согласился принять его къ себѣ на службу, но съ условіемъ, прежде поближе съ нимъ познакомиться. Теперь Янковичъ въ скоромъ времени поселиться у Кокорева, но напередъ нужно заручиться правомъ на ваше любезное ходатайство, потому что вездѣ говорятъ, что ваше слово имѣетъ большое значеніе у Кокорева. Янковичъ сегодня или завтра намѣревается посѣтить васъ, но предварительно просилъ меня васъ объ этомъ увѣдомить. Въ увѣренности, что вы исполните его просьбу, я считаю долгомъ присовокупить что г-нъ Янковичъ зарекомендовалъ себя честнымъ человѣкомъ, и здѣсь останется такимъ же. При вашемъ проницательномъ умѣ, вы сами скоро увидите, какой это одаренный человѣкъ, и я убѣжденъ, что вы помѣстите его у Кокорева".

Письмо 9-е, отъ 29 марта: „Въ прошлое воскресенье, я былъ въ обществѣ нѣсколькихъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ приходилось присутствовать на торжественномъ пасхальномъ богослуженіи въ Москвѣ. Они много разсказывали о немъ, и одинъ изъ нихъ случайно обратился ко мнѣ съ вопросомъ, неужели я, какъ иноземный славянинъ, не поѣду на Пасху въ Москву. Я отвѣтилъ отрицательно, и выставилъ между прочимъ, причиною помѣхи для этой поѣздки, взятую мною за правило бережливость. Между тѣмъ, вчера вечеромъ я получилъ письмо отъ неизвѣстнаго, который подписался *Москофиломъ*; въ этомъ письмѣ были вложены 15 рублей, какъ *вспоможеніе мнѣ для поѣздки на Пасху въ Москву*. Этотъ неизвѣстный, вѣроятно, былъ изъ числа лицъ, въ обществѣ которыхъ я находился въ воскресенье; и такъ какъ онъ прислалъ мнѣ эти деньги, именно для того, чтобы я могъ осуществить свое самое дорогое сердечное желаніе, то я рѣшился уѣхать въ пятницу отсюда въ Москву. Такъ какъ, чтобы, по возможности, что нибудь сберечь, я поѣду съ ѣдущимъ послѣ полудня *тяжелымъ* поѣздомъ, на которомъ билетъ стоитъ 4 рубля, то я

пріѣду въ Москву только въ субботу вечеромъ, и не знаю, придется ли мнѣ посѣтить васъ въ тотъ же день, такъ какъ я боюсь пропустить торжественное богослуженіе въ церквахъ Кремля. Я надѣюсь найти себѣ пристанище на ночь съ субботы на воскресенье гдѣ-нибудь внутри города и попрошу директора Сенатской Типографіи, г. Струкова *), быть моимъ чичероне на всѣхъ главныхъ торжествахъ. Отъ г. Кожанчикова я получилъ любезно назначенный вами для меня экземпляръ вашего сочиненія. Я уже началъ переводить его и оно составитъ *первую статью* въ *первомъ* нумерѣ моего журнала, имѣющаго выдти въ свѣтъ 1 іюля. Я долго думалъ о томъ, кто долженъ имѣть честь занять названное первое мѣсто, и хотя мое сердце прямо указывало мнѣ на васъ, однако, ни одна статья изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ вашихъ сочиненій, не была подходящей для этого. Прочитавъ же ваше новѣйшее сочиненіе, я нахожу, что, по программѣ своего журнала, мнѣ не подыскать лучшей работы, съ которой я бы могъ начать его, чѣмъ переводъ вашего сочиненія. Оно такъ составлено, что одинаково удовлетворитъ и заинтересуетъ и западно-европейскаго ученаго (будь онъ самый ученѣйшій), и тѣхъ Славянскихъ читателей, которые совсѣмъ не занимаются научными изслѣдованіями. Я счастливъ, что могу выступить въ первый разъ въ своемъ журналѣ съ этой вашей превосходной работой. Однако, я позволяю себѣ все-таки замѣтить, что счастіе это, къ сожалѣнію, разрушается тѣмъ, что мнѣ все еще не достаетъ значительной суммы для твердаго основанія моего предпріятія, какъ я уже писалъ вамъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Мое единственное утѣшеніе это вы, и поэтому я еще разъ покорнѣйше и убѣдительнѣйше прошу васъ, быть добрымъ и устроить какъ-нибудь такъ, чтобы достать мнѣ, къ моему отъѣзду изъ Москвы, все еще необходимые мнѣ 300 р. Я пробуду въ Москвѣ два дня, и я буду безутѣшенъ, если мнѣ придется уѣхать безъ денегъ“.

*) Дмитрій Михайловичъ. Въ то время онъ занималъ въ Сенатской Типографіи болѣе скромное мѣсто. *Н. Б.*

Письмо 10-е, отъ 18 апрѣля: „Въ субботу, 30 апрѣля, въ полдень, я выѣду отсюда на Любекскомъ пароходѣ *Оріонъ*, и я твердо надѣюсь, что къ этому дню вамъ какъ нибудь удастся достать необходимую мнѣ сумму 300 рублей и любезно мнѣ ее препроводить. Я всѣми силами старался здѣсь, по вашему любезному указанію, найти какую нибудь матеріальную поддержку. Но все это было напрасно, и вся моя надежда теперь вполнѣ на васъ, такъ какъ вы лучше меня знаете средства и пути, и такъ какъ, если не ради меня, то вслѣдствіе вашего ходатайства, что-нибудь сдѣлаютъ для меня и для моего предпріятія. Поэтому я еще разъ покорно и убѣдительно прошу васъ, надлежащимъ образомъ походатайствовать за меня, чтобы я наконецъ получилъ упомянутую недостающую сумму, ибо для меня было бы очень прискорбно, если, за неимѣніемъ 300 рублей, мое предпріятіе рушится. Все мое стараніе и всѣ мои труды, которые я употребилъ за все мое долгое пребываніе въ Россіи, не принесли бы никакой пользы Славянскому дѣлу, если бы я не могъ выпустить въ свѣтъ свой журналъ и пустить въ ходъ тѣсно связанную съ нимъ торговлю Славянскими книгами между Востокомъ и Западомъ. Для того, чтобы это привести въ исполненіе, я долженъ непремѣнно имѣть упомянутую сумму, и поэтому я убѣдительно прошу васъ, своевременно дѣйствовать. Ибо если вы мнѣ въ этомъ случаѣ какъ нибудь не поможете, то, за недостаткомъ 300 рублей, главная цѣль моего путешествія не будетъ достигнута . . . . . . Я живу теперь у И. И. Срезневскаго"...

Изъ приведенныхъ писемъ, мы видимъ, что Смоляръ причинялъ Погодину не мало хлопотъ, да и вообще отъ частыхъ посѣщеній Москвы Славянами, Погодину приходилось иногда очень тяжко; ибо почти никто изъ нихъ не обходился безъ его пособія въ томъ или другомъ смыслѣ. Вотъ, напримѣръ, графъ А. К. Толстой пишетъ И. С. Аксакову: „Извольте принять, обласкать и опредѣлить въ Университетъ подателей сего, двухъ молодыхъ сербовъ: Баракта-

ровича и Симича. Они очень бѣдны, очень порядочны и идутъ пѣшкомъ изъ Болгаріи въ Петербургъ. Я совѣтовалъ имъ поступить не въ Петербургскій, а въ *Московскій* Университетъ". Аксаковъ же это письмо графа Толстого препроводилъ къ Погодину, съ слѣдующею припискою: „Вотъ еще Богъ послалъ Славянъ. Натолкнулись они въ Черниговѣ,— гдѣ, все что было съ собою продали,—на Толстого, который и далъ имъ средства добраться до Калуги. Въ Калугѣ, Арцимовичъ и Жемчужниковъ надѣлили ихъ нужнымъ. До Москвы довезъ ихъ Серно-Соловьевичъ. Въ моемъ распоряженіи есть сумма графа Толстого—рублей двѣсти. Ихъ нельзя прямо въ Университетъ, нужно сначала въ Гимназію. Но къ кому, куда, какъ? Это все вы можете одни устроить".

Подъ 29 іюля 1859 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Сербы молодые. Скучно".

Съ подобною же просьбою обращался къ Погодину и Безсоновъ:

„Податель сего,—писалъ онъ—вамъ извѣстный болгаринъ Караконавскій. Онъ пріѣхалъ для здѣшняго Университета, по распространеннымъ фальшивымъ разсказамъ о пособіяхъ Славянофиловъ. Содержаться нечѣмъ. Просить, напоминать о такомъ щекотливомъ вопросѣ—просто сдѣлалось неделикатно. Но это лучшій и надежнѣйшій болгаринъ, какого только удавалось мнѣ видѣть. Не смѣю вамъ его навязывать, а просто свидѣтельствую о немъ: не вспомните ли сами какого благодѣтеля или какое либо новое средство помощи въ подобныхъ обстоятельствахъ? Да озаритъ васъ судьба Славянъ какою либо благою мыслію. Крайне жаль было бы, такому достойному юношѣ дать воротиться безнадежно".

Между тѣмъ, графиня Блудова (14 ноября 1858 г.) писала Погодину: „Будьте осторожны съ Славянами. Это теперь спекуляція ѣхать въ Россію".

Въ тоже время пребывалъ въ Москвѣ Вѣнскій протоіерей нашъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Раевскій.

Подъ 30 іюля 1859 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Священникъ Вѣнскій о Славянахъ“.

На другой день, Ѳ. В. Чижовъ, обратился къ Погодину съ слѣдующею просьбою: „Позвольте намъ, Михаилъ Петровичъ, быть у васъ вечеромъ, то есть: Михаилу Ѳедоровичу Раевскому, Аксакову и мнѣ. По соображеніямъ, что сегодня пятница, и что поэтому Раевскому не совсѣмъ прилично обѣдать въ трактирѣ, гдѣ дадутъ скоромное, мы должны были согласиться съ нимъ, а также хочется пробыть вмѣстѣ съ нимъ и вами и потолковать въ тишинѣ объ общемъ, занимающемъ всѣхъ насъ дѣлѣ“ [215]).

Просьба исполнена, и Погодинъ, подъ 31 іюля 1859 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеромъ Раевскій, Чижовъ и Аксаковъ, о Славянахъ“.

Какъ отголосокъ старины, была для Погодина вѣсть изъ Праги, сообщенная ему профессоромъ Московской Семинаріи Ильей Васильевичемъ Бѣляевымъ. Лѣтомъ 1859 года, И. В. Бѣляевъ, по совѣту врачей, вынужденъ былъ ѣхать въ Карлсбадъ. Ректоръ Семинаріи архимандритъ Савва обратился объ этомъ съ просьбою къ митрополиту Филарету. На письмѣ ректора, митрополитъ положилъ слѣдующую резолюцію: „До сихъ поръ наша братія находила здоровье дома. Но если врачъ требуетъ отъ больного путешествіе за границу: пусть будетъ просьба, и будетъ разсмотрѣна“ [216]).

Какъ бы то ни было, И. В. Бѣляевъ побывалъ въ Прагѣ и привезъ Погодину письмо отъ Ганки, который, 12 сентября 1859 года, писалъ ему: „Мнѣ очень, очень пріятно было ваши строки прочитать, и что касается подателя ихъ, Ильи Васильевича, то только намъ не понравилось, что онъ такъ скоро отъ насъ уѣзжаетъ. Прочее, какъ мы здѣсь живемъ, скажетъ онъ вамъ устно. У насъ все по старому и мы паче васъ ждемъ лучшихъ временъ“.

LVI.

Большую часть года, А. С. Хомяковъ проживалъ въ своемъ любимомъ селѣ, подъ Тулою, Богучаровѣ. Въ глубокую осень 1859 года, Погодинъ пожелалъ посѣтить своего друга, въ его сельскомъ уединеніи. Объ этомъ посѣщеніи сохранились слѣдующія записи въ *Дневникѣ* Погодина, 1859 года.

Подъ *18 ноября*: „По утру пришла мысль поѣхать къ Хомякову, въ Богучарово, чтобы промяться. Послалъ спросить Кошелева. Радъ, и мы отправились въ 7 часовъ“.

— *19* — : „Пріѣхали. Радехонекъ Хомяковъ. Его жилище Прочелъ намъ свое письмо къ Утрехтскому епископу“

— *20* — : „У обѣдни. Толковали и шутили. Пріятно. Отобѣдали и отправились“.

— *21* — : „Пріѣхали въ Москву благополучно“.

— *29* — : „Писалъ о поѣздкѣ къ Хомякову“.

Въ Архивѣ Погодина сохранился листокъ, который можетъ служить памятникомъ его поѣздки въ Богучарово. Въ этомъ листкѣ, мы читаемъ: „Заработавшись въ послѣднее время, я радъ былъ случаю прогуляться и отправился, съ А. И. Кошелевымъ, навѣстить подъ Тулою Хомякова, который повредилъ себѣ ногу.

„А мысли, разъ возбужденныя, роятся себѣ на морозѣ точно также, какъ и передъ каминомъ.

„Давно я уже не ѣздилъ ни по какимъ дорогамъ, кромѣ желѣзныхъ. Первое пріятное ощущеніе—заставы настежъ: ступай, куда хочешь. А сколько хлопотъ бывало на этой точкѣ. Какія предосторожности! Откуда, куда, кто такіе... А вотъ теперь, нѣтъ ничего, и Москва стоитъ, и Россія не колеблется, и народъ говоритъ спасибо. О, еслибъ вслѣдъ за шлагбаумами сняты были другія колодки, добровольно на шею надѣтыя, совершенно безполезныя, даже вредныя, стѣсняющія свободныя движенія.

„Лошади на станціяхъ вездѣ были готовы, задержки не было нигдѣ, ямщика пьянаго не встрѣтилось ни одного; смотрители и не показывались—второе пріятное ощущеніе.

„По Тульскому тракту (почему же не по пути) прогонныя деньги увеличены по четыре коп. на лошадь, но ямщики этою прибавкою не пользуются: она поступаетъ въ карманы содержателей.

„Ѣзжавъ прежде часто по дорогамъ, я всегда думалъ: да почему же должны крестьяне приплачивать за мои увеселительныя путешествія? Я ѣду туда-то съ такою-то цѣлію, для собственной выгоды, или для своего удовольствія, ну я и плати, что̀ слѣдуетъ за тѣхъ лошадей, которыя меня везутъ; по какому же праву, на какомъ основаніи берутся деньги изъ земскихъ сборовъ на содержаніе почтъ? Я качу себѣ тройкою, да подгоняю безпрестанно: пошелъ, пошелъ, чтобъ скорѣе попасть на свиданіе, потѣшиться, а мужичекъ урывай копейку.

„Въ старину, когда проѣзжихъ было мало, необходимо содержать было почты на казенный счетъ, потому что ими удовлетворялись казенныя государственныя потребности; а теперь, когда почта сдѣлалась источникомъ доходовъ, а не расходовъ, то болѣе чѣмъ странно оставляться въ числѣ земскихъ повинностей, а доходъ класть себѣ въ карманъ.

„Сообщались по газетамъ разные опыты вольныхъ почтъ, но эти опыты обязаны были своимъ происхожденіемъ спекуляторамъ, которые большею частію, чтобы поправить разстроенныя свои дѣла, пріѣзжали въ Петербургъ, угощали разныхъ чиновниковъ и за бокалами шампанскаго предлагали имъ свои проекты, не думая ни о крестьянахъ, ни объ ямщикахъ, ни объ устройствѣ путей сообщенія, а только объ томъ, какъ бы разбогатѣть выгодною аферою.

„Я не понимаю, почему ѣзда въ Россіи не можетъ существовать сама собою, безъ всякой посторонней искусственной помощи? Вѣдь ѣздятъ по всему свѣту! Почему же мы не можемъ ѣздить. Въ лошадяхъ недостатка нѣтъ, сѣна и овса

вдоволь? Колесъ нѣтъ что ли? Вотъ и тарантасы завелись. Али дугъ не стало: сгибать дуги, мастеровъ сколько угодно. Чего же не достаетъ-то? Не достаетъ только, думаю, догадаться за дѣло просто взяться, какъ не достаетъ у насъ этой способности и во многихъ другихъ, если не во всѣхъ, нашихъ дѣлахъ, гдѣ Русскій умъ за Нѣмецкій разумъ заходитъ.

„Была когда-то нѣсколько лѣтъ сряду устроена отлично Ярославская сдаточная почта. Мужички давали билеты въ Москвѣ или Ярославлѣ, и съ этими билетцами катались туда и оттуда путешественники удобно, спокойно, пріятно. Ну, вотъ и спросите на такомъ трактѣ: а кто у васъ, ребята, дѣло ведетъ?—Трифонъ Сидоровичъ. Гдѣ онъ обитаетъ?—Въ Ростовѣ. А что Трифонъ Сидоровичъ, пойдемъ-ка напиться чайку, какъ у тебя дѣло идетъ?—По маленьку, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. И барышекъ переваливается?—Есть. Посильное дѣло, кормимся. И рабочіе довольны?—Чтожъ имъ, рожна что ли желаютъ: получаютъ все сполна, какъ условились. А проѣзжіе?—Ненаблагодарятся. Ну еслибъ отдать вамъ на руки всю гоньбу Ярославскую, такъ чтобъ и почтовыхъ на этомъ трактѣ не было. Да, ну подливай водицею-то. Эй подайка на три пары. Вѣдь вамъ бы еще лучше было?—Вѣстимо лучше.

„Я увѣренъ, что такой Трифонъ Сидоровичъ устроитъ вамъ почту лучше всякаго директора, вице-директора, начальника Отдѣленія, и цѣлаго Комитета съ сонмомъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ и почтъ-инспекторовъ.

„Такъ нѣтъ, мы все хотимъ вести дѣло въ столицахъ, за письменными столами, соображаясь съ такими-то параграфами, Богъ знаетъ, какъ въ ту или другую книгу попавшими.

„Одна устроенная такъ дорога, послужила бы образчикомъ для другихъ, гдѣ не отыскалось бы даже и Трифона Сидоровича; да нѣтъ, на всякомъ трактѣ нашлись бы ему дружки, а Парамонъ Дмитричъ, и Карпъ Ѳедуличъ, и мало ли кто,—земскіе сборы могли бы быть обращены на другія нужды, задержки нигдѣ бъ не было, и рабочіе вознаграждались бы

лучше, и писаніе въ канцеляріяхъ уменьшилось бы впятеро; но того-то, можетъ быть, мы и не хотимъ.

„Ямскія артели—вотъ что нужно устроить...

„Объ Ярославскомъ Обществѣ мнѣ не приходилось слышать ничего въ послѣднее время; можетъ быть, оно и разстроилось, но это ничего не значитъ.

„Артели должны быть подчинены инспекторамъ — такія мѣста у насъ обыкновенно бываютъ синекурами, которыя сверхъ жалованья получаютъ отъ подзираемыхъ ими дѣлъ премію...

„Кстати, скажу и о станціяхъ. Выстроенные станціонные дома—это одно изъ благодѣяній послѣдняго времени. Но, надо, чтобы они содержались въ чистотѣ; надо, чтобъ станціонные смотрители получали подробную инструкцію, какъ содержать станціи въ чистотѣ. Въ нынѣшній разъ я выходилъ только на одну станцію, въ Малаховѣ, и нашелъ тамъ совершенный безпорядокъ: дверь ободранная, полъ загаженный... Но еще гаже Серпуховская гостинница. Ее нашелъ въ точно такомъ же положеніи, въ какомъ она была лѣтъ за сорокъ, когда я началъ ѣздить часто по Тульской дорогѣ. Крыльцо, лѣстница, корридоръ, стулья, столы покрыты грязными скатертями, непромыты стекла... Ахъ какая гадость! А похвалятся ли Московскія гостинницы, своею опрятностію и своими порядками? Увы, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. По крайней мѣрѣ, сколько мнѣ приходилось видѣть не въ послѣднее, а въ предпослѣднее время. Московскихъ гостинницъ хуже развѣ только Варшавскія. Дороже онѣ чуть ли не Лондонскихъ и Амстердамскихъ. У генералъ-губернаторовъ бываетъ у насъ много чиновниковъ по особымъ порученіямъ. Между ними есть такіе, разумѣется, которые бывали въ чужихъ краяхъ и знакомы съ устройствомъ тамошнихъ отличныхъ гостинницъ. Ну, вотъ, поручить бы такимъ наблюденія за гостинницами въ той или другой части города. Пусть бы они объѣзжали ихъ часто. Осматривали, замѣчали, штрафовали. Пусть бы въ гостинницахъ заведены были книги для прописанія жалобъ постояльцами. Таксы для

комнатъ должны быть опредѣлены по временамъ года. Главное, нужна внимательность, строгая внимательность... Надо привыкать считать важною всякую бездѣлицу, а вѣдь у насъ тотчасъ надворный совѣтникъ—ну какъ ему идти на кухню или заглянуть въ нужное мѣсто, фи! Ну и терпимъ за нашу чопорность. Хоть бы выписать какого-нибудь нѣмца-кельнера съ береговъ Рейна, который и вразумилъ бы чиновника, на чтò ему надо обращать вниманіе. Грубость и замасленность прислуги въ нашихъ гостинницахъ всего хуже".

Въ то время Хомяковъ былъ занятъ писаніемъ Посланія къ Сербамъ. Въ декабрѣ 1859 года, это Посланіе было уже написано, и Кошелевъ писалъ Погодину: „Хомяковъ хочетъ прочесть у меня, написанное имъ Посланіе къ Сербамъ. Ему очень хочется, чтобы вы его прослушали". Самъ же Хомяковъ писалъ: „Любезнѣйшій староста Славянофильства. Прочти; скажи, доволенъ ли? И отмѣть на особой бумагѣ тѣ перемѣны, которыя считаешь нужными. Надобно бы до твоего отъѣзда это покончить. Прощай, до свиданія. Будешь ли у Кошелева"?

Въ *Дневникѣ* своемъ, 1859 года, Погодинъ записалъ:

Подъ *17 декабря*: „У Кошелева. Слушалъ Посланіе къ Сербамъ".

— *18* — : „Набросалъ въ умѣ письмо къ Хомякову".

— *23* — : „Письмо къ Хомякову".

— *30* — : „Разсматривалъ статью Хомякова. Написалъ замѣчанія".

У Погодина съ Хомяковымъ, по поводу этого *Посланія*, завязалась переписка. „Не только, что нужно",—писалъ Хомяковъ,—„съ Самаринымъ послать, но и то я прибавлю, что меня всячески бомбардируетъ Гильфердингъ, чтобы поскорѣе это сдѣлать. Пожалуйста, пришли!... Пожалуйста, устрой такъ, чтобы мнѣ *Посланіе* поскорѣе отправить". Въ другомъ письмѣ Хомякова, читаемъ: „Посылаю тебѣ *Посланіе*. Пожалуйста, подпиши: мѣсто тебѣ оставлено, какъ самъ увидишь. Все, что ты отмѣтилъ и сказалъ, смягчили и исправили, какъ самъ можешь увѣриться на замѣченныхъ страницахъ. Кромѣ того,

я еще вычеркнулъ жесткое слово о Католикахъ. А завтра ѣдетъ Самаринъ и очень нужно съ нимъ послать. Пожалуйста, не задержи".

Въ началѣ 1860 года, Хомяковъ писалъ къ А. Ѳ. Гильфердингу: „На дняхъ послалъ я вамъ *Сербовъ*. Ни слова не успѣлъ я написать по милости Погодина, который до ночи, то подписывалъ, то нѣтъ [217]).

LVII.

Соборное Посланіе къ Сербамъ, написанное Хомяковымъ, было, такъ сказать, его лебединою пѣснію, и на это произведеніе его можно смотрѣть,—замѣчаетъ Д. А. Хомяковъ,—„какъ на послѣдній завѣтъ Алексѣя Степановича, не только Сербамъ, но и Русскимъ".

Это Посланіе первоначально было напечатано въ Лейпцигѣ, въ 1860 году, и подписано: Алексѣемъ Хомяковымъ, Михаиломъ Погодинымъ, Александромъ Кошелевымъ, Иваномъ Бѣляевымъ, Николаемъ Елагинымъ, Юріемъ Самаринымъ, Петромъ Безсоновымъ, Константиномъ Аксаковымъ, Петромъ Бартеневымъ, Ѳедоромъ Чижовымъ и Иваномъ Аксаковымъ.

Посланіе начинается такъ: „Много получили вы, братья, милостей отъ Господа Бога въ послѣдніе годы: свободу отъ нестерпимаго ига народа дикаго и невѣрнаго, самостоятельность и самобытность въ дѣлахъ общественныхъ, возможность мирнаго и безмятежнаго житія, возможность развитія умственнаго, нравственнаго и духовнаго, согласно съ духомъ просвѣтившаго насъ Христіанства, и наконецъ возможность содѣйствовать благу меньшихъ братій вашихъ... Такихъ счастливыхъ пріобрѣтеній достигли вы собственнымъ мужествомъ, отчасти также содѣйствіемъ и сочувствіемъ единокровнаго, единовѣрнаго вамъ народа Русскаго, болѣе же всего благословеніемъ Бога".....

Выразивъ радость „о такихъ Божіихъ милостяхъ", Соборное Посланіе говоритъ, что намъ (Русскимъ) „любезенъ вашъ

наружный образъ, свидѣтельствующій о кровномъ родствѣ съ вами; любезенъ языкъ, звучащій одинаково съ нашимъ роднымъ языкомъ; любезенъ обычай, идущій отъ одного корня съ нашимъ собственнымъ обычаемъ"…..

Замѣтивъ, что послѣ испытаній, черезъ которыя Сербы уже прошли, предстоятъ имъ другія испытанія, не менѣе опасныя, и что „счастіе и благоденствіе преисполнены соблазна", Соборное Посланіе предостерегаетъ Сербовъ отъ предстоящихъ имъ соблазновъ:

„Первая и величайшая опасность",—говоритъ оно,—„сопровождающая всякую славу и всякій успѣхъ, заключается въ гордости", которую Посланіе раздѣляетъ на три вида: гордость духовная, гордость умственная и гордость внѣшнихъ успѣховъ и славы.

„Самый разительный примѣръ гордости духовной" —говоритъ Посланіе,—находимъ мы не въ Римѣ, но въ нынѣшнихъ Грекахъ. Богу угодно было избрать ихъ языкъ для прославленія Своего Имени въ Священномъ Писаніи и ихъ самихъ—для распространенія вѣры въ мірѣ. Незабвенна память ихъ мучениковъ, незабвенна слава ихъ духовныхъ учителей. Отъ нихъ просвѣтились многіе народы; и мы, Славяне, отъ нихъ получили лучшее свое достояніе,—истинное знаніе Бога и Спасителя нашего, свободное отъ всякой ереси и лжи, которыми помрачены народы Западные. Никогда безъ благодарности и безъ искренняго благоговѣнія не могли бы мы вспомнить такіе великіе труды и заслуги Грековъ; но отъ этихъ самыхъ заслугъ возгордились они безумно.. .. И они, какъ Евреи въ Древности, готовы считать себя единственными избранниками Божіими, а всѣ другіе народы чѣмъ-то низшимъ и созданнымъ для служенія избранному племени Греческому"…..

Примѣромъ гордости умственной, Посланіе приводитъ всѣ Западные народы. „Богу угодно было оградить ихъ отъ такихъ бѣдствій, которыя обрушились на Грецію и на племена Славянскія, и облегчить имъ преуспѣяніе въ развитіи наукъ,

художествъ и гражданственности. Они воспользовались милостію Божіею и достигли высокаго развитія умственнаго; но ослѣпленные своими успѣхами, они, съ одной стороны, сдѣлались вполнѣ равнодушными къ высшему благу — Вѣрѣ.... а съ другой,—сдѣлались не благодѣтелями остальнаго человѣчества, но врагами..... Въ цѣломъ мірѣ корабли Европейскихъ народовъ считаются не вѣстниками мира и счастія, а вѣстниками войны и величайшихъ бѣдствій“.....

Примѣромъ гордости внѣшними успѣхами и славою, Посланіе приводитъ Россію: „Русская земля, послѣ многихъ и тяжкихъ испытаній отъ нашествій съ Востока и Запада, по милости Божіей освободившись отъ враговъ своихъ, раскинулась далеко по земному шару на всемъ пространствѣ отъ моря Балтійскаго до Тихаго океана, и сдѣлалась самымъ обширнымъ изъ современныхъ государствъ. Сила породила гордость; и когда вліяніе западнаго Просвѣщенія исказило самый строй древней Русской жизни, мы забыли благодарность къ Богу и смиреніе, безъ которыхъ получать отъ Него милости не можетъ ни человѣкъ, ни народъ..... Умножать войска, усиливать доходы, устрашать другіе народы, распространять свои области, иногда не безъ неправды — таково было наше стремленіе.... О духовномъ усовершенствованіи мы не думали; нравственность народную развращали; на самыя науки... смотрѣли мы не какъ на развитіе Богомъ даннаго разума, но единственно какъ на средство къ увеличенію внѣшней силы государственной..... Война,—война справедливая, предпринятая нами противъ Турціи... послужила намъ наказаніемъ: нечистымъ рукамъ не предоставилъ Богъ совершить такое чистое дѣло... Благодаримъ Бога, поразившаго насъ для исправленія. Теперь узнали мы тщету нашего самообольщенія; теперь освобождаемъ мы своихъ порабощенныхъ братій, стараемся ввести правду въ судъ и уменьшить развратъ въ народныхъ нравахъ“...

Обращаясь къ Сербамъ, Соборное Посланіе говоритъ: „Подумайте, что у васъ лучшее Богопознаніе не отъ васъ

самихъ, а отъ милости Божіей: отцы ваши завѣщали вамъ Православіе, какъ инымъ завѣщали ересь... Тутъ есть великая причина къ радости и благодаренію; но нѣтъ повода къ гордости...... Этимъ лучшимъ изъ всѣхъ благъ болѣе всѣхъ должны вы дорожить и охранять его, какъ зѣницу ока... Не насиліемъ посѣяно Христіанство въ мірѣ... Поэтому не насиліемъ должно быть охраняемо оно, и горе тѣмъ, которые хотятъ силу Христову защищать безсиліемъ человѣческаго орудія!.... Да будетъ же всѣмъ полная свобода въ Вѣрѣ и въ исповѣданіи ея!.. Да не терпитъ никто угнетеніе или преслѣдованіе въ дѣлѣ Богопознанія или Богопоклоненія! Никто, хотя бы онъ былъ совратившійся съ пути истиннаго серба ... Но да не будетъ уже онъ ни законодателемъ, ни правителемъ, ни судьею: ибо иная совѣсть у него, иная у васъ... Поэтому иновѣрецъ долженъ быть для васъ, какъ гость охраняемый вами отъ всякой неправды.....

„Счастливы вы предъ всѣми народами въ томъ, что всякій сербъ смотритъ на серба, какъ на брата равнаго ему..... Сохраняйте это равенство, дорожите такимъ великимъ сокровищемъ!... Не забывайте примѣра Польши!... Тамъ немногіе тысячи считали себя народомъ, а народъ считали стадомъ... И вотъ, государство Польское пало. Не забывайте такого урока!...

„Гордость есть великой и гибельной порокъ; но не менѣе гибельно и самоуниженіе.... Пусть наши ошибки послужатъ вамъ предостереженіемъ и урокомъ.... Съ горестью увидѣли мы свое невѣжество, съ удивленіемъ чужое знаніе.. Но въ слѣпомъ благоговѣніи предъ чужимъ богатствомъ, мы не умѣли распознать его злую примѣсь, а свое высшее богатство забыли... Всему чужому стали мы не учиться только,... а подражать... стали перенимать его формы и наружный видъ... Судъ принимали мы отъ Нѣмцевъ.... Управленіе строили на Нѣмецкій ладъ... Чиноначалія гражданскія и военныя рядили въ иностранныя имена; войско обращали по Нѣмецки въ движущіяся машины... Красивую и удобную

одежду нашихъ предковъ замѣняли безобразными одеждами западныхъ народовъ... Всѣ обычаи свои измѣнили.... Наконецъ, даже стыдно объ этомъ вспомнить, самый языкъ свой, великое нарѣчіе рѣчи Славянской, древнѣйшаго и лучшаго изъ всѣхъ словъ человѣческихъ, презирали мы и бросили на письмѣ, въ обществѣ, и даже въ дружеской бесѣдѣ; замѣняя его жалкимъ лепетомъ самаго скуднаго изо всѣхъ языковъ Европейскихъ *)... Ошибка высшихъ ввела низшихъ въ ошибку, ей противоположную, и наше слѣпое поклоненіе знанію и Просвѣщенію Европы остановило на долгое развитіе знанія и просвѣщенія въ Русской Землѣ ... Какою безплодностію въ жизни общественной, какимъ безсиліемъ въ жизни государственной были мы наказаны за наше чужепоклонство...... Вся Земля Русская обратилась какъ бы въ корабль, на которомъ слышатся только слова Нѣмецкой команды..... Да будетъ нашъ примѣръ урокомъ для васъ! Учитесь у западныхъ народовъ; но не подражайте имъ! Не вѣруйте въ нихъ, какъ мы, въ своей слѣпотѣ, имъ подражали и вѣровали. Да избавитъ васъ Богъ отъ такой страшной напасти!

.... „Много есть у васъ единокровныхъ за границею вашего Княжества, и эти... истинно желаютъ вамъ добра... Принимайте ихъ съ любовью... Но и тутъ не откладывайте осторожности. Часто бываетъ, что они жили и образовались подъ сильнымъ вліяніемъ чужеземныхъ началъ, хоть бы, напримѣръ, Нѣмецкихъ... Часто случается, что... они измѣнили безсознательно ладъ своей жизни внутренней и своего ума; научились, напримѣръ, принимать умноженіе формальностей — за правительственную мудрость, стѣснительныя мѣры—за порядокъ, бумажную отчетливость—за ручательство, которое будто бы лучше и вѣрнѣе человѣческой совѣсти; чиновническое вмѣшательство во все и чиновническую опеку надъ всѣмъ—за единственную охрану спокойствія и порядка об-

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1901, кн. XV, стр. 39, 40.

щественнаго; наконецъ, вообще Нѣмецкую хитрость—за образованость истинную, а Славянскую простоту—за остатокъ старинной дикости, тогда какъ простота есть степень высшая въ общественной жизни, чѣмъ искусственность и хитрость, и всякое начало, истекающее изъ духа и совѣсти, далеко выше всякой формальности и бумажной административности. Одно живо и живитъ; другое—мертво и мертвитъ. Предоставьте послѣднее Австріи"....

Соборное Посланіе обращаетъ свое слово и къ молодымъ согражданамъ, чадамъ Православной Сербіи, получившимъ свое научное воспитаніе внѣ предѣловъ родной Земли:

„Живая связь съ Отечествомъ",—говоритъ имъ Посланіе,—„не перерывается на нѣсколько лѣтъ вовсе безнаказанно"... Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Соборное Посланіе гласитъ: „Ни строгостью, ни законами нельзя оградить обычаевъ отъ искаженія"... Въ подтвержденіе сказаннаго, Соборное Посланіе приводитъ въ примѣръ наше Отечество. „У насъ нѣкогда",—говоритъ оно,—„уголовными и неразумными законами думали оградить обычаи Русскіе отъ измѣненія иноземнаго; а потомъ императоръ Петръ сталъ наказывать смертію или ссылкою на каторгу не только тѣхъ, которые держались Русскаго обычая въ одеждѣ, но даже и тѣхъ, которые такую одежду изготовляли для желающихъ носить ее... Мы признаемъ, что начало позднѣйшей жестокости заключалось въ неразуміи прежнихъ, мнимо-охранительныхъ мѣръ... Да будетъ же у васъ огражденіемъ Сербскаго обычая не строгость законовъ, но презрѣніе общественное къ его нарушителямъ".

„Мы знаемъ, что обычаи не могутъ оставаться навсегда неизмѣнными... Самый языкъ принимаетъ отъ другихъ языковъ необходимый приливъ чужихъ словъ... Не нужно конечно сербу выдумывать свои названія для заморскаго тигра или крокодила, для Англійскаго пера, для Французской моды или Нѣмецкой дипломатіи; но къ чему бы стали вы, подобно намъ, искать чужихъ словъ для тѣхъ предметовъ и понятій, которые точно также могутъ получить названія изъ вашего

собственнаго нарѣчія?... Дайте какой бы то ни было власти названіе иноземное, и всѣ внутреннія отношенія ея къ подвластнымъ измѣнятся... Назовите Святую Вѣру религіей, и вы обезобразите самое Православіе. Такъ важно, такъ многозначительно слово человѣческое, Богомъ данная ему сила, и печать его разумнаго величія"...

Для примѣра, приводится въ *Посланіи*—Польша: „Рано вступила она въ тотъ гибельный путь, на который мы попали поздно и, надѣемся, только на время; рано исказила она свою жизнь этою словесною иноземщиною. Шляхта, кастеляны, маршалки, рыцари, войты, изуродовали ея Славянскій бытъ и Славянскую простоту ея общественныхъ отношеній; народъ разорвался пополамъ, и зародышъ будущей гибели запалъ и разросся въ самое время мнимой государственной силы. Польша гордилась тѣмъ, что въ ней процвѣталъ языкъ Римскій, вмѣстѣ съ Римской религіей; Польша гордилась тѣмъ, что во Франціи ея паны удивляли самихъ Французовъ изяществомъ слова; а слово народное, а мысль народная спала, какъ заброшенное поле, неприносящее никакихъ добрыхъ плодовъ человѣку. Послѣдствія вамъ извѣстны...

„Обогащайте умъ знаніемъ языковъ, но у себя не допускайте чужеязычія...

„Должны вы учиться у иноземцевъ, часто даже пользоваться ихъ услугами. Умѣйте цѣнить ихъ, награждайте ихъ; любите ихъ и благодарите; но не включайте ихъ въ свое общественное братство... Мы говоримъ, пользуйтесь ихъ услугами... Но все это говоримъ мы о дѣлахъ торговли, наукъ и искусства;—въ дѣло гражданственности вашей имъ вмѣшиваться не должно...

„Не вдавайтесь въ соблазнъ быть Европейцами!... Не надѣвайте на свою умственную свободу щегольскаго ошейника съ надписью *Европа*.

„Сохраняйте простоту своихъ нравовъ... Отвергайте всякое внѣшнее отличіе за тѣ подвиги, которые человѣкъ-христіа-

нинъ совершаетъ въ пользу ближняго, или въ исполненіе закона Христова... Разсудите сами: осмѣлились бы вы дать какую нибудь золотую бляху на грудь апостолу Павлу, за его Апостольство?...

„Призирайте роскошь... Не смѣшивайте искусства, которое... облагороживаетъ душу, съ щегольствомъ или потѣхою, которыя унижаютъ ее... И теперь мы еще готовы отличать почти одинаково великаго пѣснопѣвца, прославляющаго свое Отечество, и театральную плясею, которой искусство ничего не заслуживаетъ, кромѣ прéзрѣнія... Пусть будетъ у Земли Сербской та святая роскошь, чтобы въ ней не было нужды и лишеній для человѣка трудолюбиваго! За тѣмъ богатство и блескъ да украшаютъ храмы Божіи... Бархаты да парчи Польскихъ пановъ одѣло Польшу въ рубище, да и намъ нечѣмъ похвалиться... По истинѣ, Сербы, та Земля велика, въ которой нѣтъ ни нищсты у бѣдныхъ, ни роскоши у богатыхъ, и въ которой все просто и безъ блеска, кромѣ храма Божія. Такая страна дѣйствительно сильна: она угодна Богу и честна у людей.

„По свѣту ходитъ объ васъ великая похвала... Это похвала чистотѣ вашихъ нравовъ. Съ нею связана святость и крѣпость узъ семейныхъ, счастіе и истинныя радости жизни, здоровье народное и, прямо или косвенно, всѣ начала общественнаго преуспѣянія. Не умаляйте своей славы! Пусть будетъ безъ чести въ обществѣ, кто не честенъ въ своей жизни домашней!.. Показывая уваженіе къ людямъ порочнымъ, общество дѣлается участникомъ ихъ пороковъ. Напрасно говорятъ иные, что должно допускать ихъ до гражданскихъ должностей за ихъ умственныя способности: это несправедливо... Та частная польза, которую могъ бы принести умъ человѣка порочнаго въ должности общественной, гораздо ниже того соблазна, который истекаетъ изъ его возвышенія... Также есть у многихъ народовъ нелѣпое и богопротивное мнѣніе, что чистота нравовъ болѣе прилична женщинѣ, чѣмъ мужщинѣ.

Смотрите на такое мнѣніе съ презрѣніемъ! Отъ нравовъ мужскихъ зависитъ нравственность женщины...

„Будьте строги въ судѣ общественнаго мнѣнія... Въ судѣ же законномъ и уголовномъ будьте милосерды...

„Не казните преступника смертью!.. Издавно у насъ на Землѣ Русской смертная казнь была отмѣнена... Такое милосердіе есть слава Православнаго племени Славянскаго. Отъ Татаръ да ученыхъ Нѣмцевъ появилась у насъ жестокость въ наказаніяхъ, но скоро исчезнутъ и послѣдніе... Многіе ищутъ того, чтобы наказаніе было не унизительно для преступника, и думаютъ, что въ этомъ они слѣдуютъ духу человѣколюбія. Это великая ошибка... Человѣкъ безчестится не тѣмъ, что терпитъ по неволѣ, а тѣмъ, что дѣлаетъ по волѣ своей... Наконецъ, дайте въ судѣ болѣе мѣста совѣсти, чѣмъ формѣ... Такъ было изстари въ земляхъ Славянскихъ: такъ теперь въ Англіи, и она этимъ славится...

„Уважайте своихъ пастырей духовныхъ!.. Справедливо, чтобы они имѣли великій почетъ у людей: но не дозволяйте, чтобы они величали себя Церковію отдѣльно отъ народа. Будьте въ этомъ ревнивы... ибо вы всѣ члены Церкви Божіей. Латинское духовенство называетъ себя Церковью, отстраняя мірянъ, или считая ихъ стадомъ безсловеснымъ; за то у нихъ и нѣтъ Церкви истинной. Патріархъ и епископы восточные, еще въ недавномъ времени, обличили эту Латинскую ложь... Хотя, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ на дѣлѣ остаются не совсѣмъ вѣрными своему собственному ученію... и черезъ такую невѣрность даютъ сами противъ себя оружіе иновѣрцамъ въ Болгаріи.

„Наконецъ всячески пекитесь объ образованіи и распространеніи знанія во всемъ Сербскомъ народѣ!.. Существованіе богатыхъ и безъ того уже много имѣетъ преимуществъ передъ жизнію бѣдныхъ: справедливо ли, чтобы богатые одни удерживали у себя и это великое сокровище—знаніе?

„Любите и поощряйте науку не только ради прямой пользы, которую она приноситъ обществу... но гораздо болѣе,

ради того, что ею расширяется и укрѣпляется разумъ,—великій Божій даръ. Знайте и то, что тамъ, гдѣ наука пользуется свободою и почетомъ, ради самой себя, тамъ она добро-плодна... Тамъ же, гдѣ ее принимаютъ какъ наемную работницу, тамъ она безсильна... Это мы отчасти сами испытали, и испытываемъ даже и теперь...

„Остальное, что справедливо и вамъ полезно, скажетъ вамъ собственный вашъ умъ: мы же сочли своимъ долгомъ сказать вамъ то, что узнали изъ опыта, и предостеречь васъ отъ ошибокъ“ [218])....

LVIII.

Погодинъ, въ своихъ *Современныхъ Замѣткахъ* 1859 года, заявилъ: „Въ наше горячее время, когда Русская мысль встрепенулась, слово срывается у всѣхъ съ языка, и вездѣ слышатся добрыя желанія, заявляются настоятельныя требованія, обнаруживаются вопіющія злоупотребленія, поднимаются важные вопросы, въ самомъ дѣлѣ стыдно и грѣшно думать *объ искусствѣ для искусства*, не обращая вниманія на современное состояніе общества, странно посвящать все свое время изслѣдованію отношеній между Святополками и Изяславами, и не заботиться объ отношеніяхъ между современными антогонистами. Я рѣшился раздѣлить свой рабочій день на двѣ части: первая, по привычкѣ, въ исполненіе старой сознаваемой обязанности, оставляется за *стариною*; вторая отдается *новизнамъ*. Проживъ долго, продумавъ много, насмотрѣвшись, наслушавшись всякой всячины, слѣдя за газетами, можетъ быть и успѣю я замѣтить что нибудь полезное“.

При обозрѣніи кипучей дѣятельности Погодина, послѣдуемъ за раздѣленіемъ, сдѣланнымъ имъ самимъ рабочаго дня своего, и начнемъ со *старины*.

Съ самаго перваго дня 1859 года, Погодинъ „принялся за Изяслава“, и не проходило почти дня до самаго 10-го іюля, чтобы онъ не занимался Изяславомъ. Этотъ свой трудъ,

подъ заглавіемъ: *Хронологическій Указатель Древней Русской Исторіи* (великій князь Изяславъ Ярославовичъ, 1054—1063), Погодинъ отправилъ въ Академію Наукъ для напечатанія; но, 13 августа 1859 г., Срезневскій писалъ автору: „А. А. Кувикъ передалъ намъ въ Отдѣленіе ваше *Хронологическое обозрѣніе времени Изяслава.* Отдѣленіе, просмотрѣвши этотъ трудъ вашъ, положило обратиться къ вамъ съ вопросомъ: не помѣшаетъ ли чему напечатаніе его въ *Ученыхъ Запискахъ* Отдѣленія, которыя, какъ вамъ извѣстно, выходятъ очень медленно? Печатать эту статьѣ въ *Извѣстіяхъ*, Отдѣленіе нашло невозможнымъ и потому, что ея содержаніе чисто-историческое, и потому еще, что она очень велика".

Но Калачовъ, познакомившись съ этимъ сочиненіемъ, 2 сентября 1859 года, писалъ Погодину: „Статью объ Изяславѣ мы читали вчетверомъ (Бычковъ, Куникъ, Костомаровъ и я), и нашли ее не только интересною, но и чрезвычайно полезною, въ видѣ лекарства для Соловьева. Неуваженіе его къ предмету, которымъ занимается, и къ публикѣ, для которой онъ пишетъ свою *Исторію*, доходятъ до крайности. Вашъ голосъ можетъ быть пробудитъ въ немъ чувство долга, не смотря на то, что онъ чрезвычайно самолюбивъ; я полагаю, что въ немъ благородныя стремленія еще далеко не угасли, и онъ можетъ образумиться".

Занятія *Хронологическимъ Указателемъ* привели Погодина въ полемику съ Хавскимъ о мартовскихъ и сентябрьскихъ годахъ. Мѣстомъ для полемики Погодинъ хотѣлъ избрать *Московскія Вѣдомости*; но редакторъ *Вѣдомостей* В. Ѳ. Коршъ на отрѣзъ отказался отъ этой чести. „Ради Бога",—писалъ онъ Погодину,—„пощадите меня и газету и не требуйте напечатанія *Хронологическаго запроса П. В. Хавскому*. Дѣло въ томъ, что дикія понятія этого господина и безъ того не имѣютъ ни малѣйшаго вѣса въ глазахъ ученыхъ и публики, а *запросъ* только вызоветъ длинныя объясненія этого чудака, которыми мнѣ придется наполнять газету. Это было бы ужасно. Къ тому же, я позволю себѣ откровенно сказать вамъ, что

вы слишкомъ пренебрегаете *Московскими Вѣдомостями*, отдавая все что получше въ *Русскую Газету*, а все что неважно—въ нашу" [219]).

Опасеніе Корша оправдалось, и въ *Русской Газетѣ* появился цѣлый рядъ статей Погодина и Хавскаго по вопросу, исключительно интересному и важному для спеціалистовъ [220]),

Въ то же время Погодинъ написалъ разборъ сочиненія Энгельмана, подъ заглавіемъ: *Хронологическія Изслѣдованія въ области Русской и Ливонской Исторіи XIII и XIV столѣтій.*

Разборъ свой Погодинъ начинаетъ такими словами: „Во множествѣ пустыхъ, заносчивыхъ, безполезныхъ умничаній о Русской Исторіи, которыя нисколько не объясняютъ ея, а развѣ запутываютъ, хоть и не на долго, отрадно встрѣтиться съ трудомъ добросовѣстнымъ, основательнымъ, дѣльнымъ, какъ бы ни частенъ былъ его предметъ. Такое пріятное чувство возбуждаютъ Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской Исторіи, въ XIII и XIV столѣтіяхъ, сочиненіе Августа Энгельмана, изданныя братомъ его, Иваномъ Энгельманомъ,—авторомъ изслѣдованія о Псковской судной грамотѣ. Тщательное изученіе источниковъ, напряженное вниманіе ко всякому значительному слову, подборъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, благоразумная осторожность въ выводахъ, употребленіе различныхъ остроумныхъ пріемовъ для повѣрки—вотъ отличительныя достоинства этого сочиненія, которое доставляетъ наукѣ нѣсколько положеній, если не блистательныхъ, то вѣрныхъ, нужныхъ для дальнѣйшихъ ея успѣховъ. Въ введеніи авторъ, стараясь доказать важность хронологіи для Исторіи, предлагаетъ нѣкоторыя замѣчанія, кои показываютъ, какъ глубоко вникалъ онъ въ историко-критическое дѣло, какъ хорошо понималъ различные его моменты, и какъ былъ къ нему искренно привязанъ".

Извѣстный историкъ Малороссіи, Н. А. Маркевичъ, въ четвертой книгѣ *Чтеній Исторіи и Древностей Россійскихъ*, 1858 года, напечаталъ статью *о казакахъ*, и въ примѣчаніи

къ ней между прочимъ писалъ: „Не справясь съ нами, Малороссіянами, о значеніи слова козакъ, и о козакахъ, не заглянувши въ книги писателей прежнихъ столѣтій, Погодинъ схватился за Эверса, и доказываетъ намъ, что по справедливости, первоначальныхъ козаковъ слѣдуетъ искать въ Черкесахъ. Тутъ онъ приводитъ намъ слова Бандури (Imp. Orient. I, 113): „Supra Paragiam Casachia, supra Casachiam mons Caucasus, supra montem Caucasum Alania regio", т.-е., надъ Парагіею—Казахія, надъ Казахіею—Кавказъ, надъ горою Кавказомъ—Аланія. Тутъ являются на сцену Кашеки Ибнъ-ель-Варди (Opus. Cosm., 144), въ которыхъ видитъ онъ козаковъ; отъ чего же не жителей горы Казбека, и у которыхъ жены красавицы? Тутъ является и Гильденштедтъ (I, 466) съ Касахами Осетинцевъ. Даже и Болтинъ съ отрывкомъ, которому никто не вѣритъ; наконецъ, мы видимъ здѣсь, что прародители Черкесовъ (Рейнегъ I, 239—242, Палласъ I, 337), вышли или изъ Египта, или были посланы халифами изъ Аравіи на Кавказъ. И потомъ, послѣ приведенія въ доказательство небольшаго словаря Касашскаго нарѣчія, заключеніе выведено такое, что козаки происходятъ отъ черкесовъ, которые вышли или изъ Египта, или изъ Аравіи, что все равно (*Сѣверн. Арх.* XXIV, 172—178)".

Прочитавъ эти строки, Погодинъ отвѣчалъ Маркевичу: „Отъ роду я этого не думалъ, отъ роду я этого не говорилъ, отъ роду я этого не писалъ. Съ чего же Маркевичъ взводитъ на меня такую напраслину, долго не могъ я понять, и наконецъ пришло мнѣ въ голову справиться съ *Сѣвернымъ Архивомъ*, на который онъ указываетъ въ заключеніи. Что же я нашелъ въ *Сѣверномъ Архивѣ*?—Замѣчаніе о козакахъ, изъ второй части *Предварительныхъ критическихъ изслѣдованій для Россійской Исторіи Эверса*, переведенное мною около тридцати лѣтъ назадъ. Эверсово главное мнѣніе я разбиралъ, рѣшительно осудилъ; и для того, чтобъ Русскіе читатели вполнѣ познакомились съ его доказательствами, перевелъ все его сочиненіе, которое въ пол-

номъ титулѣ и помѣщено въ *Сѣверномъ Архивѣ* передъ отрывкомъ: „Изъ второй части изслѣдованій Эверса". Какъ еще выразиться яснѣе! Такъ за что же, милостивый государь, вы приписываете мнѣ, переводчику, мысли Эверса!

„Забавно, что переводъ сочиненія Эверса, гдѣ заключаются приписываемыя мнѣ мысли Маркевичемъ, напечатанъ тѣмъ же Историческимъ Обществомъ, въ *Чтеніяхъ* котораго помѣщена теперь статья Маркевича. Еще забавнѣе, что въ этой же книгѣ *Чтеній*, гдѣ я подвергаюсь обвиненію, на обертќѣ выставлено заглавіе переведеннаго мною сочиненія Эверса въ числѣ изданій, продающихся въ конторѣ Общества, съ яснымъ объясненіемъ: переводъ съ Нѣмецкаго.

„Наконецъ, забавнѣе всего то, что мое собственное мнѣніе о происхожденіи козаковъ и соображеніяхъ Карамзина совершенно почти сходится съ мнѣніемъ Маркевича, какъ это онъ можетъ удостовѣриться въ пятомъ томѣ моихъ *Изслѣдованій* о Русской Исторіи, с. 205—208" [221]).

Сконфуженный Маркевичъ, оправдываясь передъ Погодинымъ, писалъ ему: „Весьма жалѣю, что впалъ въ ошибку на щотъ вашихъ мнѣній о происхожденіи нашего Южно-Русскаго сословія козаковъ; Весьма радъ, что ваши мнѣнія по этому случаю сходны съ моими; на щотъ Отечественной Исторіи пріятно сходиться съ вами; это служитъ намъ почти порукою въ несомнѣнности нашихъ мыслей и занятій. Впрочемъ, что касается до козаковъ, которыхъ угодно было моему покойному пріятелю, почтенному дѣятелю Николаю Алексѣевичу *) прозвать к*а*заками, что касается до козаковъ, мы имѣемъ болѣе всѣхъ права судить о нихъ, потому что предки наши, если не сами были козаками, то были ихъ старшинами и имѣли своихъ собственныхъ козаковъ; намъ извѣстно какъ вписывались въ компуты крестьяне, какъ переходили въ сословіе этого Поселеннаго Войска; какъ другіе посполитые, не имѣя права вписываться въ компуты, брали свое-

*) Полевому. *Н. Б.*

вольно титулъ козака, титулъ приносившій шляхетство низшаго разряда; какъ ихъ выписывали изъ этихъ компутовъ и наказывали за самозванство. Я имѣю нѣсколько тяжбъ владѣльцевъ съ такими самозванцами и нѣсколько слѣдствій, въ подлинникахъ, надъ цѣлыми селами, безправно вписавшимися въ козацкія. Ихъ всегда обращали въ посполитые, войсковые или владѣльческіе, смотря потому, изъ которыхъ они были породою.

„Читалъ я вашъ отвѣтъ на отрывки изъ моей статьи, напечатанной въ послѣднемъ прошлогоднемъ номерѣ *Чтеній Общества Исторіи и Древностей*. Повторяю, что мнѣ весьма прискорбно видѣть мою ошибку на вашъ щотъ. Но есть у меня извиненіе, которое, вѣроятно, вы примете во благо и которое примиритъ васъ со мною. Статью мою послалъ я въ *Чтеніе* лѣтъ восемь, если не десять, передъ этимъ; независящія отъ Осипа Максимовича *) обстоятельства помѣшали явиться тогда же въ свѣтъ этому изысканію. Въ то время я не могъ еще читать пятаго тома вашихъ *Изслѣдованій* о Русской Исторіи. Между всѣми печатными Изслѣдованіями о козакахъ я нашелъ, однакожъ, въ *Сѣверномъ Архивѣ* вашъ переводъ изъ Эверса. И какъ этотъ переводъ изданъ былъ вами безъ всякихъ критическихъ замѣчаній, то онъ имѣлъ видъ, по-крайней мѣрѣ я такъ принялъ его, доказательства вашихъ собственныхъ мнѣній на щотъ козаковъ, принятія Эверса за авторитетъ. Винюсь передъ вами, прошу напечатать это письмо, если найдете это нужнымъ и еще болѣе прошу на меня не сердиться.

„Въ то время, когда я писалъ мое изслѣдованіе, вошло въ моду у нѣкоторыхъ изыскателей отечественныхъ древностей нападать на Южную Русь, особенно же на козаковъ. Иные даже Малороссіяне до того *ожесточились, разсвирѣпѣли* противъ неповиннаго козачьяго сословія, что титуловали ихъ бѣглецами, разбойниками, сбродомъ бродягъ, и, ссылаясь на

*) Бодянскаго. *Н. Б.*

свои крошечныя познанія въ Отечественной Исторіи, поносили имена защитниковъ Православія противъ Католицизма, освободителей народа отъ магнатовъ. Я ихъ хотѣлъ, употребляю наше простонародное слово—пришпандорить. Я видѣлъ въ ихъ разглагольствіяхъ препакостную заднюю мысль и отъ того-то я такъ горячо принялся за нихъ; короче: я высказилъ зубы. Тогда эта статья была не простымъ ученымъ изслѣдованіемъ, но еще и своевременностью, l'à propos, какъ говорятъ Французы. Теперь это только поясненіе моей Исторіи и спорнаго вопроса".

LIX.

11 іюля 1859 года, Погодину пришла мысль издать Норманскій періодъ Русской Исторіи.

Въ *Дневникѣ* его, по этому поводу, читаемъ слѣдующія записи:

Подъ *23 августа*: „Перечелъ первый періодъ. Онъ очень хорошъ. Что то будетъ".

— *17 сентября*: „Досматривалъ Ярослава съ Антоніемъ и Ѳеодосіемъ. Земля оставалась. Князья ходили. Надо придумать рельефнѣе выраженіе".

Наконецъ, 24 сентября 1859 года, Норманскій періодъ сданъ въ Типографію, а 6 ноября вышла оттуда, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Норманскій періодъ Русской Исторіи.*

Не безъ страха выпустилъ Погодинъ свою книгу. „Перечитывалъ. Что то будетъ",—отмѣтилъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*. Тамъ же читаемъ и слѣдующія записи: „Алмазовъ отнесся къ ней съ небрежностію. Подлецы не объявляютъ о выходѣ книги моей".

Когда же объявили о книгѣ, Шевыревъ, 12 октября 1859 года, писалъ автору: „Какъ я радъ объявленному тобою Норманскому періоду! Ахъ! Какъ бы ты Исторію поскорѣе поставилъ. Но тебя настоящее отвлекаетъ отъ прошедшаго" [222]).

Опасеніе Погодина было не безъ основанія. Книга его подверглась ѣдкой критикѣ К. Н. Бестужева-Рюмина, который, въ *Отечественныхъ Запискахъ*, между прочимъ, писалъ: „Въ *Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета*, помѣщена біографія Погодина, писанная имъ же самимъ. Въ этой біографіи мы читали слѣдующее: „Среди историческихъ изслѣдованій родилась у профессора мысль о повѣствованіи историческомъ, произошло сознаніе, что можетъ привести ее въ исполненіе. Съ 1836 г. было сдѣлано имъ до тридцати опытовъ начала, которые всѣ казались неудовлетворительны. Погодинъ думалъ о такой Исторіи, которая была бы, 1) проста и общепонятна, то-есть, понятна грамотному крестьянину, модной дамѣ, смышленому дитяти, равно какъ и образованному литератору; 2) занимательна, читалась бы съ начала до конца не изъ милости, не по обѣту, а возбуждая участіе и любопытство; 3) жива, представляя людей, племена, событія въ плоти и съ кровію, а не портреты и остовы, и наконецъ, 4) соотвѣтствовала бы настоящему состоянію критики и заключала результаты всѣхъ новыхъ изслѣдованій и открытій, сдѣланныхъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ послѣ начала *Исторіи* Карамзина.

„Чтобъ найти тонъ для нея, онъ рѣшился оставить Университетъ съ его урочными занятіями и обязанностями, года на два, и хотѣлъ на свободѣ углубиться въ свой предметъ гдѣ-нибудь на Балтійскомъ морѣ, для живѣйшаго воспоминанія о Норманахъ; потомъ въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ,—для удѣльнаго періода, и наконецъ въ Сибири,—для Монголовъ и Татаръ“.

„Когда, въ первый разъ, шесть лѣтъ назадъ, мы прочли эти слова, трепетъ ожиданія (говоря высокимъ слогомъ) объялъ насъ. Намъ хотѣлось поскорѣе увидать передъ собою колоссальное произведеніе Исторіографіи, въ такой степени превосходящее все, что мы знали до-тѣхъ-поръ въ какой-либо Литературѣ. Ни Тацитъ, ни Ѳукидидъ, ни лордъ Ма-

колэ, ни Гизо, ни Нибуръ, ни кто-нибудь другой изъ великихъ историковъ, думали мы, никогда не выражалъ подобныхъ притязаній и подобнаго сознанія своихъ силъ; только предисловіе къ *Исторіи Русскаго Народа* напоминаетъ нѣсколько гордое exegi monumentum aere perennius Погодина. Но, мы знаемъ, что обличителемъ и самымъ безпощаднымъ обличителемъ Полеваго, явился во время óно господинъ же Погодинъ; мы знаемъ, что цѣлыя страницы своей рецензіи на книгу Полеваго онъ наполнилъ весьма неблагосклонными словами, въ родѣ *наглость*, *невѣжество*, *шарлатанство*. Нѣтъ, думали мы, такой рѣзкій и энергическій обличитель чужихъ недостатковъ не можетъ впасть самъ въ тотъ же грѣхъ, за который онъ уличаетъ; нѣтъ, у него не можетъ быть самообольщенія; онъ дѣствительно призванъ явить міру исполинское твореніе, и потому говоритъ съ нимъ, какъ власть имущій обращается съ *тупою чернью*. Мы знали, что Погодинъ всю жизнь свою посвятилъ преслѣдованію неправды въ наукѣ, что онъ не остановился произнести рѣзкое осужденіе даже надъ могилою Каченовскаго. Нѣтъ, думали мы, кто такъ безпощаденъ къ другимъ, тотъ долженъ быть строгъ и къ самому себѣ".

Но Бестужевъ-Рюминъ разочаровался, и, прочитавъ книгу *Норманскій періодъ Русской Исторіи*, долженъ былъ заявить, что она не соотвѣтствуетъ пышной программѣ, выписанной выше, и „съ грустнымъ чувствомъ закрылъ книгу Погодина" и „съ грустнымъ чувствомъ долженъ былъ произнести о ней свое искреннее мнѣніе", весьма неободрительное для ея автора [223]).

Само собою разумѣется, что эта рецензія произвела на Погодина тяжкое впечатлѣніе, и онъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Отмѣтить гадости Бестужева-Рюмина въ рецензіи".

Но за то Погодинъ былъ утѣшенъ слѣдующимъ письмомъ къ нему графа Д. Н. Блудова, отъ 21 ноября 1859 года: „Я только вчера имѣлъ честь получить письмо вашего пре-

восходительства, отъ 10 сего ноября, и при немъ вашъ литературный подарокъ,—книжку о періодѣ Русской Исторіи, который, по мнѣнію моему, вы справедливо именуете Норманскимъ.

„Ваши историческіе труды давно уже заслужили, не только вниманіе, но и признательность всѣхъ понимающихъ, какъ нужно знать свое Отечество для того, чтобъ болѣе любить его и быть тверже въ этой любви, отъ которой, какъ и отъ всякой другой, иногда страдаетъ сердце, но которая, не смотря на то, или и потому именно, есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ чувствъ и благъ въ сей жизни. Смѣю думать, что я принадлежу къ числу сихъ людей и вмѣстѣ съ ними понимаю также, что должно, и почаще, обращаться къ минувшему для основательнаго сужденія о настоящемъ и для вѣры въ будущее.

„Доселѣ я успѣлъ лишь заглянуть въ ваше новое произведеніе, и однакожь считаю долгомъ теперь же благодарить васъ за удовольствіе, которое мнѣ, безъ сомнѣнія, доставитъ чтеніе сего, можетъ быть, слишкомъ краткаго обозрѣнія первыхъ, такъ-сказать, колыбельныхъ, но уже блистательныхъ лѣтъ Государства Россійскаго. Продолжайте, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, разработывать обширное или точнѣе неизмѣримое поле Исторіи, на коемъ, къ сожалѣнію, по крайней мѣрѣ у насъ, мы встрѣчаемъ такъ мало добросовѣстныхъ дѣлателей“.

Свою книгу о Норманскомъ періодѣ Русской Исторіи Погодинъ также представилъ и знаменитому историку Русской Церкви, тогда епископу Харьковскому, Макарію.

Въ Погодинскомъ Архивѣ сохранилось два письма преосвященнаго, относящіяся къ этому времени, въ которыхъ между прочимъ читаемъ:

Въ письмѣ, отъ 28 января 1860 года: „Смѣю напомнить вамъ ваше обѣщаніе, данное мнѣ при первомъ свиданіи нашемъ словесно, а потомъ выраженное вами и въ письмѣ ко мнѣ, — обѣщаніе выслать мнѣ вашъ *Москвитянинъ* за всѣ

годы—въ замѣнъ сочиненій, которыя я имѣлъ честь тогда препроводить къ вамъ. Мнѣ желалось бы имѣть собственно тѣ книжки *Москвитянина*, гдѣ помѣщены историческія статьи и матеріалы, особенно касающіеся нашей Церковной Исторіи. Ибо, грѣшный человѣкъ, я все еще понемногу занимаюсь ею, не смотря на всѣ ожесточенныя нападки на меня гг. Гилярова-Платонова и Кубарева, старавшихся выставить меня и бездарнымъ, и лѣнтяемъ, и неумѣющимъ ни мыслить логически, ни выражаться и проч. и проч. Есть же люди, простаки, которые говорятъ мнѣ и спасибо даже за мои историческіе труды. Прошу извинить меня, что я напомнилъ вамъ такое старое обѣщаніе. Вы любите правду. Усерднѣйше благодарю васъ за вашъ Норманскій періодъ".

Въ другомъ своемъ письмѣ, отъ 25 февраля, преосвященный писалъ:

„На гг. Кубарева и Гилярова-Платонова я вовсе не въ претензіи. Со многими мыслями Кубарева противъ моей статьи я совершенно согласенъ. Но если я назвалъ ожесточенными нападки этихъ господъ на меня, то потому только, что они не ограничивались критикою моихъ сочиненій, а старались намѣренно оскорбить мою личность, выставляя меня человѣкомъ бездарнымъ, неумѣющимъ логически мыслить и проч. и проч. Впрочемъ, и на все это я теперь махнулъ рукою. Чтὸ я такое предъ цѣлымъ Русскимъ Духовенствомъ? А нынѣ и оно все втоптано въ грязь Русскимъ просвѣщеннымъ обществомъ. Все бездарное, безнравственное, даже зловредное — гдѣ нынче у насъ, какъ не въ Духовенствѣ? — Странно было бы, если бы меня одного пощадили. Въ Русскомъ Духовенствѣ, развѣ можетъ быть что доброе" [224])?...

LX.

Одновременно съ изслѣдованіемъ о древнемъ великомъ князѣ Изяславѣ Ярославичѣ, Погодинъ писалъ и о царѣ Грозномъ. Дневникъ его гласитъ:

Подъ *9 февраля 1859 года*: „Статья о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ".

— *10* — — —: „Думалъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ".

— *7 іюня* — — —: „Набросалъ о Грозномъ".

— *9* — — —: „Читалъ о Грозномъ".

— *11* — — —: „Переписалъ Грознаго".

— *18* — — —: „Просматривалъ о Грозномъ".

— *19* — — —: „О Грозномъ".

— *27* — — —: „Писалъ о Грозномъ".

— *29* — — —: „О Грозномъ".

Въ августѣ, Погодинъ уединяется въ подмосковную (близъ Химокъ) И. Ѳ. Мамонтова, Кирѣево, и тамъ продолжаетъ свои занятія царемъ Грознымъ.

Подъ *12 августа 1859 года*: „Примусь ли завтра за Грознаго. А если бы откатать и его, то было бы превосходно".

— *13* — — —: „Къ удивленію, увидѣлъ, что статья объ Иванѣ Грозномъ уже почти готова. Остается конецъ, для котораго должно справиться съ книгами. Прочитывалъ, очень доволенъ".

Къ Успенію Погодинъ возвратился въ Москву, и тамъ уже оканчивалъ свою статью.

Подъ *15 августа 1859 года*: „Обработывалъ статью о Грозномъ".

— *16* — — —: „О Грозномъ".

— *17* — — —: „О Грозномъ".

— *18* — — —: „Переписалъ Іоанна".

— *19* — — —: „Кончилъ статью о Грозномъ, такъ что рука устала".

Статью свою о Грозномъ Погодинъ отправилъ къ Н. В. Калачову, для напечатанія въ его *Архивъ*. 15 октября 1859 г., Калачовъ писалъ Погодину: „Со вчерашняго вечера я имѣлъ честь препроводить вамъ корректуру вашей статьи объ *Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ*, съ оригиналомъ. По исправленіи корректуры, сдѣлайте одолженіе, возвратите ее мнѣ съ назначеніемъ сколько вамъ будетъ угодно имѣть оттисковъ этой статьи. Наборъ ея, какъ и вообще печатаніе моего *Архива*, былъ на нѣкоторое время пріостановленъ Типографіей II-го Отдѣленія, по очень отрадному обстоятельству: всѣ наборщики и станки были заняты печатаніемъ новаго Устава Гражданскаго Судопроизводства, который спѣшили окончить къ пріѣзду государя, для представленія ему".

Статью свою о царѣ Грозномъ, Погодинъ начинаетъ такъ: „Царю Ивану Васильевичу Грозному неожиданно посчастливилось въ наше время; нашлись люди, которые сдѣлались не только его адвокатами, но даже возвели его на высокую степень государственнаго величія, надѣлили геніальными способностями, представили въ немъ необыкновеннаго правителя, гуманнаго прогрессиста, чуть не селадона—и Грозный вдругъ изъ тигра сдѣлался львомъ современной критики. Много лѣтъ прошло, какъ я представилъ публикѣ подробное изслѣдованіе объ этомъ примѣчательномъ характерѣ, но у насъ, увлекаясь всякаго новизною, не любятъ обращаться къ старому". За симъ, Погодинъ счелъ нужнымъ повторить главныя черты своего изслѣдованія, присоединивъ къ нимъ нѣкоторыя разсужденія, вызванныя новыми воззрѣніями [225]).

Въ то время, когда Погодинъ былъ погруженъ въ изученіе личности Грознаго, въ Москвѣ возгорѣлся жгучій вопросъ о судьбѣ современной царю Грозному, Типографской Библіотеки.

Поводомъ къ возниковенію этого вопроса было нижеслѣдующее письмо, отъ 22 сентября 1858 года, барона М. А. Корфа къ митрополиту Московскому Филарету: „Извѣстясь,

что изъ Библіотеки при Московской Синодальной Типографіи предполагается передать въ духовныя академіи и семинаріи тѣ изъ числа изданій на Церковнославянскомъ и иностранныхъ языкахъ, которыя имѣются въ ней въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и зная, что нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій не достаетъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, я принимаю смѣлость, впередъ вполнѣ увѣренный въ просвѣщенномъ содѣйствіи вашего высокопреосвященства, представить на благоуваженіе ваше, не изволите ли вы признать возможнымъ, передать въ Императорскую Публичную Библіотеку,—которой сокровищами, какъ рукописными, такъ и печатными, свободно пользуются ученые и учащіеся, свѣтскіе и духовные, и которыми нѣкогда она служила и вамъ самимъ, высокопреосвященнѣйшій архипастырь,—по экземпляру недостающихъ ей дублетовъ Библіотеки Синодальной Типографіи, въ обмѣнъ которыхъ она, съ своей стороны, готова представить тѣ изъ числа собственныхъ ея дублетовъ богословскаго содержанія, которые, по усмотрѣнію вашему, могли бы быть полезны для духовно-учебныхъ заведеній.

„Въ случаѣ, если бы вашему высокопреосвященству, постоянно и дѣломъ и словомъ ревнующему объ успѣхахъ отечественнаго просвѣщенія, угодно было соизволить на настоящее мое предположеніе, истекающее изъ желанія общественной пользы, я смѣлъ бы покорнѣйше просить приказанія, доставить мнѣ, на самое непродолжительное время, каталогъ тѣхъ сочиненій, которыя предполагаются къ передачѣ изъ Библіотеки Московской Синодальной Типографіи. По повѣркѣ съ описями Императорской Публичной Библіотеки, я поспѣшилъ бы возвратить этотъ каталогъ, съ присоединеніемъ къ нему, какъ списка того, что желательно пріобрѣсть для Публичной Библіотеки, такъ и карточекъ ея дублетовъ.

„Въ ожиданіи что вы, милостивый архипастырь, благоволите почтить меня вашимъ по сему предмету увѣдомленіемъ, я, призывая на себя святыя молитвы вашего высокопреосвященства, пользуюсь настоящимъ случаемъ для засвидѣ-

тельствованія вамъ глубочайшаго моего почтенія и душевной преданности".

Не получивъ отвѣта, баронъ Корфъ, 16 января 1859 г. обратился къ митрополиту Филарету вторично съ слѣдующимъ письмомъ: „Побуждаемый желаніемъ имѣть свѣдѣнія о положеніи дѣла, по коему я имѣлъ честь обратить къ вашему высокопреосвященству покорнѣйшую мою просьбу, отъ 22 сентября, прошлаго года, № 1087, нынѣ пріемлю смѣлость возобновить оную въ памяти вашей, въ надеждѣ, что вы, милостивый архипастырь, не оставите почтить меня увѣдомленіемъ о тѣхъ распоряженіяхъ, кои вашему высокопреосвященству угодно было сдѣлать по упомянутому отношенію" [226]).

Но и на это письмо не послѣдовало отвѣта.

Между тѣмъ, въ апрѣлѣ 1859 года, исправлявшій должность совѣтника Московской Сѵнодальной Типографіи, П. А. Безсоновъ, представилъ двѣ записки оберъ-прокурору Св. Сѵнода касательно разбора Типографской Библіотеки, на которыхъ митрополитъ Московскій Филаретъ положилъ слѣдующую собственноручную резолюцію: „Дабы изъ рукописей и книгъ, безъ употребленія хранящихся въ Сѵнодальной Типографской Библіотекѣ, сдѣлать, сколь можно, полезное употребленіе, и между тѣмъ не обременить Сѵнодальную Библіотеку дополненіями, ей ненужными и не свойственными, сдѣлать слѣдующее распоряженіе: 1) Для разбора рукописей и книгъ составить комитетъ изъ сѵнодальнаго ризничаго, одного священника, магистра, и одного профессора Семинаріи. 2) Сему комитету составить отдѣльный реестръ древнихъ рукописей и книгъ церковнаго и духовнаго содержанія, съ предположеніемъ перенести ихъ въ Сѵнодальную Библіотеку. 3) Составить отдѣльный реестръ рукописей, относящихся къ литературѣ и учености (какъ, напримѣръ, Греческая рукопись *Омирова*) для перенесенія въ Библіотеку Московской Академіи. 4) Составить отдѣльный реестръ актовъ, государственнаго и политическаго значенія (какъ, напримѣръ, копія съ грамоты импе-

ратора Максимиліана царю Василію Іоанновичу о переименованіи его цесаремъ Всероссійскимъ), съ предположеніемъ перенести оныя въ соотвѣтственныя симъ предметамъ хранилища. 5) Составить отдѣльный списокъ печатныхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, съ предположеніемъ перенести въ Библіотеку Московской Духовной Академіи тѣхъ, которыхъ въ ней нѣтъ, а прочія—въ другія библіотеки духовныхъ училищъ, по усмотрѣнію Св. Сvнода. 6) Печатныя книги, которыя въ Сvнодальной Типографіи могутъ служить для образца или для справокъ, оставить въ Библіотекѣ сей Типографіи. 7) О семъ предварительно представить на благоусмотрѣніе Св. Синода и испрашивать въ разрѣшеніе указа" [227]).

Письма же барона Корфа къ митрополиту Филарету дали поводъ къ слуху, который распространился по Москвѣ, что будто бы древняя, триста лѣтъ тому назадъ основанная Библіотека Московской Сvнодальной Типографіи, будетъ увезена въ Петербургъ и разбита по частямъ.

Русская Бесѣда ударила въ набатъ. „Москва",—писали тамъ,—къ стыду Россіи, и безъ того нуждается въ ученыхъ музеяхъ и книгохранилищахъ; Москва—это средоточіе Русской умственной и духовной дѣятельности до сихъ поръ лишена публичной библіотеки!... Но сущность дѣла не въ этомъ: перевозить Библіотеку Московской Типографіи въ Петербургъ не значитъ только взять книги изъ одного книгохранилища и пополнить ими другое. Нѣтъ! Это значитъ: разрушить цѣлое вѣковое учрежденіе, стяжавшее уваженіе всего Русскаго народа; уничтожать двагоцѣнный живой памятникъ старины въ самомъ лучшемъ ея проявленіи; разорвать союзъ съ животворнымъ историческимъ преданіемъ; подорвать едва ли не единственныя нити, связующія Русскій простой людъ съ книжностью; добровольно лишить себя могучаго орудія просвѣщенія. Библіотека Московской Сvинодальной Типографіи имѣетъ свою особенную физіономію, свою спеціальность, кромѣ своей библіографической драгоцѣнности—она важна, просто, какъ учрежденіе, носящее на себѣ живой непрерывный слѣдъ трех-

сотлѣтней духовной дѣятельности. Впрочемъ, поспѣшимъ успокоить нашихъ читателей: все это вѣроятно не болѣе, какъ слухъ. Знаменитый предстоятель Московскаго Духовенства никогда—мы въ томъ увѣрены,—не попуститъ совершиться такому невѣжественному посягательству" [228]).

На ничѣмъ неповиннаго барона М. А. Корфа посыпались обвиненія. „Корфъ",—писалъ Безсоновъ Погодину,—„говорятъ, теперь особенно ищетъ популярности, а потому кстати его устыдить, такъ какъ въ устахъ митрополита онъ является главнымъ орудіемъ и зачаломъ постыднаго дѣянія".

Но въ тотъ же день самъ Корфъ, изъ Петербурга, писалъ Погодину слѣдующее: „Предметъ настоящихъ строкъ касается собственной моей личности. Теперь ровно годъ что, узнавъ о предположеніи митрополита Филарета передать дублеты Библіотеки Московской Синодальной Типографіи въ духовныя академіи и семинаріи, я просилъ его, тѣ изъ этихъ дублетовъ, которыхъ не оказалось бы въ Публичной Библіотекѣ, обратить въ сію послѣднюю, съ замѣномъ ихъ тѣми изъ числа собственныхъ ея дублетовъ, которые могли бы быть полезны для духовноучебныхъ заведеній. Это сношеніе мое я повторилъ еще въ январѣ нынѣшняго года, но ни на то, ни на другое, не былъ удостоенъ никакого отвѣта. Вдругъ, нынче до меня дошло стороною, что, въ *слѣдствіе будто-бы моего отношенія*, вашъ архипастырь составилъ и готовится внести въ Синодъ проектъ о *совершенномъ уничтоженіи* Библіотеки Синодальной Типографіи, съ размѣщеніемъ ея книгъ между свѣтскими и духовными установленіями; что, бывъ по этому случаю осажденъ со всѣхъ сторонъ вопросами, онъ отвѣчаетъ, что *таково настояніе барона Корфа*; что чрезъ него дѣйствуетъ высшая власть и по неволѣ нужно повиноваться; что такъ-то Духовенство терпитъ отъ свѣтской власти, и что самъ онъ, митрополитъ, только усиливается спасти кое-что для духовнаго вѣдомства! Отъ этихъ отвѣтовъ произошло еще больше запутанности и, какъ я слышу, умы въ Москвѣ чрезвычайно противъ меня настроены.

всегда дороживъ мнѣніемъ честныхъ людей, и всегда ставивъ себѣ цѣлью не жать, а всемѣрно покровительствовать науку и ея дѣятелей, я позволяю себѣ представить вамъ, многочтимый Михайло Петровичъ, копіи съ моихъ отношеній къ митрополиту, въ доказательство, какъ *невинно* было мое участіе въ этомъ дѣлѣ, какъ оно имѣло въ виду единственно обоюдную пользу и какъ было далеко отъ приписываемаго мнѣ возобновленія варварства среднихъ вѣковъ. Изъ этихъ бумагъ вы легко увидите, заслужилъ ли я возбужденный противъ меня, съ невѣдомыми мнѣ цѣлями, ропотъ; а какъ мнѣ очень извѣстенъ вѣсъ вашего голоса въ общественномъ мнѣніи Москвы, то смѣю надѣяться, что вы не откажетесь поднять его въ мою защиту. Я вовсе не желаю и не намѣренъ допускать, чтобы мое имя употреблялось для прикрытія чуждыхъ мнѣ Омаровскихъ дѣйствій. Благоволите, не слѣдуя примѣру вашего іерарха, почтить меня нѣсколькими строками отвѣта, и вѣрить всегдашнему уваженію и искренней преданности"...

Когда о письмѣ Корфа стало извѣстно И. С. Аксакову, то онъ писалъ Погодину: „Сегодня былъ у меня Безсоновъ и сказывалъ о письмѣ Корфа къ вамъ, по поводу Типографской Библіотеки. Онъ говоритъ, что вы хотите это письмо напечатать. Гдѣ же? Не въ газетѣ же—тамъ это получитъ характеръ памфлетическій. Такъ гдѣ? Разумѣется, въ *Бесѣдѣ*. У насъ печатается статья Безсонова о Типографіи (прекрасно написанная); тогда это будетъ встати, а свою замѣтку отъ Редакціи я уничтожу".

LXI.

Баронъ М. А. Корфъ, задѣтый за живое, не ограничился однимъ Погодинымъ: такое же *документальное* оправданіе онъ прислалъ и Безсонову. Вслѣдствіе сего, Безсоновъ писалъ Погодину: „Явно, что митрополитъ только свалилъ на Корфа вину, а виноватъ во всемъ самъ, и даже прежде еще записки

Корфа составилъ Омаровскій проектъ. Если вы думаете напечатать *замѣтку*, то она прекрасна".

Въ другомъ письмѣ, Безсоновъ писалъ Погодину: „Я не вижу въ газетахъ, послали ли вы замѣтку, которая была у меня, напечатать? Она прекрасно составлена и, по моему мнѣнію, совершенно необходима, какъ для оправданія Корфа противу слуховъ, такъ и для отрезвленія митрополита. Хорошо, если бы вы, кромѣ того, отдали ее и въ *Бесѣду*: она помѣстилась бы вслѣдъ за моей статьей о библіотекѣ. Теперь мнѣ писать въ газетахъ уже ненужно: довольно будетъ вашей *замѣтки*; оттиски статьи моей изъ *Бесѣды* я разошлю по всѣмъ журналамъ и уголкамъ, чтобы поставить вопросъ на литературную почву. Но вотъ что еще пришло мнѣ въ голову: Корфъ изъ предполагаемаго зачинщика и врага теперь естественнымъ теченіемъ дѣлъ становится главнымъ союзникомъ и дальнѣйшимъ производителемъ благагó дѣла. Ради Бога, для блага общаго Русскаго, не упускайте такого случая, пишите ему и Коссовичу (конечно, не поминая моего имени), пишите вотъ что, т.-е. въ подобномъ родѣ: Судьба приготовила новую, лучшую пользу для дѣятельности Корфа. Будетъ ему возиться съ одной и той же Петербургской,— есть случай расширить объемъ; ему роль—*спасителя* просвѣщенія въ лицѣ Типографской Библіотеки, *благодѣтеля* Москвы и Россіи, и т. д. А вѣдь все это между нами, а для Корфа очень важно — связано съ новою лентой, звѣздой и т. п. Извѣстной своей книгой *) онъ порядочно себя уронилъ и теперь конечно ищетъ популярности: вотъ средство, не только ее возвратить, но и увеличить. Какъ же все это?

„1-е и главное—онъ статсъ-секретарь, возлѣ государя; вотъ какою силой нужно повернуть.

„2-е—въ Москвѣ доселѣ (!!!) нѣтъ *Публичной Библіотеки*, пора же ее сдѣлать, какъ?

„3-е—*Отдѣломъ* Петербургской; тамъ главное управленіе,

---

*) О восшествіи на престолъ императора Николая I-го. *Н. Б.*

здѣсь только *библіотекари*; и новаго штату не нужно: могутъ быть при другихъ должностяхъ, соединивъ ихъ; напр. учителя гимназій, профессоры семинарій и т. п. Изъ чего же сложиться Публичной Библіотекѣ въ Москвѣ?

„4-е—*изъ частей, и оставаясь по частямъ: Лобкова, Черткова, Уварова, Соболевскаго*, всѣ они давно говорили и говорятъ, что если бы была въ Москвѣ Публичная Библіотека, они бы уступили свои. Да и нѣтъ нужды ихъ отнимать *совсѣмъ*: пусть это будетъ *Уваровская, Чертковская*, и т. д., только для общаго пользованія, т.-е., помѣщенная со входомъ, разставленная по нумерамъ, съ каталогомъ, библіотекаремъ-указателемъ. А главная изъ нихъ—

„5-е—*Типографская*: передъ глазами Москвичей наглядная Исторія типографскаго искусства, здѣсь и начавшагося; Исторія дѣятелей Москвы же, памятники Обществъ Ртищевскаго, Крутицкаго; весь Симеонъ Полоцкій, Димитрій Ростовскій, и т. д. Непрерывный рядъ церковныхъ Московскихъ изданій, наглядные образцы церковнаго шрифта въ теченіе трехъ вѣковъ, дѣло Петровскаго изобрѣтенія гражданскихъ буквъ, и т. д. и т. д. Какая поучительная вещь для публичнаго пользованія!—Какъ же ее взять для публики?

„6-е—Духовенство, составивъ проэктъ объ ея уничтоженіи и разбивкѣ, показало, что не слишкомъ дорожитъ ею, и слѣдовательно легко уступитъ: такъ и можетъ заговорить Корфъ.—Но вѣдь отчуждать ее нельзя и она нужна для Типографіи?

„7-е—такъ, но духовенство этого не сказало. скажетъ это опять Корфъ, и скажетъ отъ лица всей Россіи, какъ предводитель историческаго пониманія и всеобщихъ требованій Просвѣщенія. Онъ укажетъ духовенству его собственныя пользы: библіотека не будетъ отнята у типографскаго вѣдомства, не будетъ разбита, а только сдѣлается *публичною*, подъ вѣдѣніемъ Корфа, съ особымъ библіотекаремъ, пожалуй, изъ духовныхъ же лицъ; должность эту можетъ править и синодальный библіотекарь, и семинарскій, или же кто изъ чиновниковъ Типографіи, напр. *Өедоръ Николаевичъ Бѣляевъ*. И

практически не будетъ помѣхи: для всѣхъ справокъ, Типографія будетъ обращаться въ подручную, свою прежнюю, оставшуюся въ Москвѣ, но только приведенную въ лучшій порядокъ, по распоряженіямъ Корфа.

„8-е—такимъ образомъ, предполагаю я возможнымъ слѣдующій видъ *Московской Публичной Библіотеки*: *Отдѣленіе* 1-е, *Типографская*, помѣщена тамъ-то (чтобъ не нанимать дома, можно Корфу, властію государя, вынудить, чтобъ Библіотекѣ дали помѣщеніе въ типографскомъ зданіи, подобно какъ она помѣщается здѣсь и нынѣ); *Отдѣленіе* 2-е, *Чертковская*, въ домѣ Черткова; *Отдѣленіе* 3-е, *Лобковская* въ домѣ Лобкова, и т. д. А всѣ эти отдѣленія — подъ общимъ управленіемъ Главной Петербургской.

„Стало быть, три дѣла, касательно Библіотеки Типографской: 1) взять ее Корфу изъ *распоряженій* Духовенства, ибо оно не дорожитъ ею; 2) не брать *изъ владѣнія и употребленія* духовенства и духовной Типографіи, сохранить ея цѣлость, даже пополнить и улучшить, чтобы создать въ лицахъ цѣлую Исторію Московской Типографіи; выразителемъ его потребностей, даже вразумителемъ самого духовенства, блюстителемъ его пользъ; 3) обратить эту собственность типографскую въ публичное пользованіе, и здѣсь явиться благодѣтелемъ Москвы. Серьезно говоря, нельзя кажется придумать счастливѣе такой роли: и какъ бы она обновила дѣятельность Корфа, сколько указала бы впереди работы, какъ бы его выдвинула передъ всѣми!

„Это проэктъ въ родѣ *мѣстныхъ*, *частныхъ банковъ*.

„Конечно, я не пишу вамъ полнаго проэкта; можетъ быть я съ нимъ и не справился бы, но я *даю мысль*: дополните ее, даже измѣните и дайте совсѣмъ иной видъ, но повторяю, ради Бога, не опустите возможности и такого драгоцѣннаго случая; теперь то время дѣйствовать на Корфа, теперь то пора спасать Типографскую Библіотеку и всю Исторію Типографіи, теперь-то случай завести дѣло о Публичной Библіотекѣ въ Москвѣ.

„Съ другой стороны—митрополитъ торопитъ, на дняхъ посылаются реэстры въ Синодъ. Вы пишете—и дѣло въ шляпѣ или хоть въ фуражкѣ: хуже, оно *въ клобукѣ*, и не только въ монашескомъ, а въ томъ Византійскомъ, который нахлобученъ на глаза Толстому, Урусову, Филиппову, Зедергольму и всѣмъ имъ, еже о невѣжествѣ съ братіею“ [229]).

LXII.

Столь ожидаемая Бевсоновымъ замѣтка Погодина наконецъ появилась въ *Русской Газетѣ*.

Погодинъ писалъ: „Въ Москвѣ разнесся слухъ объ уничтоженіи Библіотеки Сvнодальной Типографіи. Всѣ археологическія и палеографическія сердца вздрогнули: когда раздаются повсюду голоса объ основаніи и распространеніи мѣстъ образованія, не грустно ли было слышать объ опасности, которая грозитъ древнему въ Москвѣ Книгохранилищу, современному первой Типографіи. Слухъ приписывалъ эту мѣру наступательнымъ дѣйствіямъ Петербургской Публичной Библіотеки. Я старался убѣдить, кого могъ, что это невозможно и невѣроятно. Баронъ М. А. Корфъ обогатилъ Библіотеку, въ краткое время своего управленія, сокровищами несравненными, поставилъ ее на высшую Европейскую степень, во многихъ отношеніяхъ, и вѣрно уважаетъ столько всѣ родственныя заведенія въ Отечествѣ, что ни за что на свѣтѣ не посягнетъ на ихъ священныя права. Мое предположеніе оправдалось вполнѣ: я получилъ положительное извѣстіе отъ самого барона Корфа, и могу успокоить Московскихъ антикваріевъ, что Петербургская Библіотека еще въ началѣ прошлаго года, просила у Московскаго начальства только дублетовъ, за кои вызывалась вознаградить своими. Желательно, чтобы непріятный слухъ смѣнился пріятнымъ, объ открытіи Сvнодальной и Типографской Библіотеки для публичнаго употребленія. Стыдно, что Москва не имѣетъ до сихъ поръ никакой публичной библіотеки, когда уѣздные города открываютъ ихъ у

себя. Кстати скажемъ, что Григорій Александровичъ Чертковъ, достойный сынъ покойнаго археолога, открываетъ огромную Библіотеку на Мясницкой. Честь, слава и благодарность благодѣтелю образованія" [230]).

Мы же, съ своей стороны, воздадимъ честь, славу и благодарность устроителю и первому библіотекарю Чертковской Библіотеки, Петру Ивановичу Бартеневу... Онъ съумѣлъ сдѣлать изъ частной Библіотеки, дѣйствительный центръ духовной дѣятельности, куда появлялись во множествѣ не только Москвичи, но посѣщавшіе Москву соотечественники и иностранцы.

Кстати, воспользуемся здѣсь воспоминаніемъ самого библіотекаря нѣкогда процвѣтавшей въ Москвѣ, на Мясницкой, Чертковской Библіотеки. Онъ пишетъ: „Въ августѣ 1859 года, нежданно-негоданно для меня, пріѣхалъ въ мое скромное и книгами загроможденное помѣщеніе, въ Кривонивольскомъ переулкѣ, на Молчановкѣ, молодой Московскій богачъ *Григорій Александровичъ Чертковъ*, до того мнѣ вовсе незнакомый. Онъ сказалъ мнѣ, что, по указанію С. А. Соболевскаго (съ которымъ меня познакомилъ въ 1852 году М. П. Погодинъ), проситъ меня заняться Библіотекою умершаго невадолго передъ тѣмъ отца его, предсѣдателя Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ, Александра Дмитріевича Черткова; что отецъ, кромѣ большаго состоянія, оставилъ ему на попеченіе трехъ сестеръ и четвертую сестру,—Библіотеку; что посреди этихъ книгъ онъ выросъ; что, въ священную для него память отца своего, отдававшаго Библіотекѣ почти всѣ свои досуги, онъ намѣренъ предоставить собранное имъ книжное сокровище общественному пользованію и что для того уже отстраивается при его домѣ, на Мясницкой, обширное въ шесть комнатъ съ особымъ подъѣздомъ, и приспособляемое къ помѣщенію книгъ и пользованію ими, двухъярусное зданіе.

„Библіотека была мнѣ нѣсколько знакома, по двумъ печатнымъ ея каталогамъ; я зналъ также, что собиратель ея нѣкогда въ Воронежѣ учился у митрополита Евгенія; а въ

1858 году, живучи въ Чешской Прагѣ, я убѣдился на примѣрѣ В. В. Ганки, и созданнаго имъ Музея, какъ много можетъ сдѣлать для успѣховъ самобытнаго народнаго просвѣщенія подобнаго рода учрежденіе. Былъ я тогда свободенъ, вышедши въ отставку изъ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. Предложеніе Г. А. Черткова меня восхитило, и въ какіе нибудь полчаса опредѣлились наши отношенія, не измѣнявшіяся потомъ до конца. Вознагражденіе получалъ я по 2500 р. въ годъ; а по открытіи Библіотеки, на жалованье моему помощнику (Н. Ѳ. Ѳедорову), двумъ сторожамъ, переплетъ книгъ и покупку новыхъ, платилъ Г. А. Чертковъ еще столько же. (Шнуровая книга счетовъ должна храниться въ его домашней конторѣ).

„Пока отстраивалось помѣщеніе для Библіотеки, книги увезены были въ имѣніе Черткова, Дмитровскаго уѣзда, село Семеновское. Тамъ печатные каталоги и дополнительные на карточкахъ въ 4-ку описи, сдѣланные покойнымъ собирателемъ, приведены въ общую стройность и по оставленному имъ образцу (въ каталогѣ 1845 г.), описаны тысячи книгъ, которыя онъ не успѣлъ описать. По перевозѣ книгъ въ Москву, сдѣланы имъ въ шнуровыхъ книгахъ перечни по мѣсту ихъ разстановки и приготовлены азбучные указатели, для быстраго отыскиванія, въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ, на карточкахъ изъ толстой бумаги, предоставлялся въ распоряженіе читателей: они сами отыскивали для себя нужное и бросали свои требованія въ нижній этажъ зданія, откуда подъемная машина доставляла книги для чтенія. Кромѣ того, образованъ былъ особый отдѣлъ, для книжныхъ поисковъ и справокъ. Стѣны Библіотеки украсились портретами самого собирателя и многихъ историческихъ лицъ. Съ 1863 года, по мысли владѣльца, начатъ при Библіотекѣ *Русскій Архивъ*, и при немъ печаталось новое дополненное изданіе предметнаго каталога (вышло всего 53 полулиста въ два столбца). Кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изданъ Чертковскою Библіотекою цѣлый рядъ книгъ по Исторіи Россіи и

ея Словесности. Разъ въ недѣлю открыта она была для обозрѣнія рѣдкостей и рукописей, а читателей бывало до 30 человѣкъ въ день. Въ 1863 году, въ Чертковской Библіотекѣ хранилось 17.300 книгъ, число которыхъ въ 1873 году превосходило 20 тысячь.

„По обстоятельствамъ своимъ, Г. А. Чертковъ долженъ былъ переселиться въ Петербургъ и Библіотека передана была имъ Московской Городской Думѣ. Нынѣ она помѣщается въ Историческомъ Музеѣ, у Иверскихъ воротъ".

Теперь возвратимся къ замѣткѣ Погодина. Баронъ М. А. Корфъ, прочитавъ ее, 17 сентября 1859 года, писалъ Погодину: „Не скрою одного опасанія: по редакціи ея, не придетъ ли иному на мысль, что я далъ дѣлу *этотъ* оборотъ *въ слѣдствіе* разнесшагося въ Москвѣ слуха и ропота, тогда какъ вы по числу моей бумаги видите, что все это началось годъ тому назадъ, и что и тогда, какъ теперь, весьма далекій отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій, я думалъ лишь о выгодѣ обоюдной. Да и давали ли фразы и тонъ моей бумаги поводъ къ такой нелѣпой и вмѣстѣ дерзкой клеветѣ"!

Какъ бы то ни было, разнесшійся по Москвѣ слухъ объ уничтоженіи Типографской Библіотеки имѣлъ и хорошія послѣдствія. Громче и сильнѣе заговорили о необходимости учредить въ Москвѣ Публичную Библіотеку. 16 декабря 1859 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Вчера съ 3-хъ часовъ до половины 10-го, я былъ у Лобкова. Обѣдалъ попечитель. Толковали все время объ учрежденіи Библіотеки Публичной въ Москвѣ. Дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Открытіе должно совершиться въ годъ тысячелѣтія Россіи" [281]).

Тому же слуху мы обязаны и тѣмъ, что въ *Русской Бесѣдѣ* появилась интересная статья Безсонова, подъ заглавіемъ: *Очеркъ Типографской Библіотеки въ Москвѣ*. Статья эта вызвала В. И. Ламанскаго написать въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* тоже статью о Типографской Библіотекѣ въ Москвѣ и въ ней изложить свои мысли и соображенія, и, между прочимъ, заявить: „Какъ бы иногда справедливо Москвичи ни

упрекали насъ. Петербургскихъ жителей, за наши часто уже черезъ чуръ бюрократическія и централизаторскія замашки, однако, вѣрно, они никогда не заподозрятъ ни одного Петербургскаго литератора или мало мальски образованнаго человѣка въ дикомъ желаніи оттягать отъ нихъ какое либо изъ ихъ драгоцѣнныхъ, вполнѣ имъ принадлежащихъ книгохранилищъ" [232]).

Но статья Безсонова вызвала ядовитую полемику. Противъ нее выступилъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* почтенный Алексѣй Егоровичъ Викторовъ и написалъ цѣлый рядъ критическихъ статей, подъ заглавіемъ: *Библіотека и Историческая дѣятельность Московской Сѵнодальной Типографіи* [233])

Безсоновъ взволновался. „На статью Викторова, или лучше Саввы и Соловьева",—писалъ онъ Погодину,— „послалъ я, чрезъ И. С. Аксакова, отвѣтъ въ *Московскія Вѣдомости*. Не бросите ли вы два три словечка въ *Русской Газетѣ?* Хорошо бы. Нельзя такъ безсовѣстно прикрываться Филаретами и Исидорами". Но Коршъ, кажется, не принялъ статьи Безсонова, такъ какъ послѣдній писалъ Погодину: „Коршу послалъ коротенькій отзывъ объ общественной сторонѣ вопроса: до сихъ поръ упирается. Составленіе статьи Саввою и Соловьевымъ не подлежитъ сомнѣнію" [234]).

Съ своей стороны, Погодинъ, по поводу статьи Безсонова, писалъ: „Въ *Русской Бесѣдѣ* напечатана замѣчательная, дѣльная статья Безсонова о нашемъ древнѣйшемъ книгохранилищѣ, изъ коей мы узнаемъ много любопытныхъ вещей. Дѣло археологическое, библіотечное мнѣ хорошо знакомо, потому что я самъ владѣлъ богатѣйшимъ собраніемъ, составленнымъ впродолженіи многихъ лѣтъ, такъ сказать, по листикамъ. Теперь скажу, что открытія Биліотеки Сѵнодальной и Типографской, для публичнаго употребленія, требуетъ настоятельно время. Примѣръ готовъ: это Петербургская Публичная Библіотека, которую, въ короткое время, успѣлъ поставить на такую высокую степень баронъ М. А. Корфъ. Всѣ двери ея растворены, такъ сказать, настежъ, и въ этихъ дверяхъ

стоитъ пригласитель, чуть ли не съ калачемъ, который кланяется въ поясъ посѣтителямъ, какъ своимъ благодѣтелямъ, приговаривая: милости просимъ, пожалуйте, милости просимъ, что вамъ угодно, не хотите ли вы еще вотъ какой книги, и тому подобное. Вотъ какъ распространяется образованіе! Ну, вообразите, вмѣсто этой учтивости, привѣтливости, любезности какого нибудь грубаго невѣжественнаго смотрителя — я говорю о прошедшемъ времени, — который затрудняется всякимъ вопросомъ, который старается всѣми силами уклониться отъ докучливаго посѣтителя, прячется отъ него, проводитъ завтраками и заставляетъ наконецъ отказаться отъ всѣхъ поисковъ. Много надо было употреблять настойчивости, много перенести оскорбленій, много потерять времени, чтобъ сдѣлать какую нибудь справку, а о выпискахъ не смѣй никто и думать, безъ десятка просительныхъ писемъ, отношеній, рапортовъ, протоколовъ, и прочихъ противностей нашего бюрократическаго порядка.

„Повѣрятъ ли въ Европѣ, чтобы драгоцѣннѣйшая, единственная Библіотека въ Россіи, обладающая сокровищами на Грическомъ и другихъ языкахъ, имѣла у себя всегда по одному смотрителю, на котораго сверхъ того были возложены еще другія значительныя обязанности. Никто и не заглядывалъ въ Библіотеку, безъ крайней необходимости, въ продолженіи многихъ лѣтъ. А помѣщалась она, эта Европейская и Всероссійская сокровищница, гдѣ то вверху, по сквернѣйшей лѣстницѣ, за темными переходами, въ какой то трущобѣ, какихъ въ Европѣ уже и не слышно. Хотите ли имѣть понятіе о переплетахъ? На многихъ книгахъ вы найдете: Евангеліе, Апостолъ, а на стоящихъ подлѣ: другое, другой! Вѣроятно ли это? Теперь Библіотека получила другое помѣщеніе, нѣсколько поудобнѣе, но все-таки не соотвѣтствующее ея достоинству: за занятыми комнатами, черезъ кои доступъ не всегда возможенъ. Собраніе рукописей Успенскаго собора никто и не знаетъ, и оно хранилось гдѣ-то въ главѣ; собраніе рукописей Чудова монастыря, о которомъ даже я,

собиравшій неусыпно подобныя извѣстія, услышалъ случайно, скрывалось еще недавно въ какомъ то подземельѣ.

„Вотъ какое помѣщеніе укажу я для всѣхъ этихъ сокровищъ вмѣстѣ: отдѣлайте фасадъ Чудова монастыря подъ одну линію съ Сенатомъ, и вы получите нѣсколько отличныхъ залъ, гдѣ всѣ древнія рукописи и книги займутъ подобающее имъ мѣсто. Фасадъ отдѣлать надо, разумѣется, въ древнемъ вкусѣ, съ крыльцомъ на площадь. Въ задней его части можетъ быть еще оставленъ достаточный корридоръ для сообщенія Чудовской церкви съ келіями. Въ Кремлѣ всякій пядень земли дорогъ, а здѣсь есть еще цѣлое зданіе, напротивъ Сената, вплоть до Вознесенскаго монастыря, гдѣ хранятся старыя консисторскія дѣла, какъ будто-бъ не могли они спокойно гнить въ какой нибудь кладовой загороднаго монастыря.

„Синодальная Библіотека, открытая для публичнаго употребленія, сдѣлается народною академіею. Умѣйте выставить драгоцѣнные наши памятники Древности и познакомить съ ними народъ не схоластически, не педантически, а просто, вложеніемъ перстовъ, и раскольники задумаются! Знаете ли вы, милостивые государи, свѣтскіе и несвѣтскіе ревнители Просвѣщенія, что ежегодно на Святой Недѣлѣ бываютъ жаркія словопренія о догматахъ вѣры, и обо всѣхъ духовныхъ предметахъ на паперти Успенскаго собора, и около прочихъ церквей въ Кремлѣ. Нѣсколько лѣтъ сряду я посѣщалъ эти пренія, и никогда не видалъ никого отъ духовенства, хотя подъ рукою. А какой удобный случай состязаться съ раскольниками, противъ коихъ ратуютъ здѣсь только начетчики православные. Нашъ знаменитый Хомяковъ часто въ нихъ участвовалъ, принесъ много пользы, и попалъ было однажды въ сибирку. Покойнаго Петра Васильевича Кирѣевскаго стащилъ однажды за шиворотъ квартальный, какъ нынѣ его ученика и сотрудника Якушкина Псковская полиція. Въ старое время, привозились сюда на возахъ книги для справокъ. Что еслибы мы открыли Сѵнодальную Библіотеку, и въ нужномъ случаѣ, одинъ изъ спорщиковъ повелъ бы туда своихъ

противниковъ, и заставилъ перстами осязать свою истину. Одна такая побѣда отозвалась бы не только въ Москвѣ, но во всей Россіи.

„Нѣтъ, мы заперлись въ своихъ комнатахъ, не имѣемъ сообщенія съ жизнію,—и не мудрено, что жизнь отъ насъ убѣгаетъ въ расколъ.

„Возвращаюсь къ Типографской Библіотекѣ, отъ которой я уже не знаю какъ попалъ къ Сѵнодальной: на бумагѣ видно легче путешествовать, чѣмъ по лѣстницамъ не только присутствій, но и библіотекъ.

„Типографская Библіотека должна имѣть другую цѣль, хоть и сходную съ Сѵнодальною. Въ Типографской Библіотекѣ должны быть собраны всѣ старопечатныя книги: 1) Московскія, 2) Кіевскія, 3) Виленскія, 4) Острожскія, 5) Львовскія,—и прочихъ нашихъ югозападныхъ типографій. Далѣе, всѣ книги, печатанныя въ Венеціи и прочихъ южныхъ типографіяхъ. Раскольники должны увидѣть спорные тексты по всѣмъ изданіямъ, должны увидѣть ихъ въ Греческихъ подлинникахъ и Латинскихъ переводахъ, по рукописямъ и печатнымъ книгамъ. Нужды нѣтъ, что они не знаютъ Греческаго и Латинскаго языковъ: они толковиты и доберутся до правды, съ умѣньемъ спрашивать, которому надо противопоставить умѣнье отвѣчать. Библіотеки Симеона Полоцкаго, Сильвестра Медвѣдева и Дмитрія Ростовскаго должны составить особыя, цѣлыя, несмѣшиваемыя съ другими, для иныхъ цѣлей".

Когда полемика о Типографской Библіотекѣ перешла и въ *Наше Время*, издаваемое Н. Ф. Павловымъ, то князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Скажите Павлову,—что это онъ все возится съ Сѵнодальной Типографіей. Возня съ Безсоновымъ наводитъ сонъ на *Наше Время*, которое надобно пробуждать болѣе живыми вопросами".

LXIII.

Вслѣдствіе разностороннихъ цензурныхъ затрудненій и и при сильномъ развитіи журнальной дѣятельности и гласности, государю пришла мысль учредить совершенно отдѣльное Цензурное Министерство или Главное Управленіе по дѣламъ книгопечатанія, въ которомъ бы сосредоточились, независимо отъ всѣхъ министерствъ, всѣ дѣла касающіяся прессы. Начальникомъ этого новаго управленія государь предполагалъ назначить барона М. А. Корфа, а сей послѣдній уже избралъ А. Г. Тройницкаго въ свои главные помощники.

Въ ноябрѣ 1859 года, И. К. Бабстъ писалъ Погодину изъ Петербурга: „Дѣла запутываются; финансы отвратительны. М. Корфъ—министромъ цензуры".

Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ* 1859 года, записалъ слѣдующее:

Подъ *21 ноября*—„Баронъ М. А. Корфъ набираетъ своихъ членовъ въ новый Главный Комитетъ. Корфъ ищетъ популярности. Можетъ быть, не слѣдовало бы съ этого начинать, чтобы не пришлось потомъ поворотить оглобли".

— *22* — — — „Тимашевъ утвердительно пророчески говоритъ, что управленіе Корфа больше года не просуществуетъ. Корфъ сдѣлалъ большую ошибку, разгласивъ между литераторами, что онъ будетъ слѣдовать либеральной системѣ. Онъ, такимъ образомъ, возбудилъ надежды и притязанія, которыхъ самъ не будетъ въ состояніи выполнить. Тогда придется поворотить назадъ. Корфъ слишкомъ поспѣшилъ добиваться популярности, а главная ошибка, что онъ показалъ свое желаніе ея добиваться".

Между тѣмъ, Тройницкій писалъ: „Мы принялись съ барономъ Корфомъ сочинять новое министерство, указы, штаты, проекты и проч.".

Но исполнилось пророчество А. Е. Тимашева. „Вся эта

кипучая, дѣятельность", — свидѣтельствуетъ Тройницкій,— „продолжалась недолго, а именно съ 28 ноября по 12 декабря 1859 года. Былъ уже готовъ *предположительный указъ Правительствующему Сенату*, и баронъ Корфъ, какъ говоритъ П. И. Бартеневъ, былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ своего начинанія, что приглашалъ пріятеля своего, извѣстнаго библіофила С. А. Соболевскаго, занять должность предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета".

И вотъ, совершенно неожиданно, 12 декабря 1859 года, Тройницкій получаетъ слѣдующее письмо отъ барона Корфа: „Государю императору благоугодно было снизойти къ всеподданнѣйшей моей просьбѣ объ увольненіи меня отъ предназначавшейся мнѣ должности, и вслѣдствіе того, все возникшее дѣло повелѣть передать министру Народнаго Просвѣщенія. Для исполненія сей высочайшей воли, покорнѣйше прошу ваше превосходительство благоволить доставить мнѣ неотложно всѣ находящіяся у васъ бумаги".

Причины этого необычайнаго событія, Тройницкій объясняетъ тѣмъ, что барону Корфу „пришла несчастная мысль купить домъ для новаго управленія; кромѣ того, противъ него и противъ самаго начала новаго управленія возникла сильная оппозиція въ верхнихъ слояхъ... Такъ все зданіе разлетѣлось въ прахъ. Зданіе",—продолжаетъ Тройницкій,—„строилось слишкомъ легко. Баронъ Корфъ человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія, но слишкомъ прыткій и слишкомъ увлекающійся, такъ что едва ли бы дѣло пошло стройно".

Въ это же время произошло отдѣленіе Цензуры отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Думали, что это произошло по ходатайству самого министра Народнаго Посвѣщенія; но Никитенко утверждаетъ, что за мѣсяцъ передъ этимъ самъ министръ говорилъ ему: „Какъ Ковалевскій, я могу желать отдѣлаться отъ цензуры, потому что это тяжелое бремя. Но какъ гражданинъ, какъ русскій, я всѣми силами буду противодѣйствовать всякому покушенію отдѣлить ее отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, потому что это можетъ

имѣть пагубныя слѣдствія для Литературы. И между тѣмъ, онъ же первый, говорятъ, въ Совѣтѣ министровъ и предложилъ эту мѣру. Дѣло въ томъ, что оторванная отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія цензура сдѣлается добычею всякаго искателя власти и вліянія. Теперь уже многіе зарятся на нее и затѣваютъ козни противъ Корфа; и нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы пророчество Тимашева оправдалось. Тогда, чего добраго, цензура, пожалуй, угодитъ и въ III Отдѣленіе. Вообще, она сдѣлалась, болѣе чѣмъ когда либо, игралищемъ случайностей“.

Какъ бы то ни было, фактъ совершился и Цензура перешла въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Отъ самого Е. П. Ковалевскаго Никитенко узналъ, какъ произошло отдѣленіе Цензуры отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Это инціатива самого государя, а внушеніе—графа С. Г. Строганова [235]).

LXIV.

1859-й годъ былъ годомъ счастливымъ въ жизни нашего историка Николая Ивановича Костомарова. Въ началѣ того года, онъ выпустилъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ своего *Богдана Хмельницкаго*, стяжавшаго ему славу историка, а въ концѣ того же года, онъ возведенъ былъ на каѳедру Русской Исторіи С.-Петербургскаго Университета.

На сочиненіе Костомарова обратили особенное вниманіе и Погодинъ, и Максимовичъ.

Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 14 и 15 апрѣля 1859 г., мы читаемъ слѣдующія записи: „Читалъ Хмельницкаго. Нѣтъ, не превосходная, а только порядочная книга“.

Но особенно эта книга заинтересовала Максимовича, и онъ напечаталъ по поводу ея восемнадцать писемъ, изъ коихъ пять къ Погодину и тринадцать—къ самому Костомарову. Письма свои Максимовичъ началъ въ Москвѣ, а окончилъ на своей Михайловой Горѣ 21 декабря 1860 года.

„Когда мы съ тобою",—писалъ Максимовичъ къ Погодину,—„любезный академикъ, доканчивали, въ *Русской Бесѣдѣ*, ученую распрю нашу за древность Малороссійскаго народа и языка въ Землѣ Кіево-Переяславской, тогда ты написалъ мнѣ вотъ что: „Богданъ былъ великій человѣкъ; память его драгоцѣнна малороссіянину; но на славный его подвигъ можно и должно смотрѣть съ различныхъ сторонъ: одна сторона — Московская, другая—Кіевская. Я радъ поговорить съ тобою о Богданѣ, когда кончится изданіе превосходнаго, кажется, труда Костомарова". Спасибо за такія рѣчи! Но трудъ Костомарова изданъ былъ весь, того же 1857 года, въ восьми номерахъ *Отечественныхъ Записокъ*; а теперь передъ нами уже второе, пополненное его изданіе, въ двухъ томахъ, Спб. 1859 г. И если ты все еще радъ поговорить со мною о Богданѣ, то я и подавно радъ бесѣдовать о немъ съ тобою— не потому только, что мнѣ, какъ *щирому малороссіянину*, драгоцѣнна помять достославнаго гетмана,—не потому только, что историческая бесѣда съ тобою не одному мнѣ, но и читателямъ нашимъ, конечно, бываетъ въ назиданіе, небезплодное и для науки; но еще и потому, что теперь именно мнѣ хочется этою бесѣдою отвлечь лишній разъ твои мысли отъ современности — и не въ глубокую древность Руси, въ которую ты и самъ постоянно уединяешься, — а только въ XVII-й вѣкъ, на берега моего родимаго Днѣпра Славутицы... Сладко окунуться въ волнахъ минувшаго бытія, когда бываешь утомленъ и запыленъ дѣйствительною современностью...

Широко раздолье по всей земли;
Глубоки омуты Днѣпровскіе!

Обо всемъ, что относится къ жизни Москвы и Великой Руси, ты говорилъ всегда съ такимъ живымъ разумѣніемъ и чувствомъ Русской души: говори же мнѣ о нашемъ Богданѣ, глядя на великій подвигъ его съ твоей Московской стороны; пусть увижу я: въ чемъ ты полагаешь различіе этой стороны отъ нашей Кіевской?

„А мой взглядъ на Богдана тебѣ извѣстенъ. При моемъ Кіевскомъ взглядѣ на славный подвигъ Богдана, я и здѣсь, въ Москвѣ, когда въ виду Кремля любуюсь великолѣпнымъ памятникомъ Минина и Пожарскаго, всегда говорю себѣ: зачѣмъ же и до сихъ поръ нѣтъ ни въ Кіевѣ, ни въ Переяславлѣ подобнаго памятника освободителю Маллороссіи отъ того же самаго ига, тяготѣвшаго надъ нею еще болѣе и долѣе, чѣмъ надъ Москвою!.. И если уже не попеклись объ томъ Разумовскіе, Завадовскіе, Безбородьки, Трощинскіе и другіе Малороссіяне,—то хоть бы вы, Великороссіяне, вздумали, наконецъ, выплатить этотъ долгъ своей благодарной памяти славному гетману, руками котораго вся Маллороссія, восточная и западная, оторвалась отъ Рѣчи Посполитой и примкнулась къ Москвѣ, въ общій составъ Русскаго міра...

„Я думаю, что мой Кіевскій взглядъ на Богдана сойдется съ твоимъ Московскимъ—въ одно Русское воззрѣніе, такъ же, какъ Московская и Кіевская Русь—двѣ стороны одного Русскаго міра, надолго разрозненныя и даже противостоявшія другъ другу, сошлись воедино — усиліями Богдана. Его постоянное устремленіе къ Московской Руси, во все продолженіе своей шестилѣтней, многотрудной борьбы съ Поляками—его усиліями совершенное отторженіе цѣлой Малороссіи отъ Польской короны и присоединеніе къ державѣ Русской, его крѣпкое настояніе и дѣятельное участіе козацкими силами въ отвоеваніи Смоленска и всей Бѣлоруссіи Москвою отъ Польши; и то, что, въ 1654 году, царь Великой Россіи сталъ царемъ Малой, а вслѣдъ за тѣмъ и Бѣлой Руси, и положено было тогда счастливое начало великому историческому дѣлу—возсоединенію всей Владиміровой Руси, и понынѣ еще не вполнѣ доконченному: все это даетъ Богдану полное право, чтобы память его была драгоцѣнною и для великороссіянина, и для всей Руси".

Обращаясь къ сочиненію Костомарова, Максимовичъ писалъ Погодину: „Любимецъ и представитель народа своего, краса и слава козачества Южнорусскаго, — Богданъ Хмель-

ницкій былъ любимымъ героемъ и Малороссійскаго лѣтописанья,—и отъ первой лѣтописи Заднѣпровскаго козака, прозваннаго Самовидцемъ, и до послѣдней Исторіи Малороссіи, сочиненной Прилуцкимъ помѣщикомъ Н. А. Маркевичемъ. Помянутая лѣтопись XVII вѣка, и двѣ старшія лѣтописи прошлаго столѣтія, т.-е. Грабянки (1710) и Величка (1720),—какъ видно по ихъ заглавіямъ, и начались собственно, какъ сказанія о войнахъ Хмельницкаго съ Поляками; а потомъ уже обратились въ сказанія о послѣдующихъ десятилѣтіяхъ. Исторія Малороссіи Маркевича, написанная въ 1840 году, представляетъ въ себѣ живой и увлекательный разсказъ о гетманствѣ Хмельницкаго, напоминающій иногда художественность Малороссійской Исторіи Конискаго; но, къ сожалѣнію, новый историкъ слишкомъ придержался стараго историка со стороны фактической, и напрасно старался поддерживать многія ошибки его, которыя были уже безвременны послѣ Исторіи Бантыша-Каменскаго (1829 г.),—Исторіи, конечно, мертво-холодной и небезошибочной, но много обогатившей Исторію гетманства Богдана свѣдѣніями документальными, изъ Московскаго Архива заимствованными.

„Между тѣмъ, именно съ сорововаго года, начался для насъ приливъ историческій, обнародованіемъ памятниковъ Русскихъ и Польскихъ, которые или совсѣмъ были неизвѣстны, или доступны были для весьма немногихъ. Въ томъ числѣ издано много памятниковъ и объ эпохѣ Хмельницкаго, которые вызывали собою новаго дѣятеля на новое повѣствованіе о Богданѣ, удовлетворительнѣйшее всѣхъ прежнихъ. И кому же было взяться за это дѣло, какъ не тому молодому преподавателю Русской Исторіи въ Университетѣ св. Владиміра, который съ такою любовію и трудолюбіемъ работалъ надъ изученіемъ Исторіи и Этнографіи Малороссійскаго народа! Съ удовольствіемъ вспоминаю тотъ вечеръ у Костомарова, въ началѣ 1846 года, на Старомъ Кіевѣ, когда онъ прочелъ мнѣ только что написанное имъ введеніе къ Исторіи Богдана Хмельницкаго... (Тогда же я впервые увидалъ и твою драго-

цѣнную лѣтопись Величка, которая поручена была для изданія Костомарову отъ Временной Коммисіи). И вотъ, черезъ тринадцать лѣтъ, я съ наслажденіемъ прочелъ уже всю его Исторію, уже во второмъ изданіи.

„Русская публика достойно вознаградила своимъ вниманіемъ прекрасный трудъ Костомарова, который—какъ объясняетъ авторъ — и написанъ не въ видѣ систематической исторіи, а разсказа; не для ученаго круга спеціалистовъ, а для публики. Такая форма сочиненія дала возможность автору придать Исторіи всю занимательность романа, и черезъ то провести въ массу читателей богатство свѣдѣній о столь любопытной и важной эпохѣ въ Русской жизни, каково девятилѣтнее гетманство Богданово; а съ другой стороны, эта форма дала возможность автору принимать въ свое сказаніе множество такихъ подробностей, которыя ярко и живо обрисовываютъ характеръ и жизнь народа Малороссійскаго и Польскаго, во взаимной, роковой ихъ борьбѣ, но отъ которыхъ, вѣроятно, воздержалась бы всякая систематическая Исторія, и самая художественная. Никто изъ писавшихъ о Богданѣ не захватывалъ еще подъ свою руку такого множества источниковъ, и особенно Польскихъ, какъ Костомаровъ; а потому въ нынѣшнемъ трудѣ его, Исторія о Богданѣ Хмельницкомъ получила новую прибыль и для ученаго круга спеціалистовъ. На твой вопросъ мнѣ о достоинствѣ труда Костомарова, я скажу: его *Богданъ Хмельницкій* хорошъ, какъ широкій Днѣпровскій лугъ, въ ту пору, когда красуется онъ длинными рядами свѣжихъ травныхъ покосовъ, послѣ удачной косовицы и благовременной гребовицы. Но за привольною и веселою работою косарей и гребцовъ, настаетъ спѣшная и тяжелая работа тягальниковъ и кидальниковъ, чтобы уготованное, благоуханное сѣно сложилось плотно въ стройныхъ скирдахъ. Чего бы и хотѣть, если бы за эту окончательную уборку взялся самъ хозяинъ занятаго и уже скошеннаго имъ луга, на которомъ ему уже знакомы каждый бугоръ и каждая ложбина. Эпоха гетмана Хмель-

ницкаго, да и самъ великій Богданъ, стоятъ того, чтобы трудолюбивый Костомаровъ поработалъ надъ ними съизнова, чтобы, пересмотрѣвъ и перебравъ критически весь богатый запасъ, имъ собранный, сложилъ бы его въ новую Исторію Богдана Хмельницкаго, равно удовлетворительную для публики и для ученаго круга спеціалистовъ. Ибо, въ какомъ бы видѣ ни была изложена Исторія эпохи Богдановой, — въ видѣ романическаго разсказа, или систематической Исторіи, для публики ли, для круга ли ученыхъ, или для круга учениковъ малыхъ и большихъ,—вездѣ равно требуется и предполагается историческая живая истина; а для ея достиженія необходимы точность и вѣрность историческаго факта, потому что это есть основаніе, безъ котораго не можетъ состояться прочно никакое дѣло историка. Мы хотимъ и требуемъ отъ Исторіи, чтобы въ ней давно минувшая жизнь являлась живьемъ предъ очами нашими, а для этого необходимо, чтобы каждое историческое событіе и лицо было познано и представлено вѣрно, въ его подлинномъ видѣ и на своемъ мѣстѣ, какъ было оно на самомъ дѣлѣ.

„Сего есмы искали — а потягнемъ“ [236])!

Въ краткой рецензіи на *Богдана Хмельницкаго*, напечатанной въ *Московскомъ Обозрѣніи* и принадлежавшей перу К. Н. Бестужева-Рюмина, сказано: „Сочиненіе Костомарова первоначально появилось въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1857 года, и тогда же было встрѣчено общимъ сочувствіемъ и похвалами. Оно имѣетъ два важныя достоинства: изящество изложенія и новость многихъ источниковъ: прежніе изслѣдователи времени Богдана мало брали изъ Польскихъ источниковъ. Костомаровъ воспользовался ими и, какъ кажется, иногда не совсѣмъ съ критикой. Самый основательный отзывъ о книгѣ Костомарова принадлежитъ М. А. Максимовичу“ [237]).

По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, Костомаровъ занялъ должность дѣлопроизводителя Саратовскаго Комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Когда Комитетъ окончилъ уже свои занятія, Костомаровъ получилъ отъ С.-Пе-

тербургскаго Университета приглашеніе занять каѳедру Русской Исторіи. Принявши это предложеніе съ радостію, онъ простился навсегда съ Саратовымъ и переселился въ Петербургъ.

Съ великимъ успѣхомъ, 22 ноября 1859 года, Костомаровъ прочелъ свою вступительную лекцію, въ которой, между прочимъ, весьма лестно отозвался о трудахъ Погодина. Профессоръ сказалъ: „Въ настоящее время, Исторія народа не можетъ быть удовлетворительно составлена прежде, чѣмъ не будетъ достаточно критически обработана во всѣхъ подробностяхъ Исторія внѣшнихъ явленій. Вотъ почему я считаю такое сочиненіе, какъ прекрасныя *Изслѣдованія* Погодина, сочиненіемъ первой важности. Еслибы такимъ способомъ разработана была вся Русская Исторія, мы были бы значительно облегчены въ нашемъ предпріятіи" [238]).

„Нашъ новый профессоръ Костомаровъ",—писалъ М. М. Стасюлевичъ Погодину,—„говорилъ о васъ и вашихъ трудахъ на своей вступительной лекціи... Ваши заслуги для Русской Исторіи оцѣнены имъ по достоинству... Наши юноши встрѣтили Костомарова съ неподдѣльнымъ продолжительнымъ восторгомъ, какого мы давно не видали". Въ томъ же письмѣ Стасюлевичъ сообщаетъ Погодину слѣдующую біографическую черту о себѣ: „На святкахъ, собираюсь въ Москву; тогда, если позволите, увидимся; къ стыду сказать, это—почти единственная столица въ Европѣ, которой я не видалъ; но такова участь всего близкаго".

Съ своей стороны и Н. В. Калачовъ писалъ Погодину: „Лекціи Костомарова составляютъ полное его торжество. Аудиторія всегда полна; въ числѣ посѣтителей бываютъ дамы. На первой лекціи, въ присутствіи болѣе тысячи человѣкъ, онъ говорилъ о васъ съ большой похвалой и уваженіемъ" [239]).

Но П. А. Валуевъ, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 23 ноября 1859 года, записалъ: „Въ Петербургскомъ Университетѣ была, говорятъ, сцена рукоплесканій и т. д., въ честь про-

32

фессора Костомарова, съ цѣлью демонстраціи противъ распоряженій по Казанскому Университету, гдѣ исправляющій должность попечителя, за подобныя шумныя манифестаціи, исключилъ изъ Университета почти половину студентовъ“ [240]).

LXV.

Въ былыя времена, рядомъ съ Русскою Исторіею, Погодинъ занимался собираніемъ своего Древлехранилища; а потомъ, разставшись съ своимъ любезнымъ дѣтищемъ, онъ „съ горя“, сталъ собирать живописные портреты Русскихъ писателей. „Изобрѣтеніе Дагерра“—писалъ онъ,—„сохранитъ на вѣки вѣковъ черты нашихъ современниковъ, а предковъ собрать оказалось очень труднымъ. Однако, въ семь лѣтъ *), послѣ многихъ хлопотъ и стараній, мнѣ посчастливилось составить такую коллекцію этихъ портретовъ, какой, конечно, нѣтъ ни у кого. Теперь у меня не достаетъ уже только очень немногихъ, и скоро я надѣюсь открыть свою любопытную Галлерею для публики. Слѣдующее краткое извѣстіе я печатаю въ газетахъ, съ цѣлью найдти между читателями такихъ, которые помогутъ мнѣ дополнить или исправить мою Галлерею, сообщивъ мнѣ свѣдѣнія о лучшихъ оригиналахъ и указавъ средства, какъ пріобрѣсти эти оригиналы, или же хотя снять съ нихъ копіи“.

Вотъ списокъ портретовъ, которые удалось собрать Погодину:

1) Св. *Димитрія* Ростовскаго. Копія съ оригинальнаго, современнаго портрета, доставленнаго Погодину нашимъ почтеннымъ археографомъ П. И. Севастьяновымъ. Онъ принадлежалъ наслѣдницѣ и праправнукѣ Тамбовскаго помѣщика, Константина Ѳедоровича Ушакова, который получилъ его въ подарокъ отъ самого Св. Димитрія, къ нему расположеннаго. Мощи Св. Димитрія открылись еще при жизни К. Ѳ. Уша-

*) Т. е., съ 1852 по 1859 годъ. *Н. Б.*

кова, и онъ велѣлъ написать вѣнецъ надъ главою святителя и поставилъ портретъ, какъ образъ, въ своей церкви, въ селѣ Нестеровѣ, Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. У Ушакова былъ сынъ Петръ, у Петра Димитрій, у Димитрія дочь Анна, тогдашняя владѣтельница. При ней образъ подкрѣпленъ съ изнанки новымъ полотномъ, въ 1852 г.

2) Историка Василья Никитича *Татищева*. Портретъ весьма плохой, съ находившагося въ Россійской Академіи.

3) Князя Антіоха *Кантемира*. Копія съ прекраснаго оригинала, принадлежавшаго Н. А. Юни, а потомъ князю П. А. Оболенскому. Прежде же онъ находился въ Собраніи графа А. К. Разумовскаго. Этотъ портретъ гораздо лучше академическаго, съ котораго у Погодина была также копія. Собиратель имѣлъ хорошій портретъ и отца Кантемирова, сподвижника императора Петра I, доставшійся ему послѣ Д. Н. Бантыша-Каменскаго, который былъ въ родствѣ съ фамиліей Кантемировъ.

4) Архіепископа *Θеофана*. Копія съ посредственнаго портрета академическаго. Никакъ до тѣхъ поръ не могъ Погодинъ отыскать, гдѣ находится подлинникъ, съ котораго распространились извѣстныя гравюры, представляющія Θеофана въ положеніи человѣка взволнованнаго или восторженнаго. Одною рукою онъ опирается на книгу Евангелія. Въ Чудовѣ монастырѣ, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „есть портретъ хорошій, во весь ростъ, въ профиль, съ надписью, подаренный графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ митрополиту Платону".

5) Василья Кирилловича *Тредьяковскаго*. Копія съ посредственнаго портрета академическаго, работы художника Лебедева. По поводу этого портрета, Погодинъ замѣтилъ: „Нужно бы отыскать наслѣдниковъ покойнаго нашего трудолюбца, къ которому неблагодарные потомки оказались столько несправедливыми. Лѣтъ тридцать слишкомъ назадъ, я встрѣтился однажды, въ Рязани, съ одною дамой, уже престарѣлою, Екатериной Ивановной Тредьяковской. Послѣ писалъ я

объ ней въ Рязань, но она переѣхала въ Смоленскъ. Не принадлежала ль она къ роду Василья Кирилловича и не найдется ли какихъ бумагъ въ фамильномъ архивѣ"?

6) Михаила Васильевича *Ломоносова.*

7) Александра Петровича *Сумарокова.*

Эти два портрета достались Погодину послѣ покойнаго Сергѣя Павловича Фонъ-Визина. „Портреты мастерскіе",— замѣчаетъ Погодинъ,—„Фонъ-Визину подарилъ ихъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какой-то Толстой и считалъ ихъ драгоцѣнными, приписывая Боровиковскому. Но Боровиковскій началъ писать, когда ни Ломоносова, ни Сумарокова не было уже въ живыхъ. Знатоки считаютъ голову Ломоносова принадлежащею одному мастеру, а одежду—другому. Лицо Ломоносова совершенно сходствуетъ съ лицомъ фамильнаго портрета, хранящагося у Раевскихъ и снятаго нѣсколько разъ въ прекрасной фотографіи и гравюрахъ. Тоже сходство представляютъ и бюсты, о которыхъ послѣ".

Сумароковъ представленъ тою же кистью, въ молодости. Погодинъ имѣлъ еще два его портрета въ молодости, въ маломъ и въ большомъ форматѣ. Большой, Погодинъ подарилъ Московскому Театру, при празднованіи столѣтія. Сверхъ того, былъ у него подлинникъ одной старой гравюры.

Былъ также у Погодина портретъ Сумарокова и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, въ черномъ галстухѣ; этотъ получилъ онъ отъ потомка Сумарокова—извѣстнаго литератора нашего Петра Панкратьевича Сумарокова. Подлинникъ или копія этого портрета есть въ Кадетскомъ Корпусѣ и оттуда, вѣрно, въ Академіи.

8) Ивана Перфильевича *Елагина.* Копія съ изряднаго академическаго портрета. Часть бумагъ Елагина, между прочимъ, нѣсколько томовъ его Исторіи, Погодинъ видѣлъ у В. Г. Анастасевича. Куда онѣ дѣвались, неизвѣстно.

9) Михаила Матвѣевича *Хераскова.* Два портрета, въ молодости и въ старости. Первый портретъ, съ надписью, получилъ Погодинъ чрезъ Д. С. Ржевскаго, изъ фамильнаго

Собранія графа Девіера; второй пріобрѣлъ Погодинъ изъ Собранія (разсѣяннаго) Платона Петровича Бекетова. Портретъ Хераскова въ старости тотъ же, что находится во многихъ мѣстахъ: въ Универститетѣ, въ Обществѣ Любителей Русской Словесности, въ Академіи. Старинную копію имѣлъ М. А. Дмитріевъ; она досталась ему послѣ дяди его Ивана Ивановича Дмитріева. По замѣчанію Погодина, два эти портрета не имѣютъ почти никакого сходства, такъ что Девіеровскій портретъ, не смотря на надпись, сдѣлался мнѣ, къ сожалѣнію, подозрительнымъ. Нужно особое изслѣдованіе. Владимірскую звѣзду Херасковъ получилъ уже, конечно, не въ молодости.

10) *Георгія* Конисскаго, архіепископа Могилевскаго, знаменитаго историка Малороссіи и оратора. Копія (художника Зенькова) съ посредственнаго портрета, который доставилъ Погодину внукъ Конисскаго, протоіерей Григоровичъ, извѣстный своими историческими трудами.

11) Князя Михаила Михайловича *Щербатова*. Копія съ очень хорошаго портрета, принадлежащаго его внукѣ, княгинѣ Шаховской. При этомъ Погодинъ замѣчаетъ, что „портрету князя Щербатова пришлось висѣть у меня въ залѣ, построенной его сыномъ, княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, у котораго купилъ я свой домъ на Дѣвичьемъ-Полѣ, въ 1835 году. Самъ же князь Михаилъ Михайловичъ жилъ на Прѣснѣ, какъ сказывалъ мнѣ родной племянникъ его, извѣстный П. Я. Чаадаевъ".

12) Ивана Никитича *Болтина*. Оригиналъ очень хорошій, пріобрѣтенный Погодинымъ, благодаря посредству Степана Петровича Жихарева.

13) Украинскаго философа *Сковороды*, копія съ портрета, принадлежащаго Өедору Николаевичу Глинкѣ.

14) Василья Ивановича *Майкова*. Копія съ академическаго порядочнаго портрета; „но есть, кажется",—говоритъ Погодинъ—„портретъ въ фамильномъ Собраніи, который обѣщанъ мнѣ магистромъ нашего Университета, г. Майковымъ" *).

*) Аполлономъ Александровичемъ *Н. Б.*

15) Василья Григорьевича *Рубана*. Копія съ академическаго порядочнаго портрета, художника Лебедева.

16) Өедора Григорьевича *Карина*, друга Кострова, извѣстнаго мелкими своими стихотвореніями. Копія художника Бѣлова, съ миніатюры, доставленной Погодину внукомъ, бывшимъ студентомъ Университета.

17) Митрополита *Платона*. Оригинальный, современный портретъ, очень хорошей работы, пріобрѣтенный для Погодина Мамонтовымъ отъ внуки или правнуки митрополита, которая получила его въ даръ отъ своего дѣда.

18) Протоіерея Петра *Алексѣева*, сочинителя *Церковнаго Словаря* и извѣстнаго своими познаніями и трудолюбіемъ, противника митрополиту Платону. Копія съ отличнаго портрета, принадлежащаго его внукѣ, монахинѣ Зачатейскаго монастыря.

19) Ипполита Өедоровича *Богдановича*. Подлинникъ, подаренный имъ,—какъ свидѣтельствуетъ Погодинъ,—„дамѣ его сердца“, которая представила его впослѣдствіи Курскому губернатору Демидову. Погодинъ получилъ этотъ портретъ, благодаря ходатайству А. Н. Карамзина.

20) Ивана Ивановича *Хемницера*. Копія съ академическаго портрета.

21) Дениса Ивановича *фонъ-Визина*. Копія съ отличнаго портрета, писаннаго въ Италіи и принадлежащаго Ив. Вас. фонъ-Визину. „Недавно я“, — пишетъ Погодинъ, — „видѣлъ старую копію съ этого портрета у наслѣдниковъ Матвѣева“.

22) Василья Петровича *Петрова*. Копія съ академическаго портрета.

23) Николая Ивановича *Новикова*. Отличная копія съ отличнаго портрета Боровиковскаго. Подлинникъ принадлежалъ Ө. И. Прянишникову; другой — наслѣдникамъ Рунича.

24) Якова Борисовича *Княжнина*. Эту копію снялъ Погодину въ Петербургѣ художникъ Кеппенъ.

25) Гавріила Романовича *Державина*. Старая поясная копія съ большаго портрета Тончи, во весь ростъ, принадле-

жавшаго наслѣдникамъ Львова. Досталась Погодину (въ числѣ семи портретовъ) послѣ П. П. Бекетова.

26) Василья Васильевича *Капниста*. Съ медальйона, принадлежавшаго его дѣтямъ. Работы художника Бѣлова.

27) Михаила Никитича *Муравьева*. Копія съ оригинальнаго хорошаго портрета, принадлежавшаго его супругѣ; работы художника Бѣлова.

28) Князя Ивана Михайловича *Долгорукаго*. Составленъ изъ трехъ портретовъ и описаній, подъ наблюденіемъ Погодина. Основной портретъ полученъ былъ Погодинымъ отъ Константина Тихонравова изъ Владиміра, гдѣ князь Иванъ Михайловичъ былъ губернаторомъ.

29) Юрія Александровича *Нелединскаго - Мелецкаго*. Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго его дочери С. Ю. Самариной.

30) Александра Семеновича *Шишкова*. Копія съ эрмитажнаго портрета, писаннаго Дау.

31) Николая Николаевича *Бантышъ-Каменскаго*. Копія съ оригинальнаго портрета, принадлежавшаго доктору Ф. М. Бѣлявскому.

32) Николая Михайловича *Карамзина*. Съ Уткинской гравюры. Подлинникъ писанъ Варнекомъ, на бумагѣ, карандашомъ. Погодинъ имѣлъ другой портретъ Карамзина, въ молодыхъ годахъ, очень хорошей работы. Портреты Карамзина изъ средняго времени были у М. А. Дмитріева и въ семействѣ Селивановскихъ.

33) Ивана Ивановича *Дмитріева*. Лучшій изъ извѣстныхъ портретовъ, доставшійся Погодину послѣ П. П. Бекетова.

34) Платона Петровича *Бекетова*. Копія съ портрета, исправленнаго Тропининымъ и принадлежавшаго М. А. Дмитріеву.

35) Василья Сергѣевича *Подшивалова*. Копія съ подлинника, хранящагося въ Петербургскомъ Коммерческомъ Училищѣ.

36) Анны Петровны *Буниной*. Оригиналъ, писанный Вар-

некомъ. Пріобрѣтенъ Погодинымъ, благодаря посредству С. П. Жихарева, отъ ея брата Ивана Петровича Бунина.

37) *Михаила*, митрополита Санктпетербургскаго. Копія съ подлинника, писаннаго Варнекомъ, принадлежавшаго Н. И. Гончаровой.

38) Александра Ѳедоровича *Лабзина*. Съ миньятюры, принадлежавшей М. А. Дмитріеву.

39) Графа Дмитрія Ивановича *Хвостова*. Копія съ портрета академическаго.

40) *Каменева*. Послѣ многолѣтнихъ исканій, этотъ оригинальный портретъ найденъ въ Казани и пріобрѣтенъ для Погодина профессоромъ Ордынскимъ, отъ Брылкина.

41) Владислава Александровича *Озерова*. Копія съ плохого портрета, находящагося въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Есть, говорили, хорошій портретъ въ Тверской губерніи, но Погодинъ, не смотря на всѣ старанія, не могъ напасть на его слѣды и получить о немъ свѣдѣнія.

42) Князя Александра Александровича *Шаховскаго*. Доставленъ Погодину художникомъ Кеппеномъ.

43) Ивана Андреевича *Крылова*. Отличная копія съ Брюлловскаго оригинала, принадлежавшаго Ѳ. И. Прянишникову.

44) Митрополита Кіевскаго *Евгенія*. Копія съ портрета, принадлежавшаго И. М. Снегиреву, работы художника Бѣлова.

45) Александра Скарлатовича *Стурдзы*. Копія, полученная Погодинымъ отъ дочери покойнаго, княгини М. А. Гагариной. Подлинникъ работы Рубіо.

46) Алексѣя Ѳедоровича *Мерзлякова*. Копія съ портрета, принадлежащаго вдовѣ покойнаго.

47) Василья Андреевича *Жуковскаго*. Копія съ оригинала работы Гильдебрантовой, принадлежавшаго вдовѣ покойнаго.

48) Константина Николаевича *Батюшкова*. Доставленъ Погодину художникомъ Кеппеномъ. У собирателя былъ еще портретъ, изображающій Батюшкова въ дѣтствѣ, полученный въ подарокъ отъ С. П. Жихарева.

49) Николая Ивановича *Гнѣдича*. Копія съ весьма плохого оригинала.

50) Александра Сергѣевича *Грибоѣдова*. Съ извѣстной Уткинской гравюры. Копія весьма неудовлетворительная.

51) Князя Петра Андреевича *Вяземскаго*. Съ литографіи.

52) Дениса Васильевича *Давыдова*. Копія съ эрмитажнаго оригинала, писаннаго Дау.

53) Ивана Ивановича *Козлова*. Копія съ оригинала, принадлежащаго его семейству.

54) Владиміра Ивановича *Панаева*. Копія съ оригинала работы Тыранова.

55) Константина Ѳедоровича *Калайдовича*. Копія съ портрета, писаннаго карандашомъ и принадлежавшаго семейству покойнаго.

56) Павла Михайловича *Строева*. Писанъ для Галлереи, съ натуры, художникомъ Кавелинымъ.

57) Александра Ефимовича *Измайлова*. Копія съ плохого оригинала.

58) Николая Ивановича *Хмѣльницкаго*. Копія съ плохого оригинала.

59) Александра Христофоровича *Востокова*. Съ литографіи.

60) Ивана Ивановича *Давыдова*. Съ литографіи.

61) Михаила Николаевича *Загоскина*. Съ портрета, принадлежавшаго сыну его, С. М. Загоскину.

62) Ивана Ивановича *Лажечникова*. Съ портрета работы Тыранова, копія художника Бѣлова.

63) Александра Сергѣевича *Пушкина*. Съ портрета Кипренскаго, приложеннаго къ *Сѣвернымъ Цвѣтамъ*. Другой, оригинальный портретъ Пушкина, работы Тропинина, принадлежалъ С. А. Соболевскому, а потомъ князю М. А. Оболенскому.

64) Барона Антона Антоновича *Дельвига*. Копія написанная художникомъ Кеппеномъ съ неизвѣстнаго оригинала.

65) Евгенія Абрамовича *Баратынскаго*. Копія съ акварельнаго портрета, принадлежавшаго И. В. Кирѣевскому, ра-

боты Берже. Погодинъ имѣлъ другой портретъ Баратынскаго, съ подлинника извѣстной литографіи; но оба портрета, какъ самъ заявилъ Погодинъ, „весьма неудовлетворительны".

Родной племянникъ Баратынскаго, С. А. Рачинскій, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, отъ 20 марта 1899 года, изъ села Татева, писалъ: „Куда дѣвалась коллекція портретовъ Погодина? По страсти его къ дешевизнѣ, она была переполнена плохими копіями, но содержала также немало портретовъ подлинныхъ и цѣнныхъ. Нѣкоторые портреты были прямо сочинены, напримѣръ, портретъ Баратынскаго, послѣ котораго ни одного сноснаго изображенія не осталось. Погодинъ посылалъ къ моей матери (сестрѣ поэта) своего убогаго живописца, чтобъ возстановить обликъ покойнаго на основаніи фамильнаго сходства" *).....

66) Николая Михайловича *Языкова*. Копія оригинальнаго портрета, принадлежавшаго А. П. Елагиной. Писанъ художникомъ Бѣловымъ.

67) Михаила Юрьевича *Лермонтова*. Копія, написанная художникомъ Кеппеномъ.

68) Юрія Ивановича *Венелина*. Оригинальный портретъ, работы художника Хластыбаева, подаренный Погодину Венелинымъ, передъ отъѣздомъ въ Болгарію.

69) Николая Васильевича *Гоголя*. Подлинникъ, въ меньшемъ форматѣ, работы Иванова; былъ подаренъ Погодинымъ Ѳ. И. Прянишникову, въ Отечественную его Галлерею, который доставилъ Погодину съ него копію въ увеличенномъ форматѣ.

70) Александра Ѳомича *Вельтмана*. Писанъ съ натуры, для Галлереи, художникомъ Кавелинымъ.

71) Князя Владиміра Ѳедоровича *Одоевскаго*. Копія, писанная художникомъ Кеппеномъ.

72) Графа Владиміра Александровича *Соллогуба*. Также.

73) Николая Филипповича *Павлова*. Оригинальный портретъ.

---

*) Ср. выше, объясненіе къ портрету князя Долгорукаго (стр. 503, № 28). *Н. Б.*

74) Графини Евдокіи Петровны *Ростопчиной*. Копія съ портрета Тропинина.

75) Семена Егоровича *Раича*. Оригинальный портретъ, работы художника Кавелина, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Раича.

76) Преосвященнаго *Иннокентія* Таврическаго. Копія съ портрета, принадлежавшаго Д. Г. Бибикову. Другой портретъ, полученный Погодинымъ отъ брата покойнаго, представляетъ его въ годахъ болѣе молодыхъ.

77) Митрополита *Филарета*. Копія, написанная художникомъ Бѣловымъ.

78) Дмитрія Николаевича *Бантышъ-Каменскаго*. Съ подлинника, принадлежавшаго доктору Бѣлявскому.

79) Сергѣя Тимоѳеевича *Аксакова*. Портретъ съ натуры и дагерротипа, писанный художникомъ Бѣловымъ. Другой портретъ, кисти Мамонова, съ бородою.

80) Алексѣя Степановича *Хомякова*. Съ натуры и дагерротипа, работы художника Кавелина.

81) Петра Александровича *Плетнева*. Копія, написанная художникомъ Кеппеномъ.

82) Петра Васильевича *Кирѣевскаго*. Копія съ портрета оригинальнаго, работы Мамонова, принадлежавшаго г.г. Елагинымъ.

83) Степана Петровича *Шевырева*. Оригинальный портретъ, работы художника Кавелина.

84) Александра Николаевича *Островскаго*. Тоже.

85) Михаила Александровича *Максимовича*. Оригинальный портретъ, работы Мамонова [241]).

LXVI.

Лѣтомъ 1859 года, Погодину, пришла счастливая или несчастная мысль писать о Троицкой дорогѣ. 21 іюня, онъ началъ писать и окончилъ 8-го августа, въ Кирѣевѣ, подмосковной И. Ѳ. Мамонтова, близъ Химокъ.

Въ *Дневникѣ* Погодина 1859 года, мы читаемъ слѣдующія записи:

Подъ *8-мъ августа*: „Всталъ рано. Принялся махать и кончилъ о Троицкой дорогѣ."

— *9* — — —: „Прочелъ о Троицѣ. Богатая статья".

— *12* — — —: „Вечеромъ (изъ Кирѣева) ѣздилъ къ Евреиновымъ и прочелъ имъ Троицу. Прекрасная усадьба. Зажженный каминъ".

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ прочелъ свою статью Шевыреву; а съ 16-го сентября, статью о *Троицкой дорогѣ* начали печатать въ *Русской Газетѣ*.

Статью свою Погодинъ начинаетъ воспоминаніемъ о Карамзинѣ. „Слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ",—пишетъ онъ,—„Карамзинъ написалъ свои *Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ*. Воспоминаніе Троицкая дорога пробуждаетъ и нынѣ, разумѣется, тѣ же, потому что прошедшее неизмѣнно, а замѣчанія мыслящему путешественнику вспадаютъ на умъ совершенно другія, и, съ прискорбіемъ, сказать должно, очень грустныя, хоть и не о судьбѣ Филемона и Бавкиды, которыхъ слѣдъ простылъ уже въ Талицахъ. Другой вѣкъ, другой взглядъ на вещи—иныя требованія! Не грустно ли, въ самомъ дѣлѣ, видѣть, что въ пятьдесятъ лѣтъ времени, и какого времени, когда все въ промышленной, матеріальной Европѣ понеслось съ такою быстротою впередъ, на парахъ, когда не осталось, можетъ быть, ни одной вещи домашняго обихода въ первоначальномъ видѣ,.... не грустно ли не найдти только здѣсь, на такой богатой проѣзжей дорогѣ, ни малѣйшей перемѣны къ лучшему, никакого движенія, кромѣ естественнаго, пѣшкомъ, на колесахъ или саняхъ! Все тоже и также—тѣ же раскиданныя деревни, среди пустырей, почти безъ одной зеленой вѣтки, тѣ же, по мѣстамъ ветхія искривленныя избы, тѣ же на курьихъ ножкахъ постоялые дворы, и точно такъ же скрипятъ въ нихъ ворота, и также сквозитъ лѣстница, и также трещитъ полъ. Тотъ же опухлый съ краснымъ носомъ двор-

никъ васъ встрѣчаетъ, тотъ же заспанный батракъ отводитъ вамъ горницу, таже грязная баба приноситъ вамъ черезъ часъ самоваръ, еще не вычищенный, чайникъ съ отбитыми краями, разно-калиберныя чашки на разно-калиберныхъ блюдечкахъ. Изъ окошекъ дуетъ, на полу соръ, на стульяхъ пыль; на стѣнахъ только стихи грубѣе и безграмотнѣе".

Описавъ въ такомъ привлекательномъ видѣ постоялые дворы, Погодинъ переходитъ къ дорогѣ, и пишетъ: „По дорогѣ тѣ же богомолки, подвязанныя бѣлыми платочками, и богомольцы, съ посохами въ рукахъ и котомками за спиною, снуютъ гурьбами взадъ и впередъ,—и также сѣчетъ ихъ дождикъ, и также печетъ ихъ солнце, и также тонутъ они въ грязи... во времена мокрой погоды; и задыхаются отъ пыли, во время сухой, и также находятъ себѣ пріютъ только подъ рѣдкими кустиками... А что они ѣдятъ, что они пьютъ? Отвѣдайте ихъ щей, отвѣдайте ихъ квасу! Домашніе сухари, размоченные капельной водою—это ихъ лакомство. Спросите, на чемъ они спятъ, что̀ подкладываютъ подъ голову, чѣмъ прикрываютъ усталое тѣло? Тѣ же по сторонамъ пустынные виды, въ которыхъ не на чемъ остановиться, не только потѣшиться глазу. Только безобразныя пожарища развлекаютъ иногда зрѣніе, съ торчащими трубами, обрушенными печами и черными обгорѣлыми столбами, признаками недавняго пожара, безъ котораго не проходитъ ни одного лѣта; въ нынѣшнемъ году горитъ Пушкино, въ слѣдующемъ—Братовщина, потомъ—Мытищи, Талица или Рахманово, потомъ опять Пушкино, Братовщина, Мытищи,—горятъ и перестроиваются на тотъ же ладъ до новой очереди".

Ночлеги на Троицкой дорогѣ Погодинъ представилъ въ ужасающемъ видѣ. „Вы",—пишетъ онъ,—„хотите остановиться на ночлегъ: одного часа вы не выдержите въ душной комнатѣ съ спертымъ воздухомъ, въ противномъ сосѣдствѣ, на гадкомъ диванѣ; искусанные, израненные кровожадными насѣкомыми или, лучше сказать, звѣрями плотоядными всѣхъ родовъ, отъ инфантеріи, кавалеріи и артиллеріи, подъ музыку

сверчковъ и кузнечиковъ, подъ пляску мышей съ крысами, вы бѣжите вонъ, чтобъ улечься въ вашей дорожной повозкѣ подъ навѣсомъ—это стряхи и одрины временъ великой княгини Ольги, подъ которыми вьютъ гнѣзда голуби и воробьи, братые ею въ дань. Привязанныя лошади ржутъ безъ умолку, сонные ямщики окрикиваютъ ихъ крѣпкими словами, полупьяный сторожъ ходитъ съ сальнымъ огаркомъ въ рукахъ, наводитъ на васъ страхъ своей неосторожностію, и междометіями языка и горла дополняетъ полуночный концертъ. Рады, рады вы, когда прокричитъ пѣтухъ и забрежжетъ утро, и вы можете пуститься въ дальнѣйшій путь, перебранившись съ хозяиномъ или его работницею, которые запросятъ съ васъ за все въ три-дорога, и, разумѣется, спустятъ половину послѣ крупнаго и досаднаго спора".

Точно такъ же путь до Хотькова, а оттуда до Троицы представленъ Погодинымъ въ ужасномъ видѣ. „А въ Хотьковѣ",—пишетъ онъ,—„чуть погода нехороша, пробраться и не пытайтесь: тутъ надо колотиться, ушибаться, падать, тонуть на всякомъ шагу. Изъ Хотькова къ Троицѣ жизнь даже подвергается иногда опасности: такія бываютъ здѣсь выбоины, рытвины, ямы; грязь и слякоть отъ малѣйшаго дождя лѣтомъ, ухабы зимою, зажоры весной: ни монахи, ни монахини не заботятся для взаимной пользы угладить какъ-нибудь дорогу между своими монастырями".

Все это привело Погодина къ мрачному размышленію. „Какъ",—пишетъ онъ,—„на дорогѣ самой проѣзжей, гдѣ безпрестанно тысячи идутъ и ѣдутъ, взадъ и впередъ, люди всѣхъ званій, состояній и возрастовъ, богатые, достаточные и бѣдные, гдѣ подъ руками, слѣдовательно, всѣ средства и удобства торговать, гдѣ всякая крошка, всякая капля, всякая щепка, идетъ въ цѣну, легко сбывается и доставляетъ барышъ хозяину, въ близкомъ разстояніи отъ Москвы, какъ въ пятьдесятъ лѣтъ времени не найдти никакого улучшенія, никакого усовершенствованія, никакого устройства!

„И если его нѣтъ по Троицкой дорогѣ, у Троицы, такъ

гдѣ-жъ его искать? Какая мѣстность представляетъ болѣе задатковъ успѣха, для предпріимчивости и награждаетъ выгоднѣе трудъ?

„По крайней мѣрѣ, обитатели Троицкой дороги, скажете вы, наживаются и богатѣютъ, обирая безотвѣтныхъ путешественниковъ, и угощая ихъ всякою дрянью? Ничуть не бывало; крестьяне живутъ въ такой же бѣдности, какъ и сосѣди ихъ по обѣимъ сторонамъ. Сто тысячъ богомольцевъ ежегодныхъ, въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ, не оказали никакого вліянія на ихъ благосостояніе, и вы не замѣтите особенной разницы ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ здѣшняго населенія. Наживаются, да и то ненадолго, одни пришлые, сбродные дворники, которые снимаютъ постоялые дворы. Разбогатѣвши, они обыкновенно отъѣзжаютъ во свояси, гдѣ ихъ дѣти послѣ смерти дѣлятся между собою, потомъ пропиваются, и, наконецъ, идутъ въ батраки или солдаты. Иногда и отецъ, уставши работать, начнетъ подъ старость кутить, и нажитое всѣми неправдами состояніе беретъ дуванъ“!

Ну вотъ, мы, вмѣстѣ съ Погодинымъ, пріѣхали въ Сергіевъ Посадъ и остановились вблизи святыхъ вратъ въ Троицкой гостинницѣ, и что же мы читаемъ у него объ этомъ пріютѣ? Мы читаемъ: „Хороша и Троицкая каменная гостинница! Лѣстница подметается, кажется, раза два-три въ годъ; стѣны едвали ли перекрашивались со времени построенія. Какія лавки заскорузлыя стоятъ по бокамъ. Сколько всякой нечистоты наросло на этихъ топорныхъ доскахъ. Дежурный долженъ вамъ отвести, такъ называемый, нумеръ. Онъ разсматриваетъ васъ съ ногъ до головы, разсуждая про себя: можно ли уклониться ему чтобъ не дать вамъ порядочной комнаты и выбирая трущобу, куда спустить васъ слѣдуетъ, судя по вашему экипажу платью, прислугѣ. Нельзя вообразить себѣ ничего унизительнѣе этого безмолвнаго испытанія!

„И вотъ, ведетъ онъ васъ по темному, грязному корридору въ какую-то конуру съ запачканными дверями, съ непромытыми окнами, съ запыленными стѣнами, съ чернымъ потол-

комъ и чернѣйшимъ поломъ. А мебель-то, мебель-то какая! Не къ чему прислониться, негдѣ присѣсть, негдѣ прилечь, вездѣ испачкаешься; даже взявшись за замокъ, чтобы отворить дверь, надо послѣ обтереть руку. Для чего вы не чистите? Неначистишься! Вотъ несчастная поговорка, господствующая по всей Россіи. Неначистится одинъ, неначистятся двое, опредѣлите троихъ, четверыхъ, а мы поставимъ меньше, тѣмъ нужно, да и тѣ наровятъ поспать, полежать, поболтать, а присмотрѣть за ними не кому, или присматриваютъ такіе же невѣжи, которые не знаютъ различія между чистотою и нечистотою, не понимаютъ, что такое опрятность, не имѣютъ ни малѣйшаго уваженія къ порядку. Что мудренаго, казалось бы, имѣть надзоръ за исправностію гостинницы, и не допускать до этихъ вопіющихъ злоупотребленій? Но никто не жалуется (ну, такъ и быть, вѣдь, ненадолго!), а иной и сказалъ бы, да боится, чтобъ не нажить непріятностей, и только ругаетъ тихомолкомъ. Всего же обиднѣе, что нѣсколько внутреннихъ покоевъ содержится въ чистотѣ для почетныхъ посѣтителей...

„Является прислуга, съ голыми локтями, оборванная, разстрепанная, въ пуху, въ пыли. Остерегайтесь опустить глаза чтобъ не увидѣть ея сапоги; впрочемъ, руки у нея въ такихъ же, какъ будто, сапогахъ, а не перчаткахъ...

„Вы спѣшите вонъ изъ своего противнаго вертепа—дорога лежитъ по площади, какой уже не найдете гаже во всей Европѣ—соръ, грязь, пыль, вонь. Передъ святыми воротами лубочныя лавки съ баранками, сайками, селедками, свѣчами, вонючею рыбою, мыломъ, всякою дрянью, а за святыми воротами открываются шпалеры нищихъ, сухихъ, хромыхъ, увѣчныхъ, которые выставляютъ вамъ на показъ свои изувѣченные члены, свои смердящія раны, и канючать на всѣ голоса...

„Грустное и тяжелое впечатлѣніе! Печальныя мысли наполняютъ голову! Какъ, въ мѣстѣ, самомъ людномъ, при такомъ стеченіи народа, гдѣ всякой день наѣзжаютъ путешественники, путешественники достаточные, нежалѣющіе денегъ, не найдти удобства, покоя, удовольствія, ни за какую цѣну? Объ Іорк-

ской гостинницѣ нечего уже намъ пока мечтать; да вѣдь не земмерингскіе же труды нужны, чтобъ по гладкой плоскости проложить приличную, безопасную тропинку отъ гостинницы до монастыря“!

За симъ, Погодинъ предлагаетъ взглянуть на Троицкую дорогу еще съ другой стороны. „Кто,—спрашиваетъ онъ,—не ѣздилъ, и не ѣздитъ, кто не ходилъ и не ходитъ по Троицкой дорогѣ? Великіе князья и княгини, цари и царицы, императоры и императрицы, съ своими дѣтьми, архіереи и священники, монахи и монахини, вельможи и простолюдины, купцы и дворяне, мужчины и женщины всѣхъ возрастовъ.

„Чьихъ и какихъ имѣній нѣтъ по дорогѣ? Есть принадлежащія Вѣдомству Государственныхъ Имуществъ, Министерству Удѣловъ, есть помѣщичьи, принадлежащія вельможамъ, чиновникамъ высшимъ и среднимъ.

„Сколько различныхъ начальствъ имѣютъ отношеніе болѣе или менѣе къ этой дорогѣ, начиная отъ земской расправы до Святѣйшаго Сѵнода! И никому, впродолженіи четырехъ сотъ лѣтъ, не приходило въ голову ни одной живой мысли, никто не сдѣлалъ ни одного полезнаго указанія! Все обстоитъ благополучно, по казенному выраженію, то-есть, все неподвижно, все находится въ томъ же положеніи теперь, какъ было при императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, при великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ Темномъ, при Димитріѣ Донскомъ.

„Мощенкою (шоссе) нельзя возражать мнѣ, ибо она проложена независимо, такъ сказать, отъ Троицкаго монастыря: это—часть дороги въ Ярославль, какая есть во Владиміръ, въ Тулу, въ Рязань.

„Да что же намъ дѣлать здѣсь?

„Помилуйте — дикіе въ пустыняхъ и степяхъ Африки и Азіи находятъ что нибудь сдѣлать: одинъ посадитъ тѣнистое дерево, другой выкопаетъ глубокій колодезь, третій прове-

деть чистую воду, построить караванъ-сарай... Вездѣ что-нибудь да придумается, заведется, устроится.

„Не наше дѣло, я принадлежу къ Министерству Юстиціи, я служу въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, я егермейстеръ, камеръ-юнкеръ...

„Ну, да ты, мужикъ,—зачѣмъ ты не поставишь здѣсь скамейки, чтобъ могъ отдохнуть усталый пѣшеходъ?

„Ну, да ты, баба,—зачѣмъ ты не вынесешь ушата съ свѣжею водою, чтобъ утолить жажду, промочить запекшіяся уста утомившейся твоей сестры?

„Ну, да ты, баринъ,—почему ты не велишь сложить шалаша, вотъ на этомъ открытомъ мѣстѣ, не постлать постели изъ травы или соломы, для бѣдныхъ странниковъ"?

Изъ этаго печальнаго обозрѣнія своего Погодинъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „Мы всѣ, Русское племя, неспособны, сами по себѣ, ни къ какому произвольному движенію, ни къ какому стремленію. Мы отъ природы слишкомъ безпечны, лѣнивы, равнодушны, склонны къ сну, пока крайняя нужда не заставитъ насъ поискать новыхъ средствъ, пока какой-нибудь внѣшній ударъ не пробудитъ насъ къ дѣйствію, не воззоветъ къ жизни наши богатыя и разнообразныя способности. Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится; вотъ, къ несчастію, характеристическая наша пословица. Не наше дѣло,—вотъ кличъ, произведенный Исторіею нашего управленія, подъ стать нашей природной лѣни. Не наше дѣло! Такъ чье же? Петра Перваго? Петръ Первый, говорятъ иные, былъ лишній. Лишній? Ну вотъ, посмотрите на Троицкую дорогу. Что сдѣлалось съ нею, предоставленною самой себѣ, безъ Петра Перваго? Нѣтъ, не только Петръ Первый былъ у насъ не лишній, но Петръ другой былъ намъ еще нуженъ, и не вина перваго, если вмѣсто другаго послѣдовали Екатерина, Анна, Елисавета... Этотъ другой Петръ увидѣлъ бы, что̀ первый сдѣлалъ, дѣйствительно, лишняго, или въ чемъ ошибся, по человѣческой слабости и ограниченности, что̀ должно быть исправлено, или отстранено изъ его дѣланія. Таже Троицкая дорога показала

бы ему дурную сторону нововведеній Петровыхъ: кабаки, харчевни, трактиры и ресторацiи, — вотъ этапы на пути прогресса къ западной цивилизаціи, которые открылъ онъ народу, ослабивъ значеніе духовенства, усиливъ вліяніе чиновничества, умноживъ бумажное дѣлопроизводство, подчинивъ, разумѣется, безъ умысла, идею формѣ; но разбирать въ подробности, и объяснять отношенія добра и зла, необходимости и случайности, въ дѣлахъ Петровыхъ, отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ Троицкой дороги.

„Довольно сказать, что Петры родятся вѣками, и что въ наше время одному человѣку, какія бы геніальныя способности ни имѣлъ онъ, нѣтъ уже физической возможности все увидѣть, вездѣ поспѣть, все сообразить, придумать, предъотвратить.

„Правительство, въ свою очередь, по естественному ходу вещей, сосредоточась, къ великой пользѣ государства, въ извѣстномъ смыслѣ, отдалилось на столько отъ окружности, и приняло такую форму, что не можетъ слѣдовать за всѣми проявленіями народной жизни, не можетъ удовлетворять своевременно всѣхъ ея нуждъ, требованій и желаній, ежеминутно возникающихъ.

„И такъ произошло не у однихъ насъ, но даже у западныхъ народовъ, которые берутъ преимущество передъ нами въ своей дѣятельности, опытности и зрѣлости: прочтите рѣчи герцога Максимиліана въ Австріи и принца Наполеона во Франціи.

„Граждане сами должны принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ и оказывать содѣйствіе Правительству, которое безъ нихъ шагу ступить не можетъ.

„Вотъ до какого рѣшенія дойдено въ государствахъ, даже самыхъ неограниченныхъ.

„Но мы, Русскіе, не понимаемъ еще, что̀ такое гражданинъ, и считаемъ его звѣремъ, мы чуждаемся дѣйствій публичныхъ да и не чувствуемъ охоты, не умѣемъ заниматься общественными дѣлами, какъ показано выше: какъ же тутъ быть, что дѣлать?

„Сколько я ни думалъ, сколько ни разсуждалъ, прислушивался къ чужимъ мнѣніямъ, искалъ совѣтовъ, разспрашивалъ, испытывалъ, какъ ни ломалъ голову, днемъ и ночью, не смыкая глазъ и ворочаясь на постели до утра, я не могъ придумать на первый случай ничего, кромѣ гласности, полной, неограниченной, безусловной. Не можетъ быть, чтобъ въ 60-ти милліонахъ талантливаго народа не нашлось на всякое дѣло по умной, дѣльной, животворной мысли! Съ міра по ниткѣ,—голому рубашка. Нужды нѣтъ, что на первыхъ порахъ наговорится много всякаго вздора, лишняго, непріятнаго, даже отвратительнаго: на общественномъ гумнѣ все провѣется, и мякина улетитъ на вѣтеръ, а зерно сберется въ житницу, общенародную, Всероссійскую.

„Для очевиднаго доказательства, какъ нужно и необходимо намъ публичное разсужденіе и на какую степень дикости осуждаетъ насъ наше отчаянное, преступное молчаніе, я нарочно выбралъ Троицкую дорогу, которую всѣ хорошо знаютъ, и по которой легко всякому меня провѣрить можно: правду ли я говорю или нѣтъ. Съ другой стороны, разсуждая о Троицкой дорогѣ и предметахъ, съ ней соприкосновенныхъ, я хочу показать, какъ много есть еще у насъ вопросовъ, о которыхъ можно говорить совершенно безопасно, не посягая на права верховной власти, не нарушая существующаго порядка, не причиняя вреда никакому привилегированному сословію, не усиливая вліянія демократическаго, чего такъ страшатся наши отсталые неучи, знатные, а еще болѣе незнатные, но пробравшіеся до знати,—я хочу показать, какъ много есть у насъ вопросовъ, о которыхъ можно говорить даже безъ всякихъ личныхъ притязаній и своекорыстныхъ видовъ, потому что я столь же мало желаю быть Троицкимъ архимандритомъ, сколько и могу быть Хотьковской игуменьей“ [242]).

Прочитавъ эту первую статью, М. Н. Лонгиновъ, 19 сентября 1859 года, писалъ Погодину: „Ваша *Троицкая дорога* производитъ общій фуроръ, вполнѣ заслуженный“ Въ дру-

гомъ письмѣ, 25 сентября, тотъ же Лонгиновъ писалъ: „Статья ваша о *Троицкой дорогѣ* совершенно современная: она дѣлаетъ честь Московской цензурѣ“ [243]).

Да и самъ Погодинъ, подъ 18 сентября 1859 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Троица производитъ фуроръ. Письмо Лонгинова“.

LXVII.

23 сентября 1859 года, появилась въ Москвѣ вторая статья Погодина о *Троицкой дорогѣ*. Статью эту Погодинъ начинаетъ изложеніемъ необходимости провести желѣзную дорогу отъ Москвы до Троицы. „Все народонаселеніе Московское“,—пишётъ онъ,—„перебываетъ у Троицы... Все народонаселеніе Петербургское, посѣщая Москву, съѣздитъ непремѣнно къ Троицѣ. Присоедините путешественниковъ со всего юга, которые, по устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, почтутъ обязанностію побывать въ Москвѣ, и поклониться св. Сергію. Присоедините Европейскихъ путешественниковъ, которыхъ мы ожидать теперь должны, лишь только приведутся въ какой-нибудь порядокъ наши сообщенія, предложатся вездѣ удобства, и укажется все любопытное и занимательное; а сколько его! Этого мало: дорога къ Троицѣ есть треть дороги къ Ростову, съ его значительною ярмаркою и знаменитымъ монастыремъ, который занимаетъ второе мѣсто послѣ Троицкаго, въ нашей полосѣ Россіи; къ Рыбинску, съ его главною хлѣбною пристанью; къ Ярославлю, съ его фабриками, запасомъ мастеровыхъ, разнозчиковъ, половыхъ и различныхъ рабочихъ не только для Москвы и Петербурга, но и для южной Россіи. И это еще не все: дорога Троицкая есть половина пути до Александрова, съ его фабриками; Переяславля, съ рыбнымъ озеромъ и Углича, также весьма промышленнаго города; дорога Троицкая сокращаетъ путь во всѣ сѣверныя губерніи: Костромскую, Вологодскую, Архангельскую. Дорога Троицкая,

на семнадцатой верстѣ, представляетъ вамъ Мытищи съ ихъ удивительною водою, напояющею всю Москву.

Градъ Москва, водою нищій,
Знойной жаждой былъ томимъ:
Боги сжалились надъ нимъ:
Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдругъ, ударъ громовой тучи
Грянулъ въ долъ—и ключъ кипучій
Покатился: пей Москва"!

Въ Мытищахъ Погодинъ предлагаетъ развести „прекрасный садъ", устроить „отличную гостинницу", и,—пишетъ онъ,— „ежедневно тысячи и тысячи Московскихъ жителей, даже Петербургскихъ, для шутки будутъ къ вамъ ѣздить напиться чаю, у колодца, съ свѣжей Мытищинской водою, погулять въ тѣнистыхъ аллеяхъ, подышать чистымъ воздухомъ"...

На предположеніе нѣкоторыхъ, что Троицкая желѣзная дорога, обѣщая значительныя выгоды матеріальныя, можетъ представить значительныя невыгоды нравственныя: она можетъ имѣть вредное вліяніе на благочестіе Русскаго народа, и ослабить это дорогое для насъ чувство. На это предположеніе Погодинъ отвѣчалъ: „Да будутъ прокляты тѣ выгоды, какъ бы онѣ ни были огромны, съ которыми соединяется душевное ущербленіе. Пусть многія изъ нынѣшнихъ Европейскихъ государствъ, гоняясь за славою, за силою, за богатствомъ, за могуществомъ, упускаютъ изъ виду священную цѣль всякаго гражданскаго общества, содѣйствіе къ умственному, нравственному, духовному преуспѣянію народовъ—такъ выработалась ихъ Исторія, того требуетъ ихъ природа, къ тому принуждаютъ ихъ всѣ обстоятельства, но мы, Русскіе, осыпанные въ обиліи всѣми дарами природы, можемъ свободно искать себѣ *единаго на потребу*, можемъ спокойно и безопасно отвергать всѣ выгоды, отвлекающія, удаляющія насъ отъ высокой человѣческой цѣли. Благочестіе Русскаго народа есть одно изъ лучшихъ его свойствъ: всѣми силами должно его питать, развивать, образовывать! Съ какимъ чув-

ствомъ идетъ, напримѣръ, бѣдная Русская женщина, обреченная въ своей жизни на такіе труды и заботы, помолиться святому угоднику. Цѣлый годъ думаетъ она объ этомъ путешествіи, и утѣшаетъ себя этою мыслію. Путешествіе къ Троицѣ—поэзія ея жизни. Она идетъ и переноситъ дорогою охотно голодъ, холодъ и всякую нужду, какъ будто ихъ не чувствуетъ. Какъ сладко ей бываетъ положить земной поклонъ за своего мужа, за отца и мать, за своихъ дѣтей и родственниковъ, помолиться съ глубокимъ вздохомъ о своихъ прегрѣшеніяхъ. Всѣ свои скорби, всѣ свои бѣды, забываетъ она въ святомъ храмѣ. У Троицы она примиряется съ ними, и легко становится на ея душѣ".

За симъ, Погодинъ обращается къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ и проводитъ легенды: „Однажды, очень давно, лѣтъ тридцать тому назадъ, ходилъ я пѣшкомъ къ Троицѣ, — писалъ онъ, — съ семействомъ Кирѣевскихъ, съ Языковымъ, сочинившимъ тогда вышеприведенные стихи, и другими товарищами. Пришедши передъ вечернями, нашли мы церковь запертою и остановились на папѣрти. Приходитъ старуха и толкается въ двери.—Заперто, бабушка. Въ это время показался монахъ, шедшій мимо.—Батюшка—обратилась она къ нему,—отопри, вотъ тебѣ послѣдній мой двугривенный. Во весь день я ничего еще не ѣла, мнѣ хотѣлось натощакъ приложиться къ мощамъ. Пусти меня поскорѣе, мнѣ мочи нѣтъ, я обезсилила, — и упала предъ нами на колѣни".

У Троицы Погодину довелось услышать слѣдующую легенду: „Одна старуха подходитъ къ гробовому и проситъ отслужить молебенъ: Денегъ у меня нѣтъ, а вотъ тебѣ холстикъ, говоритъ она, подавая ему ширинку.—Нѣтъ, нельзя, отвѣчаетъ монахъ.—Батюшка, возьми, у меня ничего нѣтъ больше, и начала приставать къ нему.—Поди прочь, закричалъ монахъ, и толкнулъ ее въ грудь. Заплакала бѣдная женщина, вышла изъ церкви, и сѣла на паперти, пригорюнясь. Подходитъ старичекъ. Объ чемъ плачешь? Да вотъ, батюшка, хочется мнѣ отслужить молебенъ угоднику Сергію,

а денегъ у меня нѣтъ: моего холстика не принимаютъ.—Продай мнѣ его. Что тебѣ надо?—Что дашь, за все благодарна: мнѣ нужны деньги только на молебенъ. Прохожій даетъ серебряную монету, и старуха бѣжитъ въ церковь. Вотъ тебѣ деньги, говоритъ она гробовому, отслужи молебенъ. Гробовой сбирается служить, и хочетъ отпереть раку. Рака не отпирается. Какъ ни вертитъ онъ ключемъ, и направо, и налѣво, нѣтъ, никакъ не поднимается крышка. Бился онъ, бился, и долженъ былъ извѣстить архимандрита. Архимандритъ точно также не можетъ поднять крышки, и послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ, рѣшается донести владыкѣ о происшедшемъ. Не согрѣшилъ ли ты въ чемъ, спросилъ владыка призваннаго гробоваго. Не знаю, отецъ святой, кажется ничего особеннаго не сдѣлалъ. Не усомнился ли, не имѣлъ ли грѣшныхъ помысловъ? Нѣтъ. Не задумывалъ ли зла какого? Нѣтъ. Не обидѣлъ ли кого? Нѣтъ. Подумай хорошенько, испытай себя. Должно быть что-нибудь... Развѣ вотъ что, воскликнулъ гробовой, я оттолкнулъ съ сердцемъ эту самую старуху: она за молебенъ давала мнѣ прежде холстикъ. Гдѣ она? Въ церкви, и принесла теперь деньги; ей сбирался было я служить молебенъ. Пойдемъ. Владыка пришелъ къ гробу, и началъ самъ служить молебенъ. Отслуживъ, подалъ ключъ старухѣ, и велѣлъ ей отпереть раку. Старуха повернула ключемъ, и рака отперлась. Подняли крышку. Холстикъ лежалъ на мощахъ св. Сергія".

„Одинъ богатый крестьянинъ изъ-за Москвы пришелъ недавно къ Троицѣ, Христовымъ именемъ, то-есть, питаясь милостынею по дорогѣ. Какую жертву можно придумать тяжеле для самолюбія"?

„Слѣпая старуха явилась у Троицы изъ-за полуторы тысячи верстъ, провожаемая, отъ деревни до деревни, посторонними людьми, которые, по ея просьбѣ, брались ее вести".

Приведя эти легенды, Погодинъ сожалѣетъ, что наша схоластика и педантизмъ мѣшаютъ намъ собирать такія драгоцѣнныя сказанія".

Обращаясь за тѣмъ къ предполагаемой желѣзной дорогѣ, Погодинъ писалъ: „Желѣзная дорога отнюдь не повредитъ Русскому благочестію, а развѣ распространитъ еще его предѣлы. Настоящіе богомольцы, крестьяне и крестьянки, станутъ ходить пѣшкомъ, по прежнему, чрезъ Алексѣевское, Мытищи, Братовщину и проч. Благоговѣйные обѣты будутъ совершаться, по прежнему, со всѣми ихъ трудностями лишеніями, страданіями, нуждами. По желѣзной дорогѣ пустятся новые богомольцы, тѣ, у которыхъ не доставало двухъ-трехъ дней и двадцати рублей, и у которыхъ есть нѣсколько лишнихъ часовъ времени и пара цѣлковыхъ, — тѣ, у которыхъ не доставало силы совершить дальнее путешествіе, но которые рады потрудиться немного. По желѣзной дорогѣ вздумаютъ поѣхать любопытные, праздношатающіеся, и задачею церковнаго управленія будетъ воспользоваться ихъ минутнымъ расположеніемъ, и посѣять въ ихъ сердцѣ новыя сѣмена“. Слѣдовательно, по мнѣнію Погодина, нечего опасаться охлажденія благочестія отъ проведенія желѣзной дороги къ Троицѣ.

Но Погодина заинтересовалъ вопросъ о томъ „какъ старое благочестіе должно поддерживать, питать, усиливать“— благочестіе въ нашихъ современникахъ.

„Всякое время“,—писалъ онъ,—„имѣетъ свои достоинства и свои пороки. *Довлѣетъ дневи злоба его.* Нынѣ нечего уже искать того духовнаго восторга, который одушевлялъ первыхъ Христіанъ, съ ближайшими потомками. Нѣтъ болѣе мучениковъ, готовыхъ переносить, какія угодно, страданія, горѣть въ разженныхъ пещахъ, и истекать кровію на крестѣ, съ славословіями, какіе являлись при началѣ Христіанства. Отшельниковъ, которымъ удивляемся мы въ пустыняхъ Египта и Ѳиваиды, осталось уже очень немного. Не переводятся у насъ, по отдаленнымъ обителямъ, люди освященные, но это уже только единицы, святыя исключенія. Въ остальныхъ, чувство вѣры, чувство любви и надежды, чувство христіанское, становится все тише и тише, рѣже и рѣже. Прежде

находилось въ душѣ довольно внутренней силы, довольно собственнаго жара, чтобъ рѣшаться на всякія пожертвованія: нынѣ стали необходимыми внѣшнія побужденія.

„Возьмите въ примѣръ западную католическую церковь. Обнаружились ея ужасныя злоупотребленія, и возвысила свой голосъ реформація. Реформація грозила опасностію благимъ узаконеніямъ, она грозила, исторгающе плевелы, исторгнуть и пшеницу; и вотъ, возникнулъ Орденъ Іезуитовъ, вскорѣ увлекшійся до крайностей, еще болѣе преступныхъ, чѣмъ тѣ, противъ которыхъ онъ вооружался. Въ наше время, дѣйствуетъ школа раціональная, но дѣйствуетъ и пропаганда! Дѣйствуютъ отступники, но дѣйствуютъ и миссіи, библейскія общества. Въ Русскомъ народѣ, по захолустьямъ, вдали отъ большихъ дорогъ, въ уединенныхъ уѣздныхъ городахъ, держится еще старый добрый духъ, вопреки мнѣнію молодыхъ наблюдателей, которые если и любятъ Русскій народъ, то не знаютъ его и смѣшиваютъ различныя явленія. Надо, впрочемъ, признаться, что этотъ духъ безпрестанно ослабѣваетъ, оскудѣваетъ, уменьшается; новыми нуждами, новыми обстоятельствами заслоняются прежнія, предъявляются новыя требованія, приводится въ забвеніе преданіе. Столицы дѣйствуютъ на губерніи, губерніи на уѣзды, города на села и деревни. Надо брать все въ разсчетъ, слѣдовать за развитіемъ человѣческой природы, съ ея уклоненіями и болѣзнями, острыми и постоянными, за всѣми повѣтріями. Прежній образъ церковныхъ дѣйствій оказывается недостаточнымъ. Монастыри наши въ древности были крѣпостями спасенія, и въ наше время должны они вооружаться преимущественно для содѣйствія нравственному добру и для войны съ нравственнымъ зломъ, должны противопоставить новымъ нападеніямъ новыя оружія“.

Подъ 28 *сентября 1859 года*, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Двѣ корректуры *Троицкой дороги*. Вся пропущена и Драшусову (цензору) слѣдуетъ вѣнокъ надѣть на голову“.

— 29 — — —: „Извѣстіе отъ Кокорева объ эффектѣ *Троицкой дороги*".

— 30 — — —: „Побаивался выходокъ отъ Филарета".

LXVIII.

Наконецъ, 30 сентября 1859 года, появилась, въ Москвѣ, третья и послѣдняя статья о *Троицкой дорогѣ*.

До сихъ поръ Погодинъ описывалъ намъ Троицкую дорогу; но въ этой статьѣ онъ проникаетъ во святилище. Прежде же чѣмъ проникнуть въ это святилище, онъ предваряетъ: „Монахи, погруженные въ мысли о спасеніи души, удалившіеся отъ міра и позабывшіе всѣ дѣла его, не могутъ знать сами о его нуждахъ, и не имѣютъ ни времени, ни способностей, ни призванія, подумать о средствахъ для ихъ удовлетворенія. Мы, свѣтскіе люди, міряне, мы сами должны принести къ нимъ свои раны, исповѣдать грѣхи, и показать на лекарства, кои желательно было бы получить отъ нихъ.

Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны,
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы.
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки.

„Не должно, слѣдовательно, сердиться, если міранинъ подастъ совѣтъ, скажетъ свое мнѣніе о томъ, чтò его собратіямъ нужно, точно такъ, какъ мы не должны сердиться, если монаху придетъ въ голову какая-нибудь государственная идея,—а одинъ монахъ такъ вотъ и порохъ выдумалъ, котораго впрочемъ человѣчество благодарить много не можетъ, развѣ военное.

„Съ этою цѣлію осмѣлюсь предложить нѣсколько мыслей, скопившихся у меня послѣ многократнаго посѣщенія Троицкаго монастыря.

„Отцы святые! Не сѣтуйте на мои замѣчанія, исправливайте Бога деля, а не кляните".

Предваривъ, Погодинъ вопрошаетъ: „Съ чего же начать мнѣ“? И начинаетъ съ мощей преподобнаго Сергія. „Онѣ“,— пишетъ онъ,—„помѣщаются въ углу тѣсной церкви, за рѣшоткою. Пробраться къ нимъ — величайшая трудность; приложиться въ толпѣ, напирающей сзади, спереди, съ боковъ— величайшее неудобство; отойти—новыя опасности. И если вамъ не отдавятъ ноги, не изомнутъ боковъ, не повредятъ спины, благодарите Бога и святого Угодника, котораго молитвамъ непремѣнно вы отчасти обязаны за спасеніе. Каково бываетъ женщинамъ, въ легкихъ платьяхъ, совершать эту операцію! О дѣтяхъ нечего и думать безъ особыхъ протекцій. Помолиться предъ мощами нѣтъ никакой возможности. Если вамъ посчастливилось приложиться благополучно, такъ уже и бѣгите скорѣе безъ оглядки, пока цѣлы.

„Приложиться къ мощамъ, это вѣдь главное, такъ сказать, дѣйствіе, для котораго предпринимается дальнее и тяжкое путешествіе. Это дѣйствіе должно совершаться съ подобающимъ благоговѣніемъ, въ тишинѣ, въ молитвенномъ расположеніи духа, со страхомъ Божіимъ, — а теперь испытывается не Божій страхъ, а страхъ человѣческій, или еще хуже, страхъ баши-бузучій; противные баши-бузуки, въ изношенныхъ полинялыхъ сюртукахъ, съ казарменными движеніями,— какъ противно смотрѣть на нихъ предъ царскими дверями, повертывающихъ головы направо и налѣво, бросающихъ дерзкіе взгляды, расталкивающихъ народъ во всѣ стороны! Что происходитъ съ ними при видѣ какой-нибудь шляпки или шали,— они забываютъ себя, и усердіе доводитъ ихъ до неистовства! Неужели нѣтъ никакого средства устроить поклоненіе съ достодолжнымъ благочиніемъ?

„Народа собирается къ обѣдни тысячь пять иногда, а въ церкви помѣстится не больше пяти сотъ, и тѣ большею частію по платью и чинамъ; остальныя съ досадою, съ ропотомъ, съ горестію разбредаются по прочимъ церквамъ, неимѣющимъ, естественно, никакой привлекательности для странниковъ.

„Хотя бы въ остальное время была открыта церковъ для желающихъ, изъ которыхъ иные рады-бъ были провести цѣлую ночь у святого гроба—нѣтъ, церковь запирается, кромѣ времени обѣдни, заутрени, вечерни и молебновъ.

„Каково же иному богомольцу или богомолкѣ изъ-за тысячи верстъ, ждать долго минуты, чтобъ приложиться уже не натощакъ, какъ вышеописанная старуха, а хоть бы послѣ обѣда или поужинавши, и даже вовсе не сподобиться этого счастія, что также можетъ легко случиться.

„Мы сказали, что въ Троицкой церкви помѣщается едва пятьсотъ человѣкъ, а соборный великолѣпный храмъ Успенія стоитъ всегда почти пустой.

„Почему же не переносить святыхъ мощей на то время въ году, когда народное стеченіе бываетъ наибольшее, изъ тѣсной Троицкой церкви въ просторный Успенскій соборъ. Тамъ могли бы вы поставить ихъ на возвышеніи среди церкви, и устроить удобное благочинное приближеніе и удаленіе, безъ помощи полиціи. Перенесеніе мощей (весьма часто случавшееся и даже празднуемое), можно бы устроить съ особыми церемоніями, для которыхъ рѣдкою изобрѣтательностію отличался покойный Иннокентій. Это были бы праздники, на которые собирался бъ народъ издалека. Съ какимъ чувствомъ стали бы распростираться люди по землѣ, на пути слѣдованія, дабы переносились черезъ нихъ святыя мощи! Съ какимъ благоговѣніемъ, во время священнослуженія, стояли бы они на мѣстѣ святого гроба! Казалось бы — можно переносить мощи 5 іюля, въ день обрѣтенія мощей, а относить на ихъ мѣсто сентября 25, въ день преставленія св. Сергія; но отъ перваго числа должно отказаться, потому что оно слишкомъ поздно: такъ, вмѣсто его можно назначить первое воскресенье послѣ Пасхи, предъ началомъ странствій.

„Приложиться къ мощамъ—это первая цѣль богомольцевъ; вторая—отслужить молебенъ. Отслужить молебенъ—представляетъ также много трудностей. Особый для себя молебенъ получить — эта привилегія принадлежитъ знатности и богат-

ству. Бѣдные люди собираются по 10, 20, 50, 100 человѣкъ, какъ случится, и для нихъ служится общій молебенъ, но какъ онъ служится большею частію? Сердце кровію обливается. Молебенъ отвертятъ (техническое выраженіе) иногда такъ скоро, что не успѣетъ перекреститься та или другая бѣдная старуха:—Благословенъ Богъ нашъ... и о сподобитися намъ... Святаго Евангелія... Молитвами святаго Сергія... Аминь. Вотъ и все тутъ. Высшихъ начальственныхъ лицъ въ это время не бываетъ ужъ въ церкви: остаются одни очередные, которые торопятся послѣ долгой службы на покой. Съ какою холодностію, небреженіемъ, безчувственностію читаютъ они священныя молитвы, бросая холодные взоры по сторонамъ, чтобы высмотрѣть, не дожидается ли какая-нибудь барыня, и много ли еще остается народа, задерживающаго ихъ въ церкви. Какъ они суютъ ко рту святое Евангеліе и святой крестъ? И то сказать, отслужить сряду десять молебновъ, повторяя однѣ и тѣ же слова — ни у кого не достанетъ благоговѣнія: языкъ приболтается. Здѣсь нельзя уже требовать равнаго вниманія,—это выше человѣческихъ силъ. Почему бы не опредѣлить особыхъ священниковъ, которые, не участвуя въ службѣ, съ свѣжими силами, исполняли бы по очереди эту важную требу. Хорошо выраженныя молитвы, съ смысломъ, съ чувствомъ, съ благоговѣніемъ, усугубляютъ жаръ молящагося, придаютъ ему силы, а отверченныя, по нашему, оставляютъ на душѣ непріятное впечатлѣніе. Особые священники нужны и для многихъ другихъ требъ монастырскихъ.

„Число истинныхъ монаховъ безпрестанно уменьшается. Монашество переживаетъ себя: зачѣмъ насиловать время. Въ монахи идутъ теперь часто не по внутреннему призванію, а только для беззаботной жизни, не имѣя другихъ средствъ существовать. Это только соблюденіе формы, потому что монастырь не можетъ быть безъ монаховъ. Какая же польза для монастыря отъ такихъ монаховъ—одинъ соблазнъ. Оставьте въ монастырѣ только истинныхъ подвижниковъ, выбирайте

ихъ не по росту, не по голосу, не по окладистой бородѣ, не по кудрявымъ космамъ... а по духу смиренія, благочестія, готовности къ труднымъ подвигамъ и послушанію, безъ сладкой пищи и вкуснаго питія по окончаніи богослуженія. Какъ бы ни ограничено было ихъ число, они будутъ восполнять его своими качествами, и внушать благоговѣніе своимъ видомъ, походкою, словомъ, жизнію. Изъ послушниковъ вашихъ, краснощекихъ и широкоплечихъ, какой бы лихой уланскій эскадронъ я сформировалъ, или капитанскую гренадерскую роту. Полно имъ тратить понапрасну силы... Всѣ службы могутъ отправляться священниками, которыхъ отличныхъ найдется всегда множество съ приличнымъ жалованьемъ, точно такъ какъ и пѣвчихъ. Разумѣется, все это дѣлается по необходимости, и необходимостію оправдывается. Св. Сергій, его имя, его память — здѣсь заключается весь монастырь со всѣми уставами, службами и училищемъ благочестія. Онъ одинъ отвѣтитъ за всѣхъ и за все...

„Приложиться къ мощамъ, простоять обѣдню, отслужить скороговоркою молебенъ — неужели это и все? Для этого-то ходятъ люди по тысячѣ и по двѣ тысячи верстъ, терпятъ всякую нужду? Не прекрасный ли здѣсь случай воспользоваться благочестивымъ настроеніемъ духа и преподать народу божественныя истины, изложить святое ученіе вѣры, поучить правиламъ нравственности, познакомить съ Исторіей Отечества. И какія обильныя средства представляетъ Троицкій монастырь: Академія, Семинарія, Училище. Еслибъ учредились ежедневныя, постоянныя лекціи или проповѣди во все продолженіе лѣта, подъ открытымъ небомъ, на прилично-устроенномъ мѣстѣ, или въ одной изъ обширныхъ трапезъ. Разсказывайте въ этихъ проповѣдяхъ житіе преподобнаго Сергія, его труды, его подвиги, его чудеса, его славу. Опишите осаду Троицкаго монастыря во время междуцарствія, указывая и водя по всѣмъ мѣстамъ, упоминаемымъ въ сказаніи Аврамія Палицына. Познакомьте съ Исторіей Лавры со времени ея основанія. Здѣсь можете вы коснуться почти всей Русской

Исторіи. Жизнь Максима Грека, содержаніе его сочиненій, жизнь Серапіона Новогородскаго, въ ихъ часовняхъ, преподобныхъ Іоасафа и Діонисія, героевъ междуцарствія, представитъ вамъ множество поводовъ сообщить тьму полезныхъ свѣдѣній. Палатка Бориса Годунова, памятникъ митрополита Платона,—да на всякомъ шагу въ монастырѣ найдутся историческіе слѣды, способные возбудить духъ, умилить сердце, просвѣтить умъ".

Эти „неумолчныя проповѣди", Погодинъ считалъ лучшею школою для питомцевъ Академіи, Семинаріи и училищъ. „Всѣ онѣ",—писалъ Погодинъ,—„должны испытать свои силы и ознакомиться съ своими способностями. Вотъ когда настоящее народное ораторское искусство—говорить отъ сердца къ сердцу, безъ противныхъ тетрадокъ, у насъ родится, разовьется и обрисуется. Одинъ, два, три такихъ народныхъ оратора, и это уже драгоцѣнное пріобрѣтеніе для многихъ поколѣній. Соревнованіе возбудится между студентами. Надо вѣдь ударить кремнемъ объ огниво, а иначе огня не видать! Наблюдайте за повѣствованіями, совѣтуйте, пріучайте говорить просто, понятно, человѣческимъ языкомъ, который почти пропалъ у нашего духовенства, въ геennѣ реторическихъ хрій, троповъ и фигуръ. Такая практика будетъ полезнѣе нынѣшнихъ руководствъ при сочиненіи проповѣдей. Стыдно вѣдь сказать, а вѣрно, что изъ ста священниковъ, едва ли найдутся двое, которые бы умѣли сказать порядочно проповѣдь. Они читаютъ на распѣвъ, надуваются, кричатъ... Да почему бы не завести подобныхъ проповѣдей хоть по праздникамъ и по всей дорогѣ, распредѣливъ предметы, въ Алексѣевскомъ, въ Мытищахъ, въ Братовщинѣ, въ Пушкинѣ: гдѣ объяснялась бы литургія, гдѣ прочія службы, гдѣ церковное облаченіе, священнослуженіе. Почему бы, сказать кстати, не излагать такъ по воскресеньямъ Исторію Успенскаго и Архангельскаго соборовъ, Чудова монастыря и проч., съ описаніемъ всѣхъ особенныхъ священнодѣйствій, всѣхъ примѣчательныхъ предметовъ. Сборы, разумѣется, въ пользу церковниковъ. Кіев-

ская Лавра могла бы сдѣлаться средоточіемъ такой народной проповѣди съ Исторіею древнѣйшей Россіи, Малороссіи; но это мимоходомъ.

„Вотъ вѣдь какъ надо поддерживать благочестіе, а у насъ ищутъ иногда съ напряженнымъ вниманіемъ какой-нибудь безсмысленной строки въ бумагомараньѣ несчастнаго стихоплета, или въ ученомъ изслѣдованіи незнакомаго съ цензурою профессора, и тѣмъ думаютъ спасать вѣру! Возвратимся въ Троицкой монастырь.

„Могучими рычагами народнаго Просвѣщенія Погодинъ почитаетъ также Лаврскія Ризницу и Библіотеку.

„Ризница, пишетъ онъ, обладающая множествомъ предметовъ, драгоцѣнныхъ для всѣхъ истинныхъ сыновъ Отечества, съ святыми и трогательными воспоминаніями, обладающая богатствами несравненными,—скрывается у насъ за семью замками, за десятью рѣшетками, и чрезъ пятнадцать переходовъ, скрывается въ какихъ то чуланахъ, постройки циклопической. Видѣть ее — опять привилегія богатыхъ людей. Бѣдные, народъ, для котораго преимущественно было бы полезно, допускаются очень рѣдко. Вотъ какъ пользуемся мы случаями для его поученія. Идти къ Ризницѣ и слушать, какъ скрыпятъ тяжелыя двери на перержавыхъ петляхъ, стучатъ висящіе ключи, съ какимъ трудомъ отворяются тяжелые затворы, видѣть, какъ оглядывается безпрестанно ризничій, чтобъ не было украдено что-нибудь — препротивное впечатлѣніе! Воздвигните особое зданіе; да чего бы лучше, кажется, въ нижнемъ или второмъ этажѣ колокольни устроить богатое, просторное, безопасное помѣщеніе. Разложите всѣ ваши драгоцѣнные предметы въ порядкѣ, удобномъ для обозрѣнія, съ приличными надписями, не такъ какъ теперь навалены и навѣшаны они кучами въ средневѣковыхъ шкапахъ. Крашенинныя ризы преподобнаго Сергія, деревянные сосуды, изъ коихъ пріобщался онъ Святыхъ Таинъ — выставьте ихъ на поклоненіе подъ стеклянымъ покровомъ — да холодный, маловѣрный человѣкъ предъ ними задумается, и на чьи грѣш-

ныя уста не низлетитъ смиренная молитва. Бѣдная крестьянка съ какимъ чувствомъ приложится къ этой грубой ткани, къ этой посконной дерюгѣ, столько для нея знакомой, столько ей дорогой и любезной! Какъ пріятно будетъ ей обернуться и взглянуть на свою смиренную одежду. Парчевыя ризы, золотыя утвари, драгоцѣнные камни, царскіе дары, потускнутъ предъ священной скуделью. Поучительна такая разительная противоположность. Собраніе древнихъ образовъ по ихъ школамъ письма Греческаго, Новогородскаго, Суздальскаго, Московскаго; собраніе вещей рѣзныхъ, литыхъ, чеканныхъ, по періодамъ времени, покажутъ состояніе нашего Искусства. Сколько свѣдѣній полезныхъ и любопытныхъ можно сообщить здѣсь народу, и вмѣстѣ растолковать, какое значеніе имѣютъ разныя древнія вещи, кои часто попадаются имъ въ руки.

„Лаврская Библіотека,—замѣчаетъ Погодинъ,—помѣщается Богъ знаетъ гдѣ, на чердакѣ, и проникнуть въ нее можно съ трудомъ, черезъ кучи разнолѣтняго голубинаго гуано,—ее надо соединить съ академическою, и чего также нельзя разсказывать здѣсь, показывая слушателямъ другаго рода древнія рукописи, рѣдкія старопечатныя книги, и вообще примѣчательныя изданія“.

Погодинъ требуетъ, чтобы монастырь со всѣми своими примѣчательностями, житіе Святаго Сергія и прочихъ подвижниковъ, Исторія Лавры, Троицкая осада, всѣ особенныя службы были описаны подробно и кратко, со всѣми документами. Чтобы составлены были списки всѣхъ примѣчательныхъ лицъ, здѣсь служившихъ, покоившихся и здѣсь погребенныхъ, сняты главные виды. „Цѣлая Библіотека Лаврская“,—пишетъ онъ,—должна представляться на выборъ посѣтителямъ во всякую цѣну, во всѣхъ возможныхъ форматахъ, отъ трехъ копеекъ за книжку, до десяти или болѣе рублей“. Онъ, слышалъ, что давно уже было составлено обстоятельное описаніе Лавры въ трехъ томахъ, но не издано будто бы для того, чтобъ не возбуждать пустаго любопытства!!! „Въ этой Библіотекѣ должны быть собраны и продаваемы всѣ мелкія статьи, от-

носящіяся до Лавры, начиная отъ Карамзина, Иванчина-Писарева, Снегирева, Муравьева, Горскаго. Для Европейцевъ Троицкій монастырь надо иллюстрировать, и показать его Исторію съ тѣхъ сторонъ, которыя для нихъ любопытны".

Погодинъ удивлялся, почему до тѣхъ поръ не учредилась въ Лаврѣ своя Типографія. „Сколько бѣдныхъ мальчиковъ",— замѣчаетъ онъ,—„можно было бы выучить здѣсь типографскому искусству и доставить хлѣбъ ихъ семействамъ."

Погодинъ находилъ полезнымъ, чтобы „двери на лекціи академическія были настежъ растворены; ибо кто не знаетъ, какое дѣйствіе производитъ иногда на душу одно слово, случайно услышанное, одна быль, нечаянно узнанная: за чѣмъ же запирать такой источникъ"...

Погодинъ желалъ, чтобы въ Лаврѣ преподобнаго Сергія были и знаменитыя произведенія живописи. „Я",—писалъ Погодинъ,—„посѣщалъ монастыри и церкви въ чужихъ краяхъ: во всякомъ покажутъ вамъ какое-нибудь знаменитое художественное произведеніе, не только въ Италіи, Бельгіи, но даже Германіи. Монастыри задавали предметы художникамъ, поддерживали тѣмъ ихъ существованіе, содѣйствовали успѣхамъ живописи, и обогатились безсмертными произведеніями, коимъ въ теченіе вѣковъ приходятъ удивляться со всѣхъ сторонъ любопытные путешественники. Явленіе Божіей Матери святому Сергію—какой богатый, удивительный предметъ для картины. Эта бѣдная, тѣсная келья, съ голыми бревенчатыми стѣнами, крошечныя оконца, затянутыя пузыремъ, эта тусклая лампада, чуть-чуть издающая слабый свѣтъ, и эта сіяющая въ полномъ блескѣ Богоматерь, въ свѣтозарной ризѣ, съ своими святыми спутниками. Радостное изумленіе преподобнаго Сергія, при видѣ небесной гостьи, совершенное безпамятство ученика Михея, — какъ соотвѣтствовалъ бы этотъ предметъ съ двумя своими свѣтами, небеснымъ и земнымъ, спеціальному таланту нашего славнаго Брюлова. Не вздумалось богатому Троицкому монастырю за-

казать ему такую картину. Позначительнѣе была бы она осады Пскова, или послѣдняго дня Помпеи“.

Погодинъ вспоминалъ, что онъ долго сбирался писать Брюлову объ этомъ сюжетѣ, и даже предполагалъ, что онъ поручалъ кому нибудь передать ему свои мысли на словахъ. Но какъ бы то ни было, Погодину удалось видѣть очеркъ Сергіева Видѣнія, набросанный Брюловымъ, въ собраніи А. Н. Струговщикова.

Между тѣмъ, Погодинъ думалъ, что поставленная гдѣ нибудь въ трапезѣ желаемая картина Брюлова, сдѣлалась бы украшеніемъ Троицкаго монастыря, которое прославилось бы въ Европѣ. „Мы“,—писалъ Погодинъ,—„потеряли Брюлова: почему же теперь не задавать подобныхъ многочисленныхъ у насъ предметовъ въ нашихъ академіяхъ, вмѣсто надоѣвшихъ до смерти бахусовъ съ сатирами и фавнами, и аполлоновъ съ нимфами и музами. Къ сожалѣнію, Академія Художествъ находится подъ игомъ своихъ предразсудковъ, какъ Академія Духовная и Академія Наукъ отличаются своими.“

Погодинъ не оставилъ безъ вниманія и нищую братію. „Что дѣлать съ нищими и увѣчными“,—писалъ онъ,—„которые собираются въ монастырѣ со всѣхъ сторонъ въ такомъ множествѣ, которые представляютъ такое тягостное зрѣлище, и вмѣстѣ мѣшаютъ вашему молитвенному расположенію. Нельзя въ одно время и молиться, и благотворить. Въ наше время, благотвореніе, съ зажмуренными глазами, причиняетъ вредъ, а не пользу. Вы идете молиться и принуждены отказывать, потому что нельзя вѣдь одѣлить всѣхъ, безпрестанно соблазняетесь, ропщете, жалуетесь и грѣшите. Почему бы не отвести для бѣдныхъ особаго помѣщенія, куда всякій благочестивый богомолецъ, совершивъ свои молитвы въ церкви, и сталъ бы ходить, и на досугѣ спокойно помогать, чѣмъ можетъ. Почему бы не учредить особаго мѣста, куда бъ являлись всѣ бѣдные, подвергались бы испытанію особыхъ опредѣленныхъ на то монаховъ (какое послушаніе) и студентовъ, подъ надзоромъ профессоровъ (какой курсъ практической

психологіи), и уже опознанные получали бъ право на милостыню доброхотныхъ дателей въ палатѣ бѣдныхъ. Для больныхъ можно бы устроить особую больницу, при помощи тѣхъ же студентовъ. Для совершенно-безпомощныхъ—богадѣльню, для дѣтей — училище ремеслъ. Даянія увеличились бы въ-десятеро, потому что всякій дающій былъ бы увѣренъ, что жертва его обратится на пользу, а не во вредъ. А теперь большая часть подаянія уходитъ въ кабаки,—и сжимается рука дателя, охлаждается чувство, ожесточается сердце".

Вспоминая Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, Погодинъ писалъ: „Сколько онъ придумалъ въ Вологдѣ, Харьковѣ, Одессѣ, сколько доставилъ пищи для благочестиваго чувства! Такъ точно и по Троицкой дорогѣ надо бы устроить крестные ходы, мѣстные праздники, перенесеніе иконъ въ извѣстные дни, для воспоминанія о томъ или другомъ примѣчательномъ событіи. И все это слѣдуетъ оглашать заблаговременно во всѣхъ газетахъ, придумывать всѣ удобства и указывать всѣ средства. Кто, напримѣръ, знаетъ, что часовня, въ 10 верстахъ отъ Троицы, знаменуетъ прохожденіе Св. Стефана Пермскаго, котораго почуялъ Сергій у себя за трапезою, всталъ и поклонился ему, къ удивленію всѣхъ своихъ сподвижниковъ. Въ память о семъ прозрѣніи, до сихъ поръ, я слышалъ, въ Троицкомъ монастырѣ, среди обѣда, встаетъ монахъ и кланяется. Кто знаетъ, что 13 апрѣля служится въ Успенскомъ соборѣ соборная панихида по Борисѣ Годуновѣ и его семействѣ, ударяется въ колоколъ, пожертвованный Борисомъ, облекается архимандритъ въ ризы, пожалованныя Борисомъ, читается по книгѣ, печатанной при Борисѣ. Огласите всѣ эти любопытныя частности и подробности, и будутъ находиться люди, которые пріѣдутъ къ вамъ изъ Москвы, Ярославля, Ростова, Переяславля, помянуть святителя Стефана и Сергія, или помоляться о несчастномъ Борисѣ."

Наконецъ, Погодинъ не оставляетъ безъ вниманія и кельи монаховъ. По его мнѣнію, „кельи должны быть устроены въ

одномъ большомъ зданіи, вмѣсто нынѣшняго разсыпнаго помѣщенія, подверженнаго большимъ неудобствамъ, и монахамъ слѣдуетъ жить въ одномъ корридорѣ. Множество мѣста пропадаетъ даромъ, и отопленіе становится слишкомъ дорого. Вотъ задача для нашихъ архитекторовъ, которые хлопочутъ о баняхъ Каракаллы и виллѣ Адріана: проэктъ общежительнаго монастыря, точно какъ и гостинницы для проѣзжающихъ по Троицкой дорогѣ, проэктъ постоялаго двора, обѣденной залы. Что у насъ нагорожено въ монастыряхъ, просто повѣрить трудно. Мнѣ случилось однажды, отыскивая портретъ архіепископа Θеофана, походить по внутреннимъ покоямъ Чудова монастыря, да заглянуть въ разные углы Богоявленскаго монастыря, на Никольской улицѣ,—посѣщая Герцеговинскаго монаха Прокопія Чокорилло: что за переходы, что за чуланы, что за перегородки, что за конуры.— Это просто средніе вѣка со всѣми аттрибутами дикости и невѣжества. Вотъ гдѣ читатели могутъ провѣрить описаніе Альзаса, при Стюартахъ, задней части Лондона, въ Нидже-левыхъ приключеніяхъ Вальтеръ-Скотта."

Высказавъ свои предположенія о нравственно-духовныхъ улучшеніяхъ, Погодинъ переходитъ къ матеріальнымъ улучшеніямъ, которыя, по его мнѣнію, „настоятельно требовало время." Онъ писалъ: „Лавру должно окружить однимъ сплошнымъ садомъ съ рощами, кустарниками, цвѣтниками, и долой эти безобразные шалаши, балаганы, лавченки, съ ихъ шумомъ, гамомъ, плутовствомъ и ругательствомъ. Мѣсто ли имъ здѣсь предъ священною оградою, и какая необходимость купить калачъ подлѣ часовни, а не въ извѣстномъ разстояніи, у гостиннаго двора. *Домъ мой домъ молитвы есть*. Подходя къ святымъ воротамъ, — должно уже предчувствовать близкую святыню, цѣль своихъ утомительныхъ трудовъ, а не развлекаться разными пошлостями и гадостями. Вездѣ по пути должны развиваться сѣнолиственныя деревья, благоухать душистые кустарники, пестрѣть яркіе цвѣты. Отъ Лавры до Виθаніи долженъ быть разведенъ одинъ обширный паркъ, въ

родѣ Берлинскаго Тиргартена. Теперь нѣтъ при пяти-стахъ монаховъ съ послушниками, при пяти-стахъ студентовъ и семинаристовъ, при пяти тысячахъ народонаселенія, получающаго значительные доходы отъ Лавры, нѣтъ нигдѣ ни одного порядочнаго сада, негдѣ прогуляться, отдохнуть, подумать. Монастырскій садъ предъ восточною частію ограды—это отвратительный пустырь; академическій палисадникъ имѣетъ особенное назначеніе. Посмотрите въ чужихъ краяхъ, какими прекрасными аллеями окруженъ всякій ничтожный городишко, неимѣющій лишнихъ средствъ. Нечего уже говорить о мѣстечкахъ съ минеральными водами. Чего въ нихъ не устраивается! Сколько проложено дорожекъ, какіе красивые сады, бесѣдки, что за пріятныя прогулки. Чуть съ холмика видъ открывается подальше, тотчасъ уже устраивается тутъ пріютъ: здѣсь Amalienshöhe, Heinrichsruhe, тамъ Wilhelmsplatz. И спрашиваютъ любопытные путешественники, что это были за Амалія, и кто такой Вильгельмъ, Генрихъ; а у насъ колодезь Сергія засыпается гдѣ то пескомъ, и дорожка къ нему поросла травою. Нѣтъ денегъ, услышите вы въ оправданіе, но нашлись же деньги выстроить огромное зданіе со стѣнами между Лаврой и Виѳаніей, сложить толстыя стѣны, выкопать глубокія пещеры. Откуда берутъ деньги, спрошу я васъ, тѣ городки и мѣстечки, о коихъ упомянулъ я выше. Жителей тамъ гораздо меньше, а сборъ и подавно.

„Точно такъ же должна быть устроена и вся дорога отъ Москвы до Лавры для богомольцевъ,—пусть будетъ это одна безпрерывная аллея изъ липъ, березъ, кленовъ, вязовъ, сосень, елей и осинъ, смотря по свойству почвы, гдѣ какому дереву рости привольнѣе, съ мостиками черезъ канавы и рытвины, съ лавками на каждыхъ двадцати шагахъ, съ цвѣточными клумбами по сторонамъ. Развели же вы такіе палисадники около станцій желѣзной дороги, гдѣ они совершенно не нужны, а здѣсь, гдѣ они непремѣнно нужны, вы не находите средствъ! Почему не разложить обязанность на мѣст-

ныхъ жителей или содержателей постоялыхъ дворовъ, которые получаютъ доходъ съ дороги. Въ извѣстныхъ мѣстахъ должны быть устроены обѣденные и ужинные столы для проходящихъ, по 5, по 10, по 15 коп. съ человѣка, по состоянію, и разставить кадки съ добрымъ квасомъ, который бываетъ нужнѣе воздуха для Русскаго человѣка. Для ночлеговъ большіе шалаши или сараи съ обширными нарами на соломѣ или на сѣнѣ. Какъ это сдѣлать—поѣзжайте въ Парижъ и поучитесь тамъ строенію чудесъ изъ ничего. Повѣрьте, что все это вознаградится вамъ съ лихвою, надо умѣть только за дѣло взяться, надо, чтобъ умный человѣкъ имѣлъ надзоръ за всѣми учрежденіями, за всѣмъ порядкомъ. Доставьте нашимъ несчастнымъ труженицамъ и труженикамъ, обреченнымъ на такія тяжкія работы, не столько для своего пропитанія, сколько для нашего пресыщенія, доставьте имъ, непримѣтно для нихъ, единственную въ жизни ихъ пріятную прогулку, зародите въ душѣ это неизвѣстное для нихъ чувство удовольствія, чтобъ они, пройдя до Москвы изъ своихъ губерній по лѣсамъ, доламъ и болотамъ, чрезъ горы и овраги, въ нуждѣ и трудѣ, тысячи верстъ, прошлись покойно по этому остальному участку, получили понятіе, что̀ такое удобство, порядокъ, забота, и, воротясь домой, разсказывали своимъ дѣтямъ, что̀ сталося за Москвою, въ обители Св. Сергія, какъ все весело, радушно, благочестиво, точно какъ въ Царствѣ Небесномъ, и до конца жизни сохранили сладостное воспоминаніе о своемъ богомольѣ. Это для простаго народа, а для зажиточныхъ людей, для путешественниковъ, своихъ и иностранныхъ, должны быть устроены порядочныя гостинницы съ исправною прислугой, въ родѣ Рейнскихъ или Швейцарскихъ. Вѣдь теперь надо брать все изъ Москвы, или получать вездѣ переваренное, засушенное, пригорѣлое, безвкусное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пекутъ теперь блины, разводится огонь изъ хвороста, какъ-то устанавливается сковородка, и выпекается блинъ разумѣется такой же, какимъ подчивались спутники Дмитрія Донскаго, спѣшившіе по этой

гѣ на Куликово поле. Путешественники, кромѣ бого-
:евъ, бываютъ всѣхъ родовъ: студенты, купцы, старухи,
,ушки, дѣти. Чего не пріѣстся и что не выпьется! Надо угодить всѣмъ вкусамъ. Устройте такъ, чтобъ въ одномъ мѣстѣ прославились блины, въ другомъ ватрушки, въ третьемъ пирожки съ говядиной и т. п. Вѣдь вы помните, что по Петербургской дорогѣ всякій проѣзжій считалъ обязанностію съѣсть котлетку у Пожарскаго въ Торжкѣ, и спросить вафлей у Померанской нѣмки, хотя бы случилось проѣзжать Торжекъ ночью, а Померанье раннимъ утромъ."

Обращаясь къ учредителямъ Троицкой желѣзной дороги, Погодинъ писалъ: „Въ Мытищахъ гостинница должна быть устроена для всѣхъ сословій, чтобъ всѣ сорты чаю, затхлистаго, букетнаго, лянсиннаго, чернаго, желтаго, зеленаго были къ услугамъ посѣтителей, во всякую цѣну отъ пятака до рубля серебромъ за чашку или порцію. чтобъ всѣ охотническія причуды исполнялись здѣсь со всею точностію и строгостію, чтобъ вскипѣвшіе при первомъ движеніи парохода самовары были подаваемы на столъ, а не перекипѣлые, чтобъ здѣшнее приготовленіе вошло въ славу. Прислужницъ нынѣшнихъ одѣньте въ щегольскіе сарафаны, съ пышными рукавами, переплетите ихъ косы разноцвѣтными лентами, чтобъ иностранцы знакомились здѣсь съ Русскимъ костюмомъ. Сейчасъ охотники до общихъ мѣстъ сдѣлаютъ возраженіе и закричатъ, что я проповѣдую развратъ. Ну да вѣдь теперь деревенскія дѣвушки угощаютъ странниковъ чаемъ у Громоваго колодца, и зазываютъ васъ къ себѣ, отбивая одна у другой, таща за полы. Въ гостинницѣ будутъ служить тѣ же, только подчиненныя надзору. Въ чужихъ краяхъ главную часть прислуги составляютъ дѣвушки, и нравственность тамъ не хуже, чѣмъ у насъ по Троицкой дорогѣ. Пусть раздаются здѣсь Русскія пѣсни; повторю, что я говорю здѣсь не о богомольцахъ, а о путешественникахъ, пусть кружатся національные хороводы, Русская пляска, и иностранные путешественники будутъ сюда собираться, чтобъ получить по-

нятіе о народной жизни.“ Къ этому Погодинъ прибавляетъ: „Въ Мытищахъ можно устроить что-нибудь для охоты, для которой часто и теперь сюда ѣздятъ Московскіе охотники. Особыя ванны, купальни, пожалуй, бани, съ всегда свѣжими вѣниками изъ разнородныхъ листьевъ“.

Кромѣ того, Погодинъ находитъ хорошимъ устроить въ Мытищахъ какой-нибудь музей, „хоть“,—писалъ онъ,—„не въ родѣ Сиденгамскаго, ну хоть музей Натуральной Исторіи, хоть отъ одной Московской губерніи. Но мало ли что придумать можно,—я только намекаю.“

Въ заключеніе своей статьи, Погодинъ писалъ: „Вотъ мои мысли. Не стою за ихъ безусловную вѣрность. Съ меня довольно, если я наведу кого-нибудь на лучшее. Пусть примутся они съ любовію. Въ Лаврѣ провелъ я много сладкихъ часовъ. Нѣсколько разъ я говѣлъ тамъ и пріобщался Святыхъ Таинъ. Превосходное священнослуженіе лаврское умиляло часто мою душу. Историческимъ воспоминаніямъ здѣшнимъ, напримѣръ, о Борисѣ Годуновѣ, обязанъ я многими незабвенными часами въ первой молодости. Нѣсколько достойныхъ здѣшнихъ лицъ пріобрѣли давно полное мое уваженіе—не говорю уже о верховномъ пастырѣ нашемъ, которому много разъ въ Литературѣ я выражалъ глубокое свое почтеніе. Слѣдовательно, все, что̀ сказалъ я въ этой статьѣ, я сказалъ не въ судъ или осужденіе, а съ искреннимъ желаніемъ добра и успѣха дѣлу“ [244]).

LXIX.

Въ октябрѣ 1859 года, И. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Еще малѣйшихъ извѣстій нѣтъ собственно о дѣйствіи вашей статьи о Троицкой дорогѣ“.

Но „дѣйствіе“, статья Погодина произвела.

„Вы спрашиваете меня о вашей статьѣ *Троицкая дорога*,—писалъ Погодину М. А. Дмитріевъ,—„натурально, я читалъ ее, и съ большимъ удовольствіемъ. Она написана живо,

рѣзко и правдиво, какъ все, что̀ вы пишете. Но она грѣшитъ тономъ: это, я думаю, главная причина, за что на васъ возстали. То-есть: сказать тоже, ничуть не румяня правды, но сказать поглаже, поучтивѣе, и будетъ не то. Напримѣръ, о молебнахъ, которые служатъ на почтовыхъ, можно бы и должно бы сказать, но не слѣдовало печатать пародіи на молебенъ святому Сергію! Проповѣдываніе по дорогѣ,—мысль самая добрая, но не для нашего народа: ему нуженъ одинъ обрядъ; проповѣди онъ не станетъ слушать, да и не пойметъ!—И молебны на почтовыхъ, повѣрьте, совершенно по немъ: былъ бы молебенъ на пожертвованныя деньги; въ этомъ вся святость! Многое у васъ не совсѣмъ вѣрно. Напримѣръ, сколько я не пріѣзжалъ къ Троицѣ, всегда давали намъ въ гостинницѣ такое удобное и чистое помѣщеніе, что для меня съ семьей было даже слишкомъ просторно, и вполнѣ удобно; такъ что для насъ были отдѣльныя комнаты и кровати, и кругомъ ситцевые турецкіе диваны. Иное у васъ и соблазнительно: напримѣръ, порученіе монахамъ (кажется, вы имъ же это совѣтуете?) нашить дѣвкамъ нарядные сарафаны и кисейныя рубашки, меня на старости лѣтъ соблазнило. Этотъ грѣхъ на васъ“ [245])!

Противъ Погодина выступилъ печатно его старшій товарищъ и другъ С. А. Масловъ. Онъ писалъ: „Не хотѣлось бы мнѣ входить съ вами, какъ съ добрымъ товарищемъ, въ печатный разладъ въ мысляхъ и чувствахъ, но чтожь мнѣ дѣлать, когда напечатанныя вами, въ *Русской Газетѣ*, *Замѣтки на Троицкой дорогѣ о Сергіевской Лаврѣ* во многомъ противны и моимъ наблюденіямъ, и моимъ многократно-испытаннымъ ощущеніямъ. Я ежегодно уѣзжаю въ Сергіевскую Лавру на нѣсколько дней, чтобы отдохнуть тамъ душею отъ моихъ заботъ, занятій и неизбѣжныхъ мірскихъ приличій, въ теченіе праздниковъ, каковы: Рождество Христово и Св. Недѣля; я дѣлаю это постоянно съ 1832 года; слѣдовательно, мои наблюденія не мимолетныя. Ваши *Замѣтки* оканчиваются сознаніемъ, что мысли, въ нихъ высказанныя, были у васъ за-

писаны на лоскуткахъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и вы, наконецъ, съ желаніемъ добра, собрали ихъ въ одну общую статью и передали ихъ читателямъ. Жаль, что вы при этомъ не добавили, къ какимъ годамъ относится большая часть вашихъ записокъ; но мнѣ ясно, что многія изъ нихъ весьма давнія; потому что совершенно несходны съ настоящимъ положеніемъ Сергіевской Лавры, въ которой и лѣтомъ нынѣшняго года я провелъ десять дней, включая первую недѣлю Петрова поста. Не буду говорить о томъ, что вы высказали о предметахъ чисто-религіозныхъ, потому что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Пожалѣю съ вами о маломъ пространствѣ внутри Троицкаго собора, и отъ того о тѣснотѣ въ немъ при множествѣ богомольцевъ, и о необходимости имѣть служителей, чтобъ иногда раздвинуть толпу посреди церкви для священнослуженія монашествующихъ, когда они отъ входныхъ западныхъ дверей, въ два ряда, едва устанавливаются до самаго амвона царскихъ вратъ алтаря. Не желать, чтобы народъ простой и непростой, понимая важность богослуженія, самъ раздвинулся и далъ мѣсто священнослужителямъ, было бы странно. Можетъ быть, служители, одѣтые въ красные кафтаны, какъ церковники въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, могли бы замѣнить служителей солдатъ, но имъ необходимъ нарядъ, понятный для простаго народа, чтобы онъ слушался приказанія. Вы читали въ путешествіи А. Н. Муравьева, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье, толпа усердныхъ, но дикихъ восточныхъ Христіанъ, чуть не задавила его, а патріарха старца, почти задушеннаго, внесли на рукахъ въ алтарь, гдѣ онъ едва пришелъ въ себя? Развѣ наша усердная толпа лучше Іерусалимской? Не думаю. Но не будемъ винить ее. Еслибъ наша просвѣщенная толпа показывала собою примѣръ простымъ Троицко-Сергіевскимъ богомольцамъ, то, конечно, и для нихъ ненужно было бы солдатъ съ красными воротниками на шинеляхъ; но мы сами разучились прилично стоять въ церкви. Грустно сказать, что, бывши за границею въ церквахъ и католическихъ, и люте-

ранскихъ, и въ англиканскихъ въ особенности, я нигдѣ не встрѣчалъ того, что видѣлъ въ самой Москвѣ. Это воспоминаніе отвлекаетъ меня отъ прямыхъ замѣчаній на ваши наблюденія; но ваши баши-бузуки заставляютъ меня сказать то, чего я былъ неоднократнымъ свидѣтелемъ, и что подтвердятъ первые люди высшаго образованнаго общества.

„Мнѣ довелось бывать у обѣдни въ благотворительныхъ заведеніяхъ, въ особенные царскіе дни, когда приглашаются въ церковь по билетамъ сановники и чиновники, почти всѣ съ звѣздами и въ лентахъ, или въ шитыхъ мундирахъ и крестахъ. Вотъ что̀ обыкновенно происходитъ въ обширной церкви одного изъ этихъ заведеній. Средина ея противу алтаря,— здѣсь совершается торжественное Богослуженіе нашимъ архипастыремъ; на лѣвой сторонѣ храма, чинно и тихо стоятъ ряды воспитанницъ, которыхъ учатъ Закону Божію и благоговѣйному вниманію совершаемой Литургіи; онѣ это и исполняютъ. Съ правой стороны, въ особыя двери, входятъ звѣздоносные посѣтители, люди пожилые, почтенные. Вы надѣетесь, что они подадутъ собою инымъ дѣтямъ примѣръ того, какъ стоять въ храмѣ Божіемъ? Нисколько.—Торжественная архіерейская служба началась, стройный хоръ благолѣпно повторяетъ призывную пѣснь: *Пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу*. Въ это время, и въ продолженіи всей обѣдни, въ правой сторонѣ храма, отъ разговора присутствующихъ образуется точно шумъ пчелъ въ ульѣ; этотъ шумъ увеличивается въ храмѣ, по мѣрѣ пріѣзда новыхъ лицъ, и они не совѣстятся своими пустыми разговорами мѣшать благоговѣнію Богослуженія. Еслибъ они осмѣлились это сдѣлать въ протестантской, или, Боже избави, въ англиканской церкви, то ихъ бы просто вывели изъ нея. Въ церкви другаго благотворительнаго заведенія, послѣ Литургіи, нашъ архипастырь, замѣчательнѣйшій витія, для котораго можно издали пріѣхать, чтобы послушать его, самъ говорилъ проповѣдь, и что же? Вмѣсто тихаго, приличнаго вниманія, едва въ четвертомъ ряду отъ налоя, можно было разслушать слова его отъ та-

кого же точно жужжанія разговаривающихъ лентоносцевъ и крестоносцевъ. Это и ежегодно повторяется во свидѣтельство, что мы не умѣемъ прилично стоять въ церкви, а кажется мудрость не велика. Тебѣ, вмѣсто вниманія къ Богослуженію и проповѣди, хочется говорить съ кѣмъ-нибудь, ну выйди изъ церкви и не мѣшай другимъ. Такъ не будемъ же винить простой народъ въ тѣсномъ храмѣ Троицкаго собора, что для него, по временамъ, нужны служители, но безъ отвратительнаго вашего имени баши-бузуковъ, когда мы сами не умѣемъ подать народу примѣра, какъ должно стоять въ церкви. Замѣчу, что гдѣ нѣтъ особенной тѣсноты въ церквахъ, то простой народъ несравненно приличнѣе стоитъ въ храмѣ, нежели люди, болѣе его учившіеся и образованные, чему я привелъ неотвержимые примѣры.

„Обращусь къ вашимъ мыслямъ. На многія изъ нихъ слѣдуетъ сдѣлать подробныя замѣчанія, но это требовало бы втрое, вчетверо больше письма, нежели ваша статья о Троицкой дорогѣ, а это и утомительно для читателей, и поведетъ къ грустной, скажу даже прискорбной для благочестивыхъ людей, полемикѣ; потому и ограничусь тѣмъ, что у васъ невѣрно, или чего вы не знали, или чего не видали, но что достойно было бы вашего наблюденія, и гдѣ ваше слово могло бы принести пользу. Буду говорить прежде о самомъ монастырѣ.—Мнѣ грустно было читать во всѣхъ вашихъ замѣчаніяхъ, постоянное проявленіе какого-то недовольнаго чувства, иногда выраженнаго такъ, что совѣстно читать, напр., о мощахъ преподобнаго Сергія: онѣ помѣщаются въ углу тѣсной церкви за рѣшеткою... Какъ-будто въ Троицкомъ соборѣ есть лучшее мѣсто для ихъ помѣщенія, вмѣсто самаго ближайшаго къ той кельѣ, или, какъ говорятъ, палаткѣ, гдѣ преподобный Сергій жилъ и удостоился Видѣнія посѣтившей его Богоматери. Какъ будто мощи его отдѣлены отъ приходящихъ къ нимъ какою-то рѣшеткою. Какъ будто можно, не нарушая вѣковой святыни, расширить древній историческій соборъ, какъ-бы намѣренно названный вами церковію. Будьте

сами добросовѣстнымъ судьею самого себя и скажите, есть ли лучшее мѣсто въ соборѣ, кромѣ избраннаго для помѣщенія св. мощей? Это отдаю на судъ не только вашъ, но и всѣхъ безчисленныхъ богомольцевъ. Рѣшетка такъ близка къ ракѣ преподобнаго и такъ низка, что не составляетъ никакой преграды для желающихъ приложиться къ св. мощамъ. Вы сами говорите, что храмъ Троицкаго собора вмѣщаетъ не болѣе 500 богомольцевъ, а народа собирается въ обѣдни до пяти тысячь. Спрашивается, можно ли при этомъ избѣгнуть тѣсноты и всѣхъ неудобствъ по необходимости, съ тѣмъ сопряженныхъ.—Ихъ понимаетъ всякій богомолецъ; это такое же неизбѣжное неудобство, какъ и описанное Муравьевымъ въ Іерусалимскомъ храмѣ при Гробѣ Господнемъ. Ваше описаніе тѣсноты для желающихъ приложиться къ мощамъ верхъ цинизма. Вотъ слова ваши: „Если вамъ не изомнутъ боковъ, не повредятъ спины, благодарите Бога и св. Угодника, котораго молитвами непремѣнно вы, отчасти, обязаны за спасеніе. Каково бываетъ женщинамъ въ легкихъ платьяхъ совершить эту операцію". Послѣднюю мысль отдаю суду совѣсти вашей: „Если вамъ посчастливилось приложиться благополучно, такъ ужъ и бѣгите скорѣе, безъ оглядки, пока цѣлы".

„Тутъ все преувеличено. Въ двадцать семь лѣтъ, иногда и неоднократнаго въ одинъ годъ посѣщенія моего Лавры, ни надъ собою, ни надъ другими, я не испыталъ и не слыхалъ всѣхъ ужасовъ этой, какъ вы сказали, операціи. Хотите ли испытать тоже: не тѣснитесь въ толпу, обождите, дайте дорогу издали пришедшимъ съ котомками, полюбуйтесь ихъ усердіемъ, и васъ, и больной вашей ноги не отдавятъ, и боковъ не изомнутъ. Иначе вспомните храмъ Іерусалимскій, вспомните Муравьева, и не прогнѣвайтесь.

„Не берусь рѣшать, возможно ли и сообразно ли съ положеніями церкви временное перенесеніе мощей на лѣтніе мѣсяцы въ большой Успенскій соборъ, но свидѣтельствую то, что я самъ въ нынѣшнее лѣто видѣлъ. Троицкій соборъ съ заутрени, начинающейся въ три часа, и до вечерни посто-

янно былъ открытъ для богомольцевъ, и рака Преподобнаго закрывалась часа на два передъ вечернею, начинающеюся въ 4 часа; а потомъ открывалась вновь, пока всѣ, пришедшіе къ вечерни, приложатся къ мощамъ и выйдутъ изъ храма;— слѣдовательно, всякій можетъ приложиться къ мощамъ и натощакъ и въ продолженіе цѣлаго дня. Къ чему же теперь ваше замѣчаніе, что можно придти изъ-за тысячи верстъ и не удостоиться этого счастія. Такая несправедливая укоризна должна васъ тяготить.

„Ваше описаніе, какъ служатъ молебны, до того рѣзко, что я не могъ читать его безъ грустнаго чувства. При нѣкоторомъ размышленіи вы сами говорите, что отслужить сряду десять молебновъ ни у кого не достанетъ благоговѣнія; нельзя требовать равнаго вниманія; это выше силъ человѣческихъ.

„Въ этихъ словахъ вы даже безсознательно высказали разумное, общее чувство всѣхъ богомольцевъ. При нашемъ обычаѣ, при нашихъ народныхъ понятіяхъ о томъ, что требуется отъ богомольца, именно: отпѣть свой молебенъ, поставить свою свѣчку, сотни ихъ приближаются къ мощамъ и каждый для удовлетворенія религіознаго чувства, хотѣлъ бы отпѣть свой молебенъ, какъ выраженія личнаго своего обѣта, своего усердія къ Угоднику. Но и простые люди видятъ невозможность исполненія этого желанія и слушаютъ молебенъ, если не общій, то, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ къ ракѣ богомольцевъ напримѣръ, изъ сотни человѣкъ двадцать. А когда эти пойдутъ прикладываться къ мощамъ, тогда другіе заступаютъ ихъ мѣста,—просятъ своего молебна. Такъ смѣняютъ одни другихъ и я, по совѣсти, долженъ засвидѣтельствовать, что ваши выраженія *отвертятъ* молебенъ и т. д. въ высшей степени несправедливы.

„Такъ называемые гробовые монахи избираются изъ самыхъ испытанныхъ на своемъ поприщѣ, и они служатъ молебны при мощахъ Преподобнаго съ возможнымъ для немощей тѣлесныхъ терпѣніемъ и ласкою для молящихся. Если случилось вамъ и мнѣ замѣтить въ чтецахъ или пѣвцахъ, при

молебнахъ, какіе-либо недостатки, то это частности и обобщать ихъ грѣшно и стыдно. Вы, кажется, нетокмо желаете себѣ, но и требуете отъ другихъ ангельскаго совершенства при исполненіи обязанностей; желаніе доброе, но не обличаетъ ли оно въ насъ недостатка самопознанія. У каждаго изъ насъ свой умъ—царь въ головѣ и полная воля надъ самимъ собою, а между тѣмъ, положивъ руку на сердце, мы должны сознаться, что имѣемъ крайнюю потребность въ томъ, чтобы *носить тяготы другъ друга*, дабы *исполнить законъ любви*, *законъ Христовъ*.

„При моихъ наблюденіяхъ въ Лаврѣ, я больше обращалъ вниманіе на силу вѣры простыхъ богомольцевъ и то дѣтское чувство, которое привлекало ихъ сюда, даже изъ Сибири. Смотря на ихъ тяжелую обувь въ лаптяхъ и на ихъ ношу за плечами, я соглашался съ Карамзинымъ, что вѣра есть могущественная сила для народа,—и вотъ, эта сила, за сотни верстъ, привела богомольцевъ къ Троицѣ и къ Угоднику Божію Сергію.

„И чего же требуетъ ихъ дѣтское чувство вѣры для своего удовлетворенія? Отстоять заутреню и обѣдню, поставить свѣчку, вынуть просфирку за здравіе родныхъ, помянуть за упокой родителей, приложиться къ мощамъ Св. Сергія, отслужить молебенъ, взять съ собою маслица изъ лампады отъ мощей, купить образокъ на память, и, если это исполнилось, то вглядитесь въ спокойно-радостныя и довольныя лица совершившихъ свое богомолье. Вы не увидите на нихъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ропота на неудобства пути, на тѣсноту въ церкви; все забыто: осталось только живое ощущеніе благолѣпія собора, торжественности Богослуженія съ превосходнымъ пѣніемъ, потрясающимъ душу, и потомъ чувство благодарности за все къ Богу, сподобившему быть у Троицы и преподобнаго Сергія. Прибавьте, что это благодарное чувство подкрѣпляетъ пѣшеходныхъ богомольцевъ и на всемъ возвратномъ пути; оно приносится ими въ свой домъ, въ свою семью, и долго, долго, дѣти слушаютъ разсказы матери, или

бабушки о томъ, какъ онѣ ходили къ Троицѣ, какъ хорошо все въ монастырѣ, какое благолѣпіе, какая служба, какъ поютъ. Этотъ безискусственный, сердечный разсказъ, подтверждаемый самимъ дѣломъ, самимъ подвигомъ, по моему, есть живая проповѣдь, возбуждающая и въ другихъ желаніе сходить къ Троицѣ и помолиться Преподобному Сергію. Повѣрьте, почтенный товарищъ Михаилъ Петровичъ, — что эта проповѣдь несравненно сильнѣе тѣхъ, на которыя вы вызываете студентовъ Академіи. Это истинно неумолкаемая проповѣдь не ораторскаго искусства, а дѣйствительной религіозной жизни народа; проповѣдь не только въ монастырѣ, но и по всей Троицкой дорогѣ, подъ открытымъ небомъ, и въ дождь, и въ непогоду, и въ свѣтлый день. Если студенты Академіи, будущіе ораторы, обращаютъ на нее свое умное вниманіе, то я думаю, что она и для нихъ самихъ поучительна. Она самымъ дѣломъ говоритъ имъ, что сила слова подкрѣпляется жизнію. Конечно, это проповѣдь дѣтей; это для многихъ невнятный лепетъ къ Отцу Небесному, но не забудемъ словъ Спасителя: *Если не будете какъ дѣти, то не можете войти въ Царствіе Божіе!* — въ царство любви.— Не забудемъ, что это сказано ко многимъ членамъ синагоги, ученикамъ и ученымъ. При этомъ я съ благодарностію вспоминаю разсказъ нашего незабвеннаго профессора Физики, Петра Ивановича Страхова, до сихъ поръ оставшійся у меня въ памяти. Въ 1812 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда шелъ на Москву непріятель, мы сошлись съ нимъ у всенощной въ Егорьевскомъ монастырѣ; по окончаніи службы, я пошелъ проводить его до Университета, гдѣ онъ жилъ, и дорогою, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. „Въ Вѣнѣ я разговаривалъ съ однимъ профессоромъ о религіи, и онъ сказалъ мнѣ: представьте, что у отца нѣсколько сыновей; одинъ взрослый, почти совершеннолѣтній, другой юноша, третій мальчикъ, а четвертый малютка, едва начавшій лепетать. Одинъ входитъ къ нему и отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ разумный человѣкъ; юноша разсказываетъ о своихъ успѣхахъ

въ наукахъ, мальчикъ говоритъ о выученномъ урокѣ. Отецъ каждаго одобряетъ по его возрасту; но вотъ, подбѣгаетъ къ нему малютка, бросается къ нему, цѣлуетъ его и едва лепечетъ: эта дѣтская любовь и лепетаніе малютки такъ пріятны отцу, что онъ беретъ его на руки и цѣлуетъ его. Такъ и Отцу Небесному, одинъ молится духомъ и истиною, другой исполненіемъ заповѣдей, третій правилъ церкви, а лепечущій младенецъ высказываетъ ему свою любовь свѣчкою, и тому подобными знаками по его возрасту, и этотъ ребенокъ милъ отцу". — Сравните этотъ разсказъ съ вашими словами, съ вашею проповѣдью на Троицкой дорогѣ и будьте безпристрастны. Впрочемъ, не думайте, чтобы я желалъ человѣку оставаться всегда ребенкомъ; нѣтъ, его назначеніе придти въ мужа совершенна, но и при этомъ сохранить дѣтскую любовь и вѣру къ своему отцу, иначе — приговоръ сдѣланъ.

„Все, что вы говорите объ устройствѣ въ Лаврѣ открытаго ученія въ классахъ Академіи для всѣхъ приходящихъ, о соединеніи библіотекъ монастырской съ академическою, о расположеніи Ризницы такъ, чтобы она могла быть археологическимъ собраніемъ для лекцій народу и т. п., все это добрыя желанія для наученія и не простаго народа; но между желаніемъ и исполненіемъ есть еще огромное разстояніе. Тутъ встрѣтится много практическихъ вопросовъ: какъ это сдѣлать, и кѣмъ это сдѣлать? Для этого недовольно наобумъ сказать, и притомъ невѣрно, что въ монастырѣ пятьсотъ монаховъ и послушниковъ, что въ Академіи и Семинаріи пятьсотъ студентовъ. Вы знаете, сколько лѣтъ оставалась въ Москвѣ Патріаршая Ризница и Библіотека безъ описи, начатой за полвѣка профессоромъ Маттей, и недавно только сдѣланной просвѣщеннымъ архимандритомъ Саввою. Почему не пожелать того-же и для Лаврской Библіотеки и для Ризницы. Но развѣ все это такъ же легко, какъ слова и желанія. Впрочемъ, описаніе Лаврской Ризницы уже сдѣлано весьма подробное, что я самъ видѣлъ въ этомъ году у рясофорнаго инока Сергія Чистякова, кандидата нашего Университета.

„Притомъ къ чему преувеличиванія. Если для объясненія какого-нибудь историческаго описанія древняго монастыря вы справляетесь съ лѣтописями, чтобы не сдѣлать ошибки, то какъ же не позаботились вы о вѣрности своей современной лѣтописи Троицкой дороги. Не знаю подлинно, какъ велико число иноковъ въ Лаврѣ, но въ великіе праздники, я, болѣе двадцати пяти лѣтъ розгавляюсь въ общей братской трапезѣ, когда всѣ иноки и служки обѣдаютъ вмѣстѣ, кромѣ больничныхъ старцевъ, и никогда за трапезою не бывало при мнѣ болѣе стапятидесяти братьевъ. Число студентовъ Академіи не болѣе восьмидесяти человѣкъ, а изъ учениковъ Виѳанской Семинаріи, отдѣльной отъ Академіи, конечно, немногіе годятся для вашихъ требованій всенароднаго поученія въ Лаврѣ, подъ открытымъ небомъ. — Набрать изъ молодыхъ служекъ лихой эскадронъ уланъ или гренадерскую роту вы бы затруднились. Эта насмѣшка недостойна серіознаго человѣка, особенно, когда приправлена такими выраженіями: „Изъ послушниковъ вашихъ, краснощекихъ, широкоплечихъ, какой бы лихой уланскій эскадронъ я сформировалъ“.... Притомъ, это давнишняя, изношенная фраза какого-нибудь военнаго молодца и она крайне не идетъ къ мирному профессору и академику. Увлекаясь остротами, вы пожертвовали имъ своимъ назначеніемъ: «*служить примѣромъ для молодыхъ ученыхъ*. Не удивитесь же, если многіе изъ нихъ будутъ повторять эти остроты, безъ повѣрки ихъ дѣломъ; они, какъ сѣмена, западши въ иное сердце и даже въ одну память, конечно, принесутъ плодъ по роду своему, и, кто знаетъ, не доведется ли вамъ, какъ отцу, отвѣдать этого плода. Съ моей стороны, я желаю имъ полнаго неурожая.

„Послѣ многихъ вашихъ сарказмовъ, которые и повторять совѣстно, какъ вы рѣшились сказать: вотъ какъ надо поддерживать благочестіе? Нѣтъ, товарищъ, поучимся у богомольцевъ—дѣтей; они указываютъ намъ, чѣмъ поддерживается благочестіе и указываютъ не словами, а дѣломъ и истиною. Живая проповѣдь ихъ разносится по всей Россіи, и число

богомольцевъ въ Сергіеву Лавру ежегодно умножается, какъ изъ простого народа, такъ и изъ высшихъ его классовъ; а тѣ проповѣди, которыхъ вы желаете слышать въ Алексѣевскомъ и въ Мытищахъ, и во всѣхъ селахъ по Троицкой дорогѣ, на заданныя вами темы, едва ли будутъ полезны для проходящихъ и торопящихся къ цѣли своего путешествія: къ Троицѣ и къ Преподобному Сергію. Довольно, если жизнь и ноученіе сельскаго священника благотворно дѣйствуютъ на его прихожанъ, на его дѣтей духовныхъ, въ кругу прямыхъ его обязанностей. Не возлагайте на другихъ бременъ неудобоносимыхъ. Не отрицаю вашихъ добрыхъ желаній для благочестиваго Просвѣщенія народа даже на каждомъ шагу жизни, но непрактичность примѣненія этихъ желаній къ дѣлу такъ велика, что конечно очень, очень немногими изъ нихъ можно воспользоваться.

„Вы хотите цѣликомъ пересадить въ наши постоялые дворы, въ наши гостинницы по Троицкой дорогѣ, Германскую опрятность, чистоту и порядокъ, забывая, что это есть послѣдствіе общей народной образованности, до которой мы еще не доросли. — Оттого ваши желанія неисполнимы, непрактичны, пока народъ останется безграмотнымъ, свыкшимся съ грязью, съ пылью, паутиною, съ запачканными отъ мухъ стеклами. Онъ не знаетъ, въ собственномъ смыслѣ, чтó такое чистота и опрятность, и порядокъ; и эта степень его цивилизаціи выражается въ моей прислугѣ на постоялыхъ дворахъ, въ Московскихъ подворьяхъ и въ частныхъ домахъ. Да и сами хозяева и постояльцы не многимъ образованнѣе общей массы народа, а потому опрятность и порядокъ и въ ихъ жилищахъ не образцовые. Но я не хочу пускаться съ вами въ споры, ни въ полемику, о трактирахъ и хороводахъ при нихъ изъ сельскихъ дѣвушекъ и т. п. предложеніяхъ. Убѣжденный, что ваши замѣтки, собранныя въ одну статью, были сдѣланы давно, и вамъ вовсе неизвѣстно настоящее состояніе Сергіевой Лавры, я считаю долгомъ совѣсти указать вамъ и читателямъ на то, чтò въ ней достойно вниманія и благо-

дарности посѣтителей. Пусть всякій провѣритъ слова мои на дѣлѣ“.

LXX.

Не взирая на всю неотразимую правду и благочестіе письма С. А. Маслова, Погодинъ, соображая *духъ времени*, нашелъ въ себѣ силу ему отвѣчать. „Вы“,—писалъ Погодинъ Маслову,—„помните знаменитую въ свое время сцену Дмитріева, изъ Мольера, въ коей онъ выводитъ двухъ стихотворцевъ, превозносящихъ сначала другъ друга похвалами, а потомъ, размолвясь, ругающихся между собою на чемъ свѣтъ стоитъ. Не разыграть бы и намъ Триссотина и Вадіуса? Очень недавно назвалъ я васъ *почтеннымъ;* вы назвали меня чуть ли не наканунѣ статьи о Троицкой дорогѣ, *честнымъ и правдивымъ*; а теперь, въ письмѣ своемъ, вы обвиняете меня въ цинизмѣ, пугаете угрызеніями совѣсти, грозите судьбою... Не могу и договорить чьею. Что же будетъ, если я стану разбирать ваше письмо на такой же ладъ? Пословица говоритъ, что на брань слово купится, а у меня вѣдь въ Библіотекѣ словарей, не только Русскихъ, но и всякихъ Славянскихъ, областныхъ, не занимать стать! И мы представимъ въ лицахъ сцену Дмитріева! Какое торжество для нашихъ противниковъ, для тѣхъ, что ладона боятся, слышнаго и въ моей статьѣ, и въ вашемъ опроверженіи. Вотъ они, ревнители благочестія,—раздастся злорадный кликъ,—вотъ они друзья религіи; послушайте, какъ они честятъ другъ друга, не язычникамъ чета!

„Нѣтъ, почтеннѣйшій Степанъ Алексѣевичъ, я не доставлю такого удовольствія противной партіи; я сдѣлаю всѣ усилія надъ собою, призову терпѣніе, воздержусь, сколько могу,—не посыплю пепломъ главы своей, потому что отъ роду не пудрился, и даже не помадился, не раздеру ризъ своихъ, потому что никогда не любилъ ничего рвать и разрушать; но постараюсь отвѣчать вамъ съ кротостію, смиреніемъ, скромностію, и отдамъ вамъ полную справедливость. А вы

увлеклись, вы забылись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, почтеннѣйшій Степанъ Алексѣевичъ, и мнѣ этого жаль!

„Начну съ того, что письмо ваше ко мнѣ представляетъ въ гражданствѣ, у насъ возникающемъ, явленіе утѣшительное: мы знакомы съ вами лѣтъ сорокъ, находились всегда въ отношеніяхъ хорошихъ, трудясь на разныхъ поприщахъ и не имѣя никакихъ столкновеній, мы сходились даже во многихъ воззрѣніяхъ и благожеланіяхъ. Я помню нашу первую встрѣчу: молодой кандидатъ, я былъ представленъ вамъ, какъ магистру или уже доктору, въ домѣ Медико-Хирургической Академіи, въ 1820 и 21 году, и вы, разсуждая о томъ, какъ не только между мірянами, но даже между духовными, теряется понятіе о смыслѣ разныхъ церковныхъ обрядовъ, привели въ примѣръ дьяконовъ, которые, послѣ *Господи, спаси благочестивые*, небрежно дѣлаютъ круговое движеніе рукою и произносятъ: *Нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ*. Это замѣчаніе заронило въ меня, молодого тогда человѣка, мысль заняться Исторіей Богослуженія. Послѣ, гораздо позднѣе, вы обратили мое вниманіе на прекрасное предисловіе къ Часовнику — видите, какъ я дорожу всѣми воспоминаніями, и какъ благодаренъ за всякое указаніе; но это мимоходомъ, мнѣ надо пояснить, почему ваше письмо я назвалъ явленіемъ утѣшительнымъ. Вотъ почему: вы рѣшились сказать, не обинуясь, человѣку, находившемуся съ вами въ хорошихъ отношеніяхъ, горькую по вашему правду, или по крайней мѣрѣ искреннее свое мнѣніе, совершенно противоположное, нисколько не стѣсняясь никакими обычными соображеніями. Вотъ, когда мы всѣ о всѣхъ вопросахъ, поднявшихся со дна нашей души, со дна нашего быта, въ настоящее многознаменательное для Европы и для Россіи время, будемъ говорить откровенно другъ съ другомъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, не смотря на лица, на званія, на родство, на кумовство, крестное братство, на власть и силу, не думая о томъ, что̀ скажетъ о насъ не только княгиня Марья Алексѣевна, но и самъ князь Марій Алексѣевичъ,

тогда и будетъ у насъ дѣлу успѣхъ. Правительство же одно, безъ нашей помощи, при всей своей дѣятельности, благонамѣренности и доброжелательствѣ, всего сдѣлать не можетъ, такъ какъ и не можетъ знать, что у насъ по угламъ и въ сердцахъ новое происходитъ. Нужды нѣтъ, что мы съ непривычки будемъ проговариваться, по неопытности ошибаться, по страсти увлекаться.—Русскій толкъ здоровъ, и во всякой наносной кучѣ питательное зерно отыщется. И такъ, мимо двухъ-трехъ непріятныхъ ощущеній, я радъ искренно вашему письму, почтеннѣйшій Степанъ Алексѣевичъ, какъ явленію утѣшительному.

„Теперь о содержаніи, и прежде всего выпишу, съ особеннымъ удовольствіемъ, дорогое, дѣльное и полезное замѣчаніе ваше,—а вы-то не хотѣли увидѣть ничего благонамѣреннаго въ моей статьѣ... Тсъ, слабость человѣческая, самолюбіе! Полно, полно, молчаніе!

„Вотъ это прекрасное мѣсто:—Мнѣ довелось быть, говорите вы, у обѣдни въ благотворительныхъ заведеніяхъ въ особенные царскіе дни, когда приглашаются въ церковь по билетамъ (?!) сановники и чиновники, почти всѣ съ звѣздами и въ лентахъ, или въ шитыхъ мундирахъ и крестахъ. Вотъ что обыкновенно происходитъ въ обширной церкви одного изъ этихъ заведеній. Средина ея, противу алтаря, здѣсь совершается торжественное Богослуженіе нашимъ архипастыремъ и митрополитомъ; по лѣвой сторонѣ храма, чинно и тихо стоятъ ряды воспитанницъ, которыхъ учатъ Закону Божію и благоговѣйному вниманію къ совершаемой Литургіи; онѣ это и исполняютъ. Съ правой стороны, въ особыя двери, входятъ звѣздоносные посѣтители, люди пожилые, почтенные. Вы надѣетесь, что они подадутъ собою юнымъ дѣтямъ примѣръ того, какъ стоять въ храмѣ Божіемъ? Нисколько.—Торжественная архіерейская служба началась, стройный хоръ благолѣпно повторяетъ призывную пѣснь: *Пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу.* Въ это время, и впродолженіе всей обѣдни, въ правой сторонѣ храма, отъ разговора присутствующихъ, образуется точно

шумъ пчелъ въ ульѣ; этотъ шумъ увеличивается въ храмѣ по мѣрѣ пріѣзда новыхъ лицъ, и они не совѣстятся своими пустыми разговорами мѣшать благоговѣнію Богослуженія".

Выписавъ это мѣсто изъ письма Маслова, Погодинъ восклицаетъ: „О! еслибъ я былъ на ту пору дьякономъ, какимъ громкимъ голосомъ, поднимая рукою орарь, произнесъ бы я молитву (?!): *Оглашенные изыдите, изыдите оглашенные, да никто отъ оглашенныхъ, елицы вѣрніи, паки и паки міромъ Господу помолимся*, — поникло-бъ главою пристыженное, блистательное собраніе!

„Но ни одинъ дьяконъ видно не огорчался, не оскорблялся, не возмущался его безчиніемъ! Въ томъ-то и бѣда наша, что всякое чувство живое, благородное, въ насъ замерло, и мы всѣ смотримъ сквозь пальцы, пропускаемъ мимо ушей, что̀ говорятъ и дѣлаютъ сильные и даже полусильные.

„Амвросій Медіоланскій не пустилъ въ церковь Ѳеодосія. Передъ папою Львомъ остановился бичъ Божій — Атилла. Что сказалъ въ Успенскомъ соборѣ Филиппъ митрополитъ въ глаза самому разъяренному тигру, Ивану Васильевичу?

„Я желаю духовенству значенія, силы, власти, кои пріобрѣтаются Просвѣщеніемъ, человѣколюбіемъ, заботливостію о благѣ народномъ.

„Не скажите мнѣ опять, что я требую ангельскихъ добродѣтелей—нѣтъ, человѣческаго достоинства сознаніе для меня вожделѣнно; я желаю, чтобъ священникъ въ церкви, профессоръ на каѳедрѣ, судья предъ зерцаломъ, чувствовали свое назначеніе, и исполняли свое дѣло; а у насъ только солдатъ на часахъ сколько-нибудь уважаетъ себя, а прочіе, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, стараются покла̀няться и шепотомъ проговорить съ безсмертнымъ Кутейкинымъ фонъ-Визина: *Азъ есмь червь, а не человѣкъ, поношеніе человѣковъ и униженіе людей.*

„Продолжаю выписывать ваши слова:—Въ церкви другаго благотворительнаго заведенія, послѣ Литургіи, нашъ архипастырь, замѣчательнѣйшій витія, для котораго можно издали

пріѣхать, чтобы послушать его, самъ говорилъ проповѣдь, и что же? Вмѣсто тихаго, приличнаго вниманія, едва въ четвертомъ ряду отъ налоя, можно было разслушать слова его отъ такого же точно жужжанія разговаривающихъ лентоносцевъ и крестоносцевъ. Это и ежегодно повторяется во свидѣтельство, что мы не умѣемъ прилично стоять въ церкви, а кажется мудрость невелика. Тебѣ, вмѣсто вниманія къ Богослуженію и проповѣди, хочется говорить съ кѣмъ-нибудь, ну, выйди изъ церкви и не мѣшай другимъ.

„Въ заключеніе вы говорите:—Такъ не будемъ же винить простой народъ въ тѣсномъ храмѣ Троицкаго собора, что для него, по временамъ, нужны служители, но безъ отвратительнаго вашего имени башибузуковъ, когда мы сами не умѣемъ подать народу примѣра, какъ должно стоять въ церкви.

„Въ статьѣ своей я и не думалъ винить простой народъ (съ чего вы это взяли?), а выражалъ сожалѣніе, что не учреждается порядокъ безъ помощи башибузуковъ.

„Какъ ни противно вамъ это названіе, но я особенно дорожу имъ, потому что нельзя вѣрнѣе и точнѣе опредѣлить значеніе этихъ отчаянныхъ рыцарей.

„Въ остальныхъ частяхъ вашего письма вы совершенно соглашаетесь со мною, не смотря на видимое противорѣчіе, и подтверждаете мои положенія, хотя они и приводятъ васъ къ другимъ замѣчаніямъ, очень страннымъ впрочемъ образомъ.

„Я говорю, что въ церкви тѣсно,—и вы говорите, что въ церкви тѣсно.

„Я говорю, что передъ мощами бываетъ толкотня, и вы говорите, что передъ мощами бываетъ толкотня.

„Я говорю, что молебны служатся часто безчувственно, и вы говорите то же.

„Я говорю, что чувство благочестивое Русскаго народа умилительно и достойно всякаго почтенія, и вы говорите то же.

„Я говорю, что Библіотеку описать нужно, и вы говорите тоже.

„Съ чѣмъ же вы собственно не согласны?

„Однимъ словомъ, основанія у насъ одни и тѣ же, а заключенія, объясненія, какъ я сказалъ, различныя: вы ищите затрудненій, гдѣ я указываю на облегченія. Разберемъ теперь заключенія.

„Тѣсно, такъ надо сдѣлать просторъ, и переносить святыя мощи на время въ другой обширный храмъ, говорю я; а вы говорите: тѣсно, но нельзя раздвигать стѣны.

„Толкотнô, такъ надо устроить круговой обходъ, говорю я; а вы говорите, что нельзя простому народу не толкаться, и что въ Іерусалимѣ толкаются, а въ Москвѣ даже звѣздоносцы стоятъ въ церкви неблагочинно.

„Не могутъ служить сряду много молебновъ одни и тѣ же лица, говорю я, и надо поставить особыхъ священниковъ; а вы говорите, что нынѣшніе служители не могутъ, даже по моему признанію, служить иначе.

„Библіотека не описана, говорю я; да и Сѵнодальная не описана, говорите вы, потому что описывать трудно.

„Надо учить простой народъ и проповѣдывать ему, говорю я; а вы говорите, что онъ самъ проповѣдуетъ лучше всѣхъ.

„Воля ваша, а въ этихъ объясненіяхъ и возраженіяхъ нѣтъ логической связи.

„Вы говорите, что вамъ грустно было читать во всѣхъ моихъ замѣчаніяхъ постоянное проявленіе какого-то недовольнаго чувства.

„Ну да, недовольнаго чувства, произведеннаго во мнѣ всею дорогою. Оно, разумѣется, дало тонъ и всей статьѣ: я брался не панегирикъ писать, для котораго много найдется охотниковъ, а указать недостатки, какъ они мнѣ въ разныя времена представлялись, дабы они, для общей пользы, были исправлены.

„Вы продолжаете:... недовольнаго чувства, иногда выраженнаго такъ, что совѣстно читать.

„Хорошо, что вы указали, что именно совѣстно вамъ читать, напримѣръ о мощахъ Преподобнаго Сергія: онѣ по-

мѣщаются въ углу тѣсной церкви за рѣшеткою! — Я рѣшительно недоумѣваю, что̀ же здѣсь совѣстно прочесть.

„Вы заключаете тираду патетическимъ обращеніемъ ко мнѣ: — Будьте сами добросовѣстнымъ судьею самого себя и скажите, есть ли лучшее мѣсто въ соборѣ? Да помилуйте! Развѣ я говорилъ, что-нибудь о мѣстѣ? Что благоговѣйно священное мѣсто, я съ восторгомъ до сихъ поръ вспоминаю превосходное его описаніе въ одной изъ проповѣдей митрополита Филарета.

„Описаніе тѣсноты вамъ не нравится. Я готовъ согласиться, что слово операція лучше-бъ замѣнить другимъ: я употребилъ его въ смыслѣ всякаго труднаго дѣйствія. Въ черновой тетради моей было сказано, что къ мощамъ иногда идутъ какъ на штурмъ, и прикладываются съ бою. Каково бываетъ женщинамъ въ легкихъ платьяхъ совершать эту операцію. Послѣднюю мысль—говорите вы—отдаю суду совѣсти вашей.— Ей Богу, не понимаю, что̀ вы разумѣли подъ послѣднею мыслію, и что̀ должна судить здѣсь моя совѣсть.

„Описаніе, какъ служатъ молебны, исполнено такимъ цинизмомъ,—говорите вы,—что вы не можете читать его безъ грустнаго чувства. А прослушать такой молебенъ вы можете, и цинизма не находите? Вотъ то-то и бѣда, что васъ оскорбляютъ гораздо больше слова, чѣмъ вещи. Дѣлайте, что угодно, но не говорите! Вотъ что̀ производитъ во мнѣ грусть, вотъ что̀ поднимаетъ мою желчъ... Но, тсъ, молчаніе! Опять остановлюсь, чтобъ не измѣнить тона моего отвѣта, и повинюсь предъ вами въ рѣзкости нѣкоторыхъ выраженій!

„Вамъ было хорошо по дорогѣ и на мѣстѣ, и вы выражаете свое удовольствіе. Но вы *со звѣздою путешествуете*, а сабеизмъ развитъ у васъ сильнѣе, чѣмъ между Халдейцами. А я противопоставляю вамъ другаго свидѣтеля, моего писаря, который ходитъ всякій годъ къ Троицѣ. Я спрашивалъ его: правду ли я написалъ? Мало и слабо,—отвѣчалъ онъ. И точно—у меня осталось много другихъ лоскутковъ (а теперь получилъ я много новыхъ разсказовъ), но я не хотѣлъ ка-

саться ни до чего, кромѣ общихъ вопросовъ, и вы не оцѣнили моего умолчанія, равно какъ и *Неизвѣстный*.

„Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ,—говорите вы,—отстраняясь отъ бесѣды, отъ предметовъ духовныхъ. Вы не такъ понимаете значеніе этой пословицы, почтеннѣйшій Степанъ Алексѣевичъ; она относится до отношеній монаховъ между собою, а не между мірянами; монахъ, придя въ чужой монастырь, долженъ подчиняться его уставу, а не поступать по-своему, вставать въ извѣстный часъ, идти на службу и т. п. Троицкій монастырь принадлежитъ мнѣ, какъ и всякому русскому, одинаково, какъ Кремль, Кіевскія пещеры, та или другая пустыня. Мы должны всѣ принимать живое участіе въ ихъ судьбѣ и желать имъ всевозможнаго благосостоянія. Съ этою цѣлію я и написалъ свою статью.

„Начавъ комедіей, кончу баснею: Крыловъ познакомилъ насъ съ однимъ *Любопытнымъ*, который, въ Музеѣ Натуральной Исторіи, среди мошекъ, мушекъ и букашекъ, не замѣтилъ слона.

„Въ началѣ своей статьи я сказалъ: Жизнь приняла теперь такую форму, и обстоятельства сдѣлались столь мудрены и сложны, что одному человѣку, какія бы геніальныя способности ни имѣлъ онъ, нѣтъ уже физической возможности ни въ какомъ дѣлѣ все увидѣть, вездѣ поспѣть, все сообразить, придумать, предотвратить.

„Въ этомъ смыслѣ я говорилъ обо всѣхъ сословіяхъ, обо всѣхъ начальствахъ и обо всѣхъ дѣлахъ и управленіяхъ.

„Представимъ себѣ, для примѣра, человѣка съ умомъ самымъ глубокимъ и самымъ высокимъ, съ дѣятельностію неутомимою, съ благонамѣренностію неограниченною, съ опытностію безпримѣрною, съ познаніями многообразными,—чего же лучше? А между тѣмъ, и такой человѣкъ въ наше время оказывается недостаточнымъ для всѣхъ проявленій волнующейся жизни. Это нужно было доказать осязательно.

„Но много ли бываетъ такихъ? Представьте себѣ противоположныя качества, кои всегда встрѣчаются чаще. Какое же заключеніе слѣдуетъ въ силлогизмѣ?

„Необходимо вездѣ возвращаться въ Петровской коллегіальности и пользоваться новѣйшею гласностью.

Слона-то я и не примѣтилъ!

LXXI.

Еще до письма Маслова и до возраженія на оное, Погодинъ, въ своихъ *Современныхъ Замѣткахъ*, заявилъ, что „радъ былъ бы, еслибъ оказалось все въ его статейкѣ, хотя современемъ, несправедливымъ, обветшавшимъ; — впрочемъ я не былъ въ Лаврѣ уже давно, и многое, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ уже учредилось“.

Воспользовавшись этимъ заявленіемъ, Масловъ написалъ Погодину второе письмо, въ которомъ читаемъ: „Сознаніе своихъ недосмотровъ и ошибокъ изгладитъ впечатлѣніе, какое произвела статья ваша на тѣхъ многихъ, отъ которыхъ вы получили подтвержденіе вашихъ несправедливыхъ острот? Это предоставляю суду вашего собственнаго сознанія. Съ своей стороны, я только подтвержу все то, что вы уже, послѣ напечатанія въ *Русской Газетѣ* вашихъ *Замѣтокъ*, мимолетно слышали о школѣ грамотности для бѣдныхъ, о школѣ иконописи, о призрѣніи немощныхъ и больныхъ, объ обычаѣ кормить нищихъ и богомольцевъ и пр.

„Чтобъ оцѣнить вполнѣ эти заведенія, устроенныя при Лаврѣ Св. Сергія, со времени вступленія въ нее настоящаго намѣстника архимандрита Антонія, надо сказать, въ какомъ положеніи былъ монастырь при его вступленіи. Вѣковыя его стѣны и громадныя башни, пустыя и безполезныя, отъ времени, приближались къ разрушенію. Поправки ихъ по сдѣланной архитекторской смѣтѣ требовали болѣе 1.200.000 руб. асс. О тагдашней монашеской жизни я ничего не знаю, но слышалъ, что отношеніе посадскаго населенія къ монастырю было какое-то напряженное и чѣмъ-то разъединенное.—Скончался намѣстникъ; надо было избрать другого, который имѣлъ

бы всѣ качества, нужныя для управленія столь обширнымъ и столь многочисленнымъ своею братіею монастыремъ. Выборъ нелегкій! Вы теперь узнаете, какъ и во чье имя совершилось это избраніе.

„Года за два или за три предъ тѣмъ, проходилъ черезъ Москву инокъ Саровской пустыни, послушникъ прославленнаго уже своею необыкновенною жизнію старца Серафима. Онъ тогда былъ ихъ іеромонахомъ, настоятелемъ Высокогорской пустыны, жившей по чину Саровской. Инокъ явился къ преосвященнѣйшему митрополиту и архимандриту Лавры, чтобъ принять его благословеніе, и вѣроятно разсказалъ ему, что онъ жилъ и воспитанъ былъ до 17 или 18 лѣтъ въ одномъ извѣстномъ аристократическомъ семействѣ и потомъ, по внутреннему влеченію, пошелъ, съ позволенія своего благодѣтеля князя Грузинскаго, въ Саровскую пустынь, гдѣ болѣе 15 лѣтъ, подъ руководствомъ отца Серафима, проходилъ разныя послушанія практической монашеской жизни. Преосвященнѣйшій Филаретъ, въ минуты избранія себѣ намѣстника, вспомнилъ о приходившемъ къ нему Саровскомъ инокѣ, именемъ Преподобнаго Сергія вызвалъ его на принятіе сана намѣстника Лавры. Вступивъ въ это званіе, онъ болѣе 20 лѣтъ исполняетъ его подъ руководствомъ архипастыря, и вотъ, что̀ съ того времени сдѣлано въ Лаврѣ.

„Стѣны и пустыя башни монастыря не только, мало-помалу, всѣ исправлены, но обращены въ жилыя строенія. Прежде всего отдѣлана большая угольная, съ пріѣзда изъ Москвы, и въ ней сдѣланы три этажа для помѣщенія бѣдныхъ сиротъ посадскихъ и постороннихъ, съ спальнями на сто человѣкъ и съ классами, гдѣ ихъ учатъ читать, писать, Закону Божію и прямолинейному черченію. Арки толстыхъ монастырскихъ стѣнъ задѣланы спереди каменными же стѣнами и тамъ помѣщаются теперь разныя мастерскія, необходимыя для поддержки монастырскихъ строеній. Ученикамъ школы, прежде всего, было внушено исполненіе пятой заповѣди Божіей, такъ, чтобы сынъ не смѣлъ стоять передъ

отцемъ въ шляпѣ или шапкѣ, когда отецъ или мать съ нимъ говорятъ, или не смѣлъ бы сидѣть передъ ними, когда они, или старшіе въ домѣ, начнутъ говорить ему стоя. Сначала отцы этого не замѣчали, но потомъ узнали отъ дѣтей, что имъ такъ приказано отъ отца намѣстника. Это имѣло самое благотворное вліяніе на уменьшеніе напряженнаго отношенія посадскихъ къ монастырю. Теперь они почитаютъ его своимъ благодѣтелемъ, что весьма естественно и вотъ почему. Изъ мальчиковъ, по времени, кажется, съ 1830 года, образованъ хоръ пѣвчихъ, своими альтами и дишкантами, дополняющій хоръ монашескій. Для множества богомольцевъ образа грубой работы, раздаваемые при особыхъ молебнахъ, выписывались изъ Суздаля. Просвѣщенный отецъ-намѣстникъ призналъ необходимымъ завести въ монастырѣ правильную *школу иконописи;* выстроилъ для того особенную свѣтлую и обширную залу, и эта школа сдѣлалась едва-ли не самою лучшею школою иконописи въ Россіи. Работами ея украшены иконостасы Тверскаго, Рождественскаго и Ипатьевскаго, Костромскаго монастырей, которые я самъ видѣлъ лѣтомъ нынѣшняго года. Войдите въ нее и, какъ археологъ, какъ знатокъ и Греческаго, и Строгоновскаго, и Суздальскаго пошибовъ, порадуйтесь усовершенствованію нашей иконописи; взгляните и на изобрѣтеніе этой же школы: чеканить золотые фоны, или поля въ иконахъ, вмѣсто окладовъ; это изобрѣтеніе принадлежитъ штатному служкѣ, скромному художнику Малышеву. Въ мастерской этой школы я видѣлъ множество заказовъ для самыхъ отдаленныхъ монастырей, для Сибирскихъ церквей и даже для царской фамиліи. Въ школѣ вы увидите, что болѣе 40 мастеровъ и учениковъ; послѣдніе учатся рисунку съ эстамповъ и бюстовъ. Къ устройству этой школы очень много соосйствовалъ іеромонахъ Симеонъ, самъ художникъ-иконописецъ. Теперь школа раздѣлена на два отдѣленія: на *мастерскую* подъ надзоромъ *Малышева,* гдѣ пишутся и чеканются иконы по заказамъ, и собственно на *школу,* для которой устроена особая зала и гдѣ до 40 уче-

никовъ занимаются подъ руководствомъ и надзоромъ *отца Симеона*. Вы конечно будете удивлены превосходною живописью иконъ, небольшого размѣра и на *папье-маше*, или на картонной, особенно для того приготовленной, бумагѣ. Этого вы нигдѣ еще не видали, и едва-ли увидите гдѣ, кромѣ Лавры. Изъ Школы вышло много учениковъ, дѣтей посадскихъ; многіе изъ нихъ сдѣлались стѣнными иконописцами въ церквахъ; другіе у себя по домамъ пишутъ образа. Отецъ-намѣстникъ съ сожалѣніемъ говорилъ мнѣ, что нѣкоторые отцы на даютъ дѣтямъ доучиться въ Школѣ, какъ слѣдуетъ, а берутъ ихъ къ себѣ, чтобы изготовляли образа на продажу богомольцамъ, хотя подешевле, но поскорѣе и побольше. Разумѣется, что это желаніе грубаго разсчета не всегда будетъ удовлетворяемо; но въ началѣ надо было ему снисходить.

„Вмѣстѣ съ Иконописною Школою, въ особомъ помѣщеніи, для того выстроенномъ, заведена *Литографія*, весьма удовлетворительная по искусству. Виды Лавры со всѣхъ сторонъ, рисунки съ нѣкоторыхъ священныхъ древностей сдѣланы въ этой Литографіи и продаются богомольцамъ. Но чтò меня истинно удивило, это высокое *искусство рѣзьбы* миніатюрныхъ образовъ *изъ кипариса и кости*. Этому искусству положилъ начало тотъ же скромный художникъ Малышевъ, обративъ на него вниманіе трехъ братьевъ посадскихъ мѣщанъ *Цырюльниковыхъ*, прежде вырѣзывавшихъ грубыя игрушки; домъ ихъ противъ почтовой станціи. Зайдите къ нимъ, полюбуйтесь ихъ работами, ихъ произведенія были бы замѣчательны и въ вашемъ Археологическомъ Музеѣ, а притомъ они доступны всякому по цѣнѣ своей. Такими кипарисными работами многіе уже занимаются и въ монастырѣ, и въ посадѣ. Спрашиваю васъ по совѣсти, справедливы ли вы, не упомянувъ ни слова въ вашихъ замѣткахъ объ этихъ заведеніяхъ, благотворныхъ и для монастыря, и для посада, и для бѣдныхъ сиротъ, подготовляющихся въ Школѣ грамотности къ разнымъ мастерствамъ, съ цѣлію снискивать честно хлѣбъ своими тру-

дами и своимъ искусствомъ? — Признаюсь, не вѣрю вашему слову, напечатанному послѣ слуха о постороннихъ замѣткахъ, что вы видѣли это Училище иконописи. Если жъ дѣйствительно видѣли и умолчали и объ немъ и объ Литографіи, съ нимъ соединенной, и о рѣзной работѣ изъ кипариса, рядомъ съ ними производимой, то объясняйте это сами, а я не берусь.

„При множествѣ богомольцевъ немудрено кому-нибудь и занемочь. Для подаянія имъ помощи *устроена отъ монастыря Больница.* При ней есть врачъ, лекарства отпускаются больнымъ безденежно изъ монастырской Аптеки. Смежно съ Больницею устроена и *Богадѣльня съ церковію* для престарѣлыхъ и недужныхъ женщинъ и поручена надзору благочестивой княжны Ц. Врачемъ этой Больницы былъ долго іеромонахъ Анастасій, получившій право пользовать больныхъ отъ Университета, тотъ самый, котораго Лавра послала въ Севастополь помогать раненымъ, который одинъ имѣлъ на рукахъ палату до 400 страждущихъ и былъ въ одно время и ихъ духовникомъ, и врачемъ, и тамъ положилъ жизнь свою на великомъ подвигѣ человѣколюбія. Замѣчателенъ въ Лаврѣ и самый порядокъ леченія занемогшихъ. По принятіи ихъ въ Больницу, прежде очищаютъ ихъ тѣло въ ваннѣ, или банѣ и даютъ имъ чистое бѣлье, потомъ исповѣдаютъ и пріобщаютъ Св. Таинъ, и потомъ уже приступаютъ къ леченію недуговъ. Выздоравливающіе ежедневно могутъ слушать въ больничной церкви службу Божественную. По выздоровленіи, бѣдныхъ снабжаютъ одеждою и даютъ денежное вспоможеніе для возвращенія на родину. Страждущихъ продолжительною болѣзнію пріобщаютъ Св. Таинъ еженедѣльно, опасно больныхъ чрезъ три дня, и совершаютъ елеосвященіе, умершихъ погребаютъ и поминаютъ въ теченіе шести недѣль. Еслибъ вы все это видѣли и знали, неужели это одно не заставило бы васъ удержаться отъ многихъ замѣчаній, оскорбительныхъ для Лавры Св. Сергія? Съ христіанскимъ чувствомъ вы, конечно, нашли бы этотъ порядокъ леченія въ

высшей степени разумнымъ и приличнымъ монастырской Больницѣ для богомольцевъ.

„Въ монастырѣ возобновлено исполненіе завѣщанія св. Сергія, *кормить ежедневно нищихъ и богомольцевъ.* Для этого подъ трапезною церковію устроена и кухня и столовая. Обѣдающихъ бываетъ лѣтомъ до тысячи человѣкъ въ день. Пища такая, что мнѣ неоднократно приносили ее въ постные дни и я совершенно былъ ею сытъ и доволенъ.

„Признаюсь, что при этомъ не разъ приходила мнѣ мысль: если монастырь ежедневно кормитъ нищихъ, то на что же они просятъ милостыню? Положимъ, что между нищими есть слѣпые и калѣки, но сколько же здоровыхъ и притомъ изъ жителей посадскихъ, особенно женскаго пола.

„Въ Петербургѣ есть Демидовскій Домъ *для просящихъ милостыни*; я осматривалъ это заведеніе, оно вполнѣ достигаетъ цѣли христіанскаго благотворенія и превосходно устрено. Вы хотите накормить 1, 5, 10, 20, 100 нищихъ, берете столько же билетовъ, кажется, копейки по четыре каждый и раздаете нищимъ. Съ этимъ билетомъ они приходятъ въ кухню и получаютъ порцію щей съ говядиной, или постныхъ со снятками, и порцію каши съ масломъ, но такія, что, по словамъ получавшихъ, ихъ достаточно двумъ на обѣдъ. Если бы подобная милостыня заведена была и въ монастырѣ, то богомольцамъ не было бы нужды раздавать нищимъ денегъ по рукамъ, а давать имъ билеты для пропитанія, внося деньги въ кружку монастырскую.—Но повторю то, что̀ сказалъ въ началѣ: Съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ, хотя монастыри не отвергаютъ добрыхъ желаній, а потому передаю здѣсь и мое замѣчаніе о томъ, какъ кормятъ нищихъ въ Демидовскомъ Домѣ. Если это удобнѣе и можетъ пресѣчь злоупотребленія попрошаекъ, а вмѣстѣ облегчить и христіанское благотвореніе безъ укоризны совѣсти, въ дурномъ его употребленіи, то почему же не воспользоваться лучшимъ порядкомъ для милостыни.

„Все, что̀ вы сказали о монастырской гостинницѣ несо-

образно съ настоящимъ ея положеніемъ. Она содержится чисто, вы имѣете въ ней пріютъ безплатно, кромѣ добровольной подачи въ кружку. — Перейти отъ гостинницы до аллеи, что подлѣ стѣны монастырской, нѣсколько саженъ мощенныхъ, потомъ вы идете до монастыря по набитымъ щебнемъ садовымъ дорожкамъ, слѣдовательно, не въ грязи. Площадь передъ монастыремъ, гдѣ бываетъ посадскій рынокъ и торгъ, вымощена. Мелкихъ лавченокъ и навѣсовъ, прежде на ней бывшихъ, теперь нѣтъ, они замѣнены каменными, подлѣ стѣны, ближайшей къ въѣзду изъ Москвы. Земля позади монастыря обнесена каменною оградою и тамъ разбитъ садъ съ цвѣтниками. А сколько сдѣлано новыхъ въ монастырѣ и внѣ его каменныхъ построекъ, имѣющихъ умное и благотворительное назначеніе, это васъ порадовало бы, еслибъ вы ихъ видѣли. Притомъ вы, конечно, бывали въ Виѳаніи. Туда осенью и весною была почти непроѣзжая отъ грязи дорога. Теперь двѣ трети этой дороги вымощены на счетъ монастыря до скита. Дома посадскихъ жителей по обѣимъ сторонамъ этой дороги получили оттого высшую цѣнность и удобство сообщенія съ монастыремъ. Это истинное благодѣяніе для жителей. И чѣмъ же все это дѣлается теперь, когда однѣ стѣны и башни монастыря за нѣсколько лѣтъ, какъ я сказалъ, требовали 1.200,000 рублей для ихъ поправки? Это дѣлается усердными вкладами, вслѣдствіе нагляднаго убѣжденія посѣтителей въ добромъ ихъ употребленіи и вслѣдствіе открытой народной проповѣди о святыни Лавры и о просвѣщенной и благочестивой попечительности ея предстоятелей, дабы она соотвѣтствовала высокому назначенію, какое указано ей Преподобнымъ Сергіемъ, и какое она имѣла въ исторической жизни нашего Отечества.—Хорошо, что о скитѣ и его подземныхъ пещерахъ вы упомянули слегка, хотя въ томъ же духѣ и тонѣ, какимъ проникнута и вся ваша статья, а потому я и не останавливаюсь на этомъ предметѣ, зная Исторію этого скита, который возникъ и устроился при моихъ ежегодныхъ сюда пріѣздахъ.—Поберегитесь и объ немъ говорить,

не вникнувши во внутренній смыслъ этого учрежденія, подлѣ открытой для всѣхъ богомольцевъ Лавры. Это мѣсто уединенія, мѣсто молитвы безъ развлеченія, неизбѣжнаго въ многолюдствѣ.

„Въ религіозномъ воспитаніи народа Русскаго, монастыри тоже, что университеты для наукъ, необходимыхъ въ гражданской жизни. Вамъ извѣстно, что заграничные даже университеты славятся нерѣдко однимъ знаменитымъ профессоромъ, какъ, напримѣръ, Стокгольмская Академія славилась Верцеліусомъ, даже Геттингенскій, Берлинскій и Іенскій, по временамъ славились немногими первоклассными профессорами, привлекавшими къ себѣ слушателей изъ дальнихъ странъ; прочіе были вполнѣ ординарные труженики науки, съ своими недостатками, несовершенствами, какихъ нечужды, думаю, и многіе изъ нашихъ. Требовать, чтобы всѣ были первоклассныя знаменитости, такое требованіе было бы неисполнимо, хотя всякому члену университета открыто поприще къ труду, чести и славѣ. Не будемъ же требовать разумнымъ образомъ, чтобы и въ религіозныхъ нашихъ университетахъ, всѣ члены ихъ были образцами тѣхъ высокихъ добродѣтелей и святости, какими украшались ихъ основатели, или по временамъ проявлявшіеся, ихъ достойные преемники. Наука самоотверженія и жизни чистой, угодной Богу, нелегко достается; а потому, если въ какомъ-нибудь монастырѣ, вы узнаете одного, двухъ, или трехъ профессоровъ этой науки, а въ другихъ членахъ увидите только ихъ помощниковъ, или адъюнктовъ и лекторовъ, въ общемъ стройномъ порядкѣ, сильно дѣйствующемъ на приходящихъ, — то поблагодаримъ Бога, что есть гдѣ и у кого поучиться народу практической, благочестивой жизни, не требуя отъ всѣхъ входящихъ въ составъ монастыря, или университета — профессорскаго совершенства. — Хорошо желать его и себѣ и другимъ, даже постараться содѣйствовать тому добрымъ словомъ и примѣромъ, но не будемъ чрезъ мѣру взыскательны, когда видимъ, что университетъ процвѣтаетъ и число учащихся въ немъ увели-

чивается уже съ каждымъ годомъ во свидѣтельство добраго преподаванія.

„Письмо мое вышло изъ рамки. Кто прочтетъ его и повѣритъ сказанное въ немъ на самомъ дѣлѣ, тотъ съ безпристрастнымъ и разумнымъ вниманіемъ замѣтитъ и еще въ Сергіевской Лаврѣ много, много такого, что̀ достойно общаго уваженія и благодарности къ ея предстоятелямъ и попечителямъ.

„Надѣюсь, товарищъ, что вы не посѣтуете на мои замѣчанія и не примите ихъ за вызовъ на борьбу, для потѣхи и посмѣшища другимъ. Для этого и безъ насъ довольно примѣровъ".

Редакторъ *Русской Газеты* доставилъ Погодину окончаніе возраженій Маслова въ корректурѣ и получилъ отъ перваго слѣдующій отвѣтъ: „Очень благодаренъ за прекрасныя свѣдѣнія, сообщенныя С. А. Масловымъ. Очень радъ, что моя статья подала поводъ къ ихъ оглашенію. Любознательные путешественники посѣтятъ теперь и Трапезу, и Больницу, и Училище, и благословятъ доброе дѣло. Искренно сожалѣю, если моя статья оскорбила и огорчила кого-нибудь изъ обитателей Лавры, и смиренно прошу у нихъ прощенія, какъ просилъ и прежде. Я писалъ съ добрымъ намѣреніемъ, надѣясь, что мнѣ скажутъ спасибо за сдѣланныя указанія, а главное, я имѣлъ намѣреніе, что̀ замѣтилъ и въ первомъ своемъ отвѣтѣ, представить осязательное доказательство, какъ необходима намъ вездѣ коллегіальность и гласность. Эту мою главную мысль пропустили безъ вниманія, и обратились къ частностямъ. Пусть перечтутъ мои статьи sine ira et studio, и увидятъ, что собственно я сказалъ только: прикладываться неудобно, молебны нужно преобразовать, Ризницу и Библіотеку открыть, церковь растворить на день и на ночь, воспользоваться расположеніемъ благочестивымъ для поученія — вотъ и все! И что же, развѣ это не правда? Я не касался до частностей и подробностей, и никогда не коснусь. За что же вы нападаете? Выразился рѣзко! Виноватъ".

LXXII.

Не одинъ Масловъ возсталъ противъ Погодина. Противъ него возстали: и *Неизвѣстный*, и лаврскій благочинный соборный іеромонахъ Иларій, и даже крестьяне.

Неизвѣстный писалъ: „Статья М. П. Погодина *Троицкая дорога* возбудила много толковъ. Цѣну своихъ замѣтокъ онъ ослабилъ тѣмъ, что старыя воспоминанія выдалъ за новыя впечатлѣнія и помѣстилъ много упрековъ въ такихъ недостаткахъ, которые не существуютъ.

„Гостинница лаврская содержится теперь весьма чисто, что засвидѣтельствуютъ всѣ пріѣзжающіе; столъ въ ней можно найти очень хорошій—это говорятъ и люди прихотливые. Площадь передъ гостинницей до Лавры вымощена и еженедѣльно метется и чистится. Если въ самую грязную погоду пройдти изъ гостинницы до Лавры, — то едва останется слѣдъ на калошахъ. Лавки съ площади всѣ снесены и устроены очень прилично. Соборъ Троицкій, гдѣ почиваютъ мощи Угодника Сергія, бываетъ отпертъ цѣлый день, и желающіе всегда могутъ приложиться къ мощамъ и отслужить молебенъ. Къ чему разсказывать сказки, подобныя сказкѣ о женщинѣ съ холстомъ, — не знаю. Она очевидно ложь, а между тѣмъ, бросаетъ тѣнь на братію Лаврскую.

„Говоря объ Лаврѣ Сергіевой, какъ не упомянуть о тѣхъ благотворительныхъ заведеніяхъ, какія она содержитъ, о Домѣ призрѣнія, гдѣ содержится болѣе ста старухъ, гдѣ открыта безплатная Больница для бѣдныхъ женскаго пола. Грѣшно не упомянуть о Школѣ, гдѣ Лавра своею братіею учитъ болѣе двухсотъ мальчиковъ простаго званія, безъ платы, и половину содержитъ на своемъ иждивеніи, о тѣхъ многочисленныхъ художественныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ, гдѣ сироты пріучаются заработывать себѣ насущный хлѣбъ честнымъ трудомъ. Какъ не сказать о Страннопріимномъ Домѣ,

гдѣ ежедневно питается всякій приходящій, хотя бы такихъ было нѣсколько тысячь, что для богомольцевъ изъ мужчинъ есть въ Странноприимномъ Домѣ пріютъ, а для женщинъ— въ Домѣ призрѣнія. Какъ было не узнать и того, что въ Больницѣ въ монастырѣ врачуются бѣдные больные, а въ минувшую войну перебывали въ ней сотни солдатъ больныхъ, не только врачуемыхъ безплатно, но и награждаемыхъ при выздоровленіи. Правда, недостатки бросаются въ глаза, а добро любитъ скрываться. Можетъ быть, еслибы М. П. Погодинъ изучилъ хорошенько всѣхъ иночествующихъ въ Лаврѣ, онъ не сказалъ бы, что монашество переживаетъ себя. Онъ жалуется на недостатокъ описаній Лавры. Но что же дѣлать, если онъ, профессоръ Русской Исторіи и академикъ, съ юности интересовавшійся могилой Годунова, не прочелъ доселѣ, ни въ надгробной надписи Годунова, ни въ Мѣсяцесловѣ Сергіевой Лавры того, что память Годунова совершается въ Лаврѣ 1-го мая, а не 13-го апрѣля, на которое онъ сзываетъ всѣхъ! Въ надгробной надписи Годунова сказано: „Мая въ 1-й день, преставися Царь Борисъ Ѳеодоровичъ“. Одно это указаніе, несогласное съ лѣтописями, могло бы привести М. П. Погодина къ тому, чтобы узнать, когда совершается память Годунова. Есть добрые совѣты и желанія у М. П. Погодина, но иногда онъ пускается въ самыя наивныя идилліи. Кто защититъ отъ скотины клумбы цвѣтовъ, разсаженныхъ по дорогѣ? Какое начальство пошлетъ молодыхъ людей, неимѣющихъ священнаго сана, въ Мытищи, гдѣ будутъ разряженныя дѣвки, съ веселыми хороводами и пѣснями? Сказаніе о томъ, что три тома Исторіи Лавры не пропущены въ печать потому, что питаютъ пустое любопытство, принадлежитъ къ области тѣхъ же сказокъ, какъ и сказаніе о бабѣ съ холстомъ. Слушать академическія лекціи не приходило еще въ голову богомольцамъ, какъ не приходило имъ въ голову слушать и университетскія, даже когда читались публичныя лекціи. Что бы справиться М. П. Погодину о томъ, что въ Странноприимной, для простаго народа, во время

обѣда, читается и житіе Преподобнаго Сергія и житія другихъ святыхъ? Не понимаемъ, какъ могло непріятно поразить человѣка, настаивающаго на то, чтобы выставлять на показъ всѣ нравственныя язвы общества, то обстоятельство, что выставляются на показъ язвы тѣлесныя? Это физическая гласность,—слабый образчикъ гласной нравственности. Духовенство смотритъ на язвы физическія, не смущаясь, не волнуясь негодованіемъ. Передъ нимъ раскрыты самыя глубокія, самыя неисцѣлимыя язвы всего Русскаго народа Православнаго, начиная съ высшихъ лицъ, до послѣдняго бѣднаго нищаго. Оно врачуетъ ихъ таинствомъ покаянія, не выставляя врачуемаго на поруганіе всего свѣта. Теперь врачуемые стали часто повторять: *врачу, исцѣлися самъ*! и на весь міръ говорятъ о немощахъ врачей своихъ, показываютъ ихъ язвы. Пусть такъ! только бы это происходило отъ желанія здравія, а не для одного только поруганія. Когда хотятъ лечить болѣзнь, когда врачъ съ полною любовію и вниманіемъ хочетъ употребить свое искусство для излеченія ея, сообразно ли съ здравымъ смысломъ обманывать его, и изъ ложнаго стыда, увѣрять въ своемъ здоровьѣ, или открывать только часть болѣзней? Пожалуй, тамъ, гдѣ нужно бы вырѣзать больное мѣсто, только приложатъ пластырь; рану затянетъ, но болѣзнь войдетъ внутрь и разрушитъ весь организмъ. Теперь, когда высшее начальство обратило заботливое вниманіе на исправленіе недостатковъ образованія духовенства, долгъ всякаго истиннаго сына Церкви обнаружить его немощи. Съ любовію принимая эти обличенія, духовенство засвидѣтельствуетъ этимъ, что ему непріятна его болѣзнь, что оно желаетъ освободиться отъ нея. Но вотъ опасность: если сверху смотрѣть, болѣзнь покажется слишкомъ малою, если снизу—глазами мірянъ, то слишкомъ великою. Въ томъ и другомъ случаѣ можетъ случиться вредъ; въ-первомъ, только залѣчутъ рану, во-второмъ, дадутъ такое сильное лѣкарство, которое разстроитъ здоровье. Потому надобно желать, чтобы къ самимъ больнымъ обратились съ вопросомъ объ ихъ бо-

лѣзни. Ихъ собственныя показанія, дополненныя взглядами сверху и снизу, гораздо яснѣе показали бы, что̀ за болѣзнь и отчего она приключилась“.

Погодинъ отвѣчалъ *Неизвѣстному*. „Вы говорите“,—писалъ онъ,—„что много въ монастырѣ было точно такъ, какъ я написалъ, а теперь исправлено. Прекрасно! Вамъ оставалось опредѣлить именно, что̀ исправлено, и когда: напримѣръ, теперь можно-де идти къ мощамъ не такъ какъ на штурмъ, и теперь прикладываются не съ бою, молебны служатся безъ различія для богатыхъ и бѣдныхъ, Ризница открыта для всѣхъ, церковь отперта день и ночь, нищіе разобраны, квартиры даются первому занимающему... Вотъ и все.

„Въ слѣдующей статьѣ я порадовался бы вмѣстѣ съ вами, выразилъ бы благодарность тѣмъ лицамъ, кои указали и исправили недостатки. Точно также я радъ всѣмъ тѣмъ прекраснымъ учрежденіямъ, о коихъ вы сообщили свѣдѣнія. Вы хотите добра, и я хочу добра; объ чемъ же намъ спорить. Ошибся я въ чемъ-нибудь, укажите мою ошибку и я повинюсь публично. Вы говорите, что память Борисова празднуется 1 мая, а не 13 апрѣля. Виноватъ. Мнѣ представилось 13 апрѣля, попотому что это—день кончины Бориса; а почему стоитъ 1 мая на гробницѣ, я не понимаю. Разсказъ о старухѣ вы считаете пустою сказкою, я на̀зываю ее трогательною легендою, въ которой слышится много чувства, теплоты, поэзіи, и отъ которой не ложится ни на кого ни малѣйшей тѣни: о вкусахъ не спорятъ.

„Богомольцамъ не приходило въ голову слушать лекціи въ Академіи, говорите вы, да я и не думалъ о богомольцахъ, а разумѣлъ слушателей другого рода, которые могутъ случайно зайдти въ классъ и принять въ себя доброе сѣмя.

„Надо спросить больныхъ о лекарствахъ, совѣтуете вы, да отъ имени больныхъ именно я и писалъ свою статью, въ которой вы могли прочесть стихи Пушкина.

„Теперь врачуемые стали часто повторять: врачу, исцѣлися самъ! и на весь міръ говорятъ о немощахъ своихъ

врачей, показываютъ ихъ язвы. Пусть такъ! Только бы это происходило отъ желанія здравія, а не для одного только поруганія. Оборони Боже, и какъ ни тяжело подобное подозрѣніе — я скрѣплю сердце, и въ отвѣтъ пожелаю вамъ отъ души, и всѣмъ моимъ судьямъ, здравія, и благоденствія, и во всемъ благаго поспѣшенія.

„Ахъ, мудрено, мудрено у насъ сохранить средину, и говорить такъ, чтобъ не подвергнуться кривымъ толкамъ! Но всякому данъ свой урокъ, — и не оборачивайся назадъ отъ плуга работающій" [246])!

Въ то же время Дмитрій Сумароковъ писалъ Погодину: „Профессоръ Русскій! Удостойте вниманія Русскаго человѣка. Прочиталъ ваши монастырскія замѣчанія. Не оспариваю. Это не мое дѣло. Но ежели столько вѣковъ христіане изъ отдаленныхъ краевъ идутъ толпами на поклоненіе Тріепостасному Богу—въ храмъ Св: Сергія! И столько вѣковъ миръ ихъ молитвъ совершается — въ благоговѣніи, всякому православному приходитъ мысль: вы становитесь посредникомъ между посѣтителями и обителью Св. Сергія — по дарованію ли вашему, по призванію ли вашему? Не наше дѣло. И нуженъ ли посредникъ свѣтскій въ подвигахъ духовныхъ? И можетъ ли истинный поклонникъ Святыни роптать на неудобства и есть ли эти неудобства? Все не наше дѣло. А какая мысль приходитъ неправославному? Не наше дѣло. Но какъ знаменитый профессоръ, которымъ гордится наше Отечество — въ правду ли, въ шутку ли говоритъ: что надобно по временамъ выносить—страшно сказать—мощи Св. Сергія выносить! Да камни возопіютъ" [247]).

Подъ 2 октября 1859 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Извѣстіе о жалобѣ Филарета. Пріунылъ".

LXXIII.

16 октября 1859 года, митрополитъ Филаретъ писалъ Антонію: „Прочитайте статью о мнимомъ чудѣ, и разсмотрите, все ли въ ней вѣрно, напримѣръ, что за молебны даютъ всегда *по совершеніи*, и всегда деньги. Если это не всегда такъ: то надобно сіе вычеркнуть изъ статьи. О происхожденіи ея не говорите; а разсудите, не надобно ли напечатать ее въ *Вѣдомостяхъ*. Если рѣшитесь, то можно подписаться подъ нею благочинный іеромонахъ Иларій, семьдесятъ пять лѣтъ проходящій разныя послушанія въ Лаврѣ. За симъ можно послать статью для напечатанья, или отъ него, или отъ Собора; а если понадобится, Соборъ можетъ представить мнѣ, чтобъ я требовалъ напечатанья. Говорятъ, что противъ статьи *Троицкая дорога*, въ *Русской* же *Газетѣ* пишетъ Масловъ: но будетъ ли хорошо сражаться онъ, котораго на Рыбинской набережной довольно сильно отразили"?— Въ другомъ своемъ письмѣ, митрополитъ Филаретъ писалъ: „Статью благочиннаго обѣщали напечатать въ *Русской Газетѣ*. Думаю послѣ напечатать и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Надобно бы еще писать противъ статьи о *Троицкой дорогѣ*. Возвращаю листы *Русской Газеты*, чтобы не завладѣть ими. Я досталъ себѣ другіе подпискою, на случай нужды" [248]).

Дѣйствительно, въ *Русской Газетѣ* появилась статья Лаврскаго благочиннаго Иларія, подъ заглавіемъ: *Остереженіе отъ разсказа о мнимомъ чудѣ*, въ которой читаемъ: „Въ *Русской Газетѣ*, въ статьѣ *Троицкая дорога*, разсказана, какъ выражается повѣствователь, *легенда*, *слышанная* имъ *у Троицы*. Для тѣхъ, которые читали и забыли, или и не читали, пересказываю напечатанное съ сокращеніемъ, но вѣрно: Лѣтъ пять тому назадъ, одна старуха подходитъ къ гробовому и проситъ отслужить молебенъ: денегъ у меня

нѣтъ, а вотъ холстикъ, говоритъ она, подавая ширинку. Нѣтъ, нельзя, говоритъ монахъ. — Поди прочь, закричалъ монахъ, и толкнулъ ее въ грудь. — На паперти подходитъ къ ней старичекъ, спрашиваетъ, о чемъ она плачетъ; покупаетъ у ней холстъ; даетъ ей серебряную монету; она бѣжитъ въ церковь и предлагаетъ гробовому деньги. Гробовой собирается служить и хочетъ отпереть раку. Рака не отпирается. Какъ ни вертитъ онъ ключемъ, и направо, и налѣво, — никакъ не поднимается крышка. Призванъ архимандритъ: точно также не могъ поднять крышки. Донесено владыкѣ, предъ которымъ іеромонахъ признался, что онъ толкнулъ съ сердцемъ старуху. Владыка пришелъ и служилъ молебенъ. Отслуживъ, подалъ ключъ старухѣ и велѣлъ ей отпереть раку. Старуха повернула ключъ и рака отперлась; подняли крышку; холстикъ лежалъ на мощахъ Св. Сергія. Здѣсь оканчивается разсказъ.

„Въ книгѣ праведнаго Товита написано: *Добро еже благословити Бога и возносити имя Его, словеса дѣлъ Божіихъ благочестно сказующе* *). Посему надлежало бы похвалить повѣствователя, если бы онъ сдѣлалъ извѣстнымъ истинное чудо, въ обличеніе согрѣшившаго, въ показаніе правды и милосердія Божія, въ наставленіе всякому читающему или слышащему. Но какъ добро истинныя и достовѣрныя словеса дѣлъ божіихъ благочестно сказывать: такъ недобро распространять въ народѣ неосновательный и ложный разсказъ о мнимомъ чудѣ. Ложный разсказъ, вѣроятный для легковѣрныхъ, большею частію носитъ на себѣ примѣтные для проницательныхъ признаки неправды, и ранѣе или позже обличается совершенно: и тогда люди, нетвердые въ вѣрѣ, увидя, что признанное ими за чудо оказалось не чудомъ, колеблются въ вѣрованіи истиннымъ чудесамъ, а это, безъ сомнѣнія, вредно. Въ разсказѣ, о которомъ теперь идетъ дѣло, содержится между прочимъ порицаніе іеромонаха, и,

---

*) XII, 6. *Н. Б.*

какъ это порицаніе безъимянное, то оно падаетъ на всѣхъ іеромонаховъ Лавры. И если разсказъ окажется ложнымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ окажется, что нанесено оскорбленіе невиннымъ, къ соблазну народа, принявшаго разсказъ за истину. Сіи мысли, кажется, могли бы придти на умъ повѣствователю, и побудить его, прежде разглашенія такъ названной имъ *легенды*, принять трудъ удостовѣриться, справедлива ли она. До Троицкой Лавры не далеко.

„Но какъ разсказъ безъ дознанія уже преданъ гласности, къ соблазну народа, то нравственный долгъ требуетъ воспользоваться тою же гласностію, дабы прекратить соблазнъ открытіемъ истины.

„И такъ, да будетъ извѣстно любящимъ истину, что ни за пять лѣтъ предъ симъ, ни позже, ни ранѣе, не было происшествія старухи съ холстикомъ и неотпирающейся раки святыхъ мощей Преподобнаго Сергія.

„Всѣмъ, которые бываютъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, извѣстно, что богомольцы даютъ что-нибудь за молебенъ *по совершеніи* онаго, и не прежде; и потому гробовому іеромонаху не было повода прежде молебна войдти въ распрю съ старухою за холстикъ.

„Извѣстно также, что за молебенъ даютъ что-нибудь деньгами, а отрѣзки холстины приносятъ, какъ даръ Преподобному Сергію.

„Нѣтъ причины гробовому іеромонаху, еслибы онъ и былъ корыстолюбивъ, ссориться за молебныя деньги, которыя не ему даются, а полагаются въ общую кружку; и изъ серебряной монеты, за которую будто бы ссорился іеромонахъ съ старухою, при раздѣлѣ на всю братію, ему достанется едвали сотая доля.

„Но кто не вѣритъ словамъ, тотъ пусть повѣритъ серебряной ракѣ святыхъ мощей. Пусть придетъ, посмотритъ и увидитъ, что у ней замка и ключа нѣтъ, а закрывается и открывается она просто.

„По благости Божіей, Преподобный Сергій и при своихъ

святыхъ мощахъ, и вдали отъ нихъ, нерѣдко являетъ благодатныя и благотворныя дѣйствія, такъ-что нѣкоторые приходятъ къ нему для того, чтобы благодарить его за благодѣянія, уже полученныя отъ него, прежде посѣщенія обители его. Иногда приходятъ оныя и въ общую извѣстность, чему примѣръ можно видѣть въ *Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отецъ*. А иногда остаются въ извѣстности только немногимъ, не потому, что наша схоластика и педантизмъ мѣшаетъ, а совсѣмъ по другимъ причинамъ. Такъ, въ книжицѣ: *Нѣкоторыя черты житія Преподобнаго Сергія послѣ смерти, о чудныхъ благодѣяніяхъ его, являемыхъ и въ наше время по благопотребности бѣдствующихъ и по вѣрѣ просящихъ*,—сказано, что оныя не всегда суть удобоглашаемы, касаясь лицъ еще живущихъ, и происшествій частной жизни, нерѣдко требующихъ покрова тайны.

„Уже по написаніи предыдущаго, пишущему приходитъ на мысль вопросъ: почему разсказъ о старухѣ съ холстикомъ названъ легендою,—вопросъ, кажется, требующій вниманія. Слово легенда—Латинское, и значитъ то, что должно читать. На западѣ, въ монастыряхъ, повѣствованія о житіи святыхъ и о страданіяхъ мучениковъ называли легендами, потому что ихъ читали въ церкви и при братской трапезѣ. Но какъ между такими повѣствованіями встрѣчались недостовѣрныя, то въ новѣйшія времена легендами стали называть повѣствованія недостовѣрныя и смѣшанныя съ вымыслами, или совсѣмъ вымышленныя. Не въ семъ ли послѣднемъ смыслѣ названо легендою повѣствованіе о старухѣ съ холстикомъ? И если такъ, то для чего оно разсказано? Неужели для того, чтобы въ простотѣ вѣрующихъ людей ввести въ заблужденіе, а на монаховъ безъ правды бросить порицаніе? Сію непріятную мысль отражаетъ лучшая мысль о характерѣ повѣствованія. Вѣрнѣе полагать должно, что онъ разсказалъ слышанное и принятое за истину; но напрасно не потрудился дознать, правду ли слышалъ“.

Подъ сею статьею подписался „Свято-Троицкія Сер-

гіевы Лавры благочинный и уставникъ соборный іеромонахъ Иларій".

Вмѣсто отвѣта на это *Остереженіе*, Погодинъ написалъ *Два слова о легендахъ*. Легендами, писалъ онъ, — „называются произведенія народной фантазіи. Ихъ не сочиняетъ никто, а сочиняются онѣ сами собою въ народѣ. Нѣтъ ни одного великаго человѣка, ни одного знаменитаго города, ни одного замѣчательнаго мѣста, о которомъ не ходило бъ множества разсказовъ. Въ легендахъ никто не искалъ правды, а ищутъ указаній, признаковъ народнаго духа, расположенія, настроенія, въ то или другое время. Есть легенды въ Западной Церкви, есть легенды въ Восточной Церкви—прочтите хоть Сказанія нашихъ паломниковъ. Къ земной жизни Іисуса Христа относятся легенды о жизни благоразумнаго разбойника, о вѣчномъ жидѣ, и проч. Въ разсказѣ о старушкѣ съ холстикомъ я видѣлъ ясно разныя несообразности, и оставилъ ихъ нарочно, чтобъ показать сказочное происхожденіе всей легенды, трогательной по своему сочиненію, и если моей воздушной старушки не толкалъ никто отъ гроба въ дѣйствительности, то напрасно толкаютъ ее теперь изъ ея піитической области, напрасно опасаются, чтобъ не нашелся ктонибудь повѣрить мнимому чуду, такъ безъ причины названному: нашъ вольнодумный вѣкъ, увы, мало вѣритъ и въ истинныя чудеса"!..

LXXIV.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію возраженія крестьянъ на статью Погодина о *Троицкой дорогѣ*, замѣтимъ, что онъ, гостя въ Кирѣевѣ (близъ Химокъ), у Ивана Ѳедоровича Мамонтова, нерѣдко посѣщалъ сосѣднее село Бусино. Впечатлѣнія свои отъ этихъ посѣщеній Погодинъ огласилъ печатно. „Ну вотъ, сказалъ я однажды десятскому,— писалъ онъ,—какое счастіе Бусину, мужики-то разбогатѣютъ". —Отчего же? спросилъ онъ. „Какъ отъ чего, работа у нихъ

подъ бокомъ (въ Кирѣевѣ) и съ такимъ вѣрнымъ расчетомъ, на наличныя деньги“.—Да, они у насъ не работаютъ. „Какъ не работаютъ, да кто же у васъ работаетъ“?—Изъ-далека: Рязанскіе, Можайскіе. „А они-то что“?—Они лѣнятся. „Познакомился въ другой разъ я съ священникомъ и нашелъ въ немъ человѣка очень порядочнаго, степеннаго, не безъ образованія.—Помилуйте, батюшка, отъ чего ваши мужики не работаютъ въ Кирѣевѣ?—Кто же ихъ заставитъ—вольные люди.—Нужда должна заставить.—Подъ городомъ они пробиваются какъ нибудь и большой нужды не чувствуютъ.—Почему же вы не подаете имъ совѣтовъ?—Не послушаются; да вотъ что я вамъ скажу: у насъ строится церковь, разные матеріалы надо возить, и я не могъ ихъ убѣдить, чтобъ они взялись привезти для своей церкви даже за плату.—Неужели нѣтъ у нихъ начальства?—Есть, да вдалекѣ, притомъ начальству нѣтъ дѣла до ихъ жизни; начальство собираетъ подати, да судитъ жалобы. И долго я ходилъ по полю, думая объ этомъ разговорѣ. Бусино—да вѣдь такъ живетъ и вся Россія: мужики платятъ подати, многочисленные ихъ начальники (которыхъ столько, замѣтилъ мнѣ кто-то, что и шапки надѣвать нельзя, потому что безпрестанно надо бъ снимать ее для поклоновъ), многочисленные начальники заботятся только о предотвращеніи безпорядковъ. Народъ остается безъ надзору, грубѣетъ, облѣнивается, дичаетъ въ кабакахъ и подъ ферулой земской полиціи. *Русская Бесѣда*, уважаемая мною весьма много, думаетъ, что надо народъ предоставить самому себѣ, что онъ придумаетъ самъ для себя лучше всѣхъ, что̀ ему нужно. Нѣтъ, это неправда, народъ недалеко уйдетъ предоставленный самому себѣ; много, много, если онъ достигнетъ какого нибудь матеріальнаго благосостоянія, выработаетъ себѣ порядочныя формы—не болѣе. Соблазны такъ называемой цивилизаціи помѣшаютъ ему остаться въ своей патріархальной чистотѣ, — и ему не останется никакой другой дороги, какъ по тѣмъ этапамъ, о которыхъ я говорилъ въ статьѣ о *Троицкой дорогѣ*: кабаки, харчевни, трактиры и

ресторацiи! Мы живемъ не въ то время, когда народъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ. Обстоятельства перемѣнились. Нѣтъ, ненадо воспитывать народъ такъ, какъ онъ воспитывался доселѣ, то есть, отрицательно, а надо непремѣнно его воспитывать и указывать ему прямую дорогу. Кто же можетъ воспитывать народъ? Духовенство, духовенство, которое должно быть само воспитано прежде. Я воротился мыслiю къ сельскому священнику: чего ему не достаетъ! Ему не достаетъ мысли, что первою обязанностiю священника должно быть нравственное совершенствованiе его прихожанъ; онъ думаетъ, что отслужить обѣдню, исполнить требы,—вотъ и все его назначенiе. Въ избу, собственно, Русскiй священникъ все еще не проникаетъ; крестьянина онъ презираетъ съ высоты своего ученiя, и говорить съ нимъ не умѣетъ, не можетъ ни наклониться къ нему, ни приподнять его къ себѣ; словомъ, онъ не проникнутъ идеею своего званiя, которое знаетъ онъ только въ общихъ мѣстахъ, а къ нимъ онъ прислушался и онѣ не оказываютъ на него никакого дѣйствiя: паства, овцы, козлища, пастырь, одесную, ошую, вотъ и все! Католическiй священникъ, на-оборотъ, стремится овладѣть совѣстью своего прихожанина и властвовать тамъ деспотически. Намъ слѣдовало бы найдти средину, но мы ее не ищемъ и сердимся, если постороннiй возмется объ ней намекать, не только указывать. Ну, вотъ, и имѣемъ утѣшенiе считать раскольниковъ миллiонами. Священнику нашему нужно— но это подробно описано въ одной рукописи, которую надо бъ у насъ напечатать золотыми буквами, а мы ее поносимъ *). Лишились, видно, ожесточенные люди человѣческихъ чувствованiй и любовь изсякла въ оскопленномъ сердцѣ! Возвращаемся къ Русскому крестьянину. Другое лицо, имѣющее къ нему отношенiе, есть становой. Карамзинъ сказалъ, что для сочиненiя народнаго катихизиса нуженъ генiй. Я скажу здѣсь, написать инструкцiи нашему становому, городничему, квар-

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб., 1891 г., XV, 111 и 130.

тальному,—потребна великая государственная мудрость, великая народная опытность, короткое знакомство съ общественными нуждами, живое сознаніе внутреннихъ нашихъ болѣзней, а больше всего, нужнѣе всего, горячее, любовное сердце. Никакою лентою оно не вознаградится. Инструкція! Проворный секретарь наваляетъ ее вамъ въ одинъ присѣстъ, да что толку-то въ ней? Любимою темою среднихъ годовъ моей жизни было уничтоженіе крѣпостнаго права. Крѣпостное право теперь уничтожается, и темою моихъ размышленій сдѣлалось воспитаніе народа. Вотъ почему принялся я за составленіе статьи о *Троицкой дорогѣ*, изъ накопившихся лоскутковъ, вотъ почему и здѣсь заговорилъ о воспитаніи духовенства" [249]).

Замѣчательно, что Бусинскіе грамотеи прочитали статью Погодина и оскорбились. Вотъ что, 28 ноября 1859 года, О. Ѳ. Кошелева писала Погодину: „Крестьяне Бусины (подлѣ Мамонтовской деревни) читали вашу *Троицкую дорогу* и собирается одинъ изъ нихъ міромъ вамъ отвѣчать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, на счетъ того, въ чемъ вы ихъ обвинили".

Въ Погодинскомъ Архивѣ сохранилось два письма (октября 28 и ноября 18-го 1859 г.), подписанныя: *Крестьянинъ*. Выше приведенныя строки О. Ѳ. Кошелевой даютъ намъ нѣкоторый поводъ предполагать, что это одинъ изъ крестьянъ села Бусино.

Теперь познакомимся съ содержаніемъ этихъ писемъ:

28 октября 1859 года: „Въ отвѣтахъ вашихъ С. А. Маслову, вы изволите жаловаться, что онъ въ статьѣ вашей *Троицкая дорога* не замѣтилъ главной мысли о необходимости, въ наше время, гласности. А я, покорнѣйшій вашъ слуга, не только это замѣтилъ, но и вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ реченной гласности. И поэтому смѣю надѣяться, что ваша милость, какъ ревнитель гласности, непремѣнно сдѣлаете гласнымъ и это мое посланіе. Самъ то, я человѣкъ маленькій, сударь. Притомъ же и малоучка, извитія словесъ не разумѣю; только по церковному маленько маракую. Въ отвѣтѣ вашемъ, напечатанномъ въ 41-мъ нумерѣ

Русской Газеты, вы изволили припомнить, что Степанъ Алексѣевичъ когда-то замѣтилъ, будто дьяконы послѣ *Господи, спаси благочестивые*, небрежно дѣлаютъ круговое движеніе рукою и произносятъ: *Нынѣ и присно* и во вѣки вѣковъ. Неужъ-то и вправду говорилъ этакъ Степанъ Алексѣевичъ? Можетъ ли, сударь, статься? Вѣдь онъ не изъ нашей братьи недоучекъ. Говорятъ, онъ изъ духовнаго рода. Признаться, не вѣрится, чтобъ С. А. Масловъ не зналъ Божественной службы, которую въ поповскомъ роду знаютъ наизусть даже ребятишки. Вѣдь діаконъ-то, дѣлая, по вашему, круговое движеніе рукою, говоритъ только: *И во вѣки вѣковъ*, а *нынѣ и присно* возглашаетъ напредь того священникъ. Ну какъ этого не знать! Съ ученаго Богъ вдвое взыщетъ.

„Дальше — раздѣляя съ Степаномъ Алексѣевичемъ справедливое негодованіе на знать, что она дозволяетъ себѣ шушукать въ храмѣ Божьемъ, во время Богослуженія, вы изволите говорить съ восклиновеніемъ: О, если бы я былъ *дьякономъ* (да дай Господи быть вамъ хоть *ереемъ*, или *енераломъ* высокимъ, только ладно ли я этакъ пишу-то?), какимъ громкимъ голосомъ, продолжаете вы, произнесъ бы я *молитву*: Оглашенніи изыдите, да никто отъ оглашенныхъ, *елицы* вѣрніи паки и паки *міромъ* Господу помолимся. Да что вы, батюшка!... Ужъ ли это молитва? Это, по нашему, обращеніе къ готовящимся креститься, сирѣчь, повелѣніе имъ выдти вонъ изъ церкви. Ну а *елицы*-то? Въ какомъ Славянскомъ словарѣ вашей пресловутой Вивліоѳики открыли вы такое словечко? А *міромъ*-то Господу помолимся—какъ прикажете понимать? Неужели, какъ разумѣлъ нашъ староста Наумъ Ѳедотычъ, что дескать это значитъ поклонъ отъ всего *міра*, понеже дескать у міра шея толста, такъ пусть же и гнется она дѳземи. Да вѣдь этакъ, сударь, воля ваша, будетъ вовсе не по ученому да и не по Божьему.

„Простите, батюшка Михаилъ Петровичъ, не погнѣвайтесь на нашу простоту—вы человѣкъ ученый, а я

Крестьянинъ".

Другое письмо крестьянина (18 ноября 1859 г.) адресовано: *Г. Редактору Русской Газеты*, и содержитъ въ себѣ слѣдующее: „Указанныя мною, положимъ, опечатки въ отвѣтѣ М. П. Погодина С. А. Маслову, напечатанномъ въ 42-мъ нумерѣ вашей газеты, вы изволили взять на свою отвѣтственность; доброе, сударь, дѣло: *больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя.* Только по нашему крестьянскому разуму, это пожертвованіе имѣетъ достоинство добродѣтели тогда, когда дѣлается ради правды.

„Господи, спаси благочести*вые*. Въ послѣднемъ словѣ, по вашему, типографская опечатка. Что мудренаго... Однакожъ, позвольте узнать, кто у васъ наборщикъ—ученый парень или неученый? Если ученый, то онъ не могъ поставить это слово неправильно; если же неученый, то скорѣе поставилъ бы: *благочестивыя*, какъ надо, или неправильно *благочестивыи*. Я нарокомъ просилъ произносить это слово и земляковъ моихъ, и Володимерцовъ, и Рязанцевъ, и Калужанъ, и мало ли еще кого; всѣ произносили: *благочестивыя*, или *благочестивыи*, но никто не выговаривалъ *благочестивые*. Окончанія *ые* и *іе* какъ-то не по натурѣ народу неученому. Съ чего же взялъ вашъ наборщикъ поставить такое окончаніе, если не видѣлъ его передъ очками? Чего же смотрѣлъ еще и коррѐктуръ? Бываютъ же, право, чудеса и въ типографіяхъ. По всей *Троицкой дорогѣ* типографія ваша катилась, какъ не надо лучше, а какъ докатилась до Богослуженія Православнаго, такъ и пошли у ней скакать блины да оладьи.

„Далѣе—навязанныя слова діакону: *Нынѣ и присно* вы хотите отвязать предполагаемымъ пропускомъ. За словомъ *произносятъ*, говорите вы, пропущено слово *послѣ*; послѣ *присно* надо поставить... (три точки)". Хорошо, сдѣлаемъ по вашему: выйдетъ дѣло въ такомъ видѣ: діаконы послѣ *Господи спаси благочестивыя* произносятъ *послѣ* нынѣ и присно... *и во вѣки вѣковъ*. Замѣчаете ли, сударь, чтò дѣлаетъ здѣсь насильственная вставка слова *послѣ* и трехъ точекъ?.. Неужь-то М. П. Погодинъ не могъ высказаться порядочнѣе?

Какъ вамъ угодно, а тутъ очень, очень видно, что *сама неправда себѣ*.

„Слово *молитва*, говорите вы, относится къ словамъ: *миромъ Господу помолимся*. Этимъ вы, очевидно, отстаиваете авторское дѣло. Хоть это и не ваша бы обязанность, а самого писателя статьи; однакожъ, отчего и безъ призванія не оказать доброй услуги? Только смотрите, добрая ли она? Изъ хода рѣчи М. П. Погодина всякій пойметъ, что слово *молитва* относится у него къ возглашенію діаконскому: *оглашенніи изыдите*... Но пусть будетъ и по вашему, пусть слово *молитва* относится собственно къ словамъ *миромъ Господу помолимся*. Что же? у мѣста ли здѣсь оно будетъ? Нѣтъ,— *миромъ Господу помолимся* не молитва, а только призываніе къ молитвѣ.

„По вашему это все мелочи, неотносящіяся къ сущности дѣла и нестоющія вниманія; позвольте же разсказать вамъ маленькую притчу. Когда, примѣромъ, хоть въ нашемъ быту, увидите вы крестьянина, у котораго одна нога обута, какъ слѣдуетъ, а другая разута, на плечахъ кафтанъ хоть и новенькій, но запачканный и разодранный, а опричь того и шлыкъ на сторонѣ, и волосы порастрепаны: все это, конечно мелочи, которыя къ сущности крестьянина, какъ человѣка, не относятся. Однакожъ, не вправѣ ли вы заключить по этимъ мелочамъ, что бѣдный мужичекъ совсѣмъ съ панталыку сбился?..

„Взаключеніе всего вы замѣчаете, что письмо мое къ М. П Погодину „дастъ примѣръ, какъ у насъ любятъ обращать вниманіе на мелочи". Нѣтъ, сударь; мое письмо не даетъ такого примѣра: вы это сами изволите видѣть. Оно только объясняетъ, какъ у насъ любятъ нѣкоторые, безъ благоговѣнія и безъ должнаго вниманія хвататься за святое дѣло, и какъ Господь за это ихъ наказываетъ. Мелочь ли это?.. Покорнѣйшій вашъ слуга *Крестьянинъ*" [250]).

LXXV.

Троицкая дорога Погодина обратила на себя общественное вниманіе, но и многихъ задѣла. Она задѣла также и друзей Погодина, учредителей Общества Московско-Ярославской желѣзной дороги.

Пока собиралась, писалась и печаталась статья о *Троицкой дорогѣ*, устроилось Общество Московско-Ярославской дороги. Въ газетахъ былъ напечатанъ его уставъ и имена учредителей.

Погодину вздумалось, въ примѣчаніи къ своей статьѣ о *Троицкой дорогѣ*, обратиться къ учредителямъ Общества съ слѣдующею рѣчью: „Честь вамъ и слава, милостивые государи, за то, что вы возъимѣли благую и полезную мысль; но почему же вы, вызывая желающихъ принять участіе въ вашемъ предпріятіи, не объяснили подробно всѣхъ тѣхъ соображеній и расчетовъ, которые васъ къ нему побудили, почему вы не сообщили всѣхъ предварительныхъ смѣтъ прихода и расхода, вами сдѣланныхъ, съ заключеніемъ о возможномъ барышѣ для акціонеровъ, которые тогда, видя весь ходъ дѣла, и имѣя возможность сколько-нибудь провѣрить ваши выводы, явились бы къ вамъ тѣмъ охотнѣе за акціями. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* помѣщена была очень дѣльная статья, заключающая нѣсколько данныхъ въ желаемомъ мною родѣ, но эта статья подписана частнымъ лицемъ, и потому не можетъ внушить столько довѣрія къ предпріятію. Мы все боимся какой-то отвѣтственности, все стараемся сложить съ больной головы да на здоровую, не только на службѣ, гдѣ уже это поведеніе дошло до нелѣпыхъ, чудовищныхъ размѣровъ, но даже и въ частныхъ своихъ дѣлахъ. Мы вездѣ, какъ будто бы, умываемъ себѣ руки, а все-таки грязь на нихъ остается, да уже и столько, что ея иногда и не отмоешь, развѣ кипяткомъ. Въ уставѣ я вижу опять туже ме-

тоду, которая, съ иностранныхъ образцовъ, господствуетъ у насъ во всѣхъ обществахъ, и вездѣ почти оказывается несостоятельною: собираются акціонеры, и выбирается правленіе. Правленіе есть лицо отвлеченное, а намъ нуженъ Иванъ, Григорій, Ѳедоръ, котораго бы мы могли публично отдать на позоръ общественнаго мнѣнія, или надѣть на него гражданскій вѣнокъ; съ правленія, вѣдь, всякая глупость и всякая гадость, какъ съ гуся вода. Дайте хозяина дѣлу, который бы принималъ его къ сердцу, заботился объ немъ день и ночь, не имѣлъ никакого другаго занятія и отвѣчалъ бы за него передъ обществомъ и публикою. Этотъ хозяинъ можетъ быть изъ учредителей, акціонеровъ, или даже изъ постороннихъ людей: назначьте ему большое жалованье, подвергните балотировкѣ, и потомъ спрашивайте съ него все, что угодно. Около него долженъ быть совѣтъ изъ избранныхъ, такъ называемыхъ, директоровъ, знатоковъ дѣла, по разнымъ его отраслямъ. У насъ дѣла ведутся все еще какъ-нибудь, и потому ни одно почти общество не имѣетъ полной довѣренности. Есть лица, которыхъ имена встрѣчаются въ управленіи нѣсколькихъ обществъ, да еще службою они заняты, какіе же это правители? Они могутъ быть совѣтниками — это такъ, но правитель всего дѣла можетъ и долженъ быть только одинъ человѣкъ, всецѣло ему преданный. Чтобы получить понятіе объ устройствѣ нашихъ обществъ, я взялъ нарочно десять акцій въ обществѣ Волжско-Донской дороги, и, прослушавъ отчетъ учредителей, хотѣлъ было сказать нѣсколько словъ объ избраніи директоровъ. Какъ бы вы думали—меня долго не допускали говорить, стараясь замять мою рѣчь. Повѣрятъ ли гдѣ нибудь въ Европѣ, чтобы въ публичномъ собраніи частнаго общества, которое собирается съ цѣлію слышать мнѣніе объ общемъ дѣлѣ, участнику заграждались уста? За свой грошъ вездѣ хорошъ;—нѣтъ, у насъ можно, видно, быть дурну! Если учредители опасались, чтобъ я не сказалъ чего-нибудь непозволительнаго, такъ, вѣдь, за слова мои отвѣчать стали бы не они, а я, не объ двухъ головахъ сущій?

Да что же можно было сказать здѣсь непозволительное? Ничего, вѣдь, и придумать нельзя. Каково пропитаны полицейскимъ духомъ любезные соотечественники, что даже въ своемъ собственномъ дѣлѣ, въ своемъ собственномъ домѣ, съ своими деньгами, имъ мерещутся все незваные подслухи, и они трусятъ тѣней, заикаются, мямлютъ и обманываютъ самихъ себя! Вѣроятно, господа учредители думали, что я предложу что-нибудь несогласное съ ихъ распоряженіями. Ну, да вѣдь акціонеры не обязаны думать такъ, какъ думаютъ учредители. Позволительно имѣть мнѣніе, даже неправильное, а ихъ дѣло, какъ людей опытныхъ и знающихъ, поправлять, вразумлять незнающихъ. Я просто хотѣлъ уже плюнуть и уйдти, но министръ Финансовъ пожелалъ услышать мое мнѣніе, и я прочелъ свою рѣчь объ избраніи директоровъ, послѣ того, какъ они были уже избраны. Учредители обратились ко мнѣ съ усердною благодарностію, и рѣчь моя была напечатана. Нарочно привожу этотъ случай въ предостереженіе новаго Московскаго Общества. Дѣло можетъ успѣвать тогда, какъ ведется искренно и гласно.

„Теперь скажу нѣсколько словъ о дорогѣ въ другихъ отношеніяхъ.

„Затѣвается Троицкая желѣзная дорога; всѣ имѣнія, верстъ на десять по ту и другую сторону, всѣ имѣнія, даже за Троицею, возвышаются въ цѣнѣ—казалось бы, что владѣльцы должны принять живое участіе въ раздачѣ акцій, въ производствѣ дѣла, обѣщающаго имъ всѣмъ значительныя выгоды; точно также Троицкіе жители, торговцы, самые монастыри, особенно Хотьковъ, который теперь посѣщается очень мало, а съ открытіемъ дороги, вѣрно, удесетеритъ свои доходы. Ни чуть не бывало, и не слыхать ни о какихъ сборищахъ, ни о какихъ совѣщаніяхъ. Не наше дѣло, говорятъ, вѣрно, они! А гдѣ бы лучше, приличнѣе, справедливѣе, содержать имъ свои капиталы, какъ не здѣсь

„О государственной пользѣ Троицкой дороги, проложенной,

напримѣръ, къ Волгѣ, во время голода, и проч., говорить здѣсь ненужно.

„Станцію Троицкую почему бы не соединить со станціею Петербургской дороги, чтобъ извлечь лишнюю пользу отъ строенія, и получить плату за наемъ, но такое соединеніе у насъ невообразимо: начнутся казенныя притѣсненія, споры, жалобы, протесты, и кончится дѣло тѣмъ, что нѣсколько вагоновъ сшибутся, нѣсколько человѣкъ переломаютъ себѣ руки и ноги, и оба вѣдомства скажутъ другъ другу: чортъ васъ возьми! Развѣ отправку и сборъ денегъ препоручить однимъ и тѣмъ же лицамъ, которыхъ содержаніе значительно бы улучшилось, а время, пропадающее теперь въ праздности, занялось“ [251]).

Эта рѣчь весьма оскорбила учредителей и вынудила ихъ написать и напечатать въ отвѣтъ цѣлую брошюру, подъ заглавіемъ: *Московско-Сергіевская желѣзная дорога*, которую они разсылали при *Московскихъ и С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.*

Въ отвѣтной брошюрѣ учредителей, мы между прочимъ читаемъ: „Погодинъ считаетъ, что наше объявленіе, о возможныхъ выгодахъ начинанія, дало бы болѣе ручательствъ для публики, а другіе, и большая часть, думаютъ совершенно иначе. Эта большая часть, прочтя наше объявленіе, скажетъ пословицами: *ржаная каша сама себя хвалитъ; хороша дочка Аннушка, когда хвалитъ мать да бабушка*! Увѣренность наша въ выгодности, а слѣдовательно непремѣнно и въ пользѣ предпріятія, доказывается не словами, а дѣломъ: положеннымъ нами залогомъ,—въ 202,500 р. с. Въ дѣлахъ акціонерныхъ, особенно при началѣ, непремѣнно нужна обдуманность въ порицаніи; здѣсь дѣло идетъ не о словахъ, а о близкой каждому его собственности. Погодинъ находится въ числѣ нашихъ акціонеровъ, и мы готовы воспользоваться всякимъ дѣльнымъ его указаніемъ, лишь бы оно не посягало на значеніе акціонера и на уменьшеніе акціонерныхъ правъ каждаго“.

Въ свою очередь, и Погодинъ не остался безъ отвѣта. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, онъ писалъ: „Извѣстенъ въ Русской Литературѣ разсказъ о *черненькихъ* и *бѣленькихъ*, переданный Щепкинымъ Гоголю, и помѣщенный имъ во второй части *Мертвыхъ Душъ*. Лажечниковъ недавно еще написалъ повѣсть этого содержанія: *Черненькіе, бѣленькіе и сѣренькіе*. На статью мою *Троицкая дорога*, могли разсердиться, и то по недоразумѣнію, какіе-нибудь *черненькіе*, но чтобъ поднялся на меня кто изъ *бѣленькихъ*, этого и вообразить я не могъ. А нашлись такіе, и какъ бы вы думали—кто? Учредители Троицкой желѣзной дороги. За что же? За то, что я сказалъ въ пользу ихъ предпріятія то, чего сами они сказать не осмѣлились. Надѣйтесь на людскую благодарность! Безъ шутокъ—учредители приняли на свой счетъ общее мое осужденіе нашей неискренности и робости во взаимныхъ отношеніяхъ, и написали, якобы въ свое оправданіе, большую статью, которая разсылается теперь при газетахъ.

Умыселъ другой тутъ былъ...

„Какой же? А вотъ какой: имъ было очень пріятно повторить для большей гласности слова мои о выгодахъ Троицкой дороги, имъ очень хотѣлось сообщить свѣдѣнія, мною потребованныя, чтобъ освѣжить въ публикѣ извѣстіе о своемъ предпріятіи, нѣсколько заглохшее, но имъ показалось неловко, неприлично, щекотливо, унизительно, сдѣлать это прямо, и они заблагоразсудили завернуть эти свѣдѣнія въ обвертку отвѣта на мой упрекъ: „Разувѣряйте же всѣхъ читателей",—говорятъ они,—„что авторъ не дѣлаетъ его намъ, а ставитъ его, послѣ обращенія къ намъ, такъ, мимоходомъ".

„Нѣтъ, мм. гг., Русскіе читатели хорошо уже знаютъ, что я говорю со всѣми безъ церемоній: это мой порокъ, если не добродѣтель. Еслибъ я хотѣлъ тогда упрекнуть именно учредителей, то сталъ бы мѣтить имъ не въ бровь, а въ глазъ. Вотъ теперь, пожалуй, я предложу именно имъ пословицу: *съ больной головы да на здоровую*, и скажу напрямки, что

они пишутъ собственно для себя, а даютъ видъ, что это дѣлается противъ меня. Ну, для чего же эта кукольная комедія?

„Я не сталъ бы отвѣчать имъ, и отнимать у себя часъ хоть и вечерній, но все-таки для меня дорогой, еслибъ не могъ придать своему отвѣту опять-таки общаго значенія.

„Русскіе люди! Да когда же вы убѣдитесь, что самая краткая дорога есть прямая, что окольными дорогами, особенно литературными, какъ разъ попадешь въ яму и переломишь себѣ либо руку, либо ногу. Рцы слово твердо: хотятъ имѣть свѣдѣній о нашемъ предпріятіи—извольте; хотятъ имѣть ихъ еще больше—пожалуйте въ нашу Контору, вотъ и все.

„Такъ было бы не только прямѣе, но и благовиднѣе, чѣмъ напрашиваться на распрю съ человѣкомъ, который одинъ признаетъ и горячо защищаетъ основанія предпріятія, и вмѣсто сердечнаго спасибо, подчивать его совѣтами, которые нужны для собственнаго дѣла.

„Учредители прибавляютъ еше, что мнѣ, видно, неизвѣстны законы, касающіеся до акціонерныхъ обществъ. Я думаю, что всѣ старыя постановленія должны соображаться съ новыми учрежденіями, а не новыя учрежденія зависѣть отъ старыхъ постановленій. Я завожу такое-то дѣло и, не справляясь съ *Сводомъ Законовъ*, представляю свой проектъ Правительству, прошу утвержденія на основаніи моихъ данныхъ, а это его уже обязанность разобрать, не противорѣчитъ ли мой проектъ его прежнимъ правиламъ, и въ какой степени оно должно ихъ измѣнить или дополнить. Если дѣлу нуженъ одинъ отвѣтственный директоръ, то кто можетъ навязать мнѣ ихъ пять, то-есть, надѣть мнѣ на ноги кандалы, а на шею колодку? Мѣшаетъ мнѣ то или другое правило, я и прошу его отмѣны.

„Вы предпочитаете коллегіальность; да коллегіальность прославляю я и самъ. Коллегіальность хороша для совѣта, а за исполненіе должно отвѣчать одно избранное довѣренное

лицо: иначе у семи нянекъ дитя останется безъ глазу, какъ оно и остается, кажется, во всѣхъ почти нашихъ акціонерныхъ обществахъ, Я увѣренъ, что всѣ наши акціонерныя общества придутъ къ этому началу: *Сельскій Хозяинъ* подалъ уже, кажется, примѣръ. Другія ему послѣдуютъ. Директоры у насъ большею частію куклы, sinecura, подставныя фигуры, которыми прикрываются лишь злоупотребленія тѣхъ или другихъ лицъ. Правленія въ С.-Петербургѣ, а дѣла на Волгѣ, на Дону, на Черномъ морѣ, на Кавказѣ. Вотъ и пошла писать между правленіями и конторами, бумага все терпитъ, и отчеты акціонерныхъ обществъ не уступятъ въ правдѣ или во лжи, какимъ — не скажу. Дѣло на Волгѣ, такъ и сидите директоры на Волгѣ; дѣло на Черномъ морѣ, такъ и живите въ Одессѣ, Керчи, Өеодосіи, а не прогуливайтесь по Невскому проспекту. Учредители, обращаясь ко мнѣ въ заключеніи, объявляютъ, что готовы воспользоваться всякимъ дѣльнымъ моимъ замѣчаніемъ. Еще бы! Да развѣ есть такіе отчаянные люди, которые откажутся гласно отъ дѣльныхъ замѣчаній, чьихъ бы ни было. Впрочемъ, они ограничиваютъ свой вызовъ: лишь бы оно не посягало на значеніе акціонера или на уменьшеніе акціонерныхъ правъ каждаго.

„Не безпокойтесь, мм. гг., посягать не буду на ваше право, и даже не явлюсь никогда для разсужденій въ ваши собранія, потому что о дѣлахъ этого рода я не имѣю никакого понятія и никакой охоты заниматься ими; предлагаю свои общіе совѣты только какъ посторонній и безпристрастный наблюдатель, и чтобъ заплатить вамъ добромъ за вашу фальшивую антикритику, послужу вамъ опять общимъ замѣчаніемъ о вашей статьѣ касательно ея цѣли.

„Свѣдѣнія, сообщенныя вами, прекрасны, разсчеты ваши отличаются вѣрностью и умѣренностью, но для Русскихъ читателей, для большинства, всего нужнѣе краткость и ясность. Вотъ какую страничку, хорошо, еслибъ пустилъ кто въ ходъ по всѣмъ журналамъ и газетамъ:

„Троицкая желѣзная дорога предпринимается такими-то лицами. Имена. Они извѣстны въ Москвѣ и Россіи своею честностію, дѣятельностью, способностями и капиталами. Къ пустому дѣлу они не приложатъ своихъ именъ.

„Они внесли отъ себя залогу слишкомъ 200 т. р. с., чѣмъ и доказывается осязательно увѣренность ихъ въ пользѣ предпріятія: такую сумму бросить въ окошко не осмѣлится никто. Сверхъ того, они употребили уже большой капиталъ для предварительныхъ работъ.

„Троицкая дорога, по всѣмъ соображеніямъ, разсчетамъ и и вѣроятностямъ (см. тамъ-то), должна приносить по 10 процентовъ.

„Троицкая дорога должна окончиться непремѣнно въ два года, и приносить уже эти проценты, между тѣмъ какъ другія подобныя предпріятія требуютъ несравненно болѣе времени.

„При нынѣшнихъ измѣнчивыхъ обстоятельствахъ всего выгоднѣе, кажется, положить деньги въ такое предпріятіе, которое за себя всегда своею, такъ сказать, натурою отвѣчать можетъ, нежели имѣть какія бы то ни было другія ассигнаціи.

„А въ теченіе двухъ лѣтъ, пока дорога строится, акціонеры получаютъ по 5 процентовъ.

„Злоупотребленій никакихъ быть не можетъ, потому что дѣло ведется подъ самою Москвою и всякое уклоненіе легко можетъ достаться на зубокъ гласности. Кромѣ того, учредителямъ нужно объяснить, что о гарантіи (порукѣ) они не хлопотали у Правительства потому только, что считали ее вовсе ненужною, при такой осязательности выгодъ.

„Касательно принятія акцій въ залогахъ также нужно бы объясниться.

„Вотъ, прочитавъ такую страничку, я увѣренъ, Русскіе люди и будутъ являться почаще въ вашу Контору, по пути изъ Опекунскаго Совѣта. Акціи Троицкія должны быть расхватаны предпочтительно передъ всѣми другими, и я думаю,

что задержка произошла, отъ недостатка въ обстоятельныхъ объявленіяхъ.

„Ну что, мм. гг., великодушенъ я или нѣтъ? Счастливы же вы, что попали на человѣка, который желаетъ искренно добра вашему, какъ и всякому другому, полезному дѣлу, и не обращаетъ вниманія ни на какія мелочи и ни на какія пошлости, а другой, на моемъ мѣстѣ, далъ бы вамъ знать за вашу мораль"!

Редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей*, печатая эту статью, счелъ нужнымъ поставить условіе, что „почтенный авторъ не возвратится болѣе къ тому же предмету, по крайней мѣрѣ въ его газетѣ" [252]).

LXXVI.

27 декабря 1859 года, въ церкви Саввы Освященнаго, что на Дѣвичьемъ-полѣ, происходило освященіе обновленнаго придѣла. Погодинъ, въ качествѣ прихожанина, присутствовалъ на этомъ церковномъ торжествѣ.

Послѣ священнодѣйствія, въ домѣ церковнаго старосты предложена была трапеза. Въ обычное время, Погодинъ обратился къ хозяину дома съ слѣдующею рѣчью: „У всякаго сословія въ государствѣ есть свое дѣло: духовенство молится, дворянство служитъ на войнѣ и въ мирѣ, крестьяне пашутъ землю и кормятъ народъ, купцы — это посредники, которые доставляютъ всякому то, чтò ему нужно. Но обязанности къ Богу у всѣхъ одинакія. Къ числу этихъ обязанностей принадлежитъ устройство и благолѣпіе храмовъ Божіихъ. Купечество Московское отличалось искони ревностію къ исполненію этой обязанности, и не ошибусь я, если скажу, что всѣ сорокъ сороковъ Московскихъ церквей обязаны своимъ устройствомъ Московскому купечеству. Честь ему и слава и благодарность народная за многочисленныя пожертвованія. Вотъ и нашъ бѣдный приходъ, считающій за собою не болѣе десяти дворовъ, на краю города, почти на выѣздѣ, благодаря

усердію своихъ старость, прежняго Нестора Андреевича Зернова (котораго, къ сожалѣнію, здѣсь не вижу), прослужившаго въ этомъ званіи двѣнадцать лѣтъ, и настоящаго, Семена Ерофеича Майкова, украсился такъ, что всякому сердцу благочестивому любо. Отъ имени всѣхъ прихожанъ, свидѣтельствую прилежному строителю и доброхотному дателю, а равно и всѣмъ его сотрудникамъ, глубочайшую нашу признательность. Тотъ, для кого потрудились они, воздастъ вѣрно имъ и ихъ дѣтямъ сторицею.

„Пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ добрымъ моимъ сосѣдямъ, съ коими живу двадцать пять лѣтъ въ мирѣ и тишинѣ, пріязни и дружбѣ, сказать нѣсколько словъ о прочихъ по мѣрѣ обязанностяхъ. Церковь наша со всѣми своими придѣлами устроена теперь великолѣпно: оклады въ иконахъ блистаютъ золотомъ, паникадила горятъ какъ жаръ, въ ризахъ парчевыхъ обиліе. Что же остается дѣлать намъ, или нашимъ дѣтямъ? Вѣра безъ дѣлъ, мертва есть, изрекъ Апостолъ. Напомню вамъ и назидательное слово, сказанное за обѣднею нашимъ почтеннымъ священникомъ.

„По моему мнѣнію, необходимо нуженъ для нашей, а равно и для всякой церкви въ Москвѣ, собственный домъ для помѣщенія всѣхъ священно-и-церковнослужителей, въ отклоненіе непріятностей, споровъ и жалобъ, возникающихъ безпрестанно при покупкѣ домовъ новыми ставленниками, и возмущающихъ ихъ душу при первомъ поступленіи на святыя мѣста.

„Трудно ли, напримѣръ, церкви, говоря даже о нашемъ приходѣ, купить домъ священника, и помѣстить тамъ весь причтъ, землю же подъ теперешними его домами продать ему въ частное владѣніе, что̀ пойдетъ на уплату покупки. Доходы церковные, сосредоточенные для этой нужды, въ нѣсколько лѣтъ дадутъ, вѣрно, возможность исполнить подобную мѣру. А можетъ быть найдутся по временамъ и жертвователи на такое истинно Богоугодное дѣло. Положимъ, что нынѣшніе прихожане, принесши значительныя жертвы, не могутъ поднять

на себя новаго бремени, но я поставляю это только на видъ нашимъ дѣтямъ и преемникамъ.

„Кромѣ причта, мы должны, кажется, въ исполненіе того же Апостольскаго слова, подумать и о меньшей братіи нашего прихода. Въ разныхъ Европейскихъ городахъ, и у насъ, въ Петербургѣ, есть нѣкоторыя благотворительныя общества, принимающія на себя обязанность помогать неимущимъ. Прекрасное, благородное занятіе,—но мы, въ Москвѣ, можемъ по приходамъ дѣлать это гораздо проще, удобнѣе и цѣлесообразнѣе: священники наши лучше всѣхъ знаютъ о состояніи и нуждахъ своихъ прихожанъ, и между тѣмъ во всякомъ приходѣ есть одинъ-другой человѣкъ богатый, одинъ-другой тороватый, одинъ-другой добрый, а умныхъ и не перечтешь: кто же нынче не уменъ? Во всякомъ почти приходѣ найдется лекарь, ученый, чиновникъ. Слѣдовательно, во всякомъ приходѣ есть люди, потребные для пособія и совѣта въ главныхъ случаяхъ человѣческой нужды, кои суть: болѣзнь, дряхлость, нищета, тяжба, недостатокъ въ работѣ, воспитаніе дѣтей.

„Не смѣя утруждать нашего добраго священника, считающаго себѣ уже осьмой десятокъ, мы попросимъ молодого ревностнаго дьякона составить, подъ его руководствомъ, полный списокъ прихожанъ, съ означеніемъ, кто въ чемъ и какую имѣетъ нужду.

„Этотъ списокъ мы прочтемъ вмѣстѣ, и дополнимъ свѣдѣніями, какія кто самъ имѣетъ. Потомъ попросимъ нашего квартальнаго надзирателя сообщить свои дополнительныя замѣчанія.

„Случится какой больной,—ну, я возьмусь похлопотать въ больницахъ у знакомаго доктора принять его для излеченія. Не захочетъ онъ лежать въ больницѣ, — дамъ ему записку къ Иноземцеву, Варвинскому, Гульковскому. Не достанетъ у кого работы,—Семенъ Ерофеичъ *) пріищетъ ему мѣстечко на

*) Майковъ.

фабрикѣ, или гг. Шушурины. Иныхъ мальчиковъ помѣстимъ къ мастерамъ въ ученье, другимъ доставимъ средства ходить въ училище. Снарядить понадобится невѣсту, вѣрно бумажный фабрикантъ, благодушный нашъ Гюбнеръ, не откажется отрѣзать ситчику, аршинъ десятокъ-другой, подаритъ платочекъ, а благодѣтельныя госпожи Медвѣдевы, старыя и молодыя хозяйки у Шушуриныхъ, вѣрно поспѣшатъ и салопчикъ устроить По судамъ найдутся также знакомые; а о книгахъ и толковать нечего: только спрашивайте, отпущу всякому первый сортъ, читай—не хочу.

„Наконецъ, случатся люди безпомощные, такъ неужели мы не можемъ содержать ихъ на общій нашъ счетъ? Въ случаѣ нужды, я готовъ предоставить флигелекъ у себя на такое употребленіе; можетъ быть, и при вашихъ домахъ найдется иногда свободная та или другая каморка.

„Первыя мысли о дѣятельности на пользу общую по приходамъ подала мнѣ еще въ третьемъ годѣ прекрасная статья И. Д. Бѣляева, помѣщенная въ *Русской Бесѣдѣ*, которую я тогда же и разсылалъ вамъ для прочтенія. Тогда же я хотѣлъ начать дѣйствовать, но доброе затѣвать видно тяжеле, чѣмъ худое; тогда же начались опасенія: что̀ скажетъ тотъ, что̀ подумаетъ этотъ? Не увидитъ ли онъ здѣсь какого замысла? Не разсердится ли другой онъ, зачѣмъ вступаются въ его вѣдомство?

„Пустыя опасенія, отъ которыхъ намъ надо отвыкать! Какъ будто бъ можетъ запретить кто дѣлать добро. Безъ всякихъ спросовъ, безъ всякихъ отчетовъ, мы будемъ собираться, хоть передъ всенощною въ церкви, да и перетолкуемъ всякій разъ между собою, что̀ сдѣлать нужно. Вотъ и вся не долга! Нынче мы дѣлаемъ, завтра можетъ быть намъ будетъ нельзя, мы не захотимъ; послѣ завтра примемся вновь, все только между собою, въ тишинѣ и безъ чиновъ, которые уже надоѣли и въ служебныхъ отношеніяхъ; куда еще ихъ для добраго дѣла!

„О, если бы Богъ помогъ устроиться намъ такимъ образомъ, для пособія меньшей братіи! Тогда настоящій нашъ Свѣтлый Праздникъ просвѣтился бы еще ярче! И можетъ быть, добрый примѣръ возбудилъ бы желаніе подражать намъ между сосѣдями! Я надѣюсь на Вражки, намъ сосѣдніе, и намъ близкіе Лужники.

„На нынѣшній разъ довольно, хотя мнѣ хотѣлось бы еще сказать вамъ нѣсколько словъ о нашемъ Дѣвичьемъ-полѣ, все еще дикомъ, съ оврагами и непроѣзжею дорогою, напримѣръ, въ настоящую минуту,—о нашемъ историческомъ гуляньѣ 28-го іюля, на которомъ народу и прилечь-отдохнуть негдѣ, кромѣ звѣриныхъ логовищъ,—о нашемъ сосѣднемъ монастырѣ, стоящемъ въ пустынѣ, какъ во время царя Василія Ивановича,—и наконецъ о Воробьевыхъ горахъ, которыя плѣшивѣютъ предъ нашими глазами, съ рощами неподсаженными со временъ Петра Великаго, и лишаютъ всю Москву прекраснаго вида—наконецъ о вашихъ фабрикахъ, на которыхъ не мѣшало бы учредить часокъ-другой по праздникамъ для назидательнаго чтенія охотниковъ изъ рабочихъ.

„Во всякомъ, случаѣ, примите, почтенный нашъ староста, и всѣ собранные здѣсь соприхожане, увѣреніе въ моей всегдашней готовности къ вашимъ, какимъ могу, услугамъ“ [253]).

Возвратясь домой, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ церкви. Былъ тронутъ и слезы навертывались на глазахъ, по поводу мысли о статьѣ. Усталъ. Обѣдъ у старосты церковнаго и рѣчь, и многолѣтіе. Вотъ нашъ образецъ вмѣсто народнаго гимна. Прочелъ вечеромъ дѣтямъ статью, и оказалась хороша. Писалъ списокъ нашихъ писателей. Вотъ она Литература, и ея уже не уничтожишь“.

Рѣчь свою Погодинъ отправилъ къ графинѣ А. Д. Блудовой, которая, прочитавъ ее, писала: „Благодарю за рѣчь. Она мнѣ тѣмъ больше по сердцу, что съ самой статьи Бѣляева эта мысль о *приходѣ* меня преслѣдовала; но здѣсь, по

огромности приходовъ, она невозможна къ осуществленію. Мнѣ особенно нравится въ вашемъ предложеніи то, что нѣтъ *формальностей*, ни собраній, ни комитетовъ.—Нѣтъ ничего похожаго на *филантропію*, а *филантропія* одна изъ самыхъ антипатичныхъ для меня добродѣтелей“ [254]).

КОНЕЦЪ КНИГИ ШЕСТНАДЦАТОЙ.

22 Октября 1901 г.
Село Гавровцы
близъ
Диканьки.

1) *Русская Беспда.* 1858. I, 1—2.— *Письма*, XXV.

2) *Письма м. М. Филарета къ Антонію.* М. 1884. IV, 71—72.

3) *Русская Старина.* 1898. Май, стр. 486—490.

4) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, IV, 73.

5) *Русскій Архивъ.* 1886. № 7, стр. 388, 375—377, 381—383, 386—388, 390; 1893, № 10, стр. 203, 207—208; 1878, № 7, стр. 386.

6) *Татищевъ*, стр. 541.—*Сельское Благоустройство.*—1858. № 7, стр. 260—261.

7) *Русскій Вѣстникъ*, 1858. XVIII. —*Современная Лѣтопись*, стр. 204—220, 280—307, 402—418.

8) Сообщеніе графа Пав. Серг. Шереметева. — *Московскія Вѣдомости.* 1858. № 128, 130.

9) *Письма*, XXV.

10) *Русскій Архивъ*, 1899. № 5, стр. 94.

11) *Письма м. М. Филарета къ Антонію.* IV, 138.

12) *Письма*, XXV.

13) *Русскій Архивъ.* 1890. № 4, стр. 501—525; 1902. № 1.

14) *Московскія Вѣдомости.* 1858. № 75.—*Татищевъ*, стр. 538.

15) *Письма*, XXV.

16) *Московскія Вѣдомости.* 1858. № 78, 79—80.

17) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, IV, 106.

18) *Московскія Вѣдомости.* 1858. № 99.

19) *Татищевъ*, стр. 538—539.

20) *Сочиненія Филарета м.* М. 1885. V, 464.

21) *Московскія Вѣдомости.* 1858. № 101.

22) *Татищевъ*, стр. 539.

23) *Московскія Вѣдомости.* 1858. № 103.

24) *Татищевъ*, стр. 539.

25) *Московскія Вѣдомости.* 1858. № 106.

26) *Татищевъ*, стр. 539.

27) *Сочиненія Филарета м. М.* 1885. V, 465—466.

28) *Письма м. М. Филарета къ Антонію.* IV, 110.

29) *Московскія Вѣдомости.* 1858. № 106.

30) *Письма м. М. Филарета къ Антонію.* IV, 110.

31) *Московскія Вѣдомости.* 1858. № 109.

32) *Татищевъ*, стр. 539 — 540. — *Письма*, XV; *Письма Филарета къ Антонію.* IV, 111.

33) *Московскія Вѣдомости.* 1858. № 109.

34) *Татищевъ*, стр. 540.

35) *Московскія Вѣдомости.* 1858. № 110.

36) *Татищевъ*, стр. 540.

37) *Московскія Вѣдомости*. 1858. № 111, 115.

38) *Русскій Архивъ*. 1899. № 5, стр. 102—105.

39) *Татищевъ*, стр. 540—541.

40) *Русскій Архивъ*. 1886. № 7, 377—380, 383—386.

41) *Русская Старина*. 1887, LIII, 447.

42) *Татищевъ*, стр. 541—542.

43) *Русскій Архивъ*. 1886. № 7, 377—380, 383—386.

44) *Русская Старина*. 1899. Январь, стр. 55—56.

45) *Татищевъ*, стр. 543.

46) *Русскій Архивъ*. 1896. № 11, стр. 331—332.

47) *Русская Газета*. 1859. № 28.

48) *Русская Старина*. 1898. Мартъ, стр. 486.

49) *Письма Филарета м. М. къ Высочайшимъ особамъ* и пр. Тверь. 1888. II. 76—77.

50) *Письма*, XXV.

51) *Письма М. м. Филарета къ Алексѣю епископу Тульскому*. М. 1883, стр. 193—194.

52) *Письма Филарета къ Антонію*. IV, 185—186, 197.

53) *Библіотека для Чтенія*. 1859. CLVII.—Совр. Р. Лѣтоп., стр. 6—10.

54) *С.-Петербургскія Вѣдомости*. 1859. №№ 5—6.

55) *Русскій Архивъ*. 1885. № 7, стр. 452.

56) *Письма* XXV.—*Утро*. 1859. М. 1859, стр. 197 — 210; *Письма* XXV.—*Русскій Вѣстникъ*. 1858. XIV, 29—64. —*Письма* XXV.—*Современникъ*. 1858. LXVIII. Совр. Обозр., стр. 127—128, 135—136. *Письма* XXV. *Сѣверная Пчела*. 1858. № 78.—*Современникъ*. 1858. LXVIII. Совр. Обозр., стр. 127—136.—*Сѣверная Пчела* 1858, № 78.—Де-Пуля, стр. 58, 68, 73, 79.—*Письма*, XXV.—*Записки и Дневникъ*. II. 161—162; *Письма* XXV.—*Рѣчи*. М. 1872, стр. 369—366.—*Отечеств. Записки*. 1859. Янв. Совр. Хр. Россіи, стр. 37—39.

57) *Записки и Дневникъ*. Спб. 1893, II, 82—83.

58) *Русскій Архивъ*. 1896. № 10, стр. 197. 1895. № 1, стр. 114. 1872, стр. 1197—1198. 1895. № 11, стр. 366—368.—*Русская Старина*. 1901. Апр., стр. 73.—*Письма* *М. П. Погодина, С. П. Шевырева, М. А. Максмовича къ князю П. А. Вяземскому*. Спб. 1901, стр. 171—172.—*Письма* XXV.

59) *Письма* XXV.

60) *Русскій Архивъ*. 1896. № 10, стр. 197.

61) *Письма*, XXV.

62) *Русскій Архивъ*. 1896. № 10, стр. 197.

63) *Письма*, XXV.

64) *Русскій Архивъ*. 1879. III, 351.—*Письма*, XXV.

65) *Русскій Вѣстникъ*. 1858. XIII, 656—659.

66) *Московскія Вѣдомости*. 1858. № 29.

67) *Русскій Вѣстникъ*. 1858. XIII, 659—660.

68) *Московскія Вѣдомости*. 1858. № 29.

69) *Современникъ*. 1858. LXVIII, Замѣтки Новаго Поэта, стр. 202—204.

70) *Русскій Вѣстникъ*. 1858. XIII. Совр. Лѣтоп., стр. 112—113.

71) *Московскія Вѣдомости*. 1858. № 22.

72) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878, стр. 563, 562.

73) *Воспоминаніе о студенческой жизни*. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. М. 1899, стр. 252—255.

74) *Письма*. XXV.

75) *Московскія Вѣдомости*. 1859. № 29—30.

76) *Русскій Инвалидъ*. 1859. № 71.

77) *Московскія Вѣдомости*. 1859. № 74.

78) *Письма*, XXV.

79) *Русскій Дневникъ*. 1859. №№ 6 и 7.—Погодинъ. *Древняя Русская Исторія*. М. 1871. I, 349.—*Тупиковъ*. М

1859. л. III, об.—*Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.* VII, 86—87; V, 10.—*Письма*, XXV.—*Русская Бесѣда.* 1859. V. Смѣсь, стр. 107—108. VI. Смѣсь, стр. 103—110.

80). *Атеней.* 1858. III, 607—621.

81) *Письма*, XXV.

82) *Русская Бесѣда.* 1858. IV. Науки, стр. 117—160.—*Письма*, XXV.

83) *Вѣстникъ Европы.* 1900. Сентябрь, стр. 305.

84) *Письма*, XXV.

85) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1887. XI, 284—286.

86) *Собраніе отдѣльныхъ статей и замѣтокъ.* М. 1861, стр. 650, 637, 636, 650—651, 647.

87) *Русскій Архивъ.* 1893. № 10, стр. 203; 1876. № 11, стр. 327—328.

88) *Собраніе отдѣльныхъ статей и замѣтокъ.* М. 1861, стр. 654.

89) *Письма*, XXV.

90) *Собраніе статей и замѣтокъ*, стр. 636—637.

91) *Русскій Архивъ.* 1893. № 10, стр. 204—205. 1879. № 11, стр. 296. III, 351—362.

92) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1887, XI, 287—291.

93) *С.-Петербургскія Вѣдомости.* 1858. № 152.

94) *Письма*, XXV.

95) *Русскій Архивъ.* 1899. № 5, стр. 101—102.

96) *Письма*, XXV.

97) *Русская Старина.* 1885. Мартъ, стр. 671—707.

98) *Русскій Архивъ.* 1865, стр. 815—816.

99) *Русскій Вѣстникъ.* 1858. XV, 610

100. Пономаревъ. *М. А. Максимовичъ.* М. 1872, стр. 66.

101) *Русскій Вѣстникъ.* 1858. XV, 610—611.

102) *Письма*, XXV.

103) *Русскій Вѣстникъ.* 1858. XV, 611.

104) *Жизнь и Труды П М. Строева.* Спб. 1878, стр. 598.

105) *Уставъ Общества Любителей Россійской Словесности.* М. 1860, стр. 29—30.

106) *Письма*, XXV.

107) *Сборникъ Сочиненій Н. П. Гилярова-Платонова.* Изданіе К. П. Побѣдоносцева. М. 1900. II, 308.

108) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 59.

109) *Сборникъ Сочиненій.* II, 306—307.

110) *Письма*, XXV.

111) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 84, 113.

112) *Русскій Архивъ.* 1899. № 6, стр. 271—272.

113) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 260.—*Русская Газета.* 1859. № 1. ноября.—*Московскія Вѣдомости.* 1859. № 261.

114) *Письма*, XXV.

115) *Письма*, XXV.

116) *С.-Петербургскія Вѣдомости.* 1857. № 245.

117) *Русская Бесѣда.* 1858. I. Смѣсь, стр. 213—219.

118) *С.-Петербургскія Вѣдомости.* 1858. № 72, 108.

119) *Письма*, XXV.

120) *Воспоминанія о С. П. Шевыревѣ*, стр. 29.

121) *Письма.* XXV.

122) *Россія наканунѣ Двадцатаго Столѣтія.* Берлинъ, 1900, стр. 19—21. —*Исторія Русской Словесности.* М. 1858. См. Предисловіе.

123) *Воспоминанія о С. П. Шевыревѣ*, стр. 29.

124) *Исторія Русской Словесности.* III. См. Предисловіе.

125) *Извѣстія И. Ак. Наукъ.* VII, л. 22—24, стр. 353—356.

126) *Библіогр. Записки.* 1859. № 4, стр. 122—124.

127) *Московское Обозрѣніе.* М. 1859. I. Современ. Литер., стр. 90—108.

128) *Атеней.* 1859. I, 1—35.

129) *С.-Петербургскія Вѣдомости.* 1859. № 63.

130) *Отечественныя Записки.* 1859. CXXII. Р. Литер., стр. 21—31.

131) *Современникъ.* 1859. LXIII. Р. Литер., стр. 249—25°.

132) *Русское Слово.* 1859. III—IV Библіографія, стр. 59—70.

133) *Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго.* М. 1861. II, 191—192.

134) *Письма.* XXV.

135) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева.* Спб. 1885. III, 471.

136) *Письма.* XXV.—*Старина и Новизна.* 1901. кн. IV.

137) *Письма.* XXV.—*Русскій Архивъ.* 1879. № 11, стр. 295—296.

138) *Московскія Вѣдомости.* 1858. №№ 93—97.

139) *Русскій Вѣстникъ.* 1858. XVIII. Совр. Лѣтоп., стр. 453—454.—*Письма м. М. Филарета къ Антонію* М. 1884. IV, 240, 253.

140) И. Григоровичъ. *Очерки Новѣйшей Исторіи.* Спб. 1896, стр. 286.

141) *Дневникъ.* 1859, подъ 7 — 9, 17—20, 22—28 февраля; 1—3, 20—22, 31 марта 1—4 апрѣля.

142) *Очерки Новѣйшей Исторіи.* стр. 286—288.

143) *Письма.* XXV.

144) *Записки и Дневникъ.* II. 148, 151, 155, 159.

145) *Письма.* XXV.

146) *Русская Бесѣда.* 1859. III, 101—126. IV, 13—20.

147) *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1887. XI, 321—323.

148) *Русская Бесѣда.* 1859. IV. стр. 20.

149) *Письма.* XXV.

150) *Очерки Новѣйшей Исторіи.* стр. 288.

151) *Записки и Дневникъ.* II, 161

152) *Письма.* XXV.

153) *Русская Бесѣда.* 1859. IV, стр. 20.

154) *Письма.* XXV.

155) *Русская Газета.* 1859. № 28.

156) *Письма.* XXV.

157) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 197.

158) *Парусъ.* 1859. № 1, стр. 2.

159) *И. С. Аксаковъ.* М. 1892. III, 346.

160) *Письма.* XXV.

161) *Парусъ.* 1859. № 1, стр. 1—2.

162) *Письма.* XXV.

163) *Парусъ.* 1859. № 2.

164) *Дневникъ.* 1859, подъ 14 января.

165) *Письма.* XXV.

166) *Записки и Дневникъ.* II, 125—127.

167) *Письма.* XXV.

168) *Колоколъ.* 1859. 15 іюня, № 45.

169) *Письма.* XXV.

170) *Дневникъ.* 1859, подъ 31 марта.

171) *Письма.* XXV.

172) *Сочиненія и переписка П. А. Плетнева.* Спб. 1888. III, 477.

173) *Письма.* XXV.

174) *Собраніе Сочиненій К. Д. Кавелина.* Спб. 1898. II, XIV—XV.

175) *Письма.* XXV.

176) *Собраніе Сочиненій К. Д. Кавелина.* II, XV.

177) *Записки и Дневникъ.* II, 137—139, 143.

178) *Письма.* XXV.

179) *Сочиненіе и переписка П. А. Плетнева.* Спб. 1885. III, 475.

180) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1887. XI, 292—294.

181) *Собраніе Сочиненій К. Д. Кавелина.* II, XV—XVI.

182) *Письма. М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича къ князю П. А. Вяземскому.* Спб. 1901, стр. 65.—*Письма* XXV.

183) *Русская Старина.* 1891. Авг., стр. 267, 269.

184) *Отечественныя Записки,* 1859. CXXII. Русск. Литер., стр. 116—123.

185) *Дневникъ.* 1859 г., подъ 26 января и 23 февраля.

186) *Библіотека для Чтенія.* 1859. 150. Литер. Лѣтоп., стр. 15—18.

187) *Московское Обозрѣніе.* 1859. II. Библіограф. указатель, стр. 1—2.

188) *Русское Слово.* 1859. Февр. Библіогр., стр. 116—149.

189) *Письма.* XXV.

190) *П. В. Анненковъ и его друзья.* Спб. 1892, стр. 573.—*Письма.* XXV.

191) *Русское Слово.* 1859. Авг. Библіограф., стр. 41—54.

192) *П. В. Анненковъ и его друзья,* стр. 573.

193) *Письма* XXV. — Сочиненія *А. С. Хомякова.* М. 1890. VIII, 279, 380—381. — *Русская Старина.* 1891. Октябрь, стр. 146.

194) *Сочиненія А. С. Хомякова.* VIII, 386, 383—384.—*Русскій Архивъ.* 1886. II, 301—302.

195) *Письма.* XXV.

196) *Записка и Дневникъ.* II, 124.

197) *Письма.* XXV.

198 *Сочиненія и переписка П. А. Плетнева.* Спб. 1885. III, 473.

199) Острогорскій. *С. Т. Аксаковъ.* Спб. 1891, стр. 117.

200) *Письма.* XXV.

201) *Русскій Вѣстникъ.* 1859, XX. Совр. Лѣтоп., 336—341.

202) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 112.

203) *Письма.* XXV.

204) *И. С. Аксаковъ.* М. 1892. III, 347.

205) *Письма.* XXV.

206) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу.* М. 1894, стр. 147—148.

207) *Письма.* XXV.

208) *И. С. Аксаковъ.* III, 347—348.

209) *Письма.* XXV.

210) *Русская Газета.* 1859. № 40.

211) *Письма.* XXV.

212) *Дневникъ.* 1859, подъ 26 апр.

213) *Сочиненія и переписка П. А. Плетнева.* III, 473.

214) *Обзоръ Исторіи Славянскихъ Литературъ.* Спб. 1865, стр. 356—360.

215) *Письма.* XXV—XXVI.

216) Савва. *Хроника моей жизни.* Св. Тр. Сергіевск. Лавра. 1899. II, 471—472.

217) *Письма* XXV. *Сочиненія А. С. Хомякова.* М. 1900. VIII, 330.

218) *Сочиненія А. С. Хомякова.* М. 1900. I, 371—408.

219) *Письма.* XXV.

220) *Русская Газета.* 1859. № 42, и пр.

221) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 43.

222) *Письма.* XXV.

223) *Отечественныя Записки.* 1859. CXXVII. Русск. Литер., стр. 102—111.

224) *Письма.* XXV.

225) *Архивъ* Н. Калачова. Спб. 1860. V. Крит., стр. 1—17.

226) *Письма.* XXV.

227) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета м. М.* М. 1886. IV, 395—397.

228) *Русская Бесѣда* 1859. V, стр. 104—105.

229) *Письма.* XXV.

230) *Русская Газета.* 1859. № 38.

231) *Письма.* XXV.

232) *С.-Петербургскія Вѣдомости.* 1859. № 230.

233) *Московскія Вѣдомости,* 1859. №№ 285, 288, 291.

234) *Письма.* XXV.

235) *Русская Газета.* 1859. № 40. *Письма* XXVI. Записки и *Дневникъ,* III, 110—111. *Русскій Архивъ* 1896. № 6, стр. 296—301.

236) *Собраніе Сочиненій М. А. Максимовича.* Кіевъ. 1876. I, 395—400.

237) *Московское Обозрѣніе.* М. 1859. II, Библіогр. Указат., стр. 32.

238) *Русское Слово.* 1859. Декабрь, стр. VII.

239) *Письма.* XXV.

240) *Русская Старина.* 1891. Октябрь, стр. 141.

241) *С.-Петербургскія Вѣдомости.* 1859. № 247.

242) *Русская Газета.* 1859. № 37.

243) *Письма.* XXV.

244) *Русская Газета.* 1859. № 38—39.

245) *Письма.* XXV.

246) *Русская Газета.* 1859. № 41, 42, 40.

247) *Письма.* XXV.

248) *Письма м. М. Филарета къ Антонію.* М. 1884. IV, 197—198, 201—202.

249) *Русская Газета.* 1859. № 43. I, 40.

250) *Письма.* XXV.

251) *Русская Газета.* 1859. № 38.

252) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 293.

253) *Рѣчи.* М. 1872, стр. 367—371.

254) *Письма.* XXVI.

